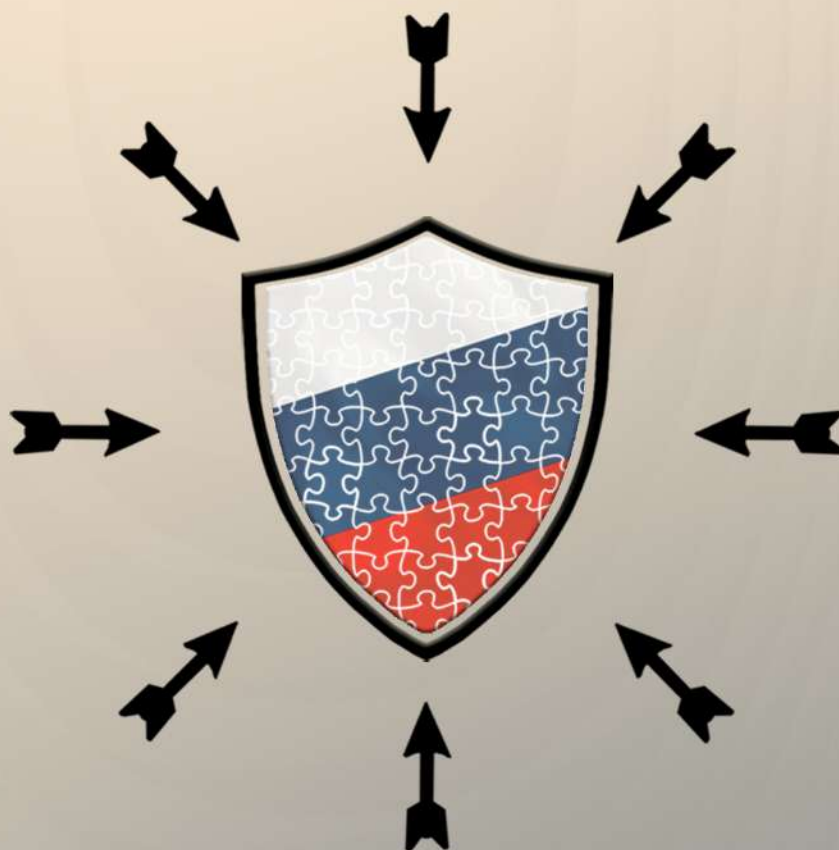

КОНСОЛИДИРУЮЩИЙ ПОТЕНЦИАЛ

РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА
В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ
ВЫЗОВОВ

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЦЕНТР РАН
АДЫГЕЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
СОВЕТ РЕКТОРОВ ЮГА РОССИИ
ИНСТИТУТ СОЦИОЛОГИИ И РЕГИОНОВЕДЕНИЯ ЮЖНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА
ЮЖНО-РОССИЙСКИЙ ФИЛИАЛ ФНИСЦ РАН

ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

***КОНСОЛИДИРУЮЩИЙ ПОТЕНЦИАЛ
РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА
В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ***

13-14 марта 2023 года

Город Майкоп

УДК

ББК

К

Редакционная коллегия:

Хунагов Р.Д. (отв. ред.), Жаде З.А., Ляушева С.А.,
Мельгош М.А. (тех. ред.), Оспищева Л.А. (тех. ред.)

К __ Консолидирующий потенциал российского общества в условиях современных вызовов [Электронный ресурс]: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Майкоп, 13-14 марта 2023 г.) / Отв. ред. Хунагов Р.Д. - Майкоп: ЭЛИТ, 2020. – Электрон. дан. (3,8 Мб). Сист. требования: Adobe Reader; экран 10'.

Издание представляет собой сборник материалов конференции "Консолидирующий потенциал российского общества в условиях современных вызовов", прошедшей 13-14 марта 2023 года в Адыгейском государственном университете. В конференции приняли участие российские ученые из различных регионов нашей страны – известные специалисты в области социальной философии, социологии, политологии и истории. Междисциплинарный ракурс рассмотрения заявленной темы в значительной мере обогащает современное социогуманитарное знание.

Адресован философам, социологам, политологам, преподавателям и студентам вузов, а также всем интересующимся современными проблемами развития общества.

Редакционная коллегия за содержание научных докладов ответственности не несет. Статьи печатаются в авторской редакции.

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ 1. СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ В СТРУКТУРЕ ОТВЕТОВ НА ВЫЗОВЫ ТОТАЛЬНОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ПОДХОДЫ	
Барсукова Т.И. <i>КОНВЕНЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД К ДЕВИАНТНОМУ ПОВЕДЕНИЮ МОЛОДЕЖИ В ОБЩЕСТВЕ ПОТРЕБЛЕНИЯ</i>	
Верещагина А.В. <i>КОНСОЛИДИРУЮЩИЙ ПОТЕНЦИАЛ СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ В ПОЛИЭТНИЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЮГА РОССИИ.....</i>	
Гучетль З.Х. <i>ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ТОЛЕРАНТНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ (НА МАТЕРИАЛЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В РЕСПУБЛИКЕ АДЫГЕЯ)</i>	
Ешев М.А., Марков П.Н. <i>ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ КАК ФАКТОР КОНСОЛИДАЦИИ СОЦИУМА</i>	
Звонок А.А. <i>ВЛИЯНИЕ РАЗВИТИЯ НЕЙРОСЕТЕВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА ОБЛАСТЬ СОЦИОГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ</i>	
Колесникова Е.Ю. <i>ТРИ МИССИИ КЛАССИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА: ИСПЫТАНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИЕЙ</i>	
Кольба А.И. <i>КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ГОРОДСКИХ КОНФЛИКТОВ</i>	
Кубякин Е.О., Кочкин А.А. <i>ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВОВЛЕЧЕННОСТИ В КОНЦЕПЦИИ ЭРВИНА ГОФФМАНА: МИКРОСОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К СПЕЦИФИКЕ КОНСОЛИДАЦИИ ОБЩЕСТВА</i>	
Лобовикова Е.А. <i>СОЦИАЛЬНАЯ РЕКЛАМА КАК СОЦИАЛЬНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ</i>	
Ляушева С.А. <i>ТРАНСФОРМАЦИИ РЕЛИГИОЗНОГО СОЗНАНИЯ В СИТУАЦИИ ДУХОВНОГО КРИЗИСА: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ</i>	
Магомедов М.Г., Чантурия К.П. <i>ПРОБЛЕМАТИКА СОЦИАЛЬНОЙ СПЛОЧЕННОСТИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ</i>	
Масеев С.В. <i>ОСОБЕННОСТИ И ТЕНДЕНЦИИ ИЗМЕНЕНИЙ РОССИЙСКОЙ ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ</i>	

Снежко Г.Е. <i>ТЕМПОРАЛЬНЫЕ МОДУСЫ КРИЗИСНОГО СОЗНАНИЯ</i>	
Третьякова Е.Ю. <i>КЛАССИКА ОТЕЧЕСТВЕННОГО ИСКУССТВА – АКТУАЛЬНЫЙ РЕСУРС ВЗАИМОПОНИМАНИЯ НАРОДОВ</i>	
Удычак Ф.Н. <i>ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НАУКИ И ОБЩЕСТВА</i>	
Чернобровкина Н.И. <i>СТРАТЕГИИ ГРАЖДАНСКОЙ КОНСОЛИДАЦИИ ЭТНИЧЕСКИХ ОБЩНОСТЕЙ НА ЮГЕ РОССИИ</i>	
Шадже А.М., Дзыбова С.Г. <i>РОЛЬ ГОСУДАРСТВА И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В КОНСОЛИДАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ ВНЕШНИХ ВЫЗОВОВ</i>	
РАЗДЕЛ 2. МНОГОУРОВНЕВАЯ И МНОГОСОСТАВНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: НОВАЯ ПОВЕСТКА ДНЯ	

Гуцалов А.А. ПРОБЛЕМЫ ПОСТРОЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СТРАНАХ ПОСТСОВЕТСКОГО МИРА (НА ПРИМЕРЕ ОПЫТА КАЗАХСТАНА)	
Демонова Я.О. ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ ЗАНЯТОСТИ ВЫПУСКНИКОВ ВУЗОВ В КОНТЕКСТЕ ПРОЦЕССОВ ПРЕКАРИАТИЗАЦИИ.....	
Зорин А.Л. ГРАЖДАНСКАЯ И ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТИ В РАКУРСЕ КОНСОЛИДАЦИИ РОССИЙСКОГО СОЦИУМА.....	
Ильинова Н.А. РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ НЕСТАБИЛЬНОСТИ: ЭКСПЕРТНОЕ МНЕНИЕ	
Ляушева С.А., Шаповаленко А.Н., Кирич Д.А., Мельгош М.А. ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ В РЕСПУБЛИКЕ АДЫГЕЯ.....	
Малышева Е.М. ОСНОВЫ ОБЩЕРОССИЙСКОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СТРАТЕГИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТАХ РФ.....	
Рожков А.Ю., Студеникина Е.С., Донцова М.В., Рунаев Т.А. ГРАЖДАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ: РЕСУРСЫ И ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ.....	
Усова Л.В. ИНКЛЮЗИВНОЕ ВОЛОНТЕРСТВО КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ИНКЛЮЗИВНОЙ КУЛЬТУРЫ.....	
Утямышев И.Р. СИНЕРГИЯ КОМПОНЕНТОВ ИДЕНТИЧНОСТИ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ	
Чеботарева И.Ю. СОЦИАЛЬНАЯ СПЛОЧЕННОСТЬ КАК ПРИОРИТЕТНАЯ КОНЦЕПЦИЯ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА.....	
Шадже А.Ю. ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО В УСЛОВИЯХ НОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ: ПРОФЕССИОНАЛИЗМ VS ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ.....	
РАЗДЕЛ 3. СОВРЕМЕННЫЕ ПРАКТИКИ КОНСОЛИДАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ НОВОГО МИРОПОРЯДКА	

Гайдарева И.Н. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ И ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РФ.....	
Городецкая Е.С., Чигрина Е.В. ГРАЖДАНСКИЙ ПАТРИОТИЗМ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ).....	
Денисова Г.С. СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ ЮГА РОССИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ДОСТИЖЕНИЯ.....	
Жаде З.А. РОЛЬ ПЕРСОНАЛИСТСКИХ ИДЕНТИФИКАТОРОВ В КОНСОЛИДАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОГО СООБЩЕСТВА.....	
Захарова В.А. ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ В СФЕРЕ ПОТРЕБЛЕНИЯ: ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ.....	
Имгрунт С.И., Чирков Ф.В. ЦИФРОВИЗАЦИЯ РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ.....	
Каспаров А.Р. ПРАКТИКИ УРЕГУЛИРОВАНИЯ ЭТНОСОЦИАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ В СИТУАЦИИ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ.....	
Коженко Я.В., Лихолетова Н.В., Зинченко Я.И. НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ КАК ОСНОВА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ.....	
Кускарова О.А. МОЛОДЕЖЬ КАК СТРАТЕГИЧЕСКИЙ РЕСУРС В ГОСУДАРСТВЕННОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ ТРАНСФОРМИРУЮЩЕЙСЯ РОССИИ.....	
Мамишева З.А. ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ ЭКОНОМИКОЙ.....	
Матвеева Е.В., Митин А.А., Алагоз А.В. СЕТЕВЫЕ КОММУНИКАЦИОННЫЕ СТРАТЕГИИ ПОЛИТИКОВ В СЕТИ «ВКОНТАКТЕ» КАК МЕХАНИЗМ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТИ РЕГИОНА.....	
Мирошниченко И.В., Федоренко К.А. КОНСОЛИДИРУЮЩИЙ ПОТЕНЦИАЛ МОЛОДЕЖНОГО ЛИДЕРСТВА В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ.....	

Пилипенко А.Э. ДОБРОВОЛЬЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ЭФФЕКТИВНАЯ КОНСОЛИДИРУЮЩАЯСЯ ПРАКТИКА СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ (НА ПРИМЕРЕ РЕГИОНАЛЬНОГО ШТАБА РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ «МЫ ВМЕСТЕ»).....	
Рунаев Т.А. ПАТРИОТИЗМ КАК КОЛЛЕКТИВНОЕ СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ДЕЙСТВИЕ МОЛОДЕЖНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ.....	
Савина С.В. ИНТЕГРАЦИЯ РОССИЙСКИХ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В УСЛОВИЯХ РОСТА УГРОЗ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ.....	
Тхаркахо М.М. ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПАТРИОТИЗМА МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ.....	
Узунов В.В. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МОЛОДЕЖНЫХ ВОЛОНТЕРСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В КРЫМУ КАК ФАКТОР КОНСОЛИДАЦИИ ОБЩЕСТВА (АНАЛИЗ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ 2020-2021 гг.).....	
Чагин В.С. СУИЦИДАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ПОДРОСТКОВ: ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА.....	
Черникова Г.В. МУНИЦИПАЛЬНЫЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ПАЛАТЫ: ДИАЛОГ С ВЛАСТЬЮ И НАСЕЛЕНИЕМ (НА ПРИМЕРЕ ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ).....	
Шефель С.В. ПАТРИОТИЧЕСКИЙ СМЫСЛ ЭКОПРАВОВОГО ВОСПИТАНИЯ В СИТУАЦИИ РОСТА УГРОЗ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ.....	
РАЗДЕЛ 4. МОЛОДЫЕ ГОЛОСА В НАУКЕ	
Алкесов Р. ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ ЮГА РОССИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОПРОСА).....	
Аутлев А.А. ЦИФРОВИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ЦЕННОСТЬ: РИСКИ И РЕСУРСЫ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОСТИ	
Березнев А.В. СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМЫ СКУЛШУТИНГА.....	
Васильева Д.А. ПОЛИТИЧЕСКИЙ БЛОГИНГ КАК ПЛАТФОРМА ДЛЯ ДИАЛОГА: ПРИНЦИПЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ.....	
Гаврилов П.С. ИНОСТРАННЫЕ СТУДЕНТЫ В РОССИЙСКИХ ВУЗАХ (ПО МАТЕРИАЛАМ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ).....	

Гандалоева М. ЭЛЕКТРОННОЕ ГОЛОСОВАНИЕ В ИЗБИРАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ: ВОЗМОЖНОСТИ И РИСКИ.....	
Гвашева Б.З. ПОТЕНЦИАЛ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ В КОНСОЛИДАЦИИ РОССИЯН: РЕГИОНАЛЬНАЯ ПРОЕКЦИЯ.....	
Герасимов А.В. ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ ПОСТМОДЕРНА: ПРОБЛЕМЫ И ВЫЗОВЫ.....	
Гринченко Е.А. ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ РАЗВИТИЯ ПРОЦЕССОВ РЕГИОНАЛИЗАЦИИ НА ТЕРРИТОРИИ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА.....	
Денищенко М.Е. ДИАЛОГ ПОКОЛЕНИЙ В УСЛОВИЯХ РОССИЙСКИХ РЕАЛИЙ: ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ.....	
Дуйшоев Э.К. ЕВРАЗИЙСКИЙ ПРОЕКТ КАК ЛОГИКА СУВЕРЕНИТЕТА И БЕЗОПАСНОСТИ.....	
Залевская А. ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ СУБЪЕКТНОСТЬ В ПОЛЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ПРАКТИК.....	
Исмагуллаев А.Х. РОЛЬ ФАКТОРА GAP YEAR В ТРУДОУСТРОЙСТВЕ МОЛОДЕЖИ.....	
Капанян Н.Н. ГЕРОИ КУЛЬТУРЫ В СОЗНАНИИ СОВРЕМЕННОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В КОНТЕКСТЕ МУЛЬТИПЛИКАЦИОННОЙ ПРОДУКЦИИ.....	
Колевайко Ю.А. ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ РЕБЕНКА.....	
Киева Э.М. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ФАКТОРЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СЛУЖБ СПАСЕНИЯ	
Кузьменко Н.П., Колозов Д.П. РОЛЬ ПОЛИТИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ПРОЦЕССАХ КОНСОЛИДАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА.....	
Орфанди Э.В. ВОЗМОЖНОСТИ КОНСОЛИДАЦИИ ГОРОДСКИХ СООБЩЕСТВ В РАМКАХ ОБЩЕСТВЕННЫХ СТРУКТУР ПРИ ОРГАНАХ ВЛАСТИ	
Пачин А.В. ВЗАИМОСВЯЗЬ МОТИВАЦИИ ДОСТИЖЕНИЯ С КОМПОНЕНТАМИ САМООТНОШЕНИЯ У СТУДЕНТОВ.....	

Петрова Л.О. ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА НАРОДОВ АДЫГЕИ: СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВАНИЯ.....	
Планидин Е.С. ОСОБЕННОСТИ СПОРТИВНО-ОЗДОРОВИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ	
Петросян Д.С. ОСОБЕННОСТИ ВИРТУАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ КАК ПЛАТФОРМЫ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ.....	
Полякова Е.А. РИСКИ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ УГРОЗЫ ЭПОХИ ЦИФРОВИЗАЦИИ.....	
Попов Е.С. СИСТЕМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ АКАДЕМИЗМА ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ В РЕГИОНАХ РОССИИ.....	
Репин Д.В. СТРУКТУРЫ МОТИВАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ МОСКОВСКОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ.....	
Розова Д.А., Хромых К.С. ГРАЖДАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ СТУДЕНТОВ И ФАКТОРЫ ЕЕ ФОРМИРОВАНИЯ.....	
Сидоров Ю.И. ГРАЖДАНСКАЯ АКТИВНОСТЬ ГОРОДСКИХ ЖИТЕЛЕЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ.....	
Сотников Е.К. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ТРЕНДОВ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ И ДРУГИХ СТРАНАХ юю.....	
Тер-Вартанян Я.Г. АКЦИЯ «БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК» КАК ФОРМА ПРОЯВЛЕНИЯ ПАТРИОТИЗМА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ.....	
Терешкина Т.А. КРЕАТИВНЫЕ ИНДУСТРИИ КАК ОДИН ИЗ ВЕКТОРОВ КОНСОЛИДАЦИИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА.....	
Тимченко В.А. НЕДООЦЕНЕННАЯ РОЛЬ ИДЕОЛОГИИ И «МЯГКОЙ СИЛЫ».....	
Тутин С.М. РАЗВИТИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ СРЕДИ СТУДЕНТОВ В КОНТЕКСТЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ.....	
Уджуху Д.М. ЧТЕНИЕ КАК БАЗОВЫЙ КОМПОНЕНТ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ МАТЕРИАЛОВ PIRLS)	
Хаджебиекова Б.М. ЭТНОТУРИЗМ В СТРУКТУРЕ СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МОЛОДЕЖИ РЕСПУБЛИКИ АДЫГЕЯ юю.....	

Хасанова С.Г. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ПО УКРЕПЛЕНИЮ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ РОССИИ.....	
Хачатурова О.С. ВОЛОНТЕРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ.....	
Чадаева З.Т. ПРАКТИКИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ КОНФЛИКТОВ И ОБЩЕСТВЕННОЙ КОНСОЛИДАЦИИ В РЕСПУБЛИКАХ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА.....	
Чучуев Е.А. ЭКСТРЕМИЗМ И ТЕРРОРИЗМ КАК УГРОЗА СОВРЕМЕННОМУ ОБЩЕСТВУ.....	
Шадже Л.А. ВОЛОНТЕРСТВО КАК ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ СОЦИОГУМАНИТАРНОЙ НАУКЕ.....	
Яковлева А.С. ВОСПРОИЗВОДСТВО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО НЕРАВЕНСТВА В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА.....	

РАЗДЕЛ 1. СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ В СТРУКТУРЕ ОТВЕТОВ НА ВЫЗОВЫ ТОТАЛЬНОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ПОДХОДЫ

УДК 316.75

КОНВЕНЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД К ДЕВИАНТНОМУ ПОВЕДЕНИЮ МОЛОДЕЖИ В ОБЩЕСТВЕ ПОТРЕБЛЕНИЯ

*Татьяна Барсукова,
доктор социологических наук, профессор
Северо-Кавказский федеральный университет
Институт экономики и управления
Ставрополь*

Аннотация. В статье излагается авторская позиция о возможности и правомерности исследования поведения молодежи, относимого в научных публикациях к девиантному, с позиции конвенционального подхода. Актуальность темы исследования обосновывается потребностью в научной рефлексии новых явлений и процессов, в том числе – процесса развития новых молодежных девиаций, к которым отнесены девиации, являющиеся продуктом общественных отношений, присущих современной цивилизации и обществу потребления. Исходя из неоднозначности отнесения в научных публикациях ряда поведенческих практик молодежи (шопинг, безответственный гедонизм и других) к девиантным, автор обращается к методологии конвенционализма как основанию для анализа выявленной проблемной ситуации в научных исследованиях феномена современных молодежных девиаций общества потребления. Делается вывод о конвенциональных значениях и оценках поведенческих практик молодежи со стороны научного сообщества специалистов в области изучения молодежи и девиантологов. Применение данного подхода рассмотрено на примере молодежного шопинга с позиций социальной и научной конвенциональности.

Ключевые слова: молодежь, общество потребления, девиантное поведение, поведенческие практики, социальный конвенционализм, эпистемологический конвенционализм, молодежный шопинг, девиантное поведение молодежи

Введение. Поводом к написанию данной статьи послужила дискуссия, проходившая на кафедре социологии СКФУ, о современных модификациях молодежных девиаций. Рассматривались количественные и качественные изменения молодежных девиаций, в том числе и специфические, присущие молодежному поведению общества потребления. На предложение модератора об оценке того или иного вида поведенческих практик молодежи как девиантных, детерминированных реалиями общества потребления, один из участников «круглого стола» предложил остановиться на конвенциональном подходе к ним. Актуальность рассмотрения этой проблемы связана не только с научным интересом автора статьи, но и с потребностью обсуждать эти вопросы с современной молодежью, со студентами, аргументируя позицию отнесения тех или иных форм поведения к девиациям общества потребления.

Цель исследования: выявить креативный потенциал теории конвенционализма применительно к научному знанию в области молодежной девиантологии.

Первая задача исследования состояла в определении исходных понятий самого теоретико-методологического подхода, в отношении которого в анализируемых публикациях применяются термины «научный конвенционализм», «конвенциональная природа научного знания», а также в обосновании того, что, с одной стороны, поведенческие практики молодежи могут быть рассмотрены с позиции социального конвенционализма, и такой подход имеет место в социальной онтологии. С другой стороны, – социальная эпистемология предлагает анализировать исследуемое явление поведения молодежи – с позиции отнесения его к девиантному – на основе ее исходного постулата, что предмет социальной эпистемологии есть «отношение знания к

социальности и социальности к знанию» [6, с. 9], то есть, с позиции эпистемологического конвенционализма.

Вторая задача – рассмотреть ряд поведенческих практик молодежи общества потребления с позиции отнесения их к девиантным, опираясь на позиции социального и эпистемологического конвенционализма.

Основная часть. Решение первой задачи. Социальной конвенциональности посвящено достаточно много публикаций, при этом, трудно вычленивать разграничение социально-онтологического и эпистемологического подходов к анализу социальной реальности и научных знаний. Так, статья В.И. Ворникова имеет название «Конвенциональность в опыте социально-философского феноменологического анализа». Казалось бы, эпистемология налицо. Однако, обратимся к некоторым положениям данной статьи. Например: «В социокультурном пространстве конвенция и конвенциональность имеют многоаспектную детерминацию. При этом, эти условия и детерминанты конвенции и конвенциональности специфичны в различных сферах общественных взаимоотношений. Конвенция и конвенциональность выступают атрибутивным свойством социальной реальности. Социокультурный аспект обосновывается тем, что данные феномены составляют определенное культурное пространство – коммуникативную культуру соглашения и согласованности в социуме» [2, с. 30]. На основании изучения материала статьи складывается впечатление, что речь идет о социальном конвенционализме как соглашении, что отражается в терминах: «атрибутивные свойства социальной реальности»; «культура соглашения и согласованности в социуме», «конвенциональность как функциональный принцип согласованности в обществе» и т.п. [2, с. 30], и что такой подход характерен не для эпистемологии, а для социальной онтологии.

В работе Л.А. Осьмук приводится следующий авторский вывод: «Конвенциональные отношения возникают в результате повторяющихся более или менее стабильных конвенциональных взаимодействий; переход

конвенциональных взаимодействий в конвенциональные отношения возможен при наличии следующих обязательных составляющих: 1) конвенциональных действий; 2) конвенциональных стратегий; 3) конвенциональной территории; 4) конвенциональных значений; 5) конвенциональных игр» [11, с.14]. Представляется, что в данном выводе дано, как описание элементов социальной конвенциональности (конвенциональные действия; конвенциональные стратегии; конвенциональные территории), что составляет часть проблемного поля социальной онтологии, так и элементы эпистемологии (конвенциональные значения). Надо полагать, что оба подхода имеют право на существование.

Интересна в этой связи позиция А.Г. Щелкина: «Представлять дело так, что человеческое поведение детерминировано анонимными, то есть, к человеку не имеющими касательство факторами, давно вышло из моды. В социуме человека провоцирует и причиняет то, что он сам же и создает. Представить себе это «создает» без человеческой мысли, это значит перепутать человека с автоматизмами и реакциями животного. Это тоже давно не в моде. Так что как архитектура — это застывшая в камне музыка, так и социальная действительность (она же онтология) — застывшая в институтах и формах поведения человеческая мысль и воля» [16, с. 66]. И завершается его работа словами: «Почему бы нашей социальной Логикой (a la Гегель), нашим социальным Категорическим императивом и «априорными формами» (a la Кант) и нашим социальным Praxis'ом (a la «11-ый тезис о Фейербахе») не может быть концепт "конвенциональной онтологии"?!» [16, с. 66].

Итак, можно констатировать, что конвенциональная методология может выступать, как основа анализа реально существующих, бытийствующих социальных феноменов, так и эпистемологическим конструктом их понимания.

Достаточно подробное и убедительное объяснение конвенциональному подходу в эпистемологии дает Л.А. Микешина. Она пишет: «В эпистемологии сегодня исследуются коммуникации, тем более, в связи с внедрением Интернета и других способов коллективного познания. Конвенция, или

соглашение, – это познавательная операция, предполагающая введение норм, правил, ценностных суждений, знаков, символов, языковых и других систем на основе договоренности и соглашения субъектов познания [9, с. 154]. Несомненно, что исследования, посвященные конвенциональной природе научного знания, опираются на работу К. Поппера «Открытое общество и его враги», в которой он делает вывод: «Существование нормативных законов всегда обусловлено человеческим контролем – человеческими решениями и действиями» [13, с. 92].

Представляется важным обратиться к выводу, изложенному в статье «Конвенционалистская философия науки» С.А. Лебедева и С.Н. Коськова, которые пишут: объединяя преимущества обоих теоретических подходов в субъективистско-объективистской модели, мы получили достаточно целостное представление о социальной конвенциональности. Однако при этом, несомненной ошибкой конвенционалистов является то, что в качестве субъекта научного познания они обычно рассматривают отдельного ученого или группу ученых, отношения между которыми являются чисто рациональными и прозрачными в плане их фиксации. Такой чисто рационалистический и «робинзонадный» подход к субъекту научного познания в эпоху большой науки (Прайс) не может быть признан правильным. В современной науке реальным субъектом научного познания выступает именно научный коллектив, состоящий из множества отдельных ученых, объединенных единым предметом исследования и общим стремлением выработать наиболее адекватную модель познаваемого предмета. Участники же одного и того же дисциплинарного сообщества существенно распределены в пространстве и времени и часто вообще не знакомы друг с другом. Что же их связывает друг с другом и делает единым коллективным субъектом научного познания? Ответ прост: густая сеть информационных каналов и когнитивных связей между отдельными учеными, причем часто неформальных и социально анонимных, т.е., специально не фиксируемых и не регулируемых из какого-то центра [8].

Решение второй задачи. Переходя к решению второй задачи исследования, поясним, что к новым направлениям исследования девиаций современной молодежи нами отнесены, во-первых, модифицированные традиционные девиации, во-вторых, такие девиации, появление которых детерминировано особенностями информационной цивилизации, цифровой культуры (кибербуллинг, фаббинг, хакерство, виртуальный секс и др.).

В отдельное направление социологического анализа выделены формы поведения молодежи общества потребления Субстанциональной характеристикой общественного состояния, обозначаемого понятием «общество потребления», является направленность всех процессов на потребление с подчинением ему базисных и надстроечных отношений. Потребление как смысл, как идеал, как высшая ценность – таков девиз общества потребления.

Предметом конвенционального анализа выступают для нас такие молодежные социальные практики, как шопинг, кредитомания, безответственный гедонизм, дауншифтинг и другие, отнесение которых к девиантным является спорным. Рамки статьи не позволяют обратиться ко всем названным видам. Остановимся на шопинге.

В отношении оценки шопинга позиции конвенционального подхода выражены весьма отчетливо, чем обусловлено обращение именно к данному виду поведения молодежи. Рассмотрим термин «шопинг», применив в отношении к нему позицию эпистемологического конвенционализма, а именно, соглашение исследователей по поводу данного понятия с точки зрения его содержания в его определении и в понимании сущности девиантогенных составляющих.

Сторонники нейтральной оценки данного явления, не относящие его к девиациям, определяют шопинг как «вид потребительского поведения личности, ориентированный на времяпрепровождение, включающее весь комплекс услуг, начиная от принятия решения о покупке товара, до

развлечений, сопутствующих этому процессу. Все это говорит о том, что шопинг – вид потребительского поведения, который направлен не только на покупку товаров, но и на проведение досуга, ориентирован на реализацию, как утилитарной, так и гедонистической функций» [3, с. 14]. Можно говорить о конвенции в отношении понятия шопинга, как вида поведения, не имеющего девиантогенных характеристик.

В статье «Шопинг: как люди делают это?» авторы также не акцентируют внимание на каких-то отклонениях от нормального поведения индивидов при осуществлении шопинга. Они пишут: «Для определения шопинга в английском языке есть два термина, для которых не существует прямого перевода на русский язык: "doingshopping" и "goingshopping". «Doingshopping» – это такой вид осуществления покупок, когда потребитель относится к самому процессу шопинга, приобретения товара, как к необходимой задаче, к рутинному действию, не доставляющему удовольствия. В противоположность ему «goingshopping» подразумевает под собой «прогулку» по магазинам в свое удовольствие, когда человек присматривает какие-то вещи, необязательно покупая их, а возможно только рассматривая» [10]. И в первом и во втором случае шопинг – вид поведения в процессе посещения магазинов (супермаркетов и проч.), и в таком его понимании он нормативно нейтрален.

Сторонники негативного отношения к шопингу, в том числе молодежному, и понимания его как маниакальных и неконтролируемых покупок ненужных вещей, сходятся во мнении (достигают конвенции) об отклоняющемся характере поведения людей, времяпрепровождение которых связано с шопингом. В научных публикациях достаточно много статей посвящено шопингу молодежи [1; 5; 12; 15]. В их число входит значительный объем публикаций о негативном, девиантном характере молодежных досуговых практик, связанных с шопингом. Для обозначения своей позиции ученые вводят в семантическое поле проблемы такие понятия, как «шопоголизм», «шопинг-зависимость», «ониомании», «потребительское

поведение», в которых явно выражен акцент на отклонении от нормального поведения. Понятием «шопоголизм» в литературе обозначается неконтролируемая тяга к ненужным и необоснованным покупкам. В научных источниках данное явление получило названия «ониомания» или «компульсивный шопинг». Утверждается, что шопоголизм имеет иррациональную природу, и это проявляется в следующем: обычные люди совершают покупку осознанно, шопоголики склонны к импульсивному приобретению вещей; не имеют нужды, потребности в покупаемом предмете и, даже понимая ее ненужность, заглушают в себе ростки рациональности; не задумываются в момент покупки о своем финансовом положении; многие шопоголики, придя домой из магазина, так и оставляют покупку в коробке, не распаковывая ее. Психологи утверждают, что внешние проявления схожи с теми, которые выдают алкоголика, увидевшего бутылку со спиртным – человек приходит в состояние возбуждения, у него краснеет лицо, расширяются зрачки, движения становятся хаотичными, поэтому они утверждают, что шопоголизм – девиация, хотя не имеет тяжелых социальных последствий, как, к примеру, последствия алкоголизма или наркомании. Описывая вещизм как атрибут общества потребления, ученые указывают, что это – пристрастие к вещам, к материальным ценностям, к обладанию ими (в ущерб ценностям духовным) и связанная с ним мистификация дорогих вещей.

В случае наделения понятия «шопинг молодежи» содержанием, связанным с отклонением от нормального поведения, наблюдается конвенция о негативном смысле понятия «шопинг молодежи».

Далее необходимо остановиться на социальной конвенциональности или культуре соглашения в социуме по поводу признания той или иной формы поведения нормальной либо девиантной. Такой подход имеет место в социальной онтологии. Социальная конвенциональность как интерсубъективное явление в отношении признания молодежного шопинга нормальным явлением достигается при сохранении субъективного фактора и

даже его усилении практиками надперсональных общностей. Так, для молодежи значимую роль играет признание шопинга нормальной поведенческой практикой в любом ее виде (покупки, прогулки, шопоголии) референтной группой. «...молодежь испытывает серьезное влияние на потребительские решения со стороны референтных групп, представленных двумя категориями: друзьями, как равными по возрасту и разделяющими одни ценности, и родителями, как близкими людьми, старшими по возрасту и обладающими необходимым опытом» [7, с. 38]. Референтная группа как интерсубъективность играет по отношению к нормативно-ценностному выбору молодежи роль особой общности или особой определенной совокупности людей, обладающих общностью установок и воззрений.

Социальная конвенциональность по отношению к молодежному шопингу достигается также сферой маркетинга и рекламы как его составляющей. Согласно позиции Е.Ю. Депутатовой, «компетентность, требовательность и взыскательность современных потребителей диктует необходимость омниканального режима функционирования торговых предприятий. Тогда потребитель, будучи лояльным бренду магазина, выбирает необходимые для него точки доступа к товарам [4, с. 159].

Заключение. Подводя итоги исследования, можно отметить следующее. Неоднозначность оценок поведения молодежи, детерминированного нормами и ценностями общества потребления, как нормального, так и девиантного, правомерно исследовать с позиции конвенционального подхода, дающего возможность определить социальную конвенциональность в отношении молодежных поведенческих практик и научную конвенциональность в рамках эпистемологии на уровне дискурса основных понятий, относящихся к терминам проблемного поля молодежных девиаций.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Бочарникова, И.С. Ониомания как тренд потребления в молодежной среде: социокультурный аспект //Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2020. – № 1 (62). – С. 133-140.
2. Ворников, В.И. Конвенциональность в опыте социально-философского феноменологического анализа //Проблемы современной науки и образования. – 2017. – № 28 (110). – С. 29-40.
3. Грунт, Ел.В. Потребительское поведение населения российского мегаполиса при занятии шопингом //Социум и власть. – 2015. – № 2 (52). – С. 12-18.
4. Депутатова, Е.Ю. Трансформация приоритетов в потребительском поведении //Социальные и экономические системы. – 2021. – № 6 (24). – С. 152-163.
5. Железнова, В.В., Анисенкова, Т.В. Проблемы шопинг-зависимости в подростковом возрасте //Молодежь и наука: актуальные проблемы педагогики и психологии. – 2016. – №1. – С. 37-41.
6. Касавин, И.Т. Социальная эпистемология: понятие и проблемы //Эпистемология и философия науки. – 2006. – Т. 7. – № 1. – С. 5-15.
7. Коровина, В.Д., Молдован, А.А. Референтная группа и ее значение для потребительского поведения //Проблемы современной науки и образования. – 2019. – № 11-2 (144). – С. 37-39, С. 38.
8. Лебедев, С.А., Коськов, С.Н. Конвенционалистская философия науки //Вопросы философии. – 2020. – №3. – С. 12-21.
9. Микешина, Л.А. Эпистемология ценностей. – М.: РОССПЭН, 2007.
10. Немкова, Е., Рыс, А. и др. Шопинг: как люди делают это? [Электронный ресурс]. URL: http://www.hse.ru/data/005/979/1224/shopping_21.11.doc (дата обращения: 08.02.2023).
11. Осьмук, Л.А. Теоретические основания социальной конвенциональности: автореф. дис. ... д-ра социологич. наук 22.00.01. – Барнаул, 2004. – 34 с.
12. Подлиняев, О.Л. Ониомания в среде студенческой молодежи как социальная проблем //Вестник Кемеровского государственного университета. – 2015. – № 3-3 (63). – С. 202-206.
13. Поппер, К. Открытое общество и его враги: в 2 т. – Т. 1: Чары Платона /пер. с англ. под ред. В. Н. Садовского. – М.: Феникс, 1992. – 448 с.
14. Ромодина, А.М. Современные зависимости молодого поколения //Вестник Совета молодых учёных и специалистов Челябинской области. – 2018. – Т. 1. – № 3 (22). – С. 55-61.
15. Фонталова, Н.С. Социально-психологические особенности проявления ониомании у молодежи //Baikal Research Journal. – 2017. – Т. 8. – № 4. – С. 22-29.
16. Щелкин, А.Г. Социологическая мысль сегодня или «новый конвенционализм»: между суверенной действительностью и виртуальной

реальностью //Социология вчера, сегодня, завтра. – Т.3. – Под редакцией О.Б. Божкова. – Санкт-Петербург: Эйдос, 2011. – С. 41-67.

CONVENTIONAL APPROACH TO DEVIANT BEHAVIOR OF YOUTH IN A CONSUMER SOCIETY

Barsukova Tatyana Ivanovna,

Doctor of Sociological Sciences, Professor North Caucasian Federal
University, Institute of Economics and Management, Department of Sociology,
Stavropol, Russia.

Summary.

The article presents the author's position on the possibility and legitimacy of studying the behavior of young people, referred to in scientific publications as deviant, from the standpoint of a conventional approach. The relevance of the research topic is justified by the need for scientific reflection of new phenomena and processes, including the process of developing new youth deviations, which include deviations that are the product of social relations inherent in modern civilization and consumer society. Based on the ambiguity of classifying a number of behavioral practices of young people (shopping, irresponsible hedonism, and others) as deviant in scientific publications, the author turns to the methodology of conventionalism as a basis for analyzing the identified problem situation in scientific research on the phenomenon of modern youth deviations in the consumer society. The conclusion is made about the conventional values and assessments of the behavioral practices of young people by the scientific community of specialists in the field of studying youth and deviantologists. The application of this approach is considered on the example of youth shopping from the standpoint of social and scientific convention.

Keywords: youth, consumer society, deviant behavior, behavioral practices, social conventionalism, epistemological conventionalism, youth shopping, youth deviant behavior.

References

1. Bocharnikova, I.S. Oniomania as a consumption trend in the youth environment: socio-cultural aspect // Caspian region: politics, economics, culture. - 2020. - No. 1 (62). - S. 133-140.
2. Vornikov, V.I. Conventionality in the experience of socio-philosophical phenomenological analysis // Problems of modern science and education. - 2017. - No. 28 (110). - S. 29-40.
3. Ground, El.V. Consumer behavior of the population of the Russian metropolis when shopping // Society and power. - 2015. - No. 2 (52). - P. 12-18.
4. Deputatova E.Yu. Transformation of priorities in consumer behavior //Social and economic systems. - 2021. - No. 6 (24). - S. 152-163.

5. Zheleznova, V.V., Anisenkova, T.V. Problems of shopping addiction in adolescence // Youth and science: actual problems of pedagogy and psychology. - 2016. - No. 1. - S. 37-41.
6. Kasavin, I.T. Social epistemology: concept and problems // Epistemology and philosophy of science. - 2006. - T. 7. - No. 1. - S. 5-15.
7. Korovina, V.D., Moldovan, A.A. Reference group and its significance for consumer behavior // Problems of modern science and education. - 2019. - No. 11-2 (144). - S. 37-39, S. 38.
8. Lebedev, S.A., Koskov, S.N. Conventionalist philosophy of science // Questions of Philosophy. - 2020. - No. 3. - S. 12-21.
9. Mikesheva, L.A. epistemology of values. – M.: ROSSPEN, 2007.
10. Nemkova, E., Rys, A. et al. Shopping: how do people do it? [Electronic resource]. URL: http://www.hse.ru/data/005/979/1224/shopping_21.11.doc (accessed 02/08/2023).
11. Osmuk, L.A. Theoretical Foundations of Social Conventionality: Abstract of the thesis. dis. ... Dr. Sociologist. Sciences 22.00.01. - Barnaul, 2004. - 34 p.
12. Podlinyaev, O.L. Oniomania among students as a social problem // Bulletin of the Kemerovo State University. - 2015. - No. 3-3 (63). - S. 202-206.
13. Popper, K. Open Society and Its Enemies: in 2 vols. - Vol. 1: Plato's Spell / trans. from English. ed. V. N. Sadovsky. - M.: Phoenix, 1992. - 448 p.
14. Romodina, A.M. Modern dependencies of the young generation // Bulletin of the Council of Young Scientists and Specialists of the Chelyabinsk Region. - 2018. - T. 1. - No. 3 (22). - S. 55-61.
15. Fontalova, N.S. Socio-psychological features of the manifestation of oniomania among young people // Baikal Research Journal. - 2017. - T. 8. - No. 4. - S. 22-29.
16. Shchelkin, A.G. Sociological thought today or "new conventionalism": between sovereign reality and virtual reality // Sociology yesterday, today, tomorrow. - T.3. – Edited by O.B. Bozhkov. - St. Petersburg: Eidos, 2011. - S. 41-67.

УДК 323.1

КОНСОЛИДИРУЮЩИЙ ПОТЕНЦИАЛ СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ В ПОЛИЭТНИЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЮГА РОССИИ

***Анна Верещагина**
доктор социологических наук, доцент*

Аннотация: В статье представлены результаты массового опроса, проведенного в 2021 году в регионах Юга России, позволившие выявить основания гражданского единения и консолидации жителей данного региона с позиций восприятия социальной справедливости, а также тех сфер, где соблюдение ее принципов будет наиболее эффективно влиять на становление справедливого общества. Такими сферами оказались экономическая и правовая при высокой значимости социокультурной сферы для малочисленных народов Юга России.

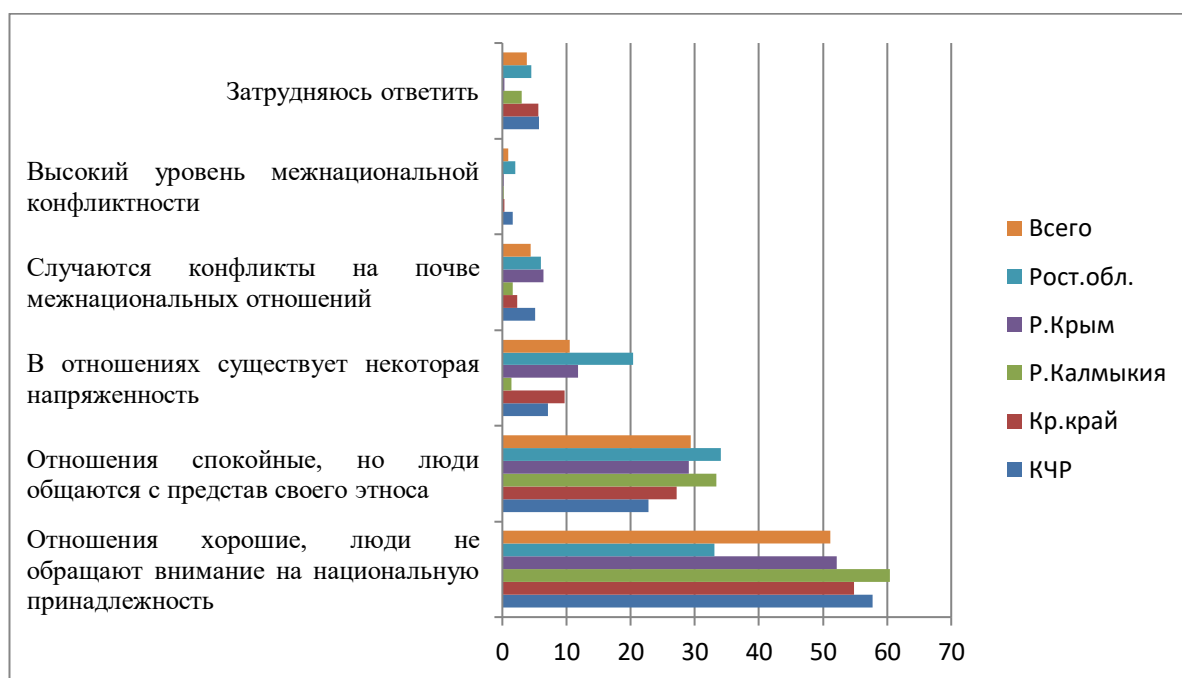
Ключевые слова: социальная справедливость, консолидация, гражданское единение, идентичность, Юг России.

Российские ученые, и прежде всего социологи, на протяжении последних десятилетий поднимают вопрос об ощущении тотальной несправедливости, которое испытывает население России в различных регионах страны, мечтающее о жизни «в более справедливом и разумно устроенном обществе» [3]. Поиски основ социальной справедливости в российском обществе продолжаются, о чем говорят данные исследований последних лет [1], и это неудивительно, поскольку социальная справедливость является ключевым индикатором в восприятии социальных отношений в различных сферах общественной жизни, а также в формировании образа будущего общества. Иными словами, она включена в контекст формирования консолидированного общества, в основе которого находится общероссийская идентичность, укрепление которой представляется крайне необходимой в регионах с полиэтническим составом [4], что и было выявлено в ходе реализации масштабного проекта «Социальная справедливость в обеспечении гармонизации межэтнических отношений и укреплении общероссийской идентичности населения на Юге России», реализованного в рамках выполнения

программы фундаментальных и прикладных научных исследований по теме «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» 2020–2022 гг.

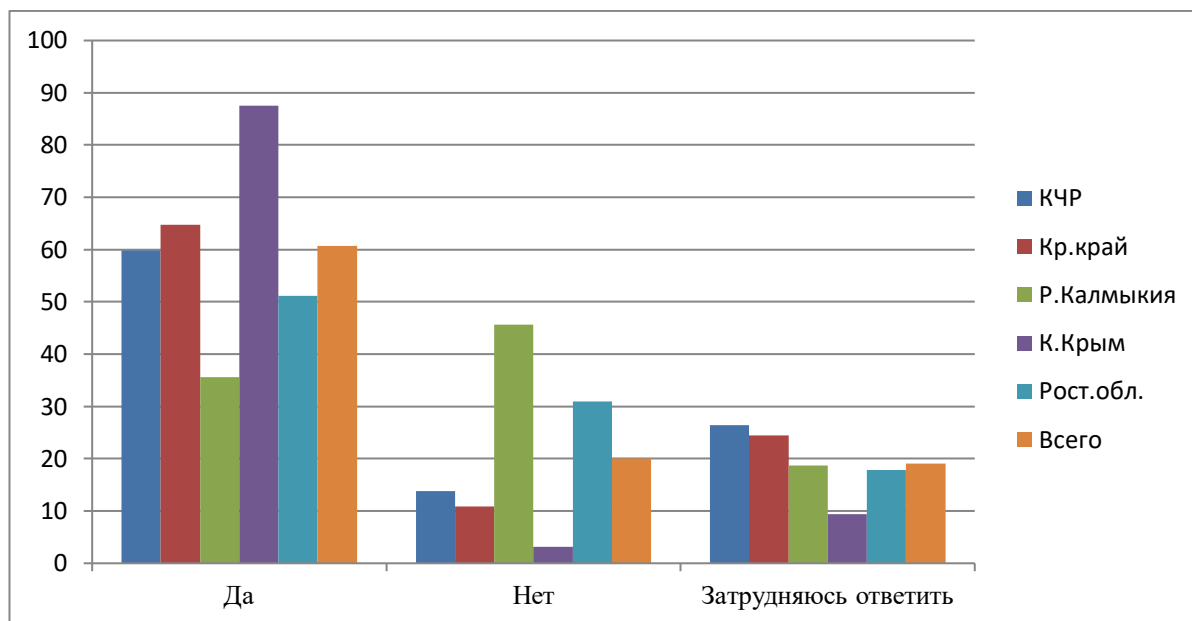
В ходе проведения массового социологического опроса в регионах Юга России (Краснодарский край, Ростовская область, Карачаево-Черкесская республика, Республика Крым, Республика Калмыкия; N = 2821) было определено, что межэтнические отношения в данном макрорегионе, с точки зрения населения, характеризуются как хорошие, не содержащие конфликты, связанные с этнической принадлежностью индивидов (рис. 1).

Рис 1. Характеристика отношений между людьми различных национальностей / регионы, в%

Это обстоятельно следует рассматривать как благоприятный фон для консолидации южнороссийского социума, особенно с учетом того, что, согласно результатам массового опроса, собственные интересы существуют у всех этногрупп, проживающих в исследуемых регионах Юга России (рис. 2).

Рис. 2. Как вы считаете, существуют ли свои собственные интересы у этнических групп, проживающих в Вашем регионе?, в %

Таким образом, можно предварительно говорить о том, что в регионах Юга России сформировались благоприятные условия для укрепления общероссийской идентичности и консолидации населения, однако, важно понимать, что должно выступать основанием для реализации данной задачи. В нашем исследовании акцент делается на социальной справедливости как ценности и принципе регуляции межэтнических отношений. Ее значимость чрезвычайно актуализирована в современном российском обществе, будущее которого, с точки зрения граждан страны, ассоциируется, прежде всего, с обеспечением справедливости в стране (так, согласно данным ФНИСЦ РАН, считает 51% опрошенных в 2021 году россиян) [2].

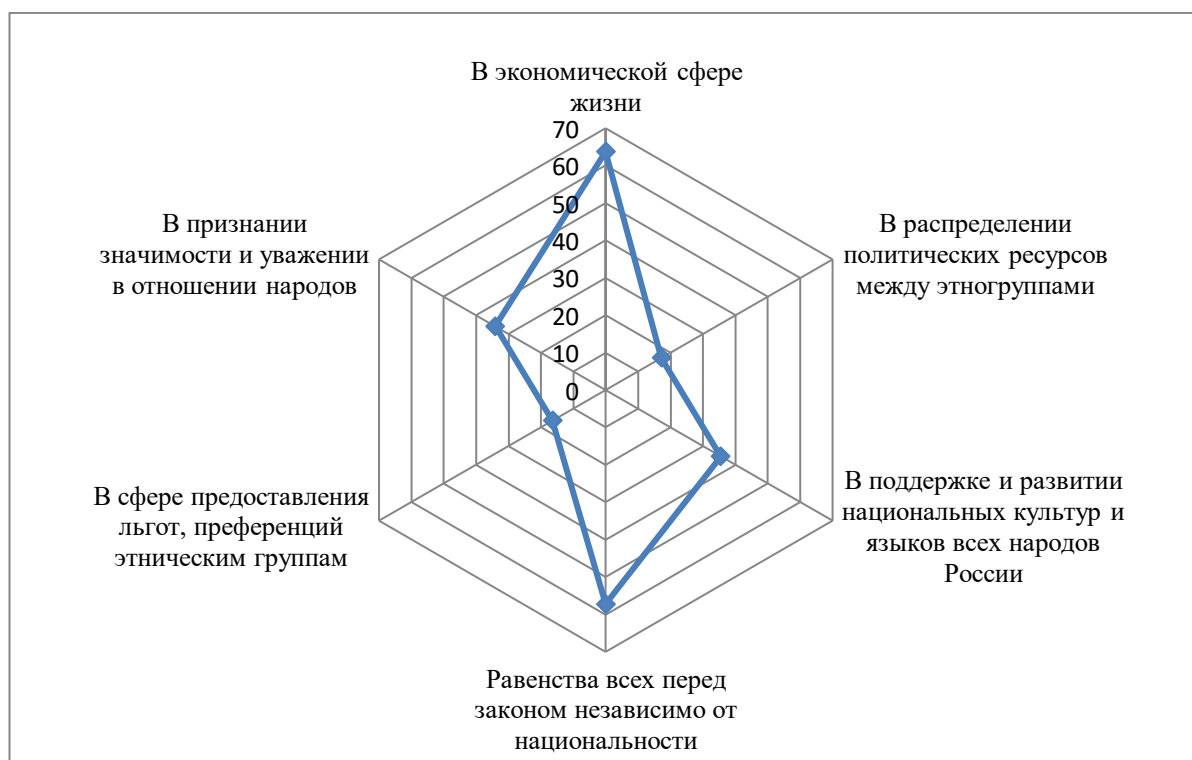
Очевидно, формирование общероссийской идентичности предполагает наличие общих идей, вокруг которых общество способно объединиться с целью решения социальных проблем, задач. Что же, с точки зрения жителей Юга России, способно сплотить региональный социум?

Результаты массового опроса, проведенного в регионах Юга России, позволяют констатировать, что региональное сообщество Юга России готово сплотиться вокруг двух ключевых идей: 1) социальное и экономическое благополучие всех людей, равные стартовые условия для жизненной самореализации; 2) единение всех народов для возрождения страны как великой державы. В региональном разрезе ситуация выглядит несколько иначе. Здесь высвечивается в качестве значимой идея укрепления принципов демократического и правового государства. Особенно значима она для жителей Крыма.

Выявленные позиции подтверждаются мнением жителей Юга России о том, что, собственно, представляет собой справедливое общество: прежде всего, это общество, в котором созданы равные условия для развития каждого. Эта позиция конкурирует с другой, набравшей примерно такое же количество голосов, - идеей равенства перед законом всех. Однако для малочисленных народов Юга России, имеющих свою историю этнического развития и стремление самосохраниться как этнокультурная общность, приоритеты в восприятии социальной справедливости естественным образом смещаются в сторону социокультурной составляющей: для этих народов (турков-месхетинцев, шапсугов и др.) справедливое общество, прежде всего, ассоциируется с обществом, в котором созданы равные условия для развития каждого.

Мы также стремились выяснить, на какие сферы прежде всего необходимо направить пристальное внимание в плане соблюдения принципа справедливости с тем, чтобы способствовать укреплению общероссийской идентичности и гражданского единства населения южнороссийского региона. Результаты опроса показали, что такими сферами, прежде всего являются две – экономическая и правовая (рис. 3).

Рис. 3. Соблюдение принципа справедливости в каких сферах будет способствовать укреплению гражданского единства российского общества в наибольшей степени?, в %

Соблюдение принципа справедливости прежде в экономической сфере, по мнению респондентов, будет способствовать укреплению гражданского единства российского общества, но в этническом разрезе полученные данные позволяют выявить значимость позиции, связанной с поддержкой и развитием национальных культур и языков всех народов России. В условиях языкового многообразия полиэтничного Юга России такая ситуация удивления не вызывает.

Нельзя не отметить значимость в укреплении общероссийской идентичности такого важного мнения представителей опрошенных в ходе исследования этногрупп Юга России, как недопущение повторения трагических страниц истории, связанных с политическим насилием, гонением по национальному признаку. Отсюда ярко высвечивается запрос на политическое представительство этногрупп в органах власти, недопущение политических репрессий, гонений по национальному признаку, уважение всех

этногрупп, независимо от их статуса, численности, вклада в развитие общества. Однако смысловым ядром понимания справедливости для большинства этногрупп Юга России (кроме русского сегмента) является социокультурная составляющая, связанная с возможностью сохранения и развития культуры, языка, традиций народа. Понятно, почему русский этнос иначе к этому относится, и на первом месте стоят иные факторы – социально-правового и социально-экономического порядка – численность русского этноса в границах Юга России не представляет угрозы для исчезновения русской (этнической) принадлежности.

Таким образом, подводя итоги, следует констатировать следующее. Основой консолидации регионального социума, в совокупности мнений и оценок жителей южнороссийского региона, выступает благополучие граждан в социальном и экономическом аспектах, а также укрепление демократических и правовых принципов организации общественных и политических отношений.

Итак, идея справедливости как основания для гражданского единства, консолидации социума в зеркале общественного мнения этнических групп, представляющих Юг России, имеет ценность, прежде всего, в контексте механизма правового и экономического развития государства. Социокультурная составляющая гражданского единства является немаловажным фактором для представителей малочисленных этнических групп регионов Юга России, полагающих, что для достижения этого единства необходимо соблюдение принципа справедливости в отношении между народами, в проявлении уважения между ними, в поддержке и развитии национальных культур и языков всех народов.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. В поисках социальной справедливости. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4266723>

2. Информационно-аналитический бюллетень (ИНАБ). Российское общество в условиях пандемии: год спустя (опыт социологической

диагностики). 2021. № 2. 109 с. URL: <https://www.fnisc.ru/publ.html?id=9922>. DOI: 10.19181/INAB.2021.2.

3. О чем мечтают россияне (размышления социологов). Аналитический доклад. М.: ИС РАН, 2012. URL: https://www.isras.ru/analytical_report_o_chem_mechtayut_rossiyane.html

4. Социальная справедливость в сфере межэтнических отношений и укрепления общероссийской идентичности населения Юга России: монография / Ю.Г. Волков, А.В. Бедрик, Н.К. Бинеева, А.В. Верещagina, В.П. Войтенко, Н.И. Чернобровкина ; отв. ред. Ю.Г. Волков. Москва: РУСАЙНС, 2021. 180 с.

CONSOLIDATING POTENTIAL OF SOCIAL JUSTICE IN THE MULTIETHNIC SPACE OF THE SOUTH OF RUSSIA

Vereshchagina Anna Vladimirovna,

PhD, Associate Professor; Professor of the Department of Theoretical Sociology and Methodology of Regional Studies at the Institute of Sociology and Regional Studies of the Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Abstract: The article presents the results of a mass survey conducted in 2021 in the regions of Southern Russia, which made it possible to identify the foundations of civil unity and consolidation of residents of this region from the perspective of perception of social justice, as well as those areas where compliance with its principles will most effectively influence the formation of a just society. Such spheres turned out to be economic and legal, with the high importance of the socio-cultural sphere for the small peoples of the South of Russia.

Keywords: social justice, consolidation, civic unity, identity, South of Russia.

References:

1. I asked for social justice. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4266723>
2. Information and analytical bulletin (Inab). Russian society in conditions of pandemics: the year of the outbreak (pdmmdmdmdmdmdmdmdmdmdmdmdmdmdmdmdmd). 2021. № 2. 109 pp. URL: <https://www.fnisc.ru/publ.html?id=9922>. DOI: 10.19181/INAB.2021.2.
3. Oh, they dream of Russia. Analytical report. M.: IS RAN, 2012. URL: https://www.isras.ru/analytical_report_o_chem_mechtayut_rossiyane.html
4. Social justice in the sphere of inter-ethnic relations and fortifications of the general Russian identities of the populations of the South Russia: a monograph / U.G. Volkov, A.V. Bedrick, N.K. Bineeva, A.V. Vereshchagina, V.P. Wojtenko, N.And. Chernobrovkina; VV. red. Yu.G. Volkov. Moscow: ROUSSINES, 2021. 180 pp.

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ТОЛЕРАНТНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ (НА МАТЕРИАЛЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В РЕСПУБЛИКЕ АДЫГЕЯ)

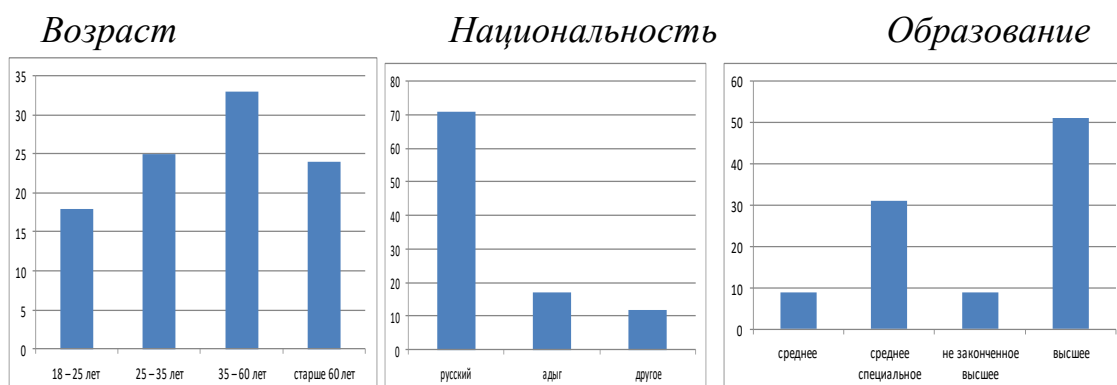
Зухра Гучетль

*кандидат социологических наук
Адыгейский республиканский институт
гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева
Майкоп*

Аннотация. Социологическое исследование проводилось в мае-июне 2019 г. в г. Майкопе, Майкопском, Красногвардейском и Тахтамукайском районах. По специальной выборке, учитывающей пол, возраст, национальность, сферу занятости и образование респондентов, было опрошено 300 чел. Опрос (анкетирование) проводили сотрудники отдела философии и социологии Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева (АРИГИ) а также сотрудники других научно-исследовательских подразделений данного института.

Ключевые слова: социологическое исследование, опрос, соотечественники, приток, толерантность, жители, эмигранты, население.

Некоторые социально-демографические характеристики опрошенных:

В современном мире, характеризующемся разнообразием форм государственного устройства, этнической, социальной и культурной неоднородностью ведущее значение приобретает проблема толерантности, которая по признанию международных организаций (ЮНЕСКО, ООН, ЕСТП) является основой установления межгосударственных, межэтнических, межкультурных взаимоотношений. [2, с.80]. Проблема толерантности в последние десятилетия стало одной из широко востребованных во всем мире. Она обсуждается на различных уровнях, в разных аспектах, включает пласт разных проблем, связанных с отношениями людей [1, с.225]. Она обсуждается на различных уровнях, в разных аспектах, включает пласт разных проблем, связанных с отношениями людей.

Например, проблема соотечественников имеет в Республике Адыгея особое звучание. Большинство адыгов живет за рубежом, и часть из них хотела бы жить в республике. Адыгея является также привлекательной для других российских соотечественников, поскольку расположена в благоприятной климатической зоне, имеет границы только с Краснодарским краем. Республика может быть привлекательной, в частности, для переселенцев из ближнего зарубежья и стран Закавказья, поскольку расположена неподалеку от этих регионов, а выходцы из них давно проживают в Адыгее и пустили здесь глубокие корни. В послесоветское время был значителен приток в республику зарубежных адыгов. Таким образом, немаловажным фактором общественной жизни Республики Адыгея является отношение ее жителей к соотечественникам и степень толерантности к ним.

Опрос дал интересные, несколько противоречивые результаты. С одной стороны, он показал, что большинство респондентов настроены в отношении соотечественников благодушно, готово их приветствовать и помогать в обустройстве. Но при этом заметно меньшая их часть хотела бы платить налоги из собственного кармана за их прием и обустройство. Многие опрошенные опасаются того, что соотечественники потеснят старожильческое население на

рынке труда и создадут другие напряжения и неудобства. Опрос показал также, что большинство респондентов не знают, сколько бывших зарубежных соотечественников получили право на проживание в РФ и проживает ныне в республике.

Разошлись мнения респондентов и по вопросу о том, кто может быть назван соотечественником. Большинство (56%) считает, что соотечественниками могут быть названы все граждане бывшего СССР. (Таким образом, ответы подтвердили лояльность большинства населения Адыгеи к советскому прошлому, которая прослеживается по многим другим социологическим опросам). 14% считает, что соотечественниками могут быть названы люди только определенных национальностей. Еще 14% полагает, что только те, кто знает русский язык. 4% затруднилось с ответом.

Ответы на вопрос: Какие иностранцы, на Ваш взгляд, должны быть названы соотечественниками?

	отдельные национальности	те, кто знает русский язык	все бывшие граждане СССР	другой ответ	затрудняюсь ответить
мужчины	13	12	53	6	16
женщины	14	16	57	3	10
18-25 лет	11	21	46	0	22
25-35 лет	13	13	52	3	19
35-60 лет	14	12	57	13	10
>60 лет	16	13	63	4	4
русские	11	13	56	4	16
адыги	18	20	49	8	5
иные	22	9	61	0	8
городское	11	11	59	6	13
сельское	16	16	53	2	13
всего	14	14	55	4	13

Представляется, что ввиду актуальности для региона понятия «зарубежный соотечественник», имело бы смысл более эффективно информировать население республики о точном юридическом определении этого термина в действующем российском законодательстве: зарубежными

соотечественниками «...признаются лица и их потомки, проживающие за пределами территории Российской Федерации и относящиеся, как правило, к народам, исторически проживающим на территории Российской Федерации, а также сделавшие свободный выбор в пользу духовной, культурной и правовой связи с Российской Федерацией лица, чьи родственники по прямой восходящей линии ранее проживали на территории Российской Федерации, в том числе:

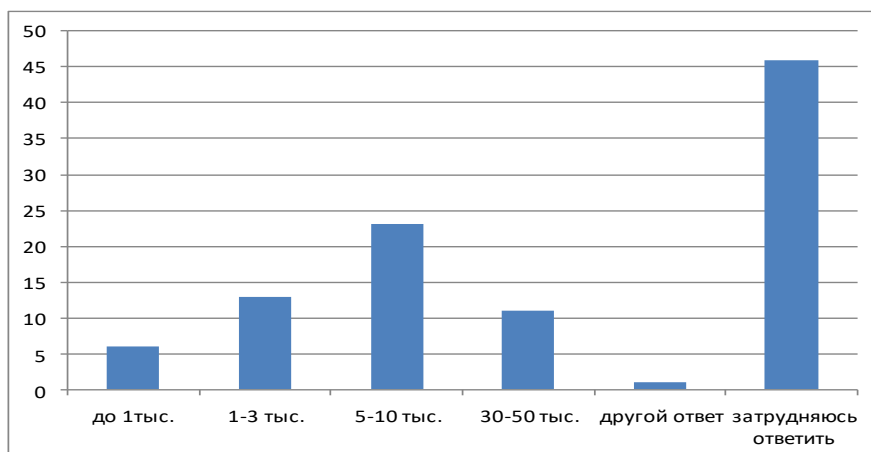
лица, состоявшие в гражданстве СССР, проживающие в государствах, входивших в состав СССР, получившие гражданство этих государств или ставшие лицами без гражданства;

выходцы (эмигранты) из Российского государства, Российской республики, РСФСР, СССР и Российской Федерации, имевшие соответствующую гражданскую принадлежность и ставшие гражданами иностранного государства или лицами без гражданства». (В редакции Федерального закона от 23.07.2010 № 179-ФЗ).

Также необходимо разъяснение массовому сознанию других положений законодательства о соотечественниках, действующей Государственной программе по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом.

Население плохо проинформировано о реальном количестве соотечественников, проживающих в Адыгее. Так, например, почти каждый десятый (11%) считает, что в республике живет от 30 до 50 тыс. соотечественников. Такие фантастические представления могут существенно распалить социальные страхи и опасения. Еще 46% не имеет представления об их количестве в республике. Только 13% респондентов назвало реалистичную цифру соотечественников (от 1 до 3 тыс. чел.). Еще 23% назвало цифру от 5 до 10 тыс. чел.

Ответы на вопрос: Какое количество зарубежных соотечественников, на Ваш взгляд, проживает в настоящее время в Республике Адыгея?

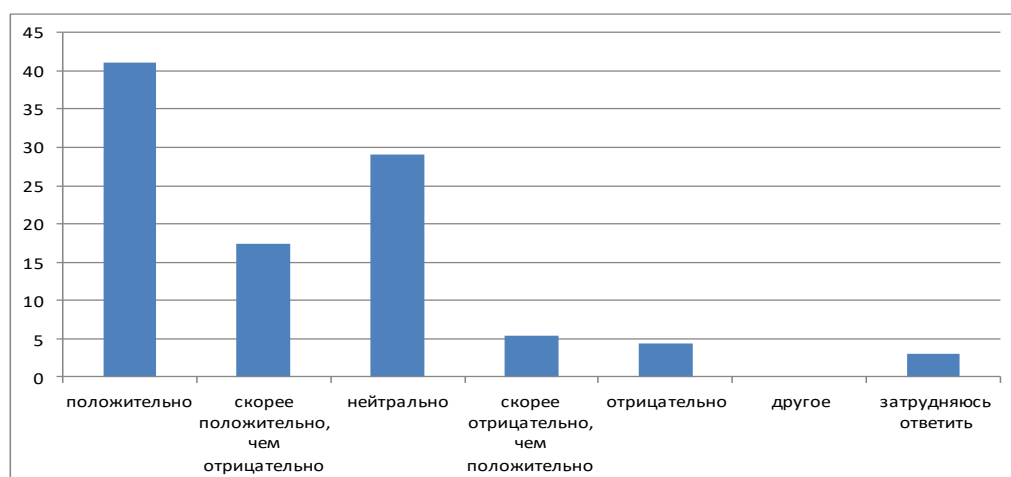
К переезду зарубежных соотечественников на постоянное место жительства в Республику Адыгея положительно относится 28% от числа опрошенных; скорее положительно, чем отрицательно – 19%; нейтрально – 34%; скорее отрицательно, чем положительно – 11%; отрицательно – 4%. Таким образом, в совокупности негативное отношение к переезду соотечественников выразило 15% респондентов. Это указывает на толерантное отношение абсолютного большинства к соотечественникам.

На это же указывает и то, что подавляющее большинство опрошенных считает, что есть необходимость усиливать связи с соотечественниками, проживающими за рубежом. 39% респондентов ответило на вопрос о необходимости усилении связей утвердительно, 42% сказала, что, скорее такая необходимость есть, нежели ее нет. Против усиления связей с соотечественниками – 6%. Еще 6% сказала, что такой необходимости, скорее, нет, чем она есть. 7% затруднились ответить.

Цель исследования предполагала конкретизацию отношения жителей Адыгеи к соотечественникам из разных стран, в зависимости от страны пребывания. К адыгским соотечественникам отношение более лояльное, нежели в целом – к абстрактным соотечественникам. 41% относится к их переселению положительно. Еще 17% – скорее положительно, чем отрицательно. Около трети опрошенных (29%) относится к этому нейтрально. Отрицательно – 4%. И затруднились ответить – 3%. Таким образом, в

республике сформировано явно выраженное лояльное отношение к зарубежным адыгским соотечественникам при, практически, ничтожной доле тех, кто не желал бы их приезда.

Ответы на вопрос: Как Вы относитесь к переселению в Республику Адыгея зарубежных адыгских соотечественников?

Несколько в меньшей степени население лояльно к переселению в Адыгею соотечественников из Восточной Украины. Положительно к этому относится 30%; скорее положительно, чем отрицательно – 16%; нейтрально – 31%; скорее отрицательно, чем положительно – 11%; отрицательно – 16%. Затруднились ответить 5% респондентов.

Респондентам было предложено также выбрать из длинного списка стран те из них, приезд соотечественников из которых наиболее предпочтителен. Первое место заняла Белоруссия (24%); на втором – страны Среднего и Ближнего Востока (Турция, Сирия, Иордания, Израиль и др.) – 20%; затем Украина – 16%; страны Закавказья (Армения, Грузия, Азербайджан) – 14%; страны Балтии (Латвия, Литва, Эстония) – 9%; страны Западной Европы, США и Канады и страны Центральной Азии (Казахстан, Киргизия, Узбекистан, Туркмения, Таджикистан) – по 8%. Наибольшее количество респондентов – 30% – сказало, что приезд соотечественников желателен из любой страны. Каждый пятый респондент (20%) затруднился ответить.

Результаты ответа на этот вопрос свидетельствуют, что у жителей Адыгеи нет явно выраженных этнических и этнокультурных, предпочтений при «выборе» зарубежных соотечественников. Они готовы принимать любых. А это, в свою очередь, указывает на высокую степень толерантности.

Более существенным оказалось для респондентов отношение соотечественников к религии. 17% указало на то, что для них имеет значение религиозное исповедание зарубежных соотечественников. Еще столько же сказало о том, что оно, скорее, имеет значение, чем не имеет. Много и тех, кто относится к исповеданию зарубежного соотечественника более индифферентно. Каждый пятый (20%) указал на то, что для него это, скорее, не имеет значения, чем имеет, а 39% сказало, что это вовсе не имеет значения. Затруднились ответить на вопрос 7%.

При этом респонденты считают высокой вероятность привнесения экстремистских идей под видом идей религиозных. Так считает 69% респондентов. 17% оценивают такую вероятность как невысокую, не имеющую значения. Затруднились ответить на вопрос 13%.

Ответы на вопрос: Существует ли, на Ваш взгляд, опасность того, что возможный массовый приток зарубежных соотечественников может увеличить преступность?

Одним из главных методов гармоничного включения зарубежных соотечественников в жизнь республики является их адаптация и интеграция. Органы власти Республики Адыгея уделяют этой работе большое внимание. Помимо них в этом деле участвуют различные общественные организации. Респондентам был задан вопрос: «Способны ли, на Ваш взгляд, способствовать интеграции зарубежных соотечественников общественные организации?». Большинство респондентов дало положительный ответ. Уверенно сказало «да» 26%. Еще 29% ответило, что, «скорее да, чем нет». «Скорее нет, чем да» сказало 14%.

Толерантность имеет существенные черты. Важной для нее является позитивная установка, которая задает направленность формирования толерантного сознания. В результате у общества осознанно формируется убежденность в приоритете толерантной позиции, имеющей характер не пассивной терпимости, а активной деятельности, основанной на уважении, понимании и принятии человека другой культуры. Таким образом, толерантное сознание, толерантные отношения, толерантное поведение - толерантность во всем большей степени выходит на передний план решаемых сегодня проблем, что обусловлено многими особенностями развития современного общества [1, с.227].

Жители Республики Адыгея проявляют большую толерантность к зарубежным соотечественникам. Большинство из них положительно относится к переезду в республику соотечественников из самых разных стран, считает необходимым расширение связей с соотечественниками, поддерживает оказание государством материально-финансовой помощи зарубежным соотечественникам, переселяющимся в Россию, процессы их адаптации и интеграции.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Ахмедпашаева К.А., Алиева М.Б. /Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 4-2. С. 225-227.
2. Кустова А.В., Меркулов П. А., Арабаджийски Н.З. Среднерусский вестник общественных наук / 2018. Т. 13. № 1. С. 79-93.

THE PROBLEM OF THE FORMATION OF TOLERANCE IN SOCIETY (BASED ON MATERIALS OF SOCIOLOGICAL RESEARCH IN THE REPUBLIC OF ADYGEA)

Guchetl Z.Kh.

candidate of sociological sciences

Leading Researcher, Department of Philosophy and Sociology,

Adyghe Republican Institute

humanitarian research them. T.M. Kerasheva

Annotation. The sociological survey was conducted in May-June 2019 in Maykop, Maikop, Krasnogvardeisky and Takhtamukaysky districts. According to a

special sample, taking into account gender, age, nationality, sphere of employment and education of respondents, 300 people were interviewed. The survey (questionnaire) was conducted by employees of the Department of Philosophy and Sociology of the Adyghe Republican Institute for Humanitarian Research named after A. T.M. Kerasheva (ARIGI), as well as employees of other research departments of this institute.

Keywords: sociological research, survey, compatriots, influx, tolerance, residents, emigrants, population.

References

1. Akhmedpashaeva K.A., Alieva M.B. /Actual problems of the humanities and natural sciences. 2015. No. 4-2. pp. 225-227.

2. Kustova A.V., Merkulov P.A., Arabadzhiyski N.Z. Central Russian Bulletin of Social Sciences / 2018. Vol. 13. No. 1. P. 79-93.

УДК 342.57

ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ КАК ФАКТОР КОНСОЛИДАЦИИ СОЦИУМА

Марат Ешев

*кандидат социологических наук
Адыгейский государственный университет
Майкоп*

Петр Марков

*кандидат юридических наук,
Адыгейский государственный университет
Майкоп*

Аннотация: статья посвящена анализу понятия территориальное общественное, которое предлагается в законодательных актах Российской Федерации, в работах ряда исследователей-юристов.

Ключевые слова: местное самоуправление, территориальное общественное самоуправление, нормативно-правовые акты, конституционные положения, свободная община.

В настоящее время в России, несмотря на существующие определения территориального общественного самоуправления (ТОС) зафиксированные в Федеральном законе «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [1] – территориальное общественное самоуправление – это самоорганизации граждан по месту их жительства на части территории муниципального образования для самостоятельного и под свою ответственность осуществления собственных инициатив в вопросах местного значения, – правовая природа этого института местного самоуправления является недостаточно определенной. Поэтому, следует, несомненно, говорить о необходимости выработки более глубокого и единообразного понимания природы территориального общественного самоуправления, что в свою очередь может быть обеспечено как новыми научными исследованиями, так и более созидательной деятельностью законодателей. При этом надо иметь в виду двойственную возможность подхода к решению этой задачи. Первый вариант предполагает рассматривать территориальное общественное самоуправление как институт гражданского общества, независимый от органов публичной власти, обладающий всей полнотой самостоятельности, второй – как составляющую системы местного самоуправления. Вторая позиция в настоящее время имеет преобладающее значение, как в законодательной практике, так и в общественных структурах, ей соответствуют все нормативно-правовые акты России. В правовых актах, в судебной практике нередко понятие «территориальное общественное самоуправление» отождествляют с понятием «местное самоуправление», или, впадая в противоположную крайность, считают территориальное общественное самоуправление видом общественной организации. От адекватного понимания правовой природы ТОС зависит решение целого ряда проблем при осуществлении проводимой реформы местного самоуправления, в том числе такого актуального вопроса, как разграничение полномочий между Российской Федерацией, субъектами РФ и муниципальными образованиями. Только

совместная деятельность законодателей и научных работников может привести к решению данной проблемы, в том числе к принятию специального федерального закона о территориальном общественном самоуправлении, в котором должно быть сформулировано его понятие.

Для формирования реального территориального общественного самоуправления исследователи и разработчики системы территориального общественного самоуправления должны сформулировать ответы на следующие важные вопросы: зачем нужна глубокая, всесторонняя внутримunicipальная децентрализация на местах; зачем федеральной власти и государственной власти субъектов РФ, иным государственным институтам стимулировать самоуправленческую активность населения, которая, как кажется внешне, может даже мешать проведению в жизнь реформ, санкционированных государственной властью. Более глубокий взгляд на ситуацию позволяет говорить, что в обществе, даже если оно не является авторитарным или тоталитарным, но в нем господствует бюрократический режим, а все вопросы жизни людей решаются «профессионалами-администраторами», сами люди оказываются удаленными не только от реального управления государством, но и от решения своих непосредственных проблем. У них нет возможности контролировать управленцев, действовать вместе или параллельно с ними. Люди в этих условиях становятся беззащитными перед чиновниками, властью, которые превращаются в бесконтрольный организм. У людей пропадает желание к созиданию, к творческой инициативе в осуществлении собственных общественных интересов. Индивидуальная людская инертность, безволие, безразличие, в конечном счете, определяют слабость общества и государства. Безликое общество никогда не сможет решить больших задач даже при наличии профессиональных организаторов и управленцев.

Естественно-природная заданность человека дает ему от рождения два права – право свободы и право осознанного использования этой свободы. Эти два права и должны лежать в основе принципов устройства территориального

общественного самоуправления и в целом местного самоуправления. Естественно-природный уровень определяет субъект права местного самоуправления – личность и составную часть местного самоуправления – территориальное общественное самоуправление – свободную общину – совокупность личностей. В свою очередь, местное самоуправление и территориальное общественное самоуправление являются объектами деятельности индивида, личности, гражданина и свободной общины. Государство своим законодательством обязано закреплять традиционно существовавшие или складывающиеся в ходе естественного развития варианты организации местного самоуправления и территориального общественного самоуправления. От реакции государства на эти факторы зависит степень его демократичности.

В основе российского законодательства по местному самоуправлению лежит естественно-природный принцип свободы личности – самостоятельно, независимо от государства решать вопросы местного значения. В дореволюционной России местное самоуправление, территориальные общины (крестьянские, казачьи, национальные) держались на общинной собственности. Крестьянские и казачьи общины считались собственниками земельных наделов, которыми они распоряжались по собственному усмотрению, передавая их в индивидуальное или оставляя в общем владении. Законодательно закреплялись права членов сельской общины, защищалось право свободы личности. Отдельные крестьяне претворяли в жизнь свое право собственности через практику передела земли, замены натуральных или отработочных повинностей денежными. Распределение обязанностей в общине осуществлялось через жеребьевку. Идеал равноправия, равноучастия в делах общины выступал у казаков с их духом свободы в условиях полного общинного самоуправления. Все жизненно важные управленческие решения обсуждались и принимались на казачьем сходе в условиях полной и непосредственной демократии. Крестьянское (волостное), казачье (станичное) и местное

территориально-национальное самоуправление было основой самоуправления в российской дореволюционной территориальной общине. Оно было гарантом, решающим условием сохранения общины, основой тысячелетнего развития государственности России.

Коллективистские основания русской общины средневековой эпохи в отличие от индивидуалистических принципов организации общин Западной Европы объяснялись рядом факторов, главным среди которых являлось естественное стремление человека к объединению в свободную общность для увеличения возможностей выживания в сложных природно-климатических условиях. Кроме того, непростые внешнеполитические факторы средневековой России остро ставили вопрос об обеспечении безопасности страны. Одна княжеская дружина, пусть и довольно боеспособная, такой безопасности обеспечить не могла. Разрушение российской крестьянско-казацкой общины началось со времени столыпинских реформ, хотя ее самоуправленческие начала реформами 1906-1911 гг. не затрагивались. Лишь в процессе большевистских реформ конца 20-х – начала 30-х гг. XX в., в ходе так называемой коллективизации, был положен конец общинному самоуправлению и самой общине, что, несомненно, нанесло удар и по русской государственности. Колхозно-совхозная система убила и общинный менталитет русской деревни.

Таким образом, в основе местного самоуправления в нашей стране, в основе института территориального общественного самоуправления, как составной части всей системы местного самоуправления в соответствии с тысячелетней исторической традицией должен лежать принцип свободной личности в свободной общине как залог создания подлинно демократического государства. Конституция Российской Федерации обеспечила осуществление этого принципа через различные установления: через право граждан на объединение; через право на проведение собраний, в том числе для защиты общественных интересов; через право объединений граждан иметь в

собственности землю; через право граждан осуществлять местное самоуправление в формах прямого волеизъявления (референдум, выборы, собрания, сходы, народная правотворческая инициатива). Закрепление в основном законодательном акте России того, что местное самоуправление не входит в систему государственной власти, что население самостоятельно определяет структуру органов местного самоуправления, в том числе и вариант, при котором органы местного самоуправления в муниципальном образовании могут отсутствовать в принципе, усиливает основание для определения модели современного территориального общественного самоуправления в стране как свободной общины [1].

При этом надо учитывать, что организационно-правовое регулирование свободной общины через регулирование и защиту прав и свобод человека и гражданина, а также через регулирование и защиту прав национальных меньшинств, осуществляется федеральным законодательством. Закон РСФСР «О местном самоуправлении в РСФСР» от 06.07.1991 г. [2] создал правовое поле для учреждения общины свободных граждан под названием территориальное общественное самоуправление, прототипом которого является русская (крестьянская, казачья, национально-территориальная) территориальная община. Хотя сам термин «свободная территориальная община» в федеральном законодательстве не используется, в ряде субъектов федерации он закрепляется в важнейших нормативно-правовых актах, регулирующих вопросы местного самоуправления на соответствующей территории. Текст Конституции Российской Федерации создал основу законодательного регулирования правового статуса современной территориальной общины с правами юридического лица, хозяйствующего субъекта и территориальной единицы самоуправления, обеспечивая правовые условия возрождения русской общины как образа жизни. Закрепляя правовые нормы организации свободной общины, хотя и не используя ее название, Конституция РФ вносит существенный вклад в развитие ее современного

правового регулирования. Законодательная регламентация норм свободной общины создает важнейшие условия для формирования духа свободной личности, которая, как говорилось выше, только и может быть гарантом устойчивого развития демократического государства в России.

ПРИМЕЧАНИЕ

1.ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» от 06.10.2003. № 131-ФЗ (с последующими изменениями и дополнениями) // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 42. – Ст. 4427.

2.Закон РСФСР «О местном самоуправлении в РСФСР» от 06.07.1991 г // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. – 1991. – № 29. – Ст. 1010.

TERRITORIAL PUBLIC SELF-GOVERNMENT AS A FACTOR IN SOCIAL CONSOLIDATION

P.N. Markov

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

M.A. Eshev

Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor

Abstract: the article is devoted to the analysis of the concept of territorial public, which is proposed in the legislative acts of the Russian Federation, in the works of a number of legal researchers.

Keywords: local self-government, territorial public self-government, normative legal acts, constitutional provisions, free community.

References:

1. Federal Law "On General Principles of Organization of Local Self-Government in the Russian Federation" dated 06.10.2003. No. 131-FZ (with subsequent amendments and additions) //Collection of legislation of the Russian Federation 2003. № 42. Article 4427.

2. The Law of the RSFSR "On Local Self-Government in the RSFSR" dated 06.07.1991//Vedomosti of the Congress of People's Deputies of the RSFSR and the Supreme Council of the RSFSR. 1991. № 29. Art. 1010.

**ВЛИЯНИЕ РАЗВИТИЯ НЕЙРОСЕТЕВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА
ОБЛАСТЬ СОЦИОГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ:
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

*Александр Звонок,
кандидат философских наук
Луганский государственный педагогический университет
Луганск*

Аннотация. Статья затрагивает вопрос о роли социально-гуманитарного знания в цифровом обществе с учетом активного развития нейросетевых технологий. Рассмотрена концепция «цифрового кентавра» как одно из направлений адаптации представителей гуманитарных наук к обществу будущего.

Ключевые слова: гуманитарное знание, нейронная сеть, «цифровой кентавр», функциональная грамотность, компьютерное мышление.

В 2023 году студент РГГУ успешно защитил диплом, написанный нейросетевым чат-ботом ChatGPT. Данный сервис успешно сгенерировал разумный текст отдельных разделов диплома, размещая в нем ссылки на реальные исследования, как того и требует научная работа. Сегодня с помощью ChatGPT пользователи успешно генерируют статьи для онлайн-блогов, школьные сочинения и эссе, удаленно проходят собеседования и выполняют тестовые задания для принятия на работу [1]. В качестве реакции российские вузы просят ограничить доступ к сервисам уровня ChatGPT, а зарубежные вузы требуют от компании-разработчика создать сервис, который бы обнаруживал тексты, написанные нейросетями, что позволит контролировать нечестных школьников и студентов [2]. Параллельно с этим, такие нейросетевые сервисы генерации изображений по текстовым описаниям как Midjourney, DALL-E и Stable Diffusion оставляют без работы все больше молодых начинающих

художников, по текстовым описаниям создавая обложки книг, фантастических персонажей и т.д. Сегодня скорость развития нейросетевых технологий впечатляет, как и их внедрение в повседневную жизнь.

Нейронная сеть – это математическая модель и ее практическое воплощение, имитирующее принципы организации и функционирования биологических нейронных сетей – нервных клеток живого организма. Таким образом, имитируя пучки нейронов в живом мозгу, нейросети не программируются в привычном понимании, а обучаются на входящих данных. Все современные голосовые помощники, поисковые системы, системы распознавания или генерации изображений выстроены на базе нейросетей (их еще называют ИИ, хотя до полноценного искусственного интеллекта им еще очень далеко). Первая математическая модель обучаемой искусственной нейронной сети была создана еще Ф. Розенблаттом в 1958 году [3, с. 12]. Впоследствии, с развитием компьютерных технологий это позволило совершить новый рывок в сфере нейросетей с 2010-х годов. Впрочем, нельзя называть указанные нейросетевые модели «разумными». Все функционирующие сегодня нейросети, как в виде чат-ботов (ChatGPT и т.д.), так и в виде голосовых помощников («Алиса» от Яндекс, «Маруся» от VK и т.д.) не претендуют на наличие «сознания» в том смысле, какой в это понятие вкладывают люди. Впрочем, это не мешает им выполнять отдельные узкие задачи, такие как генерация изображений или текста практически на человеческом уровне, но в тысячи раз быстрее, тем самым постепенно отвоевывая целые сферы профессиональной деятельности у обычных людей.

На данный момент такое бурное развитие нейросетей наибольшие социальные трансформации вызывает именно в социогуманитарных научных областях. Прежде всего, это связано с восприятием гуманитарных наук в общественном сознании. Для обывателя (и ученых из негуманитарных областей знания) образ усредненного гуманитария прочно связан с написанием пространственных текстов, за которыми трудно сразу выделить практический

научный результат (в отличие от работ биологов, физиков и т.д.). В ближайшие десятилетия многие «гуманитарные» образовательные специальности могут просто вымереть, учитывая скорость развития технологий. Уже сегодня онлайн-переводчики от ведущих корпораций выполняют переводы с наиболее популярных языков на человеческом уровне. Сюда же следует отнести вымирающие профессии «рерайтера» и «копирайтера», создающие тексты (вакансии на них еще существуют, но спрос и размер оплаты труда критически падают с каждым годом). Следует полагать, следующей под ударом окажется журналистика (по крайней мере, сфера онлайн-журналистики, не связанная с «полевой» работой в реальном пространстве). И, разумеется, с возрастанием осмысленности генерируемых продуктов нейросетевых технологий, в опасности окажутся теоретические области таких гуманитарных наук, как социология, политология и т.д.

Одним из путей выхода из кризиса социально-гуманитарных наук в условиях техногенной культуры цифрового общества будущего является принятие концепции «цифрового кентавра» – системы, которая состоит из человека и ИИ («Искусственного Интеллекта», под этой категорией сегодня в общественном сознании подразумеваются самые разнообразные виды и модели нейросетей). Эта система может выполнять анализ и решение поставленных задач эффективнее, чем человек и искусственный интеллект по отдельности, значит, человеку необходимо сконцентрироваться на лучшем взаимодействии с ИИ, а не противостоянии ему. В России концепция получила положительный отклик в различных областях.

При ближайшем рассмотрении, концепция «цифрового кентавра» заключается в следующем: вместо того, чтобы заниматься критикой цифрового будущего, человек должен адаптироваться под новые условия. Как уже упоминалось, такие нейросервисы как Midjourney, DALL-E и Stable Diffusion оставили без работы десятки тысяч начинающих художников. В то же время, сначала на зарубежных, а теперь и на российских сайтах с вакансиями по

поиску работы начинают появляться такие новые вакансии, как «оператор Midjourney» – работа, требующая от людей на профессиональном уровне создавать запросы к нейросети, по которым та генерирует требуемые изображения. Здесь уместно вспомнить, как когда-то изобретение фотографии заставило часть художников переквалифицироваться в фотографов. Участники системы образования боятся, что нейросети заменят педагогов в сфере обучения: уже сегодня нейросетевые сервисы по заданным шаблонам могут генерировать сотни типовых задач, так же точно можно научить нейросеть и проверять выполненные задания. Однако не следует забывать, что функции педагога заключаются не только в механической подаче информации и проверке ее усвоения, одна из важнейших функций педагога в области гуманитарных наук – воспитательная: передача гуманистических идеалов и ценностей, трансляция культуры и интеграция обучающихся в общество. В связи с этим стоит задуматься о том, какими путями можно улучшить систему образования, чтобы учащиеся лучше адаптировались к новым социальным трансформациям, вызванным техническим прогрессом.

Л. Н. Лебедева обращает внимание на то, что сегодня в образовании на первый план выходит «функциональная грамотность» – новый стиль мышления и особый набор качеств, которые в комплексе дают способность разбираться в инновациях на основе имеющихся прежде знаний, умений и навыков, успевая за ритмом развития технологий современного мира. В употребление входят такие понятия, как «компьютерное мышление», под которым понимается способ восприятия информации, позволяющий вычленить проблему и метод ее решения в виде, доступном для компьютерной обработки. Иначе говоря, это формализация мышления, способность представлять данные в особой форме, доступной для компьютера, умение алгоритмически мыслить и вычленять алгоритмы для обработки информации [4, с. 170–172].

Таким образом, можно утверждать, что представители «гуманитарного» направления все еще необходимы обществу, однако происходящие социальные

трансформации требуют от них приспособиться к грядущим инновациям и выработать у себя навыки и типы мышления, востребованные в цифровую эпоху. В свою очередь, возрос запрос и на гуманитарные навыки и компетенции в технических сферах, где в значительной мере повысилась востребованность специалистов, обладающих т. н. «soft skills»: навыками быстрой адаптации к новым условиям, гибкости, коммуникабельности, командной работы и т.д. Практика показывает, что обучить программированию хотя бы на базовом уровне можно любого за адекватное время, но нельзя так просто обучить человека коммуникабельности или креативности мышления. В свою очередь, само появление новых профессий, таких как цифровые лингвисты или координаторы образовательных платформ, говорит о постепенной адаптации носителей гуманитарного знания к новым реалиям цифрового общества. В совсем недалеком будущем мы можем увидеть философов и социологов, моделирующих различные этические и социальные проблемы на суперкомпьютерах, и тогда это станет верным признаком того, что гуманитарные науки стали полноценной составляющей развивающегося цифрового общества будущего.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Герцен, А. ChatGPT создал резюме, выполнил тестовое задание и нашёл мне работу [Электронный ресурс] / А. Герцен. – VC.RU, 2023. – URL: <https://vc.ru/future/591844-chatgpt-sozdal-rezyume-vypolnil-testovoe-zadanie-i-nashel-mne-rabotu> (дата обращения: 28.02.2023).

2. РГГУ предложил ограничить доступ к написавшему диплом чат-боту ChatGPT [Электронный ресурс]. – РБК, 2023. – URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/01/02/2023/63da66c19a7947f79e7c2d54 (дата обращения: 28.02.2023).

3. Абрагин, А. В. Перспективы развития и применения нейронных сетей / А. В. Абрагин // Проблемы современной науки и образования. – 2015. – № 12(42). – С. 12–15.

4. Лебедева, Л. Н. Формирование нового стиля мышления в процессе информатизации общества / Л. Н. Лебедева // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2022. – № 2. – С. 168–178.

INFLUENCE OF THE DEVELOPMENT OF NEURAL NETWORK TECHNOLOGIES ON THE FIELD OF SOCIO-HUMANITARIAN KNOWLEDGE: SOCIOLOGICAL ASPECT

Alexandr Zvonok,
candidate of Philosophy, Docent of the Department of Sociology and
Organization of Work with Youth
Luhansk State Pedagogical University, Luhansk, Russian Federation

Annotation. The article touches upon the issue of the role of social and humanitarian knowledge in a digital society, taking into account the active development of neural network technologies. The concept of «digital centaur» is considered as one of the directions for the adaptation of representatives of the humanities to the society of the future.

Keywords: humanitarian knowledge, neural network, «digital centaur», functional literacy, computer thinking.

References

1. Herzen, A. ChatGPT created a resume, completed a test task and found me a job [Electronic resource] / A. Herzen. – VC.RU, 2023. – URL: <https://vc.ru/future/591844-chatgpt-sozdal-rezyume-vypolnil-testovoe-zadanie-i-nashel-mne-rabotu> (date of access: 28.02.2023).
2. The Russian State Humanitarian University proposed to restrict access to the ChatGPT chat bot that wrote the diploma [Electronic resource]. - RBC, 2023. - URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/01/02/2023/63da66c19a7947f79e7c2d54 (date of access: 02/28/2023).
3. Abragin, A. V. Prospects for the development and application of neural networks / A. V. Abragin // Problems of modern science and education. - 2015. - No. 12(42). – P. 12–15.
4. Lebedeva, LN Formation of a new style of thinking in the process of informatization of society / LN Lebedeva // Bulletin of the Armavir State Pedagogical University. - 2022. - No. 2. - P. 168–178.

ТРИ МИССИИ КЛАССИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА: ИСПЫТАНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИЕЙ

Елена Колесникова

*кандидат социологических наук, доцент
Южный федеральный университет,
Институт социологии и регионоведения
Ростов-на-Дону*

Аннотация. В статье анализируются содержание и особенности цифровой революции в образовании, ее влияние на эволюцию внешней и внутренней среды деятельности университетов, раскрываются идейные основания возникновения и развития классического университета, выявляются возможные риски реализации его ключевых функций и миссии в условиях цифровой революции в образовании.

Ключевые слова: цифровая революция; Гринфилд в образовании; современный университет; классическая модель университета; миссия университета; образовательное пространство; цифровизация; трансформация; глобализация; образовательные экосистемы.

Проблема сохранения в условиях цифровизации образования единства трех миссий классического университета (образования – исследования – воспитания) актуализируется не только новыми перспективами виртуализации самого образовательного процесса на базе информационных технологий, но и развернувшейся в обществе в настоящий момент дискуссии о судьбе Болонского процесса в России, в системе которого цифровые платформы и электронные ресурсы, формирующие единый глобальный рынок образовательных продуктов и услуг, имеют ключевое значение. Вопрос о том, что сохранить в этой системе, а от чего отказаться, является в настоящее время предметом острых дискуссий на всех уровнях образовательного сообщества. И это полностью относится к проблеме сохранения единства трех миссий

университета в контексте происходящих сегодня трансформаций национальных образовательных систем, как в западном, так и в восточном полушариях.

В мировой образовательной системе на наших глазах совершается цифровая революция, трансформирующая содержание, формы, технологии, организацию, социальную мотивацию образовательного процесса, его целеполагание и приоритеты. Содержанием этой революции в образовании выступает смена его традиционного социального уклада на технологически алгоритмизированный уклад, «переток» его продуктов (услуг) в цифровой оболочке в виртуальное глобальное пространство, функционирующее по законам открытого информационного общества, рынка, бизнеса и свободной конкуренции. В этой логике трансформаций классические университеты при всем многообразии университетских структур (транснациональных, национальных, отраслевых, нишевых, региональных, муниципальных) занимают совершенно особое место.

Современные университеты онтологически выросли из классического университета, имеющего свою историю, традиции, этос, академическую культуру, миссию, которые создают «эффект колеи» в историческом развитии университетов. Сама идея, которая получила наименование «идея классического университета», появляется, как известно, благодаря деятельности немецких реформаторов XIX в., создавших модель сущностно нового для своего времени университета [8, с. 46-58]. В идейной основе классического университета, его институционального каркаса, находится триединство функций образования, исследования и воспитания.

Однако, в многочисленных и многообразных практиках ведущих зарубежных университетов по освоению технологий тотальной цифровизации образовательного процесса и его продуктов, во многом размывается исторически сложившаяся целостность и единство этой базовой триады, и

возникает новая архитектура взаимодействия образования и рынка, создающие новые угрозы и риски для университета.

Поэтому, не случайно в научном дискурсе цифровая революция обсуждается, как правило, в формате поиска, оценки и прогнозирования возникающих в процессах цифровизации не только новых возможностей, но и противоречий и рисков. И здесь важно отметить, что цифровая революция, как показывает практика, затронула не только внутренний, но и внешний контуры жизнедеятельности университета, существенно изменив актуальный набор услуг и товаров, продуцируемых в глобальном образовательном пространстве, а также состав действующих в нем акторов. Внешняя образовательная среда университетов под воздействием новых информационных и коммуникативных технологий радикально трансформировалась. В ней появились и закрепились институционально новые форматы образовательных структур, ориентированные на потребности динамично развивающегося инновационного сектора экономики, рынка инновационных продуктов и услуг. Среди них – так называемые «Гринфилды», образовательные проекты, созданные с нуля на основе новейших технологий (в отличие от «Браунфилдов» (от англ. brownfield) – возделанное поле) [1].

Внутри и рядом с сегментом традиционных университетов, достаточно успешно использующих современные ИТ-технологии, сформировался огромный кластер открытых, виртуальных, цифровых образовательных структур, функционирующих с момента создания на принципах рыночной конкуренции, ориентированных на спрос мирового рынка, социально маркируя образование как рыночную услугу, а саму образовательную деятельность как бизнес – процесс, ключевым результатом которого должны быть доход, прибыль, капитализация. Заметим здесь, что эти принципы, в частности, составляют органическую часть Болонского процесса.

Драйверами, инициаторами формирования этого сегмента образовательных бизнес-структур, функционирующих в открытом глобальном

цифровом формате, стали крупные компании, корпорации, инновационные бизнес-структуры, предлагающие мировому рынку образовательных услуг проекты в «цифре» – проекты массового спроса (МООС)¹ на любой вкус и целевой спрос, включая специализированные образовательные контенты, цифровые системы оценки и сертификации результатов обучения, модели управления учебным процессом, платформы социальных сетей для студентов и преподавателей, и многое другое [2, с.238].

Цифровизация образования динамично продвигается и в России. Создана и успешно действует Ассоциация «Национальная платформа открытого образования», развиваются формы дистанционного образования, электронная бизнес-среда, укореняется практика онлайн-курсов, рынок которых составил уже в 2019 г. 21 млрд. руб. [3, с.5]. Расширяются практики прихода крупных корпоративных структур в образовательную сферу [4, с.113–140]. Российские участники запускают образовательные проекты на новой цифровой платформе – проект «Eduson.tv» (деловые курсы дистанционного образования), «Универсариум» (массовые онлайн курсы). В России формируется новый тип образовательной инфраструктуры – «Co-learning Центры» [5, с.113–140]. Новые корпоративные образовательные бизнес-структуры взаимодействуют с традиционными университетами, замыкая на себя значительную часть их функций, встраивая в образовательное пространство альтернативные образовательные ресурсы массового спроса, создают совершенно новую архитектуру образовательного пространства [6, с.90–95]. Массовый спрос на эти локальные прикладные образовательные продукты и услуги совпал по времени с появлением на базе цифры технологически-алгоритмизированных форм их «потребления» в виртуальном пространстве, дистанционно, онлайн-режиме.

¹ МООС - Massive Open Online Courses – массовые открытые онлайн курсы

Важнейшим трендом при этом явилось частичное замещение образовательной «услуги», которая традиционно осуществлялась в рамках «формальной образовательной организации», образовательным «продуктом» – контентом, потребляемым напрямую и без посредников (педагогов, учителей, менеджеров) с помощью цифровых образовательных платформ.

Таким образом, практика цифровизации образовательной системы в логике глобального рынка, как она развивается в настоящее время, заставляет сделать заключение о том, что ею, как уже было отмечено, продуцируются не только большие возможности, но и возникают существенные социокультурные риски для классических университетов с их базовой концептуальной триадой. Среди них следует, прежде всего, выделить следующие:

1. Цифровизация создает технологические возможности для реального отделения образовательной функции (ее цифровых продуктов) от целостной экосистемы университета и переноса ее в параллельное виртуальное пространство, где она трансформируется в форму «рыночной услуги», продаваемой и перепродаваемой многочисленными провайдерами, «фабриками», центрами и другими субъектами рынка образовательных продуктов и услуг, действующими по логике бизнеса. Потерявшая, таким образом, системные связи с другими функциями университета (исследования, социализации–воспитания личности), которые реализуются, как правило, в предметно–контактных, институционально организованных формах коммуникации в университетской среде, «образовательная услуга» атомизируется, теряет свое неразрывное триединство социальных миссий – свойства подлинного образования как процесса освоения знаний о природе, обществе и человеке, формирования творческой, всесторонне развитой, социально ответственной личности, способной к продуктивному труду.

2. Создавая гигантские объемы информационных контентов, ориентированных на сиюминутный, частный, локальный рыночный спрос, образовательные бизнес-структуры следуют логике маркетинговых стратегий,

тем самым еще более отделяют образовательный продукт от всей цепочки генерации новых знаний. Целостный пазл, институционально совмещающий, сопрягающий в пространстве экосистемы университета «бесшовные» процессы всего научно-образовательно-инновационного цикла, дезинтегрируется. То есть, коммерциализация в цифровом формате отдельной образовательной функции университета, вне органической связи с другими элементами триады, «разрывает» его единство и целостность (в частности, известный принцип «преподаю то, что исследую»), снижая общий уровень гомеостаза университетской экосистемы.

3. В университетской образовательной системе тотальное использование онлайн технологий резко снижает долю «живого знания» — знания и опыта, передаваемого «из рук в руки», сужает пространство живого контакта учителя и ученика, а значит и пространства ценностных, эпистемологических коммуникаций, а виртуализация образовательных коммуникаций требует от преподавателя оперативной доступности для студентов 24 часа в сутки, что критически снижает временной ресурс для занятия наукой [7, с. 72–91].

4. Ориентация на фундаментальность образования, ее гуманитарную составляющую под натиском изменяющегося спроса на прикладные, практикоориентированные интеллектуальные продукты сужается, частично размывается, превращается в экзотику (для немногочисленных профессоров и студентов) Перечень рисков от цифровизации для классического университета (социокультурного единства его миссий) можно было бы продолжить.

Важно при этом иметь в виду, что в процессах непрерывных реформаций российского высшего образования в последние два десятилетия, ориентированных на «вхождение» в мировое образовательное пространство, в том числе на принципах Болонского процесса (напомню, что к ним относится введение его многоуровневой модели, вариативность образовательных траекторий, клиентоориентированность менеджмента, опора на частный

индивидуальный спрос, диверсификация источников финансирования, принцип доходности образовательной услуги и т.д.) при всем их драматизме, тем не менее функциональное социокультурное единство трех миссий университета оставалось незыблемым. Университеты на обширной полиэтнической российской периферии развивались как центры образования, науки и культуры. Особенно проявился этот тренд в стратегиях и практиках создания и развития группы федеральных, национальных, исследовательских, опорных университетов, в архитектуре которых ключевое место отведено воспитанию молодых ученых, поддержка креативных инициатив, связям с местным предпринимательским сообществом, опоре на ценности и традиции проживающих в регионах этносов. Эти стратегии были поддержаны, закреплены и пролонгированы и в современных национальных проектах развития науки и образования.

И в них речь идет о формировании «бесшовной», сквозной, единой цифровой среде для всех трех составляющих университетской экосистемы – и образования, и науки (включая инновационно-предпринимательскую деятельность) и воспитания.

В этих документах университеты рассматриваются как научно–образовательные экосистемы, в которых сетевые взаимодействия и развитие образовательных, исследовательских, инновационных инициатив, институтов и инструментов социализации молодежи являются обязательным условием их государственной поддержки. Модель «триады» классического университета как концептуального каркаса его развития в них достаточно рельефно выражена. Также заметными событиями стало формирование 15 научно–образовательных и научных центров мирового уровня, научно–технологических образовательных кластеров, значительное укрепление ресурсов «опорных университетов», ответственных за технологическое развитие отраслей экономики в регионах, а также динамичное развитие сетевых «горизонтальных» связей университетов в виде межвузовских ассоциаций,

консорциумов, в состав которых (с сохранением статуса юридических лиц) входят десятки вузов, научных учреждений, «индустриальных партнеров» и корпораций, интегрирующих свои интеллектуальные потенциалы, включая технологии и ресурсы цифровизации. Так, Южный федеральный университет является одним из ключевых участников Южного научно-образовательного кластера мирового уровня (из 15 созданных в РФ), участником Программы технологического академического лидерства – «Программа – 2030», организатором и участником ряда межрегиональных ассоциаций и консорциумов, центров превосходства, «точек кипения», технопарков и др., функционирование которых позволяет сохранять и развивать социокультурное единство трех миссий университета, в том числе в организации академических практик и воспитания студенческой молодежи.

Таким образом, жизнь классического университета видоизменяется в эпоху цифровой революции. Практика отечественного образования свидетельствует, в отличие от их западных версий, что действующее единство и целостность ключевых его миссий – образования, исследования и воспитания – продолжает демонстрировать и в новых условиях свое фундаментальное значение для развития университета как социального института и драйвера технологической революции.

Однако, следует сказать, что в условиях, когда виртуальные коммуникации доведены до технологического совершенства, системы искусственного интеллекта вытесняют во всех сферах профессиональной деятельности значительную часть технологий передачи знаний и опыта «из рук в руки», а виртуальное обучение превращается в настоящую мегавселенную онлайн-классов, риски трансформации классических университетов в цифровые образовательные платформы, а их преподавателей по объему и структуре выполняемых функций – в виртуальных дежурных операторов по обслуживанию этих платформ, остаются весьма высокими.

Подводя итоги, следует акцентировать внимание на появление в условиях цифровой революции в образовании новой, поистине фундаментальной задачи в стратегии развития классических университетов – это фокусирование стратегий и ресурсов менеджмента на гармонизацию действующих институтов и социальных технологий, поддерживающих социокультурное единство университетского локуса, его образовательных, исследовательских и воспитательных практик. Какое бы давление на них не оказывали рыночные императивы коммерциализации знаний и другие драйверы цифровизации рыночной социальной среды существования университетов, включая ряд используемых ныне технологий Болонского процесса (в частности, клиентоориентированность, прикладная ориентация образовательных программ, рыночная атомизация цифровых продуктов, бюрократизация управления и пр.), ключевой составляющей этой задачи является, как представляется, поиск баланса между объемами и интенсивностью виртуальных платформенных онлайн-коммуникаций и традиционных лично-ориентированных коммуникаций в системе «Учитель-Ученик», включая закрепление индикаторов этого баланса в соответствующих нормативах и регуляторах по каждой миссии. Только при решении этой задачи творческий личностный потенциал преподавателей и студентов, ученых и администраторов университета может быть раскрыт и продуктивно включен в общий процесс достижения академического лидерства российской национальной образовательной системы в современном контексте цифровой революции в образовании.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Волков, А. Е., Конанчук, Д. С. Эпоха «Гринфилда» в образовании: исследование SEDeC. – URL: https://skolkovo.ru/public/media/documents/research/education_10_10_13.pdf Дата обращения: 10.11.22.

2. Экосистемы в пространстве новой экономики: монография / науч.ред.: М.А.Боровская, Г.Б.Клейнер, Н.Н.Лябах, И.К.Шевченко; Южный

федеральный университет. – Ростов–на–Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2020. 780 с.

3. Панарина, Е.А. Каким станет завтра // Поиск, №13. 29 марта 2019. С.5.

4. Кузина, Г.П. Концепция цифровой трансформации классического университета в «цифровой университет» // E–Management. Т.3. 2020. №2. С. 89–96.

5. Пономаренко, Е.В. Новые модели развития университетов в мире в условиях цифровой революции: теоретические и практические подходы // Государственная служба. 2017. Т. 19. № 6. С. 57–63.

6. Грачева, С.М. Корпоративные университеты за рубежом (история создания, опыт, современность). // Управление персоналом – 2008, № 5. С. 90–95.

7. Ковалев, В.В., Касьянов, В.В., Манучарян А.К. Онлайн образование в высшей школе России: фактор разрушения или источник развития? // Гуманитарий Юга России. 2020. Том. 9 (43) № 3. С. 72–91.

8. Андреев, А.Ю. Гумбольдтовская модель классического немецкого университета // Новая и новейшая история. М., 2003. № 3. С. 46–58.

THREE MISSIONS OF THE CLASSICAL UNIVERSITY: TESTED BY DIGITALIZATION

Kolesnikova Elena Yurievna

Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor

Southern Federal University, Institute of Sociology and Regional Studies

Rostov-on-Don, Russia

Abstract. The article analyzes the content and features of the digital revolution in education, its impact on the evolution of external and internal environment of universities' activities, reveals the ideological foundations for the emergence and development of a classical university, and identifies the possible risks of implementing its key functions and mission in the context of the digital revolution in education.

Keywords: digital revolution; Greenfield in education; modern university; classical university model; university mission; educational space; digitalization; transformation; globalization; educational ecosystems.

References:

1. Volkov A. E., Konanchuk D. S. The era of "Greenfield" in education: SEDeC research [https://skolkovo.ru/public/media documents/research/education_10_10_13.pdf](https://skolkovo.ru/public/media/documents/research/education_10_10_13.pdf)

2. Ecosystems in the space of the new economy: monograph / scientific editor: M.A. Borovskaya, G.B. Kleiner, N.N. Lyabakh, I.K. Shevchenko; South Federal

University. – Rostov-on-Don; Taganrog: Southern Federal University Press, 2020. 780 p.

3. Panarina E.A. What will tomorrow be // Search, No. 13. March 29, 2019. P.5.

4. Kuzina G.P. The concept of digital transformation of a classical university into a "digital university" // E-Management. T.3. 2020. No.2. pp. 89–96.

5. Ponomarenko E.V. New Models for the Development of Universities in the World in the Context of the Digital Revolution: Theoretical and practical approaches // Public service. 2017. V. 19. No. 6. S. 57–63.

6. Gracheva S.M. Corporate universities abroad (history of creation, experience, modernity). // Personnel Management - 2008, No. 5. P. 90–95.

7. Kovalev V.V., Kasyanov V.V., Manucharyan A.K. Online education in higher education in Russia: a factor of destruction or a source of development? // Humanitarian of the South of Russia. 2020. Vol. 9 (43) No. 3. P. 72–91.

8. Andreev A.Yu. Humboldt's model of a classical German university // Modern and recent history. M., 2003. No. 3. P. 46–58.

УДК 323.22/28

**КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ
ГОРОДСКИХ КОНФЛИКТОВ**

Алексей Кольба

*доктор политических наук, доцент
Кубанский государственный университет
Краснодар*

Аннотация. В статье представлены результаты исследования концептуальных к проблеме политической институционализации городских конфликтов. Помимо либеральной концепции институционализации, широко распространенной в современных исследованиях данной проблематики, автор сосредотачивает внимание на авторитарном и гибридном подходах. Определяются характеристики политической институционализации городских конфликтов в современной России, указывающие на использование гибридного подхода.

Ключевые слова: городское конфликт, политическая институционализация, «нелиберальное миростроительство», авторитарный подход, гибридный подход, коллаборативное планирование.

В течение достаточно длительного периода исследования политического управления конфликтами, в частности, их политической институционализации основывались преимущественно на либеральной парадигме, истоки которой находятся в концепциях, разработанных Л. Козером, Р. Дарендорфом, Л. Крисбергом и рядом других ведущих конфликтологов. Соответственно, основные составляющие политико-институционального дизайна управления конфликтами в рамках данного подхода были достаточно хорошо разработаны и активно используются на практике. В то же время постепенно накапливается «критическая масса» исследуемых (и с той или иной степенью успешности регулируемых) конфликтов, характер политической институционализации которых не соответствует установившимся воззрениям. Это приводит к формированию новых концептов научных исследований данной проблематики. В частности, формируется концепция «нелиберального миростроительства» (illiberal peacebuilding) [1,2].

Согласно ей, при отсутствии сложившейся системы политического управления конфликтами на основе демократических начал предполагающих институциональное оформление политической конкуренции, многопартийности, плюрализма и ряда других политических принципов, возможно использование нелиберальных, а порой и прямо авторитарных методов политической институционализации конфликтов. Главной задачей при таком подходе является деэскалация насильственных конфликтов с последующим поддержанием status quo. Институционализация такого типа предполагает введение жестких ограничений для политических акторов, чьи действия могут привести к повышению уровня конфликтности, а также достаточно широкое использование механизмов государственного контроля

над ситуацией. Управление конфликтами преимущественно выносится за пределы публично-политических институтов.

В числе негативных последствий использования такого типа политической институционализации исследователи указывают коррумпирование институтов разрешения споров (например, судебных органов) [5], а также сложный характер изменений политики по какому-либо вопросу, которые обычно происходят в формате внутриэлитных конфликтов [6].

Промежуточным вариантом между либеральной и авторитарной парадигмами является гибридная модель политической институционализации конфликтов. Она предполагает фрагментацию институционального пространства, сочетание институциональных практик различных типов (демократических и авторитарных, формальных и неформальных, универсальных и партикулярных). Властно-распорядительные полномочия при разрешении конфликтов в условиях гибридной институционализации реализуются в зависимости не от официального статуса, а от реальной возможности осуществления контроля над распределением и использованием ресурсов [4]. Участие негосударственных акторов в политическом управлении конфликтами возможно как поддержке государства (механизмы рассмотрения обращений граждан, корпоративное представительство в государственных структурах и др.), так и автономно от него (блоггинг, деятельность профсоюзов и др.) [3]. Таким образом, гибридная политическая институционализация конфликтов представляется более гибким концептом, нежели авторитарный подход.

Указанные концепты политической институционализации изначально широко применялись при анализе политических процессов на национальном уровне. Однако их эвристический потенциал может быть использован для исследований региональной и городской конфликтности. В частности, в процессах политической институционализации городских конфликтов в

крупных городах РФ использование гибридного подхода широко распространено. Это проявляется в ряде аспектов управления ими:

- Формализация ключевых аспектов развития города (строительство, транспортная и социальная инфраструктуры) на основе создания генеральных планов развития, введения правил застройки и т.д. при наличии неформальных возможностей для заинтересованных субъектов (прежде всего, девелоперского бизнеса) действовать в обход установленных правил.

- Вовлечение городских сообществ, движений в обсуждение проблем городского развития в тех форматах, которые не являются обязывающими для муниципальных властей (интернет-площадки, консультативные и экспертные советы, общественные слушания и др.). С помощью такого подхода достигается «эффект присутствия» сообществ в городской политике, однако на практике их влияние на формирование повестки дня и принятие решений крайне ограничено и распространяется преимущественно на проблемы второго-третьего порядка.

- Использование городскими властями для организации диалога в системе отношений «граждане – власть – бизнес» модели «экспертного совета», в рамках которой коммуникация граждан и бизнеса осуществляется преимущественно через властные структуры, а не в режиме прямого диалога. Это позволяет имитировать институционализацию практик коллаборативного планирования городского развития, но в реальности договорённости, которых властные структуры достигают с бизнесом, могут существенно отличаться от тех обещаний, которые даются гражданам.

- Использование манипулятивных практик в политическом управлении конфликтами, противопоставление одних городских сообществ другим. Так, в ряде конфликтных ситуаций предполагаемое ущемление интересов какой-либо части граждан обосновывается «общегородскими интересами» или же позицией другой части общественности.

На данном этапе исследований можно предположить, что политическая институционализация городских конфликтов в крупных городах России в настоящее время имеет гибридный характер, однако эта проблема должна стать предметом дальнейшего научного анализа.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Chandler D. Peacebuilding: The Twenty Year's crisis, 1997-2017. London: Palgrave Macmillan, 2017.
2. Cheung, H. (2019). The Rise of Illiberal Peacebuilding and Authoritarian Modes of Conflict Management // Cornell International Affairs Review. 2019. № 13(1). P. 4–41.
3. Jayasuriya K., Rodan G. Beyond Hybrid Regimes: More Participation, Less Contestation in Southeast Asia // Democratization. 2007. Vol.14. № 5. P. 773–794.
4. Schedler A. The Politics of Uncertainty: Sustaining and Subverting Electoral Authoritarianism. Oxford: Oxford University Press, 2013.
5. Shonholtz R. General Theory on Disputes and Conflicts // Journal of Dispute Resolution. 2003. № 2. P. 6–9.
6. Wu Y. Dynamics of policy change in authoritarian countries: a multiple-case study on China // Journal of Public Policy. 2020. № 40. P. 236–258.

CONCEPTUAL APPROACHES TO THE STUDY OF POLITICAL INSTITUTIONALIZATION URBAN CONFLICTS

Alexey I. Kolba,

Doctor of Political Sciences, Associate Professor,

Professor of the Department of Public Policy and public administration

Kuban State University

The article presents the results of a study of conceptual to the problem of political institutionalization of urban conflicts. In addition to the liberal concept of institutionalization, which is widespread in modern studies of this issue, the author focuses on authoritarian and hybrid approaches. The characteristics of the political institutionalization of urban conflicts in modern Russia are determined, indicating the use of a hybrid approach.

Keywords: urban conflict, political institutionalization, «illiberal peacebuilding», authoritarian approach, hybrid approach, collaborative planning.

References:

1. Chandler D. Peacebuilding: The Twenty Year's crisis, 1997-2017. London: Palgrave Macmillan, 2017.
2. Cheung, H. (2019). The Rise of Illiberal Peacebuilding and Authoritarian Modes of Conflict Management // Cornell International Affairs Review. 2019. № 13(1). P. 4–41.
3. Jayasuriya K., Rodan G. Beyond Hybrid Regimes: More Participation, Less Contestation in Southeast Asia // Democratization. 2007. Vol.14. № 5. P. 773–794.
4. Schedler A. The Politics of Uncertainty: Sustaining and Subverting Electoral Authoritarianism. Oxford: Oxford University Press, 2013.
5. Shonholtz R. General Theory on Disputes and Conflicts // Journal of Dispute Resolution. 2003. № 2. P. 6–9.
6. Wu Y. Dynamics of policy change in authoritarian countries: a multiple-case study on China // Journal of Public Policy. 2020. № 40. P. 236–258.

УДК 316.014

**ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ВОВЛЕЧЕННОСТИ В КОНЦЕПЦИИ ЭРВИНА ГОФФМАНА:
МИКРОСОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К СПЕЦИФИКИ
КОНСОЛИДАЦИИ ОБЩЕСТВА**

Евгений Кубякин

*доктор социологических наук
Академия управления МВД России
Москва*

Антон Кочкин

*Краснодарский университет МВД России
Краснодар*

Аннотация. В настоящей работе рассматриваются особенности концепции Эрвина Гоффмана, посвящённой «полирижимности» индивидов, ежедневно вступающих в социальное взаимодействие в публичных местах. В статье проводится краткий сравнительный анализ типов вовлеченностей индивидов в социальную ситуацию, а именно главной, побочной,

доминирующей и подчиненной вовлеченностей. Авторы исследования приходят к выводу о том, что данная концепция показывает не только и не столько символической уровень взаимодействия индивидов, который, как правило, происходит в «дорефлексивной» стадии взаимодействия людей, но отражает определенную специфику консолидации индивидов в конкретной социальной ситуации.

Ключевые слова: Эрвин Гоффман, микросоциология, вовлеченность, включенность, повседневные социальные практики, социальная ситуация.

Краеугольным камнем в изучении поведения индивидов в публичных местах являются исследования, проведенные Эрвином Гоффманом. Для того, чтобы выработать методологию, позволяющую релевантно рассмотреть поведения людей на публике Эрвин Гоффман прибегает к необычному способу: он занимается изучением поведения в «обособленных регионах»¹, таких как больница св. Елены, расположенной в г. Вашингтоне, округ Колумбия, и общины из трёхсот человек «на одном из Шетландских островов» [3, С. 60]. Э. Гоффман, как бы, отстраняется от шумных мегаполисов и больших людских скоплений для более внимательного анализа простых поведенческих практик, которые все мы используем ежедневно сознательно и бессознательно, вступая в вербальное (или невербальное) общение с людьми, и даже наедине с собой. Такой внимательный подход к изучению поведения можно проиллюстрировать словами Германа Гессе: «Когда человек ищет... случается, глаз его видит лишь то, что он ищет, и он не в состоянии ничего найти, не в состоянии ничего воспринять, ибо думает всегда лишь об искомом, имеет цель, одержим этой

¹ Под «обособленными регионами» в настоящем исследовании мы понимаем места, которые по некоторым причинам дистанцированы от использования повседневных поведенческих практик или в которых частотность таких действий заметно снижена по сравнению с другими исследуемым регионами (учреждениями). Это могут быть режимные заведения, удаленные деревни, больницы закрытого типа. Ярким примером может послужить описанное Харуки Мураками учреждение, в которое попадает Наоко, одна из главных героинь романа «Норвежский лес», в следствие душевной болезни (см. Мураками Х. Норвежский лес / Pocket Book. Эксмо. М. 2009 г. – 384 с.) Примечательно здесь то, что данное учреждение не лечит больных традиционными методами, которые используются в психиатрических клиниках. Такая организация представляет своеобразную эклектику примеров, указанных выше.

целью. Искать – значит иметь цель. А находить – значит быть свободным, распахнутым настежь, не иметь цели» [2, С. 110-111].

Говоря предметно, для описания полученных результатов Э. Гоффман вводит термины, которые упрощают понимание читателя и позволяют выстроить собственный понятийно-категориальный аппарат вкупе с методологией поведенческого анализа людей. Стоит сделать оговорку и сказать, что термины, введенные Э. Гоффманом, следует использовать аккуратно, что обусловлено особенностями перевода. Так, в предисловии к русскоязычному изданию работы Эрвина Гоффмана «Поведение в публичных местах: заметки о социальной организации сборищ» Михаил Соколов пишет: «Гоффман, заметим попутно, имел какое-то странное чутье на слова, не поддающиеся переводу на русский язык» [3, С. 20]. (в данном месте М. Соколов рассуждает над пониманием слова «Self», которое можно понять как первый образ себя). Но, помимо этого, существует и другая особенность: Э. Гоффман, предвещая, как опытный исследователь, что его могут интерпретировать несколько двояко, когда вводит термин, определяет контекст, в котором следует понимать его слова (термины).

Одним из первых терминов, который вводит Эрвин Гоффман для описания поведения в публичных местах, является «сборище», под которым следует понимать консолидацию двух и более людей, «которые находятся в непосредственном присутствии друг друга» [3, С. 77]. Этот термин особенно важен тем, что «сборище» выступает главным условием любого взаимодействия, как вербального, так и не вербального и, кроме того, на его основе строятся «включения», о которых речь пойдет чуть ниже. Другой термин Э. Гоффман именует «ситуацией», под которой он понимает среду в пространстве, попадая в которую, человек становится частью «сборища». В использованной Э. Гоффманом методологии этот термин обозначает границы действия «сборища» людей, в которой будут происходить или происходят включения во взаимодействие. «Социальное событие» — еще один термин,

который Э. Гоффман описывает, как «более крупное социальное действие, предприятие или мероприятие, ограниченное в пространстве и времени и обычно осуществляемое с помощью стационарного оборудования» [3, С. 77]. Специфика его раскрывается в том, что это определение описывает контекст, а также как бы тон ситуации, в котором поведении считается уместным или нет. Это, пожалуй, наиболее сложная и важная единица, передающая колорит события, выстроенный из последовательных включений и вовлеченностей.

Термин «вовлеченность», который мы успели упомянуть несколько раз, по нашему мнению, как нельзя лучше описывает одну из особенностей выработанной Э. Гоффманом методологии. Под вовлеченностью понимается свойство человека уделять внимание конкретному аспекту текущей ситуации, либо игнорировать этот аспект. Что это значит? В социальной ситуации может выполняться несколько действий одновременно: например, когда человек едет в общественном транспорте и занимается просмотром любимого сериала на своем смартфоне: здесь он едет, отслеживая маршрут движения транспортного средства до нужной остановки, здесь же он смотрит сериал, погружаясь в происходящее на экране телефона. Так вот, «вовлеченность» – это некий акцент, который делает индивид на одном из действий в конкретной социальной ситуации, причем и этот акцент имеют свою «силу напряжения». В этом ключе Эрвин Гоффман делит вовлеченность на несколько основных видов:

1. Главная вовлеченность;
2. Побочная вовлеченность;
3. Доминирующая вовлеченность;
4. Подчиненная вовлеченность.

Главная вовлеченность поглощает основное внимание индивида, то есть это основное действие, которое осуществляет человек в конкретный момент времени и в конкретном месте, игнорируя частично или полностью другие действия. Побочная вовлеченность позволяет выполнять добавочное действие

по отношению к главному действию, но при этом эффективность первого действия не снижается. Вернемся к общественному транспорту, только в этот раз рассмотрим водителя, который в одно и то же время управляет автобусом и разговаривает по телефону. В данном случае главной вовлеченностью будет вождение транспортного средства, побочной – разговор по телефону: если мы попробуем усомниться в правильности распределения акцентов и степени внимания водителя, то нетрудно вообразить, что будет если главная вовлеченность поменяется местами с побочной: в худшем случае в производстве следователя местного отдела полиции появиться еще одно уголовное дело.

С доминирующей и побочной вовлеченностями ненамного сложнее, но здесь учитывается не столько степень внимания, а обязанность, которую выполняет индивид или собирается выполнить и которая поглощает внимание. Обязательная деятельность, соответственно, понимается как доминирующая вовлеченность, а побочная как свободная от обязательств. Так, Э. Гоффман описывает различие между доминирующей и побочной вовлеченностями: «Подчиненные вовлеченности поддерживаются молчаливо, с колебаниями и перерывами, выражая своим стилем постоянное внимание и уважение к официальной, доминирующей текущей деятельности. Скажем, ожидая приема у официального лица, индивид может беседовать с другом, читать журнал или рассеяно рисовать карандашом, совершая эти поглощающие внимание действия только до тех пор, пока его не вызовут, после чего он обязан прекратить то, чем занимался с целью скоротать время, даже если его занятие еще не окончено» [3, С. 108].

Помимо основных видов вовлеченности Эрвин Гоффман подразделяет вовлеченности по объектам, выделяя среди них автововлеченность, отрешенность и оккультные вовлеченности. Так, автововлеченность это поглощенность своими действиями, вызванная зачастую интересом к своему телу и обусловленная интересом к имиджу: например, потребление пищи или

справление естественной нужды (говоря об имидже можно вспомнить ежедневную практику, связанную с укладкой волос). Во многом такого рода действия носят повседневный характер и лишены рефлексии. Про отрешенность и оккультные вовлеченности стоит сказать, что, в общем-то, они являются двумя видами одного и того же типа вовлеченности: оккультные вовлеченности и отрешённость отличаются лишь только реакцией окружающих на эти действия и вытекающими из этого последствиями. Простым примером отрешенности может служить легкое напевание прослушиваемой в данной момент песни в общественном транспорте (или в ином другом месте, где есть так называемое сборище). Мы видим, что человек, несмотря на видимую вовлеченность, выпадает из социальной ситуации, его мысли и чувства сконцентрированы на другом: воображение, подпитываемое любимой музыкальной композицией, начинает активно работать: в такие моменты индивид может проехать нужную остановку, если сильно задумается. Природа оккультных вовлеченностей не имеет ничего общего с магией, гаданиями и вызовом демонов: слово «оккультные», скорее, иллюстрирует реакцию людей, которые находятся в одном сборище (или в одной социальной ситуации) с человеком, «испытывающим» подобную вовлеченность. Довольно часто среди прохожих людей на улице можно встретить таких, которые что-то бубнят себе под нос или разговаривают сами с собой¹. Мы можем, предположить, что, вероятно, этот человек страдает от психического расстройства, но это не всегда так, хотя мы привыкли думать, что человек обладает определенной интенцией, раз находится в конкретной ситуации, однако его действия могут иметь как бы иной характер, но окружающие не всегда правильно интерпретируют действия индивида, которые не соответствуют принятым нормам поведения.

¹ Интересным примером реакции окружающего на оккультную вовлеченность, можно найти в биографической повести В. Катаева «Алмазный мой венец»: Катаев с ужасом и интересом наблюдает за тем, как поэт Велимир Хлебников любуется книжным прилавком, при этом он нечто бормочет себе под нос, превознося хвалу богу-дождю. Далее Катаев говорит, что, в общем, это совершенно нормально, поскольку все гениальные люди страдают подобными недугами. См. Катаев В. Алмазный мой венец / Русская классика. Эксмо. М. 2011 г. – 640 с.

Прежде чем перейти к рассмотрению включенности и определению ее методологической значимости, мы хотим сказать несколько слов про конвенциональную замкнутость ситуации, которая, на наш взгляд, предвосхищает достижения акторно-сетевой теории.¹ Дело в том, что, как показывает Э. Гоффман, помимо физических границ ситуации (будь то, например, стена или дверь), существуют пределы, исключающие или ограничивающие вмешательство людей во взаимодействие, если вмешательство вообще допустимо. В данном случае мы не беремся изучать крайние ситуации – на ум приходит скандал, возникший с аморальными действиями участниками группы «Pussy Riot», которые ворвались в храм Христа Спасителя для проведения «панк-молебна» [7], – а говорим о вполне обыденных явлениях: разговор между руководителями определенной организации, который происходит в столовой или публичном месте вообще не ограничен чаще всего никакими видимыми физическими преградами, но для того, чтобы получить сотруднику данного предприятия возможность вступить в разговор и не попасть под воздействие негативных санкций, следует получить разрешение с их стороны. Обозначенный Э. Гоффманом феномен в очередной раз иллюстрирует высокую качественность проводимых наблюдений, достижения которых при детальном анализе могут остеречь сторонних наблюдателей от абьюза или буллинга вообще или объяснить, почему такие явления имеют место быть, несмотря на внешнюю открытость взаимодействия.

Не менее важным положением в изучаемой нами концепции Э. Гоффмана выступает включенность. Под включенностью следует понимать любое взаимодействие с другими членами социальной ситуации. Особенность ее заключается в ее многообразии и пластичности, поскольку данный термин охватывает собой не только открытые вербальные взаимодействия, но

¹ Следует заметить, что, говоря про акторно-сетевую теорию, мы лишь берем во внимание верхний слой этой концепции, то есть взаимодействие людей и не-людей, не затрагивая при этом онтологические и гносеологические особенности ANT. Более подробно, например, см. Латур Б. Политики природы. Как привить наукам демократию / Ад Маргинем. М. 2018 г. – 336 с.

позволяет рассмотреть взаимодействие между людьми и на уровне обмена взглядами. В этой связи можно выделить несколько стадий взаимодействия в сборище:

1. увертюра, то есть, когда индивид проводит рекогносцировку (изучая, например, внешний вид человека с целью оценить готовность человека вступить в коммуникацию) и ангажирует индивида ко взаимодействию: здесь могут быть разные варианты развития события, поскольку многое зависит от того, примет ли «вызов» человек или нет, а также то, как он на него отреагирует;
2. невербальное общение, которое воспринимается на уровне жестов и предшествует встрече;
3. встреча, то есть открытое взаимодействие между несколькими членами одного коллектива;
4. уход и связанные с ними правила – прекращение взаимодействия.

Преимуществом данного подхода к изучению поведения человека в публичных местах является то, что включения позволяют идентифицировать взаимодействие людей на символическом уровне¹ и проявить вариативность форм взаимодействия, на основе распределения вовлеченность в рамках одной социальной ситуации: так, Э. Гоффман говорит о «дрейфе», когда человек, выполняя основное обязательство и концентрируя все свое внимание на действии, которое является существенным для достижения конкретной цели (выполнение обязанности), производит действия в рамках уже обозначенной социальной ситуации, но которое никакого отношения к этой ситуации не имеет, то есть оно, как бы, находится на поверхности (отвлеченный разговор между врачами, проводящими сложную операцию).

¹ Вот, например, что говорит Э. Гоффман по поводу символического значения взглядов: «По сути, когда глаза встречаются с глазами, первый взгляд инициатора может быть неуверенным и неоднозначным, чтобы, если окажется, что его увертюра нежелательна, он мог повести себя так, словно никакой инициации не предполагалось. Таким образом, взгляд глаза в глаза играет особую роль в коммуникативной жизни общества, ритуально закрепляя признаваемую открытость для вербальных высказываний и надлежащим образом усиленную взаимную релевантность действий» (Гоффман. Э. Поведение в публичных местах: заметки о социальной организации сборищ. Пер. с англ. А.М. Корбут; под ред. М.М. Соколова. – М: Элементарные формы, 2017. – С. 166).

Теоретико-методологические особенности исследований Э. Гоффмана по сравнению, например, с положениями символического интеракционизма можно описать сквозь его интерес к драматургии.

В.С. Вахштайн в этой связи говорит, что «из теории символического интеракционизма Блумера Гоффманом заимствуется, в частности, идея «общества» как совокупности «исполнений» (performances) и «интеракции» как фундамента социальной организации. Но трактовка социального взаимодействия у Гоффмана уже в ранних его работах значительно отличается от трактовки Блумера. Интеракция в социальной драматургии – это не столько поток «символически опосредованной коммуникации», сколько взаимодействие небольшого числа людей в обстоятельствах соприсутствия» [1, с. 105].

Концепция, разработанная Э. Гоффманом, позволяет исследователю поведенческих практик в публичных местах раскрыть не только символический уровень взаимодействий между людьми, особенности установок, определяющих поведения индивидов и других членов одного коллектива, как это показывает символический интеракционизм, но и увидеть деятельность консолидированных участников собрания в определенной социальной ситуации, учитывая разные «обертоны», вырастающие из коммуникации между субъектами.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Вахштайн, В. Драматургическая теория Ирвинга Гоффмана: два прочтения // Социологическое обозрение. 2003. №4.
2. Гессе, Г. Сиддхартха. Краткое жизнеописание / Сиддхартха. Нарцисс и Гольдмунд: Пер. с нем. – Мн.: Моган, 1993.
3. Гоффман, Э. Поведение в публичных местах: заметки о социальной организации собраний. Пер. с англ. А.М. Корбут; под ред. М.М. Соколова. — М: Элементарные формы, 2017. — 382 с.
4. Катаев, В. Алмазный мой венец / Русская классика. Эксмо. М. 2011 г. — 640 с.

5. Латур, Б. Политики природы. Как привить наукам демократию / Ад Маргинем. М. 2018 г. — 336 с.
6. Мураками, Х. Норвежский лес / Pocket Book. Эксмо. М. 2009 г. — 384 с.
7. – URL: <https://www.gazeta.ru/social/2017/02/20/10535783.shtml> (дата обращения 22.02.2023).

**THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ASPECTS OF
INVOLVEMENT IN ERWIN GOFFMAN'S CONCEPTS: A
MICROSOCIOLOGICAL APPROACH TO THE SPECIFICS OF THE
CONSOLIDATION OF SOCIETY**

Kubyakin Evgeny Olegovich

Professor of the Department of Theory and Methodology of Public
Administration Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of
Russia, Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor,
Honorary Worker of Education of the Russian Federation

Kochkin Anton Andreevich

Lecturer of the Department of Constitutional
and Administrative Law Krasnodar University of the Ministry of Internal
Affairs of Russia

Annotation. This paper examines the features of Erwin Hoffman's concept of the multitasking of individuals who engage in social interaction in public places on a daily basis. The article provides a brief comparative analysis of the types of involvement of individuals in the social situation, namely the main, secondary, dominant and subordinate involvement. The authors of the study come to the conclusion that this concept shows not only and not so much the symbolic level of interaction of individuals, which, as a rule, occurs in the "pre-reflexive" stage of human interaction, but reflects certain specifics of the consolidation of people in a particular social situation.

Keywords: Erwin Goffman, microsociology, involvement, inclusiveness, everyday social practices, social situation.

References:

1. Vakhstein V. The dramatic theory of Irving Hoffman: two readings // The Sociological Review. 2003. No. 4.
2. Hesse G. Siddhartha. Brief biography / Siddhartha. Narcissus and Goldmund: Translated from German – Mn.: Moga-n, 1993.
3. Goffman. E. Behavior in public places: notes on the social organization of gatherings. Translated from English by A.M. Korbut; edited by M.M. Sokolov. - Moscow: Elementary Forms, 2017. – 382 p.

4. Kataev V. My diamond crown / Russian classics. Eksmo. M. 2011 – 640 p.
5. Latour B. The politics of nature. How to instill democracy in sciences / Ad Marginem. M. 2018 – 336 p.
6. Murakami H. Norwegian Forest / PocketBook. Eksmo. M. 2009 – 384 p.
7. <https://www.gazeta.ru/social/2017/02/20/10535783.shtml> (accessed 22.02.2023).

УДК 101.1:316.4

СОЦИАЛЬНАЯ РЕКЛАМА КАК СОЦИАЛЬНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Елена Лобовикова

кандидат социологических наук

Луганский государственный педагогический университет

Луганск

Аннотация. В статье представлен анализ социальной рекламы как социальной технологии в современном социуме. Показано, что социальная реклама как компонент культурных процессов опирается на определенные ценности и стереотипы, которые доминируют в социуме, при этом является существенным фактором влияния на динамику ценностных трансформаций. Социальная реклама способствует адаптации целевых аудиторий и общества в целом к изменениям в социально-экономической системе, информированию о деятельности социальных институтов, о приоритетах государственной политики.

Ключевые слова: реклама, социальная реклама, общество, ценности, технология.

В современном мире благодаря распространению новых информационных технологий произошли изменения не только в обработке, хранении и распространении информации, но и изменились методы

социализации и передачи социального опыта, и трансформации ценностных ориентаций и принципов, мотивы человеческого поведения. Одним из средств воздействия на эмоциональное состояние человека, его деятельность, действия и формирование новых социальных норм и ценностей является социальная реклама, которая становится одним из факторов влияния на общественное мнение. Социальная реклама является важным компонентом мировоззрения человека, специфической деятельностью, организованной для создания текстов, формирующих образ социально одобряемого действия или мнения.

Необходимость решения социальных проблем современного общества повышает значимость данного вида рекламы и ставит задачи ее дальнейшего развития как социальной технологии. Социальную рекламу изучали О.Ю. Голуб [2], А.А. Кащук [4], Г. Г. Николайшвили [6,7], Е.В. Ромат [9], О. А. Феофанов [10] и др.

Т. В. Астахова исследовала социальную рекламу в области связей с общественностью для третьего сектора (то есть для социального сектора) [1].

Термин «социальная реклама» используется преимущественно на территории постсоветского пространства, в то время как на Западе такая реклама представляется как некоммерческая, общественная. Под «некоммерческой» понимается реклама, спонсируемая некоммерческими институтами или в их интересах, и имеющая целью стимулирование пожертвований, призыв голосовать в чью-либо пользу или привлечение внимания к социальным проблемам. Под «общественной» рекламой подразумевается реклама, которая передает сообщение, пропагандирующее какое-либо позитивное общественное явление.

Закон ЛНР «О рекламе» определяет социальную рекламу как «информацию, распространенную любым способом, в любой форме и с использованием любых средств, адресованную неопределенному кругу лиц, которая направлена на достижение благотворительных и иных общественно

полезных целей, а также обеспечение интересов Луганской Народной Республики» [8].

Е.В. Ромат отмечает, что социальная реклама – это «один из видов коммерческой рекламы, целью которой является формирование определенных психологических установок, которые способствуют достижению общественно значимых целей на различных уровнях: от отдельных социальных групп до общества в целом» [9, с.137].

Социальная реклама играет важную роль в воспитании духовных и моральных ценностей, она должна формировать представления о правильных взаимоотношениях, демонстрировать установленные модели поведения и обращать внимание на социальные проблемы. Выделим функции социальной рекламы: информационная (информирование граждан об актуальных социальных проблемах, предлагая пути решения, а также предостерегая от них и предупреждая о необратимых последствиях); воспитательная (создание определенных моделей поведения человека в обществе); идеологическая (продвижение определенных идей, которые составляют основу мировоззрения человека, становления главной идеологии и укрепления доверия населения к государству); социализирующая (формирование ценностей, норм общества и индивида); мотивационно-побудительная (призывает людей к социально значимым поступкам).

Технологии социальной рекламы позволяют изменить отношение общественности к социальной проблеме, а в долгосрочной перспективе – выработать новые социальные ценности. С помощью социальной рекламы человек усваивает определенные модели поведения, социальные стереотипы, паттерны, ярлыки, ценностные ориентации и установки в социокультурном пространстве, поэтому она традиционно преподносится как энтелехия современного общества.

Таким образом, восприятие социальной рекламы является одним из способов работы с общественным мнением в современном медиaprостранстве.

При этом социальная реклама направлена на формирование общественного мнения; привлечение внимания к актуальным проблемам общественной жизни; формирование позитивного отношения; укрепление социально - значимых институтов гражданского общества; изменение поведенческих моделей общества и др.

О.Ю. Голуб выделяет следующие задачи социальной рекламы: популяризация социальной проблемы; стимулирование людей принимать участие в решении проблемы; информирование о последствиях, представление всех возможных точек зрения; в долгосрочной перспективе – влияние на поведенческие модели; формирование положительного мнения к общественным проблемам; пропаганда здорового образа жизни; развитие гуманистических отношений между людьми; как способ повышения социальной ответственности граждан [2]. Методы управления современным обществом раскрываются через функции рекламы. С помощью мировоззренческой, идеологической, аксиологической, идентифицирующей, регулирующей и упрощающей функции реклама инициирует распространение символов, знаков, духовных, нравственных, социальных и личных ценностей.

Особенностью социальной рекламы является ее направленность на массовое сознание и коллективное поведение, удовлетворяющее фундаментальную потребность субъекта в коммуникации. Возникающие при этом релятивизация ценностей и дисквалификация рефлексивности утверждают безволие человека, превращая его в объект потребления, принимающего правила массовой культуры.

Социальная реклама рассматривается нами как коммуникативная технология, ориентированная на привлечение внимания к жизненно важным проблемам общества и его нравственным ценностям. Теоретическая интерпретация специфики социальной рекламы может быть дана с помощью социального конструктивизма. Коммуникация как процесс конструирования социальной реальности неотделима от предметных практик, поскольку именно

в них коммуникативная конвенциональность находит критерии устойчивой истинности и закрепляющей повторяемости. Это не только способ видения или осмысления того, что конструируется во взаимодействии между людьми, но и сам способ такого взаимодействия.

Социальная реклама вовлекает членов общества в решение социальных проблем, оказывает значительное влияние на изменение моделей поведения человека, формирует его мировоззрение, при этом являясь инструментом предупреждения угроз. Социальную рекламу можно определить как технологию рекламной коммуникации, цель которой – передача обществу социально-значимой информации, направленной на формирование и изменение общественного мнения, социальных норм, моделей поведения. При этом сверхзадачей данной технологии является вовлечение членов общества в решение социальных проблем, т.е. фактически вовлечение в процесс управления.

В.А. Кондрашов, при исследовании социальной технологии выделяет: «1) объективно существующие социальные технологические процессы в обществе; 2) социальные технологические знания о том, как практически реализовать определенную теорию в социальной жизни; 3) социальную деятельность по применению тех или иных знаний для организации социальной деятельности» [5, с. 513].

Е.Н. Демидова отмечает: «Рекламе в качестве социальной технологии присуще разнообразие методов и приемов, которые имеют четкую последовательность и взаимоувязанность. При этом в рекламной деятельности учитывается сегментация контингентов потребителей по различным признакам, что отражается в стратегии рекламных подходов. Эффективность рекламы как социальной технологии базируется на диалектическом единстве стандартных приемов, операций, с одной стороны, и индивидуальном подходе к потребностям членов общества в зависимости от их социального положения

и образа жизни, – с другой. Реклама постоянно учитывает влияние разнонаправленных доминант в материальном и духовном бытии людей» [3].

Социальные технологии – это система знаний об оптимальных способах преобразования и регулирования социальных отношений и процессов в жизнедеятельности людей, а также сама практика алгоритмического применения оптимальных способов преобразования и регулирования социальных отношений и процессов. Социальная реклама – это эффективная, новая социальная технология, поскольку помимо информационной функции она выполняет адаптивную и воспитательную функции.

Социальная реклама определяется нами как социальная технология, обеспечивающая коммуникативные связи между властью, бизнесом, общественными организациями и гражданами. В ее ведении - информирование населения о социальных услугах и налаживание обратных связей между социальными службами и их клиентами; консолидация усилий государственных, коммерческих и благотворительных структур в создании атмосферы общественного партнерства; формирование позитивных поведенческих установок у основной массы граждан. Социальная реклама предлагает пути решения общественно значимых проблем, при этом формируя новые типы общественных отношений, информируя потребителей о социальных услугах. В долгосрочной перспективе социальная реклама меняет не только отношение к проблеме, но и формирует поведенческие установки и воспитывает моральные ценности. Отметим, что социальная реклама не просто призывает к определенным действиям, а рисует некий идеальный образ, в котором эти действия показываются, выступают примером для подражания либо, наоборот, осуждаются в современном обществе.

Социальная реклама, будучи культурным продуктом, через который передаются общечеловеческие ценности, моральные установки, убеждения, социальные ярлыки, стандарты, поведенческие идеологии, точки зрения, принципы, выступает как способ формирования социальной идентичности. В

восприятии рекламных кодов увеличивается количество случаев передозировки информации, что приводит к дезинформации, неадекватной расшифровке информации, что влечет за собой процесс искажения социальной и личной идентичности.

Отмечая манипулятивный потенциал социальной рекламы как социальной технологии формирования общественного мнения выделим необходимость убедить человека принять, изменить или отказаться от определенных действий, взглядов или представлений и др. По мнению Г. Лассуэлла, именно убеждение и аргументация должны быть использованы для изменения общественного мнения [11].

Таким образом, главным признаком социальной рекламы является то, что она представляет общественные и государственные интересы. Основной задачей социальной рекламы является привлечение внимания социума к актуальным проблемам общества. Миссия социальной рекламы как социальной технологии состоит в изменении поведенческой модели общества. Отметим, что современная социальная реклама несет в себе информацию, представленную в сжатой, художественно выраженной форме, она способна доводить до сознания и внимания людей наиболее важные факты и сведения о существующих в обществе проблемах.

Социальная реклама способствует адаптации целевых аудиторий и общества в целом к изменениям в социально-экономической системе, информированию о деятельности социальных институтов, о приоритетах государственной политики. Социальная реклама как технология социальной работы по предупреждению угроз в современном социуме привлекает внимание к актуальным проблемам общественной жизни; формирует позитивное отношение к государственным структурам и их решениям; укрепляет социально значимые институты; формирует новые типы общественных отношений. Социальная реклама вовлекает членов общества в решение социальных проблем, оказывает влияние на изменение моделей

поведения человека, формирует его мировоззрение, при этом являясь инструментом управления социумом.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Астахова, Т. В. Связи с общественностью для третьего сектора / Т. В. Астахова. – М.: Знак, 1996. – 184 с.
2. Голуб, О.Ю. Социальная реклама: Учебное пособие / О.Ю.Голуб. – М.: Дашков и К, 2010. – 180 с.
3. Демидова, Е.Н. Реклама как социальная технология / Вестник Волгоградского государственного университета: Волгоград. – № 2(10). – 2009. – С. 210-214.
4. Кашук, А. А. Тенденции развития социальной рекламы в российском медиапространстве) / А. А. Кашук // Коммуникации в условиях цифровой трансформации: Сборник материалов V Международной научно-практической конференции (29-30 ноября 2021 г.). – СПб.: АНО «София», 2021. – С. 169-174.
5. Кондрашов, В. А. Новейший философский словарь / В. А. Кондрашов. – Ростов н/Дону: Феникс, 2005. – 672 с.
6. Николайшвили, Г. Г. Коммерческая, политическая, социальная реклама: сотрудничество или конкуренция / Г. Г. Николайшвили // Сообщение. – 2003. – № 1. – С. 51– 54.
7. Николайшвили, Г.Г. Социальная реклама: Теория и практика: Учеб. пособие для студентов вузов /Г.Г. Николайшвили. – М.: Аспект Пресс, 2008. –191 с.
8. О рекламе. Закон Луганской Народной Республики от 07 апреля 2017 года № 155-П [Электронный ресурс] // URL: <https://www.nslnr.su/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza/4429/> (дата обращения: 15.01.2023).
9. Ромат, Е.В. Реклама: теория и практика / Е.В.Ромат, Д.В.Сендеров. – М.: Питер, 2013. – 505 с.
10. Феофанов, О. А. Реклама. Новые технологии в России / О.А. Феофанов. – СПб.: Питер, 2005. – 384 с.
11. Lasswell H.D. The Structure and Function of Communication in Society // Mass Communications: A Book of Readings / H.D.Lasswell. – Urbana: University of Illinois Press, 1960. – С. 117-130.

SOCIAL ADVERTISING AS A SOCIAL TECHNOLOGY IN MODERN SOCIETY

Е.А.Lobovikova

Lugansk State Pedagogical University, Lugansk

Annotation. The article presents an analysis of social advertising as a social technology in modern society. It is shown that social advertising as a component of cultural processes is based on certain values and stereotypes that dominate in society, while being a significant factor influencing the dynamics of value transformations. Social advertising contributes to the adaptation of target audiences and society as a whole to changes in the socio-economic system, informing about the activities of social institutions, about the priorities of state policy.

Keywords: advertising, social advertising, society, values, technology.

References:

1. Astakhova, T. V. Public relations for the third sector / T. V. Astakhova. – M.: Sign, 1996. – 184 p.
2. Golub, O.Y. Social advertising: A textbook / O.Y.Golub. – M.: Dashkov and Co., 2010. – 180 p.
3. Demidova, E.N. Advertising as a social technology. / Bulletin of Volgograd State University: Volgograd. – № 2(10). – 2009. – Pp. 210-214.
4. Kashchuk, A. A. Trends in the development of social advertising in the Russian media space.)/ A. A. Kashchuk // Communications in the conditions of digital transformation: A collection of materials in the scientific and practical International Conference (November 29-30, 2021). - St. Petersburg : ANO "Sofia", 2021. – pp. 169-174.
5. Kondrashov, V. A. The Newest Philosophical Dictionary / V. A. Kondrashov. – Rostov n/A : Phoenix, 2005. – 672 p.
6. Nikolaishvili, G. G. Commercial, political, social advertising: cooperation or competition / G. G. Nikolaishvili // Message. - 2003. – No. 1. – pp. 51– 54.
7. Nikolaishvili, G.G. Social advertising: Theory and practice: Textbook for university students /G.G.Nikolaishvili. – M.: Aspect Press, 2008. -191 p.
8. About advertising. Law of the Luhansk People's Republic of April 07, 2017 No. 155-II [Electronic resource] // URL: <https://www.nslnr.su/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza/4429> /(date of reference: 15.01.2023).
9. Romat, E.V. Advertising: theory and practice / E.V.Romat, D.V.Senderov. – M.: Peter, 2013. – 505 p.
10. Feofanov, O. A. Advertising. New technologies in Russia / O.A. Feofanov. – St. Petersburg : Peter, 2005. – 384 p.
11. Lasswell H.D. The structure and function of communication in society // Mass communications: A collection of readings / H.D.Lasswell. – Urbana: University of Illinois Press, 1960. – P. 117-130.

ПРОБЛЕМАТИКА СОЦИАЛЬНОЙ СПЛОЧЕННОСТИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Магомед Магомедов

доктор социологических наук

Донской государственный технический университет

Ростов-на-Дону

Кристина Чантурия

Донской государственный технический университет

Ростов-на-Дону

Аннотация: Стержнем социальной сплоченности является социальная солидарность, когда люди и группы людей объединяются ради общей цели и осознают, что имеется реальная перспектива достижения общего блага. Они готовы действовать, жертвуя при этом личными интересами. Благодаря социальной сплоченности люди ощущают себя связанными с обществом и разделяют общепринятые в нем ценности и социальные цели, они видят в существующей политической системе залог своего социального благополучия.

В уровне социальной сплоченности проявляется, прежде всего, способность общества обеспечить благополучие всех своих членов, минимизировать диспропорции социального развития и не допустить его поляризацию.

Установление социальной сплоченности возможно лишь при установлении прочных социальных связей между людьми, наличия у них реальной возможности воспользоваться своими правами и готовности к выполнению добровольно взятых обязательств.

Ключевые слова: сплоченность, социальный проект, социальная сфера, социальная политика, социальная консолидация.

Сплоченность – одно из важнейших понятий современных социальных наук. В социологическом дискурсе сплоченность (cohesion) фактически

выступает синонимом социальности как таковой, то есть самой первоначальной тканью, из которой возникают все остальные – простые и сложные – формы взаимодействий. Взаимная эмпатия, доверие, считывание общего языка взаимопонимания, координация усилий и взаимопомощь – все это входит в понятие сплоченности. Неудивительно поэтому, что социальная сплоченность – традиционный предмет эмпирического исследования в социальных науках, интерес к которому не ослабевает, поскольку приоритеты социальной сплоченности отвечают потребностям людей в аспектах как персонального развития, так и ощущения групповой идентичности, объединяют и примиряют между собой ориентиры индивидуальной свободы и социальной солидарности, экономической эффективности и справедливого распределения ресурсов, плюрализма ценностей и универсализма правил, регламентирующих действия социальных факторов.

В практическом плане без сплоченности невозможны социальные проекты самого различного масштаба – от бытовых, повседневных, до самых грандиозных, подразумевающих трансформации социальных институтов.

В решении важнейших государственных задач по дальнейшему развитию нашей страны, безусловно, возрастает роль сплоченности всех составляющих нашего общества, объединения их усилий, взаимопонимания необходимости решения первостепенных задач, возрастания ответственности различных социальных групп.

Рассматривая проблематику социальной сплоченности общества, нельзя не остановиться на причинах, препятствующих или тормозящих процессы объединения.

Сущность российской социальной сферы можно определить по ряду наиболее важных жизненных показателей для населения, а именно:

- покупательная способность национальной валюты, инфляция;
- уровень зарплаты;
- разрыв между доступными ценами и зарплатой населения;

- элементарная социальная справедливость;
- социальные гарантии;
- уверенность в завтрашнем дне.

Прежде всего необходимы меры по развитию реальной экономики и изменению социальной политики в интересах большинства населения.

Российское общество находится в состоянии идеологического поиска социальной консолидации и сплоченности общества, предполагающих не только отечественный, но и международный опыт, политический плюрализм, либерализацию ценностного пространства россиян. Поиск новой субъективности как силы, способной выступить субъектом трансформации общества, возможен путем привлечения социальных групп с активной жизненной установкой.

У каждого отдельного человека есть материальные и духовные ценности, их сложный баланс конструирует ценности групповые, социальные, общечеловеческие [1, с. 15]. Сегодня отказываются от охвата бесконечной реальности исчерпывающей идеей, от ценностей гигантизма, универсальности, суперпроектов – коллективизация, великие стройки коммунизма, поворот рек, освоение целины, всемирные революции. Но идея социального государства, декларированная в Конституции, разработана недостаточно, коррелируя с идеологией высокого модернизма, не прекращаются идеологические споры и политическая борьба между приверженцами разных типов государства и вариантов социальной политики. А если деструкция воспринимается как норма жизни, это отдаляет друг от друга группы и целые поколения. Вместе с тем приоритетными стали рефлексии социальных и личностных проблем, технологии экзистенциальной терапии, интеграция индивида, совокупность концепций, интеллекта, гибридизации методов на основе плюрализма, направленного против монокультуры, претензий на исключительность.

Формирование идеологии сплоченности происходит в самых разных социальных мирах – мир маленьких людей, мир элиты, средних, базовых,

нижних слоев, социальные идеалы людей изменились: мир организован неравновесно. При этом жизненные ценности как некие стратегические принципы и детерминанты поведения социальных групп в определенной культурной среде устойчивы в течение длительного времени. Идеология сплоченности могла бы обеспечить социальную интеграцию, улучшать нравственный климат в обществе, сохранять единство нации, государства, общества в целом [2, с. 133-147].

В условиях экономического кризиса от уровня социальной сплоченности зависят политическая стабильность и устойчивость государства. Разобщенные граждане не могут преодолевать трудности и реализовывать антикризисные программы. Поэтому формирование социальной сплоченности является насущной задачей для органов власти. Для ее решения необходимо понять, какие факторы способствуют социальному сплочению граждан, а какие причины мешают этому процессу.

Социальная сплоченность возможна лишь при участии граждан в принятии решений, затрагивающих их интересы. В связи с этим стратегический замысел формирования сплоченного общества должен опираться на интенсивное развитие местного самоуправления. Для этого необходимо завершить формирование правовой базы и создать финансово-экономические основы местного самоуправления.

На возможность создания социально сплоченного общества серьезно влияют проблемы демографии. Перспектива старения общества ставит вопрос о том, как скорректировать пенсионную систему, чтобы социальная защищенность пожилых людей сочеталась в ней со справедливостью между поколениями.

Необходимо с помощью законодательной базы изменить политику занятости пенсионеров таким образом, чтобы более пожилые работники не вытеснялись с рынка труда, а стареющие работники обеспечивались подходящими рабочими местами.

Одним из главных факторов социальной сплоченности является семья. Социальное отчуждение гражданина в обществе начинается с неприятия им семейных ценностей и традиций. Поэтому укрепление семьи и брака нужно также рассматривать как стратегическую задачу государства. Основы системной семейной политики были заложены в период проведения Года семьи в России. Необходим механизм экономического стимулирования создания многодетных семей. Для этого следует более активно использовать налоговое законодательство, создать налоговые послабления работникам, имеющим детей .

Социальная сплоченность предполагает социальную справедливость в доступности медицинской помощи и равных условиях для сохранения здоровья . Первичной целью политики в сфере медицинской помощи должно быть справедливое распределение медицинских услуг. Это следует понимать, как обеспечение равного доступа к высокотехнологичной медицинской помощи, обязательное проведение стандартизированных профилактических медицинских мер для всех категорий населения, создание возможностей для ведения здорового образа жизни всеми гражданами. Без этого программы модернизации здравоохранения не будут содействовать достижению социальной сплоченности в нашем обществе.

Важнейшая составная часть механизма формирования социальной сплоченности – система образования. Без равных образовательных возможностей общество не только становится на путь социальной разобщенности, но и ограничивает свой интеллектуальный потенциал. Доступ к образованию должен быть открыт для каждого члена общества в зависимости только лишь от его способностей и предпочтений.

Нам нужно последовательно и настойчиво добиваться формирования социальной сплоченности. Эта задача должна стать лейтмотивом деятельности органов власти, научных и общественных организаций. Все дальнейшее

политическое и экономическое развитие России зависит от успешности ее решения.

Социальная сплоченность в современном мире является атрибутивным свойством общества, социальных организаций и групп, которые объединены не только общей родиной и историей, но и общими целями развития, во многом унифицированными в процессе глобализации. В настоящий момент деятельность в области социальной сплоченности охватывает самые различные сферы: борьба с неравенством, забота о будущем экономики, совершенствование системы образования, использование новых технологий, предотвращение социальных конфликтов, укрепление социального партнерства, достижение взаимопонимания в обществе. Внутри общества возникает заинтересованность в формировании механизмов по повышению эффективности социальной политики [2, с.78].

Социальная политика в свою очередь представляет собой наиболее сложное направление деятельности государства. Она отражает сущность политики в целом конкретного государства, поскольку требуется не только найти общественный компромисс, позволяющий сочетать экономическую эффективность с возрастающими социальными потребностями населения, но и задать общий вектор развития государства на перспективу.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Аврамова, Е. Время перемен: социально-экономическая адаптация населения. М., 2018.
2. Автономов, А.С. Современные проблемы взаимодействия институтов гражданского общества и органов власти // Полития. 2021–2022. № 4 (43). С. 133-147.
3. Акулий, М.М. Социология согласия. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2012.
4. Ашев, М.Г. Социализация согласия. М.: ИФ РАН, 2008.
5. Бондаренко, Н.И. Методология системного подхода к решению проблем. История – Теория – Практика. СПб.: СПб ЦЭиФ, 2021.

THE PROBLEMS OF SOCIAL COHESION OF RUSSIAN SOCIETY IN MODERN CONDITIONS

Magomedov Magomed Hasankhanovich, Doctor of Social Sciences,
Professor of the Department of Marketing and Engineering Economics, Vice-Rector
for Social Affairs of DSTU.

Faculty of Innovative Business and Management, Rostov-on-Don, Russia.

Chanturiia Kristina Paataevna, Senior lecturer of the Department
"Accounting, Analysis and Audit".

Faculty of Innovative Business and Management, Rostov-on-Don, Russia.

Abstract: The core of social cohesion is social solidarity, when people and groups of people unite for a common goal and realize that there is a real prospect of achieving the common good. They are ready to act, sacrificing their personal interests at the same time. Thanks to social cohesion, people feel connected to society and share the values and social goals generally accepted in it, they see the existing political system as a guarantee of their social well-being.

The level of social cohesion shows, first, the ability of society to ensure the well-being of all its members, minimize the disproportions of social development and prevent its polarization.

The establishment of social cohesion is possible only if strong social ties are established between people; they have a real opportunity to exercise their rights and are ready to fulfill their voluntarily assumed obligations.

Keywords: Social cohesion, social project, social sphere, social policy, social consolidation.

References:

1. Avramova E. Time of change: socio-economic adaptation of the population. M., 2018.
2. Avtonomov A.S. Modern problems of interaction between civil society institutions and authorities // *Politiya*. 2021-2022. No. 4 (43). pp. 133-147.
3. Akuliy M.M. Sociology of consent. Tyumen: Publishing House of Tyumen State University, 2012.
4. Ashev M.G. The socialization of consent. Moscow: IF RAN, 2008.
5. Bondarenko N.I. Methodology of a systematic approach to problem solving. History - Theory - Practice. St. Petersburg: St. Petersburg CEiF, 2021.

ОСОБЕННОСТИ И ТЕНДЕНЦИИ ИЗМЕНЕНИЙ РОССИЙСКОЙ ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Станислав Масеев

*кандидат социологических наук,
докторант Адыгейского государственного
университета, г. Майкоп*

Аннотация. В статье рассматриваются особенности электоральной культуры в России, обозначившиеся в последние годы. Электоральная культура анализируется в контексте истории российского государства и российской политической культуры. Делается акцент на потенциале ценностей демократии в современных политических реалиях. Также определяются тенденции изменения электоральной культуры и электорального поведения россиян с учетом развития новых информационно-коммуникационных технологий.

Ключевые слова: электоральная культура, политическая культура, демократия, электоральное поведение.

Электоральная культура тесным образом связана с более широкой социокультурной конструкцией – политической культурой. Данной проблеме были посвящены труды не только политологов, но и социологов, философов, психологов, правоведов и представителей других научных дисциплин. Полученные различными учеными данные позволяют объективировать и локализовать проблемную ситуацию, выделив в ней наиболее существенный аспект – взаимосвязь между политической культурой и тесно связанной с ней электоральной культурой. Именно поэтому методологически некорректно рассмотрение особенностей электоральной культуры России, ее динамических характеристик в отрыве от аналогичных показателей политической культуры нашей страны.

Обращаясь к истории Российского государства, сравнивая ее с аналогичными периодами в истории ряда зарубежных стран, можно обратить внимание на определенный государствоцентризм в российском обществе, который на протяжении веков формировал политическую повестку, в том числе

и оказывал непосредственное влияние на политическую культуру. Как отмечает В.А. Тер-Акопьян, «политическая культура России формировалась в условиях особой роли государства, противостоящего обществу. Это объясняется своеобразием геополитического положения страны и изначальной этнической неоднородностью населения, что вызывало необходимость в жесткой силе, способной структурировать и организовывать географическое и социальное пространство» [5].

Доминирующей тенденцией российской действительности на протяжении веков было отчуждение народа о власти, существование диктаторских политических режимов, воплотившихся в форме абсолютной монархии. Ситуацию усугубляло крепостное право, когда большинство населения на протяжении длительного исторического периода было не просто отчуждено от политических, но и в целом от общегражданских прав, влачив полурабское существование (с 1649 по 1861 г.). В этом аспекте XIX в. стал временем упущенных возможностей демократизации жизни в нашей стране, когда последовательно были упущены шансы на демократизацию политической жизни (проваленные либеральные реформы Александра I, неудачная попытка переворота декабристов-революционеров в 1825 г., преждевременное завершение масштабных реформ, в том числе конституционных, Александра II его убийством в 1881 г.). Приход к власти большевиков на фоне революции и гражданской войны привел к становлению тоталитарной диктатуры, исключавшей даже зачатки народовластия. Демократизация политической жизни, начавшаяся в эпоху перестройки (первые по-настоящему свободные выборы народных депутатов состоялись лишь в 1989 г.), уже не смогла переломить сложившийся негативный тренд в политической культуре российского общества.

В этой связи справедливо замечание В.А. Тер-Акопьяна о том, что «особенностями политической культуры России являются: ориентация на коллективизм; значительное влияние патернализма; высокая степень ожидания

повседневных проблем «сверху»; поиск харизматической личности, способной восстановить порядок в стране; правовой нигилизм; низкая политическая активность в сочетании с высоким интересом к политике»[5].

Как полагает Э.Я. Баталов, на формирование своеобразной политической культуры в России также оказало влияние «огромное геополитическое пространство, на котором сосуществовали народы с различными типами культур. В России государство выглядит, как становой хребет цивилизации, гарант целостности и существования общества, устроитель всей жизни» [1].

Существовавшая политическая культура определила основные особенности сознания и поведения людей в сфере политики, политической деятельности, политических отношений. Этот тип политической культуры оказал непосредственное влияние (что вполне закономерно, учитывая тесный характер взаимосвязи) и на электоральную культуру.

Анализ различных подходов ученых к периодизации развития электоральной культуры в нашей стране показывает, что они ведут свой отсчет с периода перестройки в СССР, а именно, с конца 1980-х г., когда демократизация и гласность достигли таких показателей, позволивших осуществить полноценные электоральные процедуры в соответствии с минимально приемлемыми демократическими стандартами (выборы 1989 г. съезда народных депутатов). С одной стороны, такая точка зрения вполне логична и вписывается в общую концепции развития демократии, правового государства и гражданского общества в нашей стране. Действительно, до периода конца 1980-х г. сложно рассуждать о наличии каких-либо минимально приемлемых с научно-практической точки зрения стандартов демократического государственного устройства, без которых электоральные процедуры выглядят по меньшей мере симуляционными. С другой стороны, подобный подход игнорирует историческую, цивилизационную преемственность, не учитывает идеологические, ментальные, мировоззренческие особенности россиян,

живших в начале и конце XX в., что обедняет, выхолащивает социологический подход, лишает его системного характера, повышает опасность редукционизма.

Учитывая характер изложенной гносеологической проблемы, имеется необходимость уточнения и дополнения научных подходов к периодизации развития электоральной культуры. Представляется возможным выделить следующие этапы развития электоральной культуры в нашей стране:

- доэлекторальный период (предэлекторальная культура) – вторая половина XIX в., начиная с Земской реформы 1864 г. до 1906 г. В этот период времени были заложены основы общенационального голосования, население страны стало привлекаться к электоральным процедурам, пусть и на местном уровне. Одновременно с 1861 г. освобожденным от крепостной зависимости крестьянам были возвращены гражданские права, что создало предпосылки для проведения всеобщих выборов, хоть и с некоторыми ограничениями;

- период становления электоральной культуры (с 1906 по 1918 г.). Временной отрезок включает в себя первые общенациональные выборы в Государственную Думу и завершается голосованием в Учредительное собрание 1917 г., заседание которого было разогнано большевиками в январе 1918 г. При этом следует учитывать тот факт, что по избирательному законодательству Российской империи выборы в парламент были не всеобщими и не равными (один голос помещика приравнивался к трем голосам буржуазии, пятнадцати голосам крестьян и сорока пяти голосам рабочих; к голосованию не допускались батраки, женщины, солдаты, матросы, учащиеся и др. [2]);

- период забвения электоральной культуры в условиях существования советского государства (1918–1989 г.). Несмотря на декларации о власти советов (выборных органов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов), в реальности вся полнота власти оказалась в руках узкой группы руководителей партии большевиков, сначала под руководством В.И. Ленина, затем И.В. Сталина. После прихода к власти более умеренных диктаторов Н.С. Хрущева, Л.И. Брежнева и др. принципиально электоральная ситуация не изменилась.

Проводившиеся в этот период времени выборы в любые органы советской власти носили симуляционный характер, выполняли роль «ширмы» для диктатуры пролетариата;

– период институционализации электоральной культуры сначала в СССР, а затем в России (1989–1999 г.). В этот период времени осуществлялись активные демократические преобразования, наличествовала свобода СМИ, и каждая политическая сила могла в той или иной мере быть представлена в масс-медиа, имела «платформу» для общения с населением страны. Уже выборы 1993 г., в которых победу одержала одиозная партия ЛДПР во главе с В.В. Жириновским, показали правящим элитам опасность ничем не ограниченного голосования (однако подлинно демократического) людей, не довольных действиями власти, провидимыми реформами и т.д. В следующий электоральный цикл властные элиты предприняли попытки для ограничения воли народа, особенно когда речь пошла о сохранении поста президента Б.Н. Ельцина, растерявшего к 1996 г. популярность у населения;

– период противоречивого развития электоральной культуры (1999–2019 г.). Оценки этого электорального периода у различных исследователей встречаются прямо противоположные: от укрепления демократических процедур до «скатывания» к авторитарному государству. Не вдаваясь в острые дискуссии, хотелось бы заметить, что в условиях фактического отсутствия электоральной культуры, электоральных традиций и в условиях неразвитых институтов гражданского общества возникновения проблем в ходе электоральных процедур стало вполне закономерным явлением.

Представленная авторская периодизация этапов развития электоральной культуры не претендует на исключительность; однако, как представляется, она преодолевает очевидные изъяны в теоретических построениях других авторов, которые начинают отчет электоральной культуры лишь с периода позднего СССР, что, как представляется, не совсем корректно. Вместе с тем, учитывая противоречивость развития электоральной культуры в нашей стране каждый из

предлагаемых исследователями вариантов периодизации стадий развития электоральной культуры не будет оптимальным.

Исследователи отмечают, что основные тенденции развития электоральной культуры в России достаточно разнонаправлены и весьма противоречивы. С одной стороны, они включают: формирование ценностей политической рациональности; превалирование ценностей государственности в электоральных предпочтениях; стабилизацию политического спектра, укрепление позиций центра и центристских ориентации электората. С другой стороны, пробивают дорогу противоположные тенденции: усиление роли регионов с их особыми региональными субкультурами и региональными электоральными предпочтениями; формирование начал постмодернистской субкультуры, проявляющейся в феномене «индивидуализированного выбора»; рост «тихого» политического радикализма, проявляющегося в голосовании «против всех». Современная российская электоральная культура носит противоречивый характер, в ней выражены разнонаправленные тенденции: этатизм и регионализм, центризм и радикализм, партийность и индивидуализм[3].

Рассуждая об особенностях электоральной культуры в нашей стране, следует учитывать мнение исследователей о том, что она представляет собой «активную творческую деятельность социальных субъектов» (а в отдельных случаях и весьма пассивную) по воспроизводству (легитимации) власти, в ходе которой производятся, сохраняются, распределяются и потребляются ценности, социальные нормы, традиции и др., а, кроме того, совокупность самих этих ценностей, традиций, опредмечивающих творческую деятельность людей. Состояние электоральной культуры общества является показателем степени зрелости политической системы общества»[4]. Подобное позиционирование современной электоральной культуры жителей России, с одной стороны, выглядит весьма оптимистично, так как в данном аспекте артикулируется творческое, духовное начало. С другой стороны, имеет место имплицитное

восприятие пассивного фактора в электоральной культуре, особенно в контексте общей культуры потребления материальных и духовных благ, в том числе и в социально-политической сфере.

Примечания:

1. Баталов Э.Я. Политическая культура России сквозь призму civic culture // Pro et Contra. 2002. №3.
2. Костылев А.В. Выборы в I Государственную Думу: дис. ... канд. истор. наук. СПб., 2005.
3. Логинова А.М. Формирование и развитие российской электоральной культуры: Дис. ... канд. полит. наук. М., 2004.
4. Навальный С.В. Познание сущности электоральной культуры и пути ее освоения // Вестник КрасГАУ. 2010. №6.178-184.
5. Тер-Акопьян В.А. Политическая культура современной России: тенденции трансформации // Государственное и муниципальное управление. ученые записки СКАГС. 2014. №3. С. 16-20.
6. Batalov E.Ya. Political culture of Russia through the prism of civic culture // Pro et Contra. 2002. No. 3.
7. Kostylev A.V. Elections to the I State Duma: dis. ... cand. history Sciences. SPb., 2005.
8. Loginova A.M. Formation and development of Russian electoral culture: Dis. ... cand. polit. Sciences. M., 2004.
9. Navalny S.V. Knowledge of the essence of electoral culture and ways of its development // Bulletin of KrasGAU. 2010. No. 6.178-184.
10. Ter-Akopyan V.A. Political culture of modern Russia: transformation trends // State and municipal management. scientific notes of SKAGS. 2014. №3. pp. 16-20.

FEATURES AND TRENDS OF CHANGES IN RUSSIAN ELECTORAL CULTURE

Stanislav Maseev

*Candidate of Sociological Sciences,
Doctoral Student of the Adyghe State University,
Maikop*

Annotation. The article discusses the features of the electoral culture in Russia that have emerged in recent years. Electoral culture is analyzed in the context of the history of the Russian state and Russian political culture. Emphasis is placed on the potential of the values of democracy in modern political realities. It also defines trends in the electoral culture and electoral behavior of Russians, taking into account the development of new information and communication technologies.

Keywords: electoral culture, political culture, democracy, electoral behavior.

References

1. Batalov E.Ya. Political culture of Russia through the prism of civic culture // Pro et Contra. 2002. No. 3.
2. Kostylev A.V. Elections to the I State Duma: dis. ... cand. history Sciences. SPb., 2005.
3. Loginova A.M. Formation and development of Russian electoral culture: Dis. ... cand. polit. Sciences. M., 2004.
4. Navalny S.V. Knowledge of the essence of electoral culture and ways of its development // Bulletin of KrasGAU. 2010. No. 6.178-184.
5. Ter-Akopyan V.A. Political culture of modern Russia: transformation trends // State and municipal management. scientific notes of SKAGS. 2014. №3. pp. 16-20.

УДК 316.733

ТЕМПОРАЛЬНЫЕ МОДУСЫ КРИЗИСНОГО СОЗНАНИЯ

Галина Снежко

кандидат социологических наук

Ростовский государственный медицинский университет

Ростов-на-Дону

Аннотация. В работе исследуются изменения, происходящие с образами прошлого, настоящего и будущего в условиях переломных этапов общественного развития. Показано, что процесс трансфера на российскую почву западных ценностей в 90-е годы XX столетия стал возможен на основе утраты социокультурных смыслов советского общества. Прослежено, как в кризисном сознании модус будущего может «схлопываться», настоящее под влиянием колебаний стабильности жизненных обстоятельств сокращаться, а из прошлого может транспортироваться как необходимое, так и отжившее.

Ключевые слова: время, прошлое, настоящее, будущее, временная перспектива, кризисное сознание.

Одним из вызовов тотальной неопределенности как сущностной характеристики современности выступают изменения временной перспективы личности. Под временной перспективой мы понимаем видение прошлого и будущего из момента настоящего, формирование образов прошлого и будущего на основе понимания текущего момента времени – его смысла для личности, группы, общества. Ещё Дж.Г. Мид показал, что личность обладает способностью вступать во временные (событийные) ряды других людей и социальных групп и что образы прошлого и будущего уточняются в ходе коммуникации между членами сообщества, и это уточнение и даже перестроение осуществляется на основе длящегося настоящего [9].

Открытие М. Вебером разных типов социального действия позволяет рассматривать время не только как форму, выражающую объективную последовательность социальных действий индивида, но и как способ согласования социальных взаимодействий. Реализация этого согласования детерминируется доминирующими формами социальной организации. Отчуждение индивида от разных типов социальных общностей (систем родства, института церкви, обязательного присутствия на месте службы и т.п.) повышает возможность выстраивания собственной логики отношений со временем и приводит ко всё большему разрыву между предписанным извне порядком действий и субъективно устанавливаемым самим индивидом. В этих условиях индивид становится не только пользователем готовых временных форм, но и выступает их творцом, то есть не только исполнителем предписанных норм времени на каждый вид занятий, но и распорядителем собственного личностного времени, определяя порядок своих действий в соответствии со своими целями, приоритетами и ценностями.

Мысленное вынесение за границы настоящего (чаще – в прошлое) тех событий и явлений, которые имеют отрицательную коннотацию, сглаживает, как показал Й. Фабиан, неопределённость будущего [8].

Таким образом, весьма важной задачей становится определение временных перспектив человека кризисного общества, формирующегося в условиях специфических социокультурных установок в рамках так называемого «кризисного сознания». Традиционно современное кризисное сознание рассматривается, исходя из существования в XX-XXI вв. множества видов кризиса: экономических, социальных, культурных, психологических, глобальных, личностных и т.д. Считается, что отправной точкой в осмыслении современного кризисного сознания являются работы Ф. Ницше, заявившего в своё время о том, что «Бог умер». Этот лозунг возвещал прежде всего о том, что старая культурная система ценностей, характерная для традиционного общества с его религиозной направленностью, разрушена и абсолютного критерия истинности или ложности тех или иных идеалов и ценностных устремлений больше не существует. Для российских и западноевропейских философов конца XIX - начала XX вв. общепризнанной является мысль о том, что современный мир находится в ситуации неизбежного социального и духовного кризиса. Правда, как отмечал Ю.Н. Солонин, если для философов, культурологов и социологов на Западе возникновение этого кризиса связывалось с забвением первичных базовых ценностей европейской культуры (рационализм, вера в прогресс, утверждение прав человека и т.п.), то для русских философов представление о кризисе носило апокалиптический характер, связанное с утратой божественного начала человеческой жизни [2].

Важнейшими интенциями кризисного сознания является представление о неизбежности будущих бед, катастроф – всего того, что называется всеобъемлющим пессимизмом. Одним из главных глашатаев вселенского пессимизма был А. Шопенгауэр. Он, в противоположность Г. Лейбницу, утверждавшему, что современный мир – «лучший из возможных миров», писал, что «этот мир – худший из возможных миров» [5, с.75], поскольку он устроен так, что еле-еле держится и любое случайное обстоятельство может нарушить его хрупкое устройство.

В переломные эпохи – эпохи слома тех или иных господствующих культурных установок и социальных систем – формируется феномен кризисного сознания с его специфической системой культурных установок и ориентаций во времени. Именно такая культурная картина мира была изображена, например, Шекспиром в его пьесах, описывающих вполне узнаваемые исторические реалии эпохи разрушения ренессансной картины мира и становления европейской буржуазной цивилизации. Символом данной эпохи и кризисного сознания общества того времени является трагическая фигура Гамлета, принца датского. Он удивляет противоречивой и не очень понятной логикой своего поведения. Однако, сознание Гамлета – это кризисное сознание, причём кризисное сознание в его предельных характеристиках – как катастрофическое сознание. Мир Гамлета – это мир непрерывных войн, разрушения, эпидемий, деградации всех сфер социальной жизни, это мир в преддверии катастрофы. Собственно, Шекспир практически воспроизводит то состояние европейской цивилизации периода XVI-начала XVII вв., когда мир замер в предчувствии неизбежной будущей катастрофы. И естественным для мыслящего человека было задать вопрос: «Быть или не быть?». Иначе говоря, имеет ли смысл, моральное оправдание деятельность человека, когда утрачена твёрдая система ориентирования, основа для выстраивания своей жизненной позиции. Абсурдный мир не предполагает какого-либо разумного деяния и формирования чёткой временной перспективы жизни: скорее, она размыта, а образы модусов прошлого и будущего содержательно трансформированы.

Именно в XVI-XVII веках в Европе сложилась устойчивая целостность кризисного сознания, связанного с катастрофическим разрушением экономического базиса, распространением религиозных войн и деградацией основных принципов культуры. Историки отмечают, что уже во 2-ой половине 16 века в Германии произошли две широкомасштабные войны, а в 1618 году началась знаменитая Тридцатилетняя война – война, невиданная по своим масштабам и длительности действия. Отмечено, что в результате количество

земледельческих хозяйств сократилось в 3-4 раза и целые ремесленные отрасли оказались разрушены, возник массовый голод и эпидемии, а население Германии сократилось практически в два раза. Прекратили своё существование и знаменитые немецкие университеты. Были закрыты практически все церковно-приходские школы. Это был период «разбойничьего феодализма», то есть позднефеодального общества, где финансирование различного рода банд и участие в многочисленных войнах оказывалось более эффективным, чем занятие честным трудом и организация производства в сельскохозяйственной или ремесленной областях.

Культурные основания жизни также были разрушены, показателем чего было возникновение так называемого «религиозного протезизма». В кризисном сознании стало господствовать безверие, когда можно было выбирать ту или иную веру в зависимости от эгоистических устремлений индивида. Примеров конъюнктурного выбора веры можно привести множество. Так, например, тысячи немецких наёмников ландскнехтов, набранных в протестантских областях Германии, участвовали за вполне материальную, осязаемую мзду в войнах, которые вёл испанский император Филипп II в протестантских землях в Нидерландах. Причём эти войны велись весьма жестоким образом, ибо всё население Нидерландов было объявлено еретиками, подлежащими поголовному уничтожению. Отсюда неудивителен тот факт, что массовое сознание европейцев того времени носило глубоко трагический и пессимистический характер. Известный культуролог и историк Й. Хейзинга недаром утверждал, что ни один другой этап в развитии человеческой истории не навязывал людям устойчивые представления о смерти, о тщете всего земного. «Три темы соединялись в мелодию неумолчной жалобы о конце всего земного великолепия. Во-первых, где все те, кто ранее наполнял мир этим великолепием? Далее, мотив повергающей в трепет картины тления всего того, что было некогда людской красотой. И наконец, мотив пляски смерти, вовлекающей в свой хоровод людей всех возрастов и занятий» [4, с.149-150].

Именно в этих условиях сформировался характер человека, наиболее адекватно отражающего в себе и своей судьбе жизнь кризисного сознания, где представление об абсурдности и непонятности всего происходящего, его полного несоответствия жизненным интересам людей ведут к отказу от активной жизненной позиции, позитивной ориентации на будущее.

Не следует думать, что этот исторический этап в развитии европейского мышления и культуры канул в Лету и не оказал никакого воздействия на сознание современных европейцев. Этот период времени, наряду с мировыми войнами XX века, оказал травмирующее воздействие на систему ценностей и способы мышления населения Европы. Здесь нелишне вспомнить работы П. Штомпки о культурной травме [6]. Культурная травма существует в массовом сознании людей как некоторое трагическое «воспоминание о будущем», где трагическое прошлое выступает в качестве грозного предупреждения о возможных всеобъемлющих социетальных кризисах будущего. Отсюда парадоксальный и во многом абсурдный отказ от традиционных гуманистических ценностей европейской культуры и преувеличение значимости абсолютной индивидуальной свободы, не знающей никаких культурных ограничений.

Динамика развития кризисного сознания приводит в конце концов к феномену архаизации культуры, где жизнь как бы опрокидывается в своё историческое прошлое. Забываются и разрушаются высокие образцы культуры, достигнутые социумом и на месте образовавшегося культурного вакуума воспроизводятся более примитивные, иногда чисто варварские низшие системы культуры. В России подобная ситуация возникала как в так называемое «Смутное время», и так же значительно позднее – в период распада Советского Союза. В ходе этой геополитической катастрофы произошла мощная дезинтеграция социального и культурного пространства российского общества, возникли кровавые межэтнические конфликты, огромное количество людей в 90-е годы XX века оказались эмигрантами в своей собственной стране,

поскольку в результате резких глубинных реформ изменились как ценностная структура российского общества, так и социальный порядок, представления о значимости, успешности в общественной и личной жизни. Огромное количество людей, особенно старшего поколения оказались в ситуации гамлетовского «безвременья», поскольку их прошлое оказалось разрушено, что зафиксировано социологами в феномене «утраты биографии». Достижения людей, живших в Советском Союзе, во многом были связаны с их успешной профессиональной карьерой в институтах советского государства, коммунистической партии, комсомола. Разрушение этих социальных институтов нивелировало многие достижения, признанные как обществом, так и государством. Но этот вектор времени, направленный на разрушение прошлого, неизбежно приводил к тому, что и будущее становилось непонятным, бессмысленным, нерационализируемым. Деградация советского общества, связанная с накоплением колоссальной отрицательной социальной энергии, проходила в течение многих лет и привела к взрывному кумулятивному эффекту, приведшему к распаду Советского Союза и к хаотизации социально-экономической жизни и возникновению кризисного сознания. «Выделение энергии распада – это актуализация социального риска в форме неконтролируемых действий атомизированных социальных акторов. Эмпирически эта энергия существует в форме потоков вынужденных переселенцев, беженцев, бездомных, безработных, а также выступает в форме местных войн, криминальных разборок, заказных убийств и массового терроризма» [7, с.37].

Следует отметить, что период Смутного времени, возникающий на стыке перехода от одной социокультурной системы к другой, имеет свои сценарии, ритуалы и т.д. Разрушение целостной социокультурной системы ведёт, конечно, к сбросу накопленной отрицательной социальной энергии, но в результате люди не могут правильно и адекватно самоидентифицировать себя и вписаться в новую социокультурную реальность. Разрушение

структурообразующих элементов советского общества в результате привело к потере социокультурных смыслов, объединяющих общество и многие традиционные ценности, являющиеся фундаментом устойчивого развития России, оказались подвержены дискредитации. Отсюда возник усиленный процесс трансфера на российскую почву иных, во многом чуждых западных ценностей, который возник в 90-е годы XX столетия. Этнические константы, характеризующие сущность российской культуры, подверглись критике со стороны прозападных кругов. Отсюда и психологическая усталость, апатия, которые в качестве массовой характеристики кризисного сознания стали доминировать в российском социуме, ибо в ходе этих случайных трансферов происходило разрушение традиционной культурной картины мира россиян.

Пересмотр ценностной картины мира характерен и для современного российского общества. И так же требует своего понимания та временная перспектива, которая открывается современному человеку. Относительно будущего в общем плане можно сказать, что плохо просматриваемые перспективы развития общества по видимости «схлопывают» модус будущего, тогда как прояснение конструктивных вариантов дальнейшего хода развития общества модус будущего раскрывают. В динамически развивающейся цивилизации, как показал Г. Люббе, спрогнозировать будущее становится всё труднее [1].

Что касается образов прошлого, то сегодня всё чаще провозглашается необходимость возврата к традиционным ценностям. Традиции – это опора настоящего. А консерватизм в его мягком варианте выступает способом преемственности и развёртывания непрерывной темпоральности общества. Как писали Ю.Н. Солонин и Ю.Л. Аркан, «в каждом действительно продуктивном преобразовательном процессе присутствует тенденция к сохранению традиции и преемственности, к обережению ядра фундаментальных ценностей, закреплению того, с чем общество, народ, государство отождествляют свою определенность, самобытность, достоинство, в чем видят себя отличными от

других» [3, с.18]. Сохранение обретенных ценностей – важнейшее условие плодотворного развития. Но, возникая в конкретных исторических условиях, любая ценность отражает состояние того конкретно-исторического состояния общества, в котором она формируется, устремлениям которого она отвечает. Её механическое «перенесение», трансплантация в другое состояние общества предполагает её более точную интерпретацию, а не буквальное воспроизведение прошлого, изначального образца.

Образ модуса настоящего времени предполагает опять же прояснение того общественного устройства, на котором основан порядок действий, в том числе – временной порядок. Настоящее время современного общества всё больше сокращается. На это обратил внимание Г. Люббе, понимая под сокращением настоящего сжатие периода постоянства жизненных условий. При этом будущее в хронологическом отношении наступает всё быстрее, но является всё менее предсказуемым, соответственно, прошлое устаревает всё быстрее. Отсюда проистекает всё возрастающая ориентация на современность и усиление дифференциации между актуальным и не просто старым, а устаревшим. Такое сокращение настоящего обусловлено прежде всего ускорением инноваций, их «темпоральным сгущением». Г. Люббе иллюстрирует увеличение скорости обновления многих феноменов культуры (от искусства и науки до политики и права) многими примерами, в том числе – на материале технической эволюции: «Временные и культурные последствия технической эволюции в сфере темпоральной культуры выходят далеко за пределы простой комплементарной взаимосвязи скорости инноваций и быстроты устаревания. В истории экономики доказано, что вместе со сгущением инноваций, характерным для ранней истории техники, сроки между научно-техническими инновациями, с одной стороны, и их экономическим использованием – с другой, сокращаются» [1, с.25]. Зато увеличивается потребность в темпоральной координации многих социально-экономических и повседневных процессов и «...увеличивается промежуток времени, на который

они распространяются в направлении будущего. Временной горизонт будущего, актуализируемого с помощью методов планирования, расширяется» [1, с.26]. Вероятно, назрела необходимость перестать гнаться за новизной ради самой новизны и обратить внимание на сохранение собственно человеческого начала в человеке, в том числе – на выявление действительных основ современной жизни, что гармонизирует временную перспективу личности, упрочивая как основу прошлого, так и основу будущего.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Люббе, Г. В ногу со временем. Сокращённое пребывание в настоящем / Г.Люббе /пер. с нем. А.Григорьева, В.Куренного; под науч.ред.В.Куренного; Нац. Исслед. Ун-т «Высшая школа экономики». - М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. - 2-е изд. - 456 с. – 600 экз. - ISBN 978-5-7598-1918-9 - Текст: непосредственный.

2. Солонин, Ю.Н. Кризис культуры в контексте русского и западноевропейского менталитета / Ю.Н.Солонин. - Текст: непосредственный // Вестник СПбГУ. - Сер.6. -1993. -Вып.3. (№ 20). - С. 11-18.

3. Солонин, Ю.Н., Аркан, Ю.Л. Новый Российский консерватизм в поисках своей идентичности / Ю.Н. Солонин, Ю.Л.Аркан. - Текст: непосредственный // Вече: альманах русской философии и культуры. - 2003. - Вып.15. - С. 12–21.

4. Хейзинга, Й. Осень средневековья. Исследование форм жизненного уклада и форм мышления в XIV и XV веках во Франции и Нидерландах / Й. Хейзинга. - М.: Изд-во «Наука», - 1988. - 540 с. - 45000 экз. - ISBN 5-02-008934-6 - Текст: непосредственный.

5. Шопенгауэр, А. О ничтожестве и горестях в жизни // А. Шопенгауэр. Избранные произведения / Сост., авт.вступ. ст. и примеч. И.С.Нарский. - М.: Просвещение, -1993. - 479 с. – 65000 экз. - ISBN 5-09-004165-2 - Текст: непосредственный.

6. Штомпка, П. Социальное изменение как травма / П.Штомпка - Текст: непосредственный // Социологические исследования. - 2001. - № 1. - С.6-16. – Библиогр.: с.16 (28 назв.).

7. Яницкий, О.Н. Россия как «общество риска»: контуры теории / О.Н. Яницкий // Россия: трансформирующееся общество /Под ред В.Я.Ядова. М.: КАНОН-Пресс-Ц, 2001. С.21-44. - Текст: непосредственный.

8. Fabian, J. Of Dogs Alive, Birds Dead, and Time to Tell a Story // Chronotypes / J. Fabian / John B.Bender & David E.Wellbery (eds.). Stanford: Stanford University Press, 1991. P.97-121. - Текст: электронный - URL: <http://philpapers.org/rec/BENCTC> (дата обращения: 07.02.2020).

9. Mead, G.H. The Philosophy of the Present / G.H.Mead. - Текст: электронный. - LaSalle, Illinois: Open Court, 1932. 251 p. - URL: http://brocku.ca/MeadProject/Mead/pubs2/philpres/Mead_1932_toc.html (дата обращения: 09.02.2020).

TEMPORAL MODES OF CRISIS CONSCIOUSNESS

Galina Evgenievna Snezhko,
Candidate of Sociology sciences
Rostov-on-Don, Russia

Annotation. The paper examines the changes that occur with the images of the past, present and future in the conditions of critical stages of social development. It is shown that the process of shift the Western values to the Russian ground in the 90s of the XX century became possible on the basis of the loss of socio-cultural meanings of the Soviet society. It is traced how in the crisis consciousness the image of the future can “collapse”, the present may be reduced, and from the past both significant and obsolete can be transported.

Keywords: time, past, present, future, time perspective, crisis consciousness.

References:

1. Lubbe, G. Keeping up with the times. Abbreviated presence in the present / G. Lubbe / trans. from German A. Grigoriev, V. Kurennoy; under the scientific editorship of V. Kurennoy; National Research University "Higher School of Economics". - M.: Ed. house of the Higher School of Economics, 2019. - 2nd ed. - 456 p. - 600 copies. - ISBN 978-5-7598-1918-9 - Text: direct.
2. Solonin Yu.N. The crisis of culture in the context of Russian and Western European mentality / Yu.N.Solonin. - Text: direct // Bulletin of St. Petersburg State University. - Ser.6. -1993. -Issue 3. (No. 20). - P. 11-18.
3. Solonin Yu.N., Arkan, Yu.L. New Russian conservatism in search of its identity / Yu.N. Solonin, Yu.L. Arkan. - Text: direct // Veche: almanac of Russian philosophy and culture. - 2003. - Issue 15. - P. 12–21.
4. Huizinga, J. Autumn of the Middle Ages. Study of the forms of life and forms of thinking in the XIV and XV centuries in France and the Netherlands / J. Huizinga. - M.: Publishing house "Nauka", - 1988. - 540 p. - 45000 copies. - ISBN 5-02-008934-6 - Text: immediate.
5. Schopenhauer, A. About insignificance and sorrows in life // A. Schopenhauer. Selected works / Comp., avt.vstup. Art. and note. I.S. Narsky. - M.: Enlightenment, -1993. - 479 p. - 65000 copies. - ISBN 5-09-004165-2 - Text: immediate.
6. Sztompka, P. Social change as a trauma / P. Sztompka - Text: direct // Sociological research. - 2001. - No. 1. - P.6-16. – Bibliography: p.16 (28 titles).

7. Yanitsky, O.N. Russia as a "risk society": the contours of the theory / O.N. Yanitsky // Russia: a transforming society / Under the editorship of V.Ya.Yadov. M.: KANON-Press-C, 2001. P.21-44. - Text: direct.

8.Fabian, J. Of Dogs Alive, Birds Dead, and Time to Tell a Story // Chronotypes / J. Fabian / John B.Bender & David E.Wellbery (eds.). Stanford: Stanford University Press, 1991. P.97-121. - Text: electronic - URL: <http://philpapers.org/rec/BENCTC> (date of the application: 07.02.2020).

9.Mead, G.H. The Philosophy of the Present / G.H.Mead. - Text: electronic. - LaSalle, Illinois: Open Court, 1932. 251 p. - URL: http://brocku.ca/MeadProject/Mead/pubs2/philpres/Mead_1932_toc.html (date of the application: 09.02.2020).

УДК 37.025:821

**КЛАССИКА ОТЕЧЕСТВЕННОГО ИСКУССТВА –
АКТУАЛЬНЫЙ РЕСУРС ВЗАИМОПОНИМАНИЯ НАРОДОВ¹**

***Елена Третьякова**
доктор филологических наук, доцент
ведущий научный сотрудник Южного филиала Российского
научно-исследовательского института культурного и природного
наследия им. Д. С. Лихачёва,
Краснодар*

Аннотация. Характеризуя различия между цивилизациями Запада и Востока, автор статьи показывает связь «заката культуры» с эгоцентричной переработкой информации. Предложено актуализировать и усилить в сфере современного образования, семейного и общественного воспитания механизмы поддержки эпического восприятия мира как противоядия индивидуализму. В связи с этим осуществлена постановка вопроса о классике национальных

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Южного филиала ФГБНИУ «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева» по теме: «Укрепление и развитие гражданской идентичности региональных сообществ как составная часть проекта российской государственности».

литератур как феномене, не искажающем природу этнических языков и близкому к устному (неавторскому) архаическому эпосу.

Ключевые слова: западный/восточный тип цивилизации, классика национальных литератур, эпическое наследие, русский язык и литература, этнические языки, литература народов России, межкультурное взаимодействие.

В годы Первой мировой войны наиболее ответственно мыслящие ученые-гуманитарии высказывались о необходимости вернуть Европу к высоким просветительским идеалам Нового времени [8]. Увы, их призывы были тщетны. Недобрый знак судьбы пересек в 1969 г. два следующие события. Рудольф Панвиц, создатель термина «постмодерн» («Die Krisis der europaischen Kultur», 1917), умер в мае, окончательно убитый публикацией в январском номере журнала «Playboy» манифеста Лесли Фидлера «Пересекайте границу, засыпайте рвы». Манифест пустил в ход моду трактовать постмодернизм не как возврат к классическим формам, а как всевозможные издевательства и стеб над ними, равно как и любыми сколько-нибудь авторитетными способами подачи информации. В угоду массовой культуре провозглашалось право всех и каждого воспринимать мир как хаос, в котором можно ожидать чего угодно и когда угодно.

Прогресс электронных средств коммуникации, сопровождаемый такого рода идеологией, крайне далеко увел от той истины, что нет полноценного развития личности без освоения классики на родном языке, в оригинале или в переводах с языков иностранных. Все оказались заложниками штампованных стандартов и «языковых компетенций», пригодных разве что для потребителей «культурного туризма». Мы чувствуем, что эти нововведения вот-вот сделают вообще невозможной полноценную передачу культурного наследия народов из поколения в поколение. Однако представления о механизмах, очищающих сферу образованности и просветительской деятельности от суррогатов, смутны и гадательны.

Задачей статьи (мы прямо указали в ее заглавии) является правильная постановка вопроса о классическом достоянии национальных литератур. Ныне как никогда актуально взглянуть на классику как основной источник взаимопонимания народов. Вершины искусства слова сравнимы с горными пиками, видными издалека. И именно в эти произведения надо вчитываться, вдумываться, чтобы уловить природу их общности – того, чем скреплен прочный многовековой стержень человечности.

Достойно поддерживать в современной жизни и нести потомкам наиболее зрелые плоды культурного опыта предшествующих поколений нам позволяет то обстоятельство, что мы жители России – страны, которая никогда не была мононациональной, тип ее культурного бытия создан конгломератом множества коренных народов. Живая среда этнических традиций такова, что ей под силу справиться с западным эгоизмом, одолеть глобальные угрозы хищнической «эры потребления».

В паре с тысячелетия известной аксиомой «Свет – с Востока» Запад есть совокупное наименование культур, имманентно не способных сопротивляться закату. Вспомним еще одну нашумевшую в 1910–1920-е гг. книгу. Освальд Шпенглер назвал ее «Der Untergang des Abendlandes» (в русском переводе «Закат Европы» [5]) и в начале 1930-х предрек неминуемый крах Третьего Рейха. В его книге «Годы решений» (1933) сказано: Россия и есть Азия [6].

Властители умов эпохи Просвещения в конце XVII – начале XIX в. бились над разгадкой вопроса о том, как в условиях книгопечатания сохранить и передавать «народность литературы». XX век усугубил опасность «разнародиться в бессмысленную толпу» (формулировка русского писателя-философа Андрея Платонова).

Корень проблемы скрыт в переходе от преимущественно устной к преимущественно письменной фиксации и передаче сведений. От эпохи Просвещения нас отличает лишь необходимость совладать с аналогичной ситуацией, однако уже в рамках технологий электронных, значительно

усугубляющих всего искусственного, а значит подавляющего развитие естественных культурно-языковых способностей человека.

Писатель и культуролог Умберто Эко, чей бестселлер «Имя Розы» известен не менее «Заката Европы», в 1998 г. был в России. Для студентов экономического факультета МГУ он прочел лекцию «От Интернета к Гутенбергу» где подчеркнул: «общества <...> расщепились <...> на два класса: те, кто смотрит только ТВ, то есть получает готовые образы и готовые суждения о мире, без права критического отбора получаемой информации, – и те, кто смотрит на экран компьютера, кто способен отбирать и обрабатывать информацию» [7, с. 8]. Итальянский писатель говорил о русской литературе как не испытавшей оскудения речевой традиции. В этом преимущество русского языка перед современными языками европейскими. Однако только теперь (с 1998 г. прошло более 20 лет), с большим запозданием, на государственном уровне закрепляются инициативы пробных шагов по защите и сохранению этого преимущества [4] – еще не полный возврат к всемерной поддержке органики живых языков. Скорее, робкие разрозненные попытки расчистить русло культурной коммуникации от сора варваризмов и жаргонной (вплоть до обценной) лексики. На очереди – отказ от диктата штампов и речевой агрессии, увы, чересчур свойственной письменным стилям современного литературного языка (тем, что принято подразделять на официально-деловой, газетный, научный и разговорный).

Как защитить естественное языковое чутье, восстанавливать и поддерживать его у новых культурных поколений? Это может быть достигнуто лишь путем работы над культурой чтения, точнее – культурой восприятия прочитанного. Только так можно обеспечить сознание носителей живых языков достаточной независимостью от манипулятивных риторических приемов и победить узко-прагматичные индивидуалистические взгляды на мир. Это будет достигнуто при условии перевода отечественной системы образования,

общественного и семейного воспитания в русло традиции, которая полноценно поддерживает эпическое (не эгоцентристское) восприятие мира.

Известно, что античные авторы ставили эпический род повествования превыше всего. Это переняла и эстетика классицизма; в ней эпос главенствует над лирикой (в лирическом роде всем правит субъективное чувство) и драмой (драма – столкновение нескольких субъектов, имеющих свой субъективный взгляд на противоречивую коллизию, которая разворачивается на глазах у зрителей). Тип образованности европейцев подпал под чрезмерное влияние индивидуализма. Уже в Средневековье католики принципиально отказались от византийского (греческого) типа книжной образованности, не препятствовавшего развитию эпического начала. Православное отношение к Священным книгам гармонично сочетается с отношением буддизма, ислама к древним «восточным» памятникам культурного предания.

Заметим, неслучайно гомеровские поэмы в древнегреческих школах (гимназиях) заучивали наизусть: писать считалось делом, не достойным свободного афинянина. Сам Перикл писал неохотно и не столь виртуозно, как говорил. Подобный тип владения (устно-письменный, У>П) языком был поистине общенароден: даже рабы при желании могли затвердить все, что наизусть декламировали их хозяева. А римская образованность складывалась иначе. Красноречию (элоквенции) учили по письменным образцам (П>У). Поначалу это не наносило чрезмерного вреда, поскольку носителей устной культурной традиции было абсолютное большинство. Например, Сенека учил запомнить лишь столько, сколько необходимо, не загромождая ум «утварью всяких наук», делающих людей «докучными, болтливыми, назойливыми и самодовольными»; «заучив лишнее, они из-за этого неспособны выучить необходимое. Грамматик Дидим написал четыре тысячи книг. Я пожалел бы и того, кто прочел столько лишнего! В одних книгах исследуется, где родина Гомера, в других – кто истинная мать Энея, в третьих – чему больше предавался в жизни Анакреонт, похоти или пьянству, в четвертых – была ли Сафо

продажной распутницей, и прочие вещи, которые, знай мы их, следовало бы забыть <...> Но если ты возьмешь наших, я и тут покажу тебе много такого, что надо бы отрубить топором. Большой траты времени, большой доуки для чужих ушей стоит похвала: «Вот начитанный человек!» Будем же довольны названием попроще: «Вот человек добра!»» [2, с. 144].

Могут ли устно-письменный и письменно-устный варианты традиции развиваться в равновесии друг с другом? Сенека полагал это возможным и ссылаясь на сведения грамматика Апиона о том, что «Илиада» и «Одисея» обобщают содержание нескольких десятков поэм. Тут опять же подчеркнуто преимущество устной переработки сведений: эпос совмещает смысл сколь угодно большого количества источников.

Павильон «Слово» на ВДНХ в Москве, украшен впечатляющим панно – картой языков с кириллическим алфавитом. На этом панно в виде листьев огромного дерева представлены 45 языков народов России. На самом же деле крона дерева гораздо внушительнее и обширнее: письменностью на кириллице располагают почти 80 этносов мира.

При всем разнообразии реалий языковой палитры, обретение кириллической письменной традиции укладывается для народов нашей страны в рамки трех веков: от времен Петра I до конца XX в. Так, например, создание адыгейского алфавита относится к концу 1830-х гг., коми-зырянского к 1937 г., удинского – к 1974-му, агульского, рутульского – к 1990 г. Рубеж между преимущественно-устным и преимущественно-письменным типом трансляции языкового наследия был перейден в разные сроки. В совокупности процессы взаимодействия устного и письменного наследования языкового достояния народов охватили те самые 300 лет. Столько продержался принципиально важный рубеж – незакатная реалья, конкретика этнического бытия, актуального для живых этносов как не ушедший за горизонт культурный опыт предков.

Служа средством межнационального общения, русский язык давал братским этносам нечто от своей природы и вбирал мудрость и самобытный

человеческий опыт множества языков. Этим сформировано общенародное достояние – источник богатства и миролюбия, братства и добрососедства, взаимопонимания и совести для всех нас вместе. Такое историческое самоощущение живое и сильное, вряд ли удастся разрушить ухищрениями так называемой западной экспансии.

Чтобы это общенародное достояние крепло, надо не подменять исконный древний тип образованности (У>П) образованностью европейцев Нового времени (П>У), ставящей единственно важными мерилami грамотность (знание правил правописания) и освоение школьных азов риторики. Нормой образованности должно быть освоение высшего – эпического уровня языковой способности, который препятствует засилью эгоцентризма в личностном и общественном поведении. То есть устраняет причины заката культуры: вырождение элит, инфантильность (поколения старятся, не созрев) и субъективизм. Корень черствости и нечуткости, индивидуализм начинает трудностями во взаимопонимании (эгоцентрикам нелегко встать на точку зрения собеседника), а заканчивает хаосом в головах людей, не способных мыслить стратегически. Эгоцентрики не могут раздвинуть рамки узко-прагматичных целей и становятся рабами, заложниками манипулятивных тактик, пригодных исключительно на короткий момент. Слабеет их незрелая культура, чуждающаяся вершин национальной художественной классики. Из-за стремления все модернизировать, переработать на собственный лад, они впадают в безграничный скепсис: все попадающее в их руки ломается. Однако корень зла в них самих: несубъективное мировосприятие им недоступно («скинуто с корабля современности», оставлено «за бортом»), и виртуальность превращается в калейдоскоп фантазий, тем более гиперболичных, чем более они неестественны. Искусственно созданные заслоны от внешних реалий мешают вырваться из клетки, достичь спасительных берегов общенародного, человеческого культурного предания.

Эпос способен направить в созидательное русло то, что скрыто в глубинах коллективного бессознательного, что концентрирует опыт тысячелетий и жизнотворную энергию этнических языков. Эпическое (молчаливое) обобщение смысла действий и вербально оформленных высказываний – колыбель, в которой рождались и жили культуры до изобретения письменности. Письмена возникли как явление следующего этапа, однако не создали феноменов более высокого порядка: книжная образованность либо поддерживала, препятствовала нормальному типу взаимодействия устной и письменной традиции.

«Вначале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог». Евангелию от Иоанна, как и сентенции «Свет – с Востока» бессмысленно противоречить. Только тогда фундаментальные обретения культуры будут из века в век устойчиво передаваться от предков к потомкам. Отнюдь не всякое, а лишь классическое искусство надежно способствует этому. Возможностью поддерживать эпическое начало определяется ценность созданий классики для национального культурного бытия во все эпохи, независимо от материальных носителей информации (рукопись, книга, электронная сеть).

Устный народный эпос и классику национальных литератур надо осваивать, не подменяя ничем иным, потому что они дают основу истинной образованности – целостное восприятие смысла прочитанного, услышанного, увиденного. Не набор «компетенций», а культура чтения нужна для достижения такой целостности на основе книжного и устного общения с интеллектуально зрелыми собеседниками, прививающими смиренно-личное мудрое отношение к миру. Считаем целесообразным закрепить статус культуры чтения как ключевой предпосылки формирования качественного образа жизни. Впитывая сконцентрированное эпосом богатство природных сил, потомки обретут простор для реализации идеалов национального культурного предания. А без воспитания у поколений эпического языкового чутья не будет качественной передачи родного языка народов, населяющих просторы нашей страны.

Упрочение фундамента общегражданских культурных ценностей нам видится в разработке культурной стратегии, поддерживающей эпический компонент языковой деятельности. Это потребует вернуться к классическим принципам образования и воспитания, наладить разработку школьных и просветительских программ, способствующих постижению эпического наследия народов, изучению русского языка, русской классической литературы и классики на национальных языках. В условиях цифровой эры образовательные и просветительские программы должны быть широко доступны пользователям Интернет, объединяя работу библиотечной отрасли [1; 3] с иными сферами организации культурного досуга (самодеятельные художественные студии, театральные коллективы, клубы по интересам, музеи, выставки).

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Популяризация русского языка в библиотеках: инновационные практики / И. И. Горлова, Е. Ю. Третьякова и др. Краснодар: Экоинвест, 2020 [Текст: электронный] // Родные традиции. Центр духовного развития и патриотического воспитания. URL: <http://ano.heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2020/09/Book1.pdf> (дата обращения 10.03.2023)

2. Сенека, Л. А. Нравственные письма к Луцилию. М.: Наука, 1977.

3. Сохранение и популяризация русского языка и литературы средствами библиотечной системы Юга России: науч.-справ. пос. / отв. ред. А. В. Крюков. Краснодар: Экоинвест, 2020 [Текст: электронный] // Родные традиции. Центр духовного развития и патриотического воспитания. URL: http://ano.heritagemagazine.com/wpcontent/uploads/2020/08/Metod_Recommend.pdf (дата обращения: 10.03.2023).

4. Федеральный закон от 28.02. 2023 № 52-ФЗ О внесении изменений в Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации» [Текст: электронный] // RGRU. URL: <https://rg.ru/documents/2023/03/01/fz52-site-dok.html> (дата обращения 10.10.2021)

5. Шпенглер, О. Годы решений: Германия и всемирно-историч. развитие / пер. с нем. и послесл. С. Е. Вершинина. Екатеринбург: У-Фактория, 2007.

6. Шпенглер, О. Закат Европы. М: Наука, 1993.

7. Эко, У. От Интернета к Гутенбергу // Новое литературное обозрение. 1998. № 32. С. 5-14.

8. Pannwitz R. Die Krisis der europaeischen Kultur. Nürenberg: H. Carl, 1917.

CLASSICS OF RUSSIAN ART – AN ACTUAL RESOURCE OF MUTUAL UNDERSTANDING OF PEOPLES

Elena Yu. Tretyakova

Dr. Sci. (Philology), Associate Professor, Leading Researcher,
Research Institute for Cultural and Natural Heritage, Southern Branch,
Krasnodar, Russia

Annotation. Describing the differences between the civilizations of the West and the East, the author of the article shows the connection of the “decline of culture” with the egocentric processing of information. It is proposed to actualize and strengthen the mechanisms of supporting the epic perception of the world in the field of modern education, family and social education as an antidote to individualism. In this regard, the question of the classics of national literatures has been raised as a phenomenon that does not distort the ethnic languages nature and is close to the oral (non-author) archaic epic.

Keywords: Western/Eastern type of civilization, classics of national literatures, epic heritage, Russian language and literature, ethnic languages, literature of the peoples of Russia, intercultural interaction.

References:

1. Populyarizaciya russkogo yazyka v bibliotekah: innovacionnye praktiki [Popularization of the Russian language in libraries: innovative practices] / I. I. Gorlova, E. Yu. Tret'yakova, etc. Krasnodar: Ekoinvest, 2020 // Rodnye tradicii. Centr duhovnogo razvitiya i patrioticheskogo vospitaniya. URL: <http://ano.heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2020/09/Book1.pdf> (Accessed: 10.03.2023)

2. Seneka L. A. Nravstvennye pis'ma k Luciliyu [Moral Letters to Lucilius]. Moskow: Nauka, 1977.

3. Sohranenie i populyarizaciya russkogo yazyka i literatury sredstvami bibliotechnoj sistemy Yuga Rossii: nauchno-referativnyj ukazatel' [Preservation and popularization of the Russian language and literature by means of the library system of the South of Russia: a scientific reference guide]. Krasnodar: Ekoinvest, 2020 // Rodnye tradicii. Centr duhovnogo razvitiya i patrioticheskogo vospitaniya. URL: http://ano.heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2020/08/Metod_Recommend.pdf (Accessed: 10.03.2023).

4. Federal'nyj zakon ot 28.02. 2023 № 52-FZ O vnesenii izmenenij v Federal'nyj zakon «O gosudarstvennom yazyke Rossijskoj Federacii» [Federal Law No. 52-FZ of 28.02.2023 On Amendments to the Federal Law "On the State Language of the Russian Federation"] // RGRU. URL: <https://rg.ru/documents/2023/03/01/fz52-site-dok.html> (Accessed: 10.10.2021)

5. Shpengler O. Gody reshenij: Germaniya i vsemirno-istoricheskoe razvitie [Years of solutions: Germany and world-historical development]. Yekaterinburg: U-Factoria, 2007.
6. Shpengler O. Zakat Evropy [The Decline of Europe]. Moskow: Nauka, 1993.
7. Eco U. Ot Interneta k Gutenbergu [From the Internet to Gutenberg] // Novoe literaturnoe obozrenie. 1998. № 32. С. 5-14.
8. Pannwitz R. Die Krisis der europaeischen Kultur. Nürnberg: H. Carl, 1917.

УДК 316.33

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НАУКИ И ОБЩЕСТВА

Фатима Удычак

кандидат юридических наук

Адыгейский государственный университет

Майкоп

Аннотация. Статья посвящена проблеме взаимодействия науки и общества. Наука, представляет собой сложную многоуровневую систему. Качественные изменения в науке, частая смена парадигм и картин мира, ставят новые проблемы перед обществом.

Ключевые слова: наука, общество, функционирование, роль, система, трансформация.

Концептуальная значимость специального изучения теоретико-методологических аспектов взаимодействия науки и общества проистекает из общепризнанного факта усиления роли науки и основанной на ее достижениях технологии в жизни современного общества. Стремительное возрастание роли науки приводит не только к значительным изменениям технологического базиса общества, но и качественным социальным трансформациям.

Формируется экономика знания, электронно-цифровое общество. В новых условиях те страны, которые не уделяют достаточного внимания разработкам в области фундаментальных наук, микроэлектроники, вычислительной техники, новейших компьютерных технологий, оказываются неконкурентоспособными на мировом рынке. При этом под «уделить достаточное внимание» понимается не только финансирование тех областей науки, которые приносят непосредственную пользу в сфере обороны и экономики, но и поддержка авторитета науки как социального института. Следует помнить, что наука, как единство естественных, общественных и гуманитарных наук, а также как взаимодействие прикладных (технических, сельскохозяйственных, медицинских и т.д.) и фундаментальных (физика, биология, философия и т.д.) наук представляет собой целостную систему [2, с.91]. Недооценка какой-то подсистемы отрицательно влияет на характер функционирования всей целостной системы.

Для того, чтобы более полно представить себе особенности влияния науки на политический, экономический и социальный статус тех или иных стран, можно рассмотреть кратко историю становления с одной стороны, новоевропейской науки, а с другой, индустриально развитых стран Западной Европы, по пути которых пошли США, Канада, Новая Зеландия, Австралия.

Наука, как особый самостоятельный институт, зарождается в Европе примерно в одно время с капитализмом (XVI-XVII вв.). Появляются первые академии наук, поддерживаемые государством (в Англии королевская власть патронировала науку) [3, с.5].

Затем по мере развития наука все больше и больше становилась основой промышленного производства. Со временем происходит сращивание наук и производства. Все сферы общества оказываются пропитаны духом науки. Начинается становление информационного общества, основанного на знаниях. Рост экономического и социального статуса науки сопровождался усилением

влияния науки не только на экономику и производство, но и на ценностные установки, мировоззрение.

Чем более влиятельной социокультурной силой становилась наука, тем больше внимания исследователи уделяли проблемам ее детерминации. В этой связи по вопросу о соотношении науки и общества сложились две методологические концепции – экстернализм и интернализм.

Согласно экстернализму решающим фактором детерминации научного знания выступают социальные потребности. Экстернализм, пытаясь найти причинное объяснение развитию науки, делает акцент на роли социально-экономических факторов в динамике науки. При этом нельзя упрощать сложный комплекс опосредующих звеньев между наукой, как системой знаний, и социально-экономическими условиями бытия общества.

В противоположность экстернализму сторонники интернализма пытаются объяснить историю развития научного знания не влиянием социально-экономических и иных внешних факторов, а имманентными законами развития науки.

Систематический анализ этих двух концепций, которые в действительности взаимодополняют друг друга, показывают сложный и противоречивый характер причин развития науки. Концептуальное рассмотрение специфики взаимодействия науки и общества свидетельствует о том, что наука развивается как в силу внутренних законов, так и в силу внешних потребностей. В целом, сегодня не вызывает особых возражений тот факт, что наука – один из главных, если не самый главный движущий фактор современной цивилизации. Это ставит ряд важных теоретико-методологических вопросов. Таковы, в частности, вопросы о специфике взаимосвязи науки и общества, науки и демократии, науки и государства. Не менее актуальны и такие проблемы общегносеологического и общеметодологического характера, как особенности логики функционирования науки как системы знания, специфика получения

нового знания, влияние ценностно-мировоззренческих представлений, распространенных в обществе, на развитие науки [1, с.19].

Для содержательного обсуждения вопроса о взаимоотношении науки и общества принципиально важно считаться с тем обстоятельством, что наука – сложная, нелинейная, открытая, развивающаяся по своим законам система, связанная со всеми процессами, которые происходят в обществе. При этом – наука не только система знаний о мире, но и особый социальный институт и специфическая форма человеческой деятельности. Анализируя законы функционирования научного знания, следует обратить внимание на то, что со временем объекты ведущих областей науки становятся все более сложными, ненаглядными и нестабильными. Сущность сложных особенно социо-природных систем открывается не только на основании использования эмпирических и теоретических методов. Значительна роль философских идей, интуиции в познании сложно-эволюционирующих систем. Научные знания обладают такими свойствами, как системность, непротиворечивость, открытость, принципиальная проверяемость, доказательность. Все эти свойства по-разному проявляются в разных науках и в разных культурах. Их концептуализация создает культурное поле, в котором развитие науки происходит наиболее благоприятным образом.

В целом, систематический анализ теоретико-методологических проблем взаимодействия науки и общества является необходимым этапом самопознания науки и общества, сущности и природы научного знания, форм взаимосвязи науки, экономики, науки и политики, науки и культуры. Постижения многообразных форм социального и культурного бытия науки дает возможность эффективно влиять на развитие главного, стратегического ресурса современного общества – народа.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Балацкий, Е. Институциональные конфликты в сфере высшего образования// Свободная мысль. 2018. №11. С. 18-22.
2. Кастельс, М. Информационная эпоха. Экономика, общество, культура// Общественные науки и современность. 2020. №4. С. 87-92.
3. Мамут, Л.С. Государство в целостном измерении. / Л.С. Мамут. - М.: Унив. Книга, 2018. 3-6 с.

THEORETICAL AND METODOLOGICAL PROBLEMS OF INTERACTION BETWEEN SCIENCE AND SOCIETY

Udychak F.N.

PhD in law, assistant professor

Abstract. The article is devoted to the problem of interaction between science and society. Science is a complex multilevel system. Qualitative changes in science, frequent change of paradigms and pictures of the world, pose new problems for society.

Keywords: Science, society, functioning, role, system, transformation.

References:

1. Balatsky E. Institutional conflicts in the field of higher education// Svobodnaya thought. 2018.№11. pp. 18-22.
2. Castells M. Information Age. Economy, society, culture//Social sciences and modernity. 2020.№4. pp. 87-92.
3. Mamut L.S. State in a holistic dimension. / L.S. Mamut.- M.: Univ. Book, 2018. 3-6 p.

УДК 316.4

СТРАТЕГИИ ГРАЖДАНСКОЙ КОНСОЛИДАЦИИ ЭТНИЧЕСКИХ ОБЩНОСТЕЙ НА ЮГЕ РОССИИ

Наталья Чернобровкина

кандидат философских наук

Институт социологии и регионоведения ЮФУ

Ростов-на-Дону

В статье рассматриваются две стратегии гражданской консолидации этнических общностей на Юге России – деполитизации этничности

(федеральный центр-республики) и интеграции этнических общностей (федеральный центр-регионы). Первая стратегия включает принципы восстановления исторической справедливости, меритократии и социально-экономического благополучия этнических общностей путем согласования интересов федерального центра и органов власти республик. Вторая стратегия направлена на укрепление гражданского единства и приверженности значимости ценностей многонационального российского общества. Она предполагает эффективное взаимодействие органов государственной, региональной власти и муниципального управления, правоохранительных структур, общественных организаций и диаспор.

Ключевые слова: гражданская консолидация, деполитизация этничности, интеграция этнических общностей

Гармонизация межэтнических отношений направлена на согласование противоречивых интересов и действий этнических общностей с целью укрепление общероссийской идентичности на основе соблюдения равных гражданских прав и свобод индивида независимо от этнической принадлежности при сохранении и воспроизводстве культурной самобытности.

Как социальный механизм, гармонизация межэтнических отношений направлена на обеспечение гражданской консолидации населения полиэтничных регионов Юга России и реализуется в двух стратегиях.

Первая стратегия – деполитизации этничности по направлению «федеральный центр-республики» - предполагает «конструирование российской нации с обеспечением гражданских прав в сфере реализации этнокультурной идентичности» [4, с. 172]. Она ориентирована на укрепление общероссийской идентичности путем согласования интересов федерального центра и органов власти республик.

Для обеспечения гражданской консолидации этнических общностей на Юге России необходимы действия федерального центра по восстановлению

принципа исторической справедливости, что позволит устранить нарушения прав народов Юга России, полученные в ходе политических репрессий. Анализ эмпирических данных массового опроса, экспертных интервью, контент-анализа информационного пространства региональных СМИ и дискурса социальных сетей в контексте исторической памяти депортированных народов позволяет сделать вывод о различной степени удовлетворенности этнических общностей и восстановительной справедливостью. Карачаевцы и крымские татары полагают, что процесс реабилитации завершен и их права восстановлены. Однако, если карачаевцы полностью удовлетворены предпринятыми в этом направлении мерами, то крымские татары – частично, поскольку их по-прежнему волнуют вопросы, связанные с территорией исторического проживания и размера компенсации потери прежнего жилья. В отличие от этих этнических общностей, большинство калмыков считает, что процесс реабилитации еще не завершен: не решенными остаются вопросы о землепользовании и восстановлении жилья на территории исторического проживания; размере материальных выплат в качестве компенсации. Они признают несправедливым решение федерального центра осуществить выплату компенсаций из регионального бюджета и его невнимательное отношение к исторической памяти. Калмыки и крымские татары также отмечают тенденцию сохранения исторической памяти о негативной роли представителей их этнических общностей в период Великой Отечественной войны, не смотря на решение федерального центра признать депортацию преступлением.

Следовательно, с целью восстановления исторической справедливости от федеральных органов власти этнические общности ожидают восстановления прав представителей этого народа во всех сферах социальной жизни.

Наряду с восстановлением принципа исторической справедливости, гражданская консолидация этнических общностей по направлению «федеральный центр-республики» предполагает согласование интересов федерального центра и органов власти республик в политической, социально-

экономической и культурной сферах. Эксперты в рамках глубинного интервью и респонденты в ходе массового опроса отмечали, что в сформировавшейся системе этнополитических отношений республик Юга России способами гармонизации межэтнических отношений, с одной стороны, является возможность участия населения в выдвижении кандидатов на пост главы республики и контроля выборов в республиканские органы законодательной власти. С другой стороны, необходим открытый диалог региональных органов власти с представителями региональных общественных палат и советов, руководителями национальных диаспор и общин при разработке региональных программ, социальных проектов и проведении мероприятий. В экономической сфере способом гражданской консолидации этнических общностей, по мнению респондентов, является справедливое решение федеральными органами власти инфраструктурных проблем региона, а также обеспечение равных с другими регионами России условий функционирования бюджетной сферы (медицины и образования) и уровня зарплаты, занятых в бюджетной сфере. Гражданская консолидация этнических общностей в республиках «должна сопровождаться инвестированием в развитие культурной инфраструктуры – этнолингвистических исследований, расширения полиграфической базы для национальных языков» [3, с. 190].

Барьеры гражданской консолидации этнических общностей неоднозначно воспринимаются молодежью республик. В ходе проведения глубинных интервью и опросов этой целевой группы было установлено, что универсальным для молодежи всех регионов является запрос на «формирование общества, в котором ценится высокая квалификация, созданы условия для свободного предпринимательства, работает развитая система социальной защиты, направленная на тех, кто находится в уязвимой социальной позиции» [2, с. 211]. Поэтому меры по снижению межэтнической напряженности при относительно позитивной оценке, должны включать, по мнению молодежи, меры по обеспечению функциональности экономических,

правовых и культурных институтов. Нарушения в их работе, наряду с нарушением принципов меритократии, которые регулируют в современном обществе социальную конкуренцию, снижают восприятие существующих неравенств как справедливых. Создание рабочих мест, улучшение работы правоохранительных органов, пресечение коррупции в органах власти в сочетании с пропагандой культуры добрососедских отношений различных народов с точки зрения южно-российской молодежи позволит снизить уровень межэтнической напряженности в силу реализации принципа меритократической справедливости в социально значимых областях жизнедеятельности региональной молодежи. Соответственно, должен учитываться запрос молодежного сегмента, ориентированный на реализацию меритократического принципа справедливости и обоснование социальных неравенств, равенство всех перед законом и ожидание не только институциональных условий для самореализации в экономическом поле, но и в социально-политической и управленческой сферах.

Вторая стратегия гражданской консолидации этнических общностей - интеграция этнических общностей по направлению «федеральный центр-регионы», направлена на укрепление гражданского единства и приверженности значимости ценностей многонационального российского общества. Она предполагает эффективное взаимодействие органов государственной, региональной власти и муниципального управления, правоохранительных структур, общественных организаций и диаспор. Реализация стратегии интеграции рассматривалась преимущественно в отношении внутренних и внешних мигрантов.

О тенденции адаптации и интеграции мигрантов в местное сообщество свидетельствует отсутствие явных факторов и проявлений ксенофобии и мигрантофобии в Краснодарском крае, Ростовской области и Республике Крым. Однако проведенный опрос мигрантов в этих регионах и глубинные интервью экспертов свидетельствует о проблемных зонах гармонизации межэтнических

отношений, которые оцениваются мигрантами и местным сообществом как нарушение принципа справедливости. В частности, все мигранты единодушны в признании наиболее проблемной с точки зрения реализации принципа справедливости сферу правового регулирования и оформления документов в миграционных структурах и органах власти. В Краснодарском крае мигранты из Армении, а также беженцы и вынужденные переселенцы из ЛНР и ДНР, которые интерпретируют справедливость как равенство граждан перед законом, относят себя к социально незащищенным слоям населения и предпочитают социальную помощь государства и бесплатное медицинское обслуживание. Несправедливым мигранты из Армении считают ограничения в карьерном росте и трудности при взаимодействии с правоохранительными органами. Для мигрантов из Узбекистана в Краснодарском крае несправедливость ассоциируется с заниженной оплатой труда на производстве в сравнении с местными жителями и пренебрежительным отношением со стороны последних к ним в бытовой сфере. Данная проблема актуальна также и для беженцев и вынужденных переселенцев из ЛНР и ДНР. Однако все мигранты оценивают положительно отношение к себе местного населения. Наиболее высокая она со стороны мигрантов из Армении, беженцев из ДНР и ЛНР, и несколько ниже, но выше среднего уровня, - со стороны мигрантов из Узбекистана.

Признается проблемной сфера социально-правового обслуживания мигрантами в Республике Крым: оформление документов в органах власти, оформлением детей в образовательные учреждения, платная медицинская помощь. Особенно критично в этом плане высказывалась армянская часть мигрантов, опрошенных в ходе нашего исследования. Для мигрантов из ЛНР и ДНР несправедливость проявляется в экономической сфере: местные жители могут снять жилье быстрее и дешевле, чем приезжие; оплата труда местных выше, чем у приезжих при одинаковом объеме работы. А вот в Ростовской области отсутствует согласованность оценок населения и экспертного

сообщества в отношении необходимости приезда мигрантов. Это связано с тем, что жители Ростовской области в мигрантах видят конкурентов на рынке труда, но не включают их в состав основных субъектов социальных противоречий, к которым относятся социальные группы, дифференцированные по наличию экономического капитала и частной собственности.

Интегративная стратегия гармонизации межэтнических отношений предполагает формирование эффективных формальных и неформальных практик адаптации и интеграции мигрантов в принимающее сообщество Юга России. Такая формальная практика реализуется в Краснодарском крае, где «адаптацией мигрантов с последующей возможной их интеграцией занимается Многофункциональный миграционный центр, который: заключает соглашения с агентствами по трудовой миграции, расположенными непосредственно в одном из регионов зарубежных государств и в режиме онлайн его руководитель обсуждает возникающие проблемы; организует непосредственное взаимодействие с работодателями через посредников - ТПП, профильные департаменты региональной администрации или непосредственное участие; оформляет патент, а также проводит правовое консультирование мигрантов как непосредственно в Центре, так и на местах их работы в ходе выездных мероприятий; взаимодействует с представителями общественных культурных организаций для налаживания обратной связи с мигрантами и их информирования. Организации постоянной коммуникации с общественными культурными организациями и диаспорами способствует Центр национальных культур, который обеспечивает их взаимодействие с национальными сообществами» [1, с.150]. В Ростовской области и Крыму формальная практика осуществляется частично на уровне документооборота. Наибольшую помощь в адаптации и интеграции мигрантам оказывают диаспоры и землячества, родственники, а формальные структуры не пользуются столь же высоким доверием на предмет эффективной помощи. В категорию тех, кто не оказывает поддержку мигрантам попадает и местное население, лояльность со стороны

которого, как полагают сами мигранты, является важнейшим условием эффективной интеграции мигрантов различных этнических групп в социокультурное пространство региона.

Следовательно, формальные практики адаптации мигрантов с последующей возможной их интеграцией нуждаются в координации деятельности соответствующих структур и создании единой системы. Только эффективное взаимодействие всех субъектов миграционной деятельности способно решить наиболее важные проблемы для мигрантов: упрощение условий выдачи вида на жительство и российского гражданства, социальной помощи за счет бюджетных средств, организации подготовки для тестирования на знания русского языка, истории и культуры РФ.

Неформальная эффективная практика адаптации и интеграции мигрантов, преимущественно из Армении, осуществляется краевыми общественными организациями в Краснодарском крае, Ростовской области и Республике Крым. Специфика общественной организации «Союз армян России» заключается в том, что она имеет централизованную структуру, позволяющую иметь свои представительства в муниципальных районах и городских округах. Это способствует активному взаимодействию с административными и правоохрнительными органами власти, миграционными службами, представителями других диаспор в отношении мигрантов из Армении. В компетенции этой организации, во-первых, входит помощь в трудоустройстве вновь прибывших мигрантов в местах их компактного расселения; контроль за деятельностью работодателей в отношении условий труда, своевременной оплаты труда, а также предоставления жилья; пресечение национальных конфликтов на бытовой почве посредством их совместного урегулирования с представителями администрации и правоохрнительных структур, а также руководителей диаспор. Кроме того, деятельность региональных представительств общественных организаций направлена на защиту прав мигрантов и устранение

правовых коллизий относительно их статуса. Но основную свою функцию они видят в сохранении и поддержании национальной культуры, пропаганде культуры добрососедства различных народов, в участии и проведении мероприятий, знакомящих с культурами разных народов.

Анализ формальных и неформальных практик адаптации и интеграции внешних мигрантов в регионах Юга России, позволяет сформулировать ряд рекомендаций, способствующих гармонизации межэтнических отношений. Во-первых, формирование региональной системы социальной адаптации и интеграции мигрантов должно сопровождаться разработкой и реализацией соответствующих государственных или муниципальных программ, направленных на поддержку благоприятных межкультурных и межконфессиональных коммуникаций с учетом специфики ситуации в полиэтническом регионе. Во-вторых, в регионах необходима организация деятельности многофункциональных миграционных центров и ее поддержка со стороны региональных органов власти (вплоть до монопольного права), осуществляющих правовое консультирование и сопровождение мигрантов в отношении трудового законодательства и получения социальной помощи. В настоящее время ограничение функционирования этой структуры принципом работы «единого окна» не допустимо. В-третьих, сотрудничество многофункциональных миграционных центров с общественно-культурными организациями и диаспорами должно быть направлено на трудоустройство мигрантов, развитие контактов с которыми может быть предварительным (что позволит заключать соглашения о сотрудничестве с агентствами внешней трудовой миграции стран, откуда приезжает большинство мигрантов), а также непосредственным – предоставление рабочих мест мигрантам по факту прибытия. В-четвертых, для организации постоянной коммуникации региональных органов власти, многофункциональных миграционных центров, общественно-культурных организаций, диаспор и землячеств необходим Центр национальных культур, который обеспечивает не только их эффективное

взаимодействие, но и формирует за счет проведения национальных культурно-массовых мероприятий добрососедские отношения с местным сообществом.

Предложенные меры организационных взаимодействий будут способствовать межэтническому согласию в регионах Юга России и осуществлению диалога всех заинтересованных сторон: мигрантов и местного сообщества, органов государственной, региональной власти и муниципального управления, правоохранительных и специализированных структур по работе с мигрантами, работодателей, общественных организаций и диаспор.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Бинеева Н.К., Чернобровкина Н.И. Социальная справедливость в контексте интеграции мигрантов и обеспечении гармонизации межэтнических отношений на Юге России // Гуманитарий Юга России. 2022. Т. 11. № 4. С. 147-161.

2. Волков Ю.Г., Бедрик А.В., Бинеева Н.К., Верещагина А.В., Войтенко В.П., Пантелеев В.Н., Чернобровкина Н.И. Гармонизация межэтнических отношений населения регионов Юга России в зеркале социальной справедливости: монография. / Отв. ред. Ю.Г.Волков. – М.: РУСАЙНС, 2022. – 260 с.

3. Дьяченко А.Н. О некотором понимании социальной справедливости в межэтнических отношениях // Гуманитарий Юга России. 2021. Т. 10. № 6. С. 186-197.

4. Чернобровкина Н.И., Бинеева Н.К., Войтенко В.П. Социальная справедливость в контексте деполитизации этничности (на примере Республики Калмыкии) // Гуманитарий Юга России. 2021. Т. 10. № 5. С. 171-192.

STRATEGIES OF CIVIL CONSOLIDATION OF ETHNIC COMMUNITIES IN THE SOUTH OF RUSSIA

Natalya Igorevna Chernobrovkina, Candidate of Philosophy, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Economic Sociology and Regional Management
Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

The article considers two strategies for the civil consolidation of ethnic communities in the South of Russia - the depoliticization of ethnicity (federal center-republics) and the integration of ethnic communities (federal center-regions). The first

strategy includes the principles of restoring historical justice, meritocracy and the socio-economic well-being of ethnic communities by harmonizing the interests of the federal center and the authorities of the republics. The second strategy is aimed at strengthening civic unity and commitment to the significance of the values of a multinational Russian society. It involves effective interaction between state, regional and municipal authorities, law enforcement agencies, public organizations and diasporas.

Keywords: civil consolidation, depoliticization of ethnicity, integration of ethnic communities

References:

1. Bineeva N.K., Chernobrovkina N.I. Social justice in the context of the integration of migrants and ensuring the harmonization of interethnic relations in the South of Russia // Humanitarian of the South of Russia. 2022. V. 11. No. 4. S. 147-161.
2. Volkov Yu.G., Bedrik A.V., Bineeva N.K., Vereshchagina A.V., Voitenko V.P., Panteleev V.N., Chernobrovkina N.I. Harmonization of interethnic relations of the population of the regions of the South of Russia in the mirror of social justice: monograph. / Rev. ed. Yu.G.Volkov. – M.: RUSAINS, 2022. – 260 p.
3. Dyachenko A.N. On some understanding of social justice in interethnic relations // Humanist of the South of Russia. 2021. V. 10. No. 6. S. 186-197.
4. Chernobrovkina N.I., Bineeva N.K., Voitenko V.P. Social justice in the context of depoliticization of ethnicity (on the example of the Republic of Kalmykia) // Humanitarian of the South of Russia. 2021. V. 10. No. 5. S. 171-192.

УДК 316.42

РОЛЬ ГОСУДАРСТВА И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В КОНСОЛИДАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ ВНЕШНИХ ВЫЗОВОВ

Азамат Шадже,
доктор юридических наук, профессор
Адыгейский государственный университет
Майкоп
Саида Дзыбова,
кандидат юридических наук, доцент
Адыгейский государственный университет

Аннотация. В статье обосновывается тезис о том, что важнейшим фактором стабилизации и гармонизации социально-политических отношений в обществе, консолидации российского общества в условиях обострения внешних и внутренних вызовов и угроз, выступает взаимодействие государства и гражданского общества. Авторы анализируют оптимальные модели взаимодействия институтов гражданского общества и государственных структур, способствующие консолидации российского общества. Делается вывод о том, что Россия сможет добиться прорыва только в условиях общественной консолидации вокруг целей развития Российского государства как суверенного, и эта консолидация возможна в обстановке доверия и взаимопонимания между гражданским обществом и государством.

Ключевые слова: вызовы, гражданское общество, государство, консолидация, взаимодействие, партнерство.

Современная Россия сталкивается со многими серьезными вызовами в экономической, социальной и политической сферах. Среди этих вызовов – ценностный конфликт, связанный с попытками культурной и идеологической экспансии западной системы ценностей в Россию, долгосрочная санкционная политика альянса западных стран, направленная на снижение потенциала развития российской экономики, пандемия, бросившая вызов всему мировому сообществу и, конечно же, вооруженный конфликт на Юго-Востоке Украины. Ответом на эти и многие другие вызовы стало формирование особой солидарности, сплоченности и консолидации российского общества.

Консолидацией (от лат. *consolido* – укреплять, поддерживать) обычно называют процесс объединения, консолидации социальной общности, общества, усиления взаимодействия индивидов, интеграции групп, компонентов, а также действия, направленные на поддержание этого процесса [3, с. 7].

В общественных науках этот термин сначала широко использовался в этнографии, а затем был включен в понятийный аппарат других наук, прежде всего социологии, политологии, юриспруденции.

Важнейшим фактором стабилизации и гармонизации общественно-политических отношений в обществе, консолидации российского общества является взаимодействие государства и гражданского общества.

Так, еще в 2008 году Владимир Путин в своем выступлении в Государственной Думе, когда он был назначен председателем Правительства Российской Федерации, заявил: «Нам нужна консолидация политических сил и солидарность общества. Необходима скоординированная работа всех ветвей власти. Их тесное партнерство отвечает интересам всех граждан страны и успешного национального развития» [1]. Ранее он обрисовал, что подразумевается под консолидацией: «Мобилизация интеллектуальных сил. Совместные усилия властей, гражданского общества и всех людей в стране» [4].

Государство, сосуществуя с гражданским обществом, должно точно сообразовать средства государственного регулирования жизни общества с его характерными признаками и специфической природой.

На наш взгляд, это достижимо через:

- правовые механизмы влияния общества на его политическую организацию, преодоление политического отчуждения. На сегодняшний день гражданское общество не имеет реальных рычагов воздействия на государство. Изменение существующего законодательства с учётом этого положения объективно. Сложившаяся социально-политическая ситуация предопределяет внедрение в практику (путём принятия различных нормативно-правовых актов) реальных правовых механизмов, посредством которых общество сможет воздействовать на отдельные институты государственной власти и государство в целом;

- гарантии невмешательства государства в законную частную и ассоциативную жизнь общества. На наш взгляд, в России бытует мнение, если

государство своей силой регулирует отношения в рамках гражданского общества, то оно может вмешиваться в его жизнь. В современных реалиях такое положение вещей не найдёт сторонников. Общество автономно от государства. Последнее, установив определённые нормативные рамки существования гражданского общества, не может вмешиваться в законную жизнь частных лиц и общественных объединений. Здесь должно действовать классическое правило: «что не запрещено законом, то разрешено».

Государство не просто должно продекларировать гарантии, но и закрепить (законодательно) реальный механизм их реализации; обязательство государства по обеспечению социально-экономической безопасности граждан, их прав на труд, охрану здоровья, благоприятную окружающую среду, социальную защиту, жилище, образование, участие в культурной жизни. Думается, что такое положение должно являться базисом социальной политики России. Конституция РФ провозглашает указанные права, при этом важно реально их обеспечить. Государство не может просто продекларировать комплекс прав, оно должно предоставить обществу реальные рабочие места и социальную защиту, жилище и образование. Во многом от реализации этого положения государство может получить поддержку членов гражданского общества.

В этой ситуации существенную роль играет и общество. Последнее, через свои ассоциативные группы, путём участия в институтах непосредственной демократии должно влиять на формирование социально-экономической политики государства. Думается, что сегодня это становится особенно актуально с связи с новыми, можно утверждать, беспрецедентными вызовами и угрозами, стоящими перед Российской Федерацией. И здесь важно понять настроения гражданского общества.

Фундаментальной основой социальной консолидации остаются традиционные ценности россиян: Родина, Свобода, Справедливость. Именно приверженность этим ценностям, при всем многообразии и противоречивости

их современных интерпретаций и понимания, значительно повышает морально-этическую чувствительность российского общества [5, с. 159].

В то же время общей целью гражданского общества и государства в рамках «взаимовыгодного партнерства» является достижение справедливости. Здесь роль государства заключается в следующем: выявлять наиболее важные ценности в обществе и защищать их; устанавливать и укреплять их взаимоотношения; обеспечивать активное взаимодействие для достижения баланса между различными структурами государства и общества и т.д. В результате обеспечить формирование единого нормативного пространства, основанного на выбранных ценностях и интересах. Функция гражданского общества состоит в том, чтобы возвращать и культивировать идеи, ценности, интересы так, чтобы их можно было понять и воспринять, а функция государства всеобщего благосостояния – регулировать общественные отношения, являясь основным инструментом координации социальных процессов, объединяющих сообщество людей в определенную целостность.

Сегодня институты гражданского общества в сотрудничестве с органами государственной власти призваны играть, и играют значительную роль в формировании адекватных ответов на вызовы и риски новой социально-политической реальности. Таким образом, в настоящее время общественные палаты и общественные советы различных уровней, независимые СМИ, общественные объединения и фонды, некоммерческие организации (НПО), прежде всего социально ориентированные (СО НПО), этноконфессиональные и другие общественные организации, научные и экспертные сообщества, территориальное общественное самоуправление, волонтерское движение и т.д. формируют основные институты гражданского общества. компании в Российской Федерации. Институты гражданского общества призваны способствовать росту национального самосознания граждан, проживающих в провинции, их политической культуры и высокой духовности, а также стремлению реализовать свой потенциал.

В то же время гражданское общество не сводится к набору официально зарегистрированных организаций. Это также может проявляться в неинституциональных формах (например, как реакция на определенное политическое событие, для которого важно использование событийного анализа). В то же время именно в гражданском обществе формируется и проявляется гражданская активность личности. В целом гражданское общество определяется как совокупность граждан, их объединений, организующих и регулирующих свою деятельность для достижения общезначимых целей и интересов (как федеральных, так и региональных, местных) в рамках соблюдения норм права и морали.

Гражданское общество имеет широкие возможности для создания условий для позитивного социального развития. В современной России совместная работа государства, политических партий, общественных объединений и различных форм самоуправления граждан позволяет проводить согласованную политику во всех сферах общественной жизни, создавать правовые и общественные механизмы регулирования общественных отношений в виде соответствующих федеральных и региональных законов, другими словами, сформировать политику консолидации. Поэтому работа институтов гражданского общества и государственных структур становится реальным условием консолидации в процессе не частичного, вынужденного, а постоянного взаимодействия, основанного на базовых интересах России, решающего как стратегические, так и конкретные задачи в области права и морали.

Стоит отметить, что сегодня важным фактором консолидации российского общества являются те гражданские инициативы, которые направлены на укрепление и расширение символического капитала российского общества посредством деятельности таких гражданских объединений, как общественные организации по охране памятников Великой Отечественной войны, общественная организация «Клуб героев Советского Союза, Героев Российской

Федерации и полных кавалеров ордена Славы города Москвы» и другие, а также акции «Бессмертный полк», «Георгиевская ленточка» и т.д., которые росли «снизу», были поддержаны государством и значительно консолидировали российское общество на основе «низовой» гражданской самоорганизации [2].

Потенциал гражданского общества наглядно раскрывается в участии социально ориентированных некоммерческих организаций в оказании социальных услуг населению. Вовлечение НКО в предоставление социальных услуг в государственном секторе – это способ усилить конкуренцию и улучшить качество социальных услуг. У НКО есть очевидные преимущества – творческое отношение к бизнесу, для многих это дело души, а иногда и инновационная лаборатория, разрабатывающая новые подходы к предоставлению услуг.

Ярким проявлением роста гражданской активности стало развитие волонтерства. В последние годы в стране появилось множество важных волонтерских инициатив, когда люди регулярно помогают искать пропавших детей или разносят еду пожилым людям в отдаленных деревнях. Сегодня волонтеры активно помогают участникам ООС в Украине и семьям мобилизованных, беженцам из районов боевых действий, внутренне перемещенным лицам и жителям освобожденных территорий.

В условиях современных изменений полноценное, конструктивное сотрудничество органов государственной власти с институтами гражданского общества становится гарантом укрепления российской государственности, выступает важнейшим критерием формирования эффективных, открытых взаимоотношений между органами власти, гражданами и их объединениями, является фактором стабилизации и гармонизации социально-политических отношений в обществе. Невозможно консолидировать общество без привлечения активных представителей гражданского общества и просто людей на местах.

В связи с этим взаимодействие общественных и государственных структур способствовало бы объединению граждан в целостное сообщество; стимулировало бы последних к осознанию своей роли в общественно-политической жизни, повышению гражданской ответственности, определяло бы развитие механизмов координации и согласования различных интересов.

Консолидировать и объединить гражданские инициативные инициативы населения в единую систему возможно только в рамках сбалансированного подхода к сотрудничеству гражданского общества и государства. Это признают лидеры большинства политических и общественных объединений России, Президент страны, который подчеркивает целесообразность формирования в Российской Федерации полноценного гражданского общества, способного стать надежным партнером государства.

Прорыв может быть достигнут только в условиях социальной консолидации вокруг целей развития, что возможно в обстановке доверия и взаимопонимания между гражданским обществом и государством. Эта консолидация заключается не только в создании широкой общественной поддержки целей и задач «русского прорыва», противостоянии «торговцам страхом» и популистам, которые сеют раздор и недоверие вместо конструктивной критики. Консолидация – это условие укрепления общероссийского единства. Нормы, ценности и идеи, которые консолидируют большинство нашего общества, практически необходимы для повышения эффективности всей системы институтов, которые для этого нуждаются в общественной поддержке; интеграции общественных интересов, способных преодолеть ведомственное, корпоративное и региональное лоббирование.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Владимир Путин на заседании Государственной Думы был утвержден Председателем Правительства Российской Федерации [08.05.2008].

[Текст: электронный]. URL: [http:// archive.government.ru/special/docs/1361/](http://archive.government.ru/special/docs/1361/) (дата обращения 09.03.2023).

2. Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2021 год. [Текст: электронный] // Москва: Общественная палата Российской Федерации, 2021. URL: (дата обращения 09.03.2023).

3. Локосов В.В. Основания консолидации современного российского общества: социологические аспекты / В.В. Локосов, В.Л. Шульц. М.: ИСПИ РАН, 2008. 165 с.

4. Путин В.В. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации 16 мая 2003 года. [Текст: электронный] // URL: <http://president.kremlin.ru/text/appears/2003/05/44623.shtml> (дата обращения 09.03.2023).

5. Щенникова К.Ю. Традиционные ценности как фактор сохранения и единения современной России // Власть. 2017. Том. 25. № 1. С. 159-164.

THE ROLE OF THE STATE AND CIVIL SOCIETY IN THE CONSOLIDATION OF RUSSIAN SOCIETY IN THE FACE OF EXTERNAL CHALLENGES

Azamat M. Shadzhe

Doctor of Law, Professor

Saida G. Dzybova

Candidate of Law, Associate Professor

Maikop, Russia

The article substantiates the thesis that the interaction of the state and civil society is the most important factor in the stabilization and harmonization of socio-political relations in society, the consolidation of Russian society in conditions of aggravation of external and internal challenges and threats. The authors analyze optimal models of interaction between civil society institutions and government structures that contribute to the consolidation of Russian society. It is concluded that Russia will be able to achieve a breakthrough only in conditions of social consolidation around the goals of the development of the Russian state as a sovereign, and this consolidation is possible in an environment of trust and mutual understanding between civil society and the state.

Keywords: challenges, civil society, state, consolidation, interaction, partnership.

References:

1. Vladimir Putin was approved by the Chairman of the Government of the Russian Federation at a meeting of the State Duma

[08.05.2008]. [Text: electronic]. URL: [http:// archive.government.ru / special/docs/1361/](http://archive.government.ru/special/docs/1361/) (Accessed 09.03.2023).

2. Report on the state of civil society in the Russian Federation for 2021. [Text: electronic] // Moscow: Public Chamber of the Russian Federation, 2021. URL: [http://131fz.ranepa. ru/uploads/files/2022/01/ oprf2021.pdf](http://131fz.ranepa.ru/uploads/files/2022/01/oprf2021.pdf) (Accessed 09.03.2023).

3. Lokosov V.V. The foundations of consolidation of modern Russian society: sociological aspects / V.V. Lokosov, V.L. Shultz. Moscow: ISPI RAS, 2008. 165 p.

4. Putin V.V. Message to the Federal Assembly of the Russian Federation on May 16, 2003. [Text: electronic] // URL: [http://president .kremlin.ru/text/appears/2003/05/44623..shtml](http://president.kremlin.ru/text/appears/2003/05/44623.shtml) (Accessed 09.03.2023).

5. Schennikova K.Yu. Traditional values as a factor of preservation and unity of modern Russia // Power. 2017. Vol. 25. No. 1. P. 159-164.

РАЗДЕЛ 2. МНОГОУРОВНЕВАЯ И МНОГОСОСТАВНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: НОВАЯ ПОВЕСТКА ДНЯ

УДК 30:304.2; 304.4; 323.1

ПРОБЛЕМЫ ПОСТРОЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СТРАНАХ ПОСТСОВЕТСКОГО МИРА (НА ПРИМЕРЕ ОПЫТА КАЗАХСТАНА)¹

Александр Гуцалов
кандидат философских наук
Южный филиал Российского института культурного
и природного наследия им. Д. С. Лихачева
Краснодар

Аннотация. В статье представлена общая направленность строительства новой национальной идентичности в постсоветских республиках (на примере Казахстана). Выделяются две трактовки концепта «этнонация». Характеризуются статус и роль русского народа в конституировании общероссийской идентичности.

Ключевые слова: Казахстан, постсоветское пространство, идентичность, этноцентризм, моноэтноцентричный, полиэтноцентричный, этнонация, российский народ, Р. Брубейкер.

С обретением независимости в бывших советских республиках наметился отход от стратегий развития на основе постулатов дружбы народов и интернационализма, в связи с чем были запущены процессы, приведшие к значительному росту радикализма и экстремизма, обострению межэтнических и международных отношений, к стремительной моноэтнизации населения. Об этом пишут многие ученые (А. А. Акопян, А. К. Абдина, Ю. А. Балакина, М. С.

¹ Статья написана в рамках выполнения госзадания по теме «Укрепление и развитие гражданской идентичности региональных сообществ как составная часть проекта российской государственности».

Шайкемелев и др.). Насколько оправдан стал выбор новой идентичности, разобщи́вший некогда братские народы? Привел ли он к улучшению жизни людей, к успешному развитию, к укреплению межнационального взаимодействия и международных связей? Для обоснованного ответа на этот вопрос и объективной оценки произошедшим изменениям было осуществлено статистическое исследование по многим областям национального хозяйства (финансы, экономика, оборона, спорт, демография, культура, религии, язык, социальная сфера) всех постсоветских стран, включая данные последнего тридцатилетия их нахождения в едином советском пространстве. Общий итог: ситуация за годы «незалежности» ухудшилась везде (включая и Россию) и по всем направлениям.

Предположив, что это может быть связано с выбором стратегии формирования нового национального самосознания в этих странах, мною был поставлен вопрос об особенностях ее реализации. Он был рассмотрен на примере Республики Казахстан, которая была максимально приближена к российским реалиям по национальному составу населения в момент распада СССР. В советское время там сохранялся устойчивый численный паритет казахского и русского населения. Общий вывод был таков: одной из главных причин снижения роста во всех постсоветских республиках явилась выбранная ими стратегия на активную моноэтнизацию общенациональной истории, культуры и самосознания, на разрыв с предшествующим периодом совместного развития в составе СССР и Российской Империи.

Заданная такой стратегией технология весьма примитивна: вместо советского человека (в создании которого принимали все без исключения народы СССР, но за которым по какой-то причине стали видеть только этнически русского) на пьедестал поставили представителей титульного этноса исходя из названия республики. Вместо русского языка и культуры как среды и средства межнационального общения стали навязывать культуру и язык доминирующего этноса с одновременным ограничением сфер использования

русского языка. В связи с этими процессами в казахстанском научном дискурсе прижился даже термин «казахизация» (или «мягкая казахизация»). По сути, он означает устойчивое выдавливание русскоязычного сегмента из культурного, официального, научно-академического, бытового пространств, постепенно заменяя его казахским.

Это подтверждают и вызывающие тревогу резкие демографические изменения национального состава населения республики. За тридцатилетие независимости Казахстана русское население уменьшилось в 2,1 раза – с 6 227 549 до 2 981 946 чел., т.е. на 3 245 603 чел., а его доля сократилась с 37,8% (1989) до 15,55% (2021), то есть более чем в 2,4 раза. В то же время доля казахского населения увеличилась почти в 1,8 раза, с 39,7 до 70,35%, а его численность увеличилась в 2,1 раза – с 6 534 616 до 13 497 891 чел., то есть на 6 963 275 чел. Если политика мягкой казахизации приводит к таким значительным демографическим перекосам за небольшой промежуток времени, то впору задуматься о ее сути.

Общий прирост населения в Казахстане с 1989 по 2021 гг. составил всего 14,7% (исключительно за счет роста казахов). Но даже этот скромный показатель оказался много лучше, чем в Молдавии (–40%), Грузии (–31%), Украине (–29,5%), Латвии (–29%), Литве (–23,9%), Эстонии (–15,1%), Армении (–10,3%), Белоруссии (–7,9%). Во всех этих республиках в советское время наблюдался устойчивый рост населения. В 1959–1989 гг. в вышеназванных странах рост численности населения составлял от +22,9% (Украина) до +50,3% (Молдавия) и +87,5% (Армения). Даже там, где отмечен прирост населения, его темпы значительно ниже аналогичных показателей за последнее тридцатилетие советской власти. В Казахстане темп роста населения снизился более чем в 5,2 раза (14,7% относительно 76,9%).

После развала СССР все новообразованные страны испытывали кризис своей легитимности. Это, по выражению Ж. К. Нургалиевой, преодолевалось «путем конструирования идентичностей» с жестким разделением титульной и

нетитульных наций, с принципом доминирования и приоритета титульного народа над всеми остальными [5, с. 271]. Уже в 1993 г. в Казахстане конституционно было закреплено положение, что государство является формой самоопределения «казахской нации» [2]. В этой Конституции говорится о «народе Казахстана», но тут же подчеркивается «незыблемость казахской» (не казахстанской) «государственности» [2]. В Конституции 1995 г. говорится о «народе Казахстана, объединенном общей исторической судьбой...». Но дальнейшие слова лишь подчеркивают смысл предыдущей редакции: «...созидавая государственность на исконно казахской земле...» [3]. Эти же слова оставлены и в преамбуле ныне действующей редакции Конституции (по состоянию на 19.09.2022) [4]. Если земля объявляется «исконно казахской», то все иные народы не могут быть, по определению, исконными, титульными и коренными, имеющими равные права с казахами.

Очень тонкое наблюдение сделала в свое время Н. Н. Федотова: «Смысл кризиса идентичности в России не в том, что утрачено монистическое восприятие своей самотождественности и возобладал плюрализм, а в том, что отсутствует плюрализм как совместимость позиций и преобладают осколки самопонимания, не связанные между собой» [6, с. 53]. Прилагая его к опыту национального строительства в постсоветских республиках, можно сказать, что он с самого начала и не предполагал этот плюрализм, а стал новой формой диктата моноэтноцентричного сознания, в котором исключенные из него народы чувствуют себя крайне неуютно.

Термин «моноэтноцентричный» вводится мною для подчеркивания заикленности не просто на этническом факторе, а именно на некоем избранном в качестве главного этносе. Понятие «этноцентричный» может включать в себя смыслы «полиэтноцентричный» и «моноэтноцентричный». Оба они не выводят нас с территории этнической ангажированности в вопросах нациестроительства. Неконтролируемая полиэтноцентричность политики идентичности способна растащить страну по «национальным квартирам», а

излишняя моноэтноцентричность с выделением ведущего этноса создает очаги напряженности в межэтнических отношениях. В обоих случаях нельзя ожидать позитивных сдвигов в единении общества.

Поиск надэтнического основания, объединяющего все народы в единое целое, стал причиной предлагаемой рядом ученых концепции российской идентичности. В условиях полиэтнического общества речь должна вестись именно о выстраивании гражданской нации многоэтнического и в то же время надэтнического российского народа. С этим следует согласиться, но все же позволю себе оговорку. Концепт «российский народ», хотя и понятен, но неприятен. Есть опасность, что он станет парафразой «советского народа», тоже вроде как призванного объединить все этнические группы населения, но так и не ставшего действительно объединяющим началом. Стремительный развал СССР с последующим ростом межнациональной фобии – тому свидетельство. Это сродни понятию «общенародная собственность» – вроде всем принадлежит, но не принадлежит никому. Вместо расплывчатого понятия «российский народ», с которым ни у одного из живущих в России этносов нет сущностной связи, на мой взгляд, следует все же говорить именно о русской, но только уже полиэтнической, объединяющей все этносы нации. Тогда и русский народ, объявленный в действующей Конституции Российской Федерации «государствообразующим», обретет свою должную миссию в качестве этнонации, в которой общенациональное определяет и включает в себя этническое, открывая этносам пространство надэтнического и полиэтнического. Этому смыслу противоположен смысл этнонации, где доминирует этническое, подминающего собой общенациональное.

Этнонация, таким образом, имеет два разных значения. 1. Не желающее преодолевать свои узкие границы моноэтническое, навязывающее себя иным народам. 2. Преодолевшее свои сугубо этнические границы моноэтническое, ставшее полиэтническим, площадкой межэтнического взаимодействия, общим достоянием всех народов, формируя общее этнонациональное пространство,

где сформированное всеми общее главенствует над узкоэтническим любого народа. Это касается культуры, языка, истории, духовно-нравственных ценностей, норм и идеалов. В этом смысле русский язык и культуру уже нельзя считать языком и культурой только русского народа, в его развитие вносят свой вклад языки и культуры всех народов России.

Русский народ в силу исторически развитой и временем выверенной широты своего мировосприятия уже давно перерос собственные этнические границы (если они вообще изначально были). Ему удалось (не без ошибок и перекосов) создать действительно общее языковое, культурное и социально-политическое пространство творческого общения всех народов Российской Империи, затем Советского Союза и сейчас новой России. Это пространство стало общей площадкой всех народов. В таком схватывании русский народ – своеобразное послание всему миру об общечеловеческом единстве, где нечто квалифицируемое как некий отдельный этнос принципиально способно преодолеть свои этнические границы и на основе традиционных общечеловеческих смыслов, понятных и принимаемых всеми народами, предлагать миру широкое самосознание. Такая позиция вовсе не отменяет и не растворяет понятие «народ» («этнос»), а придает ему большую глубину, открывая перспективу любому народу в этнической форме вбирать в себя смыслы иных этнических культур, создавая общее поле единства. В таком понимании этнос начинает играть роль нации, не просто объединяющей, а именно включающей в себя все народы, позволяющей себе заиграть яркими красками и богатыми оттенками всех этнических культур. Важно отметить, что такой процесс имеет длительное многовековое время вызревания.

Понятия «этнонация», «гражданская нация» активно используются в научном дискурсе. Мне близка позиция «синтетического подхода» З. Жаде, Е. Куквы, С. Ляушевой, А. Шадже: «Представляется, что «российская нация» будет содержать в себе элементы гражданско-территориальной и этнокультурной общности» [1, с. 23]. Но мною проводится несколько иная идея.

Этносы не представляют собой закрытые системы подобно монадам Лейбница с их предустановленной гармонией. Сами этносы способны преодолеть границы моноэтничного и вобрать в себя полиэтничное, выходя за свои пределы и становясь единой нацией всех народов без умаления их роли и значения. И это не «тягловый котел», переплавляющий все этносы в единую гражданскую нацию. Это не соединение этнокультурного и гражданско-территориального аспектов. Это именно формирование полиэтничной сути единой этнонации, принципиально открытой всем народам, разделяющим общие традиционные ценности, следующим общим идеалам, живущим по схожим нормам. Такое понимание концепта «этнонация» включает в себе общечеловеческий посыл как возможность всеобщего единства. Так называемый русский народ в силу множества причин стал носителем такой идеи, постепенно воплощая ее в жизнь и став, в сущности, многонациональным народом. Общенациональное здесь довлеет над этническим, при этом не подавляет, а развивает его.

В казахстанском научном дискурсе мы встречаем понятие «этнонация» (М. С. Шайкемелев использует термин «этнос-нация») как ориентир в построении национальной общности. Но его смысл совсем другой, означая лишь новую форму верховенства одного народа над другими, в которой доминирующий этнос начинает навязывать свои понятия, нормы, идеалы, ценности, язык, культуру иным народам своей страны. Этническое здесь не преодолевает свои узкие границы, а ставит в их рамки все общество. Общенациональное единство на этом фундаменте приведет к социальной неустойчивости. То, за что казахские эксперты критикуют имперский и советский подходы с их якобы притеснением казахов, довлечением всего русского, умалением значения языков народов, начинает претворяться в жизнь по отношению ко всем народам уже со стороны казахов. В негативном образе прежних русских оказываются уже реально сами казахи.

С легкой руки Р. Брубейкера, в научный обиход активно вошел термин «национализирующее государство», который как раз и подчеркивает суть происходящих перемен в странах постсоветского пространства. Брубейкер указывает на степень вовлеченности государства в процессы национального строительства, на превращение самого государства в «национальное», т. е. созданное для только одной «титульной» нации и поэтому носящее ее имя. Это понятие им введено в работе «Переосмысленный национализм: государственность и национальный вопрос в Новой Европе» (1996) [7]. Им вводятся и понятия «национализирующий национализм», «трансграничные национализмы», или «внешняя национальная родина», «национализм этнических меньшинств». Первое относится к проявлению национализма позиционирующей себя «основной», или титульной, «нации», отличая себя «от граждан в целом». При этом титульный народ обязательно ощущает себя в слабом положении, следствием предшествующей до обретения независимости дискриминации. Национализирующее государство становится средством реализации политики создания преференций господствующей этнической группе, именем которой и названо государство.

Все остальные этносы становятся меньшинствами с урезанными правами. У каждого национального меньшинства имеется внешняя родина, т. е. государство, в котором доминирует эта этническая группа. Это государство обязано заниматься вопросами поддержки этнически «своих» граждан других государств. Оно выступает «внешней национальной родиной» для своих этнических меньшинств в других странах. Таким образом, национализмы трех видов: государства этнического титульного большинства, национальной родины и этнических меньшинств, – вступают друг с другом в конфронтацию. При этом «основная нация понимается как законный “владелец” государства: трактуемое государством основной нации и для нее». Брубейкер точно описал сложившуюся ситуацию. Последующая четверть века только подтвердила его выкладки. Тенденции усиления титульной нации и ослабления других народов

в странах постсоветского пространства сохраняются. Используемый мною термин «моноэтнизация» отражает суть не очень удачного, с точки зрения русского языка, перевода понятия Р. Брубейкера «национализирующий» по отношению к государству, истории, культуре, при котором смыслы этнического и национального, которые все же следует строго различать, практически сливаются.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Жаде, З., Куква, Е., Ляшева, С., Шадже, А. Российская идентичность на Северном Кавказе. М.: Социально-гуманитарные знания; Майкоп: ООО «Качество», 2010. – 248 с.

2. Конституция Республики Казахстан (Принята на девятой сессии Верховного Совета Республики Казахстан двенадцатого созыва 28 января 1993 года) // Викитека. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Конституция_Республики_Казахстан_1993_года (дата обращения: 21.07.2022).

3. Конституция Республики Казахстан. Принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 года. Текст: электронный // Эдилет. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000_ (дата обращения: 21.07.2022).

4. Конституция Республики Казахстан (принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 года) (с изменениями и дополнениями по состоянию на 19.09.2022 г.) // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. URL: http://akorda.biz/public/ru/official_documents/constitution (дата обращения: 09.01.2023).

5. Нургалиева, Ж. К. Казахстан: к вопросу о конфликте идентичностей // Санкт-Петербургский социологический ежегодник. 2009. Спб.: Астерион, 2009. С. 270–278.

6. Федотова, Н. Н. Кризис идентичности в условиях глобализации // Человек. 2003. № 6. С. 50–59.

7. Brubaker R. Nationalism Reframed. Nationhood and the National Question in the New Europe. Los Angeles: University of California, 1996.

THE BUILDING NATIONAL IDENTITY PROBLEMS IN THE POST-SOVIET COUNTRIES (THE KAZAKHSTAN'S EXPERIENCE)

Alexander A. Gutsalov,

Cand. Sci. (Philosophy), Leading Researcher, Head, Department for Complex Problems of Cultural Studies, Southern Branch, Russian Institute for Cultural and Natural Heritage, Krasnodar, Russia.

The paper presents the general orientation of the construction of a new national identity in the post-Soviet republics (on the example of Kazakhstan). Two interpretations of the concept of “ethnonation” are distinguished. The status and role of the Russian people in the constitution of the all-Russian identity are characterized.

Keywords: Kazakhstan, post-Soviet space, identity, ethnocentrism, mono-ethnocentric, polyethnocentric, ethnonation, Russian people, R. Brubaker.

References:

1. ZHade Z., Kukva E., Lyausheva S., SHadzhe A. Rossijskaya identichnost' na Severnom Kavkaze (Russian Identity in the North Caucasus). M.: Social'no-gumanitarnye znaniya; Majkop: OOO «Kachestvo», 2010. – 248 p.
2. Konstituciya Respubliki Kazahstan (Prinyata na devyatoj sessii Verhovnogo Soveta Respubliki Kazahstan dvenadcatogo sozyva 28 yanvarya 1993 goda) (Constitution of the Republic of Kazakhstan (Adopted on January 28, 1993)) // Vikiteka. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Konstituciya_Respubliki_Kazahstan_1993_goda (Access data: 21.07.2022).
3. Konstituciya Respubliki Kazahstan. Prinyata na respublikanskom referendumе 30 avgusta 1995 goda (The Constitution of the Republic of Kazakhstan. Adopted on August 30, 1995) // Edilet. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000_ (Access data: 21.07.2022).
4. Konstituciya Respubliki Kazahstan (prinyata na respublikanskom referendumе 30 avgusta 1995 goda) (po sostoyaniyu na 19.09.2022 g.) (The Constitution of the Republic of Kazakhstan (adopted on August 30, 1995, as of 09.19.2022)) // Oficial'nyj sajt Prezidenta Respubliki Kazahstan. URL: http://akorda.biz/public/ru/official_documents/constitution (Access data: 09.01.2023)
5. Nurgalieva ZH. K. Kazakhstan: k voprosu o konflikte identichnostej (Kazakhstan: on the issue of identity conflict) // Sankt-Peterburgskij sociologicheskij ezhegodnik. 2009. Spb.: Asterion, 2009. P. 270–278.
6. Fedotova N. N. Krizis identichnosti v usloviyah globalizacii // CHelovek. 2003. № 6. P. 50–59.
8. Brubaker R. Nationalism Reframed. Nationhood and the National Question in the New Europe. Los Angeles: University of California, 1996.

**ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СТРАТЕГИЙ ЗАНЯТОСТИ
ВЫПУСКНИКОВ ВУЗОВ В КОНТЕКСТЕ ПРОЦЕССОВ
ПРЕКАРИАТИЗАЦИИ**

***Ярославна Демонова**
кандидат социологических наук
Адыгейский государственный университет
Майкоп*

Аннотация. В статье показано, что глобализация мировой экономики привела к распространению гибкого труда, нестабильности, социальной незащищенности и временной занятости. Представлены результаты эмпирического анализа профессиональных стратегий занятости выпускников вузов. Показана специфика обозначенных стратегий выпускников резидентов России и резидентов стран- членов Европейского Союза.

Ключевые слова: глобализация, прекариатизация, рынок труда, стратегии занятости.

Прекариатизацию можно считать естественным явлением в постиндустриальном обществе, вытекающим из самой сути общественных процессов. Но понимается этот процесс двояко: с одной стороны, это энтропия состояния человека в положении неопределенной и неустойчивой трудовой деятельности, с другой – это открывающиеся новые возможности и полная свобода выбора и действий.

Претерпела изменения система ценностей и доминант, которые помогали удержаться в постоянно изменяющихся условиях жизни. Цели перестали иметь первостепенное значение, на авансцену выдвинулись возможности и средства.

Коммодификация образования становится одной из главных причин попадания большого числа молодых людей в прекариат. Основная цель существующей системы образования – не передавать ценные знания, используя

которые человек мог бы грамотно выстроить карьеру и стать профессионалом, а скорее создавать коммерческие продукты в лице выпускников и в виде самих дипломов.

Цель настоящего исследования – выявить основные причины и формы деформации профессиональной идентичности выпускников вузов в рамках процесса прекариатизации занятости.

Для достижения поставленной цели в работе необходимо решить следующие задачи:

- рассмотреть теоретические основания социологического анализа концепта профессиональной идентичности;
- проанализировать теоретико-концептуальные представления о прекариате как явлении на рынке труда и проблематизировать основные тенденции процесса прекариатизации занятости;
- систематизировать основные подходы анализа профессиональной идентичности в контексте качественной и количественной парадигм;
- определить центральные тенденции процесса прекариатизации занятости на базе статистических данных стран-членов Европейского Союза и Российской Федерации;
- провести собственное эмпирическое исследование деформации профессиональной идентичности выпускников вузов в рамках процесса прекариатизации занятости.

Объектом исследования является профессиональная идентичность выпускников вузов как индикатор процесса прекариатизации занятости.

Предметом исследования выступает деформация профессиональной идентичности выпускников вузов управленческих и экономических факультетов в рамках процесса прекариатизации занятости.

Эмпирической базой исследования является анализ результатов самостоятельного прикладного социологического исследования. В исследовании применялся метод глубинного полуструктурированного

интервью, в ходе которого были опрошены молодые люди в возрасте от 22 до 30 лет, получившие диплом о высшем образовании по экономической или управленческой специальности и не имеющие официального трудоустройства по выбранной ранее профессии. Объем выборочной совокупности исследования составляют 36 человек. По гендерному составу выборка представлена 17 мужчинами и 19 женщинами. По территориальному признаку весь объем выборочной совокупности условно разделен на две группы: респонденты из Российской Федерации и респонденты из стран-членов Европейского Союза. Группа респондентов из Российской Федерации представлена 26 жителями Краснодарского края. Группа респондентов из стран-членов Европейского Союза представлена 10 резидентами следующих стран: Франция, Испания, Германия, Бельгия, Греция и Великобритания.

Рассмотрим результаты эмпирического исследования профессиональных стратегий занятости выпускников вузов РФ и стран-членов ЕС-28. На этапе профессионального самоопределения большинство российских респондентов говорили о том, что выбор профессии был несамостоятельным решением, а основывался на рекомендациях родителей (38,4%). Также респонденты сообщали, что «не знали, что представляет собой выбранная ими профессия». Все опрошенные иностранные респонденты прошли профессиональную ориентацию в школе и выбрали профессию самостоятельно, полагаясь на свои способности. Также все иностранные респонденты хорошо знали, каким будет их потенциальное место работы и какое необходимо получить образование для того чтобы в дальнейшем занять желаемую должность.

Респонденты из России (61,5%) описывают процесс обучения в вузе как «скучный и неинтересный». Опрошенные отмечают, что «еще на этапе обучения разочаровались в своей будущей профессии». Иностранные респонденты отмечали тот факт, что процесс обучения в вузе был для них

интересен, но этот интерес связан не столько с самим обучением, сколько с возможностью переезда и пребывания в другой стране.

Часть опрошенных (38,3%) в России предпочли начать трудовую деятельность не по специальности еще во время обучения в вузе. Иностранные респонденты считают, что на этапе обучения «все свое время необходимо уделять только учебному процессу». Однако большинство иностранных респондентов периодически подрабатывают репетиторами иностранного языка.

По окончании вуза большинство российских респондентов выбирают работу не по специальности, ориентируясь исключительно на более высокий уровень предлагаемой заработной платы, пренебрегая заключением трудового договора с работодателем и социальными гарантиями, считая это не важным.

У большинства российских респондентов нет желания связать свою профессиональную жизнь с работой по специальности, полученной в вузе. Так, 62% опрошенных никогда не работали и не пытались искать работу по специальности, 19% респондентов имеют негативный опыт работы по специальности, который способствовал смене трудовой деятельности на непрофильную, 11% трудоустроены в семейном бизнесе, 8% искали, но не нашли работу по специальности из-за чего были вынуждены согласиться на «любую работу». Иностранные респонденты в своих ответах не используют категорию «работа по специальности», так как данный вариант трудоустройства считают невозможным. Опрошенные выбирают потенциальное рабочее место, а затем получают то образование/квалификацию, которая требуется работодателям.

Рассуждая о своей трудовой деятельности, респонденты указывают на ряд трудовых ценностей, которые считают наиболее важными для себя при выборе работы. Трудовые ценности иностранных респондентов и респондентов из России имеют различия.

Рассуждая на тему ближайшего будущего, российские респонденты делают акцент на невозможности планировать свою жизнь, считая ее слишком непредсказуемой. Респонденты из стран Европы делят всю свою жизнь на определенные этапы в зависимости от основной деятельности и отдельно выделяют «gap year» как период путешествий и отдыха после учебы.

Респонденты из России отмечают, что к нетипичным формам занятости человека вынуждают внешние обстоятельства такие как государственная политика, экономический кризис или гибкость системы занятости. Респонденты из стран Европы уверены, что «выбор прекарной занятости зависит только от самого человека и внешние обстоятельства не способны повлиять на его решение». Следует обратить внимание на гендерные и культурные стереотипы в сфере трудоустройства, о которых говорят респонденты из разных стран. Большинство респондентов из России считают, что к прекарной занятости склонны женщины, так как «финансовое благополучие семьи в большей степени обеспечивает мужчина», а женщина может позволить себе работу «для удовольствия, а не для заработка». Респонденты поясняют, что данная позиция является «традиционным укладом нашей страны». К тому же, по мнению респондентов, в ситуации поиска работы и трудоустройства у мужчин больше шансов получить хорошую работу, так как у женщины есть определенные ограничения, связанные с наличием детей или потенциальным декретным отпуском. Данную позицию разделяет женская часть выборки (53,8%) подтверждая, что профессиональной самореализации предпочитают семейные ценности.

Респонденты из стран Европы придерживаются противоположного мнения. Опрошенные поясняют, что женщина не склонна к прекарной трудовой деятельности, так как «женщина в большей степени ориентирована на детей и не может позволить себе нестабильное трудоустройство». Данную позицию респонденты объясняют стереотипным мышлением, которое свойственно большинству жителей европейских стран. Так, респонденты из Франции

пояснили, что в их стране есть поговорка, дословный перевод которой звучит как «мужчина органично существует в ситуации ненадежности (без гарантий), а женщина всегда ищет стабильность». Также респонденты считают, что при трудоустройстве, как у мужчин, так и у женщин абсолютно равные права.

Основные выводы по результатам проведенного исследования заключаются в следующем:

- глобальная трансформация рынка труда порождает прекариатизацию занятости;
- процесс прекариатизации выступает одним из факторов, влияющим на формирование профессиональной идентичности и способствующим трансформации, деформации либо полной утрате данной идентичности;
- измененные социально-психологические модели поведения молодых людей основаны на деформированной профессиональной идентичности;
- в современных условиях у выпускников вузов преобладает эгоистическая мотивация к профессиональной самореализации;
- стратегии поведения при выборе профессионального пути молодыми людьми могут быть двух видов: полный отказ от профессии, либо временных уход из профессии под влиянием актуальной социальной ситуации или внутриличностных факторов;
- прекариатизация имеет гендерные особенности. Об этом свидетельствует часто встречающийся факт предпочтения девушками семейных ценностей, а не профессиональной самореализации;
- существуют гендерные стереотипы о склонности к прекарной занятости, которые отличаются в зависимости от традиций национальной культуры страны;
- прекариатизация – это объективный фактор социального развития с основополагающими механизмами, алгоритмами процессов и моделями нового вида профессиональной идентичности, в рамках которой сама профессиональная идентичность является вторичной к «Я» человека;

– институционализация прекарной занятости и ее роль как социального ориентира позволяет дополнить классическую модель прекариата, предложенную Г. Стендингом;

– проблемным полем прекариатизации является деформированная профессиональная идентичность и искаженная ценностно-мотивационная сфера.

Результаты представленного исследования позволяют сделать заключение о том, что в настоящее время процессы прекариатизации занятости являются актуальными и способствуют деформации профессиональной идентичности, что инициирует ситуацию несоответствия состава рабочей силы и структуры рабочих мест в сфере занятости.

PROFESSIONAL EMPLOYMENT STRATEGIES OF UNIVERSITY GRADUATES IN THE CONTEXT OF PRECARIATIZATION PROCESSES

Demonova Yaroslavna Olegovna,
Candidate of Sociological Sciences,
Assistant Adygea State University,
Department of Philosophy and Sociology, Maykop, Russia

Annotation. The article shows that the globalization of the world economy has led to the spread of flexible labor, instability, social insecurity and temporary employment. The results of an empirical analysis of professional employment strategies of university graduates are presented. The specifics of the designated strategies of graduates of residents of Russia and residents of the member states of the European Union are shown.

Keywords: globalization, precariatization, labor market, employment strategies.

ГРАЖДАНСКАЯ И ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТИ В РАКУРСЕ КОНСОЛИДАЦИИ РОССИЙСКОГО СОЦИУМА¹

Александр Зорин

*доктор философских наук, профессор
Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва
Краснодар*

Аннотация. В статье анализируются государственные документы, посвященные консолидации современного российского общества, выявляется некоторая противоречивость используемых в них понятий. Представлены наиболее оригинальные точки зрения на соотношение гражданской и этнической идентичности. Отслеживаются новые векторы снятия напряжения между общероссийской гражданственностью и локальными этническими компонентами. Делается вывод, что межкультурное взаимодействие народов России будет способствовать их консолидации лишь при сохранении «русской культурной доминанты» и объединяющей роли русского языка.

Ключевые слова: гражданская идентичность, этническая идентичность, межэтнические отношения, этнокультурное взаимодействие, общее полиэтническое поле.

В связи с резким обострением современной геополитической конфронтации, вызванной агрессивной политикой Запада, а также проводимой российскими войсками Специальной военной операцией на Украине с целью ее демилитаризации и денацификации, на первый план выдвигается проблема консолидации и укрепления единства многонационального народа России как целостного субъекта исторического действия, способного противостоять стоящим перед ним угрозам и вызовам. Российское правительство и Президент считают, что если не удастся эффективно противодействовать западной

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Южного филиала ФГБНИУ «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва» по теме: «Укрепление и развитие гражданской идентичности региональных сообществ как составная часть проекта российской государственности», № ГР 121021500263–9.

экспансии и укрепить общероссийскую гражданскую идентичность, то это чревато полной утратой собственного суверенитета и распадом еще только формирующейся единой политической нации на отдельные региональные идентичности. Принятая в 2013 г. Федеральная целевая программа «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014-2020 годы)» зафиксировала состояние дел по этому вопросу, характеризующееся заменой «единой советской идентичности различными часто конкурирующими формами региональной, этнической и религиозной идентичности», и в качестве первостепенной задачи определила «укрепление единства многонационального народа Российской Федерации (русской нации)» [13]. Учитывая новые геополитические реалии и новые формы противоборства с Западом, Президент РФ в своем Указе № 809 от 9 ноября 2022 года вновь подчеркнул, что основными задачами государственной политики на современном этапе являются «укрепление гражданского единства, общероссийской гражданской идентичности и российской самобытности», а также «сохранение исторической памяти, противодействие попыткам фальсификации истории» [12].

Однако ситуация с формированием гражданской идентичности и ее соотносительности с этнической идентичностью остается все еще не в полной мере проясненной как на уровне руководящих государственных документов, касающихся данного вопроса, так и конкретных практик ее реализации в повседневной жизни. Отсюда основной целью статьи оказывается выявление определенной противоречивости и нестыковок в формулировках, представленных в соответствующих государственных документах, а также стремление найти точки соприкосновения между гражданской и этнической идентичностью, в которых они могли позитивно взаимодействовать друг с другом в деле сплочения российской политической нации.

Начнем с того, что Российская Федерация, являясь единым в то же время полиэтническим государством, не может абстрагироваться от принятия во

внимание этих двух весьма важных моментов, что находит свое отражение в государственных программах ее развития, в которых главными задачами объявляются одновременно и укрепление общероссийского гражданского единства, и развитие этнокультурного многообразия народов России [2]. Между тем, ни сам процитированный выше государственный документ, ни конкретные практики его применения в регионах РФ не дают однозначного ответа относительно способов достижения поставленной цели. При том, что ни для кого не является секретом, что в некоторых национальных регионах (Татарстан, Башкортостан, Северный Кавказ и др.) общероссийская идентичность котируется не столь высоко, как этническая идентичность. Сложившаяся ситуация вовсе не означает, что существует какой-то провал в проведении российской этнополитики, поскольку невозможно найти в мире ни одного полиэтнического государства, в котором бы вопрос формирования гражданской идентичности был решен окончательно и бесповоротно. На деле следует скорее указать на ее недостаточную эффективность в процессе формирования гражданской нации, порожденную специфическими факторами и обстоятельствами. Например, наличие в некоторых республиках националистически настроенных сил, всеми способами стремящихся помешать деполитизации этничности, или неготовность местных (региональных) властей к принятию более решительных мер в деле формирования гражданской идентичности.

Как известно, доктринальным фундаментом современной российской этнополитики по праву считается «Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации до 2025 года». Однако уже само название данного документа, по мнению ряда исследователей, является не совсем корректным, ибо политика по регулированию межэтнических отношений, называемая «национальной», порождает некоторую двусмысленность. И эта двусмысленность берет начало из того, что в российской гуманитаристике существует устоявшаяся традиция понимать нацию, прежде всего, как некий

этнос, благодаря чему подчеркивается многонациональность российского общества, но в то же время создаются препятствия для формирования чувства принадлежности к единой российской «политической нации», как данное понятие уже давно трактуется в западноевропейском научном дискурсе. Академик В.А. Тишков уже с начала 2000-х гг. указывал на эту нестыковку и предлагал в государственных документах использовать термин «этническая» или «этнонациональная» политика, вместо словосочетания «национальная политика» [11, с. 355]. Таким образом, если значительная часть научных деятелей в России уже давно готова использовать понятие «нация» исключительно «в гражданском или политическом смысле, то во властном политическом дискурсе утвердились и эффективно используются понятия этноса, этничности» [4, с. 10].

Как бы то ни было, такая противоречивость оказывается во многом неизбежной: она вполне объяснима поликультурностью российского общества, с одной стороны, и высокой значимостью этнической идентичности, что касается национальных регионов, – с другой. Деятельность властей в этом случае становится амбивалентной. Исходя из благих побуждений – достичь межэтнической толерантности и согласия, а значит, и политической стабильности в государстве, они акцентируют момент самобытности и своеобразия культур отдельных этносов. Однако чрезмерное внимание к этничности порой становится причиной ее политизации, что ведет в конечном счете к прямо противоположным результатам, а именно: возникновению социальной напряженности на национальной (национально-этнической) почве, в ущерб гражданской солидарности россиян. «И даже если процент националистически настроенных граждан сравнительно невысок, недооценивать их влияние на население этнических территорий нельзя. Именно поэтому политическая элита РФ должна не только заниматься постоянным мониторингом этнополитической ситуации в регионах, но и способствовать

формированию единого политического и культурного пространства страны, основанного на гражданской солидарности» [1, с. 96].

Однако, как показывает опыт, зачастую действия как федеральных, так и региональных властей не только не способствуют формированию единого социально-культурного пространства страны и укреплению гражданской интеграции, но ведут порой в противоположном направлении, т.е. усиливают этническую обособленность региональных этносов, ибо этнические фестивали и праздники, непомерная пропаганда этнических культур не дают нужного эффекта – формирования национального единства во всероссийском масштабе, поскольку при их проведении не руководствуются формулой «мы разные, но мы едины», а подчеркивают лишь мысль о неповторимости или своеобразии того или иного этноса. Все это указывает на «необходимость замены политики проведения “точечных этнических мероприятий” на политику вовлечения всех заинтересованных сил, вне зависимости от их этнической принадлежности, в процесс конституирования общероссийских ценностей и реформирования практической составляющей этнической политики в сторону гражданского нациестроительства» [1, с. 96].

Что касается проблемы взаимоотношений между этнической и гражданской идентичностью, то в современной российской гуманитаристике точки зрения различных авторов существенно отличаются друг от друга. Одни исследователи придерживаются мнения, что свободное и всестороннее развитие гражданско-политической нации возможно лишь в том случае, если она способна полностью преодолеть собственную этничность, именно преодолеть, «а не реконструировать в какую-то новую целостность» [3]. Другие (С.В. Рыжова, Ю.А. Семенова, М.Ф. Черныш) вообще считают, что гражданская идентичность как разновидность социальной идентичности может возникнуть только в сформировавшемся гражданском обществе, какового в России все еще не наблюдается. И пока развитие гражданского общества инициируется властями сверху, никакого гражданина *de facto* сформироваться

не может. Для этого должны произойти изменения в ценностной иерархии (выдвижение на первый план свободы и прав личности), являющиеся неременной предпосылкой возникновения зрелой гражданской идентичности. И коль скоро дела обстоят таким образом, то следует либо, как это делает С.Г. Кордонский, с издевкой заявлять о наличии сложившейся гражданской идентичности россиян, но с отрицательным знаком, в результате чего она, в его трактовке, получает название «антигражданской коррупционной идентичности» [5]; либо, идя по стопам Ю.М. Резника, поразмышлять в кантовском духе о гражданском обществе, каковое является «обществом свободных и автономных субъектов <....>, осуществляющих свою деятельность в интересах развития каждого человека и всего человеческого рода» и поэтому становящихся «представителями всего человеческого рода, поднимаясь на высоту его всеобщих, т.е. общеродовых, интересов» [9, с. 306]. При таком подходе гражданское и этнокультурное измерение идентичности оказываются в совершенно разных плоскостях и никак не соотносятся друг с другом. Третьи готовы признать, что «этнокультурное измерение идентичности не противоречит гражданскому, однако эти измерения явно или неявно противопоставляются друг другу в оппозиции “естественное— сконструированное”» [10, с. 31]. При этом речь не идет о биологичности или природности этнокультуры или об искусственности гражданственности, но о противопоставлении режимов формирования этих двух видов идентичности. Дело в том, что этнокультурная идентичность формируется у индивида как бы естественным путем в годы детства (согласно П. Бергману и Т. Лукману, в период первичной социализации), в ближнем кругу людей, без участия надсемейных институтов и необходимости делать политизированный выбор между своими и чужими. Гражданская же идентичность, напротив, конституируется преднамеренно, искусственным путем, с использованием символических средств, что свойственно вторичной социализации. Если рассматривать этот вопрос в темпоральном ракурсе, то можно прийти к выводу,

что противопоставление этнического элемента гражданскому не носит абсолютного характера, ибо гражданская идентичность является более поздним образованием (что касается и истории какого-то народа, и отдельно взятого индивида), тогда как этническая (или этнокультурная) идентичность предстает более ранним напластованием, на которое впоследствии наслаивается как некое новообразование гражданская идентичность. Таким образом, социокультурное измерение идентичности не находится в тотальной оппозиции гражданскому измерению, как это порой представляется в некоторых исследованиях. С другой стороны, гражданская идентичность не может никогда на все сто процентов совпадать с этнической идентичностью, даже в странах с моноэтническим населением.

В последние годы появляется все больше исследований отечественных авторов, в которых проясняются цивилизационные основы российской гражданской идентичности и ее специфические характеристики. Особо подчеркивается, что гражданская идентичность «не может быть абстрактной, вневременной, внесоциокультурной» [7, с. 177], поэтому гражданское общество западного типа и присущая ему гражданская идентичность, как и коды свойственные романо-германской цивилизации, не могут быть автоматически скопированы и некритически применяться в рамках российских реалий, хотя определенные заимствования, пожалуй, и возможны. В этой связи Н.Ю. Кравченко подчеркивает, что российская гражданская идентичность, в отличие от западной, основанной на принципах индивидуализма, свободы, низведенной до уровня вседозволенности, и безапелляционного приоритета личного успеха, «будет коллективная, коммунальная, соборная по своим основаниям» [6, с.18], т.е. будет иметь в своем фундаменте основополагающие духовно-нравственные ценности, которыми на протяжении многих столетий руководствовался в собственной деятельности русский народ, учитывая то, что «русская культурная доминанта» присуща всем народам России и составляет основу «общероссийской гражданской идентичности».

По мнению Л.М. Дробижевой, российская гражданская идентичность по праву может быть названа «гражданско-государственной», ибо идея сильного, способного защитить себя от внешних врагов государства на протяжении веков являлась одной из важнейших скреп национального русского самосознания. Поэтому не приоритет прав и свобод эгоистичного индивида, не идея личного благополучия, обретения богатства и успеха находятся на вершине ценностной шкалы россиян, а патриотизм, служение Отечеству, социальная справедливость, взаимопомощь и коллективизм. Л.М. Дробижева называла также гражданскую идентичность «барометром» консолидации общества, солидарности действующих в нем общественных сил, неперенным условием целостности государства. Но целостность государства невозможна без единства и сплоченности входящих в его состав этносов. Отсюда очень важной становится мысль о том, что «гражданско-государственная и этническая идентичности совмещаются в ситуациях, когда каждая из них далека от гипертрофированных форм» [4, с. 21]; и напротив, во времена разгара шовинизма и радикального национализма вышеуказанные идентичности способны вступать друг с другом в непримиримый конфликт. Свою лепту в развитие, предложенного Л.М. Дробижевой подхода внесли сотрудники Южного филиала Российского НИИ культурного и природного наследия, руководимого д.ф.н. И.И. Горловой. В своих исследованиях они чутко уловили смену направления векторов в понимании взаимодействия гражданской и этнической идентичности в деле упрочения российского социума. «Если раньше общегосударственной идентичности как бы всегда противостояла идентичность этническая <...>, – отмечают краснодарские ученые. – То теперь активизация этнокультурных составляющих вовсе не означает активизацию каждой самой по себе этнической культуры. Она предполагает создание из разного сочетания их активностей единого общекультурного пространства благодаря их творческому общению между собой и влиянию друг на друга. [Таким образом], этнокультурное взаимодействие становится основой

формирования сплоченного общества, снимая фактор напряжения между государственным и локальными этническими компонентами» [8, с. 8].

И здесь в качестве заключения хотелось бы еще раз уточнить, что взаимодействие различных этнических компонентов (то, что К.Н. Леонтьев называл «цветущей сложностью») будет способствовать их консолидации, если оно будет основываться на приоритете общероссийского гражданского самосознания, «системообразующим звеном» которого является русская культурная доминанта, присущая в той или иной мере всем народам Российской Федерации, на ведущей роли русского языка как языка межнационального общения, создающего единое культурное поле на территории всей страны, и на постоянном обращении к историческому и культурному наследию, в котором нашел свое отражение богатый и разнообразный многовековой опыт народов, населяющих Россию.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Аванесова, Е.Г. Формирование гражданской идентичности: о специфике этнической политики РФ // Гуманитарный научный вестник. 2021. №5. С. 93-98.

2. Государственная программа Российской Федерации «Реализация государственной национальной политики» // [Сайт Федерального агентства по делам национальностей]. URL: http://fadn.gov.ru/system/attachments/attaches/000/028/454/original/Государственная_программа.pdf?1484236417 (дата обращения: 23.12.2022).

3. Гречко, П. К. К вопросу о национально-государственной идентичности. URL: <http://k-voprosu-o-natsionalno-gosudarstvennoy-identichnosti.pdf> (дата обращения: 18.01.2023).

4. Дробижева, Л.М., Рыжова, С.В. Гражданская и этническая идентичность и образ желаемого государства в России // Полис. Политические исследования, 2015. № 5. С. 9-24.

5. Кордонский, С.Г. Государство, гражданское общество и коррупция // Полит-ру. URL: <http://polit.ru/article/2006/04/23/kordonsky/> (дата обращения: 04.02.2022).

6. Кравченко, Н.Ю. Кризис концепта гражданской идентичности: социологическое измерение // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология, 2015. Т. 15, вып. 3. С. 14-18.

7. Кравченко, Н.Ю. Гражданская идентичность как условие снижения конфликтности общества // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология, 2016. Т. 16, вып. 2. С. 177-180.

8. Общероссийская гражданская идентичность на Юге России. Анализ мер и предложения по Южному федеральному округу и Северному Кавказу: аналитический доклад. М.: Институт Наследия, 2020. 95 с.

9. Резник, Ю.М. Человек гражданский: проблемы идентичности // Вопросы социальной теории: научный альманах. М., 2010. Т. 4. С. 305-325.

10. Состояние и перспективы развития российской гражданской идентичности. Обзор научных исследований и публикаций 2010–2015 гг. Отчет по результатам научно-исследовательской работы. М.: Циркон, 2015. 115 с.

11. Тишков, В.А. Об обновлении Концепции государственной национальной политики // Этнология и политика: статьи 1980-2004 гг. М.: Наука, 2005. С. 355-357.

12. Указ Президента РФ № 809 от 9 ноября 2022 года «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»: <http://prezident.org/articles/ukaz-prezidenta-rf-809-ot-9-nojabrja-2022-goda-09-11-2022.html> (дата обращения: 05.03.2023).

13. Федеральная целевая программа «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014-2020 годы)», утвержденная постановлением Правительства Российской Федерации от 20 августа 2013 г. N 718: URL: http://xn----8sbnatxcctbeddbtj9c2e.xn--p1ai/files/doc-files/2015/10/ukreplenie_edinstva_rossiyskoy_nacii_i_etnokulturnoe_razvitie_narodov_rossii_2014_-_2020_gody.pdf (дата обращения: 27.02.2023).

CIVIC AND ETHNIC IDENTITIES IN THE ASPECT OF CONSOLIDATION OF THE RUSSIAN SOCIETY

Alexander Zorin, Doctor of Philosophy, Professor,
Leading Researcher of the Southern Branch
Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage
named after D.S. Likhachev
Krasnodar, Russian Federation

Annotation. The article analyzes the state documents devoted to the consolidation of contemporary Russian society, reveals some inconsistency of the concepts used in them. The most original points of view on the correlation of civil and ethnic identity are presented. New vectors of tension relief between the all-Russian citizenship and local ethnic components are being monitored. It is concluded that cross-cultural interaction of peoples of Russia will contribute to their consolidation only when saving Russian cultural dominant and unifying role of Russian language.

Keywords: civic identity, ethnic identity, interethnic relations, ethno-cultural interaction, common polyethnic field.

References

1. Avanesova E.G. Formation of civil identity: on the specifics of the ethnic policy of the Russian Federation // Humanitarian Scientific Bulletin. 2021. №5. pp. 93-98.
2. State program of the Russian Federation "Implementation of the state national policy" // [Website of the Federal Agency for Nationalities]. URL: http://fadn.gov.ru/system/attachments/attaches/000/028/454/original/Government_program.pdf?1484236417 (date of access: 12/23/2022).
3. Grechko, P. K. To the question of national-state identity. URL: <http://k-voprosu-o-natsionalno-gosudarstvennoy-identichnosti.pdf> (date of access: 01/18/2023).
4. Drobizheva, L.M., Ryzhova, S.V. Civil and ethnic identity and the image of the desired state in Russia // Polis. Political Research, 2015. No. 5. C. 9-24.
5. Kordonsky, S.G. State, civil society and corruption // Polit.ru. URL: <http://polit.ru/article/2006/04/23/kordonsky/> (date of access: 04.02.2022).
6. Kravchenko, N.Yu. Crisis of the concept of civic identity: a sociological dimension // Izv. Sarat. university New ser. Ser. Sociology. Political science, 2015. Vol. 15, no. 3. S. 14-18.
7. Kravchenko, N.Yu. Civil identity as a condition for reducing the conflict potential of society // Izv. Sarat. university New ser. Ser. Sociology. Political Science, 2016. Vol. 16, no. 2. S. 177-180.
8. All-Russian civic identity in the South of Russia. Analysis of measures and proposals for the Southern Federal District and the North Caucasus: an analytical report. M.: Heritage Institute, 2020. 95 p.
9. Reznik, Yu.M. Civilian Man: Problems of Identity // Issues of Social Theory: Scientific Almanac. M., 2010. T. 4. S. 305-325.
10. State and prospects for the development of Russian civic identity. Review of scientific research and publications 2010–2015 Report on the results of research work. M.: Zirkon, 2015. 115 p.
11. Tishkov, V.A. On updating the Concept of state national policy // Ethnology and politics: articles 1980-2004. M.: Nauka, 2005. S. 355-357.
12. Decree of the President of the Russian Federation No. 809 of November 9, 2022 "On approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values": <http://prezident.org/articles/ukaz-prezidenta-rf-809-ot-9-nojabrja-2022-goda-09-11-2022.html> (date of access: 03/05/2023).
13. Federal target program "Strengthening the unity of the Russian nation and the ethno-cultural development of the peoples of Russia (2014-2020)", approved by the Decree of the Government of the Russian Federation of August 20, 2013 N 718: URL: <http://xn---8sbnatxcctbeddbtj9c2e.xn--p1ai/files/doc->

УДК 321.022

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ НЕСТАБИЛЬНОСТИ: ЭКСПЕРТНОЕ МНЕНИЕ¹

Надежда Ильинова,
доктор философских наук, доцент,
Адыгейский государственный университет,
г. Майкоп

Аннотация. Ведущей целью региональной политики идентичности является создание гармоничного общественного пространства, где каждый народ может сохранять свои культурные особенности, но при этом взаимодействовать и сотрудничать с другими. Ее задачи включают в себя поддержку и защиту традиций, языков, создание условий для развития этнических культур и образования, помощь малочисленным этническим группам, а также укрепление социальной стабильности и межнационального согласия в регионах. Успешная региональная политика может способствовать сохранению культурного разнообразия и укреплению национальной самобытности, что является важным фактором в условиях нестабильности.

Ключевые слова: регион, политика, идентичность, нестабильность, ценности, этносы.

У. Бек [1] рассматривает «общество риска» в качестве естественной сущности социальной системы, обусловленной объективными историческими процессами, детерминированными социальными изменениями. Однако в современном обществе риски имеют совершенно иной характер, порождают нестабильность и неопределенность, которые оказывают значительное влияние

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Минобрнауки России в рамках государственного задания на НИР АГУ по проекту № FENZ-2022-0001 «Региональная политика идентичности в условиях современных геополитических и социокультурных вызовов (на примере Республики Адыгея и Краснодарского края)».

на все процессы, протекающие в обществе. Значимым компонентом устойчивости социальных отношений выступает доверие структур гражданского общества и власти, осознание человеком своей принадлежности данной группе общества, самому обществу. Чем больше доверия общества к социальным институтам, особенно к политическим и культурным, тем легче происходит процесс внутренней оценки и принятия процессов, происходящих в обществе, осознания своей причастности к ним. По данным Фонда «Общественное мнение» [2], в декабре 2022 года 28% россиян высказались о доверии своей стране. Наиболее доверяющей своей стране возрастной группой оказались респонденты старше 60 лет - 32% (рис. 1). Наименее доверяющими оказались респонденты со средним профессиональным образованием - 26%.

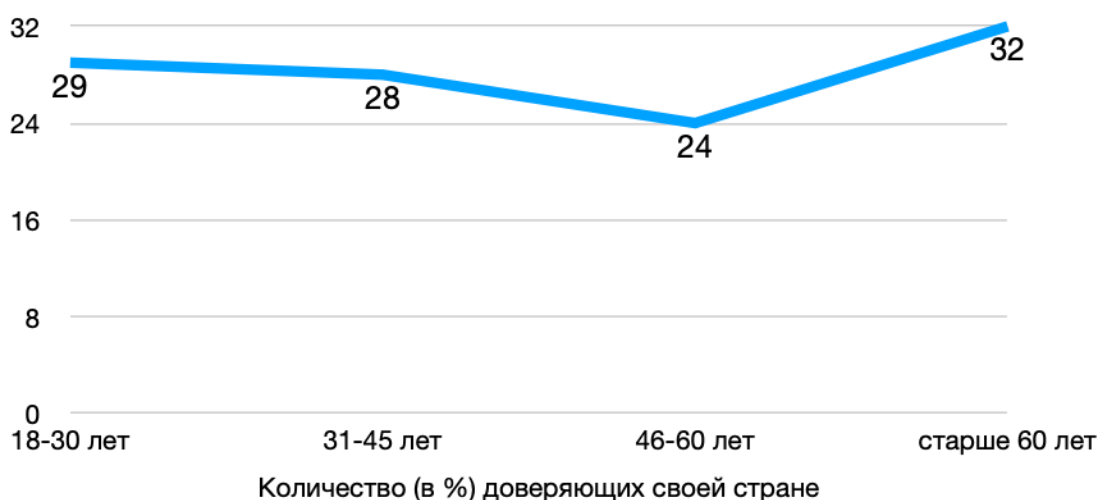

Рисунок 1. Количество доверяющих своей стране россиян, в %

Россияне в принципе осторожны: 65% опрошенных убеждены в том, что с людьми нужно быть осторожными, лишь 31% считают, что людям можно доверять [3]. С доверием к власти в российском обществе традиционно «не очень», по этому поводу в октябре 2022 года глава Всероссийского центра исследования общественного мнения (ВЦИОМ) Валерий Федоров отметил: «В России доверяют не власти, а конкретным людям...» [4]. В связи с этим

возникает необходимость в комплексном подходе к управлению развитием социальной системы, что, на наш взгляд, заложено в основы политики идентичности, как на национальном, так и на региональном уровнях. Если институциональные элементы предлагаются в стабильном обществе, они обычно оцениваются положительно и включаются в структуру идентичности как нормативные компоненты, что обеспечивает устойчивость основных институтов и постоянство социума.

Под политикой идентичности мы понимаем набор мер и действий, направленных на поддержание и укрепление конкретной групповой идентичности или множества идентичностей. Эти меры могут включать в себя создание и продвижение политических партий, организаций и групп, которые представляют интересы определенной культурной, этнической или религиозной группы, а также населения определенных территорий или регионов. Это может также включать проведение политик, законодательных и культурных реформ, направленных на защиту и поощрение определенных групповых идентичностей и борьбу с дискриминацией и преследованиями на основе этнической или культурной принадлежности. В России существует политика идентичности, направленная на поддержание и укрепление российской идентичности. В рамках этой политики были приняты законы о языках народов Российской Федерации, об охране культурного наследия, о государственных символах и др. Также в России проводится политика поддержки национальных традиций и обычаев, в частности через сообщества и организации, которые представляют интересы малочисленных народов страны.

В связи с этим наибольшую актуальность приобретает региональная политика идентичности, под которой мы понимаем набор мер, направленных на сохранение и развитие культурно-исторической и социальной идентичности населения в определенном регионе. Она может включать в себя поддержку традиционных обычаев и языков, создание условий для развития этнической

культуры и образования, поддержку малочисленных этнических групп, а также направлена на укрепление социальной стабильности и межэтнического согласия в регионе. Региональная политика идентичности является важным инструментом для поддержания культурного многообразия и социальной гармонии в полиэтничных обществах.

В результате реализации политики идентичности россияне значительно изменили свое отношение к представителям других национальностей: в 2021 году количество россиян, убежденных в том, что тот факт, что в России живут люди многих национальностей, приносит ей больше вреда, сократилось на 12% в сравнении с 2002 годом (2021 год - 22%, 2022 год - 34%) [5]. Политика идентичности региона выполняет ряд функций, среди которых мы выделили ключевые: транслирующую, развивающую, дифференцирующую и интегрирующую. Транслирующая функция заключается в сохранении и передаче культурных традиций и наследия каждой этнической группы. Развивающая функция направлена на формирование личности, способной к самореализации в условиях полиэтничного общества. Дифференцирующая функция позволяет выявлять и учитывать этнокультурные интересы каждой этнической группы. Интегрирующая функция стимулирует взаимодействие и проникновение этнических культур друг в друга. Кроме того, важным аспектом региональной политики идентичности является уважение и толерантность к культуре и обычаям каждой этнической группы, составляющей полиэтничный регион.

Осенью 2022 года исследовательским коллективом Адыгейского государственного университета в рамках государственного задания на НИР АГУ по проекту № FENZ-2022-0001 «Региональная политика идентичности в условиях современных геополитических и социокультурных вызовов (на примере Республики Адыгея и Краснодарского края)» среди экспертов по межэтническим отношениям и политике идентичности Республики Адыгея

была проведена фокус-группа «Региональная политика идентичности». В исследовании приняли участие ученые (72,7%) и представители региональной власти (27,3%). Главной целью данной фокус-группы было подробное изучение концепта «региональная политика идентичности», а также определение таких компонентов идентичности, как: роль власти в политике идентичности, специфика идентичности на региональном уровне, развитие национально-гражданской идентичности, адаптация и совместимость идентичностей, практики, которые используются в региональной политике идентичности, и перспективы ее развития.

Эксперты отмечают, что рассмотрение роли власти в политике идентичности Республики Адыгея происходит через призму ее особых ресурсов, таких как административный и финансовый потенциал для достижения целей этой политики. Огромное значение имеют мировоззренческий и ценностный компоненты политики идентичности, причем, как отмечают эксперты, государство формирует определенную идеологическую систему в этой области. В целом участники фокус-групп высоко оценивают роль власти в политике идентичности, считая, что «власть не только может, но и должна участвовать в ее формировании и реализации».

По мнению экспертов, особенности региональной политики идентичности являются ключевым вопросом, потому что они помогают понять особенности формирования и реализации ценностных ориентиров, практик и инструментов, которые поддерживают и развивают национальную (национально-государственную), гражданскую, этническую и другие формы идентичности в регионе. Важными характеристиками, позволяющими говорить о специфике региональной политики идентичности, являются формирование ценностей, реализация практик, направленных на совместимость идентичностей в регионе. Еще одним значимым аспектом является возможность создания взаимодействия между региональными властями и

национально-культурными объединениями и обществами. Важно отметить, что выработка многих вопросов и постановка проблем осуществляется представителями национальных культур и общественных организаций, которые способны донести реалии и проблемы своих сообществ. Представители национальных обществ принимают участие во всех мероприятиях, организуемых в регионе, национально-культурные организации являются неотъемлемым элементом региональной политики идентичности, так как они участвуют в ее формировании и реализации, а также являются объектами воздействия со стороны региональных властей.

Таким образом, в современных условиях нестабильности особенное значение приобретает усиление межкультурных контактов, в связи с чем региональные идентичности становятся все более значимыми, так как они способствуют сохранению культурного разнообразия и национальной самобытности. В этом контексте особую роль играют региональные политики, направленные на поддержку и развитие региональных идентичностей.

Примечания:

1. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. / Пер. с нем. В. Седельника и Н. Фёдоровой; Посл. А. Филиппова. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.

2. Эмоции россиян по отношению к своей стране /Фонд «Общественное мнение». [Электронный ресурс]. URL: <https://fom.ru/Nastroeniya/14808> (дата обращения: 28.12.2022).

3. Межличностное доверие /Фонд «Общественное мнение». [Электронный ресурс]. URL: <https://fom.ru/TSennosti/14215> (дата обращения: 22.01.2022).

4. ВЦИОМ. Новости. [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/sobytie/glava-vciom-valerii-fedorov-nash-narod-odinakovo-gotov-i-k-vzjatiju-kieva-i-k-mirnym-peregovoram> (дата обращения: 12.12.2022).

5. Межнациональные отношения /Фонд «Общественное мнение». [Электронный ресурс]. URL: <https://fom.ru/Nastroeniya/14616> (дата обращения: 22.01.2022).

REGIONAL IDENTITY POLICY IN THE CONTEXT OF INSTABILITY: EXPERT OPINION

Nadezhda Ilinova,
Doctor of Philosophy, Associate Professor,
Adyghe State University,
Maykop

Annotation. The leading goal of regional identity policy is to create a harmonious public space where each nation can preserve its cultural characteristics, but at the same time interact and cooperate with others. Its tasks include the support and protection of traditions, languages, the creation of conditions for the development of ethnic cultures and education, assistance to small ethnic groups, as well as the strengthening of social stability and interethnic harmony in the regions. Successful Regional policies can contribute to the preservation of cultural diversity and the strengthening of national identity, which is an important factor in fragile environments.

Keywords: region, politics, identity, instability, values, ethnic groups.

References:

1. Beck W. Risk Society. On the way to another modernity. Sedelnik and N. Fedorova; Ambassador. A. Filippova. Moscow: Progress-Traditsiya, 2000. 384 p. (in Russian).
 2. Emotions of Russians in relation to their country / Public Opinion Foundation. [Electronic resource]. URL: <https://fom.ru/Nastroeniya/14808> (accessed on: 28.12.2022).
 3. Interpersonal Trust / Public Opinion Foundation. [Electronic resource]. URL: <https://fom.ru/TSennosti/14215> (accessed on: 22.01.2022).
 4. VTsIOM. News. [Electronic resource]. Available at: <https://wciom.ru/sobytie/glava-vciom-valerii-fedorov-nash-narod-odinakovo-gotov-i-k-vzjatiju-kieva-i-k-mirnym-peregovoram> (accessed: 12.12.2022).
- Interethnic relations / Public Opinion Foundation. [Electronic resource]. URL: <https://fom.ru/Nastroeniya/14616> (accessed on: 22.01.2022).

УДК 378.4

**ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ В
РЕСПУБЛИКЕ АДЫГЕЯ (НА ПРИМЕРЕ ОБУЧАЮЩИХСЯ АГУ)**

Светлана Ляужева
доктор философских наук, профессор
Адыгейский государственный университет
Майкоп

Александр Шаповаленко
кандидат социологических наук
Адыгейский государственный университет
Майкоп

Данил Кирин, социолог
Адыгейский государственный университет
Майкоп

Марианна Мельгош, лаборант
Адыгейский государственный университет
Майкоп

Аннотация. В статье на основе результатов социологического опроса анализируются проблемы адаптации иностранных студентов, обучающихся в Адыгейском государственном университете. Авторы выделяют основные трудности, с которыми сталкиваются иностранные студенты АГУ в процессе своей социокультурной адаптации. Делается вывод о важности научного исследования адаптации иностранных студентов для организации мер, направленных на оптимизацию этого процесса.

Ключевые слова: иностранные студенты, адаптация иностранных студентов, социокультурная адаптация, Адыгейский государственный университет.

Обучение иностранных граждан в российских вузах представляет собой важный фактор в улучшении имиджа нашей страны за рубежом, распространении русского языка и культуры народов России, а также вносит вклад в формирование интеллектуальной и политической элиты зарубежных стран. Кроме того, обучение иностранцев является экономически выгодным как для вуза, так и для всего региона. Поскольку успешность учебной деятельности иностранных студентов зависит от степени их адаптации к новой

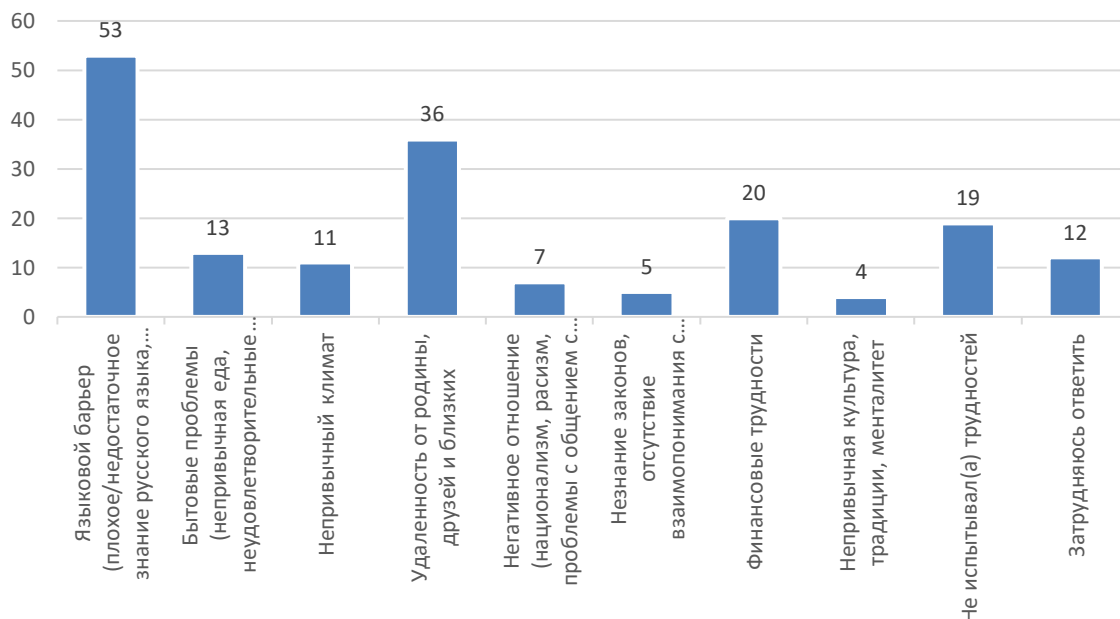
социокультурной среде, особенности данного процесса становятся одной из важных проблем для вузов.

В науке существуют различные подходы к исследованию адаптации личности к изменениям окружающей среды. Так, в работе М.И. Витковской и И.В. Троцук выделяются три основных вида адаптации иностранных студентов: физиологическая, психологическая и социальная [1, с. 268]. Особенности психологической адаптации иностранных обучающихся АГУ стали предметом исследования Н.К. Джамирзе [2]. Ф.К. Уракова, С.Н. Пханаева и И.В. Щербашина в своей работе проанализировали проблемы языковой адаптации данной категории студентов АГУ [4]. Наибольший интерес для социологов представляет социальная адаптация, под которой понимается «вид взаимодействия личности или социальной группы с социальной средой, в ходе которого осуществляется согласование требований и ожиданий социальных субъектов с их возможностями и реальностью социальной среды» [1, с. 268].

Таким образом, адаптация иностранных студентов к условиям жизни и учебы в России представляет собой многоаспектный процесс, включающий приспособление к новой социокультурной среде, новым климатическим условиям, новой образовательной системе, новому языку общения, интернациональному характеру учебных групп и многому другому [3, с. 151].

Сотрудники Лаборатории социологической диагностики Адыгейского государственного университета в 2022 г. провели социологическое исследование, предметом которого стали проблемы социальной адаптации иностранных студентов в Республике Адыгея (на примере обучающихся АГУ). В нем приняли участие 128 иностранных студентов нашего вуза из 5 стран. Подавляющее большинство респондентов (95 %) являются выходцами из Туркменистана.

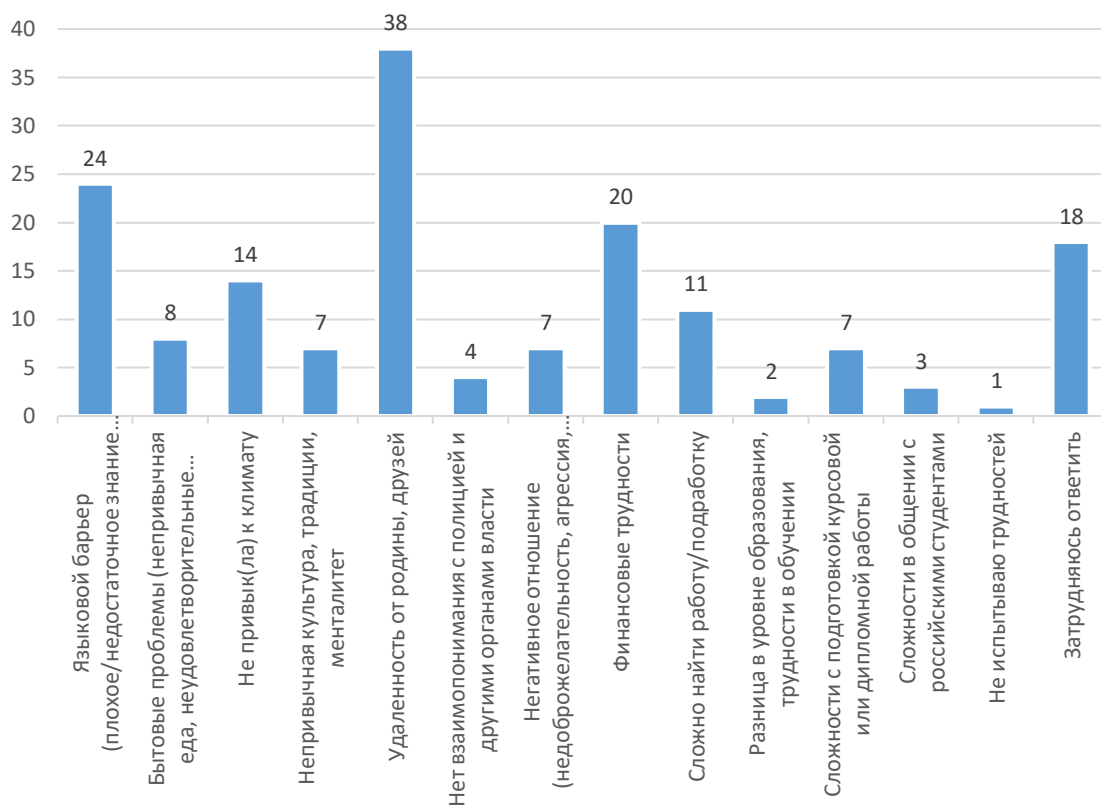
Рисунок 1
С какими основными трудностями Вы столкнулись в первые месяцы учебы в России?

Среди основных трудностей, с которыми иностранные студенты столкнулись в первые месяцы учебы в России, 41 % опрошенных отметили языковой барьер. Для 28 % респондентов проблемой стала удаленность от родины, друзей и близких. 16 % студентов также назвали финансовые трудности важными для себя. Такая же доля опрошенных не испытывала трудностей в первые месяцы учебы.

Рисунок 2

С какими основными трудностями и проблемами, связанными с проживанием и обучением в Республике Адыгея, Вы сталкиваетесь в настоящее время?

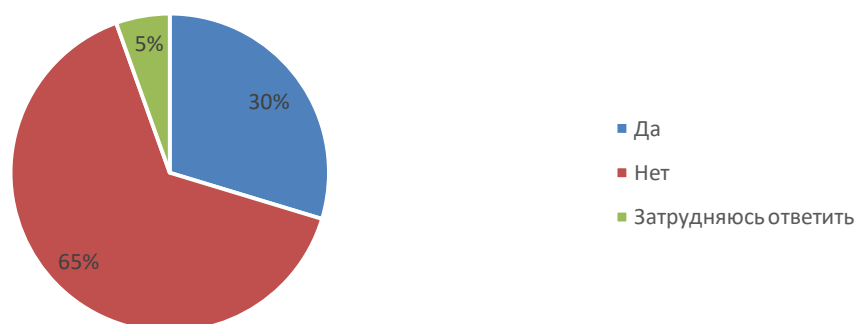
Те же основные трудности наблюдаются на протяжении всего периода обучения иностранных студентов. На вопрос «С какими основными трудностями и проблемами, связанными с проживанием и обучением в Республике Адыгея, Вы сталкиваетесь в настоящее время?» были получены следующие ответы. Как и в случае с основными трудностями в первое время учебы, наибольшие проблемы для иностранных студентов представляют удаленность от родины и друзей (30 %), языковой барьер (19 %) и финансовые трудности (16 %). При этом 14 % респондентов затруднились с ответом на этот вопрос.

Рисунок 3
В какой мере Вам хватает русского языка в процессе обучения?

Поскольку языковой барьер является одним из важных факторов адаптации обучающихся, нами был задан вопрос о том, насколько хватает иностранным студентам их уровня владения русским языком в процессе обучения. 41 % опрошенных ответил «хватает в полной мере», а 46 % - «в целом хватает, но иногда возникают затруднения». При этом каждому десятому респонденту не хватает его уровня владения русским языком.

Рисунок 4
Сталкивались ли Вы за период учебы с проявлениями недружественных чувств других людей по отношению к Вам?

В процессе адаптации иностранных студентов возникают сложности социально-психологического характера. Хотя около двух третей (65 %) респондентов отметили, что не сталкивались за период учебы с проявлениями

недружественных чувств других людей по отношению к себе, 30 % студентов, согласно результатам опроса, сталкивались с подобным явлением.

Рисунок 5
Сталкивались ли Вы за период пребывания в Республике Адыгея с дискриминацией по национальному признаку?

С дискриминацией по национальному признаку в период пребывания в Республике Адыгея сталкивались, согласно опросу, 24 % респондентов. При этом 62 % отметили, что не сталкивались с такой дискриминацией.

Рисунок 6
Сталкивались ли Вы за период пребывания в Республике Адыгея с дискриминацией по религиозному признаку?

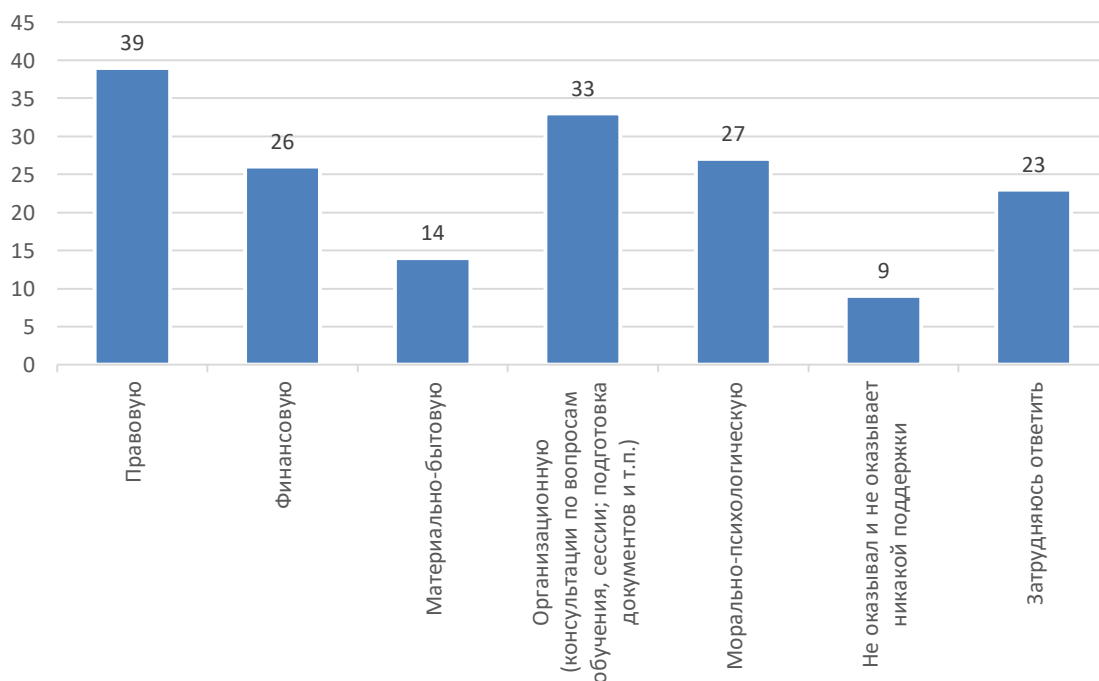
Что касается дискриминации по религиозному признаку, то подавляющее большинство опрошенных (68 %) отметили, что не сталкивались с ней в период пребывания в Республике Адыгея. 16 % респондентов, согласно опросу, подвергались такой дискриминации. Столько же студентов затруднились с ответом.

Рисунок 7
Приходилось ли Вам за время пребывания в России участвовать в конфликтах на национальной и(или) религиозной почве?

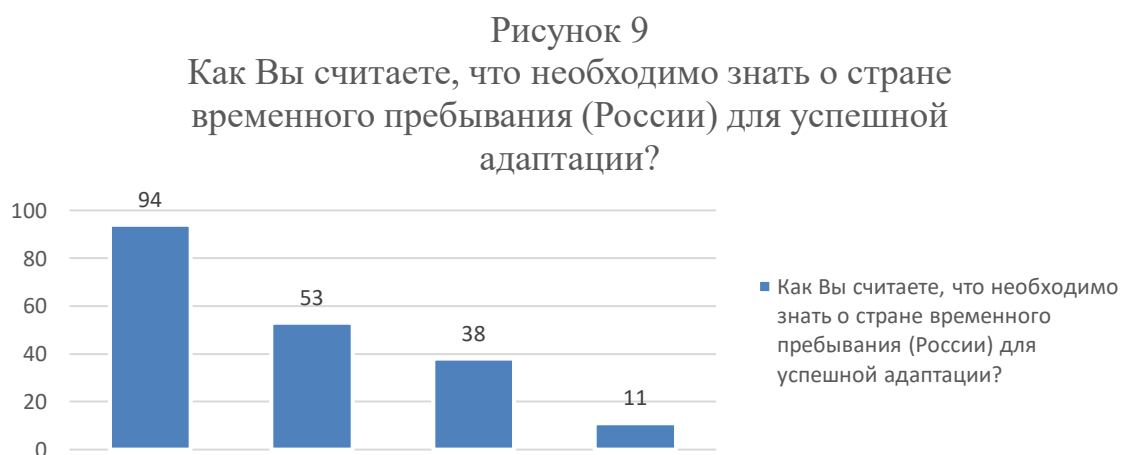
Подавляющее большинство (65 %) опрошиваемых студентов ответили, что за время пребывания в России им не приходилось участвовать в конфликтах на национальной и(или) религиозной почве. 24 % иностранных студентов ответили, что являлись участниками подобных конфликтов. 11 % опрошиваемых затруднились с ответом.

Рисунок 8
Какую поддержку в процессе адаптации к студенческой жизни Вам оказывал/оказывает вуз?

На вопрос о том, какую поддержку в процессе адаптации к студенческой жизни оказывал/оказывает опрошенным студентам АГУ, ответы разделились

следующим образом. 30 % отметили правовую поддержку, 26 % - организационную, а морально-психологическую и финансовую - 21 % и 20 %, соответственно. Лишь 7 % опрошенных отметили, что вуз не оказывал и не оказывает никакой поддержки.

По мнению большинства (73 %) опрошенных иностранных студентов, для успешной адаптации в России необходимо знать государственный язык этой страны. 41 % респондентов считает важным знать культурно-нравственные нормы и традиции, принятые в российском обществе. Около трети студентов (30 %) считают необходимым знание законов России.

Таким образом, большинство иностранных студентов сталкивается в процессе своей адаптации с различными трудностями социально-психологического характера. Успешная адаптация необходима для обеспечения адекватного взаимодействия иностранных студентов с социокультурной и интеллектуальной средой вуза, психоэмоциональной стабильности, формирования новых личностных качеств и социального статуса, приобретения новых ценностей и осмысления значимости традиций будущей профессии [2, с. 75]. Для организации мер, направленных на поддержку успешной адаптации иностранных студентов в вузе, необходимо проведение дальнейших психологических и социологических исследований этого процесса.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Витковская, М.И., Троцук, И.В. Адаптация иностранных студентов к условиям жизни и учебы в России (на примере РУДН) / М.И. Витковская, И.В. Троцук // Вестник РУДН. Серия «Социология». 2004. № 6-7. С. 267-283.
2. Джамирзе, Н.К. Психологические особенности адаптации иностранных студентов в вузе / Н.К. Джамирзе // Интегративный подход к психологии человека и социальному взаимодействию людей. Вып. 3. Майкоп: «Магарин О.Г.», 2012. С. 73-84.
3. Тихонова, Е.Г. Особенности адаптации иностранных студентов в вузе региона / Е.Г. Тихонова // Регионология. 2010. № 2. С. 149-155.
4. Уракова, Ф.К., Пханаева, С.Н., Щербашина, И.В. О проблемах языковой адаптации иностранных студентов: на примере Адыгейского государственного университета / Ф.К. Уракова, С.Н. Пханаева, И.В. Щербашина // Педагогический журнал. 2019. Т. 9. № 4А. С. 536-541.

PROBLEMS OF ADAPTATION OF INTERNATIONAL STUDENTS IN THE REPUBLIC OF ADYGEA (CASE STUDY OF ADYGHE STATE UNIVERSITY)

S.A. Lyausheva

D. Sc. (Philosophy), Prof. Head of the Laboratory of Sociological
Diagnostics Professor of Department of Philosophy and Sociology
Adyghe State University, Maykop

A.N. Shapovalenko

Cand. Sc. (Sociology), Specialist of the Laboratory of Sociological
Diagnostics Adyghe State University, Maykop

D.A. Kirin

Sociologist of the Laboratory of Sociological Diagnostics
Adyghe State University, Maykop

M.A. Melgosh

Laboratory assistant of the Laboratory of Sociological Diagnostics
Adyghe State University, Maykop

Abstract. The article analyzes the problems of adaptation of Adyghe State University international students on the basis of the results of sociological survey. The authors highlight the main difficulties faced by international students at ASU in the process of their socio-cultural adaptation. The conclusion is made about the importance of scientific research of international students' adaptation in order to organize measures aimed at optimizing this process.

Keywords: international students, adaptation of international students, socio-cultural adaptation, Adyghe State University.

References:

1. Vitkovskaya, M.I., Trotsuk, I.V. Adaptation of Foreign Students to Living and Studying Conditions in Russia (on the Example of PFUR) / M.I. Vitkovskaya, I.V. Trotsuk // Vestnik PFUR. Series "Sociology". 2004. № 6-7. P. 267-283.
2. Dzhamirze, N.K. The Psychological Features of the Adaptation of Foreign Students in High School / N.K. Dzhamirze // Integrative approach to human psychology and the social interaction of people. I. 3. Maikop: "Magarin O.G.", 2012. P. 73-84.
3. Tikhonova, E.G. Peculiarities of the adaptation of foreign students in the university of the region / E.G. Tikhonova // Regionology. 2010. № 2. P. 149-155.
4. Urakova, F.K., Pkhanaeva, S.N., Shcherbashina, I.V. On the problems of language adaptation of foreign students: on the example of Adygea State University / F.K. Urakova, S.N. Pkhanaeva, I.V. Shcherbashina // Pedagogicheskii zhurnal [Pedagogical Journal]. 2019. 9 (4A). P. 536-541.

УДК 008

ОСНОВЫ ОБЩЕРОССИЙСКОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СТРАТЕГИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Елена Малышева

*доктор исторических наук, профессор
Адыгейский государственный университет
Майкоп*

Аннотация. В статье рассматриваются исторически сложившиеся духовно-нравственные концепты гражданской российской идентичности. Анализ принятых за последнее десятилетие федеральных программ, направленных на сохранение безопасности государства и социальной консолидации общества, делают насущной задачу противопоставления сформированной в годы постсоветского транзита «деструктивной идеологии»

официальную государственную идеологию – патриотизм – как базовую основу этнонациональной солидарности российского народа.

Ключевые слова: идентичность, ценности, традиции, стратегическое развитие, безопасность, сознание, социальная консолидация, народы, СССР, российское общество, культура, преемственность, идеология, патриотизм, возрождение.

Патриотизм как идеология возрождения России и основа социальной консолидации общества в последние годы является актуальной повестки дня российского общества. 9 ноября 2022 г. Указом Президента Путина В.В. утверждены «ОСНОВЫ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [1]. Изложенные в этом Указе положения и сформулированные задачи являются основополагающим в сфере обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. Здесь определены цели и пути достижения актуализировавшейся стратегической задачи по защите исторически сложившихся аксиологических нравственных приоритетов в сфере культуры, традиций и исторической памяти российского общества. Отметим важную преемственность и неразрывную связь с другими стратегическими документами, принимавшимися на долгосрочную историческую перспективу в течение последних 10 лет: в него вошли основные положения целого ряда документов, определяющих перспективы национальных целей развития Российской Федерации вплоть до 2030 года. Документы составлены в соответствии с нормативно-правовыми канонами Конституции РФ, в том числе и с общепризнанными принципами международного права и международных договоров [2]. Российские традиционные ценности понимаются как базовые нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России. Эти аксиологические ценности традиционно в нашей стране передаются от поколения к поколению и составляют основу общероссийской гражданской

идентичности и этнонациональной солидарности российского многонационального народа.

Проблема консолидации российского общества в современных геополитических реалиях бесспорна, как представляется бесспорной и роль патриотизма в этом процессе. Патриотизм как идеология возрождения России и основа социальной консолидации общества в последние годы неоднократно звучал в выступлениях В.В. Путина, который называет патриотизм внутренней основой российского государства и объединяющей национальной идеей. Понимание, что для того, чтобы внедрить национальную идею, недостаточно, чтобы «президент или ещё кто-либо об этом один раз сказал», нашло отражение в целом ряде программ, указов, принятых доктрин. Патриотизм как базовая основа формирования духовно-нравственной безопасности в современном российском обществе является условием и фундаментом успешного развития гражданского общества и государства. «Мы должны строить своё будущее на прочном фундаменте. И такой фундамент – это патриотизм. Мы, как бы долго ни обсуждали, что может быть фундаментом, прочным моральным основанием для нашей страны, ничего другого всё равно не придумаем. Это уважение к своей истории и традициям, духовным ценностям наших народов, нашей тысячелетней культуре и уникальному опыту сосуществования сотен народов и языков на территории России. Это ответственность за свою страну и её будущее», – отметил Путин 12 сентября 2012 г. на встрече с представителями общественности по вопросам духовного состояния молодёжи и ключевым аспектам нравственного и патриотического воспитания в Краснодаре. К этому относится уважение к своей культуре, истории, традициям, гордость за свою страну и нацию, чувство гражданственности, готовность служить на благо своего Отечества. Это также и социальный принцип, и социальное чувство, которое формируется обществом, в личности. «Искажение национального, исторического, нравственного сознания приводило к катастрофе целых государств, подчеркнул Президент РФ, к их ослаблению, распаду в конечном

итоге, лишению суверенитета и к братоубийственным войнам. Нельзя создать здоровое общество, благополучную страну, руководствуясь принципом «каждый – сам за себя», следуя примитивным инстинктам нетерпимости, эгоизма и иждивенчества» [3].

Национальные ориентиры развития Российской Федерации сформулированы в подписанном 21 июля 2020 г. Президентом РФ Путиным Указе «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» [4]. 2 июля 2021г. Президент РФ Путин утвердил новую редакцию Стратегии национальной безопасности России: предыдущая редакция Стратегии была принята 31 декабря 2015 г. За прошедший период в России и мире ситуация изменилась, нашей стране брошены очередные вызовы, задачи по обеспечению безопасности обретают новые акценты. Стратегия определяет будущее, она рассчитана на долгосрочную перспективу и опирается на систему духовно-нравственных ценностей, сложившихся в процессе культурного развития России. В обновлённой концепции национальной безопасности Российской Федерации сформулированы стратегические приоритеты нашей страны: создание условий для воспитания гармонично развитой и социально ответственной личности на основе духовно-нравственных исторических, национально-культурных традиций, отмечено, что концепция призвана способствовать решению таких задач, как повышение качества жизни народа России. На протяжении практически трёх десятилетий после развала СССР в условиях постсоветского транзита государственные и негосударственные структуры, в первую очередь СМИ, транслировали на общество идею о том, что основной социальной ценностью каждого человека является финансовое благополучие. Главными «героями» на каналах ТВ стал не человек труда, а «псевдогерои» – некие не отягощённые интеллектом и заслугами перед Родиной барышни, так называемые «светские львицы». Достижение жизненного успеха бесспорно актуально в современном российском обществе, особенно в молодёжной среде. Только транслируемый СМИ «путь достижения» не образование и

профессионализм, наличие престижного имущества, быстрое продвижение и успех в карьере, выгодный брак, выигрыш, случайное стечение жизненных обстоятельств и т.п. Достижение жизненного успеха бесспорно актуально в современном российском обществе, особенно в молодёжной среде. К сожалению, такая нравственная ценность, как трудолюбие оказалась в аутсайдерах. Назрела явная необходимость переориентации сложившихся после развала СССР систем воспитания и образования на всех уровнях.

Признанная мировым сообществом (бесспорно, по сравнению с нынешней, эффективная) система образования в Советском Союзе вывела Россию в число 10 ведущих стран мира по объёму практически значимых научных разработок. Это стало результатом советской государственной, политики, основанной на национально-культурных традициях системы в образовательно-воспитательной сфере СССР. На основе культивировавшихся духовно-нравственных ценностей российских народов создавались условия для воспитания гармонично развитой и социально ответственной личности. Складывавшаяся веками уникальная полиэтническая российская культура гармонично сочетает высокие достижения мирового уровня и приверженность традициям. Как отмечает Тишков В. А., в содержание понятия гражданское самосознание входит осознание российскими гражданами солидарной принадлежности к народу, обществу, интересам защиты государства и имманентности базовым ценностям российского общества» [5]. Это сочетание создаёт единое духовно-нравственное состояние общества, в котором гражданственность проявляет себя в первую очередь вкупе с патриотизмом, особенно в экстремальных условиях, когда возникает необходимость защиты Отечества от иноземного врага. О значимости и актуальности повестки настоящей Всероссийской научно-практической конференции «Консолидирующий потенциал российского общества в условиях современных вызовов», организованной Адыгейским государственным университетом, свидетельствует пункт 27 Указа Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809, в

котором конкретизируются задачи по сохранению аксиологических ценностей российского общества. В разделе этого стратегического документа указывается, что одним из действенных инструментов является исследование традиционных ценностей на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. В формулировки общероссийской национальной безопасности гражданской идентичности были внесены изменения в принятых с 2016 до 2022 гг. доктринах и указах федерального уровня. Как основа российской гражданской идентичности, патриотизм, по нашему убеждению, должен стать официальной государственной идеологией, что является условием сохранения суверенитета России. Органы власти, как федеральные, так и региональные, уровня обязаны реагировать на вызовы и угрозы национальной безопасности, в пределах своих полномочий оказывать противодействие социокультурным угрозам национальной безопасности. Традиционные ценности российского общества во всех сферах: в области образования, воспитания, культуры, науки, национальных и межрелигиозных отношений, должны находить отражение во всех формах средств массовой информации и коммуникаций.

Во II разделе (п.11) «Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» сформулирована задача по защите традиционных духовных ценностей в контексте угроз и вызовов. Отмечено, что «ситуация в мире оценивается как требующая принятия неотложных мер по их защите». На самом деле, насаждение чуждой и разрушительной для российского общества идей и ценностей, названное в документе «деструктивной идеологией», открытое культивирование меркантилизма и безнравственности, отрицание ценности крепкой семьи и брака, пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений и т.д. свидетельствуют о том, что назрела реальная необходимость принятия официальной государственной идеологии. Сформулированная в пунктах 21-22 установка на то, что (цит.) «позитивный сценарий будет реализован при условии системного и последовательного проведения государственной

политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей, усиление защищенности российского общества от угроз и рисков для традиционных ценностей» и т.п. не может «быть реализован в случае отсутствия противодействия распространению деструктивной идеологии» [6]. Практически, как мы видим, в этом документе уже обоснована необходимость официального принятия государственной идеологии для российского общества и внесения изменений в Конституцию РФ. Это позволит задействовать дополнительные резервы по повышению результативности и эффективности всех научных, образовательных, просветительских организаций в том числе защите и сохранению исторической памяти, противодействию фальсификации истории. Распространение деструктивной идеологии представляет объективную угрозу национальным интересам Российской Федерации [7].

Ядром национального самосознания не одного поколения россиян со второй половины XX века является гордость за вклад в Победу над нацизмом во Второй мировой войне, так же как ядром патриотизма является историческая память: сохранение исторической памяти важно для любого цивилизованного общества. Одной из серьёзных проблем, обострившихся в современных условиях необходимо отметить искажение в западноевропейской историографии и СМИ исторической памяти о вкладе СССР в победу над нацистской Германией, уничтожение памятников советским солдатам и командирам, освобождавших оккупированную Германией Европу. Опыт истории России показывает: наличие общенациональной идеи, чётко сформулированной, близкой и понятной всему обществу цели способно не только остановить интеллектуальную и духовную деградацию, но и сделать общую систему национальных ценностей могучей силой спасения Российского государства. Так было в экстремальных условиях Великой Отечественной войны. Общественно-политический строй, сложившийся в СССР на основе социалистической, марксистской идеологии в предвоенный период создал такое феноменальное суперэтническое образование с высочайшей

пассионарностью как Советский народ. В основе мировоззрения советского общества были идеи, утверждавшие равенство и равноправие всех народов, независимо от их национально-этнической принадлежности, на признании общности коренных интересов всего социума, отрицании как национализма, так и национального нигилизма. Официальная доктрина, которой руководствовалось советское государство, было признание национальных ценностей каждого народа и их синтеза с интернациональными, общечеловеческими. Историческая память, отображённая в историографии и исторических источниках личного происхождения, привлекает всё большее внимание историков, журналистов, социологов, публицистов, что способствует трансформации исторического сознания народов, открывая новые ниши в многомерной картине военного прошлого. Историческое сознание и интеллектуальная память о войне для России является ценностной основой национального самосознания и во многом определяет уровень её национальной безопасности. Поставить под сомнение величие подвига воина-освободителя – значит уничтожить Память в общественном сознании, в первую очередь молодёжи, её ценностные и моральные ориентиры, уничтожить духовный фундамент патриотизма [8].

Как показывает анализ различных источников литературы, в которых рассматривается проблема патриотизма, использование и трактовки самого термина «патриотизм» характеризуются вариативностью. Во многом это объясняется сложной природой этого социального явления и разнообразием форм его проявления. Научное сообщество России предприняло немало усилий для исследования темы воспитания у подрастающего поколения гражданственности, патриотизма, профилактики экстремизма и национализма. Так, только за два десятилетия после развала СССР, в постсоветский период было защищено 230 диссертаций, 75 % или 3/4 из которых посвящены формированию патриотического сознания молодёжи [9].

Реализация возрождения патриотической идеи как важнейшей задачи государства не представляется успешной без акцента на сохранении духовно–нравственных ценностей российской идентичности, основанной на полиэтничности много национального российского общества. Сегодня в мире около 4 тыс. наций. Российское общество отличается сложной этнонациональной структурой.

Развиваясь на перекрёстке между европейской и азиатской цивилизациями, русская культура, оставаясь доминирующей в государстве, вобрала в себя колоссальное историко-культурное наследие 193-х проживающих на её территории разных народов, значительно отличающиеся по своей численности. В России сформировалась одна из самых уникальных на планете цивилизаций в силу полиэтничности проживавших на её территории народов. В силу этих обстоятельств и благодаря историческому пути развития, задача сохранения межнационального и межконфессионального согласия современной России возведена в ранг стратегической государственной политики. Только русские, татары, чуваша, башкиры и мордва в своём составе имеют свыше 1 млн. человек. Численность 26-ти народов Севера всего 181тыс. человек. Во многих республиках, как и в Республике Адыгея, титульное население составляет меньшинство [10].

Важнейшим средством межкультурной, межнациональной, межэтнической коммуникации в России выступает русский язык, которым свободно владеют 98 % граждан нашей страны. В государственной системе образования используется около 90 национальных языков (с учётом наречий свыше 250).

От 50% до 95% жителей Украины, Белоруссии, Казахстана, Киргизии, Узбекистана, Таджикистана, Латвии. Эстонии, Литвы. Значительная доля русскоговорящих проживает в Канаде, Монголии, Швеции, США и других странах мира, русский язык является одним из шести рабочих языков ООН.

В современной общественной мысли мы наблюдаем широкую палитру взглядов и интерпретаций проблемы идентичности [11].

В условиях современных вызовов России патриотизм выступает как реальный консолидирующий потенциал российского общества и является вектором сохранения духовно-нравственных ценностей российской идентичности и национальной государственной безопасности России. Российская государственная политика должна учитывать опыт сохранения духовно-нравственных ценностей, сложившихся в процессе культурного развития страны, особенно периода советского строительства в СССР, и быть целенаправленно ориентированной на их сохранение и развитие.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». [Текст: электронный]. URL: http://pravo.gov.ru/news/ob_utverzhdanii_osnov_gosudarstvennoy_politiki_po_sokhraneniyu_i_ukrepleniyu_traditsionnykh_rossiysk_101122/(дата обращения 01.03.2023).

2. «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации», «Доктрина информационной безопасности Российской Федерации», «Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года», «Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года», «Основы государственной культурной политики», «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы», Указы Президента Российской Федерации» от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» и от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года».

3. Встреча с представителями общественности по вопросам патриотического воспитания молодёжи. Краснодар, 12.09.2012. // Элект. ресурс. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/16470> (дата обращения 10.06.2020).

4. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года. Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 г. № 474. – URL: <http://government.ru/docs/all/128943/>(дата обращения 24.02.2023).

5. Тишков, В.А. Федеральная власть и законодательный ресурс этнокультурного развития /В.А. Тишков// Вестник российской нации. 2011. № 4–5. С. 15–23.

6. Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». [Текст: электронный]. URL: http://pravo.gov.ru/news/ob_utverzhdanii_osnov_gosudarstvennoy_politiki_po_sokhraneniyu_i_ukrepleniyu_traditsionnykh_rossiysk_101122/ (дата обращения 01.03.2023).

4. По результатам эффективности реализации задач, сформулированных в «Основах» положений, они подлежат корректировке не реже одного раза в 6 лет (см. п. 32.).

8. Малышева, Е.М. Патриотизм – основа идентичности и национальной государственности / Мир Кавказу/ Результаты исследований и материалы всероссийского научного форума. «Фонд науки и образования» //Сборник материалов конференции «Мир Кавказу». – М.2014. С. 279–294; она же. Во имя Отечества. Патриотизм народа в 1941–1945 гг. М.: Вече, 2011. 492 с.; она же. Основные приоритеты внешней политики и национальная безопасность России в начале XXI века// Российская политическая наука: истоки, традиции и перспективы: материалы Всероссийской науч.-практ. конф. – М.: Изд-во РАНХиГС, 2014. – С. 38–40.

9. Российский патриотизм. Истоки, содержание, воспитание в современных условиях. – М.: Планета, 2016. – 336 с.; Курганская М.Я. Патриотические ценностные ориентации российской студенческой молодёжи автореферат дисс... пед. наук. – М., 2012. – с. 15.

10. В мире за пределами России в основном в Турции, Сирии, Египте, Иордании и других странах Ближнего Востока, а в Европе и Америке, проживает 3 млн. черкесов.

11. Горшков, М.К. Российская идентичность в контексте западноевропейской культуры // Власть, 2013. №1; Жаде, З. А. Этнокультурные особенности гражданской идентичности молодежи Республики Адыгеи / З. А. Жаде, Л. В. Клименко // Социально-гуманитарные и экологические проблемы развития современной Адыгеи : сб. науч. ст. – Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012; Блещик, А. В. Трансформация конституционной идентичности государства в условиях вызовов современности / А. В. Блещик, Е. Г. Калинина, С. Э. Несмеянова // Правоприменение. 2021. Том 5. № 3. С. 87–100; Верхотурова Н. В. Анализ научных трудов по теме «общероссийская гражданская идентичность» за 2004–2019 гг. / Н. В. Верхотурова // Социальная антропология Сибири. 2020. Том 1. № 4. С. 50–57; Ешев, М. А. Формирование российской идентичности и патриотизма как актуальная проблема современной России. – URL: <http://nigniikp.adygnet.ru/index.php/vypuski-2014/vypusk-4-noyabr/19-statika-4-mu-vypusku/59>; Жаде З., Куква Е., Ляшева С., Шадже А. Российская

идентичность на Северном Кавказе / под общ. ред. А.Ю. Шадже. М. : Социально-гуманитарные знания; Майкоп : ООО «Качество». 2010.

THE FOUNDATIONS OF THE ALL-RUSSIAN CIVIL IDENTITY IN THE STRATEGIC DOCUMENTS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Elena Malysheva

Doctor of Historical Sciences, Professor

Adygea State University, Maykop

Annotation. The article examines the historically developed spiritual and moral concepts of civil Russian identity. The analysis of the federal programs adopted over the past decade aimed at preserving the security of the state and social consolidation of society makes it urgent to contrast the "destructive ideology" formed during the post-Soviet transit with the official state ideology – patriotism - as the basic basis of the ethno-national solidarity of the Russian people.

Keywords: identity, values, traditions, strategic development, security, consciousness, social consolidation, peoples, USSR, Russian society, culture, continuity, ideology, patriotism, revival.

References

1. Decree of the President of the Russian Federation of November 9, 2022 No. 809 "On Approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values". [Text: electronic]. URL: http://pravo.gov.ru/news/ob_utverzhenii_osnov_gosudarstvennoy_politiki_po_sokhraneniyu_i_ukrepleniyu_traditsionnykh_rossiysk_101122/ (Accessed 03/01/2023).
2. "National Security Strategy of the Russian Federation", "Information Security Doctrine of the Russian Federation", "Strategy for countering extremism in the Russian Federation until 2025", "Strategy of the state national policy of the Russian Federation for the period until 2025", "Fundamentals of state cultural policy", "Strategy for the development of the information society in the Russian Federation for 2017-2030", Decrees of the President of the Russian Federation" of May 7, 2018 No. 204 "On national goals and strategic objectives for the development of the Russian Federation for the period up to 2024" and July 21, 2020 No. 474 "On the national development goals of the Russian Federation for the period up to 2030".
3. Meeting with representatives of the public on the issues of patriotic education of youth. Krasnodar, 09/12/2012. // Elect. resource. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/16470> (accessed 06/10/2020).
4. On the national development goals of the Russian Federation for the period up to 2030. Decree of the President of the Russian Federation of July 21, 2020 No. 474. - URL: <http://government.ru/docs/all/128943/> (accessed on February 24, 2023).

5. Tishkov, V.A. Federal authority and legislative resource of ethno-cultural development /V.A. Tishkov // Bulletin of the Russian nation. 2011. No. 4–5. C. 15–23.
6. Decree of the President of the Russian Federation of November 9, 2022 No. 809 “On Approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values”. [Text: electronic]. URL:
http://pravo.gov.ru/news/ob_utverzhenii_osnov_gosudarstvennoy_politiki_po_sokhraneniyu_i_ukrepleniyu_traditsionnykh_rossiysk_101122/ (Accessed 03/01/2023).
4. According to the results of the effectiveness of the implementation of the tasks formulated in the "Fundamentals" of the provisions, they are subject to adjustment at least once every 6 years (see clause 32.).
8. Malysheva, E.M. Patriotism is the basis of identity and national statehood / Peace to the Caucasus / Research results and materials of the All-Russian Scientific Forum. "Foundation of Science and Education" // Collection of materials of the conference "Peace to the Caucasus". - M.2014. pp. 279–294; she is. In the name of the Fatherland. Patriotism of the people in 1941–1945 M.: Veche, 2011. 492 p.; she is. The main priorities of foreign policy and national security of Russia at the beginning of the XXI century // Russian political science: origins, traditions and prospects: materials of the All-Russian scientific and practical. conf. – M.: Publishing House of RANEPa, 2014. – P. 38–40.
9. Russian patriotism. Origins, content, education in modern conditions. – M.: Planeta, 2016. – 336 p.; Kurganskaya M.Ya. Patriotic value orientations of Russian student youth abstract of diss ... ped. Sciences. - M., 2012. - p. 15.
10. In the world outside of Russia, mainly in Turkey, Syria, Egypt, Jordan and other countries of the Middle East, and in Europe and America, there are 3 million Circassians.
11. Gorshkov, M.K. Russian Identity in the Context of Western European Culture // Power, 2013. No. 1; Zhade, Z. A. Ethno-cultural features of the civil identity of the youth of the Republic of Adygea / Z. A. Zhade, L. V. Klimenko // Social, humanitarian and environmental problems of the development of modern Adygea : coll. scientific Art. - Rostov n / D .: Publishing House of the YuNTs RAS, 2012; Bleshchik, A. V. Bleshchik, E. G. Kalinina, S. E. Nesmeyanova S. E. Nesmeyanova S. E. Transformation of the constitutional identity of the state in the face of modern challenges // Law enforcement. 2021. Volume 5. No. 3. P. 87–100; Verkhoturova N. V. Analysis of scientific papers on the topic "all-Russian civic identity" for 2004–2019. / NV Verkhoturova // Social Anthropology of Siberia. 2020. Volume 1. No. 4. P. 50–57; Eshev, M. A. Formation of Russian Identity and Patriotism as an Actual Problem of Modern Russia. – URL: <http://nigniikp.adygnet.ru/index.php/vypuski-2014/vypusk-4-noyabr/19-stati-k-4-mu-vypusku/59>; Zhade Z., Kukva E., Lyausheva

S., Shadzhe A. Russian identity in the North Caucasus / ed. ed. A.Yu. Shadzhe. M.: Social and humanitarian knowledge; Maikop: LLC "Quality". 2010.

УДК 37.032.2

**ГРАЖДАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ:
РЕСУРСЫ И ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ**

Александр Рожков

*доктор исторических наук, профессор
Кубанский государственный университет
Краснодар*

Елена Студеникина

*кандидат социологических наук
Кубанский государственный университет
Краснодар*

Мария Донцова

*кандидат социологических наук
Кубанский государственный университет
Краснодар*

Тимофей Рунаев

*кандидат социологических наук
Кубанский государственный университет
Краснодар*

Аннотация: статья содержит информацию о реализованном в 2021 г. проекте исследования гражданской идентичности молодежи Краснодарского края и Республики Крым. В рамках проекта использовался комплекс социологических методов: нарративные интервью, фокус-групповые дискуссии, контент-анализ школьных учебников по истории, Кубановедению и Крымоведению, автобиографические эссе. В результате получены данные о типах гражданской идентичности молодежи (позитивная общероссийская, негативная общероссийская, кубанская, крымская), структуре идентичности, факторах ее формирования. Также изучены образы будущего (оптимистичный, неопределенный, пессимистичный) в представлениях молодежи. Рассмотрена

государственная политика памяти как ресурс формирования гражданской идентичности.

Ключевые слова: гражданская идентичность, молодежь, политика памяти.

Проблема развития гражданской идентичности современной молодежи является на сегодняшний день одной из самых актуальных. Гражданская идентичность является барьером, препятствующим влиянию националистических идеологий, а способность государства противостоять деструктивным информационным воздействиям является на сегодняшний день основой выживания страны. Специальная военная операция (СВО) явилась «горячей» фазой противостояния, в котором важнейшее место занимает борьба смыслов и символов, начавшаяся задолго до СВО. Как отмечают Е.В. Беляев, А.А. Линченко, «актуализированным в последние годы становится противостояние Западного мира и России, порождающее новые мемориальные войны и радикализирующее отдельные символы и участки исторической памяти» [1]. Государственная политика памяти в данных условиях выступает как защитный инструмент, противодействующий агрессивной внешней информации и идеологии.

Информация о прошлом страны и настоящих событиях в ней является ключевым ресурсом формирования гражданской идентичности. Для успешной социализации молодежи в современном российском социокультурном пространстве важно не допустить переписывания истории и противодействовать деструктивной информации, которая дезориентирует молодежь, вносит путаницу в восприятие реальности. Здесь важным фактором является увлеченность современной молодежи интернетом, который, как показало исследование А.А. Бесчастной [2], является основным источником информации об истории России и это, несомненно, является тревожным сигналом.

С целью изучения государственной политики памяти как ресурса формирования гражданской идентичности молодежи в 2021 г. нашим коллективом был реализован проект РФФИ и ЭИСИ № 21-011-31514-опн «Политика памяти как ресурс формирования гражданской идентичности и позитивного образа будущего страны в сознании молодежи Юга России». Исследование проводилось на примере двух важнейших геостратегических зон – Краснодарского края и Республики Крым.

За период выполнения проекта в эмпирической части исследования было проведено 13 нарративных интервью (6 – Краснодарский край, 5 – Крым, 2 – «транзитные» информанты, постоянно перемещающиеся между этими двумя регионами), 4 фокус-групповых дискуссии (2 – Краснодарский край, 2 – Крым), собрано 57 автобиографических эссе по методу биограммы (36 – Краснодарский край, 21 – Крым), проведен контент-анализ школьных учебников, изданных после 2015 г. («История России» под общей редакцией А. В. Торкунова, 6-10 классы; Кубановедение под редакцией А. А. Зайцева, 6-10 класс; Крымоведение под редакцией А. В. Супрычева, 7 класс), результаты которого соотнесены с Историко-культурным стандартом РФ от 2014 г. (обновленным в 2020 г.). Контент-анализ проводился с применением компьютерной программы Atlas.ti 9.

По результатам фокус-групп работающей и учащейся молодежи представления о будущем России можно условно подразделить на следующие формальные категории: оптимистичное будущее (динамичное развитие, надежды, перспективы, подъем, изменения к лучшему); неопределенное будущее (зависит от того, как решаются проблемы настоящего); пессимистичное будущее.

Образы будущего России имеют существенные различия в зависимости от возраста. Так, учащаяся молодежь до 22 лет гораздо более оптимистично оценивает Россию в будущем по сравнению с респондентами более старшего

возраста, которые уже имеют опыт трудовой деятельности (23-30 лет). Причем обнаруженные различия не зависят от региональной принадлежности.

Согласно результатам фокус-групп можно констатировать факт, что в 2021 г. у молодежи доминировала глобальная идентичность (40,7%), что указывает на неопределенность идентификаций и нежелание испытывать принадлежность к какой-либо группе. Гражданская идентичность в большей степени оказалась выражена у молодежи Краснодарского края (18,5%). Также выделены такие типы идентичности, как национальная – 3 случая, профессиональная – 2 случая, региональная – 4 случая и возрастная («молодежь») – 2 случая. Вариабельность идентификаций в большей степени была выражена в выборке Республики Крым.

Эмоциональные оттенки, которые были выявлены по результатам расчетов, указывают на очевидную тревожность молодежи. При ответе на данный вопрос респонденты высказывали надежду на «светлое будущее» страны, позитивные изменения, но в контексте существующих проблем в настоящем. Особенно ярко тревожные ноты были заметны в ответах представителей работающей молодежи.

На основе представленных в ФГД данных мы можем видеть, что основной ресурс политики памяти, который хорошо воспринимается молодежью – это презентация и популяризация событий ВОВ, победа в которой у молодежи вызывает гордость за страну. Однако, анализ результатов ФГД показал, что формирование гражданской идентичности через образы политики памяти пока не достигается, современная молодежь имеет размытую идентичность.

Результаты экспресс-опроса об информационных ресурсах государственной политики памяти и каналах влияния на сознание молодежи подтверждают данные фокус-групп. Наиболее популярным источником информации по истории России является Википедия, информации которой студенты доверяют в достаточной мере (85–90% респондентов). На втором

месте различные YouTube-каналы, особо подчеркивается влияние блогеров. Следует также отметить популярность канала «История.рф», который считается государственным порталом об истории России и считается проверенным источником. Среди источников информации, которые используются молодежью для знакомства с прошлым и настоящим страны, молодые люди назвали также документальные фильмы (в частности, производства StarMedia), различные сайты, художественные фильмы, ВКонтакте, Telegram-каналы, исторические сериалы. Причем телепередачи и фильмы чаще указывали работающие молодые люди, а у учащихся уверенно лидирует интернет (новостные ленты и социальные сети). Никто из респондентов не назвал школьный учебник как канал получения информации об истории России. Отмечая, что учебники часто переписывают, а в интернете писать об истории может любой человек, респонденты предлагают ориентироваться на энциклопедии и мнение экспертов. Безусловное доверие вызывают лишь рассказы членов семьи. Следует признать, что никакие официальные каналы информации не вызывают у современной молодежи безусловного доверия, однако и государство не использует в полной мере возможности влияния на молодежь. В то же время большая часть наших респондентов поддержала необходимость формирования и трансляции государственной политики памяти.

Исходя из полученных данных, ресурсной базой государственной политики памяти должна стать информация в интернете – доминирующем канале информации для современной молодежи. Наиболее сильным интеграционным и мобилизационным потенциалом обладает историческая тематика Великой Отечественной войны. Учитывая интерес молодых людей к документальным фильмам и блогам по истории, следовало бы делать больше ярких программ именно в таких форматах.

Проведенный анализ структуры социальной идентичности молодежи Юга России и ее представлений о будущем России позволил выявить структурные особенности идентичности молодежи обозначенных регионов.

Позитивная общероссийская (гражданская) идентичность. Молодые люди понимают Россию как свободную страну возможностей, которая предлагает слаженную инфраструктуру для саморазвития личности и осуществления карьеры. При этом важное условие существования такой идентичности – не только принятие позитивного группового прототипа как образца для подражания, но и стремление выстраивать свои действия в соответствии с ним. Это объясняет, почему именно носители такого типа идентичности среди молодых людей Краснодарского края и республики Крым являются студентами, вовлеченными в различные солидарные активности в виде волонтерской деятельности, участия в форумных кампаниях и реализации местных инициатив. Успешное будущее России, по мнению носителей данной идентичности, зависит не только от государства, но и от собственных усилий граждан, то есть лично от каждого [3, с. 8].

Негативная общероссийская идентичность характерна преимущественно для работающей молодежи. Россия для таких молодых людей является страной с множеством проблем, где развитие личности затруднено отсутствием свободы для их решения. Российское общество для носителей негативной идентичности – это объединение безразличных друг другу людей, живущих сегодняшним днем без общей цели, поскольку государство оставило их без поддержки. Такие пессимистические настроения обуславливают для молодежи одну жизненную стратегию – выход из сообщества, переезд в другую страну. А возможное улучшение будущего России возлагается на плечи последующего молодого поколения. Данные установки, безусловно вызывают тревогу, поскольку, по мнению некоторых исследователей, пессимистичные взгляды на будущее страны могут демонстрировать высокую напряженность политических и социальных сил,

низкую групповую сплоченность, неопределенность целей и ориентиров развития всего общества [4].

Кубанская идентичность. Для молодежи Краснодарского края Кубань предстает в качестве активно развивающегося поликультурного южного региона России, отличающегося благоприятным природно-климатическим положением и обладающим экономическим потенциалом в сфере сельского хозяйства и туризма. По мнению молодых людей, в исторической перспективе Кубань выступает казачьим краем, но на современном этапе она утрачивает такой статус. Казачество в представлении молодых людей не является системообразующим элементом кубанской идентичности. Образ казачества включает в себя «бренд и дубинку»: с одной стороны, казачество предстает как темпорально отдаленный от сегодняшнего дня историко-культурный феномен, а с другой стороны, как современная государственная структура, выполняющая правоохранительные функции в регионе. Поэтому совмещение историко-культурного и современного «означаемых» воспринимается молодежью как бессмыслица и «показуха».

Интегральным образом жителя Краснодарского края для молодежи является «кубанец». Важным ядром такого группового прототипа в глазах молодых людей является понятие особого менталитета. Он сложно поддается определению, но в обобщенном виде ему присущи следующие качества: хозяйственность, сытость, дружелюбие / открытость, спокойный темп жизни, эмоциональная привязанность к краю. Иными словами, наличие группового прототипа «кубанцы» в пространстве региона определяет снятие дихотомии «Мы – Они», «местные – приезжие».

Крымская идентичность. В коллективном сознании молодежи Крым является уникальным российским регионом, особость которому придают природно-климатические ресурсы, культурно-историческая аутентичность и транзитивное (в территориальном смысле) состояние. Территориальная принадлежность Крыма к России, по мнению опрошенной молодежи,

исторически обусловлена его вхождением в состав Российской империи при Екатерине II, а передача Крыма Украинской ССР в 1954 г. воспринимается как необдуманный и недальновидный шаг советского правительства. Поэтому «крымская весна» предстает фактом возвращения региона на историческую родину. Позитивный образ российского Крыма в представлении молодых людей зависит от ощущения ими динамики развития региона после событий 2014 г.

При этом крымские респонденты подчеркивают, что в их окружении имеются молодые люди, которые не видят положительной динамики Крыма в России. Поэтому для такой молодежи образ российского Крыма наполняется нерешенными проблемами региона, которые перевешивают все преимущества (безработица, коррупция, низкие зарплаты, сложности выезда в другие страны, несовершенство системы ЕГЭ, отсутствие Интернет-сервисов и мировых коммерческих компаний в регионе). Групповой прототип «крымчанина» представляет собой противоречивый «микс»: одни считают, что крымчан отличает существование собственных традиций и праздников, другие уделяют внимание особенностям речи, третьи обращают внимание на трепетное отношение к истории региона. Единственное, на чем сходятся во мнении опрошенные молодые люди, что «крымчанин» – это человек, обладающий особым менталитетом, включающим такие качества, как дружелюбие / открытость, жизнерадостность, спокойствие, любовь к региону. Как было показано, аналогичные качества присутствуют и у кубанской молодежи в образе типичного представителя Краснодарского края. Поэтому неудивительно, что респондент, который регулярно перемещается между Керчью и Краснодаром, отмечает наличие общих черт у жителей Крыма и Кубани.

Проведенное исследование показало, что в представлениях о групповых региональных прототипах (о «кубанцах» и «крымчанах») проявляется «совпадение идентичностей» [5, р. 748], что говорит об имеющейся почве для

формирования макрорегиональной идентичности. При этом общий региональный групповой прототип «южан» вписывается в позитивный образ типичного представителя России как активного человека, способного прийти на помощь и равнодушного за судьбу страны, что поддерживает ощущение гражданской идентичности молодых людей макрорегиона.

Молодежь Краснодарского края и республики Крым имеет разные представления о своей малой родине: если кубанская молодежь воспринимает свой регион как перспективный и экономически развитый, привлекательный для жизни, то молодежь Крыма считает, что их региону присущ догоняющий характер, определяющий сложности повседневности жителей полуострова. Исследование показало, что негативное восприятие современной России не имеет территориальной привязки и региональных особенностей. Условием оценочной тональности образа России является возрастной критерий: «индифферентность образа» в среде школьников → «позитивный образ» в студенческой среде → «негативный образ» в среде работающей молодежи.

Как показали результаты исследования региональных особенностей политики памяти в макрорегионе (методом контент-анализа школьных учебников), региональные учебники неодинаково интегрированы в общероссийское образовательное пространство. Если «Кубановедение» соответствует ИКС, что создает синхронное преподавание с «Историей России», то в «Крымоведении» исторический нарратив ограничивается лишь 7-м классом. Кроме того, проблемной точкой образовательного пространства Крыма является существование в нем устаревших учебников по «Севастополеведению», хронологически заканчивающихся на событиях Великой Отечественной войны и требующих обновления в соответствии с общегосударственными стандартами.

Главным коллективным актором в учебнике «Кубановедение» является казачество, которое позиционируется как военизированное сословие, утрачивающее свою роль в сюжетах о второй половине XX в. и замещаемое

таким актором истории, как «кубанцы» [6, с. 155]. В «Крымоведении» из-за проблемы узости нарратива коллективный актор, который принимал участие в нескольких исторических эпохах, отсутствует. Также, как и «кубанцы», «крымчане» активизируются в роли коллективного актора истории, начиная с середины XX в. и заканчивая событиями «крымской весны» 2014 г. Содержательно и «кубанцы», и «крымчане» не противоречат «русским» как главному образу школьных учебников по истории России.

Между нарративами в учебниках «История России», «Кубановедение» и «Крымоведение» отсутствует общая историческая личность, создающая интегральный образ для учащихся обозначенных регионов. Кроме того, нарратив школьного учебника по истории Крыма меньше связан с российскими персоналиями, чем школьный учебник по истории Краснодарского края.

Проведенная корреляция образов будущего и структуры социальной идентичности в сознании молодежи с нарративом государственной (региональной) политики памяти позволяет выявить наличие макрорегиональной «рамки памяти», совпадающей с общенациональным дискурсом. Общую рамку памяти для молодежи Юга России задают образы раскулачивания, Великой Отечественной войны, послевоенного восстановления страны, а также СССР 1960-1970-х гг. Среди них негативным содержанием обладает раскулачивание. Но раскулачивание несет в себе будущий конфронтационный риск для макрорегиона: если для молодых людей Краснодарского края оно отсылает к «голоду», то для молодежи республики Крым – к «голодомору». Остальные интегративные образы имеют позитивные коннотации.

Государственная политика памяти, выраженная в патриотическом воспитании молодежи Юга России, имеет недостатки. Во-первых, политика памяти фокусируется на учащейся молодежи, которая становится носителем позитивной общенациональной идентичности. Тем самым работающая молодежь остается вне поля действия политики памяти. Во-вторых, фокус

политики памяти на Великой Отечественной войне не учитывает другие образы исторической памяти с позитивным потенциалом, которые могут стать ретенцией в настоящем и образцом для будущего. Если в «Кубановедении» учащиеся выступают против чрезмерного внимания на историю казачества, то в «Крымоведении» история вовсе отсутствуют.

Несмотря на то, что для молодежи Юга России в прошлом страны отсутствует исторический период, способный стать идеальным образцом для подражания в настоящем, имеются позитивные рецепции, обладающие ценностью для конструирования будущего (единство, социальная защищенность, научные достижения) с целью проектирования позитивных ожиданий будущего. Однако, следует также отметить, что результаты, полученные в процессе фокус-групп, согласуются с выводом, который был сделан М.К. Горшковым еще в 2008 г.: «слабость, недостаточность интенсивности общегражданской идентичности, во многом все еще носящей формальный характер» [7, с. 177].

Важнейшими научными результатами проекта явились: 1) аналитические выводы, полученные в результате интерпретативных процедур, о структуре социальной идентичности молодежи, региональных особенностях политики памяти на Юге России, корреляции образов будущего и структуры социальной идентичности в сознании молодежи с нарративом государственной и региональной политики памяти; 2) научно обоснованные экспертные рекомендации в адрес органов государственной власти и управления о возможности использования потенциала исторической памяти для формирования позитивного образа будущего страны.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Беляев, Е.В., Линченко, А.А. Государственная политика памяти и ценности массового исторического сознания в современной России: проблемы и противоречия // *Studia Humanitatis*. 2016. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennaya-politika-pamyati-i-tsennosti->

massovogo-istoricheskogo-soznaniya-v-sovremennoy-rossii-problemy-i-protivorechiya (дата обращения: 28.02.2023).

2. Бесчастная, А.А. Политические установки рожденных в «пост-СССР»: политика глазами студентов // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2015. № 1 (34). С. 60–66.

3. Дробижева, Л. М. Гражданская идентичность как условие ослабления этнического негативизма // Мир России. 2017. Т. 26. № 1. С. 7–31.

4. Нестик, Т.А. Коллективный образ будущего: социально-психологические аспекты прогнозирования // Вопросы психологии. 2014. № 1. С. 3–13.

5. Huddy L. From Group Identity to Political Cohesion and Commitment // The Oxford Handbook of Political Psychology. Oxford. 2013. P. 737–773.

6. Кочергин, А. А. Означающее без означаемого? Символические формы конструирования казачьей идентичности Краснодарского края // Историческая и этнокультурная тематика в учебном, научном и общественно-политическом дискурсе Северного Кавказа / под ред. В.А. Тишкова; сост. Б.А. Синанов, В.В. Тишков. М.: ИЭА РАН, 2021.

7. Горшков, М.К. Российская идентичность в условиях трансформирующихся процессов // Вестник российской нации. 2008. № 1. С. 158–179.

CIVIC IDENTITY OF RUSSIAN YOUTH: RESOURCES AND PROBLEMS OF FORMATION

Rozhkov A.Yu., Doctor of Science in History, Professor,
Studenikina E.S., Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor,
Dontsova M.V., Candidate of Sociological Sciences
Runaev T.A., Candidate of Sociological Sciences
Kuban State University

Annotation: the article contains information about the project of the study of the civic identity of the youth of the Krasnodar Territory and the Republic of Crimea implemented in 2021. The project used a set of sociological methods: narrative interviews, focus group discussions, content analysis of school textbooks on history, Kuban studies and Crimean studies, autobiographical essays. As a result, data were obtained on the types of civic identity of young people (positive all-Russian, negative all-Russian, Kuban, Crimean), the structure of identity, the factors of its formation. The images of the future (optimistic, uncertain, pessimistic) in the representations of young people are also studied. The state policy of memory as a resource for the formation of civic identity is considered.

Keywords: civic identity, youth, politics of memory.

References

1. Belyaev, E.V., Linchenko, A.A. State policy of memory and values of mass historical consciousness in modern Russia: problems and contradictions // *Studia Humanitatis*. 2016. No. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennaya-politika-pamyati-i-tsennosti-massovogo-istoricheskogo-soznaniya-v-sovremennoy-rossii-problemy-i-protivorechiya> (date of access: February 28, 2023).
2. Beschastnaya, A.A. Political attitudes of those born in the “post-USSR”: politics through the eyes of students // *Society. Wednesday. Development (Terra Humana)*. 2015. No. 1 (34). pp. 60–66.
3. Drobizheva, L. M. Civil identity as a condition for the weakening of ethnic negativism // *World of Russia*. 2017. V. 26. No. 1. S. 7–31.
4. Nestik, T.A. Collective image of the future: socio-psychological aspects of forecasting // *Questions of psychology*. 2014. No. 1. P. 3–13.
5. Huddy L. From Group Identity to Political Cohesion and Commitment // *The Oxford Handbook of Political Psychology*. Oxford. 2013. P. 737–773.
6. Kochergin, A. A. A signifier without a signified? Symbolic forms of constructing the Cossack identity of the Krasnodar Territory // *Historical and ethno-cultural topics in the educational, scientific and socio-political discourse of the North Caucasus* / ed. V.A. Tishkov; comp. B.A. Sinanov, V.V. Tishkov. M.: IEA RAN, 2021.
7. Gorshkov, M.K. Russian identity in the context of transforming processes // *Bulletin of the Russian nation*. 2008. No. 1. S. 158–179.

УДК 316.346.32

ИНКЛЮЗИВНОЕ ВОЛОНТЕРСТВО КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ИНКЛЮЗИВНОЙ КУЛЬТУРЫ

Любовь Усова

*кандидат социологических наук
Кубанский государственный университет
Краснодар*

Аннотация. Данная статья посвящена проблеме формирования и развития инклюзивной культуры в современных условиях. Определено, что развитие практик инклюзивного волонтерства среди студенческой молодежи будет способствовать повышению уровня инклюзивной культуры в обществе.

Ключевые слова: волонтерство, инклюзия, инклюзивное волонтерство, инклюзивная культура, студенты.

Проблема развития инклюзивной культуры является одной из самых актуальных в последнее время, поскольку в российском обществе широкое распространение получила концепция образовательной инклюзии. Для построения комфортной инклюзивной культуры в учебном заведении необходимо уделять внимание коммуникативной культуре, которая будет способствовать формированию толерантного отношения к людям с ограниченными возможностями здоровья.

По мнению Полянского А.И. и Мартиросяна В.Д., инклюзивная культура в образовательных организациях в настоящее время проявляется в практиках невербальной коммуникации, в правилах поведения и социальных нормах [1, с. 68].

Студенты указывают на то, что «разнообразие должно усиливать все стороны жизни человека (42,5%), «все люди нуждаются друг в друге» (42,5%), «ценность человека не зависит от его способностей и достижений» (37,5%), «всем людям необходима поддержка и дружба ровесников» (45%) [2, с. 474].

Можно с уверенностью сказать, что инклюзивная культура формируется и передается посредством проведения эффективной политики в этой области. Развитое гражданское общество содействует обдуманной волонтерской деятельности активной части населения. Студенты как деятельные участники волонтерского движения способны соединить усилия и ресурсы общества в решении общих социальных задач. Не что иное, как инклюзивное волонтерство должно объективно способствовать выработке «максимально возможной инклюзии и отношения к инвалидам как к равноправным участникам общественной жизни» [3].

Что же означает понятие «инклюзивное волонтерство»? Говоря об инклюзивном волонтерстве, исследователи выделяют два основных направления в данном виде добровольческой деятельности, во-первых, это

человек с инвалидностью, который сам оказывается субъектом волонтерской деятельности и оказывает поддержку нуждающимся людям, во-вторых, это когда человек с ограниченными возможностями здоровья выступает объектом волонтерской деятельности.

Как раз инклюзивное волонтерство во втором значении становится мощным инструментом, который помогает изменить отношение участников образовательного пространства к людям с инвалидностью и ОВЗ, создает позитивную инклюзивную культуру в целом.

Необходимо отметить, что в России инклюзивное волонтерство находится в стадии развития. Несмотря на это, с каждым годом этот вид волонтерства расширяет свои масштабы ввиду того, что ежегодно показатели инвалидности повышаются, включая обучающихся с ограниченными возможностями в образовательных организациях.

Согласно официальным органам статистики на первое января 2022 года, в России проживало 11 330 574 граждан из категории «инвалиды». В 2021-2022 учебном году по программам высшего образования обучалось 31100 студентов с инвалидностью, а образовательные программы среднего профессионального образования осваивали 34045 студентов с ограниченными возможностями [4]. Внушительные цифры обучающихся студентов-инвалидов, поднимают вопрос о новых технологиях преодоления социальной разобщенности и «отношенческих» барьеров в социальной среде.

Активная деятельность студентов в инклюзивных мероприятиях позволяет создать условия по развитию инклюзивной культуры из числа социально инициативной части молодежи, формированию толерантности, «новым» навыкам общения.

Например, волонтерский центр Кубанского государственного университета развивает и проводит мероприятия в области инклюзивного волонтерства. Студенты-волонтеры занимаются поддержкой граждан с ограниченными возможностями. Например, студенты активно

взаимодействуют с общественным центром «Инва-Студия». Волонтеры организуют костюмированные праздники для воспитанников и детей центра. Университет частый гость в школе-интернате № 1 ст. Елизаветинской. Волонтерский центр организывает сбор игрушек для детей, находящихся на лечении в Детской краевой клинической больнице.

Активная инклюзивная волонтерская деятельность будет способствовать развитию ценности человека вне зависимости от функционального состояния здоровья. Инклюзивное волонтерское движение начинается с идеи помогать кому-либо, желания или необходимости что-то сделать, осознания того, что ты нужен.

Галактионова Г.М., Денисова О.А., Леханова О.Л. в своих трудах подчеркивают необходимость специализированной подготовки волонтеров для сопровождения студентов с инвалидностью, повышения уровня подготовки педагогов и кураторов, работающих со студентами, необходимости создания правовой документации, повышения общего уровня информированности о «доступной среде», привлечения внимания общественности и представителей власти, общественности к проблеме сопровождения лиц с ОВЗ и инвалидностью в инклюзивном образовательном пространстве [5, с. 436].

Итак, инклюзивное волонтерство является одной из возможностей «здоровых» студентов познакомиться с миром «других» людей, реальный шанс на обеспечение баланса между различными группами, развитие уважения и готовности прийти на помощь. Участие молодых людей в волонтерском движении развивает ценностные ориентации, поднимает коммуникативный потенциал, снижает недоброжелательность, нетерпимость и агрессивность.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Полянский, А.И. Инклюзивная культура в образовательной организации / А.И. Полянский, В.Д. Мартиросян // Научные труды Московского гуманитарного университета. – 2018. – № 1. – URL:

<http://journals.mosgu.ru/trudy/article/view/682> (дата обращения: 10.02.2023). – DOI: 10.17805/trudy.2018.1.7.

2. Усова, Л.В. Инклюзивное пространство: доступная среда в системе образования / Л.В. Усова // Инклюзивное образование: непрерывность и преемственность : материалы V Международной научно-практической конференции (Москва, 23-25 октября 2019 г.) / гл. ред. С.В. Алехина. – Москва : МГППУ, 2019. – С. 472-475.

3. Концепция развития в Российской Федерации системы комплексной реабилитации и абилитации инвалидов, в том числе детей-инвалидов, на период до 2025 года. – URL: <http://static.government.ru/media/files/xjgGMU1ASodvh3c8R4hAqxEEDgtFdM2g.pdf> (дата обращения: 10.02.2023).

4. Общая численность инвалидов по группам инвалидности по субъектам Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13964> (дата обращения: 10.02.2023).

5. Галактионова, Г.М. Выявление особенностей организации сопровождения волонтерами лиц с ОВЗ и инвалидностью в инклюзивном образовательном пространстве вуза / Г.М. Галактионова, О.А. Денисова, О.Л. Леханова // Инклюзивное образование: непрерывность и преемственность : материалы V Международной научно-практической конференции (Москва, 23-25 октября 2019 г.) / гл. ред. С.В. Алехина. – Москва : МГППУ, 2019. – С. 433-437.

INCLUSIVE VOLUNTEERING AS A FACTOR IN THE FORMATION OF AN INCLUSIVE CULTURE

Abstract. This article is devoted to the problem of formation and development of inclusive culture in modern conditions. It is determined that the development of inclusive volunteering practices among students will contribute to increasing the level of inclusive culture in society.

Keywords: volunteering, inclusion, inclusive volunteering, inclusive culture, students.

References:

1. Polyansky, A.I. Inclusive culture in an educational organization / A.I. Polyansky, V.D. Martirosyan // Scientific works of the Moscow University for the Humanities. – 2018. – № 1. – URL: <http://journals.mosgu.ru/trudy/article/view/682> (accessed: 10.02.2023). – DOI: 10.17805/trudy.2018.1.7.

2. Usova L.V. Inclusive space: accessible environment in the education system / L.V. Usova // Inclusive education: continuity and continuity : Materials of the V International Scientific and Practical Conference (Moscow, October 23-25, 2019) / ch. ed. S.V. Alekhina. – Moscow : MGPPU, 2019. – pp. 472-475.

3. The concept of development in the Russian Federation of a system of comprehensive rehabilitation and habilitation of disabled people, including disabled children, for the period up to 2025. – URL: <http://static.government.ru/media/files/xjgGMU1ASodvh3c8R4hAqxEEDgtFdM2g.pdf> (accessed: 10.02.2023).

4. The total number of disabled persons by disability groups in the subjects of the Russian Federation // Federal State Statistics Service. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13964> (accessed: 10.02.2023).

5. Galaktionova, G.M. Identification of the features of the organization of support by volunteers of persons with disabilities and disabilities in the inclusive educational space of the university / G.M. Galaktionova, O.A. Denisova, O.L. Lekhanova // Inclusive education: continuity and continuity : Materials of the V International Scientific and Practical Conference (Moscow, October 23-25, 2019) / ch. ed. S.V. Alekhina. – Moscow : MGPPU, 2019. – pp. 433-437.

УДК 711.424

СИНЕРГИЯ КОМПОНЕНТОВ ИДЕНТИЧНОСТИ, ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

Ильдар Утямышев

*доктор технических наук, профессор
Российская академия естественных наук
Москва*

Аннотация. В статье представлены различные аспекты идентичности, составные части и иерархия ее формирования. Приводятся исторические примеры и аналогии ее проявления, современные вызовы, влияющие на ее устойчивость, условия сохранения идентичности и ее развития.

Ключевые слова: идентичность, цивилизация, нация, государство, идеология.

Вопросы идентичности в наше время становятся чрезвычайно актуальными. Прежде всего это обусловлено быстрой сменой экономической и как следствие общественно-политической ситуации в мире, так и в отдельно

взятых регионах. Изменения происходят настолько стремительно, что приводит зачастую к непредсказуемости многих событий и невозможности их прогнозирования.

Рушится сформированный миропорядок и вековые традиции и устои. Глобализация в своей неудержимой экспансии оказывает разрушительное воздействие на идентичность прежде всего в цивилизационном плане, что часто приводит к конфликтам разного уровня: локальным, межрегиональным, мировым, затрагивая различные уровни идентичности.

Наиболее крупной формой идентичности является цивилизационная идентичность (мировые цивилизации), которые охватывают огромные географические ареалы с достаточно устойчивыми границами в историческом плане.

Среди наиболее крупных и значимых мировых цивилизаций можно выделить следующие: западная (Европа, Северная Америка, Австралия), Ближневосточная (Ближний Восток и Северная Африка), Евразийская (Россия, СНГ, СССР), Китайская, Индийская (страны Южной Азии), Латиноамериканская, Африканская. Первые четыре оказывают значительное влияние на мировое развитие в силу своих экономических и политических возможностей. Все мировые цивилизации являются многонациональными, мультиконфессиональными на протяжении всего периода их существования. Индийская и китайская цивилизации, занимающие территории Южной и Восточной Азии, примыкающие друг к другу медленно расширялись в течение более 5 тысяч лет до сегодняшних границ.

Ближневосточная, такая же древняя, охватывает Ближний, Средний Восток и Северную Африку. Изначально это земли Персидского царства, Арабского халифата, Османской империи. Сегодня она представлена более 20 исламскими государствами.

Западная цивилизация традиционно- это Западная и Центральная Европа и колонизированные ею Северная Америка и Австралия. Изначально в

объединенном виде - это античная Римская империя, средневековая Священная Римская империя, империя Наполеона, Германский рейх, Евросоюз.

Евразийская цивилизация прошла длительный путь трансформаций из крупных объединений и империй: Тюркский каганат, Империя Чингисхана (Северный и западный улусы), Золотая Орда, Русское царство, Российская империя, СССР, современная Россия и СНГ). Это самая крупная по территории, разнообразию этносов и религий общность людей.

Каждая цивилизация имеет свои особенности: этнокультурные, религиозные, выражающиеся в поведении, традициях и религии, алфавите. Особенно это заметно в архитектуре (идентичность в архитектуре: буддийский (китайский), индийский, мусульманский, европейский, русский стиль, в алфавите: индийские, арабский, латинский, кириллический, латинский, китайские иероглифы, в музыке и других проявлениях.

Вторыми по значимости и неотъемлемыми компонентами цивилизационной идентичности являются национальная (в широком и конкретном смысле) и религиозная идентичность, которые во все исторические периоды постоянно находились под взаимным влиянием. В период серьезных потрясений: войны, эпидемии, разрушительные стихийные бедствия происходит национальная консолидация – усиление идентичности или при негативном развитии событий – ассимиляция, смена конфессиональной принадлежности, миграция и депопуляция регионов – ослабление или смена идентичности.

Особым элементом идентичности, присущим всем цивилизациям, является классовая идентичность, которая определяется экономическими отношениями и сохраняется во все исторические времена. Меньшая часть общества владеет подавляющей частью материальных и финансовых ресурсов. Капиталистическая система породила класс компрадорской буржуазии, который в угоду собственным интересам в своей беспринципности игнорирует интересы общества и предает интересы своих народов и цивилизационные

ценности, что наглядно проявилось в Китае во время опиумных войн, в России в период Февральской революции и собственно в 90-е годы прошлого столетия.

Эволюционно с ростом производительности труда в глобалистском мире происходит интернационализация производства, а транснациональные корпорации - главной управляющей силой в мире.

Европейские страны на протяжении столетий являясь наследниками Древнего Рима, методично и хладнокровно проводили внешнюю экспансию и разрушали идентичности других народов. На территории Европы это проходило в форме насильственного обращения в католицизм и ассимиляции местных народов (кельтов, славян, балтийских народов), крестовые походы против мусульман, где пострадали и восточные христиане Византии. В Америке, Африке – массовое истребление (геноцид) десятков миллионов коренных жителей.

На границе Запада и Востока в XIII веке захватчики получили жесткий отпор от Руси и войск Бату хана. То же самое произошло в 17 в. Во времена Великой смуты, войны с Наполеоном, Крымской войне, гражданской и Великой Отечественной войн.

К сожалению, ситуация и сейчас не изменилась. Более 50 стран объединились в вооруженном конфликте на Украине против России. Сегодня можно констатировать разрушение глобалистского мира и формирование новых центров силы на базе мировых цивилизаций.

Национальное самосознание, единение народа, разных его слоев и групп происходит в период глобальных социальных стрессов. Особенно ярко это проявилось в период мировых войн. Результатом Первой мировой войны стало крушение многих мировых империй (Германской, Османской, Российской, Австро-Венгерской) за исключением Британской. После Второй мировой войны произошло крушение мировой колониальной системы. На всех континентах появились новые государства, которые стали возрождать свою традиционную национальную идентичность. В тоже время длительное

отсутствие опыта государственности и недостаточной экономической самостоятельности проявляется в определенной зависимости от метрополий и других экономически более сильных стран на достаточно длительный период, что проявляется до настоящего момента.

Что касается России, то после каждой из войн она консолидировала общество, восстанавливалась в своих пределах и усиливала свою экономическую и оборонную мощь, что являлось проявлением ее идентичности в национальном и цивилизационном плане.

Происходящие в Европе потеря самостоятельности - реальный процесс деградации идентичности, который происходит во всех сферах ее проявления, этике, традиционных ценностях, культуре. Многоуровневость идентичности уменьшается, разрушается религия, семья, навязываются как приоритетные новые ЛГБТ сообщества (идентичности), которые ведут к потере самой сути человека, как вида и его исчезновению, снижая его идентичность даже ниже уровня социально организованных животных.

Идентичность — это целая иерархия идентичностей, которые существуют одновременно совместно и независимо друг от друга, в ряде случаев являясь тождественными, при этом образуя единую высшую (цивилизационно единую), синергетически усиливая ее.

Одной из форм идентичности является профессиональная идентичность: военные, религиозные деятели, инженеры, медицинские работники, преподаватели, ученые, представители творческих профессий и многие другие.

Границы между этими группами достаточно условные, которые могут также сочетать признаки других, учитывая мультидисциплинарность и многофакторность профессий.

В определенных возрастных группах населения существует идентичность учащихся и студентов как таковая в целом, так и в рамках конкретных учебных заведений.

Многие сообщества эволюционно переходят друг в друга, например: студент-специалист-ученый.

Также можно выделить идентичность по принадлежности к крупному предприятию или организации (сотрудники крупного завода, НИИ, ВУЗа), ветеранским и спортивным болельщикам.

В период равномерного бескризисного развития общества большинство идентичностей гармонично сосуществуют и положительно взаимодействуют друг с другом.

В то же время в период социально-политических потрясений, зачастую спровоцированных извне, происходит разрушение базовой идентичности. На первый план выходят понятия другого порядка, которые входят в непримиримое противоречие друг с другом, приводя к драматическим событиям и острым конфликтам. Одной из основных причин нередко служат искусственно спровоцированные экономические и как следствие политические проблемы. Примеров тому много: революции, межнациональные, религиозные конфликты, государственные перевороты. В российской истории это революция, гражданская война, террор, распад страны.

Похожие события произошли в СССР, который распался на 15 независимых государств, вопреки воле большинства населения и стало для него неприятной неожиданностью. Результатом разделение единой общности на отдельные обособленные регионы, которые на протяжении многих лет были связаны синергетически в одном организме, что обеспечивало каждому из них устойчивое развитие и безопасность.

Приводя аналогию из электростатики, равнозаряженные объекты отталкиваются друг от друга, что наблюдалось и с новыми государствами СНГ.

Во избежание реинтеграции каждый субъект должен был изменить вектор идентичности, так как иначе теряется всякий логический смысл распада.

Изменение идентичности происходило в направлении усиления национальной компоненты вплоть до усиления национализма, что четко

прослеживается в действиях элит некоторых новых государств по дистанцированию от бывшей метрополии политически, экономически, культурно и в других сферах. Процесс нельзя назвать безболезненным. Нередко происходит дальнейшее дробление этих государств: Украина, Молдова, Грузия, Армения, образование непризнанных республик.

В некоторых странах: Прибалтика, Грузия происходит деиндустриализация, массовая депопуляция за счет эмиграции наиболее образованной и трудоспособной части населения, что грозит исчезновением титульных наций этих стран – утратой этнической идентичности, экономическим и культурным упадком.

В наиболее уродливой форме происходит смена идентичности на Украине. От некогда исторически единого во всех отношениях народа (язык, религия культурный код) была отделена большая часть и противопоставлена России.

Противопоставление было жестким, путем искоренения русского языка, раскола православной церкви, запрета всего русского: литературы, искусства, истории, сноса памятников, напоминающих о героическом совместном прошлом и, как итог, геноцид огромной части собственного народа, несогласной с проводимой политикой. Воспитано целое поколение в ненависти к России.

В вооруженном конфликте между Россией и Украиной непосредственно участвует весь объединенный Запад (Западная цивилизация), который ставит своей задачей разрушение Российской идентичности. По сути, это является продолжением многовековой войны Запада и России.

Как правило, одним из базовых условий идентичности является идеология, обеспечивающая политику национального суверенитета в экономике, культуре, технологиях, оборонной политике. Разрушение государственной идеологии приводит к противопоставлению по различным параметрам, прежде всего, по проблемам собственности. Для этого могут быть

использованы различные факторы: национальный, религиозный. Как правило, разрушение государственной идентичности инициируется извне путем разложения и обработки отдельных слоев населения: компрадорской буржуазии, части элиты и беспринципных представителей интеллигенции. Под предлогом демократии в СССР и России велась активная работа через управляемые из-за рубежа СМИ и НКО по навязыванию западных ценностей общества потребления. Произошло, казалось бы, невозможное, вопреки элементарной логике. Под предлогом псевдodemократических лозунгов, идей глобализации осуществлялось разрушение основ идентичности, направленное против развития страны, ее мощи, устоев, традиционных связей.

Следует отметить, что в СССР многие годы коммунистическая идеология являлась скрепляющей основой общества. Основными принципами были патриотизм, равноправие и социальное равенство и гарантии, высокая мораль, активная жизненная позиция. По сути, это во многом напоминало основные заповеди многих религий, которые были оформлены в современном изложении. Идеологическое воспитание начиналось с раннего детства. В образовательных учреждениях действовали массовые пионерская и комсомольские организации, через которые прошла подавляющая часть молодого поколения страны. Это была настоящая школа воспитания личности.

КПСС – высшая ступень коммунистической идентичности контролировала практически все сферы жизни страны. Высокая убежденность, патриотизм, самоотверженность советского народа позволили выстоять в тяжелейших войнах 20-го столетия и дважды восстановить разрушенную и разграбленную страну, уверенно и жестко противостоять враждебному окружению.

Возникший во второй половине прошлого века лагерь стран социализма, Совет экономической взаимопомощи являются примером большой идентичности. И сегодня немало стран придерживается этой идеологии, хотя и в определенном смысле в видоизмененном виде.

Нацизм, зародившийся сто лет назад в Германии и быстро распространившийся по всей Европе, также стал формой идентичности в Европе. И сегодня идет возрождение и распространение этой агрессивной бесчеловечной идеологии.

Интеграционные процессы также являются проявлением идентичности (Евросоюз, ЕврАзЭС).

Другие международные организации в той или иной форме являются центрами консолидации крупных региональных цивилизационных идентичностей: Организация африканского Единства, Лига арабских государств, Организация Исламская конференция, Организация американских государств.

В заключение следует обратить внимание на один важный момент: преемственность поколений. Во всем мире в обществе произошли серьезные изменения. Прежде всего, это разобщенность различных возрастных групп, ослабление взаимодействия между ними. Ослаблен воспитательный уровень.

Налицо массовая маргинализация общества потребления, некомпетентность управления, что наглядно проявляется в действиях и суждениях многих западных политиков и до недавнего прошлого присутствовало в нашей стране.

Отсутствие традиционных морально-этических скрепов, духовных ценностей и ориентиров, без учета имеющегося опыта приводит к хаосу, что наблюдается сейчас. Без определения начальных условий не может быть конечных целей, это основа расчета траекторий в баллистике, что является общим законом.

Сегодня, как никогда, важно усилить работу с молодежью и помочь ей определить жизненные ориентиры, правильно выбирать и оценивать нужную информацию в безграничном, неупорядоченном цифровом потоке Интернета.

Тем не менее, можно утверждать, что в ситуации сильнейшего социального стресса – усиливающейся гибридной, экономической и горячей

фазы войны, происходит консолидация всего российского общества, осознание необходимости единения со всеми его слоями, рост самосознания, национальной, культурной и исторической идентичности, что характерно и закономерно для нашего народа в годы тяжелейших испытаний и перехода на новый более высокий виток развития.

SYNERGY OF IDENTITY COMPONENTS, PAST AND FUTURE

Dr. Prof. I.R. Utiamyshev

Annotation: various aspects of identity, components and hierarchy of its formation are discussed. Historical examples and analogies of its manifestation, modern challenges affecting its stability, conditions for identity conservation and its sustainable development are presented.

Keywords: identity, civilization, nation, state, ideology

УДК 316.752

СОЦИАЛЬНАЯ СПЛОЧЕННОСТЬ КАК ПРИОРИТЕТНАЯ КОНЦЕПЦИЯ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

Ирина Чеботарева

кандидат юридических наук

Адыгейский государственный университет (филиал)

Белореченск

Аннотация. В статье раскрывается понятие социальной сплоченности как приоритетной концепции развития общества. Выделяется идея стратегии социальной сплоченности. Определена причина слабого отражения приоритета социальной сплоченности в федеральных и региональных программах государственного развития Российской Федерации. Сделан вывод о том, что лишь успешная реализация процессов социальной инклюзии, социальной

солидарности, социальной интеграции потенциально обуславливает высокий уровень социальной сплоченности.

Ключевые слова: социальная сплоченность, социальная стабильность, социальная солидарность, социальная интеграция, социальная политика государства.

Сегодня социальная сплоченность является обдуманной и приоритетной концепцией для развития общества, является сосредоточенной на преодолении, упрощении и стирании социально-экономических разделяющих линий в пределах общества к достижению социально-культурной интеграции, социальной однородности и устойчивости. Социальная сплоченность – ключевое понятие, включающее ценности и принципы, направленные на обеспечение для всех граждан равного доступа к основным социальным и экономическим правам [1, с. 216]. Оно напоминает нам о необходимости осознания и коллективного внимания к любым формам дискриминации, неравенства, маргинальности или исключения. По идее стратегией социальной сплоченности является любое действие, обеспечивающее каждого гражданина, индивида в рамках его сообщества возможностью иметь доступ к средствам обеспечения базовых потребностей, развития, защиты юридических прав и интересов, к обретению достоинства личности и социальной уверенности.

В Европейском союзе с начала 2000-х годов внедрена и активно применяется стратегия и система оценки социальной сплоченности, а в России научные и аналитические разработки этого вопроса практически отсутствуют, феномен социальной сплоченности пока выходит за рамки интересов органов исполнительной власти.

В документах Совета Европы социальная сплоченность понимается как способность общества гарантировать благополучие, минимизируя неравенство и избегая острой поляризации. Благополучие подразумевает равенство прав, достоинство и признание каждого человека, автономию и личностное самовыражение, возможность полноправного участия в жизни общества.

Если в Европе данная концепция получила полное признание, то в России её основные положения пока только обсуждаются [6]. В настоящее время, несмотря на значимость роли социальной сплоченности в жизнедеятельности государства, она слабо отражена в федеральных и региональных программах государственных и общественных организаций Российской Федерации. Причина – недостаток научного понимания названной проблематики и необходимости в этом со стороны органов государственной власти. Между тем актуальность создания концепции социальной сплоченности, социальной консолидации обусловлена потребностью снижения уровня социальной напряженности: значительная поляризация людей по экономическому статусу, отсутствие стабильной занятости, «демографическая яма», увеличение миграционного прессинга, тотальное ухудшение состояния здоровья людей, недоступность образовательных услуг широким слоям населения, криминализация, коррупционные схемы. Адаптация к новому и высвобождение ранее недоиспользованных приспособленных ресурсов становится важной задачей, ориентированной на реализацию интересов социальных групп и социального партнерства. Сплоченное общество характеризуется балансом социальной структуры и культуры, ключевая предпосылка состоит в том, что сплоченные общества сохраняют стабильность до тех пор, пока конфликт и деструктивное поведение не угрожают интеграции.

Теоретическое обоснование концепции социальной сплоченности базируется на понятиях солидарности, социальной справедливости, социальной инклюзии и прав человека, социального капитала.

За рубежом имеется солидный опыт исследований проблематики социальной сплоченности: европейская социальная модель и социальная сплоченность; зависимость степени сплоченности от ментальности нации; методология измерения общественного благосостояния; соотношение уровня криминализации общества и уровня социальной солидарности, сплоченности; функции группового сплочения в результате конфликта; степень социальной

сплоченности и конфликт; социальные показатели и методы измерения, анализа качества жизни; эволюция сплоченности общества; зависимость степени агрессии в обществе от степени социальной сплоченности; концепция благосостояния и качества жизни, «подход потенциальных возможностей»; государство как форма холистской политической сплоченности нации; показатели социальной интеграции в ЕС. При этом с критических позиций анализируются концепции «благополучное общество», «хорошая жизнь», «качество жизни», «стабильность», «социальный капитал» и «общественная солидарность»; актуализирована потребность в операционализации и разработке соответствующих показателей с учетом процессов глобализации и интернационализации; в создании действенных показателей для измерения уровня благосостояния в различных точках мира, а также эффективности проведения политики, направленной на стабильность.

В России данная проблематика представлена идеями: социальная сплоченность российского общества: дискурс и программы действий [2, с.192; 3], социальная сплоченность и социальная отчужденность [5, с.3]. Понятийное поле социальной сплочённости рассматривается как интегратор важнейших «нервных узлов» любого общественного организма; во всех обществах в той или иной степени проявляются как социальная сплочённость его членов, так и социальная отчуждённость. Соотношение состояний «согласия» и «разногласия» в обществе по тем или иным вопросам зависит от многих социальных, экономических, этнических, культурных и политических факторов. Добиться полного согласия в обществе по ключевым вопросам его жизнедеятельности крайне сложно, поэтому во всех социумах отмечается определенная напряженность между слоями и группами. Индикатором социальной напряженности и различных видов материального и статусного давления традиционно считается материальное состояние общества, которое характеризуется контрастом полюсов богатства и бедности. Когда разрыв между богатыми и бедными чрезмерно велик, потенциал напряжения между

богатыми и бедными значителен, приходят социальная отчуждённость, антагонизм и противостояние, рост социальной напряженности. Преодолеть такое состояние можно с помощью мер по сокращению материального неравенства и восстановлению справедливости. Идея в том, чтобы контролировать имеющиеся различия, не доводя их до уровня, угрожающего равновесию общества, залогом социальной сплоченности является способность общества обеспечивать благополучие всем членам, сводить к минимуму неравенство и избегать социальной поляризации.

Сам термин «социальная сплоченность» был широко опубликован в ООН еще в конце 1940-х годов, но до сих пор не существует общепринятого определения. Однако есть некое понимание, что речь идет о состоянии общества, сплоченном общими ценностями и узами солидарности. В таком обществе отнюдь не исключаются социальные различия и противоречия, однако не допускается слишком большого разрыва между богатыми и остальными слоями населения, а различия и противоречия не перерастают в социальные антагонизмы и потрясения. Совет Европы исходит именно из такого толкования: под социальной сплоченностью понимают способность общества обеспечивать благополучие своих членов, сводить к минимуму неравенство и избегать поляризации общества. Сплоченное общество – это община, которая состоит из свободных граждан, выполняющих общие задачи демократическим путем [4]. Социально сплочённое общество – это общество с прочно установившимися правами для каждого члена, где группы и отдельные люди действуют ответственно, социальный диалог принят нормой, институты и законы работают во имя гражданского диалога и активной вовлечённости людей в демократические процессы, доминируют чувства безопасности и уверенности в завтрашнем дне [5, с. 4]. Солидарность трактуется как единство убеждений и действий, взаимопомощь и взаимная поддержка членов социальной группы, основанные на общности интересов и необходимости достижения общих групповых целей.

Таким образом, успешная реализация процессов социальной инклюзии, социальной солидарности, социальной интеграции потенциально обуславливает высокий уровень социальной сплоченности.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Алешина, М.В. Социальная сплоченность: концептуализация понятия / М.В. Алешина // Вестник СГТУ. 2012. № 4 (68). С. 216-221.
2. Авцинова, Г.И. Социальная сплоченность российского общества: некоторые аспекты политологического дискурса и программы действий / Г.И. Авцинова // Социальная политика и социология. 2009. №3. С. 191-205.
3. Николаева, М. Социальная сплоченность российского общества / М. Николаева // <http://council.gov.ru>. Дата обращения 09.02.2023.
4. Официальный сайт Совета Европы // http://www.echr.ru/coe/activity/800_europeans_11.htm. Дата обращения 24.02.2023.
5. Роик, В. По пути социальной сплочённости: Новый компас социальной политики / В. Роик // Социальное партнерство. 2009. №3. С. 2-5.
6. Орлова, С. Социальная сплоченность – веление времени / С. Орлова // http://www.council.gov.ru/print/inf_ps/chronicle/2009/02/item9233.html. Дата обращения 12.02.2023.

SOCIAL COHESION AS A PRIORITY CONCEPT FOR THE DEVELOPMENT OF SOCIETY

Irina Chebotareva

PhD in Law, Associate Professor of the Department of Law,
psychological and pedagogical and
economic disciplines,
ASU branch in Belorechensk,
Russia, Belorechensk

Abstract. The article reveals the concept of social cohesion as a priority problem for the development of society. The idea of a strategy of social cohesion stands out. A certain reason for the weak reflection of the priority of social cohesion in the federal and exacting programs of the state development of the Russian Federation. It is concluded that only the successful implementation of the processes of social inclusion, social solidarity, social significance determines a high level of social cohesion.

Keywords: social cohesion, social stability, social solidarity, social integration, state social policy.

References:

1. Aleshina, M.V. Social cohesion: conceptualization of the concept / M.V. Aleshina // Vestnik SGTU. 2012. No. 4 (68). pp. 216-221.
2. Avtsinova, G.I. Social cohesion of Russian society: some aspects of political science discourse and program of action / G.I. Avtsinova // Social policy and sociology. 2009. №3. pp. 191-205.
3. Nikolaeva, M. Social cohesion of the Russian society / M. Nikolaeva // <http://council.gov.ru>. Accessed 02/09/2023.
4. Official website of the Council of Europe // http://www.echr.ru/coe/activity/800_europeans_11.htm. Accessed 24.02.2023.
5. Roik, V. On the path of social cohesion: A new compass of social policy / V. Roik // Social partnership. 2009. №3. pp. 2-5.
6. Orlova, S. Social cohesion is the call of the times / S. Orlova // http://www.council.gov.ru/print/inf_ps/chronicle/2009/02/item9233.html. Accessed 12.02.2023.

УДК 130.3

ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО В УСЛОВИЯХ НОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ: ПРОФЕССИОНАЛИЗМ VS ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ

Асиет Шадже

*доктор философских наук, профессор
Адыгейский государственный университет
Майкоп*

Аннотация. В статье рассматривается образовательное пространство в условиях новой реальности, представляющее собой сложную многоуровневую амбивалентную систему. В условиях глобальной цифровизации образования в России неоправданно забытыми оказались социокультурные традиции воспитания и российский опыт образования, получивший мировое признание. Аргументируется важность взаимосвязи образования и воспитания, раскрывается гармоничное сочетание профессионализма и гражданственности,

миссия университетов в целях укрепления общероссийской национальной идентичности.

Ключевые слова: образовательное пространство, гражданское воспитание, культура цифровизации, классическое университетское образование, формирование личности, миссия университетов.

Постановка проблемы. Мы живем в динамично изменяющемся мире, которые сопровождаются кризисом во всех сферах человеческой жизнедеятельности. В условиях сложной реальности перед нами остро встала проблема самосохранения и самоидентификации.

Актуализация проблемы идентичности в мире и регионах связана с тем, что глобальные вызовы современности способствуют углублению кризиса идентификационных процессов на индивидуальном и коллективном уровнях. Самое главное в условиях цифровизации глобального общества, в которой формируется новая социальная реальность, – не потерять себя. В этой связи переосмысливаются социокультурные ценности: насколько мы едины, диалогичны и понимаем друг друга? Осознаем ли мы, что единство и сплоченность – это единственный путь самосохранения? Важность рассмотрения этих ценностей в том, что они составляют основу консолидации полиэтнического российского народа.

Научное рассмотрение этих вопросов требует, с одной стороны, обращения к переосмыслению образовательного пространства, в котором формируется личность. С другой стороны, необходимы новые методологические подходы в познании смысла современного образовательного пространства, понимании взаимосвязи образования и воспитания, которые должны быть нацелены на осознание важности общероссийской национальной идентичности, сохранение и укрепление единства Российского государства.

Взаимосвязь образования и воспитания. В современных условиях человечество стоит перед сложными вызовами глобальных проблем, решение которых связано с перспективами развития классического университетского образования, так как оно сегодня призвано готовить профессионалов в своей области и готовых взять ответственность за свои действия и за судьбу страны.

Формирование духовности личности, ценностно-мировоззренческих установок происходит через образование и воспитание. Актуальность данной проблемы в нашей стране очевидна по ряду причин. Во-первых, как известно, с конца 80-х годов XX века наблюдается активное возрождение этнонациональной феноменологии. Более того, страна стояла на пороге новой образовательной модели – перехода к Болонской системе образования, в связи с чем появились научные дискуссии о будущем в области образования и воспитания и о развитии национальной специфики российского образования.

Во-вторых, современная реальность подвела к тому, что западная система образования не оправдала себя в нашей стране. В-третьих, глобальная цифровизация при отсутствии культуры цифровизации приведет к потере человека и человечности, духовной личности. Зачастую стали забывать, что человек – не цифра!

Именно поэтому решение рассматриваемой проблемы целесообразно рассматривать в прогностическом плане, т.е. насколько актуальной она станет, и какое место займут рассматриваемые феномены – образование и воспитание – в обозримом будущем.

Небольшой исторический экскурс в рассматриваемую проблему позволяет вспомнить, что две тенденции лежали у истоков европейских университетов, появившихся в начале XIII века: 1) нацеленность на получение и тиражирование фундаментальных знаний, 2) стремление получить практическую высококласную профессиональную подготовку. Еще в прообразах европейских университетов (например, в Академии Платона)

сочетались научное познание, обучение и гражданское воспитание. Представляется, что именно обучение и воспитание – одна из основных задач современных классических университетов.

Прежде всего остановимся на содержании базовых понятий «образование» и «воспитание». Согласно словарным дефинициям, образование: 1) процесс усвоения знаний: обучение, просвещение; 2) совокупность знаний, полученных в результате обучения. Аналогичные определения приводятся и в энциклопедиях, правда, с упоминанием о взаимосвязи образования и воспитания. По С.И. Ожегову, воспитать – значит вырастить, дав образование, обучив правилам поведения [5, с. 85].

Практически все философы (не только педагоги!) прямо или косвенно касались вопросов образования и воспитания. Так, представляется полезным и интересным обращение к учению И. Канта о воспитании. Он считал, что человек – единственное создание, подлежащее воспитанию. «Под воспитанием мы понимаем уход (попечение, содержание), дисциплину (выдержку) и обучение вместе с образованием... Человек может стать человеком только путем воспитания. Он то, что делает из него воспитание» [1]. Кант рассматривает воспитание как искусство, подчеркивая, что дальнейшее движение последнего бывает либо механическим, либо разумным. Отдавая предпочтение разумному образованию, которое должно быть совершенствуемо в течение многих поколений, он уверен, что каждое поколение снабжено знаниями предыдущего поколения, и может более и более осуществлять такое воспитание, которое пропорционально и целесообразно развивает все природные способности человека и таким путем ведет весь род человеческий к его назначению. Причем, главный «принцип искусства воспитания», определенный Кантом, весьма созвучен с сегодняшними задачами воспитания. Суть его в том, что дети должны воспитываться не для настоящего, а для

будущего, возможно, лучшего состояния рода человеческого, т.е. для идеи человечества и сообразно его общему назначению [1, с. 23, 399, 401].

Вспомним и выдающегося французского социального философа Э. Морена, который пишет о семи неотложных задачах для образования будущего. Это преодоление «слепоты разума, заблуждений и иллюзий», выработка «принципов надлежащего познания», «обучение пониманию человеческой природы», «обучение земной идентичности», «не бояться неопределённости», «обучение взаимопониманию», выработка «этики человеческого рода» [2, с. 24–96].

С одной стороны, многие философские концепции нацелены на будущее, в них речь идет об антропологическом повороте, который должен происходить в ближайшее время. С другой – они составляют доминирующую идею в области национального воспитания, т. е. последнее должно подчиняться образованию и воспитанию в целом и направлено в будущее человечества.

О роли высшей школы. Говоря об образовании и воспитании, следует обозначить особую роль высшей школы, в частности университетов. Университет – сложная институциональная система, формирующая духовный потенциал общества. Университет является культурным пространством, где готовят не только специалистов, но и «формируют человеческое в человеке» (В.А. Садовничий).

Поэтому представляется важным, чтобы национальная специфика образования и воспитания сохранилась, а лучшие традиции университетского образования и новые научные направления приумножались. В этой связи очевидна доминирующая роль философии в формировании высокой культуры мышления. Философия напрямую связана с выработкой нового стиля мышления (нелинейного мышления) и новой системы ценностей, а также трансляцией социокультурного опыта воспитания российских этносов, российского народа. Философия нацелена на Диалог. Ее императив – это

толерантный подход к признанию многообразия мнений, взглядов, стремящихся к истине. Всю образовательно-воспитательную систему она наполняет фундаментальностью и ценностным содержанием.

Безусловно, сегодня ценится профессионализм. Не менее важными являются вопросы нравственности, духовности, культуры и т.д. Однако «упор на голый «профессионализм» чреват тем, что если пойти по этому пути, то очень скоро наше общество превратится в механическую совокупность эгоистичных профессионалов, которые ради собственной выгоды готовы на все. В конце концов, и киллер – тоже «профессия» [4, с. 21]!

В условиях современности остаётся не решённым множество духовно-нравственных проблем общества: «Нас сегодня накрыла волна невежества, необразованности, грубости, некомпетентности и чудовищной самонадеянности. Мы не интересуемся собственной историей, литературой. Это трагедия, потому что, если нация не знает собственной истории и теряет богатство своего языка, она не может продолжать себя в истории, и она не сможет удержать свою территорию» [3, с. 3].

В 2020-2022 гг. Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН (ФНИСЦ РАН) проводил исследование о значении исторических символов в современной России. В интервью aif.ru Директор Института социологии РАН, академик РАН М. К. Горшков рассказывает о списке, в котором оказались матрёшка и автомат Калашникова, даёт оценку ресурсу сплочённости и борьбе, которая ведётся за прошлое. Далее отмечает, что «интерес к истории осознаётся важным особенно сейчас, в переломное время. Возможно, люди интуитивно чувствуют, что только прошлое позволяет правильно оценить события сегодняшнего дня» [7].

Формирование ценностно-мировоззренческих взглядов и человечности, приобщение человека к культурному достоянию, обогащение и наполнение его общемировыми и этническими ценностями происходит через образование и

воспитание. В контексте поставленной проблемы тревожит не только настоящее, но и будущее в области образования и воспитания. Именно поэтому решение проблемы целесообразно рассматривать в прогностическом плане, т. е. с точки зрения того, насколько актуальной она станет и какое место займут эти феномены в обозримом будущем России.

Отметим, что в критические периоды развития страны роль образования возрастает. Нет сомнения в том, что гуманитарное образование обязано формировать систему ценностей в обществе. Возможно, эта система и станет главной основой развития страны. Считаем необходимым еще раз обратиться усилить тезис о роли университетов. Университет – сложная открытая система, формирующая духовный потенциал общества. Университет – это такое культурное пространство, где готовят не только специалистов, но формируется культура мышления. Пожалуй, нет другого такого культурного пространства, в котором учили бы молодых людей жить в открытом и плюралистичном обществе. Именно университет формирует толерантное сознание, уважительное отношение друг к другу, к культуре и языку разных народов, помогает определить значимые ориентиры, наполняет жизнь пониманием ценности и смысла единства многоэтничного и многоконфессионального российского дома.

Определяя миссию университетов в XXI в., представляется, что актуальной остаётся мысль испанского философа Хосе Ортеги-и-Гассета о том, что университеты способны стать центрами воспитания «интеллектуальной элиты». Современнно и эвристично сегодня звучит его концепция «культурного образования», в которой определялись социальные функции университета. Это – передача культуры; обучение профессиям; научные исследования и подготовка новых ученых [6, с. 44–55].

В условиях модернизации России университет может и должен гибко менять свои ответы на вызовы времени в зависимости от потребностей

общества, в зависимости от того, что необходимо государству. С одной стороны, глобальная цифровизация без учета культуры цифровизации не должна унифицировать и стандартизировать образование. Национальная специфика образования и воспитания должна сохраниться. С другой стороны, важно понимание того, что совершенствование системы высшего образования, выражающее потребности современного общества и необходимость продолжения профессиональной социализации личности, является нелинейным процессом. Это означает, что необходим новый подход к образованию в вузе: такой подход, который помог бы выявить и направить талантливую молодёжь. Совершенствование системы высшего образования, выражающее потребности модернизирующегося общества и необходимость продолжения профессиональной социализации личности, является одной из центральных тем современной науки и практики. Следует подчеркнуть важность высшего образования с точки зрения того факта, что речь идёт о фундаментальном основании будущего России и российских регионов. Это требует нового понимания смысла образования для современного человека и общества. Важность этого положения апробирована на практике. Опыт ряда стран убеждает в том, что проведение модернизации экономики в краткие сроки должно начаться с масштабных инвестиций в образование. При этом вместо реформы образования, которая сейчас проводится в России, возможно, следовало бы осуществлять подъём имеющегося образования, укреплять функционирование этой сложной системы. Безусловно, это положение связано и с другим: модернизацию образования и идентификацию россиян необходимо осмысливать с учётом специфики России и её регионов, сложившихся социокультурных ценностей в российском обществе. Время, переживаемое нами сегодня, сложное. Неопределённость существует во всех сферах жизни современного российского общества [8].

В контексте этих рассуждений важно понимание того, что с нами сегодня происходит и каково будущее нашей молодежи. В этой связи

переосмысливаются такие социокультурные ценности, как образование и воспитание.

Некоторые выводы. В условиях современных геополитических и социокультурных вызовов критический анализ российского образования и воспитания актуален, так как от решения фундаментальных вопросов образования и учёта традиций социокультурного опыта воспитания зависит развитие российского государства. Сохранение национального единства и культурного многообразия зависит от того, как образование и наука могут мобилизовать защитные механизмы современной России.

Государству и обществу нужны граждане своей страны и профессионалы своего дела. Важно думать о том, какое значение и какую роль будет играть классическое университетское образование в обществе; насколько интеллектуальная мысль будет поддержана в нашей стране и как патриотизм и нравственность (наряду с профессионализмом) будут представлять ценность в российском социуме.

Таким образом, представляется возможным предложить нижеследующее. (1) Важность понимания существующей диалектической тонкости между особенностями нашего Отечества и модернизацией России. (2) В образовательном пространстве необходимы инновационные изменения, успешное проведение которых связано с социокультурными ценностями и критическим осмыслением опыта. Цифровизация образования должна базироваться на основе культуры цифровизации. (3) В междисциплинарном исследовательском поле актуализировать вопросы исторической памяти и национальной идентичности, нацелив их решение на понимание модели взаимодействия прошлого, настоящего и будущего в сложном, открытом, нелинейном и нестабильном мире.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Кант И. О педагогике // Кант И. Сочинения. В 8-ми т. Т.8. – М.: Чоро, 1994. – С. 399–462.
2. Морен Э. Образование в будущем: семь неотложных задач // Синергетическая парадигма. Синергетика образования. – М.: Прогресс-Традиция, 2006. – С. 24–96.
3. Нарочницкая Н. Кризисы заканчиваются...Вопрос в том, какими мы из них выходим // Литературная газета. – 2009. – № 35. – С. 3.
4. Никифоров А.Л. Философия в системе высшего образования // Вопросы философии. – 2007. – № 6. – С. 17 – 23.
5. Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Чл.-корр. АН СССР Н.Ю. Шведовой. 18-е изд., стереотип. – М.: Рус. Яз., 1986. – С. 797.
6. Ортега-и-Гассет Х. Миссия университета // Almamater. – 2003. – № 7. – С. 44–55.
7. Открытый перелом истории. Социолог Горшков – о прошлом, ставшем оружием // Аргументы и факты. – 14. 01.2023.
8. Шадже А.Ю. Классическое университетское образование в условиях модернизации // Вестник Московского государственного областного университета: электронный журнал. – 2013. – № 4 / www.evestnik-mgou.ru. – 2013. – № 4. ФИЛОСОФИЯ.

EDUCATIONAL SPACE IN THE NEW REALITY: PROFESSIONALISM VS CITIZENSHIP

Shadzhe A.Yu.

Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
Adyghe State University

Abstract. The article deals with the educational space in the new reality, which is a complex multi-level ambivalent system. In the context of the global digitalization of education in Russia, the socio-cultural traditions of education and the Russian experience of education, which is internationally recognized, have been unjustifiably forgotten. The importance of the relationship between education and upbringing is reasoned, a harmonious combination of professionalism and citizenship and mission of universities in strengthening all-Russian national identity are revealed.

Keywords: educational space, civic education, culture of digitalization, classical university education, personality formation, mission of universities.

References:

1. Kant I. On Pedagogy // Kant I. Works. In 8 volumes. Vol. 8. – M.: Choro, 1994. – P. 399-462.
2. Morin E. Education in the future: seven urgent tasks // Synergetic paradigm. Synergetics of education. – M.: Progress-Tradition, 2006. – P. 24-96.
3. Narochnitskaya N. Crises end... The question is how we get out of them // Literary newspaper. – 2009. – No. 35. – P. 3.
4. Nikiforov A.L. Philosophy in the system of higher education // Issues of Philosophy. – 2007. – No. 6. – P. 17-23.
5. Ozhegov S.I. Dictionary of the Russian language / ed. by Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences N.Yu. Shvedova. 18th ed., stereotype. – M.: Rus. Yaz., 1986. – P. 797.
6. Ortega y Gasset H. Mission of the University // Almamater. – 2003. – No. 7. – P. 44-55.
7. An open turning point of history. Sociologist Gorshkov – about the past that became a weapon // Arguments and Facts. – 14.01.2023.
8. Shadzhe A.Yu. Classical university education in the conditions of modernization // Bulletin of Moscow Region State University: electronic journal. – 2013. – No. 4. / www.evestnik-mgou.ru. – 2013. – No. 4. PHILOSOPHY.

РАЗДЕЛ 3. СОВРЕМЕННЫЕ ПРАКТИКИ КОНСОЛИДАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ НОВОГО МИРОПОРЯДКА

УДК 342.51

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ И ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РФ

Инна Гайдарева

*кандидат социологических наук, доцент
Адыгейский государственный университет
Майкоп*

Аннотация. В статье исследованы основные направления взаимодействия органов государственного управления и институтов гражданского общества. Проанализированы основные модели и их особенности. Изучены особенности механизма взаимодействия органов государственного управления и институтов гражданского общества. А также рассмотрен особый институт взаимодействия органов государственного управления и институтов гражданского общества – Общественная палата Российской Федерации.

Ключевые слова: гражданское общество, органы государственного управления, модель взаимодействия, общественные объединения, партнерство.

Российская Федерация является демократическим социальным государством, направленным на построение гражданского общества. По прошествии многих лет данный процесс продолжается и не последнюю роль в нем играют органы государственного управления. Осуществляя взаимодействие с институтами гражданского общества, они создают фундаментальную основу для построения социального государства.

Рассмотрев многочисленные труды отечественных и зарубежных ученых, можно сделать вывод о том, что фундаментальной основой социального государства является постоянный диалог между обществом и государственной властью.

Конституция Российской Федерации и сам 1993 год стали в определенном смысле вехами в не очень пока долгой истории взаимоотношений российского гражданского общества с российским государством. Ее главной целью было установление нового властного механизма, значительно усиливавшего президентскую власть, а также исполнительную ветвь. Но в сфере взаимодействия государства и общества конституционные положения вполне четко определили важнейшие демократические принципы. Конституция дает следующую основу для взаимодействия органов государственной власти и гражданского общества:

- народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления (ч. 2 ст. 3);

- государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную (ст. 10);

- в Российской Федерации признается и гарантируется местное самоуправление (ст. 12) [1].

Государство, ставящее так называемые «государственные интересы» выше интересов личности, никак не может именовать себя правовым государством. Данное положение доказывается следующей логической последовательностью: общество содержит государство; общество есть система, состоящая из личностей; все достояние общества создается трудом личностей; личность – основа общества ее интересы имеют наивысший приоритет. Они выше интересов любых групп, классов и союзов: национальных, религиозных, производственных и тому подобное [4].

Гармоничное сотрудничество между данными институтами можно обеспечить лишь при постоянной консолидации и совершенствовании

взаимодействия общества и государства. Чтобы попытаться найти решение данной проблемы, необходимо соотнести нынешнее состояние взаимодействия органов власти и гражданского общества с интегрированной моделью, сочетающей в себе совершенные критерии оценки.

В современных условиях власть и ее органы начинают осознавать, что эффективность их деятельности прямо пропорциональна ожиданиям, потребностям и мнениям общества. В зависимости от модели воздействия, выбранной государством, взаимовлияние органов государственной власти и общества происходит на разных уровнях, разными способами и с различными результатами [3, с. 172].

На сегодняшний день отечественными и зарубежными исследователями выделяются следующие модели взаимодействия [2].

Модель партнерского взаимодействия основана на поддержке деятельности институтов гражданского общества. В рамках данной деятельности со стороны органов государственного управления принимаются нормативные и правовые акты, способствующие появлению новых общественных объединений, удовлетворяющих запросы общества и потребности органов государственного управления.

При такой модели органы государственной власти, осознавая необходимость институтов гражданского общества, вместе с тем не вмешиваются в их деятельность, обеспечивая свое участие путем создания переговорных площадок, иных форм взаимодействия, основанных на диалоге. Основная особенность в данном случае заключается именно в осознании необходимости диалога с общественными структурами.

Высшей степенью развития партнерского взаимодействия является «модель архитектора», которая обеспечивает участие институтов гражданского общества в формировании и реализации государственной

политики, осуществляют функцию общественного контроля над деятельностью органов государственной власти и должностных лиц.

Следующая форма взаимодействия – доминирование властных институтов. В данной форме взаимодействия мы можем выделить две основные модели: патерналистскую и «приводных ремней».

В случае существования патерналистской модели органы государственной власти в обмен на лояльность со стороны институтов гражданского общества предоставляют имущество, финансы, получение грантовой поддержки становится более легкой.

Модель «приводных ремней» был наиболее распространен в Советской России, когда все общественные организации воспринимались как составная часть партийного аппарата, а следовательно никакой речи о самостоятельности не могло идти. Вся их деятельность строилась под контролем руководителей партийных структур.

Есть синтезирующая форма взаимодействия – игнорирование. В данном случае деятельность некоммерческого сектора не ограничивается, но вместе с тем не осуществляется их поддержка. Такая модель наиболее распространена в тех случаях, когда имеются формы негосударственной поддержки институтов гражданского общества.

Наиболее неблагоприятной моделью является конфронтация, в рамках которой органы государственного управления видят в институтах гражданского общества угрозу своего существования, поэтому их деятельность ограничивается или вовсе запрещается. А получение иностранного финансирования из международных фондов приводят к получению статуса «иностранного агента».

Что касается современной российской действительности, то сложно выделить одну модель, имеется наличие нескольких видов, но мы можем определить преобладающую форму – патерналистскую форму.

Возможности эффективного взаимодействия и конструктивного диалога

гражданского общества и власти в настоящее время в России определяются следующими основными факторами:

- 1) уровнем гражданского сознания лидеров общественных объединений и инициативных граждан;
- 2) стремлением правящей элиты к сотрудничеству с институтами гражданского общества;
- 3) социальной, экономической, правовой и политической ситуацией в стране;
- 4) интегрированностью в деятельность организаций международного гражданского общества;
- 5) уровнем информационной прозрачности и открытости управленческих решений для граждан.

Для гражданского общества являются актуальными проблемы самоорганизации, развития общественного контроля, выстраивания диалога и взаимодействия с органами власти.

Развитие именно институтов гражданского общества в Российской Федерации, его отдельных институтов, их взаимодействие с публичной властью является важной составляющей государственного и общественного развития в Российской Федерации.

Взаимодействие граждан и их объединений с органами государственной власти осуществляется в различных формах и по различным направлениям.

Особым институтом является Общественная палата Российской Федерации, деятельность которой, как следует из Федерального закона «Об Общественной палате Российской Федерации», направлена на обеспечение взаимодействия граждан Российской Федерации, общественных объединений, профессиональных союзов, творческих союзов, объединений работодателей и их ассоциаций, профессиональных объединений, а также иных некоммерческих организаций, созданных для

представления и защиты интересов профессиональных и социальных групп, с федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления в целях учета потребностей и интересов граждан Российской Федерации, защиты прав и свобод граждан Российской Федерации и прав общественных объединений и иных некоммерческих организаций при формировании и реализации государственной политики в целях осуществления общественного контроля за деятельностью федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления, а также в целях содействия реализации государственной политики в области обеспечения прав человека в местах принудительного содержания.

Публично-представительский характер Общественной палаты РФ, а далее и общественных палат субъектов РФ, очевиден. Они нацелены на то, чтобы аккумулировать и выражать уmonoстроения граждан, быть консолидирующим центром для любых общественных объединений. Общественные палаты призваны быть как катализатором общественных настроений с позиций скорее не в аспекте политических настроений, поскольку с этих подходов всегда возможны противостояния, противоречия, а в плане мирного поиска путей сотрудничества в обществе. К тому же общественные палаты были «задуманы» Президентом Российской Федерации как организации общественного контроля в отношении органов государственной и муниципальной власти – однако не в плане надзорной инстанции, а как субъекты поиска и обобщения общественных оценок, их доведения до компетентных органов, т.е. в целях «способствования» совершенствованию публичной власти.

Публично-представительский характер деятельности Общественной палаты РФ выражается еще и в том, что она осуществляет сбор и обработку информации об инициативах граждан Российской Федерации, общественных

объединений и иных некоммерческих организаций. Она также доводит до сведения граждан Российской Федерации информацию о таких инициативах.

Общественные палаты субъектов Российской Федерации в основном действуют в тех же направлениях, что и федеральная Общественная палата.

Общественные палаты в реальной жизни не демонстрируют себя как органы с «государственным участием». Более характерно для них упрочение позиций в гражданском обществе. И в этом плане они также активно проявляют себя как структура для представительства населения и для сотрудничества с общественными формированиями, не претендуя на позиции руководства в отношении общественных объединений.

Как показывает практика, на сегодняшний день, заметны качественные изменения во взаимодействии органов государственного управления и институтов гражданского общества, представленных в первую очередь социально ориентированными некоммерческими организациями. Если во времена Советской России речь идет об игнорировании общественных объединений, их включение в общую партийную систему, то сегодня речь идет в первую очередь о патерналистском характере взаимодействия. На смену излишней эмоциональности и популизма пришел конструктивный диалог на различных общественных площадках. Это свидетельствует о том, что модель взаимодействия продолжает трансформироваться и приближается к партнерскому взаимодействию основанного на равноправии, значимости институтов гражданского общества. Созданная сегодня в стране нормативная база в полной мере отвечает данному направлению.

На современном этапе гражданское общество показало качественные перемены в своем отношении к власти, продемонстрировало готовность диалога с ней на основе закона.

Выразились значительные перемены в риторике требований к правительству, заключающиеся в отказе от эмоционального, агрессивного и обвинительного давления, популистского стиля взаимодействия с государством. В государстве за минувшие года сложилось требование в развитии нового механизма взаимодействия гражданского общества и государства, которое будет основано на равноправии сторон, партнерстве, значимости ценностей человеческого достоинства и гражданственности. В результате можно сделать вывод, что в стране создана прежде всего правовая база для развития институтов гражданского общества.

Таким образом, можно сделать вывод, что для улучшения взаимодействия органов государственного управления и гражданского общества необходимо: повышать прозрачность деятельности государственных органов, создавать и улучшать методы и процедуры процесса обратной связи, проводить фактическую работу с опорными группами, выработать положительный образ современного чиновника и органов государственной власти. Также немаловажно изменение позиции и самого гражданского общества.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ) // Текст Конституции опубликован в «Российской газете» от 25 декабря 1993 г. N 237 (первоначальный текст).

2. Анисимова, А.А. Формы взаимодействия органов государственного управления и институтов гражданского общества / А.А. Анисимова // Молодой учёный. – 2023. – № 3 (450). – С. 151-152.

3. Атоян, Ш.М. К вопросу об эффективности государственного управления в контексте властной миссии государства / Ш.М. Атоян // Государственное и муниципальное управление: ученые записки СКАГС. – 2013. – № 4. – С. 170-177.

4. Цельникер, Г.Ф. Взаимодействие гражданского общества и органов государственной власти в Российской Федерации / Г.Ф.Цельникер, А.А. Немов // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. – 2018. – № 4. – Том

**MAIN AREAS OF INTERACTION BETWEEN PUBLIC
ADMINISTRATION BODIES AND CIVIL SOCIETY INSTITUTIONS IN
THE RUSSIAN FEDERATION**

Inna N. Gaydareva

PhD in Sociology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of
Theory and History of State and Law, Constitutional Construction and Political
Science, Adygea State University,
Maykop, Russia

The article explores the main directions of interaction between government bodies and civil society institutions. The main models and their features were analyzed. The peculiarities of the mechanism of interaction between public administration bodies and civil society institutions were studied. A special institution of interaction between public administration bodies and civil society institutions – the Public Chamber of the Russian Federation – was also considered.

Keywords: civil society, government bodies, interaction model, public associations, partnership.

References:

1. Konstituciya Rossiiskoi Federacii (prinyata vsenarodnim golosovaniem 12.12.1993) (s uchetom popravok vnesennih Zakonami RF o popravkah k Konstitucii RF ot 30.12.2008 № 6-FKZ ot 30.12.2008 № 7-FKZ ot 05.02.2014 № 2-FKZ ot 01.07.2020 № 11-FKZ) [The constitution of the Russian Federation (it is accepted by national vote 12.12.1993) (taking into account the amendments made by Acts of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation of 30.12.2008 N 6-FKZ of 30.12.2008 N 7-FKZ, of 05.02.2014 N 2-FKZ, of 01.07.2020 N 11-FKZ)] // the Text of the Constitution is published in Rossiyskaya Gazeta of December 25, 1993. – N 237 (initial text).

2. Anisimova, A.A. Formi vzaimodeistviya organov gosudarstvennogo upravleniya i institutov grajdanskogo obschestva [Forms of interaction between public administration bodies and civil society institutions] / A.A. Anisimova // Molodoi uchenii [Young scientist]. – 2023. – № 3 (450). – P. 151-152.

3. Atoyan, Sh. M. K voprosu ob effektivnosti gosudarstvennogo upravleniya v kontekste vlastnoi missii gosudarstva [On the issue of the effectiveness of public administration in the context of the power mission of the state] / Sh.M. Atoyan // Gosudarstvennoe i municipalnoe upravlenie: uchenie zapiski SKAGS [State and municipal administration: SCAGS

academic notes]. – 2013. – № 4. – P. 170-177.

4. *Tselniker, G.F.* Vzaimodeistvie grajdanskogo obschestva i organov gosudarstvennoi vlasti v Rossiiskoi Federacii [Interaction of civil society and public authorities in the Russian Federation] / G.F. Zelniker, A.A. Nemov // Vestnik Voljskogo universiteta imeni V.N. Tatischeva [V.N. Tatishchev Volga University Bulletin]. – 2018. – № 4. – Volume 2. – P. 51-58

УДК 316.346.32-053.6

**ГРАЖДАНСКИЙ ПАТРИОТИЗМ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ (ПО
МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ)**

Елена Городецкая

кандидат социологических наук, доцент

Симферополь

Наталья Чигрина

кандидат социологических наук, доцент,

Симферополь

Аннотация. В статье уточняются понятия «гражданский патриотизм», «патриотизм», анализируется влияние социальных институтов на формирование гражданского патриотизма. Представленные результаты социологических исследований (2019-2022 гг.) показали, что одну из первостепенных позиций в формировании патриотизма и гражданственности в обществе занимает семья и образование. Рассмотрены факторы препятствующие становлению и развитию патриотизма, а также причины миграции крымской молодежи. Основными элементами, характеризующими понятие «патриотизм» были названы любовью к «малой» Родине, готовностью защищать свою Родину, историческая память, готовностью трудиться на благо общества.

Ключевые слова: гражданский патриотизм, патриотизм, патриотическое воспитание, молодежь, социальные институты.

Молодежь как стратегически важная социальная группа является одним из ключевых объектов управления для любого современного государства. Именно образование выступает как один из механизмов в формировании гражданского патриотизма у молодежи. В основу гражданского патриотизма положены: любовь к родным местам, к собственному отчому дому, к своему народу, гордость за исторические события прошлого своего государства, приверженность и уважение к народным традициям [1]. По мнению Малкина А.Н., гражданский патриотизм – это социальное чувство верности человека как гражданина своему отечеству, вырастающее из его естественной любви к родине [2].

Современная политическая ситуация в стране и мире выдвинула на первую позицию изучение патриотического сознания и гражданскую позицию молодежи.

В данной статье, мы проанализируем влияние различных социальных институтов на формирование гражданского патриотизма крымской молодежи с помощью данных социологических исследований 2019-2022 гг., которые проводил Крымский филиал ФНИСЦ РАН [3, 4, 5].

В социологическом энциклопедическом словаре «патриотизм» трактуется как любовь к Родине, преданность своему отечеству, своему народу [6, с. 236].

Патриотическое воспитание молодого поколения приобретает все большую актуальность в формировании патриотизма и активной гражданской позиции, учитывая общественно-политическую ситуацию в стране и мире.

Рассмотрим влияние социальных институтов на формирование патриотизма и гражданственности в молодежной среде (респонденты могли выбрать не более 4 вариантов ответов) [3].

Таблица 1

Сравнительная таблица влияния социальных институтов на
формирование патриотизма в молодежной среде

(в целом по массиву и полу, в %)

Суждения респондентов исследования	В целом по массиву	Пол	
		Мужской	Женский
Семья	63,6	59,7	67,4
Образование	49,5	44,9	53,6
СМИ	46,5	43,8	49,0
Патриотические организации (клубы, движения)	44,9	43,2	46,4
Государство	41,7	43,8	40,3
Органы регионального и местного управления	15,2	15,3	40,3
НКО (некоммерческие организации)	6,7	7,4	6,1

Таблица 2

Сравнительная таблица влияния социальных институтов на
формирование гражданственности в молодежной среде

(в целом по массиву и полу, в %)

Суждения респондентов исследования	В целом по массиву	Пол	
		Мужской	Женский
Семья	61,5	59,1	64,3
Образование	50,8	48,3	53,1
Государство	47,6	46,0	49,5

СМИ	42,5	42,1	43,4
Патриотические организации (клубы, движения)	29,7	29,6	29,6
Органы регионального и местного управления	21,1	22,7	19,4
НКО (некоммерческие организации)	9,1	9,1	9,2

Оценка респондентами влияния социальных институтов на формирование патриотизма и гражданственности в молодежной среде показала, что лидерами являются семья и образование. Мы видим, что отличие в ответах между мужчин и женщин находится в рамках статистической погрешности. Стоит отметить, что на третью и четвертую позицию формирования патриотизма респонденты поставили СМИ и патриотические организации, а на формирование гражданственности – государство и СМИ соответственно.

Рассмотрим как, по мнению респондентов, семья, образование, СМИ и государство может способствовать формированию и развитию гражданского патриотизма в молодежной среде. Выделим основные позиции в каждой категории.

Основная задача семьи, по мнению представителей молодежи, является передача молодому поколению культурно-исторических ценностей, обычаев, традиций своего народа (41,7%), формирование гражданско-патриотических ценностей (36,6%), повышение уровня гражданской культуры семьи (32,9%), активное включение семьи в процесс гражданско-патриотического воспитания молодежи (32,1%).

По мнению респондентов, система образования должна активно вовлекать в практику гражданско-патриотическое воспитание и гражданскую деятельность молодежи представителей их семей (55,1%), развивать

волонтерство (48,7%), ввести курс (дисциплину) «Гражданское образование» (25,1%).

Сегодня нет особой нужды комментировать о том, что информация давно уже стала условием нормального существования общества и человека. Полученные данные позволяют нам выделить приоритетные мероприятия СМИ направленные на развитие гражданского патриотизма: создавать «Интернет-площадки» для обсуждения социальных проблем и гражданских инициатив в молодежной среде (47,3%); создавать «Интернет-площадки» для обратной связи, горячей линии, телефонов доверия позволяющих актуализировать и генерировать гражданские инициативы в молодежной среде (40,9%); освещать гражданско-патриотические мероприятия (39,3%); проводить онлайн мониторинг молодежи региона об актуальных проблемах гражданско-патриотического движения, участия, эффективности и дальнейшего развития (36,9%).

Политика государства должна быть направлена на законодательную и финансовую поддержку проектов, на формирование и развитие гражданских инициатив, практик и акций, проводимых совместными усилиями НКО, образовательными учреждениями, органами региональной и муниципальной власти (53,2%); популяризацию волонтерства и развитие волонтерских центров (41,7%); на разработку федеральной программы по воспитанию гражданского патриотизма молодежи (34,0%).

Одной из задач, которая стоит перед государством - это воспитание гражданского патриотизма в молодежной среде. Рассмотрим факторы препятствующие становлению и развитию патриотизма крымской молодежи:

Таблица 3

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Какие факторы, на Ваш взгляд, в большей степени препятствуют становлению и развитию гражданственности в патриотизме у молодежи в Крыму?» (в %)

Суждения респондентов исследования	роцент
Недостаточный учет мнения и интересов самой молодежи в практике патриотического воспитания.	9,57
Низкий уровень доверия среди молодежи органам государственной и муниципальной власти в регионах.	9,57
Несогласованность действий органов государственной власти и образовательных учреждений в формировании гражданских патриотических практик в молодежной среде.	5,83
Отсутствие в образовательных программах среднего и высшего образования курсов, ориентированных на гражданское образование.	1,55
Нерешенность жизненно важных проблем молодежи в сфере образования, трудоустройства, создания и поддержки семьи.	1,28
Недостаточное внимание волонтерскому движению среди молодежи.	6,74
Несовершенство нормативно-правовой базы в области молодежной политики.	6,84

Следует отметить, что полученные результаты опроса заставляют серьезно задуматься над глубиной проблем, с которыми сталкиваются не только сами молодые люди в Крымском регионе, но и власти Республики Крым, равно как и все те государственные институты и гражданское общество, которые призваны позаботиться о соответствующем воспитании молодого поколения.

Обратимся к нашим исследованиям 2020-2022 гг., где респондентам было предложено оценить последствия перехода в состав России и охарактеризовать степень доверия к новым для молодых крымчан реалиям в социальной и политической жизни региона. Результаты ответов на эти вопросы показали, что более половины наших респондентов положительно оценивают

изменения в социально-экономической и политической ситуации в Крыму после его воссоединения с Россией. Около четверти молодых людей видят в этом событии как положительные, так и отрицательные стороны, абсолютное меньшинство полагает, что происходит ухудшение ситуации, но именно из этой группы складываются потенциальные носители рисков и угроз для крымского сообщества.

К сожалению, в 2020 году пандемия и, прежде всего, самоизоляция, а в 2022 году специальная военная операция усугубили миграционные диспозиции крымской молодежи самым негативным образом. Стоит отметить, что молодежь Крыма болезненно относится к ограничениям, вызванным санкциями (внутренними и внешними). Эти санкции состоят в том, что крымские дипломы почему-то не всегда ценятся на материке, а тем более в дальнем и ближнем зарубежье. Именно поэтому ежегодно более 50% составляет количество молодых людей, которые хотели бы по той или иной причине покинуть Крым – навсегда или на время (таблица 4).

Таблица 4

Распределение ответов респондентов на вопрос: Хотел бы ты уехать из
Крыма? (в %)

Суждения респондентов исследований	2020 год	2022 год
Да, на постоянное место жительства	26,4	32,9
Да, на временное пребывание (учеба, работа)	27,3	22,2
Нет, никуда бы не хотел уезжать	19,5	26,6
Затрудняюсь ответить	17,8	18,3

Корреляционный анализ, проведенный нами по результатам исследования, показывает, что наименее уверенно на крымском рынке труда чувствуют себя представители подростков и молодежи, приобретающей среднее специальное образование. Что касается выпускников школ, то

большинство уехало бы лишь на время (для учебы). Работающая молодежь более консервативна по отношению к изменению места жительства, хотя половина ее была бы не против изменения места жизни и работы.

Мы не видим боязни молодежи внешних угроз, боязни террористических актов. Но приграничный статус Крыма требует от власти, системы образования, ученых и общественных организаций кардинального улучшения патриотического воспитания местной молодежи на всех уровнях ее социализации. Не претендуя на истину в последней инстанции, заметим, что формирование ценностей, таких, как патриотизм, гордость за выбор Крыма, этническая и конфессиональная консолидация, в сегодняшних условиях могут происходить не за счет «добровольно-принудительных» мероприятий, а за счет помощи в саморегуляции молодежи.

Характеризуя понятие «патриотизм» респонденты выделили четыре элемента его составляющие. Первый - «Любовью к «малой» Родине, связь со своим народом». Второй – «Любовью к Родине, готовностью встать на ее защиту». Третьим элементом является «Героизацией патриотизма на героических событиях прошлого». Четвертым – «Готовностью трудиться на благо общества».

В завершении важно обратить внимание, что патриотизм – это не просто любовь к своей стране. Патриотизм, как явление, имеет как эмоциональную, так и деятельностную составляющую. Деятельностный аспект находит свое воплощение в поступках человека, в его повседневной деятельности, которая направлена на благо страны, государства, общества.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Фомина, В. Д. Анализ различных подходов к проблеме патриотизма как объединяющей идее российского общества / В. Д. Фомина, Р. А. Миронов, Е. В. Медушевская. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2016. – № 25 (129). – С. 218-221. – URL: <https://moluch.ru/archive/129/35646/>

2. Малинкин, А.Н. Понятие патриотизма. Эссе по социологии знания // Социологический журнал. 1999. № 1/2.

3. Городецкая, Е.Г. Результаты исследования о влиянии патриотизма на молодежь Крыма: КФ ФНИСЦ РАН (июнь 2019 г.) / Е.Г. Городецкая, В.А. Чигрин – Симферополь, [б.и], 2019. – 36 с. – Текст: непосредственный.

4. Чигрин, В. А. Мониторинг обстановки в образовательных организациях Республики Крым и анализ деятельности молодежных субкультур в целях выявления фактов распространения экстремистской идеологии: научный отчет КФ ФНИСЦ РАН (2020 г.) / В. А. Чигрин, Е. Г. Городецкая. – Симферополь, [б.и], 2020. – 117 с. – Текст: непосредственный.

5. Чигрин, В. А. Причины девиантного поведения молодежи и анализ деятельности молодежных субкультур в образовательных организациях в целях выявления фактов распространения экстремистской идеологии и источников формирования стремления к террористической деятельности: научный отчет КФ ФНИСЦ РАН (2022 г.) / В. А. Чигрин, Е. Г. Городецкая. – Симферополь, [б.и], 2022. – 134 с. – Текст: непосредственный.

6. Социологический энциклопедический словарь. На русском, английском, немецком, французском и чешском языках / Редактор-координатор – академик РАН Г.В. Осипов. – М.: Издательская группа ИНФРА М – НОРМА, 1998. – 488 с.

CIVIC PATRIOTISM IN THE YOUTH ENVIRONMENT (BASED ON SOCIOLOGICAL RESEARCH)

Elena Gorodetskaia

Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor
senior researcher Crimean Branch of the FCTAS RAS, Simferopol

Natalya Chigrina

Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor
research associate Crimean Branch of the FCTAS RAS, Simferopol

Abstract. The article clarifies the concepts of "civil patriotism," "patriotism," analyzes the influence of social institutions on the formation of civil patriotism. The presented results of sociological studies (2019-2022) showed that one of the primary positions in the formation of patriotism and citizenship in society is occupied by family and education. The factors hindering the formation and development of patriotism, as well as the reasons for the migration of Crimean youth, were considered. The main elements characterizing the concept of "patriotism" were called love for the "small" Motherland "by the willingness to defend their homeland, historical memory, and the willingness to work for the good of society.

Keywords: civil patriotism, patriotism, patriotic education, youth, social institutions.

References:

1. Fomina V. D. Analiz razlichnykh podkhodov k probleme patriotizma kak obediniaiushej idee rossijskogo obshchestva / V. D. Fomina, R. A. Mironov, E. V. Medushevskaja. – Tekst : neposredstvennyi // Molodoi uchenyi. – 2016. – no 25 (129). – S. 218-221. – URL: <https://moluch.ru/archive/129/35646/>
2. Malinkin A.N. Poniatie patriotizma. Esse po sotsiologii znaniia // Sotsiologicheskii zhurnal. 1999. no 1/2.
3. Gorodetskaia E.G. Rezul'taty issledovaniia o vliianii patriotizma na molodezh' Kryma: KF FniSTS RAN (iiun' 2019 g.) / E.G. Gorodetskaia, V.A. CHigrin – Simferopol', [b.i], 2019. 36 p. Tekst : neposredstvennyi.
4. CHigrin V. A. Monitoring obstanovki v obrazovatel'nykh organizatsiiakh Respubliki Krym i analiz deiatel'nosti molodezhnykh subkul'tur v tseliakh vyivleniia faktov rasprostraneniia ekstremistskoi ideologii: nauchnyi otchet KF FNISTS RAN (2020 g.) / V. A. CHigrin, E. G. Gorodetskaia. Simferopol', [b.i], 2020. 117 p. Tekst : neposredstvennyi.
5. CHigrin V. A. Prichiny deviantnogo povedeniia molodezhi i analiz deiatel'nosti molodezhnykh subkul'tur v obrazovatel'nykh organizatsiiakh v tseliakh vyivleniia faktov rasprostraneniia ekstremistskoi ideologii i istochnikov formirovaniia stremleniia k terroristicheskoj deiatel'nosti: nauchnyi otchet KF FNISTS RAN (2022 g.) / V. A. CHigrin, E. G. Gorodetskaia. Simferopol', [b.i], 2022. 134 p. Tekst : neposredstvennyi.
6. Sotsiologicheskii entsiklopedicheskii slovar'. Na russkom, angliiskom, nemetskom, frantsuzskom i cheshskom iazykakh / Redaktor-koordinator – akademik RAN G.V. Osipov. Moskva: Izdatel'skaia gruppa INFRA M – NORMA, 1998. 488 p.

УДК 316-4

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ ЮГА РОССИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ДОСТИЖЕНИЯ

***Галина Денисова**
доктор социологических наук, профессор
Ростов-на-Дону*

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению различных теоретических подходов к социальным процессам на Юге России, который отличается

полиэтническим составом населения. Автор сравнивает три теоретико-методологических подхода, которые применяются в постсоветский период для интерпретации степени устойчивости этого макрорегиона: теорию фронта, теорию межкультурного взаимодействия, теорию социокультурной интеграции на платформе общероссийской гражданской идентичности. На основании различных эмпирических исследований последнего десятилетия, показывается достигнутый уровень формирования общероссийской идентичности, консолидации большей части населения на основании социетальных ценностей (русского языка, русской культуры, единого государства и истории, патриотизма), что позволяет интерпретировать социальные процессы в данном макрорегионе как социокультурную интеграцию.

Ключевые слова: концепция фронта, социокультурная интеграция, межкультурное взаимодействие, социетальные ценности, общероссийская гражданская идентичность

Обострение геополитической ситуации в 2014-2023 гг. в период Специальной военной операции вновь вызвало в политическом дискурсе США и стран Западной Европы обсуждение проблемы расчленения России, на что было обращено внимание даже на уровне первых лиц России [17]. Зарубежные политики вновь акцентируют внимание на использование национального фактора для расшатывания гражданской солидарности и единства страны. Эта ситуация обуславливает внимание не только к политике укрепления национально-гражданской идентичности России, но и к теоретическому осмыслению межкультурной интеграции, которая лежит в основе этой идентичности. Наибольший интерес при этом вызывают полиэтнические регионы, в частности – Северный Кавказ как приграничная территория Юга России, которая на протяжении XIX-XX вв., неоднократно выступал объектом притязаний политических элит нескольких стран.

Проблема социальной солидарности общества является одной из центральных исследовательских тем социологической науки. Во второй половине XX в. эта проблема стала рассматриваться в ракурсе культурной неоднородности многосоставного общества. Этим определением характеризуется состояние общества, которое разделено «сегментарными различиями»: религиозными, идеологическими, языковыми, региональными, культурными, расовыми или этническими. Группы интересов в таком обществе «имеют тенденцию к организации по линиям, повторяющим контуры существующих внутри общества границ» [13, с.38]. К обществам такого типа можно отнести российский Северный Кавказ. Многие отечественные исследователи отмечали роль русского населения в консолидации этого региона России [16]. Различные вопросы присутствия русского населения и межкультурной коммуникации народов региона рассматриваются в этнографической и исторической литературе. Однако проблема социокультурной интеграции народов региона в постсоветский период интерпретируется по-разному.

Одной из популярных теоретических концепций в этой области является концепция фронта. Первоначально, теория фронта не имела отношения к рассмотрению интеграции различных народов. Она сформировалась при интерпретации процессов, которые происходили при освоении англичанами и французами западных территорий Америки. Ее выдвинул в конце XIX в. американский историк Ф.Дж. Тернер. Он рассматривал территорию столкновения колонизаторов и аборигенного населения Америки как место встречи цивилизации и дикости. Такое взаимодействие обусловило формирование американского национального характера и американских демократических институтов. Одной из основных идей этой теории было утверждение уникальности ситуации в Америке, которая располагала громадными неосвоенными и мало заселенными территориями («дикий Запад»), позволявшими активно продвигаться на запад, осваивать все новые

земли и обустривать на них жизнь, не стесненную правилами и нормами стран Старого Света [18]. Уже современники Д. Тернера подвергли его концепцию критике, выявив в ней националистическое и расистское содержание, однако неожиданно она приобрела популярность в 90-е годы в России.

Распад СССР актуализировал проблему интерпретации территорий межкультурного контакта народов, очерчивания границ России, и способствовал интересу к концепции фронта, ее активного использования применительно ко многим территориям России, в первую очередь, к Сибири, которая рассматривалась как аналог американского Запада. Она применялась также и к интерпретации исторического освоения территории Северного Кавказа. Этому способствовали работы американского историка Т.М. Баррета, который применил теорию фронта к анализу формирования Северного Кавказа, показывая, что этот регион является зоной культурного обмена [2, с.163-195]. Этот подход нашел продолжение в трудах отечественных ученых, которые трактуют фронт как зону неопределенности, которая производна от полицентризма политической и культурной жизни народов, населяющих регион [11]. Активное использование этого подхода и самого понятия «фронт» вызвало дискуссию в академической среде по поводу корректности применения теории фронта к российской истории, и, в частности, к включению Северного Кавказа [22].

Параллельно с этим подходом в 90-е годы в России активно развивалась концепция самобытности кавказской (горской) цивилизации (Абдулатипов Р.Г., Давидович В.Е., Черноусов В.В., Шадже А.Ю. и др.) [1; 4; 20; 21]. Составным компонентом этого направления выступил анализ развития и противоречий российско-кавказского цивилизационного диалога [14; 20]. Исследователи отмечали, что в дореволюционный период горским народам приходилось встраиваться в «двойственность социальной структуры и социальных институтов», возникшую с приходом в регион России: «Привычные, “естественные” институты, представления и нормы, коренящиеся

в этносоциальной и этнокультурной традиции каждого народа, включаются теперь в современный (“имперский”, “русский”) социокультурный и правовой контекст, взаимодействуя с ним, испытывая его мощное давление» [10, с.74]. Рассмотрению восприятия межкультурного взаимодействия непосредственными его субъектами – русскими и горцами, посвящена работа А.А. Цуциева [19, с.52-59], который анализирует исторические корни распространенных этнокультурных стереотипов; во втором десятилетии XXI в. эта проблема была переосмыслена уже в период стабилизации политической обстановки [12]. На сложный характер русско-кавказского взаимодействия в регионе обращали внимание зарубежные исследователи, интерпретируя этот процесс как столкновение цивилизаций [23].

Значительно меньше исследований посвящено анализу содержания социокультурного синтеза, сформировавшегося в регионе. Здесь можно выделить работу А.Х. Борова и Р.Х. Кочесокова, рассматривающих исторические этапы и проблемы этого процесса: «В XVI-XVIII вв. основным мотивом являлась проблема политического взаимодействия различных исторических субъектов, сохраняющих свою самостоятельность и самобытность; в период Кавказской войны – проблема совместимости в одном государственном организме существенно разных социокультурных систем, а с 60-х г. XIX в. основным мотивом становится проблема совместного развития, т.е. органического включения Северного Кавказа в процессы российской Модернизации» [3, с.]. Как показано в исследовании Г.С. Денисовой и В.П. Уланова «органический» характер этому процессу придает не только эволюционное взаимопроникновение культур, но постепенное включение данного региона в систему регионального разделения труда, имплементации в организацию жизни населения российских институтов общества современного типа (права, образования, управления) [6]. Три представленных теоретических подхода дают различные варианты интерпретации исторического процесса включения Северного Кавказа в состав России и определения степени

устойчивости этого региона как элемента структурной целостности российского государства.

Способствовать разрешению исторических дискуссий в этой сфере могут эмпирические замеры степени консолидации населения региона вокруг социетальных ценностей, что рассматривается в качестве одной из задач социологического анализа социокультурного пространства данного региона. Ведущим направлением является выявление характерных черт интеграционного процесса в полиэтничных субъектах федерации, включая республики. Изучение адаптации населения таких регионов к миграционным потокам, которые имеют преимущественно этнические характеристики, показывает, что в исторически сложившихся регионах межкультурного взаимодействия (например, в Астраханской области) значительно ниже уровень мигрантофобии у принимающего населения, примерно равное отношение представителей разных этнических групп этих регионов к мигрантам, выше уровень готовности к совместной жизни и сотрудничеству с инокультурными мигрантами [8]. Эти показатели косвенно свидетельствуют о культурной интегрированности этих регионов. Под интеграцией понимается такое состояние поликультурного (регионального) общества, при котором отсутствует разделение на отдельные сегменты по культурным, символическим, религиозным, территориальным индикаторам. Это не значит, что данные отличительные характеристики не видны и не воспринимаются населением, но они не выступают основанием для социального или политического противопоставления. Верно и другое – такого рода интеграция позволяет сохранить культурную идентичность и избежать ассимиляцию [14, с.16-17]. При этом, известный специалист в области изучения этих процессов в России, Л.М. Дробижева, отмечает, что и в условиях социально-экономического неравенства наблюдается интеграция межэтнического социума на платформе укрепления общероссийской гражданской идентичности. Исследования 2011-2012 гг., затем – 2015 г. – позволили выявить, что

большинство респондентов на вопрос «что больше всего объединяет Вас с гражданами страны?» ответили – «общее государство» [7, с.8]. При конкретизации таких представлений респондентов исследователи обнаруживают, что отношение к государству не сводится к политической лояльности, а включает также совпадение интересов граждан, их видения общей исторической судьбы.

Этот концептуальный подход был заложен в изучение социокультурной интеграции поликультурных районов Ростовской области (2018 г.). Гипотеза была конкретизирована выявлением повседневного оценки межэтнических взаимодействий, т.е. контактов на уровне повседневных *межличностных* взаимодействий. Характер такого рода межэтнических отношений может меняться по шкале от нормы («спящей этничности») к острому конфликту, в котором проявляется негативное восприятие другого человека именно как представителя «Другой» этнической культуры. При этом негативная характеристика этого человека распространяется на всю группу, и наоборот, устойчивый негативный стереотип восприятия другой этнической культуры распространяется на оценку конкретного человека. Однако эта конфликтная межличностная ситуация, с этническим самоопределением участников, может запустить механизм этнической мобилизации группы и перерасти в межгрупповое столкновение. Такого рода конфликты в 90-е годы XX в. и нулевое десятилетие в Ростовской области были в различных сельских районах. Для конкретизации эмпирического измерения характера межэтнических отношений респондентам предлагалось описание степени оценки (пунктов шкалы). Начальная (положительная) точка шкалы оценки - «люди не замечают этнической принадлежности друг друга в повседневном общении». Вторая позиция – «люди стараются общаться только с представителями своей этнической группы», – уже свидетельствует о некоторой обособленности и дистанцировании представителей этнических групп, это – позиция настороженности. Третья точка – «существует определенная напряженность во

взаимодействиях с представителями другой этнической группы», она свидетельствует о недоверии к представителям другой этнической группы, поддержании негативных коллективных представлений (стереотипов) об определенной этнической группе (группах). Следующая фаза – «существуют конфликтные ситуации с представителями другой этнической группы», показывает, что негативные этнические стереотипы при незначительных событиях провоцируют конфликтные действия. И заключительная оценка шкалы – «высокий уровень межэтнической конфликтности», – характеризует такой микроклимат в территории (районе, населенном пункте), при котором частная бытовая ссора представителей двух различных этнических групп, тотчас же перерастает в межгрупповое столкновение. Предмет конфликта может быть разный, но обязательно – это столкновение по поводу дефицитного и неделимого (или плохо поддающегося разделению) ресурса. Опрос населения Ростовской области показал, что основное большинство – 79 % респондентов, – позитивно оценивают межэтнические отношения. При этом 37 % считают, что люди в повседневном взаимодействии не обращают внимание на этничность друг друга; 42 % отмечают ограничение коммуникаций преимущественно кругом представителей своей этнической группы, что свидетельствует о сохраняющейся межкультурной обособленности (дистанции). Еще 19 % отметили напряженность в этой сфере отношений (4 % из них – конфликтность). Наиболее проблемными данные отношения представляются молодым людям в возрасте 25-29 лет, а также представителям более старшей возрастной генерации (30-39 лет). Именно среди 25-29-летних зафиксирован максимальный процент отметивших случаи конфликтов на межэтнической почве (6%, что в два раза превышает показатель по всем респондентам).

Анализ собранного материала показал доминирование российской гражданской идентичности в коллективных представлениях жителей Ростовской области: 70 % респондентов заявили о том, что они считают себя в первую очередь, россиянами – гражданами РФ. Второе место в целом по

области заняла идентичность с малой Родиной – населенным пунктом и Ростовской областью. В совокупности идентичность с малой Родиной выделили 49 % опрошенных, при этом, 28 % идентифицируют себя с жителями Ростовской области, 21 % – с жителями своего города или села. Этническую идентичность как первоочередную выделили 21%. Но в совокупности российскую идентичность указали около 86% [5, с.27-28]. Респондентам было предложено выбрать из списка (пятнадцать) ценностей и принципов три, которые на их взгляд, в настоящее время объединяют население России в единую нацию. Для формирования списка ценностей использовались предшествующие опросы, которые проводились по всероссийским выборкам. Собранный и систематизированный материал позволил выявить доминирующие позиции в общественном мнении Ростовской области ценностей «русский язык и русская культура» и «патриотизм». Второе место, но с большим отрывом, заняли еще три ценности: «дружба и сотрудничество народов (этносов)»; «общность исторической судьбы всех этносов (народов) России») и «военно-политическая мощь России». Выбор этих ценностей в разной степени представлен в представлениях респондентов разных этнических групп, но их иерархия сохраняется, независимо от этнической идентичности респондентов [5, с.42-43].

Мониторинговые исследования межэтнических отношений и религиозной ситуации в субъектах ЮФО и СКФО свидетельствуют о спаде межэтнической напряженности и расширении формальных и неформальных практик межэтнического взаимодействия. Достигнутый результат можно интерпретировать как определенный уровень социокультурной интегрированности Юга России как макрорегиона, т.е. корректности теоретической концепции социокультурной интеграции данного региона [9, с.108-158].

Эти практические результаты национальной политики в постсоветской России являются поводом не только гордости, но и основанием для

осторожности в использовании теоретических конструктов, в которые «укладываются» эмпирические данные. В частности, использование категории «фронт» для полиэтнических регионов России, даже если авторы вкладывают в понятие только пространственный смысл, все равно отсылает к американской истории силового цивилизационного подчинения аборигенных народов, тем самым нанося когнитивный удар в интерпретацию российской национальной политики и интегрированности поликультурных регионов России.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Абдулатипов, Р.Г. Кавказская цивилизация: самобытность и целостность // Научная мысль Кавказа. 1995. № 1. С. 3-13.
2. Барретт, Т.М. Линия неопределенности: северокавказский фронт России // Американская русистика. Вехи историографии последних лет. Императорский период: Антология. Самара, 2000. С. 163–195.
3. Боров, А.Х., Кочесов, Р.Х. Северный Кавказ в российском цивилизационном процессе. Проблемы интеграции и синтеза // Философские науки. 2011. (1 Suppl.). С. 43-60.
4. Давидович, В.Е. Существует ли кавказская цивилизация? // Научная мысль Кавказа. 2000. № 2. С. 28-30.
5. Денисова, Г.С., Герман, М.А., Денисов, В.И. Суций, С.Я. Атлас демографической динамики, гражданской идентичности и межэтнических отношений в Ростовской области / Научная редакция – д. соц. н., проф. Денисова Г.С., д. филос. н., ст. н. сотр. Суций С.Я. - Ростов-на-Дону: Издательство Фонд науки и образования. 2018. -170 с.
6. Денисова, Г.С., Уланов, В.П. Русские на Северном Кавказе: анализ трансформации социокультурного статуса. Ростов-на-Дону, 2003. - 352 с.
7. Дробижева, Л.М. Гражданская идентичность как условие ослабления этнического негативизма//Мир России. 2017, Т.26. № 1. С. 7-31.
8. Дробижева, Л.М. Вариации адаптационного потенциала населения к растущему этническому многообразию// Россия реформирующаяся. Ежегодник/ Под ред. М.К.Горшкова; Институт социологии РАН. – М.: Новый хронограф. 2016. Вып. 14. С. 379-396.
9. Институциональные практики в межэтническом и межрелигиозном взаимодействии на Юге России: междисциплинарный анализ и оценка потенциала использования в укреплении общероссийской идентичности: монография / Ю.Г. Волков, А.В. Лубский [и др.]; отв. ред. Ю.Г. Волков. – Ростов-на-Дону: Фонд науки и образования, 2018. С.108-158. (– 304 с)

10. Карамурзов, Б.С., Боров, А.Х., Дзамихов, К.Ф., Муратова, Е.Г. Социокультурные механизмы северокавказского исторического процесса: древность – новое время // Научная мысль Кавказа. 2006, № 3. С. 74 (68-76).
11. Крючков, А.В. Присоединение Крыма к России и начальный этап его включения в общеимперское пространство (последняя четверть XVIII в. – первая четверть XIX в) – автореф. На соиск. уч. степ. к.ист. н., Саратов, 2006.
12. Левинсон, А. Кавказские проблемы в нарративах жителей Кавказа и остальной России // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2012. №3-4 (113). С.78-89.
13. Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах. Сравнительное исследование. Пер. с англ. Б.И.Макаренко. Научные редакторы перевода А.М.Салмин, Г.В.Каменская. М.: Аспект Пресс. 1997.
14. Лубский, А.В. Северный Кавказ – периферия российской цивилизации // Научная мысль Кавказа. 2000. № 2. С. 34–38.
15. Малахов, В. Интеграция мигрантов: Концепции и практики / Владимир Малахов. – Москва: Фонд «Либеральная Миссия», 2015. С.16-17.
16. Пути мира на Северном Кавказе. Независимый экспертный доклад / Под ред. Тишкова В.А.; Центр по изуч. и урегулированию конфликтов Ин-та этнологии и антропологии РАН. М., 1999.
17. Путин предупредил об угрозе существованию русского народа - <https://news-front.info/2023/02/27/plany-raschlenenija-rossii-jeto-nemechty-a-to-chto-vnedrjaetsja-sejchas/>
18. Тернер, Ф.Дж. Фронтир в американской истории: пер. с англ. И., 2009. – 304 с.
19. Цуциев, А.А. Русские и кавказцы: очерк привычных восприятий // Научная мысль Кавказа. 2001. № 2. С. 65–74; № 3. С. 52–59.
20. Черноус, В.В. Россия и народы Северного Кавказа: проблемы культурно-цивилизационного диалога // Научная мысль Кавказа. 1999. № 3.
21. Шадже, А.Ю. Кавказская цивилизация или кавказская культура? // Научная мысль Кавказа. 2000. № 2.
22. Шеуджен, Э.А. К вопросу о северокавказском фронтире//Научная мысль Кавказа. 2006, № 3. С.76-83.
23. Ware R., Kisriev E. Dagestan: Russian Hegemony and Islamic Resistance in the North Caucasus. Armonk, N.Y.: Routledge, 2009.; *Górecki W.* No change in the Russian Caucasus: The Winter Olympics Amid a Local War // OSW Studies. 2014. No. 47. P. 53-57.

**SOCIOCULTURAL INTEGRATION OF THE SOUTH OF RUSSIA:
THEORETICAL INTERPRETATIONS AND PRACTICAL
ACHIEVEMENTS**

Galina Denisova PhD in Sociology, Professor, Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia

Abstract. The article is devoted to considering various theoretical approaches applied to social processes in the South of Russia, which is distinguishing due to its polyethnic population. The author compares three theoretical and methodological approaches, widely used in the post-soviet period for interpreting the macro region's degree of stability: the frontier thesis, the theory of civilizational interaction, the theory of sociocultural integration coming under the umbrella of all-Russian civil identity. Using multiple empiric research of the past decade the author indicates the achieved level of shaping the all-Russian identity, consolidation of the major part of the population on the basis of sharing the societal values (Russian language and culture, united state and history, patriotism), which allows to interpret social processes in the given macro region as the sociocultural integration.

Keywords: the frontier thesis, sociocultural integration, civilizational interaction, societal values, all-Russian civil identity

References:

1. Abdulatipov, R.G. 1995. Kavkazskaia civilizaciia: samobytnost' i celostnost' [Caucasian Civilization: Identity and Integrity]. *Nauchnaia mysl' Kavkaza* 1: 3-13.
2. Barrett, T.M. 2000. Liniia neopredelennosti: severokavkazskij frontir Rossii [Line of Uncertainty: Russia's North Caucasian Frontier]. In *Amerikanskaia rusistika. Vekhi istoriografii poslednikh let. Imperatorskij period: Antologiya* [American Russian. Milestones of historiography in recent years. Imperial Period: Anthology]. Samara: 163–195.
3. Borov, A.Kh., Kochesokov, R.Kh. 2011. Severnyj Kavkaz v rossijskom civilizacionnom processe. Problemy integracii i sinteza [The North Caucasus in the Russian civilizational process. Problems of Integration and Synthesis] *Filosofskie nauki* 1: 43-60.
4. Davidovich, V.E. 2000. Sushchestvuet li kavkazskaia civilizaciia? [Is there a Caucasian civilization?]. *Nauchnaia mysl' Kavkaza* 2: 28-30.
5. Denisova, G.S., German, M.A., Denisov, V.I., Sushchij, S.Ia 2018. *Atlas demograficheskoi dinamiki, grazhdanskoi identichnosti i mezhetnicheskikh otnoshenij v Rostovskoj oblasti* [Atlas of demographic dynamics, civic identity and interethnic relations in the Rostov region]. Rostov-on-Don: Izdatel'stvo Fond nauki i obrazovaniia.
6. Denisova, G.S., Ulanov, V.P. 2003. *Russkie na Severnom Kavkaze: analiz transformacii sociokul'turnogo statusa* [Russians in the North Caucasus: Analysis of the Transformation of Socio-Cultural Status]. Rostov-on-Don.
7. Drobizheva, L.M. 2017 *Grazhdanskaya identichnost' kak uslovie oslableniya etnicheskogo negativizma* [National identity as a Means of Reducing Ethnic Negativism]. Mir Rossii: № 1. p. 7-31.
8. Drobizheva, L.M. 2016 *Variatsii adaptatsionnogo potentsiala naseleniya k rastushchemu etnicheskomu mnogoobraziyu* [Variations of the

population's potential for adapting to ever increasing ethnic diversity]. Rossiya reformiruyushchayasya. Ezhegodnik. Moscow, Vol 14., p. 379-396

9. Volkov Yu.G., Lubskiy A.V. 2018 Institutsional'nye praktiki v mezhetnicheskom i mezhreligioznom vzaimodeystvii na Yuge Rossii: mezhdistsiplinarnyy analiz i otsenka potentsiala ispol'zovaniya v ukreplenii obshcherossiyskoy identichnosti [Institutional practices in interethnic and interreligious interaction in the South of Russia: interdisciplinary analysis and evaluation the application potential in strengthening the all-Russian identity]. Rostov-on-Don: Izdatel'stvo Fond nauki i obrazovaniia. 304 p.

10. Karamurзов, B.S., Borov, A.Kh., Dзамikhov, K.F., Muratova, E.G. 2006. Sociokul'turnye mekhanizmy severokavkazskogo istoricheskogo processa: drevnost' — novoe vremia [Sociocultural mechanisms of the North Caucasian historical process: antiquity — modern times]. *Nauchnaia mysl' Kavkaza* 3: 68-76.

11. Krjuchkov A.V. 2006 Prisoedinenie Kryma k Rossii i nachal'nyj etap ego vkljuchenija v obshheimperskoe prostranstvo (poslednjaja chetvert' XYIII v. — pervaja chetvert' XIX v) [Joining the Crimea to Russian territory and the initial stage of its inclusion into the all-Empire area (final quarter of XYIII century — first quarter of XIX century)]— synopsis of a PhD thesis. Saratov.

12. Levinson, A. 2012. Kavkazskie problemy v narrativakh zhitelej Kavkaza i ostal'noj Rossii [Caucasian problems in the narratives of the inhabitants of the Caucasus and the rest of Russia]. *Vestnik obshchestvennogo mneniia. Dannye. Analiz. Diskussii* 3-4 (113): 78-89.

13. Lijphart A. 1997 Democracy in plural societies: A Comparative explorations. Translated by Makarenko B.I. Moscow.

14. Lubskij, A.V. 2000. Severnyj Kavkaz — periferiia rossijskoj civilizacii [The North Caucasus is the periphery of Russian civilization] *Nauchnaia mysl' Kavkaza* 2: 34–38.

15. Malakov V. 2015 Integracija migrantov: Konceptii i praktiki [Integration of migrants: Concepts and practices]. Moscow: Liberal mission foundation. P.16-17.

16. Puti mira na Severnom Kavkaze. Nezavisimyj jekspertnyj doklad [Global paths in the North Caucasus. Independent expert report] edited by Tishkov V.A. Programma fundamental'nykh issledovanii Prezidiuma Ran. Ètno Evrazii, 1999.

17. Putin predupredil ob ugroze sushhestvovaniju russkogo naroda [Putin has warned about the hazard for the existence of the Russian nation] <https://news-front.info/2023/02/27/plany-raschleneniya-rossii-jeto-ne-mechty-a-to-chto-vnedrjaetsja-sejchas/>

18. Turner, F.J. 2009. *Frontir v amerikanskoj istorii* [Frontier in American history]. Moscow: Ves' Mir.

19. Cuciev A.A. 2001 Russkie i kavkazcy: ocherk privychnyh vospriyatij [The Russians and the Caucasians: digest of customary perception] *Nauchnaja mysl' Kavkaza* 2: 65–74; 3: 52–59.

20. Chernous, V.V. 1999. Rossiia i narody Severnogo Kavkaza: problemy kul'turno-civilizacionnogo dialoga [Russia and the peoples of the North Caucasus: problems of cultural and civilizational dialogue]. *Nauchnaia mysl' Kavkaza* 3: 68-74.
21. Shadzhe, A.Iu. 2000. Kavkazskaia civilizaciia ili kavkazskaia kul'tura? [Caucasian civilization or Caucasian culture?]. *Nauchnaia mysl' Kavkaza* 2: 39.
22. Sheudzhen, E.A. 2006. K voprosu o severokavkazskom frontire [On the issue of the North Caucasian frontier]. *Nauchnaia mysl' Kavkaza* 3: 76-83.
23. Ware R., Kisriev E. Dagestan: Russian Hegemony and Islamic Resistance in the North Caucasus. Armonk, N.Y.: Routledge, 2009.; Górecki W. No change in the Russian Caucasus: The Winter Olympics Amid a Local War // OSW Studies. 2014. No. 47. P. 53-57.

УДК 323(470+571)

РОЛЬ ПЕРСОНАЛИСТСКИХ ИДЕНТИФИКАТОРОВ В КОНСОЛИДАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОГО СООБЩЕСТВА

Зуриет Жаде
доктор политических наук, профессор
Адыгейский государственный университет
Майкоп

Аннотация. В статье проведен анализ персонализированных образов в структуре политики идентичности Адыгеи. В качестве эмпирической базы использованы результаты двух социологических исследований, а также материалы СМИ и интернет-источников. Автором сделан вывод о том, что проводимая в Республике Адыгея политика идентичности относится к активному типу и характеризуется сочетанием указанных технологий использования персоналистских идентификаторов на региональном уровне.

Ключевые слова: политика идентичности, региональная идентичность, персоналистские идентификаторы, персонализированные символы, Республика Адыгея.

В Республике Адыгея сложилась традиция рассматривать многоуровневую идентичность в социокультурном измерении. В последние годы предметом пристального внимания ученых региона явился концепт «политика идентичности» [1]. Определено, что «специфика политики идентичности в Адыгее обусловлена особенностями региона как субъекта РФ, а также заключается в необходимости поддержания баланса между этнической, региональной и национально-гражданской идентичностями. То есть регион в целом демонстрирует инклюзивный тип формирования региональной идентичности» [1, с. 18].

Анализируя политику идентичности на региональном уровне, следует вслед за М.В. Назукиной подчеркнуть, что важным маркером региональной идентичности являются персоналистские идентификаторы или культурные герои территории – личности, известные земляки, связанные своими корнями с регионом и впоследствии получившие всероссийское или мировое признание. Увековечивание наследия это человека в региональном пространстве осуществляется не только через монументализацию (установку памятников), но и через переименование и наименование. Наименование, следовательно, является одним из ключевых инструментов политики идентичности, через который осуществляется идентификация с прошлым в практике повседневной жизни и включение в сети социокультурной памяти. Имея дело с присвоением какому-либо объекту имени культурного героя, региональное сообщество рефлексировало по поводу достижений этого человека и соотносит себя с ценностными характеристиками, которое транслирует это имя [3].

Основываясь на данном положении, проанализируем персонализированные образы в структуре политики идентичности Адыгеи. В качестве эмпирической базы использованы результаты двух социологических исследований, проведенных с участием автора, а также материалы СМИ и интернет-источников.

Прежде всего, обратимся к результатам эмпирического исследования, проведенного в 2020 г. методом онлайн-опроса (N=638) в рамках реализации гранта РФФИ «Конструирование имиджа Республики Адыгея в пространстве социальных медиа», которые позволили выявить уровень осведомленности респондентов о выдающихся персонах в республике. В анкете был открытый вопрос, который предполагал, что респонденты называют ответы сами. Подсчет полученных ответов онлайн-опроса фиксирует, что наиболее известными и популярными в настоящее время являются писатели и поэты (31,9%) и политики (30,9%). Среди первой категории чаще всего называют Героя труда России И.Ш. Машбаша (18,1%) и Т.М. Керашева (8,5%). Среди политических деятелей популярными являются бывший Президент Адыгеи Х.М. Совмен (12,7%), нынешний Глава республики М.К. Кумпилов (8,8%) и первый Президент Адыгеи А.А. Джаримов (5,1%). На третьем месте по числу упоминаний располагаются известные в республике спортсмены (12,7%). Чаще всего в этой категории интернет-пользователи, принявшие участие в опросе, называют известных в мире самбистов и дзюдоистов М.Р. Хасанова (5,3%) и Я.К. Коблева (4%). Четвертое место занимают различные мастера традиционных ремесел (8%). В этой категории лидирует знаменитая оружейница и ювелир А.А. Еутых (5,7%). Республиканские ученые, танцоры, певцы и художники собирают от 4,6% до 1,1% ответов соответственно.

Как следует из сказанного выше, представители региональной политической элиты являются одним из главных субъектов политики идентичности. С целью анализа феномена политической элиты Республики Адыгея в 2021 г. методом полустандартизованного интервью нами проведен экспертный опрос по теме «Человеческий потенциал политических элит в системе отношений “центр – регионы”» (N=15) [2]. Перед экспертами ставилась задача определить наиболее влиятельных представителей республиканской политической элиты. Приводя конкретные примеры, эксперты в основном обратились к личности Главы Республики Адыгея. «Можем привести в пример

руководителя нашего субъекта – Кумпилова Мурата Каральбиевича, который, используя свою некую предзаданную харизматическую природу, используя свой ресурс, образование, затем, все-таки признание существовавшей и господствовавшей на тот момент политической элиты, стал руководителем региона». На втором месте по числу упоминаний оказался исполняющий обязанности премьер-министра Адыгеи Керашев Анзаур Асланбекович, на третьем месте – Нарожный Владимир Иванович – председатель Государственного Совета - Хасэ Республики Адыгея.

При анализе персонализированных символов в структуре политики идентичности Адыгеи экстраполируем технологии их использования, разработанные на примере Краснодарского края: топонимические технологии, технологии номинации, технологии монументализации, технологии легендирования, технологии специальных событий [4].

Во-первых, в столице республики активно используются топонимические технологии. Так, именами выдающихся адыгов Умара Берсея, Шоры Ногмова, Шахан-Гирея Хакурате, Моса Шовгенова, Тембота Керашева; Героев Советского союза Хусена Андрухаева, Дмитрия Зюзина, Лаврентия Журавлева, Дауда Нехая; братьев Виталия и Василия Лоскутовых, героически погибших в Афганистане; Героя России Владимира Жоги, погибшего в ДНР в ходе в специальной военной операции, названы городские улицы. Более того, память о героях увековечена в названиях различных республиканских объектов. Именем Дмитрия Зюзина назван сквер, прилегающий к улице, которая носит его имя, там же установлена мемориальная доска с барельефом героя. На южной окраине города Майкопа установлен мемориальный комплекс «Аллея афганцев».

В последние годы к доминирующим персоналистским образам республиканской столицы отнесен Евгений Шварц, чье имя присвоено гимназии, где учился будущий драматург и сказочник, а также аллее в центре Майкопа, который он называл «родиной своей души». В городском парке

установлена скульптура в виде туфельки Золушки, ставшая первым в Адыгее арт-объектом. Это является свидетельством того, что персоналистские образы используются для демонстрации включенности территории в общекультурное и историческое пространство России (кейс Е. Шварца).

Во-вторых, в реализации политики идентичности применяются и технологии номинации. Культурным, образовательным, спортивным, медицинским и иным республиканским объектам присваиваются имена знаменитых жителей. Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований носит имя Т.М. Керашева; Адыгейский педагогический колледж назван именем Х.Б. Андрухаева; Адыгейский республиканский колледж искусств именем У.Х. Тхабисимова; Национальный театр Адыгеи именем И.С. Цея; камерный музыкальный театр именем А.А. Ханаху. Стадион «Ректор Ячиков» назван в честь выдающегося руководителя образования республики Адыгея, ректора Адыгейского государственного педагогического института с 1961 по 1986 гг. Дворец спорта «Якуб Коблев» – крупный спортивный объект межрегионального уровня – носит имя легендарного тренера и ректора Института физической культуры и дзюдо АГУ.

Здесь следует упомянуть, что на территории городского парка столицы Адыгеи открылась уникальная архитектурная достопримечательность республики – золотая кладовая Аси Еутых, известного на весь мир ювелира, народного художника Адыгеи. В 2023 году к числу символов региона добавилось многофункциональное арт-пространство Сусанны Макеровой – арт-директора и создателя бренда SuzieM.

В-третьих, следующим инструментом политики идентичности являются технологии монументализации. В городском парке Майкопа уставлены памятники-бюсты просветителя, создателя адыгской письменности, общественного деятеля Шоры Ногмова и талантливого организатора, государственника и революционера Моса Шовгенова.

На территории города сосредоточено большое количество памятников и мемориалов, которые не позволяют современникам забыть о подвигах и героизме своих земляков. К их числу относятся мемориал героям Великой Отечественной и Гражданской войны; мемориал, посвященный памяти воинов 131-й мотострелковой бригады, героически погибших в ходе штурма города Грозный в 1995 г.

Следует подчеркнуть, что персоналистские образы подразделяются по направлениям деятельности. В 2022 году на здании Адыгейского педагогического колледжа им. Х. Андрухаева открыли мемориальную доску Героя труда РФ Исхаку Машбашу. В рамках празднования 100-летия государственности Адыгеи открыт памятник Шахан-Гирею Умаровичу Хакурате, который стоял у истоков становления Адыгейской автономной области. В последние годы продолжается практика установки мемориальных досок и бюстов по увековечению памяти известных уроженцев региона.

В-четвертых, ярким примером воплощения технологии легендирования являются мифологические герои адыгского «Нартского эпоса». На официальном символе Республики Адыгея – гербе – изображен герой эпоса Саусоруко, скачущий на огненном коне с пылающим факелом в руке, похищенным у богов для людей. Его образ воспроизведен и в главной архитектурной достопримечательности Майкопа, который имеет два названия – Монумент Памяти и Единения и «Очаг». С целью популяризации адыгского эпоса посредством визуализации мифоэпических образов в Адыгее реализуется проект об использовании мотивов нартского эпоса в коллекциях региональных дизайнеров одежды. Образы мифологических героев постоянно воплощаются театральной и музыкальной средой в различных культурно-развлекательных программах и проектах. Так, академическим ансамблем народного танца «Нальмэс» совместно с Национальным театром им. И. Цея в течение ряда лет представляется развлекательное шоу «В стране нарттов», в основу постановки

которого легло нартское сказание «Как Саусоруко вернул Стране нартвов семена проса».

В-пятых, к технологиям специальных событий следует отнести такие фестивали и мероприятия, как: Международный фестиваль адыгской (черкесской) культуры, Межрегиональный фестиваль-конкурс казачьей культуры, День адыгов (черкесов), День памяти и скорби черкесского народа, День адыгского языка и письменности, День адыгского (черкесского) флага, День национального адыгского (черкесского) костюма, Фестиваль адыгейского сыра, Адыгский новый год (Навруз), День адыгейской тыквы, День черкесской груши, День адыгского халюжа, направленные на интеграцию народов Адыгеи на межкультурном, межэтническом и межконфессиональном уровнях. К таким технологиям следует причислить и конкурс «Адыгэ шъау», учредителем которого выступает Адыгейский республиканский общественный благотворительный фонд имени мецената Х.М. Совмена.

Проведенный анализ позволяет заключить, что в Республике Адыгея в целом сложилась система персоналистских идентификаторов, позволяющая, во-первых, демонстрировать уникальность образов героев для регионального сообщества, во-вторых, способствует формированию бренда территории и повышению регионального имиджа.

Таким образом, проводимая в Республике Адыгея политика идентичности относится к активному типу и характеризуется сочетанием указанных технологий использования персоналистских идентификаторов на региональном уровне.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Жаде З.А. Политика идентичности в региональном измерении: кейс Республики Адыгея // Общество: политика, экономика, право. 2022. № 8. С. 13-18.

2. Жаде З.А. Экспертное сообщество о политической элите Адыгеи // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2022. Том 15. № 5. С. 35-42.

3. Назукина М.В. Конкурс «Великие имена России» в российских республиках: этнический дискурс политики идентичности // Мир России. 2020. Т. 29. № 1. С. 132-152.

4. Русия Н.Т. Персоналистские образы в политике идентичности на локальном уровне // Южно-российский журнал социальных наук. 2022. Т. 23. № 1. С. 81-95.

THE ROLE OF PERSONALISTIC IDENTIFIERS IN THE CONSOLIDATION OF THE REGIONAL COMMUNITY

Zuriet A. Zhade, Doctor of Political Sciences, Professor
Maikop, Russia

The article analyzes personalized images in the structure of the identity policy of Adygea. As an empirical basis, the results of two sociological studies conducted with the participation of the authors, as well as media materials and Internet sources were used. The author concludes that the identity policy carried out in the Republic of Adygea is of an active type and is characterized by a combination of these technologies for the use of personalistic identifiers at the regional level.

Keywords: identity policy, regional identity, personalistic identifiers, personalized symbols, Republic of Adygea.

References:

1. Zhade Z.A. Politika identichnosti v regionalnom izmerenii_ keis Respubliki Adigeya [Identity politics in the regional dimension: the case of the Republic of Adygea] // Society: politics, economics, law. 2022. No. 8. P. 13-18.

2. Zhade Z.A. Ekspertnoe soobshchestvo o politicheskoi elite Adigei [Expert community about the political elite of Adygea] // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2022. Volume 15. No. 5. P. 35-42.

3. Nazukina M.V. Konkurs «Velikie imena Rossii» v rossiiskih respublikah_ etnicheskii diskurs politiki identichnosti [Contest "Great Names of Russia" in Russian Republics: Ethnic discourse of Identity politics] // The world of Russia. 2020. Vol. 29. No. 1. P. 132-152.

4. Rusia N.T. Personalistskie obrazi v politike identichnosti na lokalnom urovne [Personalist images in identity politics at the local level] // South Russian Journal of Social Sciences. 2022. Vol. 23. No. 1. P. 81-95.

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ В СФЕРЕ ПОТРЕБЛЕНИЯ: ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ

Вера Захарова
кандидат философских наук
Симферополь

Аннотация. В статье изучен комплекс факторов, влияющих на формирование и развитие экологических практик российской молодежи, в частности, в сфере потребления. Рассмотрено влияние факторов, связанных с доступностью и информированностью, как определяющих уровень экологической осознанности потребления, а также экономическая составляющая экологической мотивации в аспекте перспектив выбора более экологичного товара.

Ключевые слова: молодежь; потребление; экология; экологическое поведение; экологические практики.

Экологические практики являются структурным элементом экологического поведения, представляя собой целенаправленные и осмысленные действия индивидов, направленные на преобразование природной среды либо на поддержание в состоянии, достаточном для естественного воспроизведения её основных параметров [2, С.47]. Экологические практики на сегодняшний день целесообразно рассматривать на двух уровнях – институциональном, актуализирующимся в связи с деятельностью институтов управления, образования, культуры, а неинституциональном, когда речь идет о формировании ряда практик экологизации собственной жизни в ходе потребления, личного досуга, мировоззренческого поиска и социально-философской рефлексии. Упомянутые

уровни различаются степенью формализации и систематизации практик, глубиной исключительно экологической мотивации, возможностями социального контроля.

Последнее десятилетие характеризуется чрезвычайно расширившимся перечнем актуальных для молодежи экологических практик. Среди самых востребованных и имеющих массовый характер экологических практик можно выделить практики, так или иначе связанные с потреблением.

Следует отметить несколько тенденций, характерных для развития потребительских экологических практик, в особенности в среде молодежи.

Во-первых, потребительские практики молодежи, связанные с аспектами экологизации жизни, проявляются в нескольких основных направлениях: выбор экологически чистых продуктов питания, брендов одежды, отказ от упаковки или предпочтение упаковки из быстро разлагаемых материалов, участие во вторичной переработке товаров. Отдельно можно выделить такую практику, как отказ от чрезмерного потребления, так как, помимо конкретных практических проявлений, она имеет статус мировоззренческой основы для развития спектра других экологических практик, как потребительской, так и досуговой или природоохранной направленности.

Во-вторых, следует отметить, что экологическая мотивация поведения и участия в конкретной экологической практике практически не встречается среди молодых людей. Как правило, она соединяется с мотивами выгоды, экономии, моды, имиджа, протеста, благотворительности и т.д.

В-третьих, несмотря на возрастающий интерес представителей молодежи к экологическому образу жизни, очень часто фиксируется ситуация отсутствия корреляции между сформированными экологическими ценностями, готовностью поступать экологично, и собственно осуществлением экологической практики. Являясь, в принципе, одной из главных проблем теории и практики социального поведения, указанный дисбаланс чрезвычайно

негативно влияет на формирование и поддержание экологического энтузиазма представителей молодого поколения.

Среди главных мотивационных механизмов для молодёжи, как показали данные опроса социологического центра «Шанс» – уверенность в эффективности экологической деятельности (так ответило 27% опрошенной российской молодёжи). Материальная выгода также интересует молодёжь (17%), как и определенные преференции в виде льгот и компенсаций (13%) [3]. Исследования, проведенные в среде молодежи Юга России, подтверждают ряд упомянутых выводов [1]. В частности, выделяя характеристики самого распространенного типа экологического поведения среди молодёжи – формально-декларативного, а также сопоставить его с сознательно-ответственным типом.

Для данного типа характерно сочетание неэкономических и экономических мотивационных механизмов: уверенность в том, что экологическая деятельность приносит пользу и возможность экономической выгоды. Личное участие в экопрактиках представителей данного типа ограничивается индивидуальными формами участия (выбор экологически безопасной упаковки, отказ от использования вредной бытовой химии, сбор макулатуры). Т.е. данный тип на оценочно-декларативном уровне осознает и адекватно оценивает экологическую ситуацию и экологические риски, но на оценочно-деятельностном уровне его действия и мотивы ограничены определенными условиями (как, например, уверенностью в пользе своих действий или экономической выгодой) [1, С. 132].

У носителей сознательно-ответственного типа экологического поведения экономическая мотивация для участия в экологических практиках тоже присутствует, но не выступает решающим барьером на пути такого участия, так как «перекрывается» чувством личной ответственности и ответственности каждого человека за состояние природной среды.

В-четвертых, среди причин такого положения вещей можно обозначить ряд барьеров на пути формирования, развития и системного воспроизведения экологических практик российской молодежи. Среди них наиболее весомыми являются информационный (отсутствие актуальной информации о доступных экологических практиках в регионе и стране в целом, недостаточно интересный для восприятия молодежью формат подачи данной информации и т.д.), мотивационный (невозможность убедиться в пользе от собственных экологических действий, разочарование в способности на что-то глобально повлиять, вытеснение экологических мотивов соображениями экономической выгоды или экономии), а также административный (неспособность институтов управления обеспечить системную трансляцию опыта экологизации жизни, предоставить соответствующие возможности, дискредитация действенности ряда экологических практик, формальность в подходе к привлечению молодежи к ним и т.д.).

Сказанное выше подчеркивает важность системного подхода к формированию комплекса экологических практик молодежи в сфере потребления, включающего как компонент доступности, так и информированности о экологическом имидже товара и производителя и экологической ситуации в стране и регионе в целом.

ПРИМЕЧАНИЕ

1.Захарова, В. А. Высшее образование в системе развития экологического поведения российской молодежи // Гуманитарий Юга России. Т.10. № 3. С. 128-137. DOI: <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2021.3.10>

2.Захарова, В.А. Экологическое поведение современной молодежи: общероссийские и региональные тенденции: монография / В.А. Захарова; отв. ред. Ю.Г. Волков. М.: РУСАЙНС, 2022. 280 с.

3.Социологическое исследование «Экологическая культура молодежи» в 2019 году. Режим доступа: <http://dmoshans.ru/shanss-press/sociologicheskies-issledovaniya/sociologicheskoy-issledovanie-ekologicheskaya-kultura-molodezhi-v-2019-godu/>

ECOLOGICAL PRACTICES OF RUSSIAN YOUTH IN THE SPHERE OF CONSUMPTION: FACTORS OF FORMATION AND DEVELOPMENT

Vera A. Zakharova

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Department of humanitarian and socio-economic disciplines,
Crimean branch of the Russian State University of Justice, Simferopol,
Russia

Abstract. The article examines a complex of factors influencing the formation and development of environmental practices of Russian youth, in particular, in the sphere of consumption. The influence of factors related to accessibility and awareness, as determining the level of environmental awareness of consumption, as well as the economic component of environmental motivation in terms of the prospects for choosing a more environmentally friendly product, is considered.

Keywords: youth; consumption; ecology; environmental behavior; environmental practices.

References:

1. Zakharova V. A. Higher education in the development of environmental behavior of Russian youth // Humanitarian of the South of Russia, 10(3), 128-137. DOI: <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2021.3.10>

2. Zakharova V.A. Ecological behavior of modern youth: all-Russian and regional trends: monograph / V.A. Zakharov; resp. ed. Yu.G. Volkov. M.: RUSAYNS, 2022. 280 p.

3. Sociological study «Ecological culture of youth» in 2019. Access mode: <http://dmoshans.ru/shans-press/sociologicheskie-issledovaniya/sociologicheskoy-issledovanie-ekologicheskaya-kultura-molodezhi-v-2019-godu/>

УДК 34 (062.552)

ЦИФРОВИЗАЦИЯ РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ

Светлана Имгрунт
доктор философских наук

Адыгейский государственный университет
Майкоп
Филипп Чирков
кандидат юридических наук
Адыгейский государственный университет
Майкоп

Аннотация. В статье рассматриваются процессы цифровизации, актуализирующие роль и значение государственно-правовых институтов современного общества, обеспечивающих нормативно-правовое регулирование социальной жизни, безопасность и стабильность общества. Рассмотрены проблемы развития правотворческой и правоприменительной деятельности в условиях цифровизации российской правовой системы. Показывается, что в правоприменительной практике использование цифровых технологий, достижений в сфере искусственного интеллекта требуют последовательного правового обеспечения, нормативной регламентации в целях их упорядочивания и предотвращения возможных угроз и рисков в процессе их использования.

Ключевые слова: право, правовое регулирование, цифровизация, искусственный интеллект, цифровые технологии, цифровые права, правотворческая деятельность, законотворчество, формализация права.

В качестве одной из значимых тенденций развития современного мира выступает цифровизация общественных отношений, которая, в свою очередь, оказывает существенное воздействие на правовые процессы. Цифровизация и компьютеризация в настоящее время осуществляются настолько стремительными темпами, что ряд исследователей даже приходят к выводу о формировании новой социальной реальности, включающей и правовые аспекты общественной жизнедеятельности. В специальных исследованиях отмечается, что следствием процессов цифровизации могут стать изменения самого образа права, а также его регулятивной роли, границ и пределов действия. На

современном этапе цифровой трансформации могут произойти изменения в так называемых формальных аспектах права: речь идет о расширении направлений регулирующего воздействия права и образовании новых форм рассматриваемого воздействия. По мнению исследователей, сама сущность права не претерпит сколько-нибудь существенных изменений в ближайшее время: право продолжит выступать в качестве основополагающего регулятора жизнедеятельности общества [7, с. 9-10]. Однако, содержание права, а также его форма будут меняться, что уже происходит в настоящее время: так, влияние цифровых технологий находит отражение в правотворческой деятельности.

Право в настоящее время фактически находится перед вызовами новой цифровой реальности [6, с. 16]. Данное обстоятельство обуславливает необходимость анализа различных аспектов цифровизации в правовой сфере российского общества. Дело в том, что позитивные общественные изменения, связанные с процессами цифровизации, объективно сопровождаются большим количеством разнообразных рисков, что предусматривает необходимость разработки стратегии эффективного развития регулятивного правового механизма с целью упорядочения различных отношений в обществе в условиях новой цифровой реальности. Последняя предъявляет высокие требования к юридической науке и практике, включающие те или иные компоненты системы нормативно-правового регулирования разных сфер жизнедеятельности общества на базе использования современных цифровых технологий и искусственного интеллекта.

Цифровые технологии фактически находят активное применение практически во всех сферах жизнедеятельности, что обуславливает необходимость проведения коренных преобразований в системе правового регулирования. На современном этапе развития правовой системы происходит становление нового права или «права второго модерна», основным предназначением которого как раз и выступает эффективное регулирование

отношений экономического, политического и социального характера, возникающих в области применения новейших систем робототехники, искусственного интеллекта и цифровых технологий [1].

Если говорить о конкретных юридических последствиях процессов цифровизации, то к числу наиболее значимых из них целесообразно относить генезис цифровых прав личности, к разновидностям которых можно отнести право на получение доступа, применения, разработки и распространения различных произведений, выполненных в цифровом формате, а также право использовать электронные устройства, компьютеры в тех или иных целях, иметь доступ к различным коммуникационным сетям и т.д. Здесь следует солидаризироваться с позицией многих представителей российского юридического сообщества, констатирующих значительное отставание действующего законодательства в информационной сфере от объективных общественных потребностей. Так, В.Д. Зорькин считает необходимой проведение масштабной работы, связанной с систематизацией информационного законодательства, устранением имеющихся в нем повторов, упорядочением соответствующего понятийно-категориального аппарата [1]. В условиях широкомасштабного внедрения новых цифровых технологий в праве происходят значительные изменения, что проявляется, в частности, в трансформации самого предмета правового регулирования, однако это не имеет следствием сколько-нибудь серьезные изменения социального характера права, его роли как основополагающего регулятора отношений, возникающих в условиях современного, стремительно развивающегося общества.

Однако право при этом наполняется новым содержанием, что находит отражение, прежде всего, в отраслевом законодательстве, характеризующемся наиболее активным, динамичным развитием. Речь здесь идет и о трудовом, и о гражданском, а также административном,

экологическом и других отраслях российского права. В то же время, несмотря на достаточно высокий уровень развития отечественного отраслевого законодательства, оно, тем не менее, объективно нуждается в модернизации, призванной облегчить и упорядочить различные аспекты взаимодействий граждан и юридических лиц посредством современных электронных технологий [4, с. 25].

Необходимо отметить, что в течение последних лет в Российской Федерации был принят ряд нормативно-правовых актов общего характера, создающих базу для цифровизации. К числу наиболее важных из них можно отнести разработанную еще в 2017 г. Стратегию развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы, Национальную стратегию развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, государственную программу «Информационное общество» и ряд других.

Принятие указанных нормативно-правовых актов создает необходимые предпосылки для внедрения современных цифровых технологий в различные сферы жизнедеятельности. Однако в рамках данного процесса возникают объективные сложности, связанные, в том числе, с нормативно-технической документацией, которая, как отмечается в специальных исследованиях, также нуждается в системной модернизации. Одной из характерных тенденций развития современного зарубежного законодательства выступает юридическое оформление технических норм, принятие актов о правовом регулировании в области робототехники. Основная проблема заключается в том, чтобы встроить эти новые правовые акты в систему правового регулирования [4, с. 26]. В данной ситуации необходимо учитывать то обстоятельство, что вследствие развития цифровых технологий происходят изменения во взаимодействии людей с новыми техническими устройствами: если раньше все действия и решения осуществлялись конкретными людьми, то теперь часть действий могут

реализовываться роботами либо самостоятельно, либо под контролем компетентных специалистов.

Отсюда проистекает вопрос, связанный с ответственностью за совершенные ошибки или противоправные деяния. В специальных исследованиях, в частности, предлагается ввести практику разделенной ответственности, предусматривающую ответственность конкретных лиц за тот ущерб, который возникает вследствие тех или иных действий, совершенных роботами (речь может идти как об ответственности программиста, который осуществляет разработку программы работы электронного устройства, так и оператора, который реализуют непосредственную эксплуатацию данного устройства, а также, возможно, должностного лица или работника, который отвечает за рассматриваемый участок работы). Ряд исследователей полагают, что в настоящее дело фактически происходит появление новых субъектов права в виде тех же роботов, выступающих в качестве новой «цифровой личности», существующей наряду с человеком [3, с. 9]. Совершенно очевидно, что решение данных юридических вопросов должно осуществляться постепенно, а сами граждане и должностные лица должны адаптироваться к условиям цифровизации, создающей фактически новое информационно-правовое пространство, характеризующееся большими объемами информации и сопровождающееся существенными рисками.

Мы солидарны с позицией, согласно которой цифровизацию нельзя рассматривать в качестве панацеи или действенного средства, которое якобы может способствовать устранению всех дефектов, характерных для отечественной правовой системы, решению различных проблем социального характера. Цифровизация позволяет оптимизировать систему правового регулирования посредством применения новейших цифровых технологий, систем искусственного интеллекта [5, с. 7]. При этом нужно учитывать тот элемент неопределенности, который может возникнуть в том случае, если

развитие цифрового пространства начнет развиваться на неконтролируемой основе.

Несколько лет назад широкий общественный резонанс вызвало заявление председателя правления Сбербанка, в соответствии с которым «нейронная сетка» в состоянии осуществлять подготовку исковых заявлений гораздо качественнее профессиональных юристов (как известно, за этим последовало сокращение нескольких сотен юристов, ответственных за составление данных заявлений). Данное решение выглядит неоднозначным, поскольку, с одной стороны, посредством использования интеллектуальной платформы действительно может быть осуществлена подготовка шаблонных заявлений, однако, с другой стороны, юристам-профессионалам в подавляющем большинстве случаев приходится иметь дело с особыми ситуациями, характеризующимися персонифицированностью, различными индивидуальными особенностями и сложными обстоятельствами, в существо которых робот не в состоянии разобраться по объективным причинам.

В исследованиях, посвященных цифровизации российской правовой системы, отмечается, что широкомасштабное применение новейших цифровых технологий в различных видах юридической практики способствует автоматизации тех правовых процедур, которые в прошлом могли осуществляться только конкретными субъектами права, требуя их непосредственного участия во всех этих процессах. Однако на этом основании некоторыми исследователями делаются весьма спорные заключения, в соответствии с которыми цифровизация может способствовать радикальным преобразованиям правовой системы, например, иметь неизбежным следствием внедрение системы электронного правосудия, предусматривающего замену судей роботами, якобы способными принимать взвешенные решения по типичным делам [2, с. 7]. Последнее утверждение выглядит отнюдь не бесспорным, с точки зрения авторитетных представителей судейского

сообщества нецелесообразно доверять рассмотрение даже типичных дел так называемому «судье-автомату».

В области судопроизводства большую роль играет усмотрение судьи по конкретному делу, которое выступает в качестве результата сложной мыслительной деятельности судьи-человека. Здесь в идеале должно приниматься наиболее оптимальное, взвешенное решение, выработанное с учетом разнообразных альтернатив, которые предусмотрены нормами действующего законодательства. Такого рода мыслительная деятельность не может осуществляться электронным устройством или судьей-роботом, вследствие чего из системы электронного правосудия будет неизбежно устранен такой важный его компонент как судебное усмотрение.

Электронному устройству, каким бы совершенным оно бы не было, нельзя доверять полномочия, связанные с вынесением юридически значимых решений, совершением действий, от которых зависит судьба конкретных людей. При решении дел судья обязан руководствоваться не только нормами действующего законодательства, которые могут быть загружены в электронные базы данных, но и учитывать различные обстоятельства конкретных дел, руководствуясь при вынесении решений не только правовыми, но и моральными принципами.

С помощью цифровых технологий могут с высокой степенью эффективности осуществляться так называемые типовые стандартизированные процедуры, включающие систематизацию документов, их предварительную подготовку. Указанные документы могут впоследствии использоваться конкретным правоприменителем с целью анализа тех или иных конфликтных ситуаций и принятия наиболее оптимального решения. На данное обстоятельство обращает внимание и В.Д. Зорькин, в соответствии с выводом которого посредством использования цифровых технологий можно добиться значительного повышения качества правоприменительной деятельности,

реализуемой органами исполнительной власти [1]. Те информационные новшества, которые в течение последних лет активно внедрялись в деятельность различных органов государственной власти, безусловно, являются очень полезными и способствуют росту эффективности деятельности данных органов. Так в сфере судопроизводства появились такие инновации как подача исковых заявлений в суд с их последующей регистрацией, движение дел между различными судебными инстанциями, осуществляемое в электронном формате, дистанционные формы проведения судебных заседаний, использование различных мессенджеров или электронной почты с целью отправления лицам, принимающих участие в судебных процессах, соответствующих уведомлений.

Рассматриваемые цифровые технологии, с нашей точки зрения, могут использоваться в юридической практике в качестве вспомогательного средства, что не предусматривает сколько-нибудь серьезного влияния данных технологий на механизм выработки решений по конкретным делам в системе судопроизводства. Те цифровые средства, которые в настоящее время уже применяются или будут в ближайшее время внедрены в судебную деятельность, должны быть направлены в первую очередь на повышение качества отправления правосудия, однако они не должны иметь следствием возникновение принципиально иной системы судопроизводства, так называемого электронного правосудия. Применение искусственного интеллекта в области правосудия и других сферах правоприменительной деятельности не может стать равноценной заменой представителям профессионального юридического сообщества, призванных руководствоваться, в том числе, внутренним убеждением. Именно поэтому в основе юридической практики находятся именно человеческие навыки.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. *Зорькин В.Д.* Право в цифровом мире. Размышление на полях Петербургского юридического форума // Российская газета – Столичный выпуск. № 115 (7578). 29.05.2018.
2. *Пашенцев Д.А.* Российская законотворческая традиция перед вызовом цифровизации // Журнал российского права. 2019. № 2.
3. *Талапина Э.В.* Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы // Журнал российского права. 2018. № 2.
4. *Тихомиров Ю.А., Кичигин Н.В., Цомартова Ф.В., Бальхаева С.Б.* Право и цифровая трансформация // Право. Журнал высшей экономики. 2021. № 2.
5. *Тонков Е.* Цифровизация права: проблемы и перспективы // Вестник судейского сообщества Белгородской области. 2019. № 10.
6. *Хабриева Т.Я.* Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 9.
7. *Цифровизация правотворчества: поиск новых решений: монография / Д.А. Пашенцев, М.В. Залоило, О.А. Иванюк, А.А. Головина; под общ. ред. Д.А. Пашенцева. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2019.*

DIGITALIZATION OF THE RUSSIAN LEGAL SYSTEM

Svetlana I. Imgrunt, Doctor of Philosophy
Filipp V. Chirkov, Candidate of Legal Sciences
Maikop, Russia

The article examines the processes of digitalization, actualizing the role and importance of state-legal institutions of modern society, ensuring the legal regulation of social life, security and stability of society. The problems of the development of law-making and law enforcement activities in the conditions of digitalization of the Russian legal system are considered. It is shown that in law enforcement practice, the use of digital technologies, achievements in the field of artificial intelligence require consistent legal support, regulatory regulation in order to streamline them and prevent possible threats and risks in the process of their use.

Keywords: law, legal regulation, digitalization, artificial intelligence, digital technologies, digital rights, lawmaking, lawmaking, formalization of law.

References:

1. *Zorkin V.D.* Pravo v cifrovom mire. Razmishlenie na polyah Peterburgskogo yuridicheskogo foruma [Law in the digital world. Reflection on the margins of the St. Petersburg Legal Forum] // Rossiyskaya Gazeta – Stolichny issue. № 115 (7578). 29.05.2018.

2. *Pashentsev D.A.* Rossiiskaya zakonotvorcheskaya tradiciya pered vizovom cifrovizacii [The Russian legislative tradition before the challenge of digitalization] // Journal of Russian Law. 2019. № 2.

3. *Talapina E.V.* Pravo i cifrovizaciya_ novie vizovi i perspektivi [Law and digitalization: new challenges and prospects] // Journal of Russian Law. 2018. No. 2.

4. *Tikhomirov Yu.A., Kichigin N.V., Tsomartova F.V., Balkhaeva S.B.* Pravo i cifrovaya transformaciya [Law and Digital Transformation] // Right. Journal of Higher Economics. 2021. № 2.

5. *Tonkov E.* Cifrovizaciya prava_ problemi i perspektivi [Digitalization of law: problems and prospects] // Bulletin of the judicial community of the Belgorod region. 2019. № 10.

6. *Khabrieva T.Ya.* Pravo pered vizovami cifrovoi realnosti [Law before the challenges of digital reality] // Journal of Russian Law. 2018. № 9.

7. Cifrovizaciya pravotvorchestva_ poisk novih reshenii [Digitalization of lawmaking: search for new solutions]: monograph / D.A. Pashentsev, M.V. Zaloilo, O.A. Ivanyuk, A.A. Golovin; under the general editorship of D.A. Pashentsev. M.: Institute of Legislation and Comparative Jurisprudence under the Government of the Russian Federation: INFRA-M, 2019.

УДК 304.5

ПРАКТИКИ УРЕГУЛИРОВАНИЯ ЭТНОСОЦИАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ В СИТУАЦИИ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

*Аскер Каспаров,
кандидат социологических наук
Краснодарский университет МВД России,
г. Краснодар*

Аннотация. В статье рассматриваются этносоциальные конфликты в социальных группах на примере российской полиции. Показаны возможные практики их урегулирования, начиная от традиционных, заканчивая новыми управленческими стратегиями, которые с необходимостью формируются в условиях глобальных вызовов и рисков, в ситуации неопределенности. Также акцент делается на ценностях патриотизма, которые несут определяющую нагрузку в реалиях современности, влияют на поведенческие практики и профессиональную социализацию.

Ключевые слова: этносоциальные конфликты, конфликтологический потенциал, российская полиция, патриотизм, ситуация неопределенности.

Современное российское общество, как и весь мир, в силу политических и социально-экономических причин, вот уже несколько десятилетий пребывает в состоянии противодействия новым вызовам и рискам. Одной из разновидностей риска выступает неопределенность, в которой принятие управленческих решений является ответственной и сложной задачей. Когда же речь идет о профессиональных группах, функционирующих в условиях

На наш взгляд, одним из аспектов выявления конфликтологического потенциала в полиции полиэтнического региона являются этноидентификационные маркеры, которые в той или иной степени влияют на межличностные отношения в коллективе. В связи с этим была проанализирована специфика этнической идентичности и ее проявления в профессиональной деятельности сотрудников полиции.

В анкетном опросе, проведенном нами среди сотрудников подразделений органов внутренних дел Республики Адыгея, содержался ряд вопросов, касающихся этнической идентичности, влияния этнических традиций и этнической культуры в целом. Первоочередные задачи сводились к тому, чтобы, во-первых, показать особенности этностереотипов сотрудников полиции; во-вторых, выявить конфликтные зоны риска на межэтнической почве; в-третьих, определить ценностные ориентации членов коллектива; в-четвертых, показать степень открытости или локальности эмоциональных проявлений к представителям другой этнической культуры; в-пятых, проанализировать возможности внутренней политики руководства подразделений по снятию межэтнической напряженности в коллективе, если такая наблюдается[2].

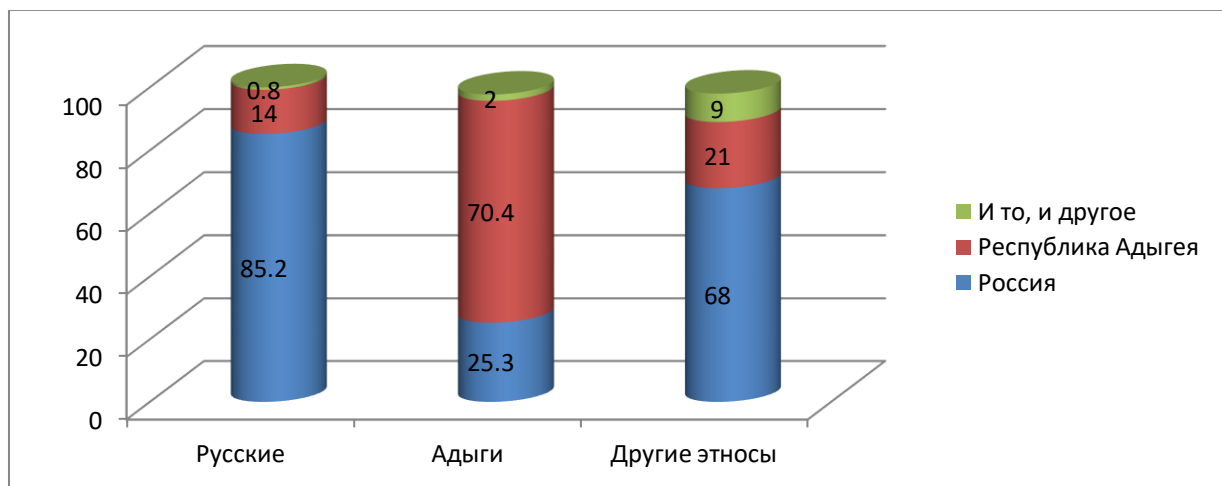
Приведем результаты, полученные при опросе сотрудников полиции русской, адыгской и армянской национальностей, поскольку, в основном, представители этих народов попали в нашу выборку. Численность

распределилась следующим образом: из 250 опрошенных – 112 русских, 77 адыгов, 63 представители других национальностей.

На первый вопрос «Что для Вас является Родиной?» ответы распределились следующим образом (диаграмма 1):

Как видим, ответы респондентов разделились. Большая часть русских и представителей других этносов выбрали вариант «Россия», при этом они также выбирали в качестве родины Адыгею. Подавляющее большинство адыгов, как и ожидалось, выбрали второй вариант. Это объясняется тем, что они живут на своей исторической родине и, таким образом, в большей степени проявляют свою этническую идентичность. Что интересно, все группы респондентов отметили и вариант третий, когда в качестве ответа выбирали и то, и другое. На наш взгляд, это может свидетельствовать о том, что в среде сотрудников полиции республики постепенно формируется общегражданская идентичность, которая занимает важное место в многоуровневой идентичности россиян[1].

Диаграмма 1. Представления о Родине

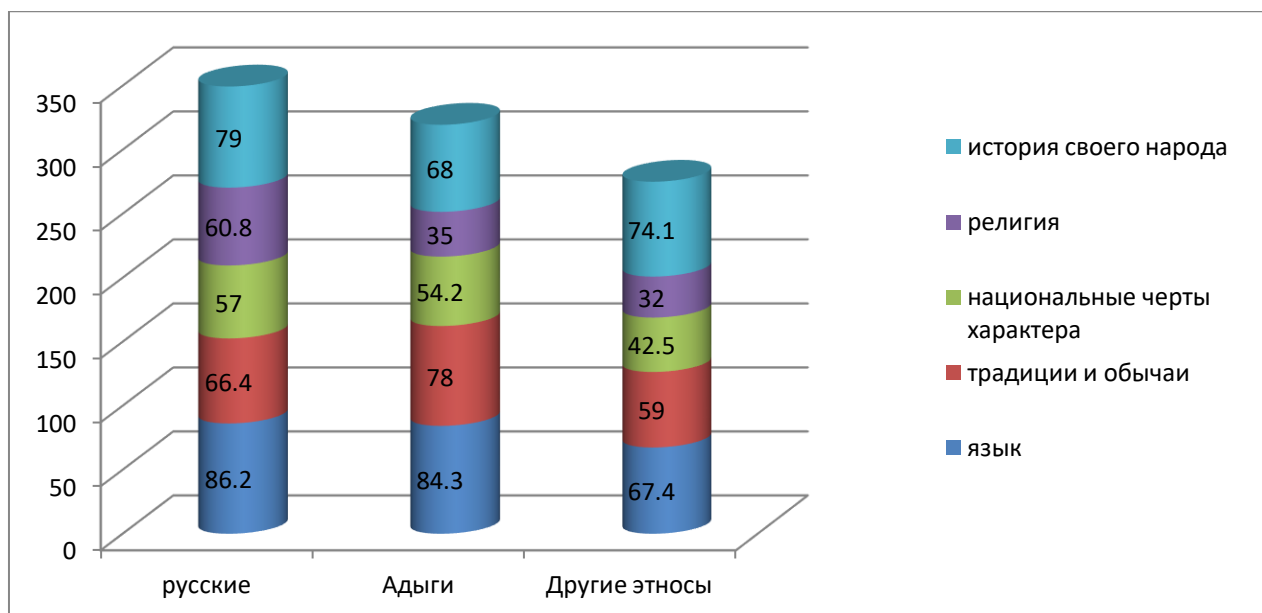

Для выяснения уровня сформированности этнической идентичности в анкету был включен вопрос «Какое значение для вас имеет принадлежность к своему этносу?». Были получены следующие ответы: 65% адыгов ответили, что этническая принадлежность имеет большое значение, при этом лишь 32% русских и 28% представителей других этносов выбрали этот вариант ответа. В

то же время 57% русских и 46% представителей других этносов ответили, что этническая принадлежность является в их жизни значимой, но не определяющей. Также стоит отметить, что 6% русских и 11% представителей других этносов выбрали вариант ответа: «не имеет никакого значения», среди адыгов этот показатель равен 1,4%. Таким образом, можно сделать вывод о том, что этническая идентичность у адыгов, являющихся сотрудниками ОВД республики, выражена гораздо сильнее, чем у сотрудников других национальностей, что, скорее всего, обусловлена обычаями и этнокультурными традициями, в которые адыги включены с самого рождения.

О более выраженной этнической идентичности у адыгов свидетельствуют и ответы на вопрос о роли этнического фактора в жизни современного человека (диаграмма 2). Так, 63% опрошенных сотрудников-адыгов считают, что современный человек обязательно должен ощущать сопричастность к своему этносу, этот вариант ответа выбрали лишь 39% русских и 49% представителей других этносов. 54% русских, участвовавших в опросе, посчитали, что на современном этапе развития общества принадлежность к той или иной национальности не имеет значения. С этим утверждением согласились лишь 24% адыгов и 28% представителей других этносов.

Диаграмма 2. Отличительные признаки этносов

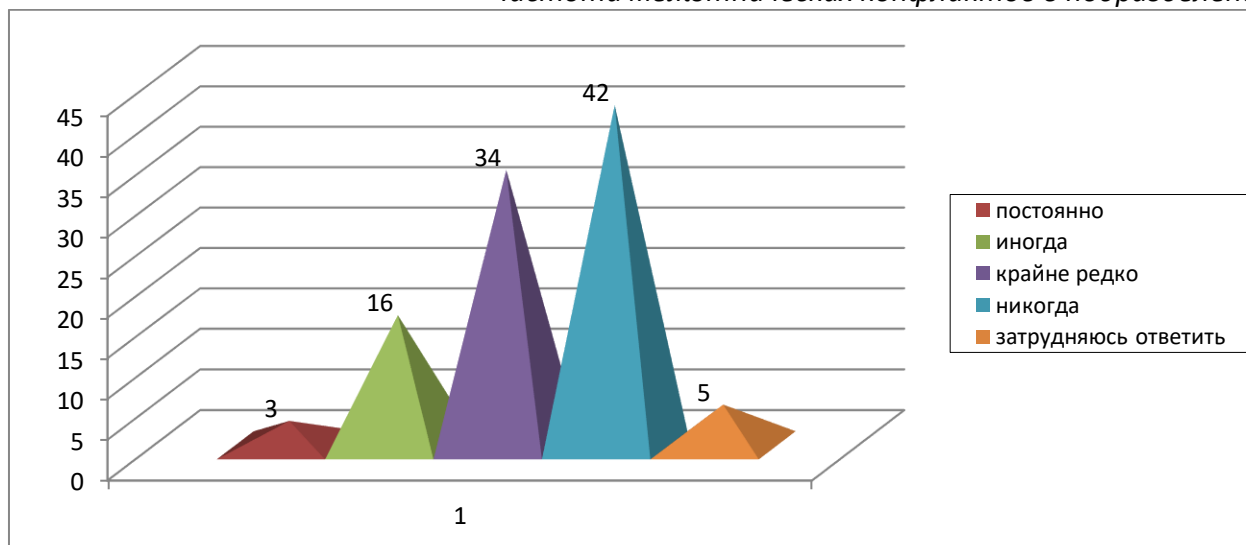
Любопытен тот факт, что все группы респондентов поставили на третье место традиции и обычаи, хотя очевидно, что в полиэтническом регионе, каким выступает Республика Адыгея, именно по этому параметру (как и по знанию родного языка), происходит этническая дифференциация.

Сохранение и следование культурным традициям этноса — одно из основных условий, при котором функционирует этническая идентичность, что видно по данным нашего эмпирического исследования.

Также можно обратить внимание и на позицию «история своего народа». Действительно, этническая история, историческое прошлое и историческая память — это те ключевые параметры, которые в значительной степени питают этническое самосознание. Возможно, с этим и связано то, что все группы респондентов выбрали эту позицию в качестве одной из ключевых.

Анкета включала вопрос о противоречиях и конфликтах в подразделениях полиции на межнациональной почве (диаграмма 3).

Диаграмма 3.
Частота межэтнических конфликтов в подразделении

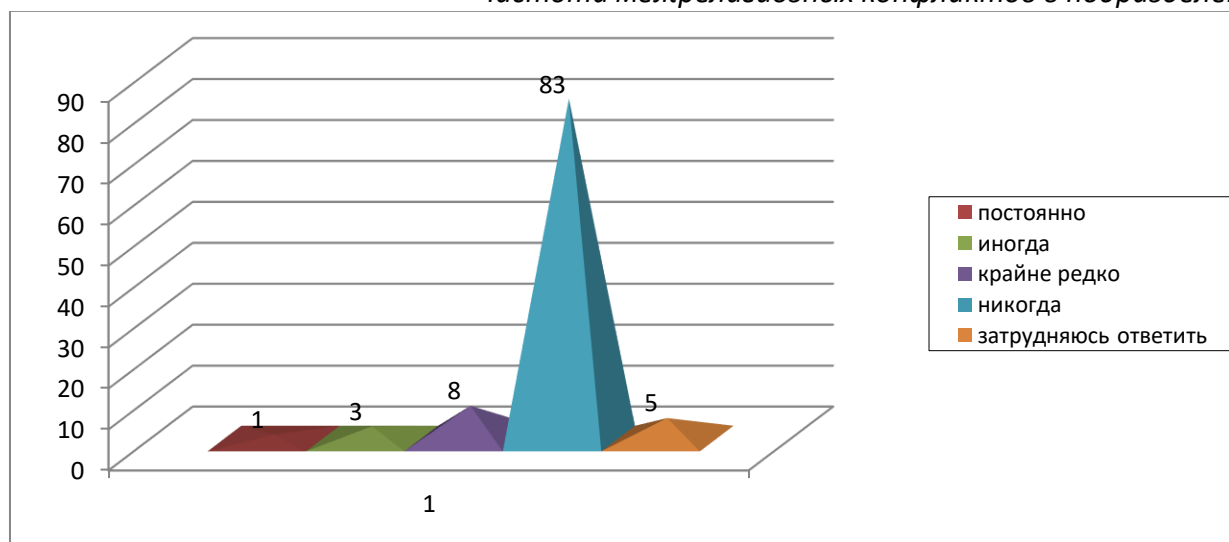

53% респондентов отмечают наличие противоречий и конфликтов в подразделениях на межнациональной почве: самое большое число ответов – «крайне редко» - выбрали 34% респондентов, 16% отметили, что противоречия и конфликты случаются иногда, постоянный характер подобных конфликтов отметили лишь 3% респондентов. При этом 42% респондентов посчитали, что в их коллективе никогда не происходит межнациональных конфликтов. На эти цифры, на наш взгляд, следует обратить руководителям подразделений полиции, поскольку специфика профессиональной деятельности сотрудников подразделений органов внутренних дел такова, что подобные конфликты недопустимы, поскольку негативным образом влияют на микроклимат в коллективах и, следовательно, на выполнение сотрудниками полиции своих служебных обязанностей.

Что касается конфликтов на религиозной почве, то подавляющее большинство респондентов – 83% - отметили, что таких конфликтов в их подразделении не случается никогда (диаграмма 4). Если добавить в качестве позитивного результата 8% респондентов, выбравших ответ «крайне редко», то можно сделать вывод, что, в отличие от межэтнических, этот вид конфликтов в подразделениях ОВД республики почти отсутствует. Эти данные имеют большое значение, поскольку Республика Адыгея представляет собой, как уже

было отмечено, не только полиэтнический, но и поликонфессиональный регион, а, соответственно, религиозная идентичность сотрудников полиции республики также достаточно разнородна.

Диаграмма 4.
Частота межрелигиозных конфликтов в подразделении

Здесь стоит привести точки зрения экспертов по этому вопросу. Так, эксперты единодушны в том, что большинство конфликтов на межнациональной почве в коллективах ОВД Республики Адыгея носят латентный характер и достаточно редко перерастают в открытое конфликтное противостояние. Уровень правовой культуры сотрудников полиции достаточен для того, чтобы потенциально конфликтное противостояние снимать на начальной стадии. По мнению экспертов, тот факт, что в республике на протяжении нескольких столетий сосуществует большое количество этнических культур, выработавших устойчивый механизм этнического согласия, толерантности и диалога, в значительной мере определяют и толерантное сознание полицейских, и ценностные установки терпимости и взаимоуважения в их личной культуре.

Примечания:

1. Жаде З.А., Куква Е.С., Ляушева С.А., Шадже А.Ю. Многоуровневая идентичность. - М.: Российское философское общество. - Майкоп: ООО «Качество», 2006. – 245 с.

2. Каспаров А.Р. Конфликтологический потенциал в российской полиции: соционормативное измерение: диссертация ... кандидата социологических наук: 22.00.04 / Каспаров Аскер Робертович; [Место защиты: Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации.], 2016.

PRACTICES FOR RESOLUTION OF ETHNO-SOCIAL CONFLICTS IN A SITUATION OF UNCERTAINTY

Asker Kasparov
candidate of sociological sciences
Krasnodar University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Krasnodar

Annotation. The article deals with ethno-social conflicts in social groups on the example of the Russian police. Possible practices for their settlement are shown, ranging from traditional to new management strategies, which are necessarily formed in the face of global challenges and risks, in a situation of uncertainty. Also, the emphasis is on the values of patriotism, which carry a decisive burden in the realities of modernity, influence behavioral practices and professional socialization.

Keywords: ethno-social conflicts, conflictological potential, Russian police, patriotism, situation of uncertainty.

References:

1. Zhade Z.A., Kukva E.S., Lyausheva S.A., Shadje A.Y. Multilevel identity. - М.: Russian Philosophical Society. - Maikop: LLC "Quality", 2006. – 245 p.

2. Kasparov A.R. Conflictological potential in the Russian police: socionormative dimension: dissertation... Candidate of Sociological Sciences: 22.00.04 / Kasparov Asker Robertovich; [Place of protection: Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.], 2016.

УДК 340

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ КАК ОСНОВА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Яна Коженко
кандидат юридических наук
Всероссийский государственный университет юстиции

Ростов-на-Дону
Надежда Лихолетова
кандидат экономических наук, доцент
Донской государственной аграрный университет
Ростов-на-Дону
Яна Зинченко, студент
Всероссийский государственный университет юстиции
Ростов-на-Дону

Аннотация: статья посвящена анализу значения духовно-нравственных ценностей и идеалов в системе национальной безопасности государства. Анализируются факторы, оказывающие влияние на духовную безопасность России как основу национальной безопасности. Рассматриваются особенности развития нормативно-правовой регламентации в сфере государственной политики по защите традиционных нравственных ценностей. Выявляются проблемы и угрозы в сфере духовной безопасности.

Ключевые слова: Традиционные ценности, духовно-нравственные идеалы, деструктивная идеология, ценностные приоритеты, национальная идея, духовная безопасность.

В ходе развития государства и общества все большую значимость обретают вопросы, связанные с духовно-нравственным развитием и духовной безопасностью. От части это происходит в связи с изменениями в социокультурных, социо-экономических и политических сферах. Исторически сложилось так, что основным фактором, восстанавливающим духовный, культурный, нравственный потенциал общества, является ни что иное, как восстановление системы духовно-нравственного воспитания. Данный феномен включает в себя базис, нравственные ценности, о которых и пойдет речь в данной статье.

Проанализируем знаменитую фразу Аристотеля: «Природа не терпит пустоты». Смысл высказывания заключается в том, что отсутствие постоянного совершенствования и применения, как основополагающего фактора, духовно-

нравственного воспитания, повлечет его спад в развитии – регресс. А этим, в свою очередь, будут пользоваться лица, преследующие корыстные цели и задачи [1]. В связи с этим может возникнуть масса проблем в современном обществе, в числе которых: полное или частичное обесценивание издавна сложившихся человеческих ценностей - составляющих нравственности. (добродетель, уважение, трудолюбие, крепкая семья, доверие, воспитанность и т.д.); неправильное понимание молодежью нравственно значимых категорий, восприятие их как развлечений; культ потребления и т. п.

Вопросам духовной безопасности во все времена уделялось особое внимание. Особое внимание вопросам национальных ценностей и их защите уделяли в своих трудах А. В. Опалев, В.К. Сенчагов, С. В. Петров, В. А. Макашев, Саидов А.Х., Кашинская Л.Ф., Гольяпина И. Ю., Жаглин А.В. и многие другие. Однако, в связи с регулярно изменяющейся законодательной базой и нестабильной геополитической обстановкой, данная тема не перестанет быть актуальной и в настоящее время.

Двадцать первый век можно смело считать переломным этапом в определении приоритетов в сфере образования и воспитания молодежи. Распространение либеральных ценностей в виде навязчивой деструктивной идеологии приводит к пагубным социальным процессам, которые негативно сказываются и отражаются на национальной безопасности [2].

Либеральная деструктивная идеология формирует у населения преимущественно потребительское понимание жизненного процесса, отказ от традиционных ценностей, формирует стремление к узкой специализации, проецирует отсутствие нравственных корней в поведенческой деятельности, формирует запрос на разрушение семьи в традиционном ее понимании, обесценивании материнства и детства. К числу наиболее опасных тенденций (представляющих угрозу духовной безопасности), доминирующих в современном обществе, относятся: настрой граждан только лишь на материальное благополучие, неограниченное богатство, стремительный

карьерный рост с игнорированием при этом духовной составляющей; потеря интереса у молодежи к семейным ценностям, игнорирование устоявшейся тенденции уважения к родителям; утрата многими людьми традиционных представлений о совести, чести, личном достоинстве, цели и смысла жизни, веры в будущее; снижение в целом понимания понятий, связанных с нравственностью, необходимостью соблюдения этических принципов и норм поведения, обращения с другими людьми.

В настоящее время духовно-нравственный кризис считается максимально актуальной и глобальной проблемой, следствием которой становится подрыв не только духовного уровня развития страны, но и национальной безопасности в целом. Еще Наполеон Бонапарт говорил: «Упадок нравов – это гибель государства как политического целого» [3]. Именно наличие сформированной и устоявшейся системы нравственных ориентиров позволит решать масштабные национальные задачи государства.

О необходимости реанимации масштабного восстановления духовно-нравственных ценностей и традиций России неоднократно в своих выступлениях указывал Президент Российской Федерации В. В. Путин: «Сегодня российское общество испытывает явный дефицит духовных скреп: милосердия, сочувствия, сострадания друг другу, поддержки и взаимопомощи, – дефицит того, что всегда, во все времена исторические делало нас крепче, сильнее, чем мы всегда гордились. Мы должны всецело поддержать институты, которые являются носителями традиционных ценностей, исторически доказали свою способность передавать их из поколения в поколение». Все это позволит решить задачи модернизации государства.

9 ноября 2022 года президент своим указом утвердил основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных духовно-нравственных ценностей. Документ определяет цели, задачи, а также инструменты по защите государством этих ценностей. Так, под традиционными ценностями сегодня понимаются нравственные ориентиры, формирующие

мировоззрение граждан России, передаваемые из поколения в поколение, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны. Считаем целесообразным согласиться с В.В. Путиным в том, что ситуация в мире требует мер защиты традиционных ценностей, поскольку они являются основой российского общества. В документе сказано, что угроза традиционным ценностям исходит от деятельности террористических и экстремистских организаций, а также от деятельности США и других недружественных стран. В этой связи, среди серьезных угроз духовной безопасности выделяется деструктивное идеологическое воздействие оказываемое на россиян (в том числе пропаганда нетрадиционных отношений, которая угрожает демографии, но органично вписывается в сервисную архитектуру либеральных систем государственного управления) [4].

Формирование образа России, как государства, которое хранит и защищает традиционные общечеловеческие ценности, является одной из целей российской государственной политики. Кроме того, считаем важным отметить в данной связи роль Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года. К ранее существовавшим ценностям была добавлена необходимость воспитания человеколюбия, воли, справедливости, совести, стремления к исполнению нравственного долга перед самим собой, своей семьей и своим Отечеством. Анализ названной Стратегии позволяет выразить ее основную идею – приоритет духовного над материальным. В документе также указывается, что одной из стратегических целей обеспечения национальной безопасности является «сохранение и приумножение традиционных российских духовно-нравственных ценностей как основы российского общества, воспитание детей и молодежи в духе гражданственности».

Таким образом, основной причиной проблем современного общества является бездуховность. Печально, что в настоящее время мы с восторгом

вспоминаем, изучаем и гордимся в основном гениями и героями прошлого. Сегодня в СМИ практически невозможно увидеть людей, на которых прежде равнялась вся страна – ученых, космонавтов, инженеров, писателей, сельских тружеников, офицеров. Напротив, наблюдается насаждение правового нигилизма, вседозволенности, культ насилия и морального уродства. Как следствие – увеличение числа сирот, обесценивание института семьи и брака, частые случаи самоубийства, аборт, криминала, коррупции, насилия и т.д. Малая часть вышеперечисленных феноменов - результат духовного кризиса, разрушения традиционных ценностей. Исходя из изложенного можно сделать вывод, что фундаментом социальной справедливости в обществе, а вместе с ней, нравственности и духовности, служат адекватные границы личного потребления для каждого гражданина в государстве. Как неотъемлемое, сюда же относится: существование надежной системы медицинского обеспечения и качественного образования. Причем, важно отсутствие деления людей в данной связи на уровни материальной обеспеченности, зависимость от места жительства и профессии и т.д. Вся политическая деятельность на всех уровнях в стране должна быть мысленно и в практических действиях четко направлена на достижение реальной и справедливой социальной системы.

Мировой опыт демонстрирует, что ставка государства в XXI в. только на экономическую мощь и военное превосходство все в большей мере показывает свою ошибочность и бесперспективность. Ведь основной работающий метод в данной связи, главный инструмент воздействия, который способен в значительной мере остановить процесс дальнейшего раскола цивилизаций, сблизить народы и страны, отличающиеся самыми различными политическими, религиозными, социальными убеждениями – нравственные, духовные ценности и приоритеты. Следовательно, необходимо сосредоточение внимания государства и общества на духовно-нравственном развитии нашего народа, защиты населения страны от развивающейся в мире русофобии. Считаем, что духовная безопасность представляет собой ядро национальной

безопасности России, требующая объединения общественных и государственных институтов, ресурсов и средств в противостоянии деструктивной либеральной идеологии.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Зеленков, М. Ю. Основы теории национальной безопасности. – М.: 2015. – С. 232-233.

2. Бонапарт, Н. Путь к империи // М. Терещина. – М.: ЭКСМО, 2014. –С. 320-322.

3. Мельников, В.Ю. Теория правовой нравственности // Российский судья. 2020. № 1. -С. 34–39.

4. Ирошников, Д. В. Система национальной безопасности в действующем законодательстве Российской Федерации // Национальная безопасность и стратегическое планирование. 2017. №4(20). -С. 43–47.

NATIONAL VALUES AS THE BASIS NATIONAL SECURITY

Kozhenko Yana Vasilyevna

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Rostov Institute (branch) VGUYU (RPA of the Ministry of Justice of Russia)

Likholetova Nadezhda Vladimirovna

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Don State Agrarian University

Zinchenko Yana Igorevna

student of the Rostov Institute (branch) VGUYU (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Rostov-on-Don, Russian Federation

Annotation: The article is devoted to the analysis of the significance of spiritual and moral values and ideals in the national security system of the state. The factors influencing the spiritual security of Russia as the basis of national security are analyzed. The features of the development of legal regulation in the field of state policy for the protection of traditional moral values are considered. Problems and threats in the field of spiritual security are identified.

Keywords: Traditional values, spiritual and moral ideals, destructive ideology, value priorities, national idea, spiritual security.

References:

1. Zelenkov M. Yu. Fundamentals of the theory of national security. - M.: 2015. - S. 232-233.
2. Bonaparte H. The path to empire // M. Tereshchina. - M.: EKSMO, 2014. - S. 320-322.
3. Melnikov V.Yu. Theory of legal morality // Russian judge. 2020. No. 1. - S. 34–39.
4. Iroshnikov DV The system of national security in the current legislation of the Russian Federation // National security and strategic planning. 2017. No. 4 (20). -FROM. 43–47.

УДК 316.7(470.62)

**МОЛОДЕЖЬ КАК СТРАТЕГИЧЕСКИЙ РЕСУРС В
ГОСУДАРСТВЕННОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ
ТРАНСФОРМИРУЮЩЕЙСЯ РОССИИ**

Ольга Кускарова

*кандидат социологических наук
Адыгейский республиканский институт
гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева
Майкоп*

Аннотация. В статье анализируется роль молодежи в общественной жизни трансформирующейся России. Автор отмечает, что необходимо рассматривать молодое поколение как гарант будущего и как общий стратегический ресурс самосохранения и развития социума, как ресурс национального выживания и развития страны. Также проведен анализ нравственно-ценностных аспектов в понимании молодежи, подчеркивается необходимость использования диалогических форм общения между людьми в контексте становления глобального общества.

Ключевые слова: молодежь, общество, ценности, социализация личности, духовность, нравственность.

Новый этап в развитии российского общества сопровождается процессами социальной, политической, духовной трансформации. Системный кризис, затронувший социальную структуру российского общества с началом перестройки и усугубившийся в связи с переходом к рыночной экономике, закономерно привел к смене социальных ориентиров, переоценке традиционных ценностей. Особую остроту сегодня приобретает изучение изменений, происходящих в сознании современной молодежи, так как именно во время переломов, смены направленности и темпов социального развития, изменения общественного и государственного устройства наиболее сильно проявляются изменения в характере межпоколенческих взаимодействий, в содержании внутригрупповых отношений, в существе норм, регулирующих ценностные ориентации, жизненные планы, поведение молодых людей. По-новому встают вопросы социализации, становления и развития молодого поколения.

Молодежь живет в общем социальном и культурном пространстве и поэтому кризис общества и его основных институтов наиболее остро отразился на молодом поколении. Численность молодежи России сокращается, общество стареет, возрастает социально-экономическая нагрузка на рабочее место в целях обеспечения жизни всех поколений. По данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Адыгея, в регионе, как и во многих других субъектах Российской Федерации, происходит старение населения. В 2020 году общая численность населения Республики Адыгея составила 463088 человека (2019 год – 454744 человек). Возрастной состав населения характеризуется преобладанием лиц старших возрастных групп, что является признаком демографически «старого» типа населения. Каждый четвертый житель республики (112,6 тыс. человек на 1 января 2022 года) – в пенсионном возрасте. Согласно международным критериям, население считается старым, если доля лиц в возрасте 65 лет и старше во всем населении превышает 7%. В настоящее время каждый седьмой

житель Адыгеи (65,9 тыс. человек или 14,6%), находится в возрасте 65 лет и старше. Процесс демографического старения населения в гораздо большей степени характерен для женщин. В структуре населения вышеуказанных возрастов женщины составляют более двух третей 43,3 тыс. человек (65,7%), мужчины – 22,6 тыс. человек (34,3%). Средний возраст населения в возрасте старше трудоспособного составил – 68,86 лет (мужчины – 69,90, женщины – 68,40). Численность детей и подростков до 16 лет на 27,6 тыс. человек, или на 24,5% меньше, чем лиц старше трудоспособного возраста. Население в возрасте 0-15 лет на протяжении почти тридцати лет (1990-2016 гг.) сокращалось. На начало 2016 г. вследствие роста числа родившихся численность этой возрастной группы несколько увеличилась – на 1,9 тысячи человек, или на 2,3%, на начало 2020 г. – на 2,9 тысячи или 3%. В 2020 г. население от 0 до 17 лет составили 21,8% от общего числа жителей республики. Численность населения в трудоспособном возрасте плавно снижается, по сравнению с началом 2020 г. она снизилась на 2,1 тыс. человек или на 0,9% (в 2019 г. на 1,2 тыс. человек или 0,8%) и к началу 2021 г. составила 251,6 тыс. человек или 55,5%. Средний возраст населения в трудоспособном возрасте – 37,08 лет (мужчины – 37,99, женщины – 36,09). Этот процесс – старение населения – вызывает тревогу [1].

Каждое новое поколение молодежи менее здорово, чем предыдущее и вследствие этого под угрозой оказывается генофонд нации, снижается интеллектуальный потенциал молодежи. Вместе с этим снижаются инновационные возможности общества, происходит разрушение духовных и нравственных ценностей значительной части молодежи, молодежь все более криминализируется, нарастают пьянство, алкоголизм, наркомания, проституция.

Специфика положения молодежи в обществе определяется тем, что молодежь только вступает в трудовую и общественную жизнь, она еще не полностью включена, менее интегрирована в существующие социально-

экономические процессы и это не позволяет ей ощутить всю полноту общественных взаимодействий и ограничивают ее потенциал. Но в то же время молодое поколение легче воспринимает переломные эпохи и именно это создает возможности для выбора темпа и направленности вхождения молодежи в государственную и общественную жизнь. Именно это обстоятельство является основой ее инновационной деятельности, ее творческого вклада в развитие общества. Вероятность реализации той или иной концепции развития России в значительной степени зависит от того, насколько она поддерживается молодым поколением, его созидательной активностью, каков образ мыслей и жизни молодых людей [2].

Вместе с тем, решение проблем молодежи как приоритетное направление функционирования российского общества находится еще только в стадии формирования. Не стоит надеяться на то, что все проблемы молодежи сами по себе разрешатся в связи с развитием макроэкономических процессов. Молодежь и ее энергия – это не просто ресурс в грандиозной гонке наций на выживание, но это еще и стратегический ресурс, поскольку потеря молодежи – это потеря всего, что данным обществом было веками накоплено и собрано. Поэтому необходимо развернуть на всех уровнях разнообразные структуры государственной молодежной политики, которые не будут считаться обузой для бюджета страны, региона или города. Необходимо рассматривать молодое поколение как гарант будущего и как общий стратегический ресурс самосохранения и развития социума, как ресурс национального выживания и развития страны.

В целом, современную российскую молодежь сегодня можно охарактеризовать, как социальную группу, не полностью интегрированную в систему сложившихся общественных и экономических связей и отношений, с отлаженным гибким статусом и большим количеством степеней свободы, нежели обязанностей, патронируемую обществом и государством [3].

Необходимость осмысления проблем о месте и роли молодежи в изменяющемся российском обществе является условием выживания общества, поскольку именно молодежь, как особая социальная группа является чутким индикатором происходящих перемен и определяет в целом доминирующую перспективу трансформационных процессов и потенциал развития общества [4]. Молодежь – это будущее общества, его будущее состояние. Но будущее общество можно увидеть в том новом поколении, которое уже актуально существует и активно проявляет себя в настоящем времени. Таким образом, молодежь необходимо оценивать как органическую часть современного общества, несущую особую, незаменимую другими социальными группами, функцию ответственности за сохранение и развитие нашей страны, за преемственность ее истории и культуры, жизнь старших и воспроизводство последующих поколений. Отсутствие должного внимания к молодежи создает ситуацию, угрожающую существованию не только современного российского государства и общества, но и лишаящую перспектив существования цивилизации и культуры России в целом [4].

Осмысливая роль и значение молодежи в качестве объекта национально-государственных интересов, одного из главных факторов обеспечения развития российского общества в новых экономических условиях, политика государства по отношению к молодежи должна обеспечивать:

- стратегическую преемственность поколений; сохранение и развитие национальной культуры, воспитание у молодежи бережного отношения к историческому и культурному наследию народов России; формирование культуры мира и культуры межнациональных отношений, предполагающих национальную и религиозную терпимость, уважительное отношение к языкам, традициям и культуре других народов, толерантность к духовному мнению, умение искать и находить содержательные компромиссы;

- становление патриотов России, граждан демократического государства, уважающих права и свободы личности, использующих

возможности правовой системы, обладающих высокой государственностью и умением отстаивать свои права;

- формирование у молодежи целостного миропонимания и современного научного мировоззрения;

- становление у молодых граждан положительной трудовой мотивации, высокой деловой активности, успешного владения основными принципами профессионализации, навыков эффективного поведения на рынке труда;

- освоение молодыми людьми разнообразных социальных навыков и ролей, ответственности за собственное благосостояние и состояние общества, развитие культуры их социального поведения с учетом открытости общества, его информатизации, роста динамичности изменений [5].

Для укрепления позитивных тенденций в молодежной среде позиция государства по отношению к молодежи должна быть сориентирована на поддержку и содействие реализации гражданских инициатив, участие в общественно значимой и социально полезной деятельности в сочетании с необходимыми мерами социальной защиты. Условием становления ответственности молодых за будущее страны является расширение участия молодежи в демократическом развитии общества, расширение прав молодых граждан в политической и экономической областях и обеспечение их представительства на всех уровнях принятия решений. Только в этих условиях молодежь как объект и субъект культуротворческой деятельности станет реальной общественной силой, способствующей прогрессивному общественному развитию.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Управление Федеральной службы государственной статистики по Краснодарскому краю и Республике Адыгея https://krsdstat.gks.ru/population_ra // дата обращения 13.02.2023.

2. Гурова, Р. Г. Современная молодёжь: социальные ценности и нравственные ориентации // Педагогика 2000. №10.

3. Лисовский, В.Т. Духовный мир и ценностные ориентации молодежи России: Учеб. Пособие. – СПбГУ, 2000.
4. Молодежь: тенденции социальных изменений: Сб. статей. СПбГУ, 2000.
5. Чупров, В.И., Зубок, Ю.А. Молодежь в общественном воспроизводстве: проблемы и перспективы. М., 2000.

YOUTH AS A STRATEGIC RESOURCE IN THE STATE AND PUBLIC LIFE OF A TRANSFORMING RUSSIA

KUSKAROVA O. I.

Candidate of Sociological Sciences,
Senior Researcher of the Department of Philosophy and Sociology,
Adygeya Republican Institute
humanitarian research named after T. M. Kerashev, Russia, Maykop,
385000, Republic Of Adygea,
Maykop, Krasnooktyabrskaya str., 13.
Telephone: +79284647981
e-mail: olga.kuskarova.81@mail.ru

Abstract. The article analyzes the role of youth in the public life of a transforming Russia. The author notes that it is necessary to consider the younger generation as a guarantor of the future and as a common strategic resource for self-preservation and development of society, as a resource for national survival and development of the country. The analysis of moral and value aspects in the understanding of youth is also carried out, the need for the use of dialogical forms of communication between people in the context of the formation of a global society is emphasized.

Keywords: youth, society, values, socialization of personality, spirituality, morality.

References

1. Department of the Federal State Statistics Service for the Krasnodar Territory and the Republic of Adygea https://krsdstat.gks.ru/population_ra // date of access 13.02.2023.
2. Gurova, R. G. Modern youth: social values and moral orientations // Pedagogy 2000. No. 10.
3. Lisovsky, V.T. Spiritual world and value orientations of the youth of Russia: Proc. Benefit. - St. Petersburg State University, 2000.
4. Youth: trends in social change: Sat. articles. St. Petersburg State University, 2000.

5. Chuprov, V.I., Zubok, Yu.A. Youth in social reproduction: problems and prospects. M., 2000.

УДК 342.55

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ ЭКОНОМИКОЙ

***Зара Мамишева**
кандидат юридических наук, доцент
Адыгейский государственный университет
Майкоп*

Аннотация. В статье рассматривается теоретико-правовой подход к оценке эффективности государственного управления национальной экономикой России в период углубления и обострения противоречий. Обоснована необходимость изучения правовых аспектов такой оценки через призму конституционных положений о правовом и социальном характере Российского государства и наличия взаимосвязи между эффективной экономической системой и общественным благополучием.

Ключевые слова: государственное регулирование, национальная экономика, оценка эффективности, теоретико-правовой подход.

На протяжении последних тридцати лет Россия, опираясь на мировой и собственный опыт, планомерно выстраивала национальную систему государственного управления. Политико-правовая система страны строилась на принципах и правовых нормах, заложенных в Конституции 1993 года и уточненных конституционной реформой 2020 года. Нарастающая геополитическая нестабильность, в начале 2022 года сменившаяся настоящим

геополитическим штормом, стала масштабным вызовом для устойчивости Российского государства, его способности сохранить самостоятельную и конкурентоспособную суверенную экономику и систему публичной власти.

В этой связи важнейшим фактором преодоления возникших проблем является слаженное и эффективное функционирование всего механизма государственного управления в целом и в сфере государственного управления национальной экономикой, в частности.

Целью исследования является концептуальное обоснование необходимости и правомерности применения института оценивания эффективности государственного управления национальной экономикой, находящейся под прессом санкций, вызванных тектоническими сдвигами в современной геополитике, со стороны государственных органов власти и общественных институтов.

В условиях протекающего в настоящее время геополитического кризиса невиданной силы, вовлекшего в свою орбиту множество стран и повлекшего за собой введение огромного количества рестрикций в отношении нашей страны, наибольшей деформации подверглась экономическая система Российской Федерации, что потребовало мгновенной и адекватной реакции со стороны органов публичной власти на всех уровнях управления: федеральном, региональном и муниципальном.

Российская система государственного управления национальной экономикой, показав завидную устойчивость и эффективность, в сжатые сроки предложила и реализовала не только отдельные меры, а полноценную государственную политику, направленную на стабилизацию экономики, организацию ее функционирования на основе новых, беспрецедентно жестких требований. Россия и мир в целом вошли в новую геополитическую эпоху, в которой потребность в качественном государственном управлении экономической сферой жизнедеятельности общества не только не снизиться, но

и, наоборот, многократно возрастет в ближайшие годы. Это, тем более важно, что между эффективно функционирующей национальной экономикой и социальным благополучием населения существует очевидная прямая связь. Также, закономерно возрастает потребность со стороны общества и самого государства во всесторонней, объективной и быстрой оценке эффективности государственного управления экономическими процессами и отношениями.

В соответствии с Конституцией, Российская Федерация является правовым (статья 1) и социальным (статья 7) государством, поэтому проводимая им экономическая политика не может оцениваться без привязки к тем или иным правовым нормам [3]. В многочисленных работах, касающихся политико-правовых теорий государства, исследуются различные аспекты правового регулирования деятельности государства, но практически не уделяется внимание оценке эффективности государственного воздействия на экономические процессы, явления и отношения, как на национальном, так и на мезо- и микроуровнях.

На наш взгляд, в сложившихся условиях назрела необходимость изучения правовых аспектов оценки эффективности государства в решении задач по управлению экономической ситуацией в стране. В современной отечественной теории государства и права необходимо разработать концептуальную модель такой оценки. Как правило, ученые-теоретики сосредотачивают свое внимание на исследовании наиболее общих вопросов организации и функционирования государства, теории социального государства, «силовых» функций государства [1, с. 45]. Однако, современное понимание государства куда более сложное и многогранное. Российское государство как субъект, безусловно функционирующий в правовой сфере и имеющий широкий спектр, юридически закрепленных обязательств перед своими гражданами и их группами, требует перманентного совершенствования своей внутренней структуры и

организации, тонкой настройки функций, с учетом изменяющихся внешних и внутренних факторов.

В этой связи в отечественной юридической науке возникает задача, связанная с разработкой новых подходов к государственному строительству, совершенствованию механизма государственного управления, в которых оценка эффективности управленческих воздействий органов публичной власти, в том числе на экономические явления и процессы, должна рассматривается через призму обеспеченности соответствующими правовыми нормами и непрерывного осуществления на основе тесного взаимодействия властных и общественных институтов, бизнес-сообщества.

Использование теоретико-правового подхода к исследованию государственного управления национальной экономикой позволяет понимать его как всеобъемлющее и комплексное воздействие государства на экономические явления, процессы и отношения. Это, в свою очередь, дает возможность, отказаться от сугубо экономического подхода к определению эффективности такого воздействия, который подразумевает под эффективностью лишь соотношение результатов к затратам на их достижение.

С точки зрения теоретико-правового подхода, эффективность государственного управления национальной экономикой характеризуется достигнутым, не противоречащим установленным правовым нормам способом, уровнем выполнения зафиксированных в юридической форме целей и задач государственной экономической политики. При этом его величина находится в прямой зависимости от следующих факторов [2]:

- юридической силы акта, закрепляющего цели государственного воздействия на ту или иную сферу национальной экономики;
- экономической значимости результатов государственного воздействия;

- достаточности задействованных организационных, цифровых, трудовых, финансовых, материально-технических и иных ресурсов.

В качестве главной цели развития национальной экономики, выступает удовлетворение постоянно растущих потребностей общества, несмотря на текущие сложные внешние и внутренние императивы.

Эффективность государственного управления национальной экономикой зависит от обеспеченности данного процесса нормативными правовыми актами, определяющими компетенцию и ответственность органов государственной власти в данной области [1]. Важно, чтобы нормативные правовые акты удовлетворяли следующим требованиям:

- необходимо обеспечить сопряжение целей и задач, указанных в отраслевых нормативных правовых актах с целями и задачами, закрепленными в нормативных правовых актах и документах стратегического планирования общегосударственного характера;

- соблюдение иерархии целей и задач государственного управления экономическими процессами по уровням управления (федеральному, региональному, муниципальному);

- соответствие функций, зон ответственности и полномочий органов государственного управления целям и задачам, установленным в соответствующих нормативных правовых актах.

Имеющиеся в отечественной научной литературе подходы к оценке эффективности государственного управления можно сгруппировать по нескольким критериям (рис. 1):

Рисунок 1 – Классификация подходов к оценке эффективности государственного управления

Данная классификация также может успешно использоваться в концепции оценки эффективности государственного управления национальной экономикой. Каждому виду оценки присущи собственная методика и набор конкретных критериев и показателей.

Поскольку, оценка эффективности государственного управления национальной экономикой, на наш взгляд, должна представлять собой последовательный целенаправленный процесс, ее практическое осуществление может включать в себя следующие этапы (рис. 2):

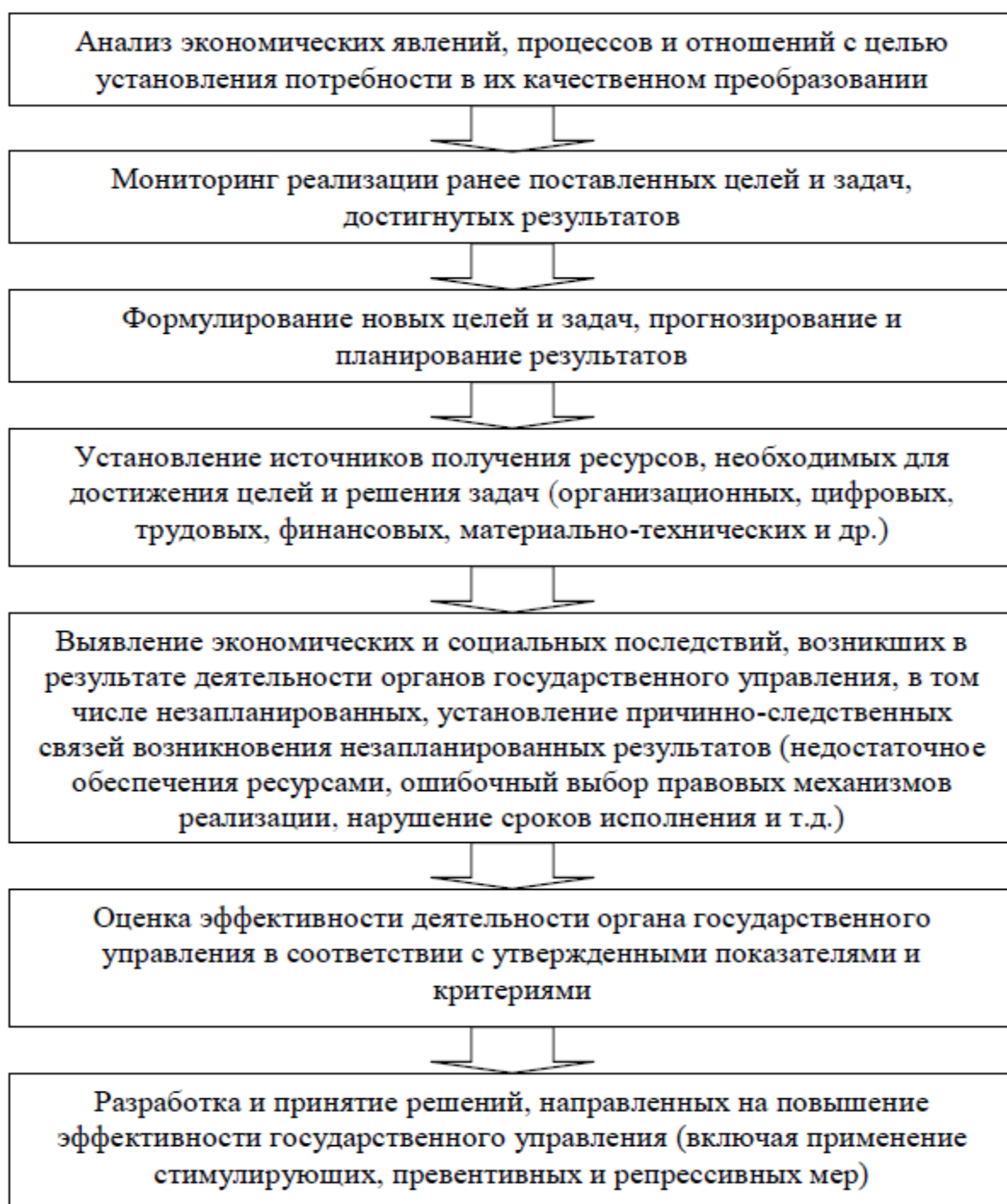

Рисунок 2 – Этапы оценки эффективности государственного управления национальной экономикой

Результаты оценки эффективности государственного управления национальной экономикой в современных условиях, когда геополитические

потрясения стали причиной переосмысления и трансформации экономических законов, процессов и механизмов, должны обладать не только информационно-аналитической, но и правовой ценностью. Это необходимо для того, чтобы на их основе разрабатывать и принимать на государственном уровне управленческие решения такого качества, которые бы не только содействовали стабилизации экономической ситуации в стране, но и стимулировали дальнейшее экономическое развитие, формирование новых эффективных экономических механизмов, взамен разрушенных.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. *Айтбаева Ж.С.* К вопросу о теоретико-правовых основах оценки эффективности государственного управления в социальной сфере / Ж.С. Айтбаева, А.С. Калмаматова // Вестник Российского государственного социального университета. 2020. № 1. С. 45-49.
2. *Еремина О.Ю.* Теоретико-правовые основы оценки эффективности государственного управления в социальной сфере: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2020. 27 с.
3. Конституция Российской Федерации с последними изменениями на 2022 год. М.: Эксмо, 2022. 32 с.

LEGAL ASPECTS OF THE EFFECTIVENESS OF STATE MANAGEMENT OF THE ECONOMY

Zara A. Mamisheva
Candidate of Law, Associate Professor
Maikop, Russia

The article considers a theoretical and legal approach to assessing the effectiveness of public administration of the national economy of Russia in the period of deepening and aggravation of contradictions. The necessity of studying the legal aspects of such an assessment through the prism of constitutional provisions on the legal and social nature of the Russian state and the existence of a relationship between an effective economic system and public well-being is substantiated.

Keywords: state regulation, national economy, efficiency assessment, theoretical and legal approach.

References:

1. *Aitbayeva Zh.S.* K voprosu o teoretiko_pravovih osnovah ocenki effektivnosti gosudarstvennogo upravleniya v socialnoi sfere [On the issue of theoretical and legal foundations for assessing the effectiveness of public administration in the social sphere] / Zh.S. Aitbayeva, A.S. Kalmamatova // Bulletin of the Russian State Social University. 2020. No. 1. P. 45-49.

2. *Eremina O.Yu.* Teoretiko_pravovie osnovi ocenki effektivnosti gosudarstvennogo upravleniya v socialnoi sfere [Theoretical and legal foundations for assessing the effectiveness of public administration in the social sphere]: abstract. diss. ... cand. jurid. M., 2020. 27 p .

3. Konstituciya Rossiiskoi Federacii s poslednimi izmeneniyami na 2022 god [The Constitution of the Russian Federation with the latest amendments for 2022]. Moscow: Eksmo, 2022. 32 p.

УДК 32.019.51

СЕТЕВЫЕ КОММУНИКАЦИОННЫЕ СТРАТЕГИИ ПОЛИТИКОВ В СЕТИ «ВКОНТАКТЕ» КАК МЕХАНИЗМ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТИ РЕГИОНА

Елена Матвеева

доктор политических наук, доцент

Кузбасская государственная сельскохозяйственная академия

Кемерово

Александр Митин

кандидат политических наук, доцент

Кемеровский государственный университет

Кемерово

Алиса Алагоз

старший преподаватель

Кузбасская государственная сельскохозяйственная академия

Кемерово

Аннотация. В статье уделяется внимание вопросу выявления зависимости коммуникационных стратегий, используемых региональными

политиками, с обеспечением стрессоустойчивости региональной системы политической власти. Коммуникационные стратегии рассмотрены как формы речевого поведения и как каналы «обратной связи» на примере глав исполнительной власти Новосибирской области и Кемеровской области-Кузбасса.

Ключевые слова: коммуникационные стратегии, типологии коммуникационных стратегий, политики, пользователи сетей, социальная сеть «ВКонтакте», стрессоустойчивость, регион.

В последние годы вопросы коммуникаций в новых медиа приобретают все большую практическую значимость, что обуславливает, в частности, рост количества публикаций, имеющих отношение к данному явлению. В частности, в последние несколько лет появились ряд исследований, в которых делается попытка систематизации зарубежных и российских типологий коммуникационных стратегий, применяемых в российском политическом пространстве [1, 7, 9]. В рамках данного исследования авторы ставят цель рассмотреть коммуникационные стратегии глав регионов Сибирского федерального округа на примере губернаторов Новосибирской области и Кемеровской области-Кузбасса через призму обеспечения стрессоустойчивости региональных политических систем. В качестве источника информации была определена сеть «ВКонтакте», которая выступает официальным политическим ресурсом коммуникации политиков и государственных гражданских служащих с пользователями сетей. Необходимо отметить, что выбор глав был обусловлен степенью медийности политиков согласно открытым данным системы аналитики социальных сетей и СМИ «Медиалогии».

Прежде чем перейти к рассмотрению коммуникационных стратегий глав регионов остановимся на определении коммуникационной стратегии и типологиях стратегий, представляющий интерес для оценки коммуникационных стратегий медиаактивных глав регионов в контексте обеспечения стрессоустойчивости региональной политической системы.

Применительно к пониманию самой стратегия важное место занимают три составляющие: формулировка цели, исходя из поставленной проблемы, конструирование как способ преобразования, определение неких принципов и норм, которые позволяют изменить ситуацию.

За основу определения коммуникативной стратегию возьмем определение, предложенное В. Б. Кашкиным, согласно которому под коммуникативной стратегией следует рассматривать некую часть коммуникативного взаимодействия, где для решения определенной поставленной цели применяется комплекс вербальных и невербальных средств [5, с. 14].

В качестве одной из классических типологий коммуникативных стратегий выступает типология, разработанная Б. ван Рулером. Отметим, что данная типология стала одной из первых, заложив основы для дальнейших попыток типологизаций с преобладанием экономических, филологических, психологических, политических и иных факторов. По Б. ван Рулеру стратегии необходимо разделять на четыре группы: информирования, убеждения, диалога и формирования согласия. Каждая из них ориентирована на решение определенного круга задач при выстраивании коммуникации в рекламе и связях с общественностью, пропаганде, формировании онлайн-документов (пресс-релизов) [10].

Среди современных типологий, разработанных российскими учеными, можно встретить совершенно разные основания к типологизации коммуникационных стратегий для анализа субъектов политического процесса, однако с превалированием в них дискурсивного подхода и анализа процесса коммуникации с помощью единиц речевого взаимодействия (например типологии А. И. Башук, В. С. Григорьевой, С. А. Дацук, Е. И. Шейгал и др.) [2, 3, 4, 8].

В. С. Григорьева, делая акценты на сфере общения и формах коммуникации, выделяет интерактивные стратегии, интерпретативные

стратегии и руководящие стратегии, каждая из которых учитывает фактор коммуникации между объектом и субъектом коммуникативного взаимодействия [3, с. 134].

Представляет интерес типология С. А. Дацюк, который не просто выделяет несколько типов стратегий (презентационные, манипулятивные и конвенциональные), но и предлагает ранжировать их между собой в зависимости от степени открытости и способам коммуникации на пассивную, активную и интерактивную [4].

По мнению А. И. Башук, коммуникативные стратегии следует рассматривать как часть политического ритуала. Она выделяет два основных вида стратегий (контекстуальные и семантико-психологические), которые, в свою очередь, разделяются на ряд подвидов. Первые, контекстуальные, связаны с социополитическим контекстом речи политика и представлены следующими стратегиями: государственности, посвящения, декларации общих целей, официального дискурса и свободной референции. Вторые, семантико-психологические стратегии, направлены на анализ лингвистической структуры предложений, отдельных слов и словосочетаний как системы взглядов и убеждений политиков. К ним относятся стратегии единства, ответственности, «светлого» будущего, декларации новых политических принципов [2, с. 168-169].

Представленный обзор отдельных типологий коммуникативных стратегий показывает, что в качестве основания концептуализации стратегий учеными берутся за основу формы коммуникации с аудиторией, в отдельных случаях учитываются степень открытости и способы коммуникации.

При обосновании стратегий, применяемых главами регионов Сибирского федерального округа авторы учитывали не только речевое поведение, но и успешность реализации стратегии через каналы «обратной связи». В этой связи авторы основываются на предложенной теории коммуникативных стратегий О. Н. Паршиной, включающей в себя четыре вида

стратегий (имиджевая, стратегия удержания власти, убеждения, борьбы за власть), которые, в свою очередь, разбиваются на подвиды и технологии реализации стратегий. Так, например, в рамках имиджевой стратегии в качестве подвида названа стратегия самопрезентации, а в рамках стратегии удержания власти предложены информационно-интерпретационная стратегия и стратегия формирования эмоционального настроения адресата [6].

Применительно к определению типов коммуникативных стратегий, применяемых главами рассматриваемых регионов, то результаты анализа постинга аккаунтов показали, что глава Новосибирской области Андрей Травников использует информационно-интерпретационную стратегию, а глава Кемеровской области-Кузбасса Сергей Цивилев опирается на две стратегии – имиджевую и удержания власти, что позволяет ввести новый вид стратегии – «прагматической» стратегии. Подобные отличия вызваны прежде всего разными целями коммуникативных стратегий политиков. Для губернатора Андрея Травникова важное место занимает информационное сопровождение своей деятельности, что показывает постинг его аккаунта в сети «ВКонтакте». В частности, в постах Андрея Травникова много внимания уделяется информированию пользователей сети о встречах главы региона с парламентариями регионального уровня власти и депутатами от региона в Государственной думе, волонтерами, участием в награждение победителей и призеров региональных конкурсов, открытию социально-значимых объектов и др. событиям.

В свою очередь, цель стратегии Сергея Цивилева более ситуативная и определяется текущими задачами как федеральной, так и региональной политической повестки. Особенностью коммуникационной стратегии главы Кузбасса является сочетание в работе главы региона одной центральной задачи и несколько не менее значимых задач, направленность которых может полностью не совпадать с главной сверхзадачей. Так, в качестве центральной задачи в 2021 г. стала подготовка региона к празднованию 300-летия Кузбасса,

а уже в 2022 г. новым ориентиром становится подготовка региона к празднованию 400-летия со дня вхождения Горной Шории в состав России в 2025 г. На этом фоне решается круг других не менее значимых задач – воздвигаются новые социально значимые объекты в муниципальных образованиях региона, проводятся крупные спортивные мероприятия и культурные проекты.

Относительно каналов «обратной связи» отметим, что глава Новосибирской области и глава Кузбасса оставляют на своих страничках возможность пользователями сети «ВКонтакте» написать комментарий, отметить лайком понравившийся пост или сделать репост поста. Сопоставление данных по репостам, комментариям и лайкам за 2021 и 2022 гг. показало численный рост всех показателей. При этом, если у Андрея Травникова по общей сумме показателей каналы «обратной связи» в целом уступают Сергею Цивилеву, то по количественному приросту за последние два года наблюдается существенный рост (табл. 1).

Таблица 1. Каналы «обратной связи» А. Травникова и С. Цивилева в сети «ВКонтакте»

Губернатор	2021			2022		
	Лайки	Комментарии	Репосты	Лайки	Комментарии	Репосты
А. Травников	9 338	2 278	648	50 839	6 4216	2 866
С. Цивилев	49 469	22 403	4 335	180 211	37 261	15 303

Однако независимо от выбранной коммуникационной стратегии и форм «обратной связи» каждая стратегия рассмотренного политика направлена на обеспечение стрессоустойчивости и адаптивности региональной политической системы к различного рода рискам, в качестве которых могут выступать как незначительные негативные события, так и заметные резонансные факторы,

способные приводить к смене руководства региона (назначение врио главы региона в 2018 г. С. Цивилева стало результатом трагических событий в ТЦ «Зимняя вишня», повлекших отставку бывшего руководителя региона А. Тулеева).

Подводя итог, отметим, что оба политика, опираясь на разные стратегии коммуникации с населением через социальные сети, ориентированы в своем постинге на укрепление устойчивости региональной власти и своего собственного политического имиджа. Однако выбор главой Кузбасса С. Цивилевым «прагматической» стратегии, не всегда может быть оправдан в полной мере с позиции устойчивости политической системы в силу лавирования в рамках выбранных стратегий между интересами федеральной власти, региональными элитами и населением. Полагаем, что такой выбор усложняет задачу главе региона по обеспечению устойчивости региональной системы власти и скорее всего стал следствием поиска собственного политического стиля управления регионом. Полагаем, что в перспективе глава Кузбасса сделает выбор в пользу одной из используемых стратегий (скорее всего информационно-интерпретационной стратегии), что позволит укрепить и собственный политический имидж, и устойчивость всей вертикали власти в регионе.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Андреева, В. Ю. Проблема коммуникативной стратегии и тактики: подходы к пониманию и история изучения вопроса // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2015. № 2 (15). С. 21-29.

2. Башук, А.И. Коммуникативно-стратегический анализ политического текста // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология». 2006. Т. 19 (58). № 2. С. 9-45.

3. Григорьева, В. С. Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагмалингвистический и когнитивный аспекты: монография. Тамбов: Тамб. гос. техн. ун-та. 288 с.

4. Дацюк, С. А. Коммуникационные стратегии. Центр гуманитарных технологий. 1999. URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2006/2751> (дата обращения: 24.02.2022).
5. Кашкин, В. Б. Введение в теорию коммуникации. Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2000. 175 с.
6. Паршина О. Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России: автореф. дис. ... доктора филологических наук. Саратов, 2005. 48 с.
7. Фатьянова, И. В. Коммуникативные стратегии и тактики в современном англо-американском политическом дискурсе // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. 2019. № 2. С. 40-47.
8. Шейгал, Е. И. Невербальные знаки политического дискурса // Основное высшее и дополнительное образование: проблемы дидактики и лингвистики. Волгоград, 2000. Вып. 1. С. 157-161.
9. Шилова, В. А., Угринович, Д. А. Классификация коммуникативных стратегий в процессе реализации управленческих решений // Социологическая наука и социальная практика. 2018. Т. 6. № 4 (24). С. 84-94.
10. Ruler van B. The communication grid: an introduction of a model of four communication strategies // Public Relations Review. 2004. № 30. Pp. 123-143.

NETWORK COMMUNICATION STRATEGIES OF POLITICIANS IN THE SOCIAL NETWORK «VKONTAKTE» AS A MECHANISM OF STRESS RESISTANCE OF THE REGION

Elena Viktorovna Matveeva
Mitin Alexander Alexandrovich
Alagoz Alice Vladimirovna

Annotation. The article focuses on the issue of identifying the dependence of communication strategies used by regional politicians with ensuring the stress resistance of the regional system of political power. Communication strategies are considered as forms of speech behavior and as channels of «feedback» on the example of the heads of the executive authorities of the Novosibirsk region and the Kemerovo region-Kuzbass.

Keywords: communication strategies, typologies of communication strategies, politicians, network users, «VKontakte» social network, stress tolerance, region.

References

1. Andreeva, V. Yu. The problem of communicative strategy and tactics: approaches to understanding and the history of the study of the issue // Bulletin of the

South-Western State University. Series: Linguistics and Pedagogy. 2015. No. 2 (15). pp. 21-29.

2. Bashuk, A.I. Communicative-strategic analysis of the political text // *Uchenye zapiski Taurida National University*. IN AND. Vernadsky. Series "Philology". 2006. Vol. 19 (58). No. 2. S. 9-45.

3. Grigoryeva, V. S. Discourse as an element of the communicative process: pragmalinguistic and cognitive aspects: monograph. Tambov: Tambov. state tech. university 288 p.

4. Datsyuk, S. A. Communication strategies. Center for Humanitarian Technologies. 1999. URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2006/2751> (date of access: 02/24/2022).

5. Kashkin, V. B. Introduction to the theory of communication. Voronezh: VGTU Publishing House, 2000. 175 p.

6. Parshina O. N. Strategies and tactics of speech behavior of the modern political elite of Russia: author. dis. ... Doctor of Philology. Saratov, 2005. 48 p.

7. Fatyanova, I. V. Communication strategies and tactics in modern Anglo-American political discourse // *Bulletin of the Donetsk National University. Series D: Philology and psychology*. 2019. No. 2. P. 40-47.

8. Sheigal, E. I. Non-verbal signs of political discourse // *Basic higher and additional education: problems of didactics and linguistics*. Volgograd, 2000. Issue. 1. S. 157-161.

9. Shilova, V. A., Ugrinovich, D. A. Classification of communicative strategies in the process of implementing managerial decisions // *Sociological science and social practice*. 2018. V. 6. No. 4 (24). pp. 84-94.

10. Ruler van B. The communication grid: an introduction of a model of four communication strategies // *Public Relations Review*. 2004. No. 30. Pp. 123-143.

УДК: 323.2; 323.3

КОНСОЛИДИРУЮЩИЙ ПОТЕНЦИАЛ МОЛОДЕЖНОГО ЛИДЕРСТВА В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ

Инна Мирошниченко

*доктор политических наук, доцент
Кубанский государственный университет*

Константин Федоренко, аспирант
*Кубанский государственный университет
Краснодар*

Аннотация: В статье оценен ресурсный потенциал молодежного лидерства в решении стратегических задач по конструктивно-созидательной консолидации российского общества. Авторами по результатам эмпирического исследования предложен практический инструментарий интеграции молодежных лидеров систему публичного управления РФ на основе анализа функциональных возможностей молодежного лидерства.

Ключевые слова: молодежное лидерство, консолидация российского общества, практики публичного управления

В условиях санкционного давления стран Запада, нарастающих геополитических угроз последнего десятилетия и роста социально-экономической напряженности перед Россией стоит важная задача в консолидации российского общества и достижения общественного согласия. По мнению российских экспертов, решение проблемы консолидации российского общества на основе стратегического подхода, которая предполагает «высокую степень единства по основным не только внешним, но и внутренним вопросам развития страны» [1, с. 26], будет способствовать выравниванию социальных возможностей граждан, формированию целостного ядра ценностно-мировоззренческих компонентов российского менталитета и

общероссийской гражданской идентичности, содействовать экономическому росту и обеспечивать стабильность политической системы на основе согласованной деятельности многообразных субъектов и доверии действующих политических акторов. Данный подход позволит преодолеть ограничения от преобладающей в российском обществе мобилизационной консолидации, которая преимущественно основана на негативной солидаризации («свой – чужой») российских граждан, и достичь результатов конструктивно-созидательной консолидации.

Одной из составляющих в выработке и реализации стратегии конструктивно-созидательной консолидации российского общества является проектирование институциональных практик развития молодежного лидерства в системе государственной молодежной политики и публичного управления в целом. Молодежные лидеры в контексте решения национальных задач консолидации российского общества, могут способствовать преодолению дефицита социальной ресурсности и уверенности у населения, солидарности и конструктивной активности, что позволяет выйти за рамки «реактивных конъюнктурных схем» [2, с. 172] и работать на перспективу, расширяя горизонты возможностей различных групп молодежи. Молодежные лидеры, обладающие определенными личностными характеристиками и компетенциями, ресурсами символического и коммуникативного влияния на группы общественности (конструирование реальности, формулирование смыслов, демонстрация поведенческих практик и побуждение/ мобилизация к действиям) могут быть включены в решение проблем и задач различного содержания и направленности [3].

В тоже время в Российской Федерации институциональная система работы с молодежными лидерами имеет фрагментированный характер, а существующие практики различного уровня (национального, регионального, локального) не связаны друг с другом содержательными и ценностными ориентирами.

Авторами по результатам участия в реализации коллективного исследовательского проекта «Молодежное лидерство в региональных практиках публичного управления развитием человеческого капитала: стратегии достижения успеха, возможности, результаты», который был выполнен в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ (FZEN-2022-0013) была разработана институциональная модель интеграции молодежного лидерства в систему публичного управления регионом. Данная модель должна основываться на учете специфических характеристик молодежных лидеров (их социальной профильности, ресурсов и траекторий развития, с другой, – оценке реальных возможностей молодежного лидерства, которые могут быть использованы в решении ключевых проблем страны и региона, достижения государственных приоритетов (таблица 1).

Таблица 1 – Комплекс ресурсов и функциональных возможностей лидерства в решении задач консолидации российского общества

Ресурсы молодежного лидерства	Функциональные возможности молодежного лидерства в институциональной системе публичного управления	Практический инструментарий интеграции молодежного лидерства в систему публичного управления развитием человеческого капитала
Интеллектуальный ресурс Личностный ресурс Кадровый ресурс Прогностический ресурс Коммуникативный ресурс в цифровом пространстве	Формирование образа будущего страны, региона, муниципальных образований, локальных территорий и стратегических приоритетов их развития	<i>Коммуникативные площадки взаимодействия лидеров</i> различной направленности и уровня друг с другом, с представителями власти, предпринимательскими сообществами и гражданскими структурами для обмена мнениями, для выработки общих представлений о проблемах и способах их решения

		<i>Креативные молодежные пространства и пространства интеллектуального отдыха в молодежной инфраструктуре городов и крупных населенных пунктов для «притяжения» молодежи и их пространственной консолидации</i>

Продолжение табл.1

Интеллектуальный ресурс (креативное мышление, эрудированность) Личностные (ориентация на результат и решение проблем сообществ, готовность изменяться) Профессиональный ресурс (профессиональные и надпрофессиональные компетенции) Социальный капитал (включенность в различные сообщества) и доверие (межличностное и институциональное)	Продвижение политической, общественной повестки в целевые группы общественности, конструирование смыслов и продвижение ценностей в публичном пространстве	Образовательные программы для лидеров мнений <i>Символическое позиционирование в оффлайн и онлайн-пространстве консолидирующих смыслов и практик развития государства в различных сферах</i> <i>Создание и позиционирование образов успешного молодого человека и продвижение в системе интегрированных коммуникаций молодежной политики успешных лидерских (карьерных, предпринимательских, общественных) стратегий успеха</i>

Символический ресурс (влияние на представление и поведенческие установки) Имиджевый ресурс (деловая репутация)		
Личностный ресурс (профессиональные и надпрофессиональные компетенции) Социальный капитал (включенность в различные сообщества) и доверие (межличностное и институциональное) Символический ресурс (влияние на представление и	Формирование активно-деятельностных в молодежной среде, ориентированных на конструктивную деятельность в публичном пространстве региона	<i>Коммуникативные площадки взаимодействия лидеров различной направленности и уровня друг с другом, с представителями власти, предпринимательскими сообществами и гражданскими структурами для обмена мнениями, для выработки общих представлений о проблемах и способах их решения</i> <i>Креативные молодежные пространства и пространства интеллектуального отдыха в молодежной инфраструктуре городов и крупных населенных пунктов для</i>

Окончание табл.1

поведенческие установки) Имиджевый ресурс (деловая репутация)		«притяжения» молодежи и их пространственной консолидации <i>Образовательные программы для лидеров мнений</i> <i>Символическое позиционирование в оффлайн и онлайн-пространстве консолидирующих смыслов и практик</i>

		развития государства в различных сферах <i>Создание и позиционирование образов успешного молодого человека и продвижение в системе интегрированных коммуникаций молодежной политики успешных лидерских (карьерных, предпринимательских, общественных) стратегий успеха</i> <i>Экспертные механизмы выработки решений с участием молодежных лидеров (экспертные сессии, проектные группы по разработке и реализации проектов развития (отрасли, территорий, сообществ, организаций)</i>

По результатам анализа данных эмпирического исследования (транскриптов глубинных интервью лидеров и экспертных сессий) авторским коллективом был выделен комплекс институциональных механизмов, обеспечивающих успешную интеграцию лидерства в систему публичного управления и решающих задачи конструктивно-созидательной консолидации общества. Среди них ключевыми являются:

а) создание коммуникативных площадок взаимодействия лидеров различной направленности и уровня друг с другом, с представителями власти, предпринимательскими сообществами и гражданскими структурами для обмена мнениями, выработки общих представлений о проблемах и способах их решения, конструирования совместного образа будущего страны, региона и его отдельных территорий.

б) модернизация инфраструктуры региональной молодежной политики в виде создания новых креативных молодежных пространств и пространств интеллектуального отдыха и изменения содержания предлагаемой работы. В городах и других крупных населенных пунктах особое значение будут иметь подобные локации для «притяжения» молодежи и их пространственной консолидации.

в) формирование институциональных условий для включения молодежных лидеров в реальную деятельность по выработке и реализации публичных решений, в том числе на основе экспертных механизмов выработки решений по общественно значимым проблемам региона, сообществ, отдельных территорий с участием молодежных лидеров (экспертные сессии, проектные группы по разработке и реализации проектов развития отрасли, территорий, сообществ, организаций;

г) формирование профессиональных лидерских сообществ в ключевых сферах развития края, выстраивание управленческих траекторий их развития «на местах» с использованием форматов обучения и наставничества для глубокого погружения в специфику деятельности организаций реального сектора экономики и сферы социального управления, понимания ресурсов развития в данной сфере;

д) развитие компетенций молодежных лидеров через технологические форматы лидерских школ и образовательных программ, ориентированных на получение участниками не только знаний, но и практического опыта, навыков работы в команде. Школы лидерства нацелены на повышение эффективности работы участников программ, помощь в выстраивании долгосрочной стратегии личностного и профессионального роста.

е) формирование в рамках дискуссионных и образовательных форматов сообщества лидеров мнений, участвующего в символическом позиционировании в оффлайн и онлайн-пространстве консолидирующих смыслов и практик развития государства в различных сферах, создании и

позиционировании образов успешного молодого человека, их продвижении в системе интегрированных коммуникаций молодежной политики успешных лидерских (карьерных, предпринимательских, общественных) стратегий успеха.

Предложенный практический инструментарий интеграции молодежных лидеров в систему публичного управления позволит на системной основе позволит решить стратегические задачи по консолидации российского общества, но и обеспечить социально-экономическое развитие страны в условиях геополитических вызовов и реформирования реального сектора экономики.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Вызовы современного развития и проблемы консолидации российского общества («круглый стол») / О. М. Михайленок, В. В. Люблинский, Б. И. Зеленко [и др.] // Социально-гуманитарные знания. – 2015. – № 4. – С. 20–60.

2. Данелюс, Д. В. Социальные субъекты в системе социальной безопасности: институциональные практики консолидации российского общества / Д. В. Данелюс // Социально-гуманитарные знания. – 2018. – № 7. – С. 169–176.

3. Мирзоян, В. А. Управление и лидерство: сравнительный анализ теорий лидерства / В. А. Мирзоян // Вопросы философии. – 2013. – № 6. – С. 3–15.

CONSOLIDATING POTENTIAL OF YOUTH LEADERSHIP IN THE SYSTEM OF PUBLIC YOUTH POLICY

Inna V. Miroshnichenko, Doctor of Sciences (Political Science), Assistant Professor, Head of Public Policy and Public Administration Department, Kuban State University, Krasnodar, Russia

Konstantin A. Fedorenko, Post-Graduate Student, Public Policy and Public Administration Department, Kuban State University, Krasnodar, Russia

Abstract. The article assesses the resource potential of youth leadership in solving strategic issues for constructive and creative consolidation of Russian society. The paper represents the results of original empirical study. The authors propose practical tools for integrating youth leaders into the Russian Federation public

administration system which are based on an analysis of youth leadership functionality.

Keywords: youth leadership, consolidation of Russian society, public administration practices.

References:

1. Vyzovy sovremennogo razvitiya i problemy konsolidatsii rossiiskogo obshchestva («kruglyi stol») [Challenges of Modern Development and Problems of Consolidation of Russian Society (Round Table)] / O. M. Mikhailenok, V. V. Lyublinskii, B. I. Zelenko [et al.] // Sotsial'no-gumanitarnye znaniya [Social and Humanitarian Knowledge]. – 2015. – No. 4. – P. 20–60.

2. Danelyus, D. V. Sotsial'nye sub"ekty v sisteme sotsial'noi bezopasnosti: institutsional'nye praktiki konsolidatsii rossiiskogo obshchestva [Social Subjects in The Institutional System of Social Safety of the Russian Society: Institutional Practicians] / D. V. Danelyus // Sotsial'no-gumanitarnye znaniya [Social and Humanitarian Knowledge]. – 2018. – No. 7. – P. 169–176.

3. Mirzoyan, V. A. Upravlenie i liderstvo: sravnitel'nyi analiz teorii liderstva [Management and Leadership: Comparative Analysis of Leadership Theories] / V. A. Mirzoyan // Voprosy filosofii [Questions of Philosophy]. – 2013. – No. 6. – P. 3–15.

УДК 316.4

ДОБРОВОЛЬЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ЭФФЕКТИВНАЯ КОНСОЛИДИРУЮЩАЯ ПРАКТИКА СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ (НА ПРИМЕРЕ РЕГИОНАЛЬНОГО ШТАБА РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ «МЫ ВМЕСТЕ»)

*Анастасия Пилипенко,
кандидат социологических наук
Институт социологии и регионоведения ЮФУ
Ростов-на-Дону*

Аннотация. Доклад представляет собой попытку анализа востребованности добровольческой деятельности в среде студенческой молодежи как практики консолидации сообщества. Рассматриваются данные

отчетов региональных институциональных акторов, развивающих волонтерство в Донском регионе, а также результаты социологического исследования «Реализация добровольческого потенциала в Ростовской области».

Ключевые слова: добровольчество, молодежная политика, студенческая молодежь.

Добровольчество (волонтерство) – явление, имеющее богатую историю своего развития в России. В нашей стране всегда находились неравнодушные люди, готовые на безвозмездной основе помогать окружающим [6]. Однако современный этап развития российского общества характеризуется новым витком развития добровольческой деятельности, включающим его институциональное укрепление и активную интеграцию в социально-экономические процессы [1]. Последнее десятилетие (после масштабной добровольческой кампании Олимпиады 2014 года в Сочи) в практики волонтерства интегрируются все большее число граждан. Так, по итогам 2018-го, который в России был объявлен годом добровольца, доля волонтеров составила 34% от числа взрослого населения страны. Годом ранее цифра была вдвое меньше – 15%. Естественным образом повышается лояльность населения в данному явлению – в 2019-м 27% россиян отмечали, что изменили свое отношение к безвозмездному оказанию помощи нуждающимся по итогам тематического года [7]. А по итогам 2020-го, в котором весь мир столкнулся с пандемией новой коронавирусной инфекции, жители нашей страны отнесли волонтеров к топ-5 героям года [2].

Студенческая молодежь выступает в качестве основного участника добровольческой деятельности ввиду высокого уровня активности, готовности интегрироваться в общественные процессы, выраженной ориентации на формирование навыков и компетенций, поиска профессионального пути и наличия свободного времени.

Добровольческие практики стоит рассматривать как деятельность, обладающую свойством высокой полезности для всех субъектов, вовлеченных в процесс: волонтеров, получателей помощи, государства и общества. Участие в данных практиках для добровольцев – это возможность формирования навыков и умений, укрепления социального, культурного и символического капиталов, развития личных моральных качеств. Не менее заинтересованными в укреплении добровольческих практик кроме получателей помощи являются общество и государство. Так, волонтерская деятельность повышает уровень эмпатии граждан, развивает способность к сотрудничеству и консолидации в целях реализации созидательных практик. Кроме того, добровольчество выступает эффективным инструментом социальной поддержки граждан друг другу.

Последние несколько лет российское общественное пространство характеризуется ситуацией высокой турбулентности, активизированной пандемией Covid-19 и изменениями геополитической ситуации. В этих обстоятельствах яркий окрас принимает необходимость консолидации граждан для реализации задач в национальных интересах. И волонтерство выступает в качестве эффективной практики. Если в период с 2014 по 2020 год молодежное волонтерство в России характеризовалось скорее как событийное, что было продиктовано масштабными мероприятиями (Олимпиада в 2014 году, Чемпионат мира по футболу в 2018 году, Универсиада в 2019 году и прочие), то пандемия новой коронавирусной инфекции стала активатором развития социального направления данной деятельности.

В рамках представленной работы ставится цель провести анализ востребованности добровольческой деятельности в Ростовской области со стороны студенческой молодежи. Основой послужили данные о реализации регионального проекта «Социальная активность», отчет АГУ «Донской волонтерский центр» по итогам 2022 года, а также материалы прикладного социологического исследования «Реализация добровольческого потенциала в

Ростовской области», выполненного коллективом федерального научно-исследовательского центра Российской академии наук (Южно-Российский филиал) в 2020 году. Анализ добровольчества в границах Ростовской области представляет исследовательский интерес в силу двух причин: сегодня регион входит в топ-пять реализаторов молодежной политики в сфере добровольчества и именно здесь базируется федеральный штаб акции взаимопомощи «#МЫВМЕСТЕ», старт которой был дан 21 марта 2020 года, одновременно с объявлением режима самоизоляции в Российской Федерации во время Covid-19.

Согласно показателям регионального проекта «Социальная активность» число вовлеченных жителей Ростовской области в практики добровольческой деятельности в 2023 году должно составить 306 тысяч человек [4], то есть 7,5% от общей численности населения региона [8]. По данным Донского волонтерского центра волонтерами региона во время пандемии к добровольческим практикам были привлечены 9 тысяч волонтеров, из них более 60% – представители студенческой молодежи. Волонтерами выполнено более 63 тысяч заявок от граждан в период самоизоляции, 82 тысяч граждан Ростовской области получили помощь, добровольцы отработали более 15 тыс. смен в лечебно-профилактических учреждениях региона. Новая волна активности акции продолжилась с началом специальной военной операции: 3 тысячи добровольцев в Ростовской области сегодня помогают нуждающимся в организации быта, оказывают психологическую, медицинскую и юридическую помощь, работают на едином складе гуманитарной помощи в колл-центре. Волонтерам удалось выполнить более 2,5 тыс. заявок. Высокий уровень эффективности проделанной работы, одновременно, выявляет потребность по увеличению числа граждан, вовлеченных в добровольчество [8].

Данные проведенного ростовскими социологами исследования «Реализация добровольческого потенциала в Ростовской области» (метод проведения – анкетный опрос, N=1621, 2020 г.) подтверждают запрос на

масштабирование добровольческих практик и со стороны жителей региона. Среди участников исследования 74,4% знают о волонтерской деятельности (среди жителей в возрасте от 14 до 34 лет уровень осведомленности выше – 81,9%). По мнению респондентов, основной мотивацией для участия в добровольческих практиках является возможность решить общие проблемы и улучшить жизнь на территории проживания (18,2%), интересно проводить время и жить активно (14,2%), заводить друзей и быть частью сообщества (13,9%), получать дополнительные знания и опыт (12,9%), реализовывать собственные инициативы (11,3%). Так, при описании добровольчества жители региона характеризуют данную деятельность и через «мы-ориентацию», с доминирующими альтруистическими ценностями, и через «я-ориентацию» с доминирующими инструментальными ценностями. На фоне гуманистического восприятия важно отметить, что по данным исследования лишь незначительная группа опрошенных участвовала в добровольческих практиках: наибольший процент участников исследований были вовлечены в проведение субботников (16%), наименьший – в ликвидацию последствий ЧС (2,8%) и реставрационные работы социально значимых и культурных объектов (3,7%). При этом 44% среди опрошенных допускают для себя возможность в будущем безвозмездно работать на благо окружающих. Чаще всего жители Ростовской области готовы помогать общественным организациям (25,3%), группам взаимопомощи (21,4%), органам местного самоуправления (16,0%). По мнению большинства респондентов, главным результатом государственной поддержки волонтерской деятельности должно стать, во-первых, снижение числа нуждающихся в помощи (22,3%), во-вторых, рост числа добровольцев в стране (19,7%), в-третьих, распространение ценности доверия, солидарности и взаимопомощи в обществе (16,7%) [3].

Подводя итоги, следует зафиксировать основной тезис – у регионального сообщества, самой активной группой в котором выступает студенческая молодежь, существует выраженный запрос на консолидацию

посредством добровольческой деятельности. Дончане готовы участвовать в добровольческих практиках. При этом наиболее востребовано социальное добровольчество, носящее системный характер поддержки нуждающихся групп населения (39,6%). По мнению опрошенных, именно оно обладает наибольшим потенциалом объединения граждан и требует пристального внимания со стороны властных и общественных институтов.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Волков, Ю.Г., Овсий, В. В. Специфика возникновения и развития молодежного волонтерства в России. – Текст: непосредственный // Социально-гуманитарные знания. 2019. №11.

2. ВЦИОМ. – Москва. – Герои года – 2020. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/geroi-goda-2020> (дата обращения: 01.03.2023). – Текст : электронный.

3. Овсий, В.В. Уровень развития волонтерской деятельности на территории Ростовской области // Гуманитарий Юга России. 2022. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uroven-razvitiya-volonterskoj-deyatelnosti-na-territorii-rostovskoy-oblasti> (дата обращения: 02.03.2023).

4. Правительство Ростовской области. – Ростов-на-Дону. – Государственная программа Ростовской области «Молодежная политика и социальная активность». – URL: <https://www.donland.ru/activity/2719/#otc> (дата обращения: 02.03.2023). – Текст : электронный.

5. Правительство Ростовской области. – Ростов-на-Дону. – Региональный проект «Социальная активность» – URL: <https://www.donland.ru/activity/2532>. (дата обращения: 02.03.2023). – Текст : электронный.

6. РБК. – Москва. – Выгорание и героизм: как устроено волонтерство в России. – URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/61e922c59a79477514c2b9ca> (дата обращения: 01.03.2023). – Текст : электронный.

7. РИА Новости. – Москва. – Год закончился, а добрые дела – нет: наследие Года волонтера. – URL: <https://ria.ru/20190218/1550941898.html> (дата обращения: 01.03.2023). – Текст : электронный.

8. Ростовстат. – Ростов-на-Дону. – Численность населения. – URL: [https://rostov.gks.ru/storage/mediabank/%D0%A7%D0%B8%D1%81%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C%20%D0%BD%D0%B0%D1%81%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F\(15\).pdf](https://rostov.gks.ru/storage/mediabank/%D0%A7%D0%B8%D1%81%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C%20%D0%BD%D0%B0%D1%81%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F(15).pdf) (дата обращения: 02.03.2023). – Текст : электронный.

VOLUNTEER ACTIVITY AS AN EFFECTIVE CONSOLIDATING PRACTICE OF STUDENT YOUTH (ON THE EXAMPLE OF THE REGIONAL HEADQUARTERS OF THE ROSTOV REGION "WE ARE TOGETHER")

Pilipenko Anastasiya Eduardovna - candidate of social sciences, lecturer at the Department of applied conflictology and mediation, Southern Federal University, Russia

Annotation. The report is an attempt to analyze the demand for volunteering among students as a practice of community consolidation. The data of regional institutional actors developing volunteerism in the Don region, as well as the results of the sociological study "Realization of volunteer potential in the Rostov region" are considered.

Keywords: volunteering, youth policy, student youth.

References

1. Volkov, Yu.G., Ovsy, V.V. The specifics of the emergence and development of youth volunteering in Russia. – Text: direct // Social and humanitarian knowledge. 2019. No. 11.
2. VTsIOM. - Moscow. - Heroes of the Year - 2020 – Text : electronic.
3. Ovsy, V.V. The level of development of volunteer activity in the Rostov region // Humanitarian of the South of Russia. 2022. No. 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uroven-razvitiya-volonterskoy-deyatelnosti-na-territorii-rostovskoy-oblasti> (Date of access: 03/02/2023).
4. Government of the Rostov region. - Rostov-on-Don. - State program of the Rostov region "Youth policy and social activity". - – URL: <https://www.donland.ru/activity/2719/#otc> (date of access: 03/02/2023). – Text : electronic.
5. Government of the Rostov region. - Rostov-on-Don. – Regional project “Social activity” – URL: <https://www.donland.ru/activity/2532>. (date of access: 03/02/2023). – Text : electronic.
6. RBC. - Moscow. – Burnout and heroism: how volunteering works in Russia. – URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/61e922c59a79477514c2b9ca> (date of access: 03/01/2023). – Text : electronic.
7. RIA Novosti. - Moscow. – The year is over, but good deeds are not: the legacy of the Year of the Volunteer. – URL: <https://ria.ru/20190218/1550941898.html> (date of access: 03/01/2023). – Text : electronic.
8. Rostovstat. - Rostov-on-Don. - Population size. – URL: <https://rostov.gks.ru/storage/mediabank/%D0%A7%D0%B8%D1%81%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C%20%D0%BD%D0%B0%D1%81%D0%B5%D0%BB>

УДК 378

**ПАТРИОТИЗМ КАК КОЛЛЕКТИВНОЕ СТРАТЕГИЧЕСКОЕ
ДЕЙСТВИЕ МОЛОДЕЖНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В
СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ**

Тимофей Рунаев

*кандидат социологических наук
Кубанский государственный университет
Краснодар*

Аннотация. В статье поднимается проблема формирования общих смысловых паттернов молодежными объединениями в социальных интернет-сетях. Отмечается, что способность молодежных объединений создавать и поддерживать единое ценностно-смысловое поле является условием успешного противодействия социально вредным онлайн-сообществам. Используя компьютерное приложение RStudio, автор применяет интеллектуальный анализ текста 9,5 тыс. постов онлайн-сообществ региональных отделений ЮФО «Молодой гвардии Единой России», «Ленинского комсомола (ЛКСМ РФ)» и «Молодежной организации ЛДПР» в социальной сети «ВКонтакте». На основе полученных результатов автором констатируется, что среди молодежных политических организаций Юга России наибольшим потенциалом в поддержании и создании ценностно-смысловой системы обладают региональные отделения «Молодой гвардии Единой России» из Ростова-на-Дону, Краснодара, Севастополя, Элисты и Волгограда.

Ключевые слова: виртуальное сообщество, политика идентичности, интеллектуальный анализ текста, анализ социальных сетей, тематическое моделирование

Современная интернет-среда становится идеальным пространством для саморегуляции российской молодежи, что обусловлено ощущением свободы от социальных норм и ценностей, навязываемым обществом в реальном мире. В связи с этим на страницах в социальных интернет-сетях получает развитие «культура моральной аномии», привлекающая молодежь бесконтрольностью в создании собственных смыслов [1, с. 226]. Но такая «культура моральной аномии» интернет-среды имеет один существенный негативный эффект: она способна порождать спонтанное образование социально вредных онлайн-сообществ [2, с. 50], которые могут мобилизовать молодых людей к самовыражению девиантными и противоправными способами. В ответ на это молодежные организации создают собственные онлайн-сообщества в виде групп и пабликов в социальных интернет-сетях с целью поддержания и репрезентации общепринятых в российском обществе смыслов и ценностей. На данный момент только в социальной интернет-сети «ВКонтакте» насчитываются десятки онлайн-сообществ региональных отделений молодежных политических объединений. Однако количественное расширение сетевой архитектуры таких онлайн-сообществ ставит вопрос о наличии между ними коллективного стратегического действия, включающего распространение общих непротиворечивых смыслов среди молодых пользователей социальных интернет-сетей.

Теоретической рамкой исследования выступила теория полей стратегического действия Н. Флигстина и Д. Макадама, первый принцип которой заключается в том, что именно удовлетворение человеком экзистенциальной потребности в виде поисков смыслов, объясняющих устройство окружающей реальности и место человека в ней, является основой конструирования социальности. Другими словами, усвоение индивидом

смыслов уменьшает его чувство неопределенности и позволяет ему обрести социальную идентичность – ощутить свою причастность к общему социальному миру [3, р. 73]. За такими смыслами человек обращается к социальным акторам в виде групп, сообществ, организаций, институций. Это приводит к тому, что социальные акторы образуют поле, в котором они конкурируют за умы людей. С одной стороны, в границах заданного поля социальные акторы могут конструировать и транслировать различные соперничающие между собой смыслы, предлагающие человеку разные социальные идентичности. Но, с другой стороны, некоторые социальные акторы способны приходить к коалиции друг с другом и осуществлять «коллективные стратегические действия» – усилия по созданию и поддержанию общих смыслов, конституирующих общий социальный мир и идентичность. Успешная реализация коллективных стратегических действий позволяет скооперированным социальным акторам занимать доминирующую позицию в поле и побуждать сопричастных людей к действию в соответствии с общими представлениями о мире и о самих себе [4, с. 51-51; 63-64].

Тем самым при существовании коллективного стратегического действия контент онлайн-сообществ молодежных организаций должен обладать высоким уровнем тематического сходства и сводиться к одинаковым смысловым паттернам. Поэтому для выявления общих смыслов среди молодежных организаций в феврале 2023 г. был проведен интеллектуальный анализ текста (text mining) постов онлайн-сообществ южных региональных отделений «Молодой гвардии Единой России», «Ленинского комсомола (ЛКСМ РФ)», «Молодежной организации ЛДПР» в социальной сети «ВКонтакте». Инструментом интеллектуального анализа текста выступило компьютерное приложение RStudio, основанное на языке программирования R.

«Молодая гвардия Единой России». На первом этапе с помощью встраиваемого в RStudio пакета vkR, работающего на принципах API (Application Programming Interface), была произведена автоматическая выгрузка

текстового массива: с каждого онлайн-сообщества регионального отделения «Молодой гвардии» в ЮФО (Краснодарского края, республики Адыгея, Ростовской области, республики Крым, г. Севастополя, республики Калмыкия, Астраханской области и Волгоградской области) было собрано по 500 последних постов. Тем самым выборочная совокупность текстового массива составила 4 тыс. постов. В дальнейшем благодаря возможностям встраиваемых в RStudio пакетов `tm` и `snowballC`, была сделана предварительная обработка текстового массива постов: в частности, были удалены элементы, создающие шум, среди них – смайлы, гиперссылки, числа и стоп-слова (предлоги, союзы, местоимения, междометия), сделана нормализация текста (в виде стемматизации – приведения слов к основе), а также с учетом метрики TF-IDF создана терм-документная матрица, разреженная на 56% и содержащая 5995 слов.

На основе полученной терм-документной матрицы с применением пакета `lsa` было рассчитано косинусное сходство между текстовыми массивами постов региональных отделений. Необходимо отметить, что в рамках языка программирования R значение косинусного сходства варьируется от 0 до 1, т.е. чем ближе показатель к единице, тем больше похожи сравниваемые массивы текстов [5, р. 76]. Тем самым данная метрика позволила определить тематическую близость контента онлайн-сообществ региональных отделений «Молодой гвардии Единой России» (таблица 1). В итоге было выяснено, что наибольшей тематической близостью обладают онлайн-сообщества из региональных отделений Ростова-на-Дону, Краснодар, Севастополя, Элисты и Волгограда (их средние значения косинусного сходства больше среднего значения косинусного сходства по всему корпусу, равного 0.65). Наименее интегрированными в процесс создания общих смыслов оказались онлайн-сообщества региональных отделений Астрахани (0.45), Симферополя (0.42) и Майкопа (0.39).

Таблица 1. Матрица косинусного сходства онлайн-сообществ региональных отделений «Молодой гвардии Единой России» в социальной интернет-сети «ВКонтакте»

	Краснодар	Майкоп	Ростов-на-Дону	Симферополь	Севастополь	Элиста	Астрахань	Волгоград
Краснодар	1	0.56	0.99	0.62	0.99	0.93	0.58	0.99
Майкоп	0.56	1	0.47	0.01	0.53	0.46	0.02	0.68
Ростов-на-Дону	0.99	0.47	1	0.62	0.98	0.95	0.66	0.96
Симферополь	0.62	0.01	0.62	1	0.7	0.36	0.01	0.59
Севастополь	0.99	0.53	0.98	0.7	1	0.89	0.51	0.98
Элиста	0.93	0.46	0.95	0.36	0.89	1	0.83	0.88
Астрахань	0.58	0.02	0.66	0.01	0.51	0.83	1	0.46
Волгоград	0.99	0.68	0.96	0.59	0.98	0.88	0.46	1

В завершении для выявления передаваемых смысловых паттернов в исследуемых онлайн-сообществах при помощи встраиваемого пакета `udpipe` был использован метод извлечения совпадений (*extracting co-occurrences*) – поиск в тексте статистически значимых шаблонов, т.е. устойчивых комбинаций слов, чаще всего встречающихся рядом друг с другом [6, р. 81-82]. Тем самым было выявлено 6284 устойчивых комбинаций слов (с частотой повторения ≥ 10), из которых было отобрано и визуализировано в виде графа 100 самых часто воспроизводящихся смысловых паттернов (рисунок 1).

личность Президента РФ В.В. Путина (216) и описание молодежной политики (208) своего региона.

«Ленинский комсомол (ЛКСМ РФ)». По такому же алгоритму проводился анализ 3,5 тыс. постов региональных отделений «Ленинского комсомола (ЛКСМ РФ)» на Юге России. Среднее значение косинусного сходства, равное 0.55, демонстрирует слабую тематическую согласованность между постами региональных отделений. Лучше всего взаимосвязаны темы отделений комсомольцев Ростова-на-Дону (0.73), Майкопа (0.73), Краснодар (0.72) и Симферополя (0.72). Метод извлечения совпадений показал, что молодых комсомольцев, помимо вопросов о структуре своей организации, больше интересует коммеморация Великой Отечественной войны (283 упоминаний), положение «рабочего класса» (155), «Великая Октябрьская социалистическая революция» (120), «классовая борьба» (97), «уничтожение заводов» (88), а также личности Владимира Ильича Ленина (117) и Ким Чен Ына (89).

«Молодежная организация ЛДПР». Аналогичный алгоритм анализа 3 тыс. постов онлайн-сообществ региональных отделений молодежи ЛДПР показал, что их внутренняя тематическая согласованность (0.49) слабее, чем у других молодежных политических объединений Юга России. Среди специфичных тем, характерных для онлайн-сообществ исследуемых отделений «Молодежной организации ЛДПР», выделяются (рисунок 2): «Великая Отечественная война» (76 упоминаний), «гуманитарная помощь» (66), «смертная казнь» (46), «международные дни памяти» (46); также в фокусе внимания находится деятельность партийных лидеров – Владимира Жириновского (92) и Леонида Слуцкого (67).

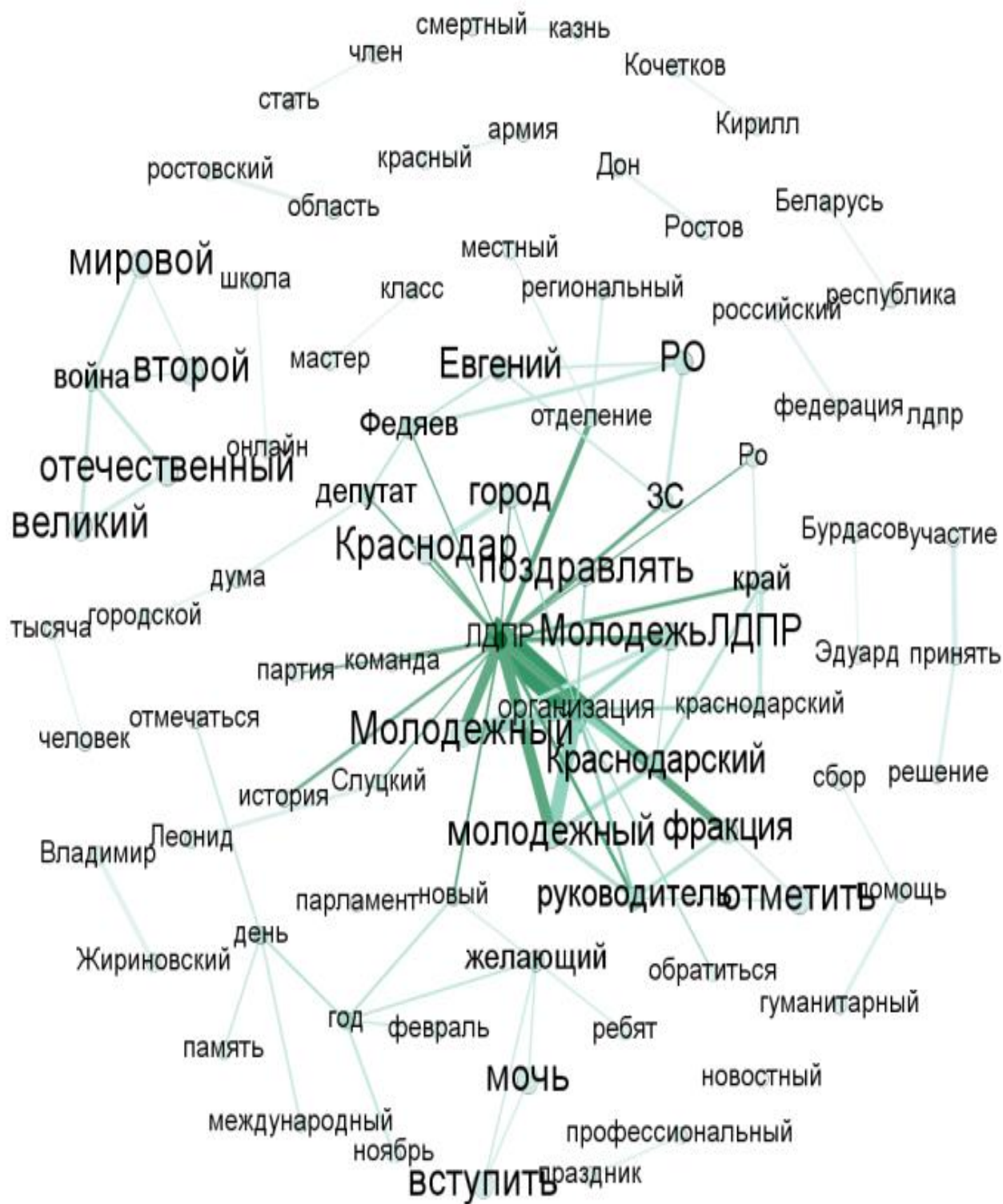

Рисунок 2. – Темы онлайн-сообществ региональных отделений «ЛКСМ РФ» (слева) и «Молодежной организации ЛДПР» (справа) в социальной интернет-сети «ВКонтакте»

Выводы. Результат интеллектуального анализа текста показал, что среди молодежных политических объединений ЮФО ядром коллективного стратегического действия, транслирующим наиболее согласованные смысловые паттерны среди молодежи, выступают региональные отделения «Молодой гвардии Единой России» из Ростова-на-Дону, Краснодар, Севастополя, Элисты, Волгограда. Их смолообразование фокусируется на патриотической повестке, связанной с коммеморацией Великой Отечественной войны и с поддержкой специальной военной операции на Украине. Другие социальные акторы в виде региональных отделений «ЛКСМ РФ» и «Молодежной организации ЛДПР» имеют меньшую внутреннюю тематическую согласованность и тем самым обладают меньшим потенциалом в формировании мировоззрения молодых людей и определения их социальной идентичности.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Зубок, Ю.А. Смысловая саморегуляция онлайн-коммуникации молодежи // Саморегуляция в молодежной среде: типологизация и моделирование: монография. Белгород: «Эпицентр», 2022. С. 212-227.
2. Расходчиков, А.Н. Виртуальные общественные объединения: сила неформализованных сообществ // Социодиггер. 2021. Т. 2., Вып. 3(8). С. 44-53.
3. Hogg M.A. Uncertainty–Identity Theory // *Advances in Experimental Social Psychology*. 2007. Vol. 39. P.69-126.
4. Флигстин, Н., Макадам, Д. Теория полей. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. 464 с.
5. Wild F. *Learning Analytics in R with SNA, LSA, and MPIA*. Berlin: Springer, 2016. 275 p.
6. Kumar A., Paul A. *Mastering Text Mining with R*. Birmingham: Packt Publishing Limited, 2016. 237 p.

PATRIOTISM AS COLLECTIVE STRATEGIC ACTION OF YOUTH POLITICAL ORGANIZATIONS IN SOCIAL NETWORKS

Timofey Runaev
Candidate of Sociological Sciences
Kuban State University
Krasnodar

Abstract. The article raises the problem of the formation of common semantic patterns by youth associations in social Internet networks. Therefore, the ability of youth associations to create and maintain a single value-semantic field is a prerequisite for successfully countering socially harmful online communities. Using the RStudio computer application, the author use the intellectual analysis of the text of 9,5 thousand posts of online communities of the regional branches of the Southern Federal District «Young Guard of United Russia», «Leninsky Komsomol (LKSM RF)» and «LDPR Youth Organization» in the VKontakte social network. Based on the results obtained, the author state that among the youth political organizations of the South of Russia, the regional branches of the Young Guard of United Russia from Rostov-on-Don, Krasnodar, Sevastopol, Elista and Volgograd have the greatest potential in maintaining and creating a value-semantic system.

Keyword: virtual community, identity politics, text mining, social network analysis, thematic modeling

References

1. Zubok, Yu.A. Semantic self-regulation of youth online communication // Self-regulation in the youth environment: typology and modeling: monograph. Belgorod: "Epicenter", 2022. S. 212-227.
2. Raskhodchikov, A.N. Virtual public associations: the power of non-formalized communities // Sociodigger. 2021. Vol. 2., Issue. 3(8). pp. 44-53.
3. Hogg M.A. Uncertainty–Identity Theory // Advances in Experimental Social Psychology. 2007 Vol. 39. P.69-126.
4. Fligstin, N., McAdam, D. Theory of fields. M.: Ed. house of the Higher School of Economics, 2022. 464 p.
5. Wild F. Learning Analytics in R with SNA, LSA, and MPIA. Berlin: Springer, 2016. 275 p.
6. Kumar A., Paul A. Mastering Text Mining with R. Birmingham: Packt Publishing Limited, 2016. 237 p.

УДК 316.7

ИНТЕГРАЦИЯ РОССИЙСКИХ ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В УСЛОВИЯХ РОСТА УГРОЗ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Светлана Савина,
кандидат социологических наук,
Адыгейский государственный университет
(филиал в г. Белореченск)

Аннотация. В статье делается акцент на вопросах укрепления общероссийской идентичности, сохранения и укрепления российских духовно-

нравственных ценностей, и исторической памяти, защита и сохранение которых выступают ключевыми пунктами преодоления кризиса в условиях роста угроз национальной безопасности.

В связи с этим формулируются задачи стратегического планирования по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей. В реализации этих задач важное место должно быть отведено научному сообществу.

Ключевые слова: духовно-нравственные ценности, историческая память, общероссийская идентичность, преемственность, национальная безопасность.

Наша потребительская цивилизация переживает глобальный кризис, который неуклонно углубляется и ведет человечество к деградации и гибели. Особую ценность приобретает разработанная система человеческой этики. А также защита традиционных российских духовно-нравственных концепций, культуры и исторической памяти.

Проблема сознания и сохранения национального человеческого капитала духовных ценностей России – ключевой пункт преодоления кризиса, в условиях роста угроз национальной безопасности.

В центре внимания находится аналитическая философия, где система человеческих духовно-нравственных ценностей, опирается на альтруистические свойства, заложенные в природе человека.

Несмотря на достаточно большой пласт научных публикаций, в их разработке не было достигнуто достаточного результата. Предлагаемые концепции носят рекомендательный характер. Однако, мы оказались в ситуации стремительно развивающихся условиях роста угроз национальной безопасности. Подтверждением сказанного, мы видим решительные шаги со стороны политических лидеров по актуализации вопросов укрепления общероссийской идентичности, социальной сплоченности и солидарности, общенациональных ценностей и диалогичных отношений в российском социуме.

Актуальные задачи сохранения и укрепления традиционных российских духовно-нравственных ценностей и культуры были освещены в выступлении

представителя аппарата Совета Безопасности Российской Федерации, которое задало тон содержательному обсуждению участниками заседания данной проблематики.

Так, Президент РФ Владимир Владимирович Путин подписал Указ об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей [1] (далее – Основы).

Основы обозначены как документ стратегического планирования по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей в сфере обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

К традиционным ценностям относятся жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России [1,2].

Целями государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей выступает сохранение и укрепление традиционных ценностей, обеспечение их передачи от поколения к поколению, а также противодействие распространению деструктивной идеологии и формирование на международной арене образа Российского государства как хранителя и защитника традиционных общечеловеческих духовно-нравственных ценностей.

Сегодня ведется активная межведомственная проработка реализации этих Указов. Государственная политика по сохранению и укреплению традиционных ценностей реализуется через образование и воспитание, СМИ, культуру, науку, работу с молодежью и т.д.

Подчеркивается, что ситуация в России и мире требует принятия неотложных мер по защите традиционных ценностей. Среди угроз таким ценностям названо идеологическое и психологическое воздействие на россиян, которое ведет к насаждению чуждой для российского народа системы идей и ценностей. Такая деструктивная идеология культивирует эгоизм, вседозволенность, безнравственность, отрицание идеалов патриотизма и даже является угрозой для демографической ситуации в стране. Кроме того, это грозит искажением исторической правды, подрывом доверия к государству и другими рисками.

Защита традиционных ценностей будет межведомственной и станет включать различные направления работы – например, поощрение определенных проектов культуры и образования, госзаказ на книги и фильмы, борьба с деструктивной идеологией силами полиции и т. д.

Эффективность реализации Основ будет оцениваться на постоянной основе, а сами Основы – корректироваться не реже одного раза в шесть лет.

Так, наука в целом все больше интересуется вопросами социальной сплоченности и солидарности, современными практиками консолидации российского общества в условиях нового миропорядка, смыслом патриотизма в ситуации роста угроз национальной безопасности, а также укрепления российских духовно-нравственных ценностей.

Существует разработанная система общечеловеческой этики, которая содержит разный инструментарий самопознания и совершенствования самопознания, воспитание высоких нравственных ценностей. Здесь важная роль отводится вере в человеческое достоинство, в мужество и силу духа, вере в альтруистический потенциал природы человека.

Этим целям служит предложенная система сохранения ценностей, развитый инструментарий самопознания и самосовершенствования, воспитание высоких нравственных ценностей, которая выступает алгоритмом

преодоления таких негативных свойств сознания, как неумность, агрессивность, неумное потребление, пессимизм и др.

Анализ показывает, что феномен понимания информации, воплощенный в том или ином носителе, напрямую влияет на сознание человека, причины возникновения негативных свойств в сознании, искоренение и/или формирование духовно-нравственных ценностей. Каждый из нас обладает способностью управлять определенным классом собственных мозговых нейродинамических систем, а вместе с тем и этическим обеспечением этих манипуляций. Это проявляется способностью избирательно относиться к ресурсам информации, обращаясь к психической саморегуляции и самоорганизации. С такой позиции открываются возможности более глубокого исследования феноменов напряжения мыслей, напряжения воли, интенсификации процесса развития творческого потенциала, медитативных практик, создания нравственно-духовных саморегуляций. Это напрямую поставлено в задачу сохранения российских духовных ценностей, возвращения сострадания и доброты души, искоренения духа агрессивности и вражды.

Все это позволяет более детально исследовать феномен интеграции российских духовно-нравственных ценностей в условиях эпохи роста угроз национальной безопасности, тем самым сохраняя и обогащая общекультурные российские ценности.

Так, тренировка ума при помощи специальных техник, с применением логики и умения ведения диспутов, преимущественно, аналитическая медитация, позволит отдельным людям добиться непоколебимого сохранения целостности духовных ценностей и их сохранения. Эта трансформация позволит даже невежественному уму стать просветленным.

Например, сегодня у молодежи недостаточно хорошо сформированы ценности патриотизма и единства народов России. Об этом говорится в исследовании 70 млн аккаунтов российских интернет-пользователей в возрасте от 18 до 35 лет, проведенном негосударственным институтом развития

«Иннопрактика» [3]. Именно традиционные ценности, по мнению руководителя спецпроекта Лаймы Лемэр, наиболее важны для существования стабильного и осознанного общества.

Росмолодежь в последние годы реализует целый ряд проектов федерального масштаба. Это мероприятия по патриотическому воспитанию, формированию института наставничества и работе с молодежью: Российское движение детей и молодежи «Время первых», Всероссийский конкурс для школьников «Большая перемена», Всероссийский студенческий проект «Твой ход», патриотические программы «Патриот», наставнический проект «Твой герой», проекты «Диалоги с Героями» и «Без срока давности», историко-культурный форум «Истоки» и многие другие.

Топ-3 жизненных ориентиров российской молодежи по исследованию ВЦИОМ [4]: высокий уровень благополучия, спокойная жизнь и возможность приносить пользу своему народу.

83% молодежи идентифицируют себя как «граждане РФ».

76% хорошо знают историю своей страны; 73% - историю своей семьи.

91% молодых россиян считают, что поддерживать теплые отношения со всеми членами семьи важно или скорее важно.

65% внимательно относятся к своему здоровью.

Ежегодно в Сети появляется все больше видов деструктивной информации. Изначально в законе «О защите информации» [5] упоминались только три вида запрещенного контента, а сегодня их уже 25: это фейки, материалы, направленные на вовлечение несовершеннолетних в совершение противоправных действий, призывы к осуществлению экстремистской и террористической деятельности, в том числе ее оправдание. В прошлом году перечень запрещенной информации дополнился пропагандой нетрадиционных сексуальных отношений и предпочтений, педофилии, смены пола. Доступность такой информации противоречит ценностям, упомянутым в Указах Президента. По нашему мнению, еще несколько категорий информации, отнесенной к

деструктивной идеологии, находятся в «серой» зоне: они не запрещены к распространению, но по своей сути и по воздействию на российское общество являются чуждыми и разрушительными.

Таким образом, защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти выступает ключевым пунктом преодоления кризиса в условиях роста угроз национальной безопасности.

Сейчас, как никогда ранее, в истории человечества настоятельно требуется вера в человеческое достоинство, в мужество и силу духа, вера в сохранение нравственных ценностей и развитие сознания. На наш взгляд, помимо Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, возникает потребность в новых идеях, креативных подходах. Нужны основательные научные исследования и использование их результатов.

Примечания:

1. Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 "Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей".

[Текст: электронный]. URL: http://pravo.gov.ru/news/ob_utverzhdanii_osnov_gosudarstvennoy_politiki_po_sokhraneniyu_i_ukrepleniyu_traditsionnykh_rossiysk_101122/ (дата обращения 01.03.2023).

2. Лысенко, В.Г., сост. (2018) Диалоги о сознании между Далай-ламой и российскими учеными и философами //Философские науки. - 2018. - No 3. - С. 7–41. DOI: 10.30727/0235-1188-2018-3-7-41.

3. Иннопрактика. URL: <https://innopraktika.ru> (дата обращения 01.03.2023)

4. ВЦИОМ. URL:<https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cennosti-molodezhi> (дата обращения 01.03.2023)

5. Обзор изменений Федерального закона от 27.07.2006 N 149-ФЗ "Об информации, информационных технологиях и о защите информации". Редакция от 29.12.2022 (с изм. и доп., вступ. в силу с 09.01.2023) [Текст: электронный] // URL: (дата обращения 28.02.2023)

INTEGRATION OF RUSSIAN SPIRITUAL AND MORAL VALUES IN THE CONTEXT OF GROWING THREATS TO NATIONAL SECURITY

Savina Svetlana Viktorovna
Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor
Department of Legal, Psychological and Pedagogical
and economic disciplines
branch of FSBEI HE "ASU"
in Belorechensk, Russia

Annotation. The article focuses on the issues of strengthening the all-Russian identity, preserving and strengthening Russian spiritual and moral values, and historical memory, the protection and preservation of which are key points in overcoming the crisis in the face of growing threats to national security.

In this regard, the tasks of strategic planning for the preservation and strengthening of traditional Russian spiritual and moral values are formulated. In the implementation of these tasks, an important place should be given to the scientific community.

Keywords: spiritual and moral values, historical memory, all-Russian identity, continuity, national security.

References

1. Decree of the President of the Russian Federation dated November 9, 2022 No. 809 "On Approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values". [Text: electronic]. URL: http://pravo.gov.ru.ews/ob_utverzhenii_osnov_gosudarstvennoy_politiki_po_sokhraneniuyu_i_ukrepleniyu_traditsionnykh_rossiysk_101122/(retrieved 01.03.2023).
2. Philosophical Sciences – 3/2018 Perspectives of Modern Civilization. Strategy of Philosophical Comprehension. Universe: Cognition. Consciousness. Awareness. Lysenko V.G., Sost. (2018) Dialogues On Consciousness Between the Dalai Lama And Russian Scientists And Philosophers // PhiloSophical Sciences. 2018. No 3. pp. 7–41. Doi: 10.30727/0235-1188-2018-3-7-41.
3. Innopraktika. URL: <https://innopraktika.ru> (date of access 01.03.2023)
4. VTsIOM. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cennosti-molodezhi> (accessed 01.03.2023).
5. Review of amendments to the Federal Law dated 27.07.2006 N 149-FZ "On Information, Information Technologies and Information Protection". Edition of 29.12.2022 (with amendments and additions, entering into force on 09.01.2023) [Text: electronic] // URL: (date of access 28.02.2023).

УДК 37.013.

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПАТРИОТИЗМА МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Марина Тхаркахо

кандидат юридических наук

Адыгейский государственный университет

Майкоп

Аннотация. Патриотическое воспитание на всем протяжении российской истории находится в поле зрения государства, приобретая особое значение в периоды внутренних и международных кризисов. Современная реальность изобилует вызовами, эффективно противостоять которым может только сплоченное российское общество, построенное на традиционных духовно-нравственных ценностях, объединяющее социально активных граждан со зрелым гражданским самосознанием, которые осознанно включены в жизнь и развитие своей страны.

Ключевые слова: государство, патриотизм, Родина, молодежь.

На сегодняшний день главным и приоритетным направлением государственной политики является задача повышения уровня гражданской ответственности у молодёжи, которое направлено на формирование элементов правового самосознания, духовности и культуры, толерантности и способности к ее успешной адаптации в обществе. Можно утверждать, что образовательная система направлена не только на передачу молодежи определенных знаний, но и на стремление развивать личные и нравственные качества, что, естественным образом, вызывает чувство патриотизма и любви к Родине.

В современных реалиях патриотическое воспитание представляется как система духовно-нравственных, гражданских и мировоззренческих качеств личности. Патриотизм представляется фундаментом в формировании

становления гражданина страны, личностные качества которого закладываются с самого раннего детства и в течение жизни дополняются и преумножаются. Наивысшей степенью развития чувства патриотизма является активная социальная деятельность личности, действиями, поступками, которые совершаются на благо Родины и развития гражданского общества. Патриотическое воспитание молодого поколения всегда считалось одним из приоритетных направлений политики государства. Основная задача развития и воспитания патриотизма у молодёжи состоит в созидательном и упорном процессе деятельности направленном на укрепление государства, обеспечения его устойчивого развития и формирование в обществе элементов социальной активности.

В настоящее время приоритетность воспитания патриотизма и гражданственности закреплена рядом нормативных правовых документов: ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации», Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации», Государственная программа «Развитие образования на 2013-2020 годы», Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года, Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, Основы государственной молодежной политики РФ на период до 2025 года, Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016-2020 годы» и другие[1, с.203].

В указанных нормативно-правовых документах РФ, делается акцент на воспитание гражданина страны, патриота своей Родины, который понимает свою сопричастность к судьбе Отчизны и являющийся одновременно в тоже время участником реальных событий происходящих в стране. Сегодня нельзя однозначно определить, в каком государстве, и на каком уровне государственных отношений была разработана эффективная концепция, которая оказала бы влияние на формирование патриотических чувств. Процесс

поиска оптимальной формы и модели патриотического воспитания молодёжи являлся предметом изучения выдающихся государственных деятелей, деятелей науки и культуры, педагогов. Так, Ушинский К.Д. считал, что патриотизм представляется не только важной задачей воспитания, но и могучим педагогическим средством: «Как нет человека без самолюбия, так нет человека без любви к отечеству, и эта любовь дает воспитанию верный ключ к сердцу человека и могущественную опору для борьбы с его дурными природными, личными, семейными и родовыми наклонностями» [2, с.121].

Появление и становление современных гражданских институтов, действующих на территории РФ в настоящее время, связано с перманентной борьбой с иными странами за собственную национальную независимость, сохранение самобытности и отстаивания национальных интересов. Социально-экономические преобразования сегодняшних дней послужили толчком к изменению в социокультурной жизни, оказали влияние на пересмотр ценностей в сознании у молодого поколения.

Общенациональная идея в настоящее время обязательный элемент для формирования осмысленных мировоззренческих, социокультурных и других установок. Правда, на современном этапе процесс формирования национальной идеи сильно усложняется социальным фактором расслоения общества нашей страны. Современное общество находится в так называемом «идейном» тупике. У подавляющего большинства жителей страны отсутствует элемент идейного единства, как одной из характерных черт духовной жизни [3, с.21]. Обилие наличия идей прикрывается установлением демократического государственного режима в стране, но действительность связана с глубоким внутренним системным кризисом, который препятствует обществу выбраться из состояния духовного кризиса. Важной составляющей духовного укрепления российского общества является возвращение к историческим корням, к своей национальной культуре, независимо от глобальных преобразований, происходящих в стране. Важно объединить усилия всего общества по развитию

системы духовно-нравственного воспитания молодого поколения, уйти от единичных усилий и попыток, и перейти к массовым формам консолидации общества.

Реализация указанной цели предполагает решение следующих задач:

- определить свой собственный путь государственного развития;
- определить отношение народа к государственной власти и наоборот, отношение России к странам Запада и Востока;
- бережно относиться и укреплять культурное наследие России;
- изучать законодательство страны, в первую очередь, Конституцию Российской Федерации, как базу для достойного развития личности;
- создать условия для формирования у молодёжи морально-психологических и физических компонентов готовности к выполнению ими воинской обязанности;
- прививать молодому поколению чувства гордости и глубокого уважения к символам России и другой национальной символики;
- развивать толерантные и дружеские отношения между народами, населяющими нашу страну;
- с ранних лет формировать чувства бережного и уважительного отношения к природе.

Таким образом, патриотическое воспитание молодёжи предполагает постоянную, целенаправленную, слаженную работу всех государственных и общественных структур, направленную на создание особых форм и методов патриотической работы с учётом возрастной, социальной и других групп населения.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Алюбаева, Г.Н. Краткий обзор нормативной правовой базы современного состояния патриотического воспитания в России / Г.Н. Алюбаева // Молодой ученый. – 2022. - № 23 (418). - С. 202 – 205.

2. Ушинский, К. Д. Проблемы педагогики: (сборник) / К. Д. Ушинский; (сост. и авт. вступ. ст. Э. Д. Днепров). - М., 2002. - 592 с.

3. Овсеенко, Ю.С. Национальная идея современной России: Инновационный фактор / Ю.С. Овсеенко // Историческая и социально – образовательная мысль. – 2010. - № 1 (3). – С. 19 – 24.

PROBLEMS OF FORMATION OF YOUTH PATRIOTISM IN MODERN RUSSIA

Tkharkakho M.M.

PhD, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Constitutional Construction and Political Science

Annotation. Patriotic education throughout Russian history has been in the state's field of view, acquiring special significance during periods of internal and international crises. The modern reality is replete with challenges, which can be effectively resisted only by a cohesive Russian society built on traditional spiritual and moral values, uniting socially active citizens with a mature civic consciousness, who are consciously involved in the life and development of their country.

Keywords: state, patriotism, Motherland, young people.

References:

1. Alibayeva, G.N. A brief overview of the regulatory legal framework of the current state of patriotic education in Russia / G.N. Alibayeva // Young Scientist. – 2022. - № 23 (418). - Pp. 202 – 205.
2. Ushinsky, K. D. Problems of pedagogy: (collection) / K. D. Ushinsky; (comp. and auth. introductory article by E. D. Dneprov). - M., 2002. - 592 p.
3. Ovseenko, Y.S. The national idea of modern Russia: Innovation factor / Yu.S. Ovseenko // Historical and socio–educational thought. – 2010. - № 1 (3). – Pp. 19 – 24.

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МОЛОДЕЖНЫХ ВОЛОНТЕРСКИХ
ОРГАНИЗАЦИЙ В КРЫМУ КАК ФАКТОР КОНСОЛИДАЦИИ
ОБЩЕСТВА (АНАЛИЗ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
2020-2021 гг.)**

***Владимир Узунов**
доктор политических наук, доцент
Симферополь*

Аннотация. В статье рассмотрена роль и деятельность молодежи в волонтерских организациях (на примере Республики Крым). Проанализировано развитие молодежного волонтерского движения в Республике Крым, которое способствует усилению консолидации общества. Приведены результаты социологических исследований, проведенных в 2020-2021 гг. в Республике Крым. Исследования показали, что динамика участия крымской молодежи в волонтерской деятельности увеличивается год от года. Дана оценка мотивов вступления в ряды волонтеров и мотивация участия молодежи в волонтерской деятельности. Представлен социальный портрет молодых волонтеров Республики Крым.

Ключевые слова: волонтер, волонтерская деятельность, волонтерское движение, социальное волонтерство, консолидация, молодежь.

Волонтерская деятельность – это деятельность, которая включает в себя традиционные и инновационные формы взаимопомощи и самопомощи. Кроме того, волонтерскую деятельность следует понимать (с процессуальной точки зрения), как официальное, социально одобренное предоставление услуг, которое осуществляется участниками данной деятельности добровольно на благо широкой общественности без расчёта на денежное вознаграждение [1].

Исследователи волонтерства рассматривают ее использование, как минимум в двух аспектах: влияние молодежного волонтерства на конкретно-

историческую ситуацию, сложившуюся в обществе, а также влияние волонтерства на саму личность молодого человека, включающегося в данную деятельность. Волонтерство в силу своего добровольного, свободного объединения людей способствует устойчивой консолидации гражданского общества.

Понятие «волонтер» раскрыто в Федеральном законе от 11 августа 1995 года № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях». Волонтеры – это граждане, осуществляющие благотворительную деятельность в форме безвозмездного труда в интересах благополучателя.

По мнению Е. И. Холостовой, волонтеры - это люди, делающие что-либо неформально, работая бесплатно как в государственных, так и в частных организациях медицинской, образовательной сферы или сферы социального обеспечения, либо являются членами добровольческих организаций [2, с.121-124].

А.Н. Евсеева характеризует современное волонтерство, как мощное общественное движение, имеющее свои организации во всех странах мира, но давно уже переросшие как национальные границы, так и сферу применения волонтерского труда [3].

Вовлечение молодежи в неформальные структуры, часто носящие асоциальный характер, в последние годы является одной из актуальных проблем в Республике Крым. Об этом мы писали по итогам проведенного весной-летом 2020 года исследования, отмечая: «Неоднозначная этнополитическая ситуация в ряде регионов Крыма, последствия неконтролируемой миграции и, главное, экономические кризисные явления в наибольшей степени сказываются на молодежи. В выступлении Министра внутренних дел Республики Крым П. Каранды 27 мая 2020 г. сказано, что только за 2019 год подростками и молодежью совершено 343 преступления, прямо или косвенно относящиеся к нашей проблеме. Внешние и внутренние

деструктивные силы, пользуясь данной ситуацией, стремятся манипулировать молодежью, используя ее, в том числе, и в экстремистских целях. Последствия пандемии коронавируса на рынке труда Крыма могут вызвать всплески экстремизма в поведении молодежи по отношению к мигрантам, представителям «материковых» этносов, к местным властям и т.д.».

Крайне важным для консолидации молодежи становится вовлечение ее в общественно полезную деятельность, действенной формой такого вовлечения становится волонтерство.

С целью определения количественных и, главное, качественных параметров волонтерского движения были проведены социологические исследования, охватившее около 2000 волонтеров из 23 территориальных образований Республики Крым в 2020 г. и 2021 г. [4; 5]. Целью данных социологических исследований стало оценка развития волонтерского движения в республике, определение инновационных направлений развития волонтерства, предложенных участниками исследования.

Наиболее широко представлено в Республике Крым социальное волонтерство. Это помощь одиноким ветеранам, помощь детям, работа с той категорией людей, которую принято называть социально незащищенными. Социальное волонтерство – это исторически сложившееся направление. В Крыму примеры социального волонтерства известны еще со времен Крымской войны XIX века и подробно описаны в художественной литературе. Другие примеры социального волонтерства отражены в научной литературе, как отечественной, так и в зарубежной.

В Крыму, как и в других регионах Российской Федерации, в средствах массовой информации социальное волонтерство, к сожалению, освещается очень поверхностно и некомпетентно, что необходимо исправлять в сознании не только молодежи, но и представителей властных структур, НКО, представителей бизнеса, руководителей учебных заведений и значительной части педагогов.

Зачастую, когда человек приходит к мысли о том, что он хочет стать волонтером, первое, о чём он думает – это, как правило, вот о таком социальном аспекте. Это подтверждают и данные наших исследований 2020 г. и 2021 г. Приведем данные в сравнительной таблице по годам проведения исследований.

Таблица 1

Сопоставимые данные ответов на вопросы: «Попробуй дать честную оценку главным мотивам твоего вступления в ряды волонтеров»¹

(2020 и 2021 гг., %)

Суждения респондентов исследования	2020	2021
Просто желание помогать людям, которые в этой помощи нуждаются	67,4	59,9
Я давно мечтал принять участие в добровольном общественно полезном движении, и эта мечта сбылась	34,8	38,5
Я вообще не задумывался над причинами и мотивами, просто пошел по зову сердца	33,2	23,8
Может быть, это желание быть вместе со своими сверстниками, которые не болтаются, а делают добрые дела	16,6	29,8 ²
Мне казалось, что через это участие я смогу доказать другим свои возможности и проявить лидерские качества	10,5	22,3**
Я надеялся через участие в волонтерском движении продвинуться по социальной лестнице, выдвинуться	9,4	15,1**
Думал немного подзаработать таким образом	2,2	7,5**
Другое мнение	2,2	-
Стал волонтером, чтобы быть вместе с любимым человеком	1,7	6,3**

Мы видим, что наши респонденты, дают нам возможность сформулировать иерархию мотивов их вступления в ряды волонтеров. Первые четыре мотива вполне соответствуют целям и задачам, сформулированным

¹ Примечание: респонденты могли выбрать более одного направления, если это отражает их интересы и стремления. При этом речь идет не только о социальном волонтерстве, но и о других направлениях этого движения. Отметим, что корреляционный анализ ответов респондентов, относящихся к другим направлениям, показывает, что для всех них мотивы очень близки.

² В 2021 году усилились мотивы, которые отражают важность социальных связей в жизни молодежи, т.е. приобрели более четкое предметное поле, чем в 2020 году. См. отв. на вопр.: 4-7 и 9.

Президентом России В.В. Путиным в его выступлении перед молодежью Артека. Лишь три мотива носят сугубо эгоистический характер, да и они не поднимаются до социально-опасного уровня.

Интегральным показателем участия молодежи в добровольческом (волонтерском) движении является гражданская (общественная) активность. Как показывают наши опросы экспертов, многие активисты и даже руководители волонтерских организаций путаются в понятиях «социальная активность» и «гражданская активность».

Социальная активность — это всегда сознательная и целенаправленная деятельность человека, движущими факторами которой выступают те потребности, удовлетворение которых имеет социальное значение и затрагивает общественные интересы и общественные задачи.

Термин «социальная активность» в социологической энциклопедии интерпретируется как совокупность свойств социального субъекта, благодаря которым он продвигается к поставленной общественной цели, отражающей объективные законы социального развития [6].

Социальная активность и пассивность молодежи вызывает интерес у исследователей не столько из-за многочисленности данной демографической группы в зависимости от того, какие возрастные рамки рассматривать и той роли, которую традиционно выполняет молодежь в изменении и трансляции социальных норм и ценностей, в участии в преобразовании социальной, общественной и политической системы.

Гражданская активность — это форма активности общества, направленная на реализацию социальных интересов, принадлежащая человеку, разнообразным общественным объединениям граждан. Гражданская активность зависит от духовных, политических, культурных ценностей общества и человека [7].

Гражданская активность выступает как разновидность социальной активности, являясь продуктом совместного влияния на личность государства

и общества, проявляется в различных формах, как конструктивных, так и деструктивных.

К сожалению, современная российская молодежь во многом задеймована в решении социальных проблем, которые перед ней стоят: проблема с трудоустройством, материальные трудности, экономическое обеспечения своих потребностей, так что мало интересуется деятельностью общественных объединений различного толка и демонстрирует отсутствие активного участия в реализуемых социальных и экономических проектах.

Таким образом, можно констатировать, что в настоящее время происходит трансформация социальной активности молодежи, которая демонстрирует готовность проявлять инициативность, рисковать, добиваться цели, правда в большинстве своем данная жизненная позиция выстраивается вокруг личного успеха, благополучия, своих прав и интересов и значимых для него социальных групп. Молодые люди готовы к переменам, для них важен индивидуализм.

Хотя волонтерское движение мы воспринимаем как сугубо добровольную форму участия юношей и девушек в общественно-полезной деятельности. Но оно представляет собой особую форму коллективных действий, когда «участники коллективной деятельности, кроме индивидуальных мотивов, должны иметь побуждение работать вместе, т.е. должна формироваться общая мотивация, позволяющая достигать надындивидуальные цели и задачи, значимые для каких-то групп или в целом для общества. Единые цели и общая мотивация создают исходные условия для формирования из отдельных участников некоторой их общности (коллективного субъекта)» [8].

Устойчивость этой общности мы фиксируем, сопоставляя данные исследований 2020 и 2021 гг. Эти данные отражены в следующей таблице:

Таблица 2

Как давно ты принимаешь участие в волонтерском движении, в
волонтерской деятельности? (2020 и 2021 гг., %)

Суждения респондентов исследования	2020	2021
Только недавно присоединился	47,0	43,7
Уже несколько месяцев	22,1	25,0
Я волонтер со стажем (год и более)	30,9	31,3

Сравнение полученных данных позволяет сделать однозначный вывод о динамике участия крымской молодежи в волонтерской деятельности.

Во-первых, ежегодно к различным формам волонтерского движения присоединяются примерно 40-45 процентов юношей и девушек. Как мы отмечали в 2020 году, активизировала волонтерское движение ситуация с пандемией коронавируса, в результате которой резко возросло количество людей, нуждающихся в социальной помощи. При этом весьма показательным является включение в волонтерскую деятельность не только учащейся молодежи, но и более старших возрастных групп, которые обладают определенным статусом, более четкими ценностными ориентациями, и принимают решение о вступлении в ряды волонтеров не только по зову сердца, но и в результате сформированной социальной позиции.

Во-вторых, примерно четверть молодежи задерживается в рядах волонтеров не более полугода. Это часто объясняется психологическими особенностями части молодежи, которую можно охарактеризовать, как «индивидов, доминантой которых является личная инициативность. Они фонтанируют идеями, однако большая часть этих идей нежизнеспособна. Ждут, когда их пригласят заниматься каким-то сверхважным делом или руководить осуществлением их собственной сверхценной идеей. Не привыкли отвечать за свои поступки. Часто чувствуют себя обиженными и непонятыми».

Наконец, в-третьих, более 30 процентов крымской молодежи является основой волонтерского движения на полуострове.

Рассмотрим тенденции отношения молодых людей к волонтерскому движению.

Таблица 3

Сопоставимые данные ответов на вопросы: «Не жалеешь ли ты, что стал волонтером, и будешь ли участвовать в волонтерском движении в будущем?» (2020-2021гг., в %)

Суждения респондентов исследования	2020	2021
Нисколько не жалею, и собираюсь активно участвовать в волонтерском движении и далее, пока в нем есть потребность общества и нуждающихся в помощи людей	61,3	44,6
Нисколько не жалею, но боюсь, что с осени начнется учеба на стационаре, работа, и это сузит мои возможности только до выходных дней, но продолжать помогать людям в эти дни буду	12,2	16,9
Не жалею. В период "дистанционки" и самоизоляции участие в волонтерском движении давало возможность свободно передвигаться, общаться с другими людьми. Что будет в будущем - не знаю, не задумывался.	6,1	13,3
Не жалею, но в силу занятости (необходимость наверстать недополученные знания, умения, возможность выйти на работу в полном объеме), вряд ли продолжу участвовать в волонтерском движении	6,6	11,1
Немного жалею, поскольку надеялся на то, что для волонтеров будут организовывать интересные встречи, совместный отдых, концерты и т.д., но продолжать участвовать, скорее всего, буду, особенно если возобновится "дистанционка"	0,0	3,0
Немного жалею, поскольку надеялся на то, что для волонтеров будут организовывать интересные встречи, совместный отдых, концерты и т.д., но этого не было, поэтому продолжать участвовать, скорее всего, не буду	0,6	0,9

Я разочарован в волонтерском движении (укажите причину) и далее принимать в нем участия не буду	13,3	1,5
Мне трудно ответить на этот вопрос, как и трудно определить - буду ли я продолжать волонтерскую деятельность	0,0	8,7

Из таблицы мы видим, что социальный аспект такого отношения за год несколько снизился, но причиной такого снижения стала постковидная ситуация, которая, увы, в 2021 году не улучшила систему социальных связей молодежи. Однако нельзя забывать и о трансформации социальных мотивов социального участия молодежи вообще.

Стоит отметить, что качествами наиболее социально пригодными и важными, молодые респонденты считают: здоровье – как физическое, так и душевное (85%); самостоятельность (76%) и смелость (66%); успешность - как способность достигать нужных целей и возможность выбирать и ставить собственные цели и стремиться к их достижению (81%). Примечательна весьма низкая востребованность таких качеств, как честность (8%), послушность (10%), полезность (12%) и скромность (8%). Иначе говоря, работа на благо других не нашла поддержки и признания среди части молодых респондентов. Но необходимо отметить появление новых структур и форм социальной активности и общественного участия, которое позволяет с осторожностью говорить не о снижении, а о трансформации форм социальной активности молодежи. Для молодых людей важно через социальную активность, общественное участие реализовать возможность самореализоваться, самопрезентовать, получить одобрение значимых социальных групп, а не добиться одобрения обществом взрослых. В этой ситуации важно, что в Крыму участники нашего исследования включили сюда участие в волонтерской деятельности.

Следует отметить, что общая оценка молодежью всех направлений волонтерского движения практически не изменилась. Практически 70

процентов респондентов в 2020 и 2021 году оценили волонтерскую деятельность в своих населенных пунктах как отличную и хорошую, около 25 процентов как удовлетворительную. Плохие оценки дали только около 5 процентов (но это касается лишь отдельных сельских поселений).

Волонтеры «со стажем» дали еще более высокие оценки этой деятельности, не поставив ни одной плохой оценки.

В заключении рассмотрим социальный портрет молодых волонтеров Республики Крым.

Отметим, что в 2021 году нам удалось привести соотношение полов респондентов в статистически более достоверный вид. Хотя из ответов исследования 2020 года следовало, что девушки были более активны в волонтерском движении.

Стоит отметить, что волонтерское движение за год стало старше, и в то же время сократилась старшая группа волонтеров, хотя респонденты в своих предложениях просят активнее привлекать к работе именно представителей старшего возраста.

Продолжая процесс формирования социального портрета волонтеров Крыма, мы не можем не упомянуть о такой его особенности, как билингвизм. Еще в исследовании, проведенном нами в 2016 году, мы отмечали, что на характерный для крымчан билингвизм (двуязычие) в бытовом общении указали 37 процентов респондентов, а 82 процента отметили, что не испытывают при этом проблем, хотя подавляющее большинство крымчан общается на русском языке.

При этом весьма показательно, что подавляющее большинство представителей молодежи предпочитают, чтобы их воспринимали, прежде всего, как граждан России, а уж потом, как крымчан или представителей отдельных национальностей. Как свидетельствуют материалы исследования, 83 процента молодых крымчан не испытывали по отношению к себе никакой дискриминации в зависимости от языка, национальности или религии. Понятно,

что единичные случаи негативного отношения были и, возможно, будут, но такие случаи диктуются, скорее, недостатком культуры обидчиков.

И еще один важный момент – это территориальная самоидентификация волонтеров. Более 80 процентов наших волонтеров, что называется, коренные крымчане, но в волонтерском движении участвуют и те, кто переехал в Крым сравнительно недавно. Наши же волонтеры, которых мы опросили в личных интервью, отвечали, что волонтерство не отдаляет, а, наоборот, сближает уроженцев разных этносов и регионов.

Для нас была также важной оценка волонтерами ситуации в Крыму. Если люди удовлетворены уровнем своей жизни, если они считают ситуацию в городе, районе, селе нормальной, они, подсознательно, будут «плюсовать» все положительные черты мэрам, главам районов, министрам, распространяя на них часть своей уверенности в завтрашнем дне. Обратная ситуация сработает в сторону нарастания внутреннего протеста, который будет направляться на тех конкретных людей, которые аккумулируют в своих руках административную и политическую власть.

Тем не менее, мы видим, что оценка ситуации в Крыму после его воссоединения с Россией по сравнению с 2020 годом ухудшилась на 12,5%. Тем не менее, всего лишь 3,9% респондентов оценивают эту ситуацию отрицательно. Причина некоторого снижения оценки ситуации – пандемия коронавируса, вызвала ряд кризисных процессов.

Это не означает, однако, что в Крыму отсутствуют группы риска. Эти группы могут быть открытыми или латентными (скрытыми).

Корреляционный анализ по Крыму в целом даст нам направления, в которых мы можем фиксировать эти группы. Первое направление – возрастное. Нужно всегда держать на контроле воспитание исторической памяти младших возрастных групп населения, особенно тех, кто был несовершеннолетним на момент проведения референдума 2014 года. Второе направление – этническое.

Исследование показало, что общие оценки итогов волонтерской деятельности в Крыму внушают определенный оптимизм. Важно отметить, что именно молодежь, которая ищет пути социального самоутверждения, может реально добиться его через помощь нуждающимся группам населения Крыма.

Стоит обратить внимание на мотивы вступления молодых крымчан в ряды волонтеров для того, чтобы использовать их с целью привлечения новых участников волонтерских движений, особенно представителей младших возрастных групп, а также консолидации общества.

На основе результатов исследования были предложены методические рекомендации Государственному Комитету Молодежной Политики Республики Крым, которые следует, с учетом уже накопленного опыта, использовать в практической деятельности волонтерских организаций на территориях.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Гришаева, Н. П. Современные технологии эффективной социализации ребенка в дошкольной образовательной организации: метод. пособие. М.: Вентана-граф, 2015. 184 с.

2. Холостова, Е.И. Волонтеры // Словарь-справочник по социальной работе / под ред. проф. Е.И. Холостовой. М., 1997.

3. Евсеева, А. Н. Привлечение добровольцев к работе учреждений социального обслуживания / А. Н. Евсеева // Работник социальной службы. – 2008. - №1. - С. 10-13.)

4. Чигрин, В. А. Мониторинг применения стандарта поддержки добровольчества (волонтерства), Части 1-2: научный отчет КФ ФНИСЦ РАН (2020 г.) / В. А. Чигрин, Е. Г. Городецкая, В. В. Узунов. – Симферополь, [б.и], 2020. – 61 с. – Текст: непосредственный.

5. Чигрин, В. А. Социологический мониторинг деятельности волонтерских организаций Республики Крым и фактического использования положений стандарта поддержки волонтерского движения: научный отчет КФ ФНИСЦ РАН (2021 г.) / В. А. Чигрин, Е. Г. Городецкая, В. В. Узунов. – Симферополь, [б.и], 2021. – 82 с. – Текст: непосредственный.

6. Социологическая энциклопедия. Т. 1. Национальный общественно-научный фонд. М.: Мысль, 2003. – 694.

7. Волкова, Н.В., Гусева, Л.А. Гражданская активность как зеркало политических, духовных и культурных ценностей общества [Электронный

ресурс]. – Режим доступа: <http://www.scienceeducation.ru/111-10681> (дата обращения: 16.07. 2017)

8. Казаринова, Д. Б. Теория коллективных действий: политические импликации / Д. Б. Казаринова. – Текст: непосредственный // Вестник Российского университета дружбы народов. - 2011. - №. 3. - С. 71–78.

ACTIVITIES OF YOUTH VOLUNTEER ORGANIZATIONS IN CRIMEA AS A FACTOR IN THE CONSOLIDATION OF SOCIETY (ANALYSIS OF SOCIOLOGICAL RESEARCH IN 2020-2021)

Vladimir Uzunov

Doctor of Political Sciences, Associate Professor, director
Crimean Branch of the FCTAS RAS, Simferopol, Russian Federation

The article considers the role and activities of youth in volunteer organizations (on the example of the Republic of Crimea). The development of the youth volunteer movement in the Republic of Crimea, which contributes to strengthening the consolidation of society, is analyzed. The results of sociological studies conducted in 2020-2021 are given. in the Republic of Crimea. Studies have shown that the dynamics of the participation of Crimean youth in volunteer activities is increasing year by year. An assessment of the motives for joining the ranks of volunteers and the motivation for young people to participate in volunteer activities is given. A social portrait of young volunteers of the Republic of Crimea is presented.

Keywords: volunteer, volunteer activity, volunteer movement, social volunteering, consolidation, youth.

References:

1. Grishaeva N. P. Sovremennye tekhnologii effektivnoi sotsializatsii rebenka v doshkol'noi obrazovatel'noi organizatsii: metod. posobie. Moskva: Ventana-graf, 2015. 184 p.
2. Kholostova E.I. Volontery // Slovar'-spravochnik po sotsial'noi rabote / pod red. prof. E.I. Kholostovoi. M., 1997.
3. Evseeva A. N. Privlechenie dobrovol'tsev k rabote uchrezhdenii sotsial'nogo obsluzhivaniia / A. N. Evseeva // Rabotnik sotsial'noi sluzhby. 2008. - no1. - S. 10-13.)
4. Chigrin V. A. Monitoring primeneniia standarta podderzhki dobrovol'chestva (volonterstva), CHasti 1-2: nauchnyi otchet KF FNISTS RAN (2020 g.) / V. A. Chigrin, E. G. Gorodetskaia, V. V. Uzunov. Simferopol', [b.i], 2020. 61 p. Tekst : neposredstvennyi.
5. Chigrin V. A. Sotsiologicheskii monitoring deiatel'nosti volonterskikh organizatsii Respubliki Krym i fakticheskogo ispol'zovaniia polozhenii standarta

podderzhki volonterskogo dvizheniia: nauchnyi otchet KF FNISTS RAN (2021 g.) / V. A. Chigrin, E. G. Gorodetskaia, V. V. Uzunov. Simferopol', [b.i], 2021. 82 p. Tekst : neposredstvennyi.

6. Sotsiologicheskaja entsiklopediia. T. 1. Natsional'nyi obshchestvenno-nauchnyi fond. Moskva: Mysl', 2003. 694.

7. Volkova N.V., Guseva L.A. Grazhdanskaia aktivnost' kak zerkalo politicheskikh, dukhovnykh i kul'turnykh tsennostei obshchestva [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.scienceeducation.ru/111-10681> (data obrashcheniia: 16.07. 2017)

8. Kazarinova D. B. Teoriia kollektivnykh deistvii: politicheskie implikatsii / D. B. Kazarinova. Tekst : neposredstvennyi // Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. - 2011. - no. 3. - S. 71–78.

УДК 316.624.2

СУИЦИДАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ПОДРОСТКОВ: ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

*Владимир Чагин, преподаватель
Краснодарский университета МВД России
Краснодар*

Аннотация. Автором поднимается проблема суицидального поведения современных подростков. Показывается, что на данный момент имеется тенденция на уменьшение количества подростковых самоубийств, как на российском уровне, так и в масштабе Краснодарского края. Однако в статье отмечается, что суицидальное поведение включает в себя две фазы (пресуицид и самоубийство), в результате чего изучение исключительно фактов летальных исходов самоубийств недостаточно. Поэтому автор демонстрирует анализ анкетного опроса подростков Краснодарского края, который фиксирует актуальный потенциал суицидальной активности современных подростков.

Ключевые слова: самоубийство, молодежь, профилактика суицида, институциональный контроль.

Проблема самоубийства среди детей и подростков продолжает оставаться в повестке дня современной российской социологии. С одной стороны, на сегодняшний день продолжается процесс теоретического переосмысления практик добровольного ухода из жизни подростками, а с другой стороны, развиваются эмпирические исследования данной темы, которые отражают фокус общественного мнения по суицидальной активности подростков [1]. Интерес к обозначенной проблеме объясняется транзитивностью современного российского общества, где прежние социальные институты (в первую очередь, семья и образование) утрачивают способность вырабатывать и транслировать непротиворечивые нормы и предписания, что приводит к непредсказуемости поведения индивидов [3, с. 28]. Подростки в этом ключе представляют особый риск, поскольку они находятся в переходном (психологическом, ценностно-нормативном, социально-статусном) состоянии, требующим институционального контроля. В противном случае в подростковой среде возможны девиации, в крайней форме выражающиеся в суицидальном поведении. Поэтому целью статьи является выявление потенциала суицидального поведения подростков в транзитивных условиях современного российского общества.

Согласно данным Росстата, с 2000 г. по 2019 г. в России наблюдается ежегодное уменьшение совершенных самоубийств: если в 2000 г. насчитывалось 56 934 случая, то в 2019 – уже 17192 факта самоубийства. По возрастному критерию в общероссийском масштабе также фиксируется снижение суицидальной активности в подростковой среде: в соответствии с данными Росстата, коэффициент смертности от самоубийства лиц 15-19 лет в 2017 г. уменьшился в 1,9 раза по сравнению с аналогичным показателем в 2011 г. [3]. Похожая динамика прослеживается и в региональном масштабе. В соответствии с официальной статистикой, в Краснодарском крае пик смертности от самоубийств приходился на 2000г. (1679 случаев), после чего наметился регулярный ежегодный спад летальной суицидальной активности,

достигший минимума в 2018 г. (432 случая) [4]. Падение общего числа смертности от самоубийств в регионе более чем в 3 раза косвенно свидетельствует об уменьшении суицидов и в подростковой среде. Предшествующее статистическое исследование по суицидальной активности молодежи, выполненное Е.О. Бойко, Ю.Ш. Васяниной, Ю.А. Мыльниковой, С.С. Брижак, также подчеркивает, что в Краснодарском крае на протяжении последних лет относительный показатель распространенности завершенных суицидов на 100 тысяч детского населения (в возрасте до 18 лет) ниже «общероссийского» [6 с. 19].

Однако необходимо понимать, что позитивная динамика снижения количества смертей от самоубийства, не учитывает изменения суицидального поведения. Дело в том, что понятие «суицидальное поведение» шире, чем «самоубийство». Помимо самого акта суицида, суицидальное поведение объединяет в себе мысли, намерения, высказывания, угрозы и попытки самоубийства. Иными словами, суицидальное поведение состоит из двух фаз: пресуицид и непосредственные попытки совершения самоубийства, вне зависимости от конечного результата (летальности или нелетальности исхода) [7. с. 9]. Поэтому для целостного понимания проблемы подросткового суицида необходимо учитывать не только факты летальных исходов самоубийств, но и само суицидальное поведение подростков – пресуицидальную фазу. С этой целью в 2019-2021 г. нами был проведен анкетный опрос среди подростков Краснодарского края (N=301) в возрасте 15-18 лет, среди которых 74% – респонденты мужского пола, 26% – респонденты женского пола. В соответствии с задачами исследования все вопросы анкеты были разделены на два блока: суицид как социальная проблема и личная суицидальная активность.

В первом блоке было определено, что большинство опрошенных подростков Краснодарского края (64,5%) видит в самоубийстве социальную проблему, требующую повышенного внимания, причина которой заключается в желании людей уйти от накопившихся жизненных трудностей (61,1%).

Полученные данные подтверждают результаты исследования 2016-2017 гг. по суицидальной активности подростков Краснодарского края, согласно которым основными причинами суицидального поведения являются: проблемы и конфликтные отношения в семье (22%), конфликты со сверстниками (8,1%), увлечение Интернет-сайтами суицидальной направленности (7,3%), трудности в учебе и в общении с педагогами (3,3%) [6, с. 21].

Однако оказалось, что подростки не способны четко выявить природу самоубийства: одни считают, что это спонтанный акт (15,9%), другие полагают, что это обдуманное действие (21,2%), но большинство не понимают, какие силы (рациональные или нет) движут человеком при совершении суицида (62,9%). Зарубежные современные исследования по вопросам суицидального поведения объясняют это тем, что для многих подростков, предпринимавших попытки самоубийства, имеется небольшой временной промежуток между фазой пресуицида и непосредственным суицидальным актом. Тем самым подростковое суицидальное поведение, как правило, носит импульсивный характер без серьезного преждевременного планирования действий [8, р. 5].

Опрос также показал, что для современного подростка практика самоубийства противоречит установленным социальным нормам, так как большинство подростков определяют суицид как грех (89%), заслуживающий общественного осуждения и порицания (66,4%). Но при этом парадоксально, что для большинства опрошенных подростков самоубийца предстает не как слабый человек, а как человек, обладающий сильным духом (53%). Иначе говоря, для опрошенных подростков суицид выступает экстраординарным социальным феноменом, негативно оцениваемым в глазах общественности; на его совершение способен только человек, имеющий волю противиться сложившемуся социальному порядку.

Во втором блоке, связанным с определением личной суицидальной активности, в первую очередь были выявлены поведенческие установки у подростков. Для этого респондентам был задан вопрос с несколькими

вариантами ответа: «Что характерно для Вашего поведения?». Самыми главными поведенческими установками оказались: наличие цели в жизни и стремление к ее реализации (95%), трудолюбие (83,7%) и внимательное отношение к здоровью (60,8%). Примечательно, что подростки не видят ценности в таких негативных поведенческих установках, как употребление алкоголя или наркотических веществ, нарушение закона, постоянная смена сексуальных партнеров и азартные игры. В дальнейшем также выяснилось, что у преобладающего большинства подростков никогда не возникало суицидальных мыслей (97,3%), поэтому группа риска, которую составляют подростки с суицидальными настроениями, не значительна (2,7%). При этом все опрошенные были единогласны в том, что никогда не смогли бы лишиться себя жизни.

Но существуют «тревожные звонки», которые в случае потенциального расширения группы риска могут приводить к быстрому переходу фазы пресуицида в непосредственный суицидальный акт. Первой проблемой, заслуживающей внимания, является то факт, что большинство подростков, проводя саморефлексию, считает себя внушаемыми (73%) и импульсивными (65,1%), нежелающими искать выход в сложных ситуациях (35,2%). Вторая проблема связана с нежеланием делиться личными жизненными трудностями с близкими людьми (65,8%). Как показывают предшествующие социологические исследования, люди с более слабыми связями и меньшей социальной вовлеченностью, как правило, подвергаются большему риску самоубийства [9, р. 64]. Говоря терминами французской социологической школы, при отсутствии сильных социальных связей, образующих сети социальной поддержки, возникают риски совершения «эгоистического самоубийства» [10, с. 158]. Поэтому замкнутость в себе подростков при возникающих проблемах способна привести к росту суицидальной активности.

В итоге проведенный социологический анализ позволяет нам заключить ряд выводов об актуальном потенциале суицидального поведения подростков в условиях российского общества:

- На сегодняшний день наблюдается уменьшение количества смертей от суицида, как на федеральном, так и на региональном уровне, что свидетельствует об улучшении и усилении институционального контроля над подростковой социализацией.

- В представлении подростков суицид воспринимается как негативное, общественно порицаемое явление, причина которого видится в неспособности решить жизненные проблемы. Сами подростки практически не задумываются о возможном совершении самоубийства и, как правило, не видят в нем заранее спланированный акт. Несмотря на это в среде подростков сегодня имеется небольшая группа риска, находящаяся в пресуицидальной фазе.

- Факторами, которые способны повлиять на рост суицидальной активности в подростковой среде, являются такие черты характера подростка, как импульсивность и внушаемость, а также нежелание обсуждать и решать личные проблемы с родителями и близкими людьми.

Поэтому в современных условиях для эффективной профилактики суицидального поведения подростков требуется институциональный контроль по выявлению предсуицидальной фазы, а именно регулярный социально-психологический мониторинг со стороны организаций, работающих с представителями данной возрастной группы населения. Предложенная мера позволит ограничить потенциальное расширение группы риска, подверженной суицидальной активности.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Детские самоубийства: кто виноват и что делать? URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/detskie-samoubijstva-kto-vinovat-i-chto-delat> (дата обращения: 12.02.2023).

2. Зубок, Ю.А., Чупров, В.И. Современная социология молодежи: изменяющаяся реальности и новые теоретические подходы // Россия реформирующаяся: ежегодник: вып.15. М., 2017. С. 12-48.
3. Смертность от самоубийств. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/58547> (дата обращения: 12.02.2023).
4. Число умерших по основным классам и отдельным причинам смерти за год. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31620> (дата обращения: 12.02.2023).
5. Бойко, Е.О., Васянина, Ю.Ш., Мыльникова, Ю.А., Брижак, С.С. Анализ суицидальной активности детско-подросткового населения Краснодарского края // Социальная и клиническая психиатрия. 2019. Т. 29. № 3. С. 19-22.
6. Русакова, М.М., Одинокова, В.А., Изотова, М.Х. Актуальные вопросы защиты детства в Санкт-Петербурге: профилактика суицидального поведения и насилия, участие детей в принятии решений как условие эффективности профилактики: Методические рекомендации. СПб: Скифия-принт, 2019.
7. Omar H.A., Merrick J. Teens and suicide // Building youth for the future. A path towards suicide prevention. New York: Nova Science Publishers, Inc, 2018. P. 4-30.
8. Manning J. Suicide. The Social Causes of Self- Destruction. Charlottesville; London: University of Virginia Press, 2020.
9. Дэвис, Д. Смерть, ритуал и вера: риторика погребальных обрядов. М.: Новое литературное обозрение, 2022.

SUICIDAL BEHAVIOR OF ADOLESCENTS: EXPERIENCE OF SOCIOLOGICAL ANALYSIS

Chagin V.S.

Abstract. The author raises the problem of suicidal behavior of modern teenagers. It is shown that at the moment there is tendency to reduce the number of teenage suicides both at the Russian level and on the scale of the Krasnodar Territory. However, the article notes that suicidal behavior includes two phases (pre-suicide and suicide), as result of which it is not enough to study exclusively the facts of suicide deaths. Therefore, the author demonstrates an analysis of a questionnaire survey of adolescents in the Krasnodar Territory, which captures the current potential for suicidal activity of modern teenagers.

Keywords: suicide, youth, suicide prevention, institutional control.

References

1. Child suicide: who is to blame and what to do? URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/detskie-samoubijstva-kto-vinovat-i-chto-delat> (date of access: 02/12/2023).
2. Zubok, Yu.A., Chuprov, V.I. Modern Sociology of Youth: Changing Realities and New Theoretical Approaches // Reforming Russia: Yearbook: Issue 15. M., 2017. S. 12-48.
3. Mortality from suicide. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/58547> (date of access: 02/12/2023).
4. The number of deaths by main classes and individual causes of death for the year. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31620> (date of access: 02/12/2023).
5. Boyko, E.O., Vasyanina, Yu.Sh., Mylnikova, Yu.A., Brizhak, S.S. Analysis of suicidal activity of the child and adolescent population of the Krasnodar Territory // Social and Clinical Psychiatry. 2019. V. 29. No. 3. S. 19-22.
6. Rusakova, M.M., Odinkova, V.A., Izotova, M.Kh. Actual issues of child protection in St. Petersburg: prevention of suicidal behavior and violence, participation of children in decision-making as a condition for the effectiveness of prevention: Methodological recommendations. St. Petersburg: Scythia-print, 2019.
7. Omar H.A., Merrick J. Teens and suicide // Building youth for the future. A path towards suicide prevention. New York: Nova Science Publishers, Inc., 2018. P. 4-30.
8. Manning J. Suicide. The Social Causes of Self-Destruction. Charlottesville; London: University of Virginia Press, 2020.
9. Davis, D. Death, ritual and faith: the rhetoric of funeral rites. Moscow: New Literary Review, 2022.

УДК 323

**МУНИЦИПАЛЬНЫЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ПАЛАТЫ: ДИАЛОГ С
ВЛАСТЬЮ И НАСЕЛЕНИЕМ (НА ПРИМЕРЕ ВОРОНЕЖСКОЙ
ОБЛАСТИ)**

*Галина Черникова,
кандидат политических наук, доцент
Воронежский государственный университет
Воронеж*

Аннотация: Анализируются результаты социологического
исследования муниципальных общественных палат Воронежской области,

проведенного осенью 2022 г. Акцентируется внимание на способности общественных палат справляться со своими функциональными задачами по обеспечению согласования общественно значимых интересов граждан с органами местного самоуправления в условиях внешнеполитических вызовов и внутренних рисков. Показано, что уровень эффективности муниципальных общественных палат в данном контексте можно оценить как средний. Отмечены факторы, сдерживающие потенциал роста этой эффективности и способствующие диалогу органов управления и организационных структур гражданского общества.

Ключевые слова: общественные палаты, органы власти, эффективность, согласование интересов.

Измерение общественного запроса (общественной повестки) и эффективности реагирования на него со стороны представителей общественных палат муниципальных образований и, прежде всего, эффективности выполнения последними функции согласования общественно значимых интересов граждан с органами местного самоуправления посредством социологического опроса организовано Общественной палатой Воронежской области в партнерстве с кафедрой социологии и политологии Воронежского госуниверситета осенью 2022 г. Это измерение было востребовано в условиях напряженной внешнеполитической и внутренней социальной обстановки, а также рядом внутривнутриполитических кампаний 2022 г., связанных с выборами депутатов в органы местного самоуправления Воронежской области и Воронежскую областную думу.

В опросе методом анкетирования участвовали представители общественных палат 22 -х муниципальных образований Воронежской области.

Социологический опрос был призван раскрыть несколько смысловых блоков в рамках измерения общественной повестки и эффективности функционирования общественных палат муниципальных образований. Первым из таких блоков, согласно структуре и логике анкеты, выступили наиболее

беспокоящие проблемы и трудности, возникшие у населения муниципальных образований в 2022 г.

Приведенные ниже данные (рис. 1) позволяют утверждать, что начавшаяся специальная военная операция (СВО) и объявленная осенью частичная мобилизация сами по себе стали источниками беспокоящих рядовых граждан проблем и трудностей. Их отметили 13% опрошенных общественников. Наибольший же вес среди тревожащих население проблем, набрали те, которые связаны с повседневными нуждами и потребностями граждан. Среди них (в порядке удельного веса):

- необходимость благоустройства территорий муниципальных образований (прежде всего, дорожных покрытий, уличного освещения, парков, кладбищ, детских, спортивных площадок и т.д.) (63%);
- низкое качество питьевой воды, водоснабжения и очистных систем (36%);
- низкое качество и высокая стоимость коммунальных услуг, связанных с вывозом мусора (31%);
- рост цен на продовольственные и непродовольственные товары, услуги ЖКХ (27%).

Рисунок 1

*Наиболее беспокоящие проблемы и трудности, возникшие у населения
(множественный выбор ответов)*

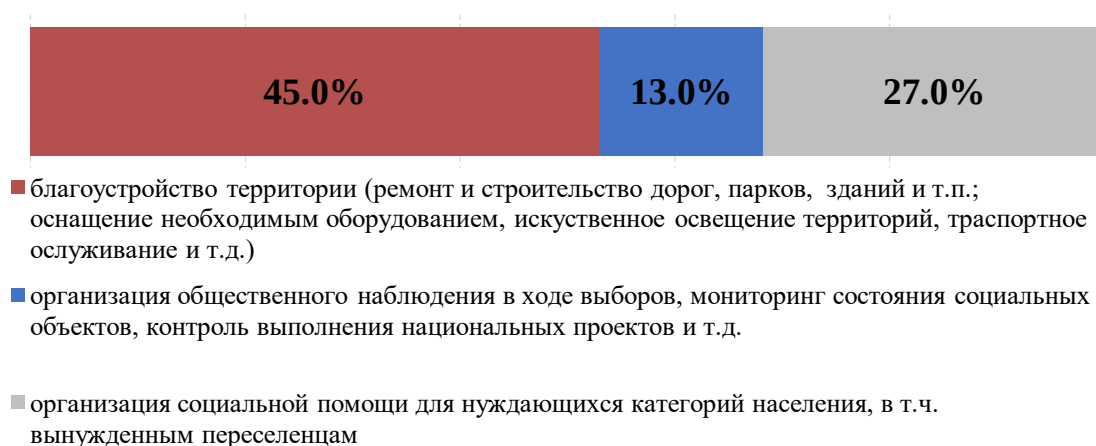

Таким образом, вызовы, обусловленные начавшейся в феврале СВО и частичной мобилизацией граждан внутри страны не вытеснили из общественной повестки населения проблемы, носящие системный характер, но усугубили их. Наиболее упоминаемые почти в каждой третьей анкете проблемы вывоза мусора, а также качества питьевой воды и водоснабжения отражают ухудшающееся состояние окружающей, в т.ч. природной, среды, актуализируют экологическую проблематику, требуют, с одной стороны, постоянного отслеживания со стороны органов власти и общественников, с другой стороны (учитывая масштаб распространения) скорейшей разработки и реализации комплексного решения, возможно, в формате национального проекта.

В рамках опроса были выявлены также наиболее важные задачи, которые удалось реализовать представителям Общественных палат муниципальных образований. Распределение ответов представлено ниже на рисунке 2.

Рисунок 2

*Наиболее важные задачи, решенные представителями Общественных палат
(множественный выбор ответов)*

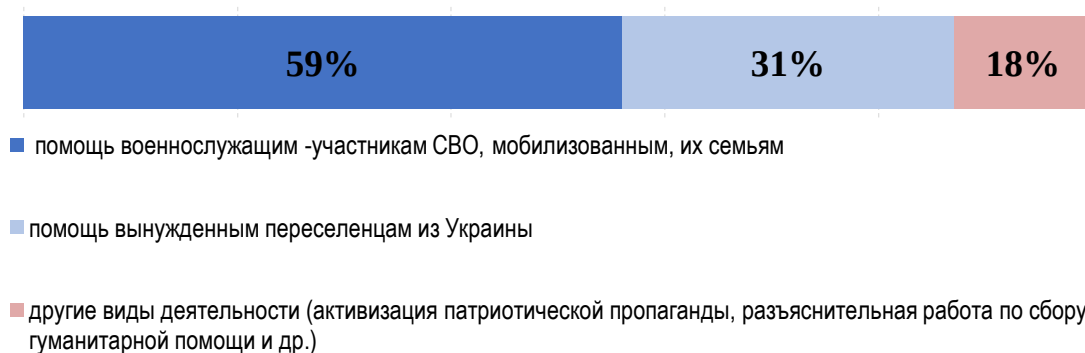
Абсолютное большинство из отмеченных задач отражает общественный запрос на решение наиболее волнующих граждан проблем, которые связаны, прежде всего, с благоустройством муниципального пространства, организацией помощи нуждающимся категориям населения.

Следующий блок вопросов был направлен на выяснение новых направлений деятельности и трудностей, возникших в работе Общественной палаты после начала СВО, а также трудностей при организации общественного наблюдения на выборах в органы власти.

Среди новых направлений работы, возникших после начала СВО, общественники отметили такие (см. рис.3).

Рисунок 3

Направления деятельности, возникшие в ходе работы Общественных палат муниципальных образований после начала СВО (множественный выбор ответов)

Большая часть опрошенных (77%) не испытала трудностей, связанных с началом СВО. В остальных случаях общественники указали трудности морально-психологического свойства, связанные с раздраженностью населения, тревогой за близких-участников СВО, с организацией похорон военнослужащих, погибших в ходе СВО (опознание, доставка и т.д.); необходимостью присутствовать в составе районной мобилизационной комиссии и др.

Сложностей при организации и осуществлении общественного наблюдения на выборах в органы власти ни один из участников опроса не отметил. По-видимому, это объясняется качественной подготовкой наблюдателей, организованной Общественной палатой Воронежской области. К тому же выборы проводились не во всех муниципальных образованиях Воронежской области.

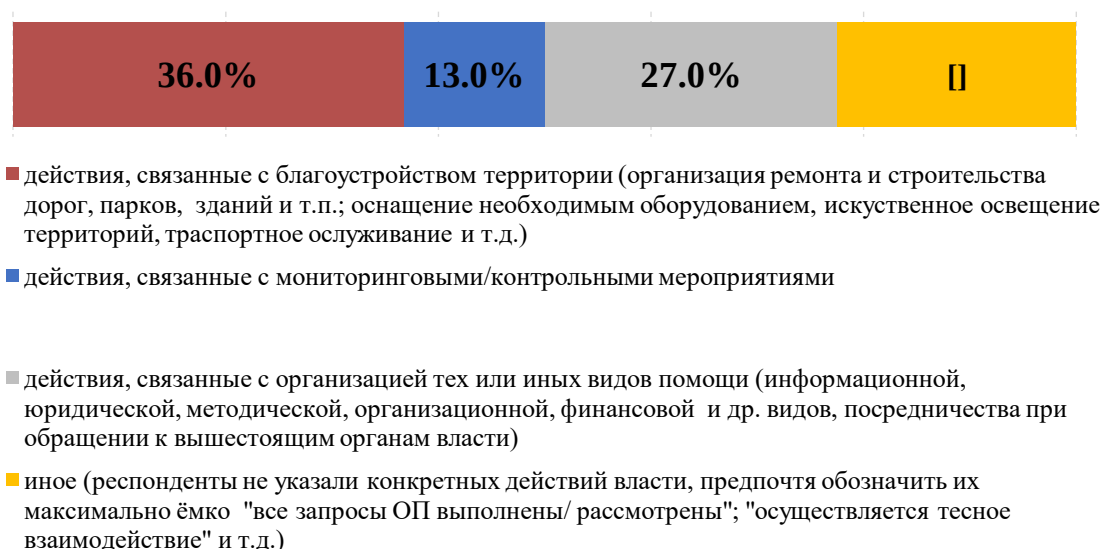
Следующая часть опроса была посвящена выявлению инициатив, предложенных общественникам жителями муниципальных образований. Ответы опрошенных можно разделить на три направления, часть из которых отражают новые социальные реалии, связанные с началом СВО:

- организация сбора помощи для участников СВО, мобилизованных, вынужденных переселенцев (54%);
- благоустройство муниципальных образований (40 %);
- иным инициативам (27%).

Еще один блок анкеты раскрывал набор предпринимаемых органами власти действий для решения проблем, нужд населения по запросам Общественной палаты (см. рис.4).

Рисунок 4

Набор предпринимаемых органами власти действий для решения проблем, нужд населения по запросам Общественной палаты (множественный выбор ответов)

Заключительная часть анкеты была посвящена выявлению приоритетных сфер общественно-государственного партнерства по мнению общественников муниципальных палат. Полученные данные представлены на рисунке 5. Среди основных направлений партнерства на первом месте оказался вариант «партнерство в социальной сфере» (40%). На втором и третьем местах следующие варианты ответов: «партнерство в сфере благоустройства муниципальных территорий» (18%) и «партнерство в вопросах развития территориального общественного самоуправления (ТОС)» (13%).

Рисунок 5

Набор приоритетных сфер общественно-государственного партнерства по мнению общественников (множественный выбор ответов)

Приведенные выше данные позволяют охарактеризовать уровень эффективности муниципальных общественных палат как средний. Наблюдается диверсификация их форм взаимодействия с властными структурами, которая наряду с современными информационно-коммуникативными средствами и интернет-технологиями создают почву для интенсификации диалога между государством и гражданским обществом, институционализации новых форматов их сотрудничества и (в перспективе) модернизации социально-политических институтов. Значительный потенциал совместной работы представителей власти и гражданского общества заложен в социально-экономической сфере: работе с социально уязвимыми и незащищенными группами населения, в сфере создания и развития безопасной, удобной и привлекательной среды территорий муниципальных образований и др. В целом, муниципальные общественные палаты в институциональном дизайне гражданского общества демонстрируют неплохую способность справляться со своими функциональными задачами по обеспечению согласования общественно значимых интересов граждан с органами местного самоуправления. Эта способность отражает не столько увеличившуюся степень гражданского активизма, сколько потребность местного сообщества в социальной консолидации. Проблемы, решаемые в условиях усложнившейся внешней и внутренней социальной обстановки, представляются контекстами,

которые отражают реальные потребности общества. Кроме того, сам факт ежегодного анкетирования представителей общественных палат на предмет измерения общественного запроса (общественной повестки) и эффективности реагирования на него со стороны общественников обладает позитивным эффектом, т.к. способствует более глубокой рефлексии собственной деятельности.

В тоже время ряд факторов скорее сдерживают потенциал роста эффективности рассматриваемого взаимодействия. Среди них: доминирование этатистской модели российского политического устройства, кризис институтов представительства интересов граждан (прежде всего, таких как выборы, партии), которые, преимущественно, ориентированы на воспроизводство и легитимацию наличествующего властного порядка, сравнительно низкий уровень политической и гражданской активности, нехватка материальных ресурсов, относительно невысокий уровень профессионализма в секторе социально ориентированных некоммерческих организаций (СО НКО) и др.

Очевидно, что повышению эффективности диалога органов управления и организационных структур гражданского общества могло бы способствовать улучшение институциональных условий деятельности последних, освоение успешных зарубежных и отечественных практик функционирования этих структур, а также формирование в общественном мнении положительных ценностных установок в отношении их деятельности, продвижение ценностей активистской политической культуры, оказание разносторонней поддержки гражданским инициативам, в т.ч., с помощью создания интернет-платформ, площадок для аккумуляции и транслирования указанных инициатив в органы государственной и муниципальной власти.

**MUNICIPAL PUBLIC CHAMBERS: DIALOGUE WITH THE
AUTHORITIES AND THE POPULATION (ON THE EXAMPLE OF THE
VORONEZH REGION)**

Galina Chernikova, Candidate of Political Sciences, Associate Professor,

Associate Professor of the Department of Sociology and Political Science
of the VSU Voronezh State University, Voronezh, Russia

Abstract: The results of a sociological study conducted in the fall of 2022 are analyzed. The object of the study was representatives of public chambers of municipalities of the Voronezh region. Attention is focused on the ability of public chambers to cope with their functional tasks to ensure the coordination of socially significant interests of citizens with local self-government bodies. It is shown that the level of efficiency of municipal public chambers can be estimated as average. The factors that restrain the growth potential of this efficiency and the factors that contribute to the dialogue of government bodies and organizational structures of civil society are noted.

Keywords: public chambers, authorities, efficiency, coordination of interests

УДК 340.12

**ПАТРИОТИЧЕСКИЙ СМЫСЛ ЭКОПРАВОВОГО
ВОСПИТАНИЯ В СИТУАЦИИ РОСТА УГРОЗ НАЦИОНАЛЬНОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ**

Сергей Шефель

*доктор философских наук, профессор,
Российский государственный университет правосудия (филиал)
Симферополь*

Аннотация. В статье уточнена содержательная специфика экоправового воспитания, значимая для анализа возможностей реализации его концептуальных оснований, связанных с присущим им патриотическим потенциалом правосубъектности, в целях их экстраполяции в формируемую модель экофильного поведения как предпосылки осознанного включения воспитуемых в созидание инновационного экологичного технологического уклада в нашей стране как условия качественного обеспечения задач ее национальной безопасности.

Ключевые слова: национальная безопасность, патриотизм, экоправовое воспитание, экологическое поведение, экологический техноуклад.

Наша планета со второй половины XX в. вступила в стадию нарастающего экологического кризиса как следствия достаточно длительной и масштабной по своей интенсивности эксплуатации человечеством биосферных ресурсов [1, 3, 9]. Более того, в условиях обострения геополитического противостояния, вылившегося в первой четверти XXI в. в нескончаемую череду вооруженных конфликтов с масштабным применением особо опасных биологических патогенов, химического оружия и даже боеприпасов, содержащих маломощный ядерный потенциал поражения, биосферному разнообразию планеты, включая и само человеческое сообщество, нанесен непоправимый ущерб. В своем нынешнем состоянии биосфера ежегодно теряет больший объем жизненных ресурсов, чем способна воспроизвести [12].

Положение дел в этой сфере в нашем Отечестве тоже оставляет желать лучшего. Только за последние 40 лет популяция позвоночных животных на территории РФ сократилась на 30%, а по данным Государственной программы «Охрана окружающей среды» на 2012–2020 гг., указывается, что на 15% ее территории, где проживает 60% россиян, качество природной среды является неудовлетворительным [2]. Очевидно, что нарушение баланса жизненных сил в биосфере угрожает безопасности жизни людей в любом регионе планеты и всей природной среды как ее источника. Для нашей Родины экологические проблемы вышли на передний план комплекса мер по обеспечению национальной безопасности, требующих безотлагательного осуществления в контексте ключевых положений стратегических государственных документов [5, 6].

Совершенно очевидно, что включение все большего числа россиян в решение данных проблем соотносится с консолидационной темой укрепления патриотического потенциала нашего сообщества. В общей палитре вопросов консолидации российского общества, особенно в контексте задач, решаемых в

современных условиях, экологическая тема остается приоритетной. Об этом неоднократно говорил Президент Российской Федерации В.В. Путин.

Рельефно роль экологического аспекта в укреплении патриотического потенциала российского общества выявилась на фоне вскрытых ныне угроз наших геополитических противников, воплощающих заветную цель политического лобби транснациональных корпораций – лишить Россию суверенитета и установить контроль над ее природными ресурсами и, разумеется, ее человеческим капиталом.

Определенные обстоятельства трансформации российского общества на современном этапе, особенно выявившиеся в миграционных процессах, в полной мере дают понимание жесткой необходимости перестройки воспитательной работы соответствующих учебно-образовательных подсистем государственных институтов власти и гражданского общества в русле реализации императивов солидаризации и патриотизма в режиме функционирования всех отечественных социокультурных субъектов. Именно эти обстоятельства позволяют заострить их внимание не только на наиболее общих проблемах мировой экосферы и отечественного ее сегмента, но поставить во главу угла вопросы повышения эффективности экоправового воспитания россиян, но прежде всего молодежи.

Многолетнее исследование автором данной проблематики, в определенной мере концептуально консолидированное в коллективной монографии «Экософия права», увидевшей свет в 2016 году [10], за несколько последних лет пополнилось некоторыми новыми выводами и аспектами аргументации, с содержанием которых и предлагается ознакомиться.

При формировании современной модели экоправового воспитания нельзя упускать из виду положение о том, что экологичность с момента рождения человеческого существа выступает его имманентным свойством, также как и является всеобщим признаком бытия любой формы биосферной жизни. В этом смысле жизнь как тотальная предпосылка существования

биосферного разнообразия тождественна понятию экологичности, а потому именно в таком ракурсе ее правовое измерение предстает определяющим и также имманентно присущим естественному бытию любого биосферного существа. В данном контексте феномен жизни предстает как высшая биосферная ценность и, безусловно, как человеческая ценность, а естественное право на жизнь является высшей правовой и, конечно, социальной ценностью. Поэтому важнейшим конституционным и в целом законодательным императивом является защита государством и обществом права на жизнь, воплощаемая в комплексе осуществляемых правовыми институтами правоохранительных мер.

Вышеуказанное предполагает необходимость исходить при конструировании современной модели экоправового воспитания из фундаментального места в ментальном ее основании именно императивов охраны и защиты права на жизнь при безусловном признании реализующими их субъектами как приоритетного императива равного права на жизнь за всеми формами биосферной жизни.

Экоправовая воспитанность в данной связи проявляется в комплексе основных личностных характеристик субъектов права, главной среди которых является признание равного для всех представителей биосферного континуума права на жизнь фундаментальной ценностью. Это обусловлено спецификой эконофской рефлексии прав человека, предполагающей отнюдь не их антропоцентристское сопоставление с правом на безопасную для жизни и здоровья людей природную среду, когда эти права рассматриваются в неразрывной связи, выявляя заботу об их безопасности и защите как в контексте идеи справедливого обмена между поколениями, так и внутри каждого из человеческих поколений, сколько легитимацию идеи распространения на природную среду таких же природожденных прав, которыми обладают сами люди [8, с. 45-46]. Овладевая таким типом рефлексии, воспитуемые получают шанс

преодолеть антропоцентрическое видение статуса субъекта права как господина природы, безоговорочно пользующегося ее ресурсами.

Уважение социальным субъектом права на жизнь, выраженное в отношении к ней как к высшей биосферной ценности, свидетельствует о сформированности у него экоправового идеала жизни, что также является критерием и признаком экоправовой воспитанности. Этот идеал связан с осознанным выбором социальным субъектом как воспитуемым правомерного с точки зрения носителя экоправового сознания способа удовлетворения всего комплекса жизнеутверждающих потребностей, который, в свою очередь, является откликом на внутреннюю потребность в экоориентированном поведении. Впрочем, это не означает, что репрезентанты экоправовой культуры обязаны, как представляется П. Мейляндеру [4], А. Нессу [4], Р. Нэшу [11] и другим представителям радикального экологизма, воздерживаться от любой деятельности, связанной с воздействием на природные объекты. В принципе идея развития человечества в условиях неприкосновенности природной среды может быть воспринята только как утопия. Цель воспитания личности с высоким уровнем экоправовой культуры, наоборот, вполне реалистична и реализуема, если опираться на адекватное понимание соотношения биологического и социального в природе человека в его экстраполяции в сфере правосубъектности и жизнотворчества в целом [7], что, в свою очередь, обуславливает и специфику того интегрального типа правопонимания, который формирует «образ» экологичного права в социуме, через призму которого его члены видят правовую реальность, и, соответственно, перспективы и характер качественных изменений в ней. Именно такой акцент вносит императивы экоправового воспитания в механизм реализации модели формирования сознания наших современников как творцов ныне востребованного инновационного экологичного технологического уклада жизнедеятельности.

Благодаря овладению процедурой интерсубъективистской редукции права воспитуемые, но прежде всего будущие юристы как профессионалы,

обладающие самым высоким уровнем правосознания – теоретическим, основательно апробированного их юридической практикой, в т.ч. в сфере правовой охраны природной среды, способны превратить себя из объектов экоправового воспитания в его субъектов, тем самым обеспечивая виртуальное моделирование и конструирование определенного представления – идеи справедливости как фундаментального проявления идеального измерения правовой реальности, которая отражает один из важнейших аспектов формирования целостного в своем разнообразии правосознания репрезентанта постиндустриальной правовой культуры. Экологичный модус такого типа культуры только нарождается, трансформируясь с уровня ментального конструкта в феномен экологического поведения благодаря включению, в частности, молодых людей как ключевого деятельного ресурса общества в разнообразные интерактивные экологические практики, востребованные современным социумом, открытым для внедряемых инноваций.

С учетом использования потенциальных возможностей современного интегрального понимания сущности права как взаимодействия носителей его идеи, основанной на признании их как равноценных субъектов, способных преодолеть свой внутривидовой эгоизм, выводится принципиальная формула соотнесения образа права и образа человека, который руководствуется гуманистическим императивом не причинять вреда не только любому субъекту права, от которого он ожидает его соответствующего соблюдения, но и иным жизнеутверждающим формам биосферной жизни. Акцентирование формирования модели воспитательного потенциала на восприятие именно такого образа человека приближает субъекта воспитательного воздействия к экоправовому воспитательному идеалу. Это и позволяет определить экоправовое воспитание как системный процесс целенаправленного воздействия на правосознание личности совокупности компетентных государственных и общественных институтов с целью активизации глубинных экофильных основ ее правового бытия и формирования конструктивной

позиции по отношению к комплексу прав природы во главе с равным правом на жизнь ее субъектов и объектов, а также упрочение их в стратегии жизнотворчества и развития правовой государственности на почве созидания инновационного экологичного технологического уклада как одного из значимых условий укрепления патриотического потенциала российского общества.

В качестве заключения необходимо отметить важность выявления содержательной специфики экоправового воспитания для дальнейшего анализа возможностей реализации его концептуальных оснований с учетом их экстраполяции в формируемую модель экофильного поведения как предпосылки осознанного включения воспитуемых в созидание инновационного экологичного технологического уклада в нашей стране.

Сущностным ядром комплекса воспитательных мероприятий, направленных на использование патриотического смысла экологизации правосознания личности, в рамках современной отечественной модели экоправового воспитания является экоправовой воспитательный идеал, в качестве которого выступает образ правового человека как целостной личности, осознающей себя субъектом правоотношений в экосфере, действующей конструктивно, исходя из понимания необходимости поддержки жизнеустойчивости биосферы посредством органичного сопряжения императивов экологического и природоресурсного законодательства как инструментов гармонизации естественного процесса нормативно достаточного по объему и качеству потребительского взаимного обеспечения ресурсами одних форм жизни другими. Поэтому целью реализации такой модели экоправового воспитания является: во-первых, преодоление антропоцентрической ограниченности мировоззрения, по крайней мере, молодого поколения россиян, и, во-вторых, формирование у них расширенного представления о реальном экологическом потенциале своей правосубъектности как условия осуществления ими функции регулирования правоотношений в

экосфере, исходя из ключевых нравственных и конституционных императивов беззаветной любви к Родине и бережного отношения к ее природным богатствам, предполагающего не только благоговейное любование ими на фоне уникальных природных ландшафтов, но и эффективную природоохранную деятельность. Именно этими целями должен быть проникнут патриотический смысл экоправового воспитания россиян, ибо только это может способствовать упрочению у них убеждения в том, что развитие современной российской правовой государственности содержит в качестве условия эффективности признаки построения государства экологического, характеризующегося соответствующей трактовкой и законодательным обеспечением равного права на жизнь всех ее форм, а также механизмами их защиты. Соответственно, и правовоспитательный процесс в таких условиях должен включать императивы экофильной коммуникации между правовыми личностями как носителями потенциала создания и воспроизведения упомянутого типа государственности как гарантии выхода социума на уровень инновационного экологичного техноуклада, способного обеспечить безопасные и комфортные для россиян условия жизни.

Изложенное выше предполагает, что есть неотложная потребность внести в содержание законодательно закреплённой концепции экологического развития нашей страны, как и в доктринальные документы по вопросам организации правового образования, коррективы, созвучные положениям доктрины экософии права, содержащей обоснование императивных основ экоправового воспитания, с тем, чтобы предоставить возможность компетентным институтам государственной власти и гражданского общества прибегнуть к методической их обработке и внедрению в практику правового воспитания, реализующего необходимые элементы потенциала отечественного патриотизма во имя достижения целей национальной безопасности Российской Федерации.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Герасимов, И.П. Экологические проблемы в прошлом, настоящем и будущем географии мира. – М. : Наука, 1985. – 247 с.
2. Государственная программа Российской Федерации «Охрана окружающей среды» на 2012–2020 годы [Электронный ресурс]. Режим доступа. – URL: <http://www.mnr.gov.ru/regulatory/detail.php?ID=134258>
3. Дуглас, У.О. Трехсотлетняя война. Хроника экологического бедствия / Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1975. – 240 с.
4. Несс, А. Менталитет будущего / А. Несс, П. Мейляндер [Электронный ресурс]. Режим доступа. – URL: <http://greenworld.org.ru>
5. Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года: утв. Президентом РФ 30.04.2012 г. // Консультант Плюс: СПС. Версия Проф.Электрон.дан.: Консультант Плюс, 2013.
6. Стратегия экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года: утв. Указом Президента РФ от 19.04.2017 г. № 176 [Электронный ресурс]. Режим доступа. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi?req=doc&base=LAW&n=215668&fld=134&100129.0&rnd=0/725714675857088#04276783689835888>
7. Хеффе, О. Разум и право. Составляющие интеркультурного правового дискурса / Пер. с нем. Л.А. Ситниченко и М.Д. Култаева. – Киев : Альтерпрес, 2003. – 264 с. (на укр. яз.).
8. Хеффе, О. Трансцендентальный обмен – фигура легитимации прав человека? // Философия прав человека / Под ред. Ш. Госепата и Г. Ломанна; пер. с нем. А. Юдин и Л. Дороницева. – Киев : Ника-Центр, 2008. – С. 32-47 (на укр. яз.)
9. Экологические проблемы: что происходит, кто виноват и что делать? / Арский Ю.М., Данилов-Данильян В.И., Залиханов М.Ч., Кондратьев К.Я., Котляков В.М., Лосев К.С. – М. : МНЭПУ, 1997. – 330 с.
10. Экософия права. Монография / Под общ. ред. С.В. Шефеля. – Симферополь : ИТ «Ариал», 2016. – 378 с.
11. Nash R. The right of nature. A history of environmental ethics. – Madison: The University of Wisconsin Press, 1988. – 290 p.
12. WWF. 2014. Living Planet Report 2014: species and spaces, people and places. [McLellan, R. Iyengar, L., Jeffries, B. and N. Oerlemans (Eds)]. – WWF, Gland, Switzerland. – P. 16, 33.

PATRIOTIC MEANING OF ECO-LEGAL EDUCATION IN THE SITUATION OF GROWTH THREATS TO NATIONAL SECURITY

Sergey Shefel

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of the department of
humanitarian and social-economic disciplines
Crimean branch of Russian State University of Justice, Russia, Simferopol

Annotation. The article clarifies the content specificity of eco-legal education, which is significant for analyzing the possibilities of implementing its conceptual foundations related to their inherent patriotic potential of legal personality, in order to extrapolate them into the emerging model of ecophilic behavior as a prerequisite for the conscious inclusion of educators in the creation of an innovative environmentally friendly technological order in our country as a condition quality assurance of the tasks of its national security.

Keywords: national security, patriotism, eco-legal education, environmental behavior, environmental technological order.

References:

1. Gerasimov I.P. Environmental problems in the past, present and future of the geography of the world. – M. : Nauka, 1985. - 247 p.
2. State program of the Russian Federation "Environmental Protection" for 2012–2020. URL: <http://www.mnr.gov.ru/regulatory/detail.php?ID=134258>
3. Douglas W.O. Three Hundred Years' War. Chronicle of ecological disaster / Tr. from English. – M. : Progress, 1975. - 240 p.
4. Ness A. The mentality of the future / A. Ness, P. Meilander. URL: <http://greenworld.org.ru>
5. Fundamentals of state policy in the field of environmental development of the Russian Federation for the period up to 2030: approved. President of the Russian Federation on April 30, 2012 // Consultant Plus: ATP. Version of Prof. Electronic Data: Consultant Plus, 2013.
6. Ecological security strategy of the Russian Federation for the period up to 2025: approved. Decree of the President of the Russian Federation of April 19, 2017 No. 176. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi?req=doc&base=LAW&n=215668&fld=134&100129.0&rnd=0/725714675857088#04276783689835888>
7. Heffe O. Reason and Law. Components of intercultural legal discourse / Per. with him. L.A. Sitnichenko and M.D. Kul'taev. – Kyiv: Alterpres, 2003. - 264 p. (in Ukrainian).
8. Heffe O. Transcendental exchange - a figure of legitimation of human rights? // Philosophy of human rights / Ed. S. Gosepat and G. Lohmann; Tr. by A. Yudin and L. Doronicheva. - Kyiv: Nika-Center, 2008. – S. 32-47 (in Ukrainian)
9. Environmental problems: what is happening, who is to blame and what to do? / Arsky Yu.M., Danilov-Danilyan V.I., Zalikhanov M.Ch., Kondratiev K.Ya., Kotlyakov V.M., Losev K.S. – M. : MNEPU, 1997. - 330 p.

10. Ecosophy of law. Monograph / Ed. ed. S.V. Shefel. - Simferopol: IT "Arial", 2016. - 378 p.
11. Nash R. The right of nature. A history of environmental ethics. – Madison : The University of Wisconsin Press, 1988. – 290 p.
12. WWF. 2014. Living Planet Report 2014: species and spaces, people and places. [McLellan, R. Iyengar, L., Jeffries, B. and N. Oerlemans (Eds)]. – WWF, Gland, Switzerland. – P. 16, 33.

РАЗДЕЛ 4. МОЛОДЫЕ ГОЛОСА В НАУКЕ

УДК 316.477

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ ЮГА РОССИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОПРОСА)

*Руслан Алкесов, аспирант
Адыгейский государственный университет
Майкоп*

Аннотация. В статье рассматриваются представления студенческой молодежи Юга России о профессиональной карьере. В качестве эмпирической базы анализа выступают материалы социологических опросов, проведенных в 2020 году в Ростовской области, Ставропольском крае, Адыгее, Дагестане и Кабардино-Балкарии (всего опрошено 2670 студентов). Показано, что восприятие профессиональной карьеры различается по этнотерриториальным сегментам молодежи Юга России. В республиках Северного Кавказа молодежь чаще ориентирована на ресурсы и интересы семьи (патернализм), а также аскриптивные характеристики в профессиональной сфере и карьере, которая менее важна для студентов.

Ключевые слова: профессиональная карьера, студенческая молодежь, ценностные установки, Юг России, республики Северного Кавказа, полиэтничность.

Профессиональная самореализация и карьерное продвижение является важной частью представлений о социальном успехе модернизированного социума. В общем виде карьера может трактоваться «как многомерный процесс, предполагающий развитие в профессиональном плане и в социальном плане» [3, с. 111]. На формирование представлений молодежи о карьере

влияют, как внешние социокультурные паттерны (распространенные в обществе в целом, а также в социально-профессиональной группе), так и внутренние, как правило, семейные, а также личностные установки и ценности индивида.

Отличительными особенностями характеризуется Юг России, на территории которого расположены субрегионы, различающиеся по этническому составу населения и уровню социально-экономического развития. Территории с преимущественно русскоязычным населением (например, Ростовская область, Краснодарский и Ставропольские края, Волгоградская область) характеризует модернизированная экономика и социальный уклад, тогда как в республиках Северного Кавказа более сильны этнические традиции в организации и регулировании социально-экономической жизни населения [4]. Поэтому целью настоящей статьи является анализ представлений студенческой молодежи о профессиональной карьере в условиях гетерогенного этнокультурного и экономического пространства Юга России.

Формирование и воспроизводство экономических ценностей в обществе во многом зависит от характера социально-экономического развития, который является контекстом первичной социализации индивидов [2]. Теоретическая модель известного социолога Г. Хофстеде предполагает, что индивидуалистские общества отличаются слабо выраженными коллективными связями, люди больше заботятся о себе и своем ближайшем окружении. В то время как в коллективистских типах социумов достаточно сильны связи между членами общности, социальная регуляция поведения индивида в большей степени связана с традициями группы [8].

В данном контексте в различных исследованиях, посвященных выбору профессии и особенностях карьерных установок молодежи, в качестве теоретической рамки анализа избирается шкала коллективизм-индивидуализм. Австралийские ученые на основе анализа научных публикаций за период с 1997 по 2018 гг. заключают, что представления о карьере у молодых людей,

воспитанных в коллективистских культурах, в большинстве своем сложились под воздействием семейных ожиданий. Соответствие профессионального пути с делом родителей повышает уверенность в успехе. В индивидуалистических культурах основным фактором, который определяет образ будущей профессии и карьеры, выступают личные интересы. В таких социокультурных условиях молодежи присуща большая степень независимости при выборе карьеры [7].

Российский ученый В.Н. Титов на материалах массового опроса молодых работников приходит к выводу, что у молодежи «уже на старте формирования карьеры прослеживаются два подхода – специализированная карьерная траектория, характерная для индустриального общества, когда карьерный путь задается под влиянием семейных установок (...), и гибкая карьерная траектория, более типичная для постиндустриального этапа развития общества, при которой начало и дальнейшие виды трудовой деятельности могут непосредственно не соотноситься с полученным профессиональным образованием» [6; 106].

В работах южно-российских социологов анализ экономических установок и поведения молодежи предполагает выделение коллективистских и индивидуально-профессиональных типов жизненных стратегий [4]. «Патерналистский тип стратегий характеризуется ориентацией на коллективизм и внешнюю поддержку (со стороны государственных структур, семьи, рода). Индивидуально-профессиональный тип отличается установками на достижательность, индивидуализм, принципы свободной конкуренции» [5, с. 178].

Говоря об особенностях полиэтничных регионов, необходимо отметить, что предиктором социально-экономических ценностей населения могут выступать коллективные этнические традиции, когда ориентации на коллективизм проявляется в значимости интересов семьи, рода и этнической общности. Поэтому, исследуя особенности представлений о профессиональной карьере молодежи полиэтничных регионов, мы обращаем внимание на

коллективистскую (патерналистскую) или индивидуалистическую (достигательную) доминанту социально-экономической регуляции.

В качестве эмпирической базы исследования используются материалы массового социологического опроса студентов из пяти субрегионов Юга России: Ростовской области (N=450), Ставропольского края (N=706), Адыгеи, (N=480), Дагестана (N=722), Кабардино-Балкарии (N=312), проведенного по стандартизированной анкете в 2020 г.

Количественные результаты социологического исследования показывают, что в целом около трети студентов Юга России опираются на семейные ресурсы в процессе выбора профессии, вуза и последующего трудоустройства. Между тем, примерно столько же молодежи Ростовской области, Ставропольского края и Адыгеи (от 30% до 33%) демонстрирует установки на полную самостоятельность профессионального самоопределения, тогда как в Дагестане и Кабардино-Балкарии подобная самостоятельность характерна уже только для пятой доли опрошенных (20-21%). В этих двух республиках около 45% студентов ориентированы на семейные ресурсы, что примерно на 10% больше аналогичных показателей в других территориальных сегментах. Социальный капитал семьи открывает молодому человеку дополнительные возможности на рынке труда, так как в ближайшем окружении формируется сеть полезных контактов и ресурсов, необходимых для реализации карьерных траекторий.

Профессиональная сфера входит в первую тройку ценностных приоритетов опрошенных студентов Юга России. На первом месте в рейтинге значимости у всех респондентов располагается семья. Для вузовской молодежи из Ростовской области первое место по важности также занимает интересная работа, а карьера располагается на четвертом месте (после самоуважения и уверенности в завтрашнем дне). Ставропольские студенты профессию ставят на второе место, а карьеру на шестое. В северокавказских республиках работа занимает третье место в рейтинге приоритетов после чувства достоинства и

самоуважения. Карьерное продвижение собирает шестую позицию среди опрошенной вузовской молодежи Адыгеи и Дагестана и восьмую – Кабардино-Балкарии.

Материалы общероссийских социологических исследований, реализованных в 2009-2019 гг. учеными Института социологии РАН показывают, что с точки зрения молодежи условием успешного трудоустройства выступает, прежде всего, профессиональная квалификация, затем знакомства и связи, и потом уже трудолюбие и добросовестное отношение к делу. За исследуемый период уменьшилось число молодых людей, которые рассматривают социальные связи залогом получения хорошей работы. В тоже время, нарастает критичное отношение к значимости достигаемых качеств (инициативность, предприимчивость, знания и квалификация) как фактора трудоустройства. Социологи считают, что подобный «пессимизм» проистекает от невостребованности основной профессии как результата застоя экономики» [1, с. 396].

Результаты исследований среди молодежи Юга России показывают, что для большинства студентов в трудоустройстве важны такие достигаемые характеристики, как опыт работы, трудолюбие, исполнительность (больше всего таких ответов в Кабардино-Балкарии и меньше – в Дагестане). Достигаемые институциональные характеристики (профильный диплом, престиж и качество образования, повышение квалификации) отмечаются опрошенной молодежью во вторую очередь (чаще в КБР и реже в Ростовской области). Адаптивные качества (умение строить отношения с начальством, адаптивность, удачливость) более значимы с точки зрения ростовской, ставропольской и адыгской молодежи. Аскриптивные статусы и ресурсы семьи (пол, этничность, социальные связи) чаще указываются студентами Кабардино-Балкарии и Ставрополя.

Условием дальнейшего карьерного роста уже большее число южно-российских студентов называют достигаемые характеристики (больше всего

таких вариантов ответа в Ростовской области и менее всего – в Дагестане). Умение адаптироваться, коммуникативные качества собирают второе по числу ответов место в ростовском, ставропольском и адыгском сегментах респондентов, а достигаемые институциональные характеристики – третье. Причем, для ростовской и ставропольской молодежи более значимы, по сравнению с другими подгруппами, качественное образование и постоянное повышение квалификации. Можно также увидеть, что больше всего студентов Кабардино-Балкарии указывают на важность аскриптивных параметров и ресурсов семьи как залога карьерного продвижения.

Принятие решения о необходимости восхождения по карьерной лестнице напрямую зависит от тех профессиональных установок, которые складываются в период студенчества. Анализ эмпирических материалов социологического исследования показывает, что восприятие профессиональной карьеры различается по этнотерриториальным сегментам молодежи Юга России. На фоне общей значимости семейных ресурсов в выборе профессии, вуза и последующего трудоустройства прослеживается более выраженная ориентация молодежи субрегионов с преимущественно русским населением (Ростовская область и Ставропольский край) на самостоятельность, индивидуализм и достигаемость в выборе профессии, устройстве на работу и карьерном продвижении. Карьера здесь более важный компонент жизненных приоритетов молодых людей. Студенты северокавказских республик (Дагестан и Кабардино-Балкария) чаще демонстрируют установки на значимость интересов и связей семьи (патернализм), аскриптивных статуты в карьерных траекториях. Молодежь Республики Адыгея занимает промежуточное положение по данным параметрам. Можно также фиксировать, что молодежь Юга России ориентирована на накопление профессиональной квалификации, но с построением карьеры это слабо связано, так как у значимой части студенчества макрорегиона не прослеживается отчетливое понимание стратегий трудоустройства и профессионального продвижения.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России в зеркале социологии. К итогам многолетних исследований. М.: ФНИСЦ РАН, 2020.
2. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011.
3. Пахомова Е.В. Понятие «карьера»: анализ определений // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология. 2013. № 2.
4. Социетальное измерение правовой культуры населения Юга России: коллективная монография / Л.В. Клименко, А.В. Ермишина, З.А. Жаде, О.Ю. Посухова, П.В. Будаев. Ростов-н/Д.: Фонд науки и образования, 2019.
5. Студенческие практики конструирования стратегий и стилей жизни: социологические очерки: коллективная монография / Г.С. Денисова, Н.К. Бинеева, А.В. Денисова, Л.В. Клименко, Н.Р. Таирова, И.А. Петрулевич, Д.Ю. Чеботарева. Ростов-на-Дону: ИПО ЮФУ, 2013.
6. Тутов В.Н. Социальные представления молодежи о карьере (по материалам глубинных интервью) // Вопросы теоретической экономики. 2020. № 4.
7. Akosah-Twumasi P., Emeto T., Lindsay D., Tsey K., Malau-Aduli B. A Systematic Review of Factors That Influence Youths Career Choices – the Role of Culture // Frontiers in Education. 2018.
8. Hofstede G. Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions and Organizations across Nations. Sage, 2001.

PROFESSIONAL ORIENTATIONS OF STUDENTS OF THE SOUTH OF RUSSIA (BASED ON THE MATERIALS OF A SOCIOLOGICAL SURVEY)

Ruslan T. Alkesov

Graduate student, Maikop, Russia

The article deals with the ideas of student youth of the South of Russia about a professional career. The empirical basis for the analysis is the materials of sociological surveys conducted in the winter of 2020 in the Rostov Region, Stavropol Territory, Adygea, Dagestan and Kabardino-Balkaria (a total of 2670 students were surveyed). The article shows that the perception of a professional career differs according to the ethno-territorial segments of the youth of the South of Russia. In the republics of the North Caucasus, young people are more often focused on the resources and interests of the family (paternalism), as well as ascriptive characteristics in the professional field and career, which is less important for students.

Keywords: professional career, student youth, values, the South of Russia, the republics of the North Caucasus, polyethnicity.

References:

1. *Gorshkov M.K., Sheregi F.E.* Molodej Rossii v zerkale sociologii. K itogam mnogoletnih issledovanii [The youth of Russia in the mirror of sociology. To the results of long-term research]. M.: FNISC RAS, 2020.
2. *Inglehart R., Velzel K.* Modernizaciya_ kulturnie izmeneniya i demokratiya_ posledovatelnost chelovecheskogo razvitiya [Modernization, cultural changes and democracy: the sequence of human development]. M.: New Publishing House, 2011.
3. *Pakhomova E.V.* Ponyatie «karera»_ analiz opredelenii [The concept of "career": analysis of definitions] // Bulletin of the South Ural State University. Series: Psychology. 2013. № 2.
4. Societalnoe izmerenie pravovoi kulturi naseleniya Yuga Rossii [Societal dimension of the legal culture of the population of the South of Russia]: a collective monograph / L.V. Klimenko, A.V. Ermishina, Z.A. Zhade, O.Y. Posukhova, P.V. Budaev. Rostov-n/D.: Foundation of Science and Education, 2019.
5. Studencheskie praktiki konstruirovaniya strategii i stilei jizni_ sociologicheskie ocherki [Student practices of constructing strategies and lifestyles: sociological essays]: a collective monograph / G.S. Denisova, N.K. Bineeva, A.V. Denisova, L.V. Klimenko, N.R. Tairova, I.A. Petrulovich, D.Y. Chebotareva. Rostov-n/D.: IPO SFU, 2013.
6. *Titov V.N.* Socialnie predstavleniya molodeji o karere _po materialam glubinnih intervyyu [Social ideas of youth about career (based on the materials of in-depth interviews)] // Questions of theoretical economics. 2020. № 4.
9. *Akosah-Twumasi P., Emeto T., Lindsay D., Tsey K., Malau-Aduli B.* A Systematic Review of Factors That Influence Youths Career Choices – the Role of Culture // Frontiers in Education. 2018.
10. *Hofstede G.* Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions and Organizations across Nations. Sage, 2001.

УДК 378.147

**ЦИФРОВИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ
ЦЕННОСТЬ: РИСКИ И РЕСУРСЫ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОСТИ**

Аскер Аутлев

аспирант Адыгейского

Аннотация. В статье рассматриваются современные информационные технологии в контексте грамотного использования их ресурсов в условиях современности. Установлено, что советские подходы в образовательном процессе стали отставать сегодня и должны уступить место более современным образовательным ресурсам. Автор рассматривает эффективное использование информационно-образовательной среды в современной школе. Отмечается, что особую роль играет такой сайт, как Лингуст.ру, где используется диалогический метод изучения языков, который наиболее соответствует нашему времени.

Ключевые слова: образование, цифровизация, ресурс, современная школа.

В настоящее время большое внимание уделяется использованию информационно-образовательной среды в процессе цифровизации современного образовательного процесса. Среди ученых нет единого мнения по поводу того, какие именно материалы во время этой подготовки должны иметь главное значение, а какие из них должны оставаться второстепенными.

В этой связи особенно актуальной считаем подготовку к Государственной итоговой аттестации и к Единому государственному экзамену, так как именно эти экзамены являются самыми важными в жизни каждого абитуриента.

Для начала отметим, как определяют ученые информационно-образовательные ресурсы в современной образовательной парадигме. Итак, «Электронный образовательный ресурс (ЭОР) – образовательный ресурс, представленный в электронно-цифровой форме и включающий в себя структуру, предметное содержание и метаданные о них» [2]. Исследователь Н.И. Исупова отмечала, что «Электронные образовательные ресурсы призваны сочетать теоретический и практический аспект обучения студентов, а также расширить возможности организации контроля и самоконтроля и повышения интереса студента к будущей профессиональной деятельности» [1]. Считаем,

что именно это определение наиболее четко подтверждает опыт, который был получен на практике и является важным для теоретической части нашего исследования.

Исследователь О.В. Корнилов отмечал, что «В процессе опытной работы изучается эффективность использования локального образовательного веб-сайта как средства организации информационно-образовательной среды и обеспечения студентов учебно-методическим материалом» [3]. Согласно с ученым, полагая, что именно у электронных ресурсов есть большое будущее в сфере образовательных технологий.

В данной статье будем рассматривать эффективное использование информационно-образовательной среды в процессе цифровизации современного образовательного процесса.

Изучение иностранных языков в школе в современном мире являются крайне важными предметами. Интеллект человека сейчас во многом определяется его знаниями иностранных языков и умениями применить свои знания на практике.

Известно, что познание чего-то нового, особенно в подростковом возрасте с психологической точки зрения является для учеников большим стрессом. Чаще всего их недовольство образовательной программой связано с тем, что у них недостаточное количество мотивации для обучения. Однако, иногда ученики и их родители высказывают более или менее аргументированные претензии к образовательным программам. В данной статье мы рассмотрим две основные претензии к образовательному процессу, а также отметим потенциальные способы их решения.

1. Ориентированность системы образования на среднего ученика. В настоящее время система образования не предполагает, что её будут изучать ученики с большим потенциалом. Она рассчитана на передачу общих знаний и представлений о мире для ученика со средним уровнем интеллекта. Чаще всего эти вопросы отмечаются звездочкой в учебнике (либо на бланке заданий), но,

тем не менее, за неправильные ответы на эти задания могут снижаться баллы. Как можно легко увидеть, именно здесь наблюдается несоответствие. Необходимо либо убрать задания со звездочкой, либо, что считаем гораздо более эффективным, переориентировать систему образования на более талантливых учеников, к успеваемости которых будут стремиться обычные ученики.

В этом контексте электронные ресурсы играют воистину фундаментальную роль. Она заключается в том, что в Интернете каждый ученик может найти те образовательные ресурсы, которые соответствуют в полной мере его уровню. В этой связи очень важно отметить тот факт, что сейчас давно пора переориентировать систему образования с коллективистского подхода на индивидуалистический подход. По нашему мнению, только за индивидуалистическим подходом в системе образования есть будущее.

С помощью сети Интернет можно найти огромное количество образовательных ресурсов. В качестве примера можно отметить сайт Лингуст.ру. Этот ресурс предоставляет всем желающим возможность хорошей подготовки к сдаче экзаменов по различным иностранным языкам, в том числе он может оказывать незаменимую помощь в общем образовательном процессе. Положительной составляющей этого сайта является то, что он ориентирован на индивидуальный подход. Каждый ученик может выбрать личный уровень владения языками, которые предлагается на этом сайте на выбор, и именно с него начинать процесс изучения языка, если говорить о возможностях этого сайта в целом.

Коллективистский подход на этом сайте, как можно догадаться, совершенно не используется. Вы можете выбрать любой урок, в теме которого имеются у вас пробелы. На этом сайте индивидуализм поставлен во главу угла.

2. Использование грамматико-переводного метода на уроках английского языка в современной школе. Как нетрудно догадаться, использование

грамматико-переводного метода, которое заключается в чтении и переводе однотипных предложений с изучаемой грамматической конструкцией, больше не устраивает ни учеников, ни учителей, ни родителей. Грамматико-переводной метод является очень скучным и имеет потенциал вызвать отторжение изучаемого языка у ребенка. Отсюда логично можно сделать вывод, что при обучении цифровизация играет очень важную, если не определяющую роль.

В этой связи стоит упомянуть снова о сайте Лингвист.ру. Грамматико-переводной метод на этом сайте практически не используется. Каждый урок изучаемого языка начинается с диалогов, в котором нередко встречаются разговорные конструкции. То есть ребенок учит не скучную грамматику языка с длинными ненужными предложениями, а настоящую речь носителей языка.

Посетителям сайта всегда предлагается очень познавательная и актуальная информация об изучаемом языке. Необходимо учить грамматику языка, на чем и был сделан акцент в грамматико-переводном методе. Но грамматическая информация должна преподноситься в гораздо более удобном виде для ребенка.

Таким образом, нами были рассмотрены способы эффективного использования информационно-образовательной среды. Было установлено, что двумя основными проблемами современного образовательного процесса является ориентированность системы образования на среднего ученика и использование устаревшего грамматико-переводного метода на уроках иностранного языка. Приоритетным становится индивидуалистический подход и диалоговый метод как эффективное решение проблемы обучения.

Рассматривая цифровизацию образования в целом, стоит отметить тот факт, что в настоящее время она имеет двоякий характер. Также не стоит опускать тот факт, что в текущих условиях вариативность цифрового образования очень велика. Привычные для всех платформы и программы обучения перестают быть доступными в нашей стране и каждый раз приходится находить новые и новые способы сохранения дистанционного и

технологичного обучения. В этом заключается задача поиска и создания в условиях современной неопределенности собственной, крупной и общепринятой платформы образования для всех уровней обучения.

Также не стоит забывать, что именно благодаря цифровизации люди начинают терять возможность общаться в реальной жизни. Эта тема становилась объектом дискуссии для многих ученых. Они говорили о важности живого общения, что никакие современные технологии не смогут заменить в полной мере живое общение. Конечно же, как нетрудно догадаться, они не в силах заменить общения в реальной жизни, ведь преподавание гораздо происходит более продуктивно во время живого общения, чем во время виртуального общения. Важно понимать необходимость именно живого общения.

К сожалению, в настоящее время мы вынуждены констатировать, что цифровизация – это доступность и широта знаний, но в тоже время исключается прямое взаимодействие в реальном обществе, что может пагубно влиять на формирование духовно-нравственных ценностей человека. Нетрудно заметить, что нынешняя молодежь имеет кардинально отличающиеся иные ценности, чем старшее поколение, что негативно влияет на качество образования.

Также стоит уделить внимание тестированию по различным предметам, которые часто проходят онлайн. К сожалению, тестирование в таком формате не способно полностью передать все нюансы знаний как иностранных языков, так и прочих предметов, которые являются очень важными для общего развития обучающихся. С одной стороны, мы должны найти оптимальный баланс между современными технологиями и качеством преподаваемого педагогического материала, с другой стороны, сложившиеся традиции в образовательном процессе должны быть дополнены новациями.

В условиях неопределенности и сложности нет универсального решения. В настоящее время мир подвергается непрерывному влиянию новых вызовов. В этой связи, как уже упоминалось выше, необходимо найти гармоничное

решение в современных условиях. С одной стороны, не следует отбрасывать современные технологии. Мало того, что мы можем потерять ряд объективных преимуществ, который дается при помощи современных технологий. С другой стороны, перевод современного образования полностью на дистанционное является очень вредным, так как он никогда не сможет в полной мере заменить реальный контакт учителя и ученика. Следовательно, нахождение этого грамотного баланса является очень важным.

В заключение хотелось бы отметить, что тема исследования является очень актуальной и значимой. Нами рассмотрены некоторые аспекты, которые касаются непосредственно преподаваемых предметов в современной школе. Осмысливается факт внедрения в образовательный процесс современных технологий и его двоякое влияние на учащуюся молодежь. Также была затронута тема постоянной трансформации платформ для обучения. Представляется, что при помощи этих примеров удалось показать важность нахождения «золотой середины» между цифровизацией образовательного процесса, сохранением оффлайн-преподавания и формированием духовно богатого человека, гражданина и патриота. Важно учесть, что цифровизация образования является довольно противоречивым процессом, она имеет свои ресурсы и риски [4].

Примечания:

1. Исупова Н. И. Методические особенности применения электронных образовательных ресурсов. Сборник научных трудов Sworld. 2012. Т. 23. № 4. С. 92-95.

2. ГОСТ Р 53620-2009: Национальный стандарт российской федерации. Информационно-коммуникационные технологии в образовании. Электронные образовательные ресурсы / ГОСТ Р 53620-2009 URL: <https://goo.su/o3XL1MW>

3. Корнилов Ю.В. Вспользование информационных технологий в формировании единой образовательной среды вуза // Фундаментальные исследования. – 2012. – № 3-3. – С. 591-594; URL: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=29762>

4. Шадже А.Ю., Ильинова Н.А. Образование в условиях нового глобального риска: цифровизация и гуманизация // Социально-гуманитарные знания. – 2020. – № 6. – С. 71 – 83.

DIGITALIZATION OF EDUCATION AS A SOCIO-CULTURAL VALUE: RISKS AND RESOURCES IN MODERN CONDITIONS

Asker Autlev,
*post-graduate student of Adyghe
State University,
Maykop*

Annotation. The article discusses modern information technologies in the context of the competent use of their resources in modern conditions. It is established that Soviet approaches in the educational process have begun to lag behind today and should give way to more modern educational resources. The author considers the effective use of the information and educational environment in a modern school. It is noted that such a site as Lingust plays a special role, where the dialogic method of language learning is used, which most corresponds to our time.

Keywords: education, digitalization, resource, modern school.

References:

1. Isupova N. I. Methodological features of the use of electronic educational resources. Collection of scientific papers Sworld. 2012. Vol. 23. No. 4. - Pp. 92-95.
2. GOST R 53620-2009: National standard of the Russian Federation. Information and communication technologies in education. Electronic educational resources/GOST R 53620-2009 URL: <https://goo.su/o3XL1MW>
3. Kornilov Yu.V. The use of Information Technologies in the Formation of a Unified Educational environment of the University // Fundamental research. - 2012. – № 3-3. – PP. 591-594; URL: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=29762>
4. Shadzhe A.Y., Iliyova N.A. Education in the new global risk conditions: digitalization and humanization // Social and knowledge humanitarian knowledge. 2020. No. 6. - Pp. 71–83.

УДК 316.624

**СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
ПРОБЛЕМЫ СКУЛШУТИНГА**

Аннотация: одной из актуальных проблем современного общества становится рост уровня насилия в образовательных учреждениях. Крайние формы агрессии в образовательных учреждениях несут в себе существенную угрозу, что связано как со значительным деструктивным воздействием каждого конкретного случая, так и с повышением числа случаев проявления крайней агрессии в образовательных учреждениях. В статье рассматривается социальная обусловленность скулшутинга. Анализируется влияние институциональных и социокультурных факторов на предрасположенность учащихся к проявлению крайней агрессии. Обосновывается, что скулшутинг представляет собой, прежде всего, социально-детерминированное явление. Определяются основные перспективы изучения скулшутинга на уровне социологического знания.

Ключевые слова: образование, агрессия, общество, скулшутинг, социальные факторы скулшутинга.

Современное общество находится в состоянии активной трансформации, причем речь идет не только о формировании новых, более оптимальных институтов, но и о возникновении новых угроз и вызовов. Одной из острых проблем, возникших сравнительно недавно, является интенсификация насилия в образовательных учреждениях, что проявляется как в количественном росте уровня проявлений агрессии, так и в качественном изменении форм, которые принимают агрессивные практики. В частности, в российском обществе актуализировалась проблема скулшутинга [1].

Случаи массового насилия в школах фиксируются начиная с 2014 года (инциденты имели место в Москве, Томске, Перми и ряде других городов), однако наиболее резонансным событием, на которое обращают внимание исследователи при постановке проблемы скулшутинга, произошло 17 октября

2018 года в политехническом колледже г. Керчь. В результате инцидента погиб 21 человек и 67 человек получили ранения. При этом, обнаруживается отчетливая тенденция роста частоты случаев «школьной стрельбы» - начиная с 2017 года было зафиксировано свыше 70 случаев массового насилия в образовательных учреждениях. Все это свидетельствует о том, что проблема скулшутинга имеет тенденцию обострения [2]. В этих условиях чрезвычайно важным является определение природы скулшутинга как социального явления, локализация его оснований и нахождение эффективных направлений противодействия. Это характеризует высокую степень значимости исследования феномена скулшутинга на уровне гуманитарных наук. Вместе с тем, в настоящее время имеет место серьезный пробел в освещении данной проблемы в отечественной науке. Среди отечественных публикаций присутствует лишь 190 статей, в которых имеет место упоминание скулшутинга и 251 научная статья, содержащие упоминание колумбайна. При этом практически отсутствуют исследования диссертационного уровня, посвященные непосредственно данной проблеме: ее отражение в серьезных исследованиях реализуется, преимущественно, контекстуально и фрагментарно – как сопутствующий результат разработки смежного вопроса. Таким образом, на данный момент можно судить о том, что социальная природа скулшутинга, его причины и основания недостаточно хорошо изучены, что определяет высокую актуальность его исследования.

Ключевой вопрос в исследовании скулшутинга состоит в том, какова природа оснований данного явления. В частности, одним из распространенных подходов является объяснение актов крайней агрессии с точки зрения психологического знания – как результата психического нарушения у преступника [4]. Три четверти существующих публикаций, в той или иной форме содержат в себе отражение психологической обусловленности «школьной стрельбы». Вместе с тем, существуют серьезные основания для утверждения о том, что проявление крайних форм агрессии в образовательных

учреждениях связано, прежде всего, с влиянием социальных факторов, что определяет целесообразность социологического анализа проблемы. Для того, чтобы обосновать тезис о социальной природе скулшутинга, необходимо рассмотреть следующие вопросы:

- влияние институциональной среды семейных групп и образовательных учреждений на предрасположенность учащихся к проявлению агрессии;
- влияние социокультурных факторов на формы проявления агрессии в образовательных учреждениях;
- возникновение социальных механизмов воспроизводства скулшутинга.

Для понимания обусловленности скулшутинга влиянием социальной среды целесообразно обратиться к результатам исследования, проведенного С. Н. Гусевым, в рамках которого раскрываются обстоятельства осуществления крайней агрессии в образовательных учреждениях. Общим аспектом большинства инцидентов является недостаточная социальная адаптация субъектов агрессии, а также их притеснение со стороны сверстников. В подавляющем числе случаев скулшутерами становились люди, ранее являвшиеся в школьном коллективе изгоями. При этом, по ряду прямых и косвенных свидетельств можно судить о том, что осуществляемая ими агрессия является реакцией на буллинг со стороны сверстников и психическое насилие, осуществляемое педагогами. Немаловажным фактором проявления крайних форм агрессии является также нарушение отношений внутри семейной группы.

Еще одним важным фактором осуществления скулшутинга является то, что акты крайней агрессии в образовательных учреждениях имеют сложную структуру, однако в большинстве случаев реализуются по сходному сценарию. Это позволяет заключить о том, что «школьная стрельба» несводима к естественной реакции на негативные внешние факторы и наличию психических отклонений у детей и подростков. Существует множество вариантов выплеска

агрессии (в том числе, связанных с физическим насилием), однако большинство скулшутеров действуют сходным образом, начиная с подготовки, и заканчивая актом суицида, осуществляемого после расправы над школьниками и учителями. Уже это говорит в пользу того, что существует определенная воспроизводимая модель преступления, которая циклически реализуется учащимися различных образовательных учреждений. Если же обратиться к свидетельствам самих скулшутеров и их ближайшего социального окружения, становится ясно, что источником данной модели являются события в школе г. Колумбайн, представляющие собой один из наиболее кровавых и резонансных случаев «школьной стрельбы» за всю историю. Иными словами, скулшутинг в большинстве случаев представляет собой продуманную, осознанно реализуемую акцию, в которой повторяется последовательность действий, которая была осуществлена в Колумбайне в 1999 году. И здесь ключевым фактором скулшутинга становится то, что данная модель активно воспроизводится в социокультурной среде. Таким образом, социальная напряженность и латентная агрессия, накапливаемая отдельными школьниками, получает ультимативную модель выплеска, и именно модель, сценарий преступления определяет возможность его совершения.

Третьим важным аспектом, характеризующим социальную обусловленность скулшутинга, является то, что в настоящее время существуют социальные институты, обеспечивающие воспроизводство скулшутинга как реализуемой школьниками социальной модели. Речь идет о деструктивных сетевых сообществах, на уровне которых производится распространение и культивирование идеологии колумбайна среди несовершеннолетних [3]. Аудиторией подобного рода информационных ресурсов становятся, преимущественно, молодые люди в возрасте от 14 до 20 лет, испытывающие проблемы с социальной включенностью на уровне образовательной среды и института семьи. На уровне данных сообществ они получают поддержку со стороны других молодых людей, имеющих сходные проблемы, укрепляются в

идее необходимости «наказать» одноклассников и учителей, формируют представление о скулшутерах, как о героях, бросивших вызов обществу. Подобного рода психологическая и идеологическая обработка способствует формированию предрасположенности молодых людей к совершению акта крайней агрессии в образовательном учреждении.

Проведенный анализ свидетельствует о том, что существует целый ряд значимых факторов скулшутинга, которые имеют не психологическую, но социальную природу. Это свидетельствует о необходимости и перспективности раскрытия проблемы крайней агрессии в образовательных учреждениях в русле социологических исследований. При этом, высокую перспективность в данном контексте приобретают исследования, направленные на анализ внешних институциональных и социокультурных факторов скулшутинга, а также принципов воспроизводства моделей осуществления крайней агрессии среди учащихся.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Волчецкая, Т. С., Козырева, И. Е., Осипова, Е. В. Криминалистические и психологические особенности проявления насилия в общеобразовательных школах // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2022. №4. – с. 11-17
2. Гусев, С. Н. Детерминанты совершения актов скулшутинга // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. №3 (62). – с. 15-20
3. Карпов, В. О. Культ Колумбайна: основные детерминанты массовых убийств в школах // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2018. №4 (34). – с. 442-446
4. Малюшина, Ю. А., Шатилов, С. Н., Федорова, О. Б. Изучение психологического механизма насильственных преступлений как один из аспектов профилактики скулшутинга // Вестник МГОУ. Серия: Психологические науки. 2021. №3. – с. 86-97.

THE SOCIOLOGICAL DIMENSION OF THE STUDY OF THE PROBLEM OF SCHOOLSHOOTING

Alexey Bereznev

Senior Lecturer of the Department of Physical Training of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Abstract: one of the urgent problems of modern society is the increase in the level of violence in educational institutions. Extreme forms of aggression in educational institutions carry a significant threat, which is associated both with a significant destructive impact of each specific case, and with an increase in the number of cases of extreme aggression in educational institutions. The article examines the social conditionality of schoolshooting. The influence of institutional and socio-cultural factors on the predisposition of students to extreme aggression is analyzed. It is proved that schoolshooting is, first of all, a socially determined phenomenon. The main prospects of studying schoolshooting at the level of sociological knowledge are determined.

Keywords: education, aggression, society, schoolshooting, social factors of schoolshooting.

References

1. Volchetskaya, T. S., Kozyreva, I. E., Osipova, E. V. Forensic and psychological features of the manifestation of violence in secondary schools // Izvestiya TulGU. Economic and legal sciences. 2022. №4. - With. 11-17
2. Gusev, S. N. Determinants of committing acts of school-shooting // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 3 (62). - With. 15-20
3. Karpov, V. O. The cult of Columbine: the main determinants of mass murders in schools // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. No. 4 (34). - With. 442-446
4. Malyushina, Yu. A., Shatilovich, S. N., Fedorova, O. B. Study of the psychological mechanism of violent crimes as one of the aspects of the prevention of school shooting // Bulletin of Moscow State Educational Institution. Series: Psychological sciences. 2021. №3. - With. 86-97.

УДК 316.774

ПОЛИТИЧЕСКИЙ БЛОГИНГ КАК ПЛАТФОРМА ДЛЯ ДИАЛОГА: ПРИНЦИПЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

Аннотация: в статье рассмотрены принципы взаимодействия доноров и реципиентов в политической блогосфере, а также особенности ведения блогов по политической тематике и возможные перспективы развития блогов как эффективных диалоговых платформ.

Ключевые слова: политическая коммуникация, блогосфера, социальные сети, диалоговая платформа.

Современное информационное общество стремительно развивается, требуя от его участников новых форматов взаимодействия и перевода многих процессов в цифровой формат. В связи с этим политические коммуникации расширяют ареол своего распространения и площадок работы, в частности, происходит развитие блогов по политической тематике. Политические блоги в определенных социально-политических условиях способны создавать сообщества единомышленников или же оказывать влияние на входящих в нее пользователей. В узком смысле «блог» – личная страница (в случае политического блога – политического субъекта), на который автор размещает информацию, относящуюся как к его личной жизни, так и к профессиональной деятельности.

Блогинг в сфере политики подразумевает относительно независимый (самостоятельный) выбор информации, ее анализ и интерпретацию, причем как из рассматриваемых, так и игнорируемых традиционными СМИ тем. Важно, что различные сегменты аудитории политических блогов предпочитают именно тот контент, который соответствует их взглядам: они чаще ищут аргументы, с которыми заранее будут согласны. В результате формируются гомогенные сообщества, поляризованные по идеологическому признаку, в рамках которого происходит формирование взглядов по отношению к принимаемым политическим решениям, отдельным персонам, режиму,

институту власти в целом и т.д. Наконец, эмпирические исследования блогосферы подтверждают, что политический дискурс здесь отличается высокой степенью предвзятости: многие сообщения содержат более резкие мнения, чем можно было бы ожидать при непосредственном общении, а контент носит уничижительный по отношению к оппонентам характер.

Исследователи феномена массовой коммуникации П. Лазарсфельд и Р. Мертон выделяли 3 основных функции политической коммуникации в контексте социального действия и провоцируемых средствами коммуникации массовых вкусов, которые могут быть спроецированы на блогосферу: присвоения статуса общественным проблемам, личностям, организациям и общественным движениям – блогосфера дает информационные поводы, продвигает проблемы на общественную и медийную повестку дня, за счет ЛОМов формирует общественное мнение и повестку, которая либо будет транслироваться во всем Интернет-пространстве, либо к которой они сами присоединяются и распространяют, например, протесты. Укрепления социальных норм (действия блогеров, особенно координированные приводят к пересмотру социальных конвенций) и «наркотизация» социума (в блогосфере рождаются и активно продвигаются мифы и слухи) [1, с. 5-7].

Некоторые блогеры занимают высокие посты и владеют инсайдерской информацией, не стесняясь обсуждать ее в блоге и сообществах. Блоги в современной России являются наиболее свободной частью Интернет-сообщества – в силу «зачищенности» политического пространства в России и подконтрольности СМИ многие гражданские активисты видят в блогах иной способ конвенционального политического участия, доверие к таким каналам коммуникации на порядок выше, чем к классическим СМИ. За счет этого у авторов независимых политических блогов есть возможность влиять на сознание людей, опираясь на их признание и поддержку. Однако в политической коммуникации они важны как диалоговые платформы, не требующий серьезных ресурсов и подвергающийся редактированию со

стороны самих его участников, поскольку включают в себя наиболее интеллектуально-мыслящую и активную часть общества – журналистов, гражданских и медиаактивистов, политиков, технологов, включая молодое поколение, в то время как традиционные СМИ сильно контролируются со стороны государства и направлены на массовую аудиторию.

По мнению американских ученых Х. Фаррела и Д. В. Дрезнера, основной причиной влияния блогосферы на политику является то, что журналисты и лидеры общественного мнения регулярно читают блоги. Это объясняется связью между СМИ и блогами, а также специфическими, «локальными» знаниями и политическим опытом, которыми располагают некоторые блогеры [3, с.152-153].

Рост популярности блогосферы в России обуславливается падением доверия населения традиционным СМИ. Согласно исследованию, проведенному Всероссийским центром изучения общественного мнения в 2017 году, в рейтинге популярности источников информации телевидение по-прежнему занимает лидирующие позиции, однако тенденции складываются не в его пользу. В сравнении с 2015 годом, когда телевидение отмечали главным источником получения информации 62 % опрошенных, в 2017 году этот показатель снизился на 10 %. Кроме того, согласно результатам исследования, было отмечено падение уровня доверия традиционным СМИ. На 2017 индекс доверия центральному телевидению составлял 42 пункта, при диапазоне от -100 до 100 пунктов. (для сравнения, в 2012 г. – 58 пунктов) [5]. Примечательно, что на 2023 год доверие Telegram-каналам составляет 31% (индекс — 8 п.) [4], что свидетельствует о переходе населения на онлайн-площадки и определенном положительном эффекте от коммуникации (возможность высказывать мнения, если автор предоставляет возможность, давать реакции на публикации и т.д.). Стремительно растущую популярность блогов подтверждают и результаты опросов, проведенных ФОМ в 2017 году. Блоги и сайты социальных сетей занимают третье место после телевидения и новостных сайтов в интернете

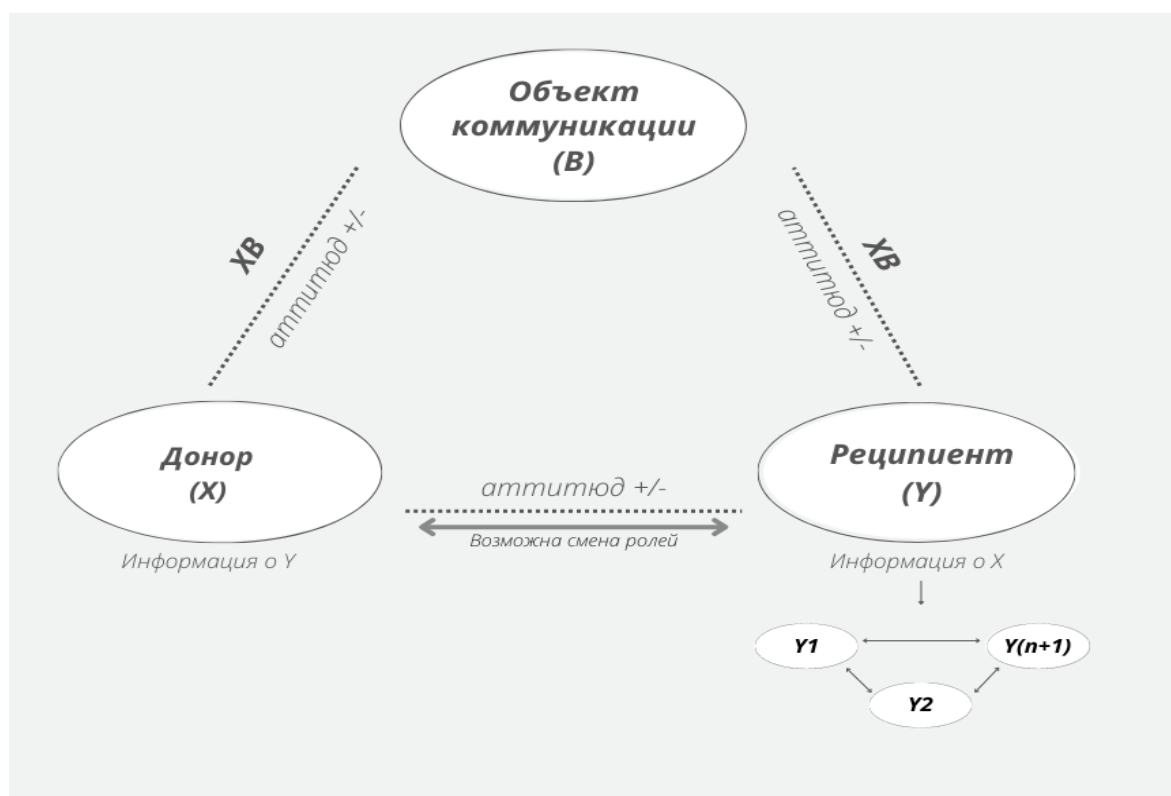
среди источников, из которых аудитория узнает информацию. Члены гражданского общества используют блогосферу для мобилизации активистов, которые поддерживают разнородные идеологические течения, включая либеральную оппозицию и националистов. Основными целями использования блогов в политическом пространстве можно выделить следующие:

- оперативное информирование аудитории;
- PR-инструмент для формирования имиджа политика;
- выявление мнений граждан и оценка реакции общественности на те или иные действия власти;
- обеспечение большей открытости власти и повышение влияния граждан на политику;
- канал коммуникации с обществом, организация обратной связи через подписки, комментирование, организацию дискуссий в режиме «онлайн» [2, с. 136-138].

Основным преимуществом блогов в процессе взаимодействия власти и общества является формирование доверия к личности политику, а также возможность быстрого получения обратной связи, анализ общественное мнение и его формирование. В то время, как основным минусом блогов является недостоверность информации (как правильно, это относится к блогам, которые ведутся не самим лицом, имеющим какое-либо отношение к политической сфере, например, это могут быть новостные каналы, которые публикуют все мнения, экспертные оценки и т.д.) в связи с тем, что размещаемый на данной интернет-платформе материал практически не проходит цензуры.

Взаимодействие в политическом блоге, опираясь на теорию коммуникаций Т. Ньюкомба [6, с. 174-188], представляет собой систему, отражающую социально-политическую специфику обмена информацией и реакциями между донором и реципиентом по конкретному объекту. По мнению автора, коммуникационная система тяготеет к равновесию и симметрии. Переводя это на полит.блоги, получаем систему пост-реакция-ответный пост и

т.д. При этом автор постов заведомо знает, что его точку зрения разделит определенная часть реципиентов (исходя из ключевого параметра – первоначального ознакомления с аудиторией и иным необходимым данным – по модели Ньюкомба, информация субъектов друг о друге становится началом любой коммуникации. Фактором движения к коммуникации выступает симпатия/антипатия субъектов X и Y и от степени важности для них объекта B (рис.1).

Модель взаимодействия донора и реципиентов (рис.1)

Блог формируется, исходя из интересов как потенциальной аудитории, так и интересов и взглядов донора. В случае попадания в более симметричную и равную по интересам среду реципиентов возникает идентичная связь между несколькими реципиентами. Чем выше симпатия между A и B, тем в большей степени каждый из них мотивирован к достижению симметрии в их отношении к X. Ньюкомб считает, что симметрия достигается в основном посредством

коммуникации между А и В. Если предположить изначальное отсутствие симметрии, то чем выше симпатия между А и В и чем сильнее их аттитюды по отношению к Х, тем выше вероятность того, что коммуникация между ними состоится, при этом качество подобной коммуникации может носить как положительный или отрицательный характер, так и нейтральный. При этом важным является сформированное идеологическое представление каждого участника коммуникации о каком-либо политическом процессе, на которое оказывают влияние: СМИ, деятельность политических и социальных институтов, близкое окружение (семья, коллеги, преподаватели и т.д.), правовые и моральные нормы, традиции, культура, личные и общественные ценности, личный опыт и т.д.). Попадающая в поле интересов и ценностей политическая информация выбивает систему из состояния симметрии и вынуждает актора выдать реакцию (в случае блога реакцией выступают комментарии, реакции и т.д.). И так продолжается до того момента, пока не будет уравновешен каждый субъект (либо негативным, либо позитивным) определенным аттитюдом со стороны других акторов.

Исходя из принципов выстраивания коммуникации в политической блогосфере, выделим ключевые особенности их ведения и перспективы развития:

1. Блоги стали политическими комментаторами или даже цензорами традиционных медиа. Большая часть поставляемого контента политических блогов является результатом мониторинга того же медийного пространства, субъективные и экспертные оценки, аналитика. Политически значимое событие, решение или действие для блогера, как правило, – это процессы, происходящие вне самих СМИ, в немедийной реальности, которая становится тематикой блога.

2. Блоги включают несколько тем, в основном формирующих постоянную повестку конкретной персоны. Вероятно, с течением времени тематика блогов станет более широкой, потребности реципиентов растут и для

привлечения внимания необходимо понимать свою аудиторию и подстраиваться под них интересы.

3. Блоги известных политиков влияют на формирование политической повестки дня. Целевая группа – журналисты и профессиональные обозреватели (лидеры мнений в СМИ), пользователи, чей опыт анализа объемов и осмысления информации позволяет выдвигать умозаключения на основе фактов разносторонних источников информации. Политические блоги в перспективе могут представлять определенную ценность с электоральной точки зрения, но и с позиций формирования и проектирования политического диалога в обществе, в особенности с развитием сетевого информационного общества.

4. Блоги изменили подходы в публичном пространстве. Борьба ценностей, которые определяют политическую позицию, становится в блогах зачастую важнее, чем борьба аргументов. Если рассматривать социально-политический аспект блогинга (особенно, оппозиционной сферы), то для информационного взаимодействия его пользователей характерны резкие столкновения различных мнений и личностей, иногда с взаимоисключающими общественно-политическими и культурно-идеологическими позициями. Политический блог всегда выражает определенную политическую позицию, сквозь призму которой интерпретируется вся остальная информация. Это позиция может быть выражена в виде набора простых и понятных всем тезисов, защита которых в основном осуществляется посредством апелляции к ценностям.

5. Блогосфера становится удачной диалоговой платформой только в том случае, когда и доноры, и реципиенты, готовы, во-первых, воспринять критику и адекватно реагировать, во-вторых, самостоятельно смогут разобраться в специфике каждой социальной сети, где создается блог (больше относится непосредственно к политическим субъектам, порою не разграничивающий сайт социальные сети), в-третьих, готовность тратить свое

время не только на онлайн-коммуникацию, но и на реальные действия в оффлайн-пространстве.

Таким образом, базовый принцип функционирования политических блогов - непрерывный обмен информации между всеми субъектами. Любая информация, попадающая в систему и подрывающая один из устоявшихся факторов (оснований), выводит её из состояния равновесия и выдает ответную реакцию. Но в данном случае содержание реакций носит серьезный характер: так как затрагиваются факторы культурной идентичности, принадлежности к социальной группе, давление по вопросам материального состояния и т.д., что вызывает большой психологический и психический ответ. Качественная коммуникация и развитие диалога может начаться в тот момент, когда обе стороны будут понимать и потенциал социальных сетей, и то, в какой форме необходимо выражать свое отношение к происходящему.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Лазарсфельд, П., Мертон, Р. Массовая коммуникация, массовые вкусы и организованное социальное действие: Пер. с англ. // Макаров М.М. Массовая коммуникация в современном мире. М: Аспект-пресс, 2000.

2. Милорава, А. Р. Роль блогосферы в политическом процессе России / А. Р. Милорава. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2019. — № 11 (249). — С. 136-138. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/249/57306/> (дата обращения: 23.02.2023).

3. Шатин, И. М. Социальные среды современной политики: блогосфера // Вестник РГГУ. 2011

4. Доверие СМИ в России [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/doverie-smi-v-rossii> (Дата обращения: 23.02.2023).

5. Интернет против телевидения: битва продолжается. Пресс-выпуск ВЦИОМ. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://wciom.ru/> (Дата обращения: 23.02.2023).

6. Social psychology: the study of human interaction / Theodore M. Newcomb, Ralph H. Turner and Philip E. Converse (2nd ed., rev.). London: Routledge and K. Paul, 1969.P.

POLITICAL BLOGGING AS A PLATFORM FOR A DIALOGUE: PRINCIPLES OF FUNCTIONING

Daria Vasilyeva, senior year undergraduate of the Yaroslavl State University
named after Demidov

Annotation: This article is about principles of cooperations between content providers and content consumers in a sphere of a political blogging. Features of blogging on political topics and possible prospects for the development as effective platforms for a dialogue are also considered.

Keywords: political communication, blogosphere, social media, platform for a dialogue.

References:

1. Lazarsfeld P., Merton R. Mass communication, mass tastes and organised social action: tr. from English // Makarov M. M. Mass communication in the modern world. M: Aspect-press, 2000.
2. Milorava A. R. The blogosphere's role in the political process of Russia / A. R. Milorava. - Text: direct // Molodoy uchenyy. - 2019. - № 11 (249). — С. 136-138. [Electronic resource] Access mode: <https://moluch.ru/archive/249/57306/> (date of the application: 23.02.2023).
3. Shatin I. M. Social environments of modern politics: blogosphere // Vestnik RSHU. 2011.
4. Media trust in Russia [Electronic resource] Access mode: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/doverie-smi-v-rossii> (date of the application: 23.02.2022)
5. The Internet against TV: the battle continues. Press release All-Russian Center for the Study of Public Opinion. [Electronic resource] Access mode: <https://wciom.ru/> (date of the application: 23.02.2023).
6. Social psychology: the study of human interaction / Theodore M. Newcomb, Ralph H. Turner and Philip E. Converse (2nd ed., rev.). London: Routledge and K. Paul, 1969. P.

УДК 316.35

ИНОСТРАННЫЕ СТУДЕНТЫ В РОССИЙСКИХ ВУЗАХ (ПО МАТЕРИАЛАМ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ)

Аннотация: в данной работе анализируются дисциплинарные практики изучения иностранных студентов в российских вузах с позиций проблем, с которыми сталкиваются эти акторы образовательного процесса в ходе адаптации к инокультурной среде и образовательным реалиям российского государства. Обосновывается потенциал социологической науки как площадки междисциплинарных исследований в обозначенном проблемном поле. Этот потенциал связан с формированием теоретической платформы междисциплинарного характера и эмпирическими замерами множества социальных проблем, с которыми сталкиваются иностранные студенты в российской высшей школе в процессе образовательной и адаптационной деятельности.

Ключевые слова: иностранные студенты, высшее образование, интернационализации образования, междисциплинарные исследование, социология.

Ведущим трендом в развитии высшего образования на современном этапе является интернационализация. В этом тренде находятся системы образования передовых национальных образовательных систем, и российская система образования также стремится развиваться в данном направлении [2], несмотря на сложившиеся обстоятельства на международной арене и серьезные ограничения для активного и многостороннего участия в процессе интернационализации высшего образования.

Актуальность указанной проблемы для России связана с необходимостью создания конкурентоспособной системы высшего образования, привлекательной для иностранцев, стремящихся обучаться в высшей школе, что предполагает необходимость глубокого научного анализа

условий и факторов повышения эффективности российских вузов, их статуса и престижа в международном рейтинге образовательных систем. А проблем, снижающих привлекательность высшего образования для иностранных студентов, если отталкиваться от мнений ученых, достаточно много. Их решение предполагает обеспечение эффективных условий учебной миграции, снижение визовых ограничений для иностранных граждан, расширение возможностей трудоустройства иностранных студентов во время учебы, обеспечение более эффективной языковой и межнациональной адаптации в ходе учебного процесса для данного контингента обучающихся в российских вузах [1, с. 23]. Эти и другие проблемы постепенно решаются в России, но их оптимальное разрешение требует глубоких научных разработок, причем не ограниченных узкими рамками одной отрасли научного знания. Более эффективным представляется междисциплинарный подход, который позволит аккумулировать опыт изучения данной проблемы представителями различных научных дисциплин. Обоснованием для этого выступает социокультурная, социально-психологическая, социально-демографическая, социально-политическая, экономическая и иная специфика факторов, барьеров и механизмов адаптации иностранных студентов к российским вузам, а также интеграции в социокультурное пространство страны в целом [5].

Анализ научных исследований в данной предметной области позволяет сделать вывод о том, что опыт междисциплинарных разработок наиболее успешно и активно применяется социологами. В работах социологического направления проблемы обучения иностранных студентов в российских вузах рассматриваются с позиций самых различных аспектов и факторов (социально-психологических, исторических, этнокультурных, социально-политических, экономических), что и определяет необходимость обращения к потенциалу смежных научных дисциплин.

Так, с исторической точки зрения важность представляет анализ самой траектории интернационализации образования и становления практики привлечения иностранных студентов в России. В этом плане исследователи обращаются к опыту данной практики в советский период, и подобные научные изыскания обладают большой ценностью, поскольку показывают возможности использования имеющегося положительного опыта в современной ситуации развития российской системы высшего образования на пути интернационализации [6].

Для психологического направления значимыми являются вопросы другого порядка: личностные особенности и механизмы становления иностранных студентов в процессе получения образования в российских вузах, взаимодействия с инокультурной средой; факторы, порождающие стрессовое состояние у студентов-иностранцев, а также состояние тревожности, психической неустойчивости, а также пути разрешения подобного рода ситуаций и проблем [3; 7].

В педагогических исследованиях анализируются практики и методики педагогической работы с иностранными студентами, определяются необходимые компетенции педагогических кадров вузов для эффективной работы с данной категорией студентов [4]. Особый акцент делается на необходимости специальной подготовки педагогов, обучающих иностранных студентов. От их уровня профессиональной компетентности, во многом, зависит ход и результат адаптации и интеграции иностранных студентов к условиям российской образовательной среды.

В работах политологов рассматриваются социально-политические установки, ориентиры и ценности иностранных студентов, а также политические практики привлечения студенчества других стран в Россию [9].

Наибольший интерес представляют работы, в которых исследователи пытаются реализовать комплексный подход, используя потенциал ряда

смежных дисциплин. Так, можно выделить интересные исследовательские труды, подготовленные на стыке социально-психологических и этнолингвистических подходов [8]. В этих работах особое внимание уделяется этнокультурным аспектам адаптации иностранных студентов к российским социальным, культурным условиям, возникающим на этом пути сложностям ввиду этнокультурных различий между российскими студентами и иностранными, особенно, если речь идет о студентах из стран с кардинально иной, нежели Россия, цивилизационной спецификой. В данной ситуации возникает множество трудностей коммуникативного, адаптивного, интегративного и иного характера, от преодоления которых зависит эффективность обучения иностранцев в вузах России, а также престиж российской высшей школы, создающей благоприятную среду для адаптации иностранцев в образовательном пространстве и преодоления социокультурных барьеров.

Однако, как уже было сказано ранее, самая успешная попытка формирования комплексного подхода к изучению нашей проблемы с учетом потенциала других дисциплинарных практик связана с социологией. Потенциал социологических работ связан с формированием теоретической платформы междисциплинарного характера и эмпирическими замерами множества социальных проблем, с которыми сталкиваются иностранные студенты в России в процессе образовательной деятельности. Прикладные социологические исследования в данной области весьма обширны. Ученые обращаются к динамике подготовки профессиональных кадров в российском государстве для других стран; к адаптации иностранного студенчества в российских вузах; к региональной и этнокультурной специфике обучения и адаптации иностранных студентов. Но для объяснения тех или иных проблем, особенностей, факторов, определяющих адаптационный процесс иностранного студенчества, социологи не могут обойти стороной психологические, политические, культурные, экономические и иные аспекты, что и формирует

потенциал методологических и прикладных исследований иностранного студенчества в комплексе со сложившимися моделями и практиками исследования в смежных отраслях научного знания.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Галямова, Э.Ф., Кудимана Г.О. Привлекательность российских вузов на международном рынке образовательных услуг // Вестник Удмуртского университета. 2017. Т. 27, вып. 3. С. 21-26.
2. Лебедева Т.В. Современные особенности экспорта российских образовательных услуг // Философия хозяйства. 2022. № 5(143). С. 217-241.
3. Логинова В.И. Профессионально-личностное становление иностранных студентов в образовательной среде российского вуза // Автореферат дис. ...док. псих. н./19.00.07. М., 2011. 58 с.
4. Милехина Т.Е. Дидактические аспекты педагогической подготовки иностранных студентов // Наука и школа. 2022. № 6. С. 146-151. DOI 10.31862/1819-463X-2022-6-146-151.
5. Муравьева Е.В., Масленникова Н.Н. Проблемы интеграции иностранных студентов в образовательную среду российских вузов // Вестник Башкирского университета. 2022. Т. 27, № 1. С. 229-237. DOI 10.33184/bulletin-bsu-2022.1.40.
6. Пацукевич О. В. Международная учебная миграция иностранных студентов на примере России: исторический аспект // Вестник Белорусской государственной сельскохозяйственной академии. 2019. № 2. С. 286-289.
7. Попкова Е.Б. Инкультурация иностранных студентов в российском вузе: межличностный аспект / Е.Б. Попкова // Вестник Адыгейского университета. 2012. № 4. С. 190 – 195.
8. Пугачев И.А., Будильцева М.Б., Варламова И.Ю. Адаптация иностранных учащихся к условиям обучения в российском вузе: комплексный подход // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2018. Т. 15. № 2. С. 225-235.
9. Расторгуев С.В., Волхонская З.И. Методология исследования общественно-политических установок иностранных студентов // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2020. № 10(4). С. 6-13.

FOREIGN STUDENTS IN RUSSIAN UNIVERSITIES (BASED ON THE MATERIALS OF INTERDISCIPLINARY RESEARCH)

Gavrilov Pavel Sergeevich, PhD student

Abstract: this paper analyzes the disciplinary practices of studying foreign students in Russian universities from the perspective of the problems faced by these actors of the educational process in the course of adaptation to the foreign cultural environment and educational realities of the Russian state. The potential of sociological science as a platform for interdisciplinary research in the designated problem field is substantiated. This potential is associated with the formation of a theoretical platform of an interdisciplinary nature and empirical measurements of a variety of social problems faced by foreign students in Russian higher education in the process of educational and adaptation activities.

Keywords: international students, higher education, internationalization of education, interdisciplinary research, sociology.

References:

1. Galyamova, E.F., Kudimana G.O. Attractiveness of Russian universities in the international market of educational services // Bulletin of the Udmurt University. 2017. Vol. 27, issue. 3. pp. 21-26.
2. Lebedeva T.V. Modern features of the export of Russian educational services // Philosophy of economy. 2022. No. 5(143). pp. 217-241.
3. Loginova V.I. Professional and personal formation of foreign students in the educational environment of the Russian university // Abstract of dis. ...doc. psych. n./19.00.07. M., 2011. 58 p.
4. Milekhina T.E. Didactic aspects of pedagogical training of foreign students // Science and school. 2022. No. 6. pp. 146-151. DOI 10.31862/1819-463X-2022-6-146-151.
5. Muravyeva E.V., Maslennikova N.N. Problems of integration of foreign students into the educational environment of Russian universities // Bulletin of Bashkir University. 2022. Vol. 27, No. 1. pp. 229-237. DOI 10.33184/bulletin-bsu-2022.1.40.
6. Patsukevich O. V. International educational migration of foreign students on the example of Russia: historical aspect // Bulletin of the Belarusian State Agricultural Academy. 2019. No. 2. pp. 286-289.
7. Popkova E.B. Inculturation of foreign students in a Russian university: interpersonal aspect / E.B. Popkova // Bulletin of the Adygea University. 2012. No. 4. pp. 190 – 195.

8. Pugachev I.A., Starovtseva M.B., Varlamova I.Yu. Adaptation of foreign students to the conditions of study in a Russian university: an integrated approach // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Questions of education: languages and specialty. 2018. Vol. 15. No. 2. pp. 225-235.

9. Rastorguev S.V., Volkhonskaya Z.I. Methodology of research of socio-political attitudes of foreign students // Humanities. Bulletin of the Financial University. 2020. No. 10(4). pp. 6-13.

УДК 342.849

ЭЛЕКТРОННОЕ ГОЛОСОВАНИЕ В ИЗБИРАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ: ВОЗМОЖНОСТИ И РИСКИ

***Мадина Гандалоева**, аспирант
Кубанский государственный университет
Краснодар*

Аннотация. Выборы являются важной составляющей административных процессов. Каждое правительство стремится модернизировать свои процессы путем автоматизации различных этапов, таких как сбор информации, поиск файлов, расчеты и выдача отчетов. Использование компьютерных технологий при голосовании и подсчете голосов позволяет избежать ошибочных голосов, снижает вероятность мошенничества на избирательных участках, позволяет значительно сократить время получения результатов, устраняет задержку и возможные материальные ошибки при рассмотрении. В работе рассмотрена система электронного голосования и предпринята попытка определить возможности, преимущества и риски, которые несет в себе внедрение этой системы в избирательный процесс.

Ключевые слова: выборы, электронное голосование, цифровизация, избирательный процесс.

Процесс автоматизации избирательных процессов постепенно вклинивается в ряд мероприятий, которые проводятся до выборов и после них, причем наиболее деликатным является процесс голосования.

Внедрение систем электронного голосования создало условия для активного использования технологий искусственного интеллекта и нейронных сетей в обработке «больших данных». Делегитимация современных политических режимов несет в себе риски падения доверия к действующим выборным процедурам и с подозрением властей в прямых фальсификациях. В следствие этого избирательные комиссии разных стран стали внедрять технологии сверхточных нейронных сетей для быстрой и эффективной обработки данных на всех этапах избирательного процесса. Нейронные сети имеют огромный потенциал как в мониторинге избирательного процесса, так и в выявлении фактов политического насилия [2, с. 93].

Хотя сложно определить влияние и все изменения, к которым могут привести новые технологии в организации выборов, некоторые из них можно назвать уже сейчас:

1. Исчезновение бюллетеней. Бюллетени сослужили хорошую службу избирательному процессу. Их относительно легко производить, маркировать и проверять; но они могут быть дорогостоящими при печати и распространении, кроме того, они могут использоваться только один раз и не позволяют эффективно использовать ресурсы [1, с. 44].

2. Исчезновение избирательных участков. Когда можно использовать безопасные электронные механизмы, избирательные участки, которые необходимо арендовать, оборудовать и укомплектовать персоналом, могут стать дорогостоящим анахронизмом во многих местах. Тенденция предоставления государственных услуг в интернете через интернет и в общественных местах может заменить необходимость установки физических избирательных участков [1, с. 45].

3. Расширение методов электронного голосования. Ожидается, что по мере того, как электронные товары станут дешевле, мощнее и безопаснее, использование более дешевых и надежных методов электронного голосования ускорится и расширится.

4. Интернет-голосование. Хотя вопросы безопасности и идентификации привели к тому, что использование интернета для голосования стало очень осмотрительным, многие страны серьезно рассматривают его, по крайней мере, на некоторых выборах, не только для облегчения процесса, но и для расширения участия, поскольку с конца XX века наблюдается тенденция к воздержанию [4, с. 31].

5. Референдумы и инициативы онлайн. Расширение доступа в интернет в свою очередь расширяет использование так называемой цифровой демократии, в которой граждане могут напрямую голосовать за определенные законодательные вопросы и предложения. Многие из этих мероприятий по голосованию воспринимаются как ориентировочные и не являются обязательными, но уже есть некоторые страны, которые считают их таковыми [1, с. 40].

Таким образом, можно ожидать, что избиратели возьмут под контроль политические процессы, что ранее было невозможным. Однако вопрос о том, может ли эта тенденция обеспечить благоприятный исход демократического процесса, по-прежнему обсуждается [6, с. 74].

6. Электронные удостоверения личности. Системы электронной идентификации разрабатываются для обеспечения того, чтобы граждане могли участвовать в новом мире электронной торговли и управления. Чем больше повседневной деятельности может осуществляться в электронной форме, такой, как оплата счетов и проверка банковских выписок, тем больше давление на надежные электронные системы идентификации, которые устанавливаются на национальном и глобальном уровнях для идентификации людей.

7. Беспроводная электронная инфраструктура. Развитие беспроводной электронной инфраструктуры, обеспечиваемой спутниковой, микроволновой или радиопередачей, позволяет предлагать услуги во многих удаленных местах. Если эти беспроводные системы будут объединены с дешевыми и массовыми инструментами для электронного голосования, можно ожидать, что в будущем с людьми можно будет связаться в любой точке мира.

8. Предоставление услуг в отдаленных местах. С электронными услугами больше нет необходимости, чтобы поставщики находились в том же пригороде, городе или стране, что и пользователь. Можно предусмотреть сценарий, при котором местные избирательные органы могут размещать свои офисы в любом удобном для них месте, предоставляя свои услуги через интернет, беспроводную связь, спутник или используя любую другую технологию, изобретенную для замены существующих [7, с. 18].

Можем выделить преимущества, которые предлагает электронное голосование.

Безопасность. Безопасность бумажного ручного голосования чрезвычайно мала. Поскольку существует только одна копия каждой бюллетени, её легко заменить или уничтожить. Наиболее уязвимым типом выборов является тот, где технологии не используются ни на одном этапе. Хорошо продуманные и специально разработанные системы уменьшают вероятность изменения результатов и устраняют мошенничество. Безопасность увеличивается в 10-1000 раз в зависимости от уровня автоматизации [5, с. 142].

Точность. Компьютеризированное голосование, подсчет и суммирование устраняют возникновение ошибок (по человеческому фактору), которые в большей или меньшей степени всегда влияют на результаты на ручных выборах.

Скорость. Официальные результаты могут быть получены через несколько минут после закрытия голосования (по сравнению с предварительными результатами, основанными на быстрых подсчетах или опросах у урны). Хорошим примером является Республика Филиппины, где раньше требовалось 6 недель, чтобы получить официальные результаты, а после автоматизации, которая началась в 2010 году, менее 12 часов [5, с. 12].

Конфиденциальность. Изопренность компьютерных алгоритмов для случайных распределений гарантирует, что голоса никогда не будут записаны последовательно. Это в сочетании с функциями доступности обеспечивает наиболее надежные условия конфиденциальности, которые гарантируют, что голосование каждого гражданина является действительно частным и не подверженным никакому влиянию.

Доступность и участие. Простота использования пользовательских интерфейсов, к которым мы привыкли благодаря нашим телефонам и компьютерам, может сделать голосование более доступным. Избиратели с ограниченными возможностями обращаются к своим правительствам с просьбой о внедрении компьютеризированных систем, поскольку они позволяют им голосовать за себя путем голосования по аудио и с помощью специальных средств контроля. То есть технология может увеличить участие в выборах людей с ограниченными возможностями, укрепив инклюзивность и демократический процесс [3, с. 17].

Честность. На ручных выборах часто бывает, что избирательные бюллетени или протоколы проверки изменяются, повреждаются или теряются. С хорошо продуманной автоматизированной избирательной системой вероятность этого сводится к нулю. Создание нескольких цифровых и бумажных копий каждого элемента гарантирует, что информация никогда не будет потеряна, изменена или уничтожена [5, с. 164].

Сокращение затрат. Стоимость одного избирателя значительно снижается при автоматизации выборов, даже после учета первоначальных инвестиций в технологии.

Устойчивость окружающей среды. Индия прибегала к вырубке 280 000 деревьев и использовала огромное количество энергии и воды для производства избирательных бюллетеней, необходимых для каждого выбора. Это пагубное влияние на окружающую среду было устранено, когда Индия приняла решение автоматизировать выборы [6, с. 124].

Чаще всего в оппозицию всем вышеперечисленным достоинствам цифровых технологий приводят следующие риски, сопутствующие их внедрению в избирательный процесс:

1. Несанкционированное вмешательство третьих лиц в процесс голосования (хакерские атаки);
2. Риск (крупномасштабных) манипуляций со стороны (небольшой группы) инсайдеров;
3. Труднее обнаружить и идентифицировать источник ошибок и технических неисправностей, чем при использовании обычных процедур (отсутствие прозрачности и непонимание системы неспециалистами);
4. Возможно, что полностью оцифрованная система не даст результатов, и не будет иметь физических резервных записей, что затруднит или сделает невозможным публичный пересчет голосов;
5. Требование сертификации системы. Однако общепризнанных (международных) стандартов сертификации не существует;
6. Необходимость проведения дополнительных кампаний по просвещению избирателей;
7. Риск утраты общественного доверия к процессу выборов или референдума;

8. Увеличение расходов (приобретение и обслуживание системы электронного голосования).

Безусловно, сложно сказать, как их влияние на этот процесс отразится на будущем выборов, нашем будущем. Но уже сейчас можно определить не только ключевые преимущества, заключенные в неоспоримой точности, скорости, эффективности и результативности, но и проблемы, связанные с все более широким применением технологий: это проблемы в области безопасности, затрат, устойчивости, прозрачности и зависимости от разработчиков.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. *Володенков С.В.* Digital-технологии в системе традиционных институтов власти: политический потенциал и современные вызовы // Вестник Московского государственного областного университета. 2018. № 2.

2. *Володенков С.В., Федорченко С.Н.* Традиционные политические институты в условиях цифровизации: риски и перспективы трансформации // Дискурс-Пи. 2022. Т. 19. № 1.

3. *Кулик А.Н.* Политическое участие, демократия и популизм в цифровую эпоху // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2017. Т. 13. № 4.

4. *Чернышов А.Г.* Выборы и электорат: новый тип избирателя в условиях ритуальной демократии // Власть. 2018. № 2.

5. *Lévy P.* Ciberculture. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2001.

6. *Marín A. L.* La nueva sociedad de la información. Una perspectiva desde Silicon Valley // Madrid: Editorial Trotta, 2000.

7. *Tula M. I.* Democracia, elecciones y nuevas tecnologías. El voto electrónico // Revista Mexicana de Análisis Político y Administración Pública. Universidad de Guanajuato. 2012. Vol. 1. № 2.

ELECTRONIC VOTING IN THE ELECTORAL PROCESS: OPPORTUNITIES AND RISKS

Madina T. Gandaloeva
Postgraduate student, Krasnodar, Russia

Elections are an important component of administrative processes. Each government seeks to modernize its processes by automating various stages such as information collection, file retrieval, calculations and reporting. The use of computer

technologies in voting and counting votes avoids erroneous votes, reduces the likelihood of fraud at polling stations, significantly reduces the time for obtaining results, eliminates delay and possible material errors in consideration. The paper considers the electronic voting system and attempts to identify the opportunities, benefits and risks that the implementation of this system in the electoral process carries.

Keywords: elections, electronic voting, digitalization, electoral process.

References:

1. Volodenkov S.V. Digital_tehnologii v sisteme tradicionnih institutov vlasti_politicheskii potencial i sovremennie vizovi [Digital technologies in the system of traditional institutions of power: political potential and modern challenges] // Bulletin of the Moscow State Regional University. 2018. № 2.
2. Volodenkov S.V., Fedorchenko S.N. Tradicionnie politicheskie instituti v usloviyah cifrovizacii_riski i perspektivi transformacii [Traditional political institutions in the conditions of digitalization: risks and prospects of transformation] // Discourse-Pi. 2022. Vol. 19. No. 1.
3. Kulik A.N. Politicheskoe uchastie_demokratiya i populizm v cifrovuyu epohu [Political participation, democracy and populism in the digital age] // Political expertise: POLITEX. 2017. Vol. 13. No. 4.
4. Chernyshov A.G. Vibori i elektorat_novii tip izbiratelya v usloviyah ritualnoi demokratii [Elections and the electorate: a new type of voter in the conditions of ritual democracy] // Power. 2018. № 2.
5. Lévy P. Ciberculture. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2001.
6. Marín A. L. La nueva sociedad de la información. Una perspectiva desde Silicon Valley // Madrid: Editorial Trotta, 2000.
7. Tula M. I. Democracia, elecciones y nuevas tecnologías. El voto electrónico // Revista Mexicana de Análisis Político y Administración Pública. Universidad de Guanajuato. 2012. Vol. 1. № 2.

УДК 323.21

ПОТЕНЦИАЛ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ В КОНСОЛИДАЦИИ РОССИЯН: РЕГИОНАЛЬНАЯ ПРОЕКЦИЯ

*Бэлла Гвашева, аспирант
Адыгейский государственный университет*

Аннотация. В статье анализируются региональные особенности политики памяти на примере Республики Адыгея. Важным контекстом, определяющим актуальность проблемы, является сложность политической и этнокультурной истории адыгского этноса. К инструментам региональной политики коллективной памяти автор относит формирование исторической памяти посредством образовательных практик, создание публичных пространств, мемориалов, установку памятников и бюстов, публикации в СМИ и социальных медиа, направленные на создание нарратива истории Адыгеи.

Ключевые слова: политика памяти, историческая память, практики реализации политики памяти, инструменты региональной политики коллективной памяти, Республика Адыгея.

В условиях борьбы за идентичность, обусловленной ростом международной напряженности, актуальной проблемой остается оценка потенциала политики идентичности как ресурса консолидации российского общества. Так, в Указе Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 в качестве одной из задач государственной политики по сохранению традиционных российских духовно-нравственных ценностей определяется «сохранение исторической памяти, противодействие попыткам фальсификации истории, сбережение исторического опыта формирования традиционных ценностей и их влияния на российскую историю, в том числе на жизнь и творчество выдающихся деятелей России» [5].

В условиях современных внутренних и внешних вызовов российскому обществу историческая память становится актуальной как опыт поколений, содержащий восприятие и оценку исторических событий, определяющих их значимость в воздействии на настоящее и предвидении будущего. В этом контексте историческая память имеет разнонаправленные интенции: с одной стороны, она мобилизует общество на движение вперед, на осознание

необходимости социальных изменений, с другой – ей свойственны риски стагнации, консерватизма, боязни перемен. Разумеется, речь идет о схемах исторической памяти, формирующихся не только в контексте межпоколенческого взаимодействия, но и конструируемых политикой памяти. Эта политика проявляется в конфликтах на международном уровне, в межрегиональном пространстве, в конфликтах целей, формируемых различиями схем исторической памяти, в степени готовности регионального общества к негативной или позитивной мобилизации, на основе заимствования прошлого региона. Модель прошлого включает в себя социологическое мышление как культурно-исторический контекст, необходимый для критического осмысления связи времен в региональном развитии, а также отказ от «модели настоящего» (основанной на возможности полного переформатирования прошлого региона и вера в технологические и экономические инструменты) [6, с. 4867].

Одним из направлений политики идентичности является политика исторической памяти, которая характеризуется «как многоступенчатая целенаправленная деятельность по конструированию смыслового и символического полей национально-государственной самоидентификации при помощи исторических сюжетов, выступающих фундаментальным основанием ключевых идентификационных образов» [1, с. 56].

Политика памяти Российской Федерации на региональном уровне функционирует как в рамках институциональной неопределенности, множественности одновременно участвующих общественных акторов, вовлеченных в процессы ревизии истории и формирования мемориального канона, сокращения роли академического исторического сообщества, которое утрачивает позиции в продвижении интерпретационных моделей, претендующих на определение особенностей, границ и векторов развития культур памяти на региональном уровне [2].

Основываясь на этом положении, обратимся к практикам реализации политики памяти на примере Республики Адыгея. Во-первых, за основу анализа возьмем идею, согласно которой «проводимая в республике политика памяти является важным инструментом консолидации народов Адыгеи» [1, с. 16]. Во-вторых, следует обозначить, что в настоящее время в регионе активно воплощаются «две основные содержательные модели политики памяти: модель проработки трудного прошлого и модель конструирования нового исторического нарратива» [3, с. 668].

Важным контекстом, определяющим актуальность обозначенной проблемы, является сложность политической и этнокультурной истории адыгского этноса. Как известно, в содержании политики памяти определяющую роль играет ключевое политическое событие. К таковым для адыгского этноса относится Кавказская война, в результате которого около полумиллиона адыгов (черкесов) были вынуждены покинуть Северо-Западный Кавказ и переселиться в Османскую империю.

Ежегодно не только в Адыгее, но и в Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии 21 мая проводится День памяти и скорби черкесского народа. Отмечают этот день и за рубежом, где проживают потомки черкесов-переселенцев – в частности, в Турции, Сирии, Иордании и др. Жители Адыгеи отмечают эту дату митингами, возложениями цветов к мемориальным памятникам и тематическими круглыми столами. В 2022 году в филармонии Адыгеи состоялось торжественное собрание и рекем. В отделе краеведческой и национальной литературы национальной библиотеки республики была представлена книжная экспозиция «Жить будущим, не забывая о прошлом», в картинной галерее – выставка «День памяти и скорби по жертвам Кавказской войны XIX века», в ее экспозиции было представлено около 70 произведений 32 художников Адыгеи и Северного Кавказа.

Вторым интегрирующим основанием политики памяти является идентификация с событиями Великой Отечественной войны, периодом

оккупации и подвигами земляков. Напомним, из Адыгеи на фронт отправились более 80 тысяч человек, 52 из которых удостоены звания Героя Советского Союза, 13 стали Полными кавалерами Ордена Славы. В летопись войны вошел подвиг Х.Б. Андрухаева, ставшего символом стойкости и храбрости защитников Отечества. Память о героях увековечена в названиях различных республиканских объектов и улиц. К примеру, имя Героя Советского Союза Хусена Андрухаева носит Адыгейский педагогический колледж.

День Победы занимает первое место среди всех государственных праздников – символ подвига и сплоченности многонациональной России. В 2021 году граждане Адыгеи приняли активное участие в акциях «Окна Победы», «Бессмертный полк на балконах» и «Свет Победы», вывешивали российский флаг с георгиевской ленточкой в рамках акции «Флаги России. 9 Мая». В 77-ю годовщину Великой Победы шествие Бессмертного полка в столице региона собрало свыше 36 тысяч человек, всего в республике к акции присоединилось около 53 тысяч человек. Одним из инструментов сохранения исторической памяти явилась передвижная выставка-музей «Поезд Победы», которая была размещена 28 февраля – 1 марта 2023 г. на железнодорожном вокзале Майкопа.

К инструментам региональной политики коллективной памяти также следует отнести формирование исторической памяти посредством образовательных практик, создание публичных пространств, мемориалов, установку памятников и бюстов, участие в Международной акции «Сад памяти», публикации в СМИ и социальных медиа, направленные на создание нарратива истории Адыгеи.

Общие тенденции современной истории коллективной памяти отражает появление памятника Ш.У. Хакурате в Майкопе и его превращение в пространство для коммеморации. В контексте исторической памяти России на уровне Адыгеи фигура Ш.У. Хакурате относится к числу таких исторических

«персонажей», появление памятника которому в общественных пространствах стало стимулом для активизации проработки прошлого.

Таким образом, формирование коллективной исторической памяти представляет собой направляемый региональными органами власти процесс, предполагающий выделение одних исторических событий и забвение других, которые не укладываются в современный политический контекст. Действенными инструментами формирования и актуализации исторических символов выступают институты воспитания и образования, СМИ, региональная символика, общественные мероприятия, носящие общенациональный характер.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. *Жаде З.А.* Политика идентичности в региональном измерении: кейс Республики Адыгея // Общество: политика, экономика, право. 2022. № 8.
2. *Кирчанов М.В.* Региональная «политика памяти» России: акторы, направления, перспективы развития мемориальной культуры // PolitBook. 2022. № 1.
3. *Самаркина И.В.* Политика памяти и исторический нарратив // Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / ред. И.С. Семененко. М.: Весь мир, 2017.
4. *Титов В.В.* Политика памяти и формирование национально-государственной идентичности: российский опыт и новые тенденции. М.: Типография «Ваш формат», 2017.
5. Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [Текст: электронный]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019> (дата обращения: 10.03.2023).
6. *Vodenko K.V., Zhade Z.A.* Conceptual Model of historical Memory as a resource for development of regional society based on the synthesis of traditions and innovations // Journal of Positive School Psychology. 2022. Vol. 6. No. 2.

THE POTENTIAL OF MEMORY POLICY IN THE CONSOLIDATION OF RUSSIANS: A REGIONAL PROJECTION

Bella Z. Gvasheva

Graduate student, Maikop, Russia

The article analyzes the regional features of the memory policy on the example of the Republic of Adygea. An important context determining the relevance of the

problem is the complexity of the political and ethno-cultural history of the Adyghe ethnos. The author will attribute the formation of historical memory through educational practices, the creation of public spaces, memorials, the installation of monuments and busts, publications in the media and social media aimed at creating a narrative of the history of Adygea to the instruments of the regional policy of collective memory.

Keywords: memory policy, historical memory, practices of memory policy implementation, instruments of regional policy of collective memory, Republic of Adygea.

References:

1. Zhade Z.A. Politika identichnosti v regionalnom izmerenii_ keis Respubliki Adigeya [Identity politics in the regional dimension: the case of the Republic of Adygea] // Society: politics, economics, law. 2022. No. 8.

2. Kirchanov M.V. Regionalnaya «politika pamyati» Rossii_ aktori_ napravleniya_ perspektivi razvitiya memorialnoi kulturi [Regional "memory policy" of Russia: actors, directions, prospects for the development of memorial culture] // PolitBook. 2022. № 1.

3. Samarkina I.V. Politika pamyati i istoricheskii narrativ [Politics of memory and historical narrative] // Identity: Personality, society, politics. Encyclopedic edition / ed. by I.S. Semenenko. M.: The Whole World, 2017.

4. Titov V.V. Politika pamyati i formirovanie nacionalno_gosudarstvennoi identichnosti_ rossiiskii opit i novie tendencii [The Politics of memory and the formation of National and state identity: Russian experience and new trends]. Moscow: Vash Format Printing House, 2017.

5. Ukaz Prezidenta RF ot 9 noyabrya 2022 g. № 809 «Ob utverjdenii Osnov gosudarstvennoi politiki po sohraneniyu i ukrepleniyu tradicionnih rossiiskih duhovno_nravstvennih cennostei» [Decree of the President of the Russian Federation No. 809 dated November 9, 2022 "On approval of the Foundations of state Policy for the preservation and strengthening of traditional Russian spiritual and moral values"]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019> (Accessed: 10.03.2023).

6. Vodenko K.V., Zhade Z.A. Conceptual Model of historical Memory as a resource for development of regional society based on the synthesis of traditions and innovations // Journal of Positive School Psychology. 2022. Vol. 6. No. 2.

УДК 371.4; 316.728; 141.78

ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ ПОСТМОДЕРНА: ПРОБЛЕМЫ И ВЫЗОВЫ

Алексей Герасимов, старший преподаватель

Аннотация: В статье анализируются современные проблемы и вызовы патриотического воспитания молодежи в условиях постмодерна. С помощью социологии и философии постмодерна описываются сложные процессы транзита, а вернее транзитивности ценностей и повседневных жизненных практик идентичности у молодежи ЛНР, в условиях перманентной конфликтности в зоне российско-украинского приграничья. Анализируется патриотизм, патриотические ценности в среде молодежи и проблемы патриотического воспитания. Сделан вывод и рекомендации о том, что привитие патриотических ценностей подрастающему поколению необходимо начинать с дошкольных образовательных учреждений. Для этого необходимо выработать непротиворечивый образ будущего, на основе единого понимания истории и наиболее значимых патриотических ценностей.

Ключевые слова: патриотизм, молодежь, идентичность, национальная идентичность, патриотическое воспитание.

Для изучения различных аспектов идентичности населения в условиях российско-украинского приграничья, в 2018 – 2020 гг. нами была проведена серия из семи фокусированных групповых интервью (далее – ФГИ) и 71 глубинное интервью (далее – ГИ). Следует знать, что транскрипты ФГИ и ГИ были подвергнуты анализу в соответствии с методикой А. Страусса и Дж. Корбина. Также нами был проведен анкетный опрос 759 респондентов. Подавляющее большинство респондентов принявших участие в ФГИ, ГИ и анкетном опросе являются жителями ЛНР [1, с. 355–361].

В анкетном опросе (как и в ГИ и ФГИ) наблюдается значительный перекоп в сторону молодежи, т.е. лиц до 35 лет (68,1%). Соответственно лиц среднего и старшего возраста (т.е. от 35 лет и старше) было опрошено – 31,9%. Обратим внимание, что это такой перекоп в сторону молодежи мы делали намеренно. Нам было интересно в первую очередь узнать об идентичностях в

повседневных жизненных практиках именно молодого поколения, т.е. родившегося и социализировавшегося после развала СССР, при так называемой независимой Украине.

Обратим внимание, у молодежи ЛНР, наблюдается сложный процесс транзита, а вернее транзитивности ценностей и повседневных жизненных практик идентичности в сложных условиях перманентной конфликтности в зоне российско-украинского приграничья.

На наш взгляд, это и неудивительно, т.к. земли Западной Украины, бывшее Галицко-Волынское княжество, вошли в орбиту влияния Западной цивилизации еще, будучи в составе единой Древней Руси, в 12–13 вв.

В 14–16 вв. все правобережье и центр современной Украины были присоединены к Великому княжеству Литовскому и Королевству Польскому, которые после 1569 г. образовали единое государство – Речь Посполиту.

На протяжении 16–18 вв. вышеперечисленные земли находились в зоне активного контакта четырех суперэтнотосов: Западного, Мусульманского, Еврейско-Иудейского и Евразийского (кульминация – расчленение Речи Посполитой в кон. 18 в. между Прусским королевством, Австрийской империей, Российской империей и вхождение исконно русских земель в состав последней). В 19–20 вв. на этих территориях шел интенсивный контакт Западной цивилизации и Евразийского (Русского) мира, кульминацией которого стала победа нашего народа 9 мая 1945 г. в Великой Отечественной войне над нацистской Германией, ее сателлитами и коллаборационистами всех мастей. Не следует забывать, что на Украине пособники Гитлера (боевики т.н. «УПА», «бандеровцы», «мельниковцы», а также украинские националисты, служившие в дивизиях СС «Галичина» и «Нахтигаль» и им подобные) активно сопротивлялись до конца 1950-х гг., а потом многие из них довольно удачно инкорпорировались в ряды советских служащих, партийной номенклатуры и т.д.

Будем помнить и о том, что территория УССР, т.е. современной Украины (в границах до марта-мая 2014 г.), оформилась благодаря трем советским вождям: В.И. Ленину (по результатам Гражданской войны 1918–1922 гг. и Рижскому мирному договору 1922 г., оформляется УССР со столицей в г. Харьков), И.В. Сталину (в 1939–1945 гг. присоединяются земли Западной Украины, Северной Буковины и Южной Бессарабии) и Н.С. Хрущеву (в 1954 г. единоличным решением присоединят Крымскую область к УССР).

В 1991 г. происходит распад и демонтаж СССР, идет «парад суверенитетов» и УССР трансформируется в «незалежну» Украину.

Таким образом, на протяжении более, чем шести веков земли Западной (в большой степени) и Центральной Украины находились в зоне активного контакта четырех суперэтнотосов и их присоединение к Новороссии (которая осваивалась и развивалась в рамках Евразийского суперэтнотоса, т.е. Русского мира) породило появление государства-химеры, т.е. современной Украины.

И если идеологический конфликт, на глобальном уровне и «умер» (а вернее «затих» на время), вследствие победы Запада в «холодной» войне и демонтажа СССР, то геополитическое противостояние только усилилось, т.к. обнаружился предел природных и человеческих ресурсов в современном мире победившего капитализма, где РФ в системе международного разделения труда, была отведена роль полуколониального сырьевого придатка (именно под эту модель и разрушали СССР, и выстраивали ее последние 30 лет). О чем, наиболее патриотичная и прагматичная часть российской элиты, «догадалась» достаточно поздно (мюнхенская речь В.В. Путина в 2007 году и т.д.).

Украина оказалась в центре такого геополитического противостояния, разрываемая притяжением двух сильных цивилизационных центров: Запада, во главе с США и евразийского мира во главе с РФ. Естественно, что молодежь, родившаяся после крушения СССР, при независимой Украине, была подвергнута тотальной вестернизации, что и проявляется в наборе её ценностей и идентичностей.

Попытаемся объяснить данный феномен общественного мнения, не только с позиций историзма, но и философии и социологии постмодерна.

Начнем с того, что в премодерне (Средневековье) главенствовал принцип теоцентризма, т.е. Бог в центре мира, всё сакрально и Священные тексты формировали у людей премодерна единую картину мира. В конце 19 века Ф. Ницше заявил: «Бог умер!», т.е. он зафиксировал процесс (начавшийся, судя по всему в 16 в.) полного перехода Западной цивилизации из премодерна в модерн. При модерне единая картина мира оформлялась в виде общественного договора и соответствующих идеологий в общественном сознании (либерализм, консерватизм, коммунизм, национализм и т.д.). При этом Бога заменила (или подменила) сциентическая наука.

И если в физике до начала 20 века, господствовало представление о неделимости атома, то в социологии до конца 20 века считали, что человеческая личность неделимая, т.е. человек является индивидуумом. В конце 20 века постмодернисты фиксируют «смерть социальности» и трансформацию индивидуума в дивидуума, т.е. в автономную делимую человеческую личность.

Заметим, что Ж. Бодрийяр в таких работах, как «В тени безмолвствующего большинства, или Конец социального» (1982) и «Иллюзия конца» (1992), написал, что социальное, по сути, мертво, но продолжается как симуляция (отсюда понятие «симулякр»), скрывающая за потоками знаков отсутствие реальных социальных действий.

Больше того, вслед за модернистской «смертью Бога» постмодернистская «смерть социального» ведет к «смерти человека», обозначающей в онтологическом смысле не что иное, как капитуляцию жизни перед мертвой материей. Такое либеральное «остужение» объективности и плюралистической поливалентности — это результат проекции нашей ментальности на неорганические системы, безразличные к нашим моральным, эстетическим и прочим эмоциям [4, с. 99], на которых, причем и основывается идентичность человека.

Следует учитывать, что прошлое и будущее время для постмодернистов одно и то же, т.к. существует лишь в нашем сознании. При этом реально лишь настоящее время, в котором дивидуум может свободно пользоваться своим телом, а вернее его желаниями.

Заметим, что на смену модернистской рациональности, с ее всеохватывающим детерминизмом пришла постмодернистская раскованность, радикальная гетерогенность, непрерывная дифференциация, отрицание всякой упорядоченности и определенности формы [5, с. 371]. И если в социуме исчезает «смысл», то возникают оптимальные условия для появления нигилизма, анархии (интересно, что новые руководители Украины – Зеленский и Ко, провозгласили себя сторонниками либертарианства), уничтожения любых обязательств и обязанностей перед социумом, отрицание всех социальных норм и табу.

Конечно же, все вышесказанное привело постмодернистов к тяготению к иррациональности, фрагментарности, случайности, нестабильным процессам, к любым противоречивостям и релятивизму.

Не удивительно, что постмодерн ведет к уничтожению в мышлении человека и коллективной идентификации, которая строится на иерархических структурах, т.е. вертикальных социальных отношениях. В итоге, в противовес понятию структуры, представляющей собой жестко систематизированный, иерархически упорядоченный принцип организации социокультурных феноменов, Ж. Делез вводит понятие ризомы [3, с. 656–660].

Заметим, что ризома (фр. rhizome «корневище») – это одно из ключевых понятий философии постмодернизма, введенное Делёзом и Гваттари в одноименной книге 1976 г. Категория ризома должна противостоять неизменным линейным структурам (как бытия, так и мышления), которые, по мнению Делёза и Гваттари, типичны для классической европейской культуры. К тому же понятие ризома идет в противовес понятию дерева как иерархической системы передачи свойств с центральной инстанцией и

рекапитулирующей памятью. Политика, наука, мораль, религия древовидны, деревообразны.

С помощью понятия ризомы постмодернисты низвергают вертикальную иерархию в горизонталь уничтожения любой иерархии, в том числе идентичности. Так как в одной личности множество делений (дивидуум, т.е. делимый, на множество проявлений в разных точках) или жизненных миров повседневности.

Обратим внимание, что Делез выдвинул некий третий образ философа, который в своих рассуждениях не опирается ни на высоту идей (Платон), ни на глубину инстинктов (Ницше). А там, где нет ни глубины, ни высоты, господствует самодостаточная и автономная «горизонталь, поверхность», повседневная посредственность.

Из этого вывод постмодернистов, – все равноценно в мире, а потому не существует иерархии ценностей: нет морального и аморального, высокого и низкого. Получается, что каннибализм, инцест – такие же повседневные события, как трезвость, целомудрие и т.д. То есть, как гениально написал Ф.М. Достоевский: «Если Бога нет, то все дозволено».

Для большей ясности добавим, что с помощью ризомы постмодернисты отвергают все бинарные оппозиции: расовые (черные – белые); половозрастные (мужчина – женщина, взрослые – дети); гносеологические (субъект – объект) и т.д. А без бинарных оппозиций невозможно построение какой-либо идентичности.

Таким образом, постмодернисты пришли к убеждению о бессмысленности поклонения и идентичности (тождественности, субъектной принадлежности) человека чему-то или кому-то.

Применяя марксистское понятие отчуждение к парадигме постмодернизма, мы можем утверждать, что, пройдя школу безразличного отношения к вещам во всех их объективной и субъективной неповторимости, человек сам станет ко всему безразличным «гражданином мира». Что мы и

видим, по высказываниям некоторых молодых людей ЛНР, в проведенных нами ФГИ и ГИ.

«Я гражданин мира, потому что я считаю, что идеология Советского Союза - это самая оптимальная идеология» (ж., 20, ср., студентка, г. Алчевск); *«Я себя считаю гражданином, скорее всего мира»*. (м., 24, в., рабочий, г. Алчевск).

Другой известный постмодернист М. Фуко [6], развивал идею паноптикума. Отметим, что паноптикумом называется проект идеальной тюрьмы И. Бентама, в которой один стражник может наблюдать за всеми заключёнными одновременно. Развивая идею паноптикума М. Фуко приводит пример «дисциплинарной мечты», в которой воплощается стремление власти все видеть, оставаясь невидимой, и все учитывать, оставаясь анонимной, где паноптикум – это не просто инструмент, используемый вне и независимо от него сформировавшимися властными отношениями, но и сам способ организации и функционирования власти. Таким образом, М. Фуко видит в паноптикуме наиболее концентрированное выражение принципов дисциплинарной власти.

А теперь перенесем идею Фуко на человека и общество. Социальный паноптикум порождает самоцензуру, определяющую структуру социума. Например, человек старается вовремя прийти на работу, если ему дана правильная установка, что он находится под гипотетическим наблюдением. То есть, человек сам начинает следить за собой, определяя свои нормы поведения, по существу занимаясь тотальным самоконтролем. Так как боится, что за ним наблюдают. Заходя каждый день в социальные сети – человек, сам, без принуждения, показывает средствам наблюдения за ним свою суть, свои самые сокровенные желания, если он хочет быть членом данного сообщества и общества в целом.

С точки зрения постмодерна, чем больше насыщается информацией настоящее, тем более бессмысленна жизнь человека. Поэтому манипулятивные

технологии постмодерна постоянно увеличивают информационный поток (большая часть которого состоит из т.н. «постправды» и «фейков»), тем самым уничтожая дивидные формы человека бессмысленной информацией, не имеющей к жизни человека никакого прямого отношения.

Обратим внимание, что диктатура постмодернистского типа более страшна, чем внешняя тоталитарная диктатура модерна, отнимавшая у человека внешнюю свободу, через систему тюрем и «психушек». Постмодернистская диктатура в своем всепоглощающем тотальном контроле отнимает у человека внутреннюю свободу. По существу, человеку оставляются лишь телесные желания, которые он может лишь механически удовлетворять. Не думая, не сомневаясь, не веря ни во что. Так как диктатура постмодернистского типа, связана с подчинением реального виртуальному и бесконтрольным произволом знака, попавшего в руки виртуозов манипуляции сознания.

Итак, если при модерне социальный контроль осуществляется внешними методами принуждения (тюрьмы, школы, рабочие дома и т.д.), то при постмодерне контроль осуществляется более «мягкими» методами тотальной манипуляции сознания человека.

Отметим, что под горизонталью-ризомой можно понимать и человеческое тело, состоящее из желаний. Ризома человека развивается для механического удовлетворения желаний, с помощью расширения круга социальных контактов, дающих ресурсы для удовлетворения желаний. Поэтому человек постмодерна начинает воспринимать только текущую информацию, помогающую ему жить, удовлетворяя как можно больше своих желаний здесь и сейчас. В результате сознание, как отдельного человека, так и социума в целом, становится крайне фрагментированным и даже амбивалентным. То есть, в сознании могут совмещаться вроде бы несовместимые вещи, например: либерализм и национализм (даже неонацизм), христианские ценности и языческие (а иногда и откровенно сатанинские) мифологемы и т.д.

Следует учитывать, что на постсоветском пространстве, после развала СССР и упразднения КПСС/ВЛКСМ, образовался не только институционально-организационный вакуум, но и ценностно-идеологический вакуум. Подрастающее поколение в СССР социализировалось благодаря четко действующим институтам октябрят, пионерии и комсомола. Нынешняя постсоветская молодежь проходит процесс социализации через коммуникации сообществ различных социальных сетей.

С помощью ежедневных огромных потоков фрагментированной информации (которая большинством населения потребляется пассивно) у молодежи создается полностью фрагментированная картина мира. Таким образом, именно молодежью легче всего управлять (именно молодые люди наиболее активны в социальных сетях), внушая части молодых людей радикальные националистические (иногда откровенно неонацистские) идеи, другой части внушая агрессивный неолиберализм. А абсолютному большинству молодежи прививается релятивный индифферентизм, т.е. идет внушение, что ничего в этой жизни изменить нельзя, что наступил «конец истории», что никакой свободы воли (одна из главных ценностей Православия) нет и быть не может.

Возвращаясь к ситуации в ЛНР и РФ в целом, зададимся вопросом: «Что мы можем противопоставить изощренным постмодернистским технологиям манипуляции сознания, особенно опасным для неокрепших умов молодого поколения?»

На наш взгляд, ответом на данный вопрос будет методическая разъяснительная работа с нашей молодежью (и в тех же социальных сетях) по формированию единой (непротиворечивой) патриотической картины мира, основанной на примере наших предков, прежде всего ветеранов Великой Отечественной войны.

Ведь нацистская Германия с покоренной Европой была объективнее сильнее, мощнее СССР, но наши деды не думали об этом, – они шли на фронт,

воевали за Родину до последней капли крови, погибали, выживали и, в конце концов, победили, изменив тем самым весь мир.

Поэтому, мы и считаем День Победы как бы лакмусовой бумагой некоего транзита ценностей и идентичностей молодежи ЛНР в сложных условиях повышенной конфликтности российско-украинского приграничья.

По данным ФГИ и ГИ, у молодежи ЛНР, было зафиксировано двойственное отношение к 9 мая. Наиболее активно проукраински настроенные молодые люди вообще не считают 9 мая праздником. Т.е. среди молодежи наблюдается ярко негативное отношение к пророссийскому патриотизму (9 мая, георгиевские ленточки), или как они утверждают к «показушному» лжепатриотизму.

Другая часть молодежи ЛНР полагают, что 9 мая – это скорее не праздник, а день скорби по погибшим в ВОВ (а если и праздник, то должен быть только для ветеранов, а не формальным, как они называют «показушным» для всех). При этом, молодых людей возмущает проведение парадов, акции «Бессмертный полк», ношение Георгиевских ленточек и т.д. Молодежь во всем этом видит лишь повод для большинства людей злоупотреблять алкоголем.

На наш взгляд такое отношение к 9 мая среди молодежи ЛНР свидетельствует о том, что:

1) после развала СССР, и на Украине, и в РФ (на западные гранты) была разработана целая система «промывки» мозгов, десакрализации всего священного, ценного, что есть в нашей истории, и прежде всего Дня Победы. Нынешним молодым людям с детства внушали, что Сталин такой же как Гитлер, а то и хуже. Что мы победили только залив всё кровью, и забросав врага трупами штрафников. Что СС «Галичина» и ОУН-УПА – герои, а не пособники нацистов и т.д. Во многом такая пропаганда оказалась действенной, что мы и наблюдаем через опросы молодежи. А в последние девять лет на территории подконтрольной киевским властям эта пропаганда стала тотальной;

2) но не всё так просто. К сожалению, можно констатировать серьезные промахи в патриотическом воспитании уже в ЛНР, а также формальном подходе к празднованию Дня Победы. Мало внимание уделяется и просветительской работе в Интернете, т.к. молодежь практически не смотрит телевиденье, черпая информацию, мнения в различных социальных сетях и сайтах, часто сомнительного свойства. Кроме того, для подрастающего поколения необходимы унифицированные учебники по истории, с четким и непротиворечивым взглядом, как это было при СССР.

Непонятными реформами практически развалена система советского образования и здравоохранения, когда-то лучшие в мире. Например, в первом полугодии 2019 г. найти работу через службы занятости РФ смогли чуть больше половины – 56,2% - выпускников учреждений ВПО и СПО. В 2018 г. этот показатель составлял 60,4%. Оговоримся, что эта оценка охватывает лишь тех выпускников, кто прибегал к услугам служб занятости, подчеркнули в пресс-службе Минтруда РФ. По данным Росстата на 2018 г., работу нашли около 73,0% выпускников.

На радость МВФ в РФ проведена т.н. пенсионная реформа, крайне негативно воспринятая подавляющим большинством российского общества.

Отметим и несколько нелицеприятных факторов, проявившихся в российском социуме с начала проведения СВО, в частности:

- 2022 год стал рекордным за 30 лет по вывозу капитала из РФ за рубеж (по словам С.Ю. Глазьева было вывезено около 300 млрд. долларов);

- после объявления мобилизации, из РФ выехало более 700 тыс. граждан РФ, в основном молодежи и среднего возраста.

При этом, официальная пропаганда РФ постоянно поднимает вопрос патриотизма и воспитания патриотических ценностей прежде всего среди молодежи. Однако, забывается то, что на протяжении 30 лет внушалось системой образования, телевиденьем, поп-культурой, фильмами (да и сейчас продолжает внушаться) и др., а именно ориентация на капиталистическо-

гедонистические псевдоценности индивидуалистического космополитизма (к сожалению, значительная часть российской экономической элиты (т.н. олигархи) была полностью вестернизирована). По мнению Э. Фромма, это, прежде всего ценности рынка, так как именно рынок определяет ценность всех благ в западном обществе. Человек при этом выступает как вечный потребитель, - *Homo consumens*. Кроме этого, сам человек перевоплощается в товар, оценивая свою жизнь, как капитал, который следует выгоднее вложить. Его ценность определена спросом, а не человеческими достоинствами. Такой человек руководствуется, прежде всего, эгоистической заботой о себе, выступает при этом как система желаний и их удовлетворения. При этом желания и потребности постоянно стимулируются, направляются и манипулируются экономико-политическим механизмом западного общества. Такому человеку уже не нужны патриотические ценности, которые он преобразует в пустые формулы. Поэтому, если Ф. Ницше в 19 в. утверждал, что «Бог умер», то в 20 в. отчужденный одномерный человек западного типа сделал Бога партнером по бизнесу.

Интересен и тот факт, что для многих жителей ЛНР простой вопрос про этническую, социокультурную и территориальную идентичность является крайне болезненным, особенно для молодежи родившейся и социализировавшейся при т.н. «незалежній» Украине, после 1991 года. Русскоязычной молодежи Донбасса с детства внушали, что если ты родился на Украине, и имеешь украинский паспорт (в украинском паспорте нет графы национальность), то ты украинец. То есть этническая идентичность подменялась государственной и гражданско-правовой идентичностью. Поэтому многие молодые люди с русскими фамилиями считают себя украинцами. Но после государственного переворота 2014 г. и девяти лет гражданской войны, у части молодежи Донбасса происходит раскол идентичного поля. При этом, этнонациональная идентичность (для евразийских народов определявшаяся по отцу) спокойно и незаметно существовавшая в

СССР, теперь у многих вызывает болезненную реакцию. В свидетельствах о рождении и паспортах граждан СССР указывали национальности родителей и самого гражданина, что не мешало дружбе народов и такой идентичности как «советский человек». Да и вообще, при СССР на национальности (особенно на многонациональном Донбассе) обращали внимание разве, что в быту (песни, обычаи, традиции, национальная кухня и т.д.).

По нашему мнению, многие люди осознанно или неосознанно понимают, что нашим западным геополитическим «партнерам» удалось нас расколоть и ввергнуть в гражданскую войну именно по национальному признаку.

Однако, заметим, что этнонациональная идентичность – это вполне естественная принадлежность человека к определенной нации или этносу, которые не являются, чьей-то выдумкой, а существуют объективно. На основе этой принадлежности возникает опять-таки вполне естественная гордость за свою страну, фамилию, предков, за свой родной язык, обычаи, ценности и культуру. В Украине же, более тридцать лет выпячивается только украинская идентичность, а все остальные идентичности затушевываются. Молодежи внушали, через СМИ, учебники и т.д., – гордись, что ты украинец. А если ты, например, русский – не смей этим гордиться. А последние девять лет на Украине внушается, что «если ты русский, ты не то, что не имеешь права, гордиться своими предками, но ты еще должен каяться, т.к. все русские оккупанты».

Нет плохих или хороших этносов, как писал Л.Н. Гумилев, они просто разные, иные, и все достойны, занимать свое место под солнцем.

К сожалению, наша молодежь часто оказывается в ловушке лицемерных манипуляторов. Гордость и национальная исключительность – это разные вещи, т.к. вторая приводит к национализму, фашизму и неонацизму, с последующим геноцидом «неполноценных» народов.

В контексте вышесказанного, стоит отметить, что российская идентичность с самого начала (московский период – 14-17 вв.) была вовсе не этнической, а конфессионально-цивилизационной.

Обратим внимание, что российская идентичность – это не физический факт, не наследственность. По своей сути она амбивалентна, т.к., с одной стороны, представляет собой феномен памяти. С другой – относится к свободе воли, т.е. выбора. Таким образом, графу «национальность» мы заполняем не на основе предъявляемых свидетельств естественного происхождения, а по праву избираемой идентичности.

Считаем жизненно необходимым создание единой концепции молодежной политики РФ и Л/ДНР, на основе единого методологического понимания отечественной и всемирной истории (особенно периода СССР). С последующим привитием патриотических ценностей подрастающему поколению начиная с дошкольных образовательных учреждений. Для этого необходимо (сначала на экспертном уровне, а потом на общенародном обсуждении через тот же Интернет) выработать непротиворечивый образ будущего, на основе единого понимания истории, наиболее значимых ценностей Православия (любви к ближнему, свободы воли и т.д.) и коммунизма (социальное равенство, интернационализм, социальная справедливость и т.д.).

Полагаем, что без скорейшего осуществления этих мер наша молодежь (это касается и Л/ДНР и РФ в целом), да и в целом российская цивилизация будут полностью поглощены западным потребительством, индифферентизмом, местечковым национализмом и т.д. Чем непременно воспользуются наши западные «партнеры» (да и восточные тоже), что приведет вслед за развалом СССР к демонтажу и деиндустриализации РФ (вслед за Украиной, являющейся наглядным примером). И к последующему уничтожению Русского мира как цивилизационной единицы.

А главное, у современной РФ и в целом российской цивилизации, нет своей модели социально-экономико-гуманитарного и в целом

цивилизационного развития, которую бы поддерживало большинство населения. Разработка же такой модели невозможна без четко проработанного образа будущего, на основе единого понимания прошлого и четкого идеологического целеположения российской цивилизации.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Герасимов, А.В. Трансформация идентичности постсоветской молодежи в повседневных жизненных практиках // Формирование нового мирового порядка в контексте современных вызовов и угроз: материалы международной конференции / С.Е. Шиянов, А.П. Федоровский (отв.ред.) – Ставрополь: АНО ВО СКСИ, 2019. – 450 с.; С. 355–361.

2. Иванов, Д.В. Парадигмы в социологии: учеб. пособие / Д.В. Иванов. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. – С. 58.

3. Можейко, М.А. Ризома // Постмодернизм. Энциклопедия / Сост. и науч. ред. А.А. Грицанов, М.А. Можейко. – Мн.: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2001. – С. 656–660.

4. Панарин, А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. – М.: Алгоритм, 2002. – С. 99.

5. Панарин, А.С. Философия истории: Учебное пособие. – Москва: Гардарики, 2001. – С. 37, 371.

6. Фуко, М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / Пер. с фр. В. Наумова под ред. И. Борисовой. – М.: Ad Marginem, 1999. – 480 с.

PATRIOTIC EDUCATION OF YOUNG PEOPLE IN POSTMODERN CONDITIONS: PROBLEMS AND CHALLENGES

Gerasimov Alexey Vyacheslavovich,
Senior Lecturer of the Department of Sociology
and Organization of Work with Young People
State Educational Institution of the LPR «Luhansk State
Pedagogical University»

Annotation: The article analyzes the current problems and challenges of patriotic education of young people in the postmodern world. With the help of postmodern sociology and philosophy, we describe the complex processes of transit, or rather transitivity of values and everyday life practices of identity among the youth of the LPR, in the conditions of permanent conflict in the zone of the Russian-Ukrainian border. The article analyzes patriotism, patriotic values among young people and the problems of patriotic education. It is concluded and recommended that the inculcation of patriotic values to the younger generation should begin with preschool educational institutions. To do this, it is necessary to develop a consistent

image of the future, based on a common understanding of history and the most significant patriotic values.

Keywords: patriotism, youth, identity, national identity, patriotic education.

References:

1. Gerasimov A.V. Transformation of the identity of post–Soviet youth in everyday life practices // The formation of a new world order in the context of modern challenges and threats: materials of an international conference / S.E. Shiyanov, A.P. Fedorovsky (ed.) - Stavropol: ANO IN SCSI, 2019. – 450 p.; pp. 355-361.
2. Ivanov D.V. Paradigms in sociology: studies. manual / D.V. Ivanov. – Omsk: Publishing House of OmSU, 2005. – p. 58.
3. Mozheyko M.A. Rizoma // Postmodernism. Encyclopedia / Comp. and scientific ed. A.A. Gritsanov, M.A. Mozheyko. – Mn.: Interpresservice; Book House, 2001. – pp. 656-660.
4. Panarin A.S. Orthodox civilization in the global world. – M.: Algorithm, 2002. – P. 99.
5. Panarin A.S. Philosophy of History: Textbook. – Moscow: Gardarika, 2001. – pp. 37, 371.
6. Foucault M. To supervise and punish. The birth of a prison / Translated from the French by V. Naumov, edited by I. Borisova. – M.: Ad Marginem, 1999. – 480 p.

УДК - 321.01

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ РАЗВИТИЯ ПРОЦЕССОВ РЕГИОНАЛИЗАЦИИ НА ТЕРРИТОРИИ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

*Елизавета Гринченко, магистрант
Институт социологии и регионоведения ЮФУ
Москва*

Аннотация. Российская Федерация на современном этапе развития системы международных отношений является крупнейшей региональной державой Евразийского континента. Пандемия новой коронавирусной инфекции COVID-19 способствовала ускорению региональной

континентальной интеграции государств и показала значимость национальных государств, роль которых в процессе глобализации принято минимизировать. Направления геоэкономического сотрудничества России с государствами Ближнего зарубежья остаются неизменными, несмотря на периодическую эскалацию внутренних государственных конфликтов в странах постсоветского пространства, изменение вектора их сотрудничества или непосредственные противоречия с Россией. Причиной тому территориальное положение России, стратегическая значимость ее воздушного пространства, природных ресурсов, а также ценность российского экспорта и импорта для двустороннего экономического сотрудничества. Поэтому при реализации политических интересов на Ближнем зарубежье Российской Федерации, необходимо выстраивать стратегию взаимодействия с суверенными государствами, учитывая идейно-ценностную специфику их обществ, историческую ретроспективу политического сотрудничества, а также усовершенствовать интеграционные механизмы, являющиеся проводником российской внешней политики на постсоветском пространстве.

Ключевые слова: Российская Федерация; региональная континентальная интеграция; глобализация; регионализация; геоэкономическое сотрудничество; Ближнее зарубежье; государственные конфликты; постсоветское пространство; идейно-ценностная специфика; политическое сотрудничество; интеграционные механизмы.

Ключевой причиной запуска процессов развития регионализации на постсоветском пространстве стало распространение либеральных ценностей в условиях международной политической арены. На постсоветском пространстве идеологическая революция стала возможной не только при условии естественного ценностного восприятия общества, адаптации существующей общественной и национальной культуры под массовые образцы поведения, но и при условии применения искусственного моделирования социального конфликта как формы изменения социальной реальности. Поэтому в контексте

изучения распространения либеральных ценностей на постсоветском пространстве, необходимо подвергнуть анализу и радикальные механизмы, позволившие либеральной парадигме распространиться в международном пространстве.

В условиях современного развития международного сообщества цветные революции являются рукотворным явлением, обусловленным потребностью политического субъекта с помощью конструирования социальной реальности воздействовать на объект, существующий в парадигме его геополитических, геоэкономических интересов. Цветная революция есть демонстрационная модель социальной технологии как социального знания, адаптированного к конкретным формам практических действий для получения заранее определенного результата. Необходимость изучения цветных революций с точки зрения их технологической природы зарождения возникла в XX столетии, учитывая масштабы их распространения, особенно на территории стран бывшего социалистического лагеря. Так, волна революций, включая «бархатную революцию» в Чехословакии (1989 г.), массовые акции гражданского неповиновения в Польше с последующей сменой режима, подобные им события в ГДР, Болгарии и Венгрии (1989 г.), вскрыли внутривнутриполитические противоречия, непопулярность коммунистических идей их диссонанс между идеологической системой, обусловленный исторической ретроспективой развития европейских стран, привели к смене действовавших режимов, поставив государственное развитие на демократические рельсы.

Новый виток цветных революций ознаменовался «бульдозерной революцией» в Югославии (2000 г.), повлекшей за собой крушение государственности, далее события разворачивались в Грузии (2003 г.), Украине (2004 г.), Киргизии (2005 г.), Белоруссии (2006 г.), Молдавии (2009 г.), также, к данному ряду можно причислить события в Республике Беларусь, произошедшие в 2020 году, так как, смысловая последовательность явлений,

характеризуется предметом зарождения общественного недовольства – выборов и навязанному образу нелегитимности действующего режима.

Сценарии, происходящие в государствах, некогда находившихся под патронажем Советского Союза, действительно напоминают «Великую шахматную доску», описанную в одноименном труде Збигнева Бжезинского, где есть модели игры – социальные и политические технологии, фигуры – государства-сателлиты и игроки – крупные державы, обладающие экономическим, идеологическим и инновационным преимуществом. «Мат» объявит тот игрок, чья стратегия игры позволит перенести на свою часть стола большее количество фигур – государств, принявших идеологическое превосходство. Схожий характер политических действий, их последовательность и организованность, проявляющаяся в поэтапном зарождении самого события, позволяет рассматривать отдельные революции в национальных государствах не только как самостоятельное явление, имеющее специфическую причинно-следственную связь, но именно как единую стратегию, адаптируемую под социально-экономические и политические реалии объекта воздействия (общества, общественного сознания, в частности). Цветные революции – технологии социального конструирования позволяют внести деструктивное начало в относительно стабильную социальную реальность, вскрыть существующие общественные противоречия и показать за счет усиленной пропаганды СМИ имеющиеся недостатки режима, гиперболизировав их в народном сознании, что в дальнейшем должно повлечь протест и, как следствие, свержение действующей власти и разворот политического курса в сторону «желаемого» вектора.

Конструирование механизмов цветных революций есть последовательная планомерная работа психологов, политтехнологов, социологов, иных аналитиков. Институциональный характер изучения цветных революций сформировался в США, так как, именно ученое сообщество Америки наиболее озадачено культивированием американской силы, ее

возвеличиванием в условиях международной политической арены и созданием инструментов сохранения национальной безопасности государства, по средствам распространения комплексного воздействия, включающего как инструменты мягкой силы, так и непосредственное военное воздействие на международное сообщество.

Теоретико-методологический базис изучения цветных революций как социальных технологий, составляют труды ученых М.А. Бочарова, О.Н. Глазунова, И. Макалистер, С.Уайта, развитие теории социального конструктивизма – социологической теории познания Питером Бергером и Томасом Лукманом в их книге «Социальное конструирование реальности», работы, посвященные психологии толпы К. Юнга, Г. Лебона, Э. Каннети. Разработка технологии цветных революций связана с деятельностью «идеолога цветных революций», создавшего инструмент «мягкой силы» Джина Шарпа. Д. Шарп в своей работе «От диктатуры к демократии» создает единый образ диктаторского режима без учета анализа и предпосылок его становления, некое универсальное методическое пособие, где описываются слабости диктатур и 198 методов ненасильственной борьбы с ними. Однако ненасильственная борьба здесь представлена не в качестве пацифизма как политики отказа от применения силы, а как механизм противостояния режиму без применения оружия. Д. Шарп создает напускную романтизацию борьбы с диктатурой, формируя героический образ самих борцов, поддерживая идею неотвратимости падения любой диктатуры, ее бессмысленной жестокости по отношению к народу. В конечном итоге, следование ненасильственным механизмам Д. Шарпа должно привести к смене социальной парадигмы, достижения исторической справедливости – переходу к демократическим режимам, построенным на западный манер, чью легитимность можно вычислить согласно существующим механизмам измерения уровня политических свобод населения, таких организаций, как Freedom House.

Формирование идеологии протеста, манипулирование сознанием, деформация исторической ретроспективы, навязывание утрированных демократических ценностей, дестабилизация существующих этнических и конфессиональных конфликтов есть основа успешной практической реализации технологии цветной революции. Карл Маркс и Ф. Энгельс как классики исторической науки и основоположники Марксизма утверждали, что революции происходят только там, где есть объективные социальные предпосылки, однако, политический режим способен к самостоятельной трансформации в сторону демократизации посредством социальной эволюции общественных институтов. Даже в условиях гибридных режимов, которые западные исследователи называют электоральным авторитаризмом и признают ширмой демократических ценностей, существует феномен реальной адаптации и прогрессирования демократических ценностей, однако, для этого не нужно применять технологии цветных революций, достаточно планомерного развития общественных институтов и участия в международных политических процессах.

Так, Украине на протяжении нескольких десятилетий средствами массовой информации транслировался образ России – агрессора, узурпатора, что проявилось в общественных противостояниях, начавшихся в 2013 году. Дискредитация всего российского, в том числе и общей истории государств, полное отторжение политических интересов, разделение страны на проевропейские и пророссийские территории стало итогом подобной информационной политики. Безусловно, можно данные события транслировать как стихийные, однако, еще Збигнев Бжезинский описывал насколько важна Украина для закрепления Американских интересов на Евразийском континенте, так как, если идеологическая программа России, сформировала такое же информационное поле, только пророссийское, тогда оформилось бы продвижение российских интересов вглубь Восточной Европы, что существенно могло сократить американское влияние. Но история не терпит

сослагательного наклонения и необходимо признать, что Россия не обладает такой же институциональной силой технологий цветных революций, как Америка, что вынуждает Россию вести оборонительную политику, сохраняя целостность своего суверенитета по средствам активной внутренней и внешней политики.

Целесообразно отметить, что для применения любого инструмента социального конструирования, в том числе и цветной революции, как радикального механизма воздействия заинтересованным лицом на социальную реальность государства, необходимо подготовленное пространство. Соответственно, для распространения либеральных идей на нынешнем постсоветском пространстве необходимо было зародиться общественной потребности радикальных преобразований. Общественная потребность является запросом на глобальные государственные изменения. В случае, если политическая элита не находит данный запрос стоящим внимания и кардинально не меняет деятельность государственных институтов, организующих жизнь общества, то население страны меняет социальную государственную парадигму самостоятельно, поддаваясь на влияние инструментов социального конструирования [1; с.57].

Так, любой революции нужно пространство для развития и наращивания своих масштабов. Плацдармом для развития первоочередного общественного запроса, за которым последовала цепь преобразований разного характера, в том числе и радикального, послужила стагнация экономической системы и неэффективность политической в условиях существования социальной потребности на изменения. Советское общество, неоднородное по своей сути, имеющее специфический этнонациональный, культурный характер, а также территориальные особенности, нуждалось в сплачивающей силе, способной интегрироваться в условиях существующих различий и противоречий. Соответственно, таковой сплачивающей силой должна была являться единая идеология, обладающая интеграционной силой. Для того, что заполучить такую

интеграционную силу идеологическая основа нуждалась в характерном общественном одобрении, одобрении автохтонными народами и общностями, попавшими в состав советского государства, титульной национальности, самого многочисленного народа, чья культура и язык лежит в основе построения государственной политики [2; с.29].

Такой идеологической основой на протяжении всего существования Советского Союза являлся коммунизм или, как по прошествии определенного исторического периода и социальной эволюции общественной мысли стало известно – коммунистическая утопия, не интегрированная в реальную общественную жизнь. Однако коммунизм и социалистическое устройство общества противоречило ценностно-идейным установкам о жизненном устройстве народов, чьи территории вошли в состав государства в условиях протекания военных конфликтов. Например, государства Балтики, входившие в состав СССР. Как пишет З. Бжезинский, освещая идеологический вопрос в своей культовой работе, ставшей хрестоматийной для изучения системы международных отношений «Великая шахматная доска», ряд советских республик, как и государства, находившиеся в вассальной зависимости, под воздействием государства-гегемона, расположившегося на евразийском континенте, отторгали насаждаемую идеологию в силу развития исторической ретроспективы социального устройства и в принципе цивилизационной природы происхождения культуры. Так, возвращаясь к анализу Балтийских территорий, входивших в состав СССР, З. Бжезинский, говорит о культурном отторжении идеологии социализма как чуждой и не приемлемой народам, населявшим Балтику. Подобный феномен обосновывается наличием западно-европейских настроений и приверженности к западной культуре стран Балтики. Балтийские республики, входившие в состав СССР, по национально-культурным аспектам отторгали социалистическую идеологию. Население балтийских республик не принимало центральную роль государства в жизни общества, его повсеместное проникновение в социальную жизнь граждан.

Население Балтики, как и население Центральной Европы в своем политическом видении социального устройства во главу угла ставит либеральные ценностные ориентиры, где центральное в государстве занимает личность гражданина. Подобный генезис радикальных настроений наблюдался также в иных республиках, чье этнокультурное происхождение не отождествлялось с Россией и ее культурными особенностями развития. Идеология коммунизма вытеснялась возникающими цивилизационными вопросами, природа которых обосновывается кардинальными различиями генезиса наций, рукотворно провоцируемыми с помощью упомянутых выше механизмов социального конструирования реальности, чем активно пользовались западные политологи в процессе ведения холодной войны.

Таким образом, к ключевым геополитическим предпосылкам развития процессов регионализации на территории постсоветского пространства можно отнести идеологическую несостоятельность коммунистической идеи, крушение образа гражданственности советского человека, отсутствие культурного единства среди республик СССР. Период после крушения Советского Союза, идеологической победы США в Холодной войне, а также крушения биполярной системы мироустройства принято называть многополярным.

Рационально подробно вербализовать выдвинутый тезис. Основной лейтмотив Холодной войны – противостояние двух идеологий, состязание в силе и идеологической обстоятельности заключается в распространении доминирующей идеи на международной арене. В свою очередь, распространение идеологии предполагает построение империи, однако, империи не в привычном понимании государственного территориального образования, с характерными правовыми особенностями его существования, а имперского поглощения государственного суверенитета для последующего усиления социально-экономической мощи государства ядра. Победой в противостоянии за имперские ценности являлось количественное

преимущество государств-сателлитов, которые не просто вошли в один из противоборствующих лагерей, но поддержали его идеологию как на государственном уровне, изменив свою законодательную базу, подстроив ее могла по требованиям главенствующего в идеологическом лагере государства, но и на общественном. То есть, мало было изменить политическую систему и режим, истинная победа заключалась в принятии народом ценностных ориентаций сформировавшегося режима. В этом и заключался «проигрыш» СССР, а также формирование новой, многополярной картины мира, которая вновь уходит в региональную поляризацию своих союзов [3; С. 188-189].

Идеологическая победа капитализма, в силу привлекательности его свободомыслия и открытости общественных систем установила современные рамки международной действительности, в которые отныне вписаны большинство постсоветских государств, в том числе и Россия. Система международных отношений живет в условиях международного разделения труда, поддерживая капиталистические и неолиберальные ценности. Доктринальное становление современной системы международных отношений основывается на либеральных ценностях, поэтому для объективного исследования положения Российской Федерации на международной арене необходимо изучить соответствие ее внутренней и внешней политики основам либерализма.

Несмотря на общемировые либеральные тенденции, военная сила остается ключевым фактором в процессе урегулирования международных отношений. Вместе с тем, она больше не является решающим механизмом в нивелировании конфликтов между национальными государствами. Применение военной силы невозможно без согласия мировой общественности, ее одобрения на проведение операции. Можно выделить три основные причины снижения влияния военной силы государств [4с. 213]:

1. Ядерные державы. По сей день официальный ядерный статус признается за теми государствами, представители которых ратифицировали

договор о нераспространении ядерного оружия (США, преемник СССР – Россия, Великобритания, Франция и Китай). Однако еще четыре страны, не состоящие в договоре о нераспространении также располагают ядерным оружием. Так, Северная Корея вышла из договора, Иран ведет работы над созданием ядерного оружия, Израиль официально не признает наличие «ядерного чемоданчика», однако считается, что оно у Тель-Авива есть, также нет точных данных о наличии ядерного оружия у Индии и Пакистана.

2. Гуманизация международных отношений, после разрушительных кризисов XX столетия. В современных условиях международной арены в качестве методов противостояния используются экономические и информационные блокады, что в условиях международного разделения труда и единого мирового рынка губительно сказывается на жизнеспособности политических режимов государств-агрессоров;

3. Появление новых структурообразующих элементов международных отношений: интеллектуальный капитал, финансы, производство. Крушение биполярной системы и рассеивание полюсов концентрации сил привело к снижению роли национальных государств международных процессах XXI столетия. Современные национальные государства потеряли монополию на исключительное использование инструментов построения внешних связей. Процесс глобализации запустил механизмы объединения и государств в надгосударственные организации и объединения, частично ограничивающие суверенитет государств для создания единой платформы социально-экономического развития.

Еще одним порождением глобализации стало развитие феномена транснационализма – системы широкого взаимодействия акторов международной политики и экономики. С точки зрения приверженцев транснационализма как концепции международного сотрудничества, государство, которое на протяжении многовековой истории развития международных отношений больше не является самостоятельным актором

международной политической арены. Государство оттеснили межправительственные, неправительственные, транснациональные корпорации, общественные движения ограничили государственный суверенитет в его праве принятия самостоятельных решений относительно выстраивания внешней политики.

Исходя из проведённого анализа, можно сделать вывод, что внешнеполитическая деятельность Российской Федерации сводится к следующим ролевым моделям:

1. Стремление к доминированию в международных процессах, причём, вопреки современной либеральной политической мысли, Российская Федерация стремится политическому главенству, только в качестве региональной державы и тех, геополитических участках, где ее силовое доминирование продиктовано интересами национальной безопасности;

2. Оппонирование странам Запада. Либеральная западная модель предполагает региональное разделение, но не создание региональных центров силы, поэтому Россия стремится противостоять западным государствам. Вместе с тем, не имея успешной экономической модели, прибывающей в затяжном экономическом кризисе, не имеющая привлекательной системы ценностей, а базирующаяся лишь в культурном значении на парировании историческим прошлым, не является притягательным идеалом для подражания ни для бывших советских республик, ни, тем более, стран запада;

3. Консерватизм взглядов политической элиты, которая не готова к радикальной трансформации налаженной системы внешнеполитического сотрудничества, построенной на противоборстве с абстрактным врагом.

Итак, современная система международных отношений, вступившая в эру взаимозависимости в коммуникациях, экономике и человеческих стремлениях, особенности становления которой описывал Г. Киссенджер, находится в процессе научной концептуализации, однако, ее ключевым свойством является процесс всеобщей международной интеграции, то есть,

процесс глобализации. Анализ исторической ретроспективы постбиполярной системы мироустройства показал следующее [5; С. 229]. Структурная эволюция общественного устройства сопровождается разделением функций между элементами структуры. На надгосударственном международном уровне подобный принцип общественного развития проявляется в масштабном процессе глобализации – процессе международной интеграции на основе формирования единого экономического, социально-политического и культурного пространства. В процессе масштабных трансформационных процессов, смены парадигм выстраивания системы международных отношений, основной формой функционирования международной политической системы стал глобализм.

В результате изучения геополитических предпосылок развития процессов регионализации на территории постсоветского пространства было выявлено, что идеология коммунизма вытеснялась возникающими цивилизационными вопросами, природа которых обосновывается кардинальными различиями генезиса наций, рукотворно провоцируемыми с помощью упомянутых выше механизмов социального конструирования реальности, чем активно пользовались западные политологи в процессе ведения холодной войны. В свою очередь, к ключевым геополитическим предпосылкам развития процессов регионализации на территории постсоветского пространства можно отнести идеологическую несостоятельность коммунистической идеи, крушение образа гражданственности советского человека, отсутствие культурного единства среди республик СССР. Россия является ключевой региональной державой на Евразийском континенте, занимающей главенствующие позиции в выстраивании международных экономических и политических процессах. Благодаря территориальному положению, природным ресурсам и общему уровню экономического развития России удастся выстраивать интеграционные межгосударственные связи.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Бурняшева Л. А. Глобализация как определяющий фактор современных международных отношений / Л. А. Бурняшева, Л. Х. Газгиреева // Вестник Забайкальского государственного университета. – 2016. – Т. 22, № 7. – С. 53-59. – DOI 10.21209/2227-9245-2016-22-7-53-59. – EDN WJCYWP.
2. Добренков В. И. Политический реализм или политический прагматизм в международных отношениях / В. И. Добренков // Гуманитарий Юга России. – 2019. – Т. 8, № 1. – С. 18-32. – DOI 10.23683/2227-8656.2019.1.1. – EDN YZETCX.
3. Дробот Г. А. Реализм в теории международных отношений: история, зарубежная и отечественная школы / Г. А. Дробот // Социально-гуманитарные знания. – 2014. – № 4. – С. 182-203. – EDN SIMRGX.
4. Мглоблишвили В. И. «Внешняя политика государства» как категория современной политической науки / В. И. Мглоблишвили // Инновационная наука. – 2015. – № 10-3. – С. 212-214. – EDN UMEPVR.
5. ЕАЭС и АСЕАН: открывая новые горизонты сотрудничества : Аналитический доклад / Т. М. Алиев, М. А. Баева, К. Н. Боргоякова [и др.]; Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации (ВАВТ Минэкономразвития России); Российский Центр Исследований АТЭС Российской Академии Народного Хозяйства и Государственной Службы при Президенте Российской Федерации (РЦИА РАНХиГС при Президенте Российской Федерации); Институт экономической политики им. Е.Т. Гайдара. – Москва : Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации, 2017. – 229 с. – EDN WFFNPF.

GEOPOLITICAL PREREQUISITES FOR THE DEVELOPMENT OF PROCESSES REGIONALIZATION ON THE TERRITORY OF THE POST-SOVIET SPACE

Elizaveta A. Grinchenko

Master's student of the Institute of Sociology and Regional Studies of the Southern Federal University

At the present stage of development of the system of international relations, the Russian Federation is the largest regional power of the Eurasian continent. The pandemic of the new COVID-19 coronavirus infection contributed to the acceleration of regional continental integration of states and showed the importance of nation-states, whose role in the process of globalization is usually minimized. The directions of Russia's geo-economic cooperation with neighboring countries remain unchanged, despite the periodic escalation of internal state conflicts in the post-Soviet countries, changes in the vector of their cooperation or direct contradictions with Russia. The reason for this is the territorial position of Russia, the strategic importance of its

airspace, natural resources, as well as the value of Russian exports and imports for bilateral economic cooperation. Therefore, when implementing political interests in the Near abroad of the Russian Federation, it is necessary to build a strategy of interaction with sovereign states, taking into account the ideological and value specifics of their societies, the historical retrospective of political cooperation, as well as to improve the integration mechanisms that guide Russian foreign policy in the post-Soviet space.

Keywords: Russian Federation; regional continental integration; globalization; regionalization; geo-economic cooperation; Near abroad; state conflicts; post-Soviet space; ideological and value specifics; political cooperation; integration mechanisms.

References:

1. Burnyasheva L. A. Globalization as a determining factor of modern international relations / L. A. Burnyasheva, L. H. Gazgireeva // Bulletin of the Trans-Baikal State University. – 2016. – Vol. 22, No. 7. – pp. 53-59. – DOI 10.21209/2227-9245-2016-22-7-53-59. – EDN WJCYWP.
2. Dobrenkov V. I. political realism or political pragmatism in international relations / V. I. Dobrenkov // Humanities of the South of Russia. – 2019. – Vol. 8, No. 1. - pp. 18-32. - DOI 10.23683/2227-8656.2019.1.1. – EDN YZETCX.
3. Drobot G. A. Realism in the theory of international relations: history, foreign and domestic schools / G. A. Drobot // Socio-humanitarian knowledge. - 2014. – No. 4. – Pp. 182-203. – EDN SIMRGX.
4. Mgaloblishvili V. I. "Foreign policy of the state" as a category of modern political science / V. I. Mgaloblishvili // Innovative science. - 2015. – No. 10-3. – PP. 212-214. – EDN UMEPVR.
5. EAEU and ASEAN: Opening new horizons of cooperation: Analytical Report / T. M. Aliyev, M. A. Baeva, K. N. Borgoyakova [et al.]; All-Russian Academy of Foreign Trade of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation (VAVT of the Ministry of Economic Development of Russia); Russian APEC Research Center of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation Russian Federation (RCIA RANEPa under the President of the Russian Federation); E.T. Gaidar Institute of Economic Policy. – Moscow : All-Russian Academy of Foreign Trade of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation, 2017. – 229 p. - EDN WFFNPF.

ДИАЛОГ ПОКОЛЕНИЙ В УСЛОВИЯХ РОССИЙСКИХ РЕАЛИЙ: ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

*Мария Денищенко, ведущий специалист
Южный федеральный университет
Ростов-на-Дону*

Аннотация. В работе с позиций рисков и возможностей современной цифровой реальности рассматриваются проблемы и перспективы формирования диалоговой культуры межпоколенческих отношений в российском обществе. Обосновывается важность преодоления цифрового разрыва между поколениями с целью эффективного использования такой коммуникативной площадки, создаваемой ресурсами сети Интернет, а также необходимость формирования у молодого поколения осознания важности опыта старших поколений для развития общества вне зависимости от типа и характера его исторического развития и доминирующих в современности технологий.

Ключевые слова: молодое поколение, межпоколенческие отношения, старшее поколение, диалог поколений, цифровое поколение, цифровая эпоха, цифровая культура.

Отношения между поколениями в контексте диалоговой культуры и путей ее формирования всегда выступали предметом научного осмысления. В современную эпоху они также часто поднимаются в научном дискурсе как на уровне теоретической рефлексии [1], так и прикладных исследований [4]. Сама современность с ее цифровыми вызовами и переменами, виртуальной средой остро ставит вопросы, связанные с отношениями между молодым и старшим поколениями, «цифровыми разрывами» [8], возникающими в результате цифрового детства современной молодежи [3].

В научном пространстве уже достаточно активно используется понятие «цифровая молодежь» [6], и если раньше говорили о социокультурных разрывах между поколениями, то сегодня межпоколенческие разрывы связываются все чаще с виртуальной, цифровой средой. Цифровая эпоха, с одной стороны, создает дополнительное пространство для общения между разными поколениями, а, с другой, создает дистанцию между молодым поколением и старшим по той причине, что в этом цифровом пространстве молодежь, социализируясь с самого раннего детства, чувствует себя гораздо комфортнее, значительно быстрее осваивая новые информационные и цифровые технологии, воспринимая мир сквозь призму цифрового мира как среды социализации.

В этой связи возникает множество вопросов. И самый важный вопрос – это вопрос формирования диалога поколений в условиях новой информационной среды и цифровой культуры, в которой «цифровой разрыв» – не надуманная проблема, а реалии, с которыми следует считаться. И Исследователи совершенно справедливо указывают на то, что цифровизация социализации в эпоху Интернета привела к изменению механизма передачи опыта от поколения к поколению, и сейчас этот опыт формируется стихийно, во многом, самостоятельно [7]. Более того, этот опыт не успевает «прожиться», так как быстро меняющаяся реальность ставит в приоритет актуальный опыт, актуальные модели социальных практик, необходимые «здесь и сейчас». Может ли доцифровое поколение родителей дать «цифровым детям» востребованный в современной реальности опыт, если их цифровая компетентность и способность успешной адаптации в цифровой среде значительно уступают в сравнении с освоением цифрового пространства молодым поколением? Из этих вопросов, конечно же, вытекают вопросы, связанные с диалогом поколений, с преодолением межпоколенческих разрывов, формирующихся в цифровую эпоху. Ответить на них сейчас достаточно сложно, но размышления, суждения, попытки глубоко проникнуть в суть

происходящих изменений в межпоколенческих отношениях будут способствовать решению этой сложной задачи – гармонизации отношений между молодым и старшим поколениями.

Н.У. Ярычев отмечает, что поколенческая проблематика в чистом виде не существует, а накладывается на проблемы иного порядка – цивилизационного, политического, культурного и т.д., выступает своеобразным фоном исторической динамики общества [9]. Смена эпох с социально значимыми переменами всегда сопровождается сменой стандартов и типов передачи социокультурного опыта, его освоения и применения. Современный тип исторического развития общества связан с наступлением цифровой эпохи. Она символизирует смену исторического типа и темпа развития общества с переходом к совершенно иным стандартам и формам социальных отношений и взаимодействий, в том числе и межпоколенческих.

При том, что цифровая эпоха несет в себе конфликтогенный потенциал отношений между младшим и старшим поколениями с точки зрения существующего цифрового разрыва, она также создает и условия для формирования диалоговой культуры между поколениями. Конфликтогенный фон межпоколенческих отношений в эпоху «цифры» связан, прежде всего, с погруженностью молодежи в пространство Интернет-среды, с уходом в информационное пространство, в котором старшее поколение значительно отстает по уровню цифровой грамотности. Исследователи, в связи с этим, актуализируют вопрос о преодолении межпоколенческого разрыва в контексте преодоления технологического (цифрового) разрыва, влекущего за собой разрыв ценностей, проявляющийся в формировании непонятных старшему поколению поведенческих паттернов, моделей [5]. В результате технологического разрыва формируется коммуникативный разрыв, поскольку формируемая у молодого поколения цифровая культура коммуникации значительно отличается от культуры коммуникации доцифрового поколения родителей, понимающих преимущества реального общения и риски

виртуализации коммуникативной культуры, связанные с последующей неадаптированностью в среде реальных взаимодействий и возможными психологическими стрессами, болезненными реакциями на окружающую действительность, с разрывами социальных связей.

Однако цифровая культура – реалии современного дня, а, следовательно, следует исходить из них и находить возможности для развития межпоколенческих отношений, используя ресурсы цифровой эпохи и формирующейся цифровой среды. Цифровая эпоха базируется на применении информационных технологий, что создает дополнительные возможности для выстраивания коммуникаций между поколениями, формирует, по мнению исследователей, еще одну площадку для межпоколенческих отношений [2], и эта площадка, такая естественная и удобная для молодых поколений, социализировавшихся в цифровой среде, уже довольно активно осваивается и представителями старших поколений. Важное различие между поколениями в контексте цифровизации социальной среды заключается в различном восприятии процессов цифровизации и самой цифровой эпохи. Там, где молодежь видит преимущества, перспективы и возможности, которые предоставляет современная цифровая реальность, старшее поколение, преимущественно, видит риски, угрозы и вызовы. Выход на решение межпоколенческих разрывов в цифровую эпоху видится в преодолении, прежде всего, этого разрыва восприятия цифровой реальности. Именно тогда создастся благоприятная почва для сотрудничества и диалога поколений. В свою очередь, молодое поколение также не должно игнорировать опыт старших поколений, тот опыт, который необходима передавать, чтобы охранить преемственность в социокультурном, профессиональном, производственном развитии общества. Без эффективного механизма преемственности в ключевых для общества сферах общество ожидает регресс.

Не может общество эффективно функционировать и в случае ценностных разрывов, угрожающих перерасти в ментальные. Чтобы это не

произошло, необходимы социокультурные скрепы и механизм их воспроизводства с помощью специальной политики со стороны государства и общества по сохранению исторической памяти, укреплению семейных отношений как основного канала трансляции социокультурных ценностей и традиций от старшего поколения младшему.

Итак, в заключении хотелось бы подчеркнуть, что цифровизация затронула практически все сферы общественной жизни. Сложно представить профессиональное пространство без цифровых технологий, систему коммуникативных отношений, не опосредованных информационными (сетевыми), да и в целом повседневную жизнь, быт граждан современной России. Иными словами, обойтись без цифровых технологий уже не может ни молодое поколение, ни старшее.

С этой точки зрения, нам представляется, что сейчас, в цифровую эпоху, самым важным направлением в создании сбалансированных межпоколенческих отношений с перспективой выхода на высокий уровень диалоговой культуры является активный анализ возможностей использования цифровых технологий как дополнительного и эффективного ресурса межпоколенческих коммуникаций. Для этого необходимо формирование культуры толерантности у представителей обоих поколений для того, чтобы принять оба мира как естественные и важные – мира молодежи как мира цифрового и мира доцифрового старшего поколения. Только на пересечении миров с использованием потенциала и доцифровой, и цифровой культуры разных поколений возможен эффективный диалог поколений и позитивная социокультурная динамика. Решение этой глобальной задачи предполагает активное участие основных акторов социализационного процесса – государства, образования, семьи, СМИ.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Адрихин В. С. Диалог поколений в современном обществе: возможности теоретического конструирования // Социально-гуманитарные знания. 2013. № 7. С. 156-165.
2. Бештоков М.В. Социализация молодежи в компьютерно-интерактивной социальной системе: социальные институты и риски коммуникации // Caucasian Science Bridge. 2021. Т. 4. No1. С. 46–51.
3. Зайкова А.С. Цифровое детство - новый разрыв между родителями и детьми? // Человек.RU. 2022. № 17. С. 106-113. DOI 10.32691/2410-0935-2022-17-106-113.
4. Лебедева Л.Г. Межпоколенческие разрывы и риски в виртуальном // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2018. № 1(70). С. 147-151.
5. Махмутова Е.В. Межпоколенческий баланс в цифровую эпоху: глобальное измерение // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2021. Т. 11, № 6. С. 11-16. DOI 10.26794/2226-7867-2021-11-6-11-16.
6. Медиапотребление «цифровой молодежи» в России : монография / под ред. Д. В. Дунаса. Москва : Факультет журналистики МГУ : Издательство Московского университета, 2021. 406, [2] с
7. Солдатова Г.У., Рассказова Е.И. "Цифровая" ситуация развития межпоколенческих отношений: разрыв и взаимодействие между подростками и родителями в Интернете // Мир психологии. 2017. № 1(89). С. 134-143.
8. Солдатова Г.У., Рассказова Е.И. «Цифровой разрыв» и межпоколенческие отношения детей и родителей // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 5. С. 44-54.
9. Ярычев Н.У. Теоретические основы культурно-цивилизационных и национально-исторических оснований диалога поколений // Известия Чеченского государственного университета. 2017. № 2(6). С. 179-184.

DIALOGUE OF GENERATIONS IN THE CONDITIONS OF RUSSIAN REALITIES: PROBLEMS AND DEVELOPMENT TRENDS

Denishchenko Maria Evgenievna, Leading Specialist of the Department of
Calculations and Economic Analysis of the Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia

Annotation. The paper considers the problems and prospects of forming a dialog culture of intergenerational relations in Russian society from the perspective of risks and opportunities of modern digital reality. The importance of bridging the digital divide between generations in order to effectively use such a communicative platform created by the resources of the Internet is substantiated, as well as the need for the younger generation to form an awareness of the importance of the experience of older generations for the development of society, regardless of the type and nature of its historical development and dominant technologies in modern times.

Keywords: young generation, intergenerational relations, older generation, dialogue of generations, digital generation, digital era, digital culture

References:

1. Aderikhin V. S. Dialogue of generations in modern society: possibilities of theoretical construction // Social and humanitarian knowledge. 2013. No. 7. pp. 156-165.
2. Beshtokov M.V. Socialization of youth in a computer-interactive social system: social institutions and risks of communication // Caucasian Science Bridge. 2021. Vol. 4. No1. pp. 46-51.
3. Zaikova A.S. Digital childhood - a new gap between parents and children? // Человек.RU . 2022. No. 17. pp. 106-113. DOI 10.32691/2410-0935-2022-17-106-113.
4. Lebedeva L.G. Intergenerational gaps and risks in the virtual // Bulletin of the Saratov State Socio-Economic University. 2018. No. 1(70). pp. 147-151.
5. Makhmutova E.V. Intergenerational balance in the digital age: a global dimension // Humanities. Bulletin of the Financial University. 2021. Vol. 11, No. 6. pp. 11-16. DOI 10.26794/2226-7867-2021-11-6-11-16.
6. Media consumption of "digital youth" in Russia : monograph / edited by D. V. Dunas. Moscow : Faculty of Journalism of Moscow State University : Moscow University Press, 2021. 406, [2] with
7. Soldatova G.U., Rasskazova E.I. "Digital" situation of the development of intergenerational relations: the gap and interaction between adolescents and parents on the Internet // World of Psychology. 2017. No. 1(89). pp. 134-143.
8. Soldatova G.U., Rasskazova E.I. "Digital gap" and intergenerational relations of children and parents // Psychological Journal. 2016. Vol. 37. No. 5. pp. 44-54.
9. Yarychev N.U. Theoretical foundations of cultural-civilizational and national-historical foundations of the dialogue of generations // News of the Chechen State University. 2017. No. 2(6). pp. 179-184.

ЕВРАЗИЙСКИЙ ПРОЕКТ КАК ЛОГИКА СУВЕРЕНИТЕТА И БЕЗОПАСНОСТИ

*Эмилбек Дуйшеев, соискатель
Южно-Российский государственный политехнический
университет (НПИ) имени М.И. Платова
Новочеркасск*

Аннотация. В статье осуществляется категоризация евразийского проекта как ориентира суверенитет и безопасность в рамках государств членов евразийского проекта. Автор подчеркивает, что доминирующее значение в настоящий период получила идея политики многовекторности, которая нуждается в определенном осмыслении, так как становится часто расхожей публицистической фразой, в которую вкладывают противоречивые значения в зависимости от конъюнктурных или политико-партийных интересов.

Ключевые слова: евразийский проект, суверенитет, безопасность, евразийский экономический союз, евразийское пространство, постсоветский период.

Современный мир переживает период ревизии и переоценки последствий глобализации, процессов, которые американские исследователи обозначают как движение от империи к глобальности, становление системности по сравнению с субсистемностью предыдущих эпох. Военная экспансия в прошлых периодах была обусловлена сочетанием военных обществ, экономической логики, внутренней политики и соперничества великих держав. Россия в этом контексте сформировалась как военная держава, отставая в экономическом развитии под влиянием геополитических, исторических, политико-правовых и территориальных факторов.

Действительно, как континент Россия вынуждена была затрачивать огромные материальные и человеческие ресурсы и для защиты собственной территории, и для создания системы безопасности, что проявляется в характере

войн России на протяжении последних трех веков. Уже со времен Петра I российское государство было нацелено на отстаивание собственных интересов на европейском векторе, исходя из стремления Запада подчинить Россию, сделать ее «подконтрольной и управляемой», насадить на российской земле «колониальные порядки».

Эти моменты не являются преувеличением и публицистикой, а получили оценку в российской интеллектуальной мысли в понимании того, что Россия, являясь частью европейской цивилизации, для Европы означает «неправильная Европа». Особенно это выразилось в нынешнем отношении к России и к россиянам как обществу «недоевропейцев», стране с духом «варварства» и «азиатчины», в оценке России как препятствия на пути достижений европейской мысли и цивилизаций.

Опираясь на мысль о неизменном повороте России к Евразии как осознание в обществе евразийского проекта в качестве инструмента безопасности, необходимости поддерживать территориальный баланс, не размениваться на территориальные уступки и в этом значении стоять на позиции сохранения территориальной целостности и суверенитета, есть необходимость рассматривать сферу политических отношений между обществом, властью и государством в качестве конституирующей евразийский проект, придающей ему актуальное и перспективное значение.

Доминирующее значение в настоящий период получила идея политики многовекторности, которая нуждается в определенном осмыслении так как становится часто расхожей публицистической фразой, в которую вкладывают противоречивые значения в зависимости от конъюнктурных или политико-партийных интересов. Сама идея многовекторности стала характерной для российской внешней политики с начала 2000-х гг. и определяется стремлением России обрести новых партнеров в глобальной политике и экономике, что с одной стороны, учитывает экспортоориентированный характер экономики, ее углеводородный потенциал и экспорт традиционных продуктов (древесина,

металлы, вооружение, золото); с другой – обретение новейших технологий с целью повышения безопасности и благосостояния населения.

Другие постсоветские государства испытывают аналогичные тенденции, несмотря на разницу потенциалов внутри постсоветского пространства, вернее, они находятся в состоянии выбора в отличие от стран Балтии, их движение по отношению к Европе, Азии, России зависит от собственного ресурсного потенциала, уровня социального и экономического развития, влияния внешних факторов. Ясно, что сближение Грузии, Украины, Молдавии с ЕС не может быть в качестве модели воспроизведено по отношению к другим постсоветским государствам, как и налаживание связей с Китаем имеет первостепенное значение для Таджикистана, Узбекистана, Казахстана. Но для всех постсоветских государств аналогичной схемой является российский фактор, понимание того, что Россия – не только сосед, но и страна, с которой объединяет и советское прошлое, и современные реалии.

Таким образом, есть сложности и достижения в сфере политического взаимодействия, и в этом контексте евразийское пространство является пространством свободного политического выбора и политического измерения народов Евразии при несхожести актуальных политических условий. Построению политических систем для государств евразийского пространства свойственна политика предотвращения внутривнутриполитических и внешнеполитических конфликтов, нацеленности на воспроизводство демократических институтов и процедур, ориентация на прагматизм и договороспособность.

Однако, в Центральной Азии существует борьба за претензии на советское наследство (имеем в виду потенциал политического влияния, лидерства в регионе). Киргизстан не относится к числу претендентов, но становится важным звеном в геополитическом выборе. Очевидно, что Россия сохраняет позиции опорной страны, так как, имея политические проекты с участием среднеазиатских государств, локально связана с решением

межгосударственных проблем между Киргизией и Таджикистаном, Узбекистаном и Таджикистаном, Казахстаном и Таджикистаном. При том, что Узбекистан и Казахстан являются быстро растущими государствами с интенсивной социально-демографической и экономической структурами, их ресурсы недостаточны, чтобы помочь в решении проблем Киргизии, стать образцом для киргизского общества в оценке существующих политических и экономических проблем.

Отметим, что мы являемся свидетелями модификации геополитики, о чем говорится в работах российских ученых А. Дугина [3], Л. Ивашова [4], когда подчеркивается первостепенность евразийского пространства для того, чтобы Россия «не стала Москвией», в новый политический проект, где евразийское пространство основывается на концепции политической кооперации, в которой геополитическое измерение не является решающим: значимость приобретают различные политические акции, определяемые логикой совместного развития, возможности выступать с консолидированных позиций международной политики.

Обращаясь к достигнутым в этом контексте результатам, можно говорить о том, что участники евразийского пространства, а среди них Киргизия занимает не последнее место, заняли место в принятии многих решений международных структур, отдельно участвуют в международных институтах ООН и других организаций. Но вместе с тем есть необходимость развивать политические институты внутри евразийского сообщества и сосредоточиться только на вопросах обороны и дипломатии.

Такой подход подразумевает формирование идеологии евразийства, поддержку интеллектуальных элит, проведение форумов, конференций, международных клубов. Думается, что участие киргизских ученых и политиков на Валдайском форуме в России может способствовать созданию подобного аналога в виде «Иссык-Кульского форума», что обосновано и символикой, и культурой гостеприимства, и статусом Киргизии как нейтрального государства,

не замешанного в межгосударственных конфликтах. Об этом писали российские теоретики евразийства Н. Алексеев [1] и П. Савицкий [6], когда отмечали, что новое евразийское пространство связано с преодолением центризма российской политики, с переносом решения ее проблем в множественность центров влияния. К тому же Бишкек представляется наиболее удобным с точки зрения не только геополитического и географического, но и культурно-символического значения.

Как пишет российский ученый С. Глазьев в работе под многозначительным названием «За горизонтом истории», характеризуя альтернативу известному труду С. Фукуямы «Конец истории и последний человек» [7], хотя современное общественное сознание находится в глубоком кризисе и спекулятивные размышления, замешанные на устоявшихся догмах, существенно искажают реальность, в нынешней ситуации следует определиться с пониманием властвующих элит вместо России в новом мировом порядке и сосредоточиться на защите российских национальных интересов с целью идейно-политического перехода России с периферии мировой системы и формировании образа привлекательного будущего в целях воссоединения общего экономического и гуманитарного пространства народов, связанных с Россией общей исторической судьбой [2]. Россия, если и стремится стать локомотивом развития евразийского пространства, определяет выдвинутые цели в качестве совместных с партнерами по евразийскому союзу.

Таким образом, в работе С. Глазьева, где отмечен сдвиг от сугубо экономико-философской тематики к политическим реалиям, само понятие «политическое сотрудничество» наполняется новым смыслом, в которые вопросы геополитики становятся поводом для обобщений, направленных на реализацию многостороннего стабильного сотрудничества во внутривнутриполитической и внешнеполитической сферах.

Для Киргизии как члена ЕАЭС актуально разделение сферы политической компетентности: сохранение политического суверенитета для

страны с молодой политической биографией, сложностями становления политической системы, испытаниями на проверку прочности демократических институтов, что является «альфой и омегой», определение границ внешнеполитического сотрудничества в зависимости от внутренних и внешних политических ресурсов.

Зарубежные исследователи вынуждены признать, что если и говорить о потоке миграции из стран Средней Азии в Россию, то в первую очередь это связано с экономическими проблемами, с тем, что высокий уровень безработицы и низкие доходы делают до сих пор Киргизию страной миграции и, несмотря на радикальную риторику местных националистов, в стране не отмечались и не отмечаются массовые антирусские настроения [5]. Это является следствием предшествующей истории киргизского общества, культурой доброжелательности и уважения к другим народам. Следует учитывать, что Киргизия не прошла период тотальной исламизации, также в стране не утвердилась идеология неоязыческих культов, свойственная националистам, как показывает опыт Украины.

Интеграция Евразии является процессом незавершенным, что связано с отсутствием языковых, культурных и политических барьеров, с тем, что политические элиты этих стран имеют общий корень в предшествующем периоде развития. Вместе с тем по ряду причин внешнего и внутреннего характера потенциал политического взаимодействия и сотрудничества не реализуется полностью. Определенные кризисные явления политической жизни России и Киргизии, насаждение искусственных страхов по поводу ограничений национального суверенитета в рамках более плотного взаимодействия, соперничество со стороны основных политических игроков вызывают затруднения в осуществлении важных политических проектов.

Но то, что Киргизия является постоянным и надежным участником евразийских форумов и проектов, включена в систему обеспечения безопасности на евразийском пространстве, выражает необходимость

политической интеграции на межгосударственном уровне, определяемого не копированием модели ЕС, где проявляется политический и экономический диктат в пользу единогласия. Разумно найти пропорцию национального суверенитета и участия в консолидированной евразийской политике, содержащие возможности выхода в мировом политическом пространстве в качестве нового политического субъекта по аналогии с уже действующими структурами в азиатском и южноамериканском регионах.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. Москва: Аграф, 1998. 635 с.
2. Глазьев С. М. За горизонтом конца истории: монография. М.: Проспект, 2022. 416 с.
3. Дугин А.Г. Основы геополитики: Геополитическое будущее России. Москва: Арктогея, 1997. 599 с.
4. Ивашов Л. Г. Россия или Московия?: Геополитическое измерение национальной безопасности России. М.: Эксмо, 2002. 413 с.
5. Национализм в поздне- и коммунистической Европе: в 3-х т. / Под общ. ред. Э. Яна. М.: РОССПЭН, 2010. 412 с.
6. Савицкий П.Н. Континент Евразия. Москва : Аграф, 1997. 461 с.
7. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. Москва : Изд-во АСТ: Полиграфиздат, 2010. 588 с.

THE EURASIAN PROJECT AS THE LOGIC OF SOVEREIGNTY AND SECURITY

Duishoev Emilbek Karimovich

Applicant of the Department of Social Sciences and Humanities,
South Russian State Polytechnic University (NPI) named after M.I. Platov,
Novocherkassk, Russia

Annotation. The article categorizes the Eurasian project as a landmark of sovereignty and security within the framework of the member states of the Eurasian project. The author emphasizes that the idea of a multi-vector policy has gained dominant importance at the present time, which needs some understanding, as it often becomes a popular journalistic phrase, in which contradictory meanings are put depending on conjunctural or political-party interests.

Keywords: the Eurasian project, sovereignty, security, the Eurasian economic union, the Eurasian space, the post-Soviet period.

References:

1. Alekseev N.N. The Russian people and the state. Moscow : Agraf, 1998. 635 p.
2. Glazyev S. M. Beyond the horizon of the end of history: monograph. M.: Prospect, 2022. 416 p.
3. Dugin A.G. Fundamentals of Geopolitics: The Geopolitical future of Russia. Moscow : Arktogeya, 1997. 599 p.
4. Ivashov L. G. Russia or Muscovy?: The geopolitical dimension of Russia's national security. Moscow: Eksmo, 2002. 413 p.
5. Nationalism in late and Communist Europe: in 3 volumes / Under the general editorship of E. Yan. M.: ROSSPEN, 2010. 412 p.
6. Savitsky P.N. The continent of Eurasia. Moscow : Agraf, 1997. 461 p.
7. Fukuyama F. The end of history and the last man. Moscow : AST Publishing House: Polygraphizdat, 2010. 588 p.

УДК 331.5

РОЛЬ ФАКТОРА GAP YEAR В ТРУДОУСТРОЙСТВЕ МОЛОДЕЖИ

*Амир Исматуллаев, аспирант
Северо-Кавказский федеральный университет
Научный руководитель –
Профессор СКФУ Барсукова Т.И.
Ставрополь*

Аннотация. В статье представлены данные о возникновении явления Gap year, теоретические предположения об основных положительных и отрицательных эффектах, а также возможности его реализации на постсоветском пространстве.

Ключевые слова: молодежь, рынок труда, трудоустройство, годичный перерыв, образование.

Gap year (от англ. «год перерыва»), так же именуемый как академический отпуск, представляет перерыв до или после колледжа /

507

университета (обычно по длительности составляет год), в течение которого студенты учувствуют в различных образовательных и развивающих мероприятиях, таких как поездки или какой-либо тип регулярной работы. Такое явление обычно возникает между средней школой и колледжем (институтом) или же после окончания колледжа (института) и до поступления в аспирантуру. Студенты, проходящие год перерыва, могут, например, пройти продвинутые курсы по планируемым к изучению предметам, изучить языки, пройти курсы по получению профессии, принимать участие в волонтерской деятельности, путешествовать, проходить стажировку и получить первичный профессиональный опыт у работодателей не требующих специального образования. Исследования показывают, что учащиеся, берущие перерыв в год, показывают лучшие академические результаты, чем те, кто этого не делает, однако многие родители опасаются, что их дети отложат продолжение своего образования [1, 1]. Не стоит упускать из виду факт того, что некоторые студенты принимают решение не поступать в университет, потратив время на размышления в течение года перерыва.

Gap year приобрел особую широкую популярность в 1960-х годах, когда молодое поколение бэби-бума хотело уйти от тяжести войны от поколения своих родителей. Сначала основная цель года разрыва заключалась в том, чтобы страны обменялись культурными идеалами в надежде предотвратить будущие войны. Результатом этого обмена стал рост индустрии гэп-года.

Введение компаний в год разрыва в 1960-х и 1970-х годах положило начало индустрии гэп-года. Благодаря долгосрочному успеху таких организаций, как Topdeck, Flight Centre и Raleigh International, индустрия gap year быстро развивалась. В 1967 году Николас Маклин-Бристоль создал Project Trust, который отправил трех добровольцев в Эфиопию из Великобритании [2, 1]. Целью данного проекта являлось помочь в развитии наций соседнего континента, а также развитие собственных навыков среди британских волонтеров. В 1972 году было положено начало такого проекта, как Gap Activity

Projects (ныне именуемая как Lattitude Global Volunteering), с целью отправки британской молодежи по всему миру для расширения социально-культурных связей между странами в период годовичного перерыва. Их участники, по-прежнему называемые «Gappers», прошли долгий путь к тому, чтобы заклеить год между средней школой и университетом как Gap Year. В 1973 году Грэм Тернер внедрил инновации в индустрию gap year, купив автобус и продав билеты в Катманду. Это привело к тому, что Тернер создал Topdeck и Flight Centre, которые и по сей день являются успешными компаниями, пользующиеся особой популярностью среди выпускников.

В 1969 году в Вустере, штат Массачусетс, была основана организация первого года разрыва. Организация под названием Dynamy была основана с целью обучения молодых людей уверенности в себе, своем потенциале и роли, которую они играют в развитии глобального сообщества. В 1980-х годах одним из главных промоутеров Gap Year являлся Корнелиус Х. Булл. Он продвигал идею годовичного перерыва в Соединённых Штатах, считая, что данное явление может дать молодым студентам больше времени для индивидуального роста и развитию личностных качеств. Корнелиус видел, что студентам необходим промежуточный этап между средней школой и колледжем, который помог бы развить больше практических навыков [3, 1]. Для достижения данной цели им был основан Центр временных программ в 1980 году, основной целью которого было повышение самосознания и развитие новых культурных перспектив.

Рассматривая возможность апроприации годовичного перерыва, к сожалению, в странах СНГ данное явление не имеет достаточной популярности, способствующей его дальнейшему развитию так же, как в странах Европы, или Северной Америки. Одной из причин такой непопулярности может являться факт того, что для многих граждан постсоветского пространства данный год обычно считается потерянным, с точки зрения получения профессиональных навыков и качеств. Несмотря на это, «год перерыва» может оказать свое положительное влияние на

трудоустройство в будущем. Как мы знаем из курсов экономики, различают несколько видов безработицы, одна из наиболее распространенных является – вынужденная. Одной из таких причин может являться выбор нерентабельной, или устаревшей специализации, также специализации, не удовлетворяющей потребности работника. Свидетельствовать этому могут исследования, опубликованные на новостном канале «Известия», согласно которым среди более 1 тыс. опрошенных респондентов, большая часть которых являлись недавними выпускниками вузов в возрасте до 30 лет (77,2 %) – 57,2% не работали по специальности. Поэтому предлагаем подробнее рассмотреть положительные и отрицательные стороны «годового перерыва».

Годичная пауза между школой и вузом — это прекрасная возможность для молодого поколения перевести дух после изматывающей погони за конкурентоспособностью на будущем рынке труда. В 10–11 классах приходится одновременно учиться, участвовать в олимпиадах, заниматься дополнительно профильными предметами, слушать курсы по подготовке к ЕГЭ и сдавать экзамены. Умственные нагрузки и моральный прессинг приводят как к физическому, так и психическому истощению, которое может стать серьёзной проблемой во время первого курса вуза.

Не каждый учащийся по окончании 11-го класса способен определить себя как потенциальный работник той или иной сферы. Годичный перерыв же позволяет дать необходимое время и возможности, для определения предрасположенности к тому или иному виду деятельности. Одно из основных условий — провести его активно: пробовать себя в разных сферах, активное изучение информации о данных профессиях и актуальности их в ближайшее время на рынке труда. Это может способствовать более осознанному выбору профессии, ее изучению и правильной расстановке приоритетов при ее получении, что в будущем делает потенциального кадра более подготовленным при получении рабочего места.

Свободный год можно использовать для того, чтобы найти работу. Существует множество рабочих мест, относящихся к той или иной сфере деятельности, но не требующие высокой квалификации. Это дает возможность человеку поближе познакомиться с профессией и индустрией, получить первичный опыт, навыки, а также иметь более четкое представление о выборе профессии. Даже работа не по специальности поможет овладеть социальными навыками и потенциально подготовленными при дальнейших собеседованиях, что повышает шансы трудоустройства. Ранний старт карьеры будет преимуществом и после окончания вуза – наличие трудового опыта, который всегда приветствуется работодателем.

Отрицательной стороной явления *gap year* – это негативное восприятие со стороны общества, так как поступление в вуз сразу после школы считается признаком успеха. Пропуская год, выпускники могут столкнуться с непониманием со стороны родителей, родственников, и т.д.

Так же, главной отрицательной чертой, характерная для стран СНГ – призыв на срочную службу в вооруженных силах. В силу особенности законодательства многих стран постсоветского пространства, каждый юноша по достижении совершеннолетия обязан пройти годичную (в некоторых странах двухгодичную) военную службу. В силу нежелания службы в вооруженных силах, а также под страхом потери года, с точки зрения получения профессиональных качеств, необходимого для конкурентоспособности образования, выпускники вынуждены к ускоренному поступлению в учебные заведения, чаще, не рассматривая все приоритеты той или иной профессии.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Миллер Дж. Академические и карьерные преимущества года перерыва // [Электронный ресурс] – URL: <https://www.noodle.com/articles/the-academic-and-career-advantages-of-taking-a-gap-year190>

2. Проект «Доверие». История создания // [Электронный ресурс] – URL: <https://projecttrust.org.uk/about-project-trust>

3. Центр промежуточных программ. Преимущество промежуточных программ и история их создания // [Электронный ресурс] – URL: <https://www.interimprograms.com/p/about-us.html>

THE ROLE OF THE GAP YEAR FACTOR IN YOUTH EMPLOYMENT

Ismatullaev A.Kh.,

Graduate student of NCFU

Scientific supervisor – Professor of NCFU Barsukova T.I.

Stavropol, Russia

Annotation. The article presents data on the occurrence of the Gap year phenomenon, theoretical assumptions about the main positive and negative effects, as well as the possibility of its implementation in the post-Soviet space.

Keywords: youth, labor market, employment, one-year break, education.

References

1. Miller J. Academic and career advantages of the gap year // [Electronic resource] - URL: <https://www.noodle.com/articles/the-academic-and-career-advantages-of-taking-a-gap-year190>
2. Project "Trust". History of creation // [Electronic resource] - URL: <https://projecttrust.org.uk/about-project-trust>
3. Middleware Center. The advantage of intermediate programs and the history of their creation // [Electronic resource] - URL: <https://www.interimprograms.com/p/about-us.html>

УДК 316.7

ГЕРОИ КУЛЬТУРЫ В СОЗНАНИИ СОВРЕМЕННОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В КОНТЕКСТЕ МУЛЬТИПЛИКАЦИОННОЙ ПРОДУКЦИИ

*Нина Капанян, старший преподаватель,
Южно-Российский Государственный Политехнический
университет (НПИ) имени М.И. Платова
Новочеркасск*

Аннотация. Формирование образов героев культуры выступает как актуальная задача в условиях обострения внешнеполитических отношений

России со странами Запада, когда культурные герои выступают основой для становления чувства российской идентичности и патриотизма. В статье предпринята попытка проанализировать влияние мультипликационных фильмов на формирование образа героя культуры в среде современной студенческой молодежи. Значимость героев мультипликации обусловлена тем, что герои, получившие значимость в сознании на первом этапе социализации, обладают проекцией на формирование нравственных представлений и ценностей. Обращается внимание на разницу между поколениями советского периода и поколением «зумеров». Приводятся данные эмпирического исследования, проведенного среди студентов крупных российских вузов и колледжей Ростовской области. Полученные данные показывают, что традиционные герои русского фольклора в мультипликации преобладают в сознании студенческой молодежи как обладающие чертами, характерными для героической личности. Опрос также не подтвердил опасения, высказываемые некоторыми авторам по поводу резко негативного влияния западных мультипликационных сериалов (Симпсоны, Гриффины, Клуб Винкс) на ценностные представления современной молодежи, так как упоминание героев данных сериалов в качестве значимых составило ничтожный процент.

Ключевые слова: герои, культура, мультипликация, студенты, ценности, позитивное, негативное влияние.

Становление любого человека начинается с раннего детства, когда формируются первые представления об окружающем мире, о том, что считается позитивным (негативным) поведением, выделяются наиболее значимые для ребенка люди, которые становятся ориентирами социального поведения личности. Такими ориентирами (значимыми другими) на первичной стадии социализации выступают родители, именно они согласно Фрейду, являются теми людьми, с помощью которых культурные ценности конституируются в личности. Фрейд настаивал на огромном значении именно ранней социализации, поскольку она выступает механизмом трансляции основных

культурных ценностей. Если в традиционных обществах процесс первичной социализации представлял стабильный, повторяющийся от поколения к поколению порядок, когда, как отмечал П. А. Сорокин, «отцы были копией дедов, дети – отцов», поддерживаемый сходством языка, обычаев, верований, стиля жизни, манеры поведения, то современные дети проходят свою первичную социализацию в условиях отличных от времени их родителей. Если ранее дети получали первые представления о символических героях из книг, которые читали им их родители, то нынешняя молодежь в большей степени получила данные символические репрезентации из визуальных образов, созданных киноиндустрией, которые индивид «перерабатывает и в дальнейшем начинает вести себя в соответствии с образом, поведение которого приобрело для него/нее эталонный характер и в дальнейшем может служить своеобразным руководством к действию. [1, с. 247 -249]

Как отмечает В. Луков, переход от одного поколения к другому ведет в вопросах конструирования человека к забвению одних идеалов, образов и технологий и утверждению других. Характерным наблюдением в этой области может быть распространенность в повседневном сознании образов культурных героев. Если, например, имя профессора Доуэля, знакомо для людей, возраст которых старше 30 лет, которые читали известную в советское время книгу А. Беляева «Голова профессора Доуэля, где описывалась практически первая попытка по конструированию человека, то нынешней молодежи в возрасте от 16 до 25 лет, данный образ совершенно неизвестен, зато они знакомы с такими кинообразами, как Робокон и Терминатор.[2, с. 81- 82]

Естественно, что на первой стадии социализации дети еще не проявляют исключительный интерес к полнометражным художественным фильмам, наибольший интерес вызывают мультипликационные фильмы, которые во многом способствуют формированию нравственных представлений, позволяющих различать добро и зло, правду и ложь, осуждение несправедливых поступков от справедливых, а также представлений о героях и характеристиках,

которые являются базовыми характеристиками героев, выделяющих их из общей массы людей.

Следует отметить, что в советское время, персонажи мультфильмов, особенно обладающие характеристиками героя, являлись носителями традиционных ценностей русской культуры – мужественность, честность, справедливость, патриотизм, выражающийся в стремлении защитить свое Отечество от внешних и внутренних врагов. Именно на таких героических образах формировалась система ценностей поколений советских детей. В настоящее время дети советских времен уже относятся к старшему или же к среднему возрасту, а на сцену активной жизни вступают представители так называемого поколения Z (зумеры), которое объединяет рожденных с 2001 по 2017 гг., являющихся наиболее активными пользователями Интернета (количество достигает практически 100%) [3, с. 32 – 34]. Казалось бы, для тех, кто «родился с кнопкой в руках», представления о героях должно кардинально отличаться от представлений старших поколений. Однако, как следует из результатов многолетнего исследования, проведенного Ю. А. Зубок, ценности современной молодежи сочетают в себе как инновационные тренды, так и сохраняют традиционные ценности нашей культуры, что касается и значимых других, когда «в отношениях со значимыми другими в культурном пространстве молодежь ориентируется преимущественно на традиционные ценности: в семье – на любовь; с соседями – на дружбу; в коллективе – на солидарность; с окружающими – на доверие» [4, с.182].

Многие исследователи, занимающиеся исследованием влияния мультипликационной продукции на молодое поколение, подчеркивают негативное влияние зарубежных мультфильмов, особенно таких как «Симпсоны», «Гриффины», «Клуб Винкс» и др., которые способствуют формированию ценностей, противоречащих традиционным ценностям России. Так, например, анализируя смысловой контент сериала «Клуб Винкс», Г.В. Антонов подчеркивает негативное влияние данного сериала на

демографические ориентации российской молодежи. При этом амбивалентной представляется граница между добром и злом, между героями и антигероями, когда явно прослеживается стремление разрушить стереотипы, приписываемые традиционному распределению гендерных ролей. Супергерои мужчины постоянно терпят поражения, не в состоянии исполнить традиционную роль защитника и победителя, в то время как представительницы женских образов не справляются с элементарными обязанностями по ведению домашней работы, зато оказываются отличными воинами, без труда справляющимися с целой армией монстров [5]. Даже казалось бы претендующий на роль героя Кнут, внешне представляющий образ настоящего героя (высок, мужественен, прекрасно сложен), постоянно подвергается насмешкам и унижениям со стороны представительниц антигероинь (ведьм). Причем образ героя связан исключительно с культом силы и удачливости, с местью как мотивацией для действий героев, а не со стремлением защитить свою семью, слабого, помочь в беде другу. Явно демонстрируется разрушение традиционных семейных ценностей, что показывается через отказ женщин от выполнения традиционных женских ролей и перекладывание их на отцов и мужей, последние же не справляются ни с ролью домохозяина, ни с ролью героя – защитника своей семьи.

Значимость мультипликации во многом определяется тем, что, по сути, дает молодому поколению представления о культурном герое, который может транслировать традиционные культурные ценности или же, напротив, разрушать укорененные в культуре представления и распространять инокультурные ценности, разрушающие основы нативной культуры. То есть мультипликация, способствует формированию «совокупности принятых в данном обществе мотивирующих его представлений о мире и человека в этом мире» [6, с. 22]. Согласно М.И. Найдорфу, именно поэтому представители той или иной культуры в состоянии устанавливать между собой адекватную коммуникацию вследствие «со-пребыванию» в едином культурном для них

пространстве. Данное «со-пребывание» определяется также и наличием персонажей, воплощающих паттерн культурно предписанного поведения, обладающего своей отличительной спецификой в различных сообществах (культурах), которые могут быть представлены богами, фольклорными героями, легендарными личностями, святыми, образами классических литературных произведений, героями детских игр [7, с. 294 – 295]. Вполне понятным представляется, что перечисленные культурные герои на первой стадии социализации находятся под непосредственным влиянием персонажей мультипликационных фильмов, которые обладают проекцией и на последующие представления индивидов о культурных героях. Для того, чтобы представить, какие мультипликационные фильмы оставили свой след в сознании современной студенческой молодежи, и какие герои осознаются ими как значимые культурные герои был задан следующий вопрос: *Назовите Вашего любимого в детстве героя сказки или мультфильма. (вопрос предполагал множественный выбор)*. В опросе приняли участие студенты ведущих вузов Ростовской области и учащиеся колледжей. Всего было опрошено 859 чел., из них: студентов Южно – Российского Государственного Политехнического Университета (НПИ) и Южного Федерального Университета – 206 технических специальностей, 114 – студентов экономических и юридических специальностей, 118 – студенты социально-исторических специальностей, 86 – студентов педагогической специальности; а также учащихся колледжей: 119 – НПИ, 96 учащихся юридического колледжа, 120 – учащихся педагогического колледжа. Полученные результаты представлены в нижеприведенной таблице.

Таблица 1 – Распределение ответов на вопрос: «Назовите Вашего любимого в детстве героя сказки или мультфильма» (%).

Герои	Студенты ВУЗов	Учащиеся колледжей

	НПИ	Юристы- эконм.	Соц- истор.	Педаг.	ПИ	р.	ПК
Русские народные персонажи	13,6	11,4	9,3	9,3	5,9	9,4	67,5
Персонажи советских мультфильмов	25	42,9	23,8	30	19,3	39,6	92,5
Принцессы	5,3	8,8	20,3	15,1	1,7	10,4	22,5
Волшебники	0,9	1,8	1,7	0	0,8	4,2	5,8
Супергерои	6,3	3,5	2,5	4,7	7,6	1	6,7
Силачи	2,4	1,8	7,6	1,2	4,2	2,1	0,83
Герои-животные	8,7	4,4	12,7	5,8	7,6	5,2	14,2
Герои-лидеры	4,9	3,5	5,1	8,1	5	2,1	5
Фантазийные герои	3,9	1,8	4,2	2,3	5,9	12,5	14,2
Другие	12%	11,6	9,7	13,6	23,5	9,7	13,3
Затруднились	17%	8,5	13,0	10,0	18,5	5,9	5,6
Всего анкет = 100%	206	114	118	86	119	96	120

Как видно из полученных ответов, персонажи советских мультфильмов являются приоритетными для студентов всех опрошенных направлений обучения (37,9 %), из них в качестве героев выделены такие персонажи русских сказок как Илья Муромец, Добрыня Никитич, Алеша Попович (некоторые обозначили их просто как трех богатырей), князь Владимир, Иван Царевич, также были названы сказочные анти-герои – Баба -Яга, Змей-Горыныч. Однако следует заметить, что данные анти-герои не представляют абсолютное зло, на самом деле никто из них не убил какого-либо сказочного героя, ограничившись попытками препятствовать выполнению их миссии и часто сами оказывающиеся в курьезных ситуациях в ходе осуществления своего колдовства. В качестве просто любимых персонажей были названы

обладающие в целом позитивными чертами характера (доброта, юмор, сообразительность, некоторая простоватость, дружелюбность, незлобная насмешливость, сообразительность) Чебурашка, Крокодил Гена, Дядя Степа, Дядя Федор, кот Матроскин, Незнайка, Винни Пух, Карлсон и ряд других. Что касается современных так называемых супергероев, относящихся к персонажам западного образца (Человек -Паук, Бэтмен, Черепашки-Ниндзя), то количество студентов, назвавших их супергероями, составило только 42 человека. Герои, выделяющиеся своими экстраординарными физическими возможностями (Шрек, Астерикс, Геракл) остались в памяти всего 25 респондентов. Несколько большее количество студентов (41 человек) выделило в качестве героев-лидеров Наруто, Аватара Аанга, Молнию Макквина.

Таким образом, можно прийти к следующим выводам:

- мультфильмы, созданные в советское время, остались в памяти студенческой молодежи и именно они послужили принятию основных персонажей русской фольклорной культуры в качестве культурных героев;
- фантазийные герои западных мультфильмов значительно менее значимы для студенческой молодежи. При этом следует отметить, что названные студентами герои-силачи и герои-лидеры не относятся к героям, несущим негативный потенциал, способствующий формированию антинравственных ценностей и агрессивному поведению;
- персонажи из вызывающих опасения мультипликационных западных сериалов типа «Симпсоны», «Клуб Винкс», «Гриффины», негативно влияющие на первичную социализацию, не были названы студентами.

Также следует подчеркнуть, что полученные данные относятся к студенческой молодежи, обучающейся не в столичных вузах, где вполне возможно были бы получены иные результаты.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Бандура, А. Теория социального научения. СПб. 2000.

2. Луков, В. А., А. В. Павлов Конструирование человека в свете тезаурусной концепции молодежи// Философский анализ проектов конструирования человека: идеалы и технологии. № 15-23. 2014.
3. Радаев, В.В. Раскол поколения миллениалов: историческое и эмпирическое обоснование (первая часть). // Социологический журнал. 2020. Том 26. № 3. С. 30 – 63.
4. Зубок, Ю. А. Молодежь в культурном пространстве: саморегуляция жизнедеятельности: монография / Ю.А.. Зубок., В.И. Чупров. – Москва: Норма, 2020.
5. Антонов, Г.В., Е.Г. Лактюхина Мультсериал «Клуб Винкс» : формирование демографических установок и гендерных стереотипов у детей в возрасте 7 – 12 лет (по материалам контент-анализа)//URL:<http://psst.jvolsu.com/index.php/ru/component/attachments/download/535>
6. Найдорф, М. И. Введение в теорию культуры: Основные понятия культурологии. – Одесса: Друк, 2005.
7. Найдорф, М.И. Герой культуры в картине мира: к теории культурологического исследования. // Вестник христианской гуманитарной академии. 2013. Том 14. Выпуск 4. с.

HEROES OF CULTURE IN THE MIND OF MODERN STUDENTS' YOUTH IN THE CONTEXT OF CARTOON PRODUCTS

Kapanyan N.N.,

Senior Lecturer at the Department of Foreign Languages, SRSPU (NPI),
South Russian State Polytechnic University (NPI) named after M.I. Platov,
Novocherkassk, Russia

Annotation. The formation of cultural heroes' images is an urgent task in the context of the aggravation of Russia's foreign policy relations with the countries of the West, when cultural heroes are the basis for the formation of a sense of Russian identity and patriotism. The article attempts to analyze the influence of animated films on the formation of the image of a cultural hero among modern student youth. The significance of cartoon characters is due to the fact that the characters, who gained significance in the minds at the first stage of socialization, have a projection on the formation of moral ideas and values. Attention is drawn to the difference between the generations of the Soviet period and the generation of "zoomers". The data of an empirical study conducted among students of major Russian universities and colleges in the Rostov region are presented. The data obtained show that the traditional heroes of Russian folklore in animation prevail in the minds of students as having features characteristic of a heroic personality. The survey also did not confirm the fears expressed by some authors about the sharply negative impact of Western animated series (The Simpsons, Family Guy, Winx Club) on the value ideas of modern youth,

since the mention of the heroes of these series as a significant one was a tiny percentage.

Keywords: heroes, culture, animated cartoon, students, values, positive, negative influence.

References

1. Bandura, A. Social learning theory. SPb. 2000.
2. Lukov, V. A., A. V. Pavlov Designing a person in the light of the thesaurus concept of youth // Philosophical analysis of human design projects: ideals and technologies. No. 15-23. 2014.
3. Radaev, V.V. Millennial Generation Split: Historical and Empirical Rationale (Part One). // Sociological journal. 2020. Volume 26. No. 3. P. 30 – 63.
4. Zubok, Yu. A. Youth in the cultural space: self-regulation of life: monograph / Yu.A. Zubok., V.I. Chuprov. - Moscow: Norma, 2020.
5. Antonov, G.V., E.G. Laktyukhina Animated series "Club Vinsk": the formation of demographic attitudes and gender stereotypes in children aged 7-12 years (based on content analysis)//URL:<http://psst.jvolsu.com/index.php/ru/component/attachments/download/535>
6. Najdorf, M. I. Introduction to the theory of culture: Basic concepts of cultural studies. - Odessa: Druk, 2005.
7. Najdorf, M.I. The hero of culture in the picture of the world: towards the theory of cultural research. // Bulletin of the Christian Humanitarian Academy. 2013. Volume 14. Issue 4. p.

УДК: 374.1

ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ РЕБЕНКА

*Юрий Колевайко, аспирант,
Адыгейский государственный университет,
Майкоп*

Аннотация. В статье ставится вопрос о важности дополнительного образования для формирования и развития личности ребенка. Личность понимается в контексте социологии образования. При этом такие важные аспекты социализации ребенка, как образование, воспитание и развитие, рассматриваются как составляющие единой системы.

Ключевые слова: дополнительное образование, развитие личности, формирование личности ребенка.

Реалии современного постиндустриального общества таковы, что общее образование далеко не всегда (в силу действия многочисленных факторов) оказывается способным решить вопросы именно социокультурного мотивирования личности, формирования особого духовно-нравственного облика человека и т.п. Как полагают исследователи, «в формировании человеческого капитала ключевую роль играет образование. Учитывая определяющую роль инициативности, заинтересованности и мотивированности обучающихся в формировании успешного человека будущего, крайне значимо в этих процессах эффективное и современное дополнительное образование, которое основывается на свободном выборе обучающимися сферы приложения своих образовательных усилий и является эффективным инструментом социализации детей» [4].

Дополнительное образование – более тонкий и «индивидуальный» инструмент формирования личности по сравнению с общим образованием. С учетом определенной «усредненности» общего образования именно дополнительное призвано решать широкий спектр задач по генезису и развитию социокультурного облика, прежде всего, именно подрастающих поколений.

Одним из ключевых объектов воздействия системы дополнительного образования являются дети. Данная категория населения является уникальной по своим социально-возрастным и социально-статусным характеристикам. В этой связи «тонкая» вариативная настройка процесса обучения является необходимой вследствие ряда серьезных рисков и угроз, сопряженных с процессом образования детей.

Как полагает Н.Н. Козинец, «основная идея дополнительного образования детей состоит в признании права учащегося одновременно выбирать получение обязательного базового (формального) образования и

дополнительного (неформального) образования. Дополнительное образование детей предназначено для реализации образовательных программ, имеющих образовательные цели и рассчитанных на достижение новых (дополнительных) образовательных результатов» [2, с. 50-56].

Наряду получением различных знаний система дополнительного образования нацелена и на всестороннее развитие личности ребенка. Для этого в дополнительном образовании предусмотрено множество вариантов эффективного взаимодействия преподавателей и детей. Так, по мнению исследователей, «система дополнительного образования обладает уникальной возможностью создать комплекс условий для полноценного развития каждого ребёнка независимо от первоначального уровня его подготовки. Отсутствие жёстких рамок позволяет каждому ребёнку добиться личного успеха в интересующей его сфере, получить уникальный опыт самореализации. Дополнительное образование обладает способностью объединить в единый процесс обучение, воспитание и развитие школьников, тем самым вносит существенный вклад в процесс социальной адаптации подрастающего поколения» [3, с. 297-299].

Одной из ключевых задач дополнительного образования является именно формирование личности ребенка. В этой связи дополнительное образование выступает одним из наиболее важных элементов социализационного процесса применительно к современному социуму. В научной литературе отмечается, что личность – это «относительно устойчивая и целостная система социальных качеств, которые приобретаются и развиваются в процессе взаимодействия с другими людьми и реализуются в социальной жизни» [5, с.4].

Следует отметить, что личность – система сложных интегральных характеристик, зачастую противоречащих друг другу по ряду критериев оценки. Личность представляет собой уникальный феномен общества, сочетающий в себе:

- определенные биологические предпосылки, без которых не может сформироваться;
- психологические особенности (мотивы деятельности, особенности темперамента, характера, чувств, мышления, волевых актов, способностей);
- социальные качества (нравственные качества, знания, умения, навыки, ценностные ориентации, социальные установки и позиции, особенности социальной активности) [5, с. 4-5].

С точки зрения Т.М. Ширяевой, «выражение социальной сущности и содержания человека как субъекта деятельности и общественных отношений есть личность. Она выступает как носитель общих и специфических социальных свойств человека, характеризующих его национальную и классовую принадлежность, профессию и вид деятельности, мировоззрение и ценностные ориентации, интересы, цели, идеалы»[6, с. 55-66].

Для общества как сложной саморегулирующейся социальной системы важное значение имеет именно оптимизация работы с отдельной личностью. Здесь важным является целенаправленное организованное развитие личности. Это – многоаспектный процесс, протекание которого прямо или косвенно затрагивает многие стороны общественной жизни. В частности, как отмечает Н.Ф. Асланова, «это и физическое, и интеллектуальное, и политическое, и правовое, и нравственное, и экологическое, и эстетическое развитие. Причем, развитие разных сторон ее происходит с неодинаковой скоростью, неравномерно» [1, с. 250].

Несмотря на то, что современное общество постмодерна многие исследователи позиционируют как сложное сочетание случайностей, разного рода флуктуационных процессов, все же «развитие личности человека можно назвать закономерным и прогрессирующим. Человек как личность формируется с самого рождения. Движущими силами развития являются многие факторы: наследственность, окружающая среда, воспитание. В каждом человеке от природы имеется предрасположенность к эмоциональным

всплескам, к успеху, к определенному порядку психического развития» [1, с. 250].

Одним из ключевых факторов полноценного развития личности в условиях современного постиндустриального общества выступает духовно-нравственный. С учетом того, что в структуре личности происходит перманентное противостояние биологических и социальных составляющих, важное значение в аспекте обеспечения социального порядка и стабильности приобретает именно полноценное формирование системы социокультурных координат личности – особенно в подростковом и юношеском возрасте.

В свою очередь, практическая реализация подобного комплекса целевых установок предполагает осуществление мероприятий социокультурной мотивации к развитию личности. Следует отметить, что в современном постиндустриальном социуме внедрение социокультурной мотивации личности поряжено с рядом рисков и проблемных ситуаций, на которые необходимо обратить внимание.

Примечания:

1. Асланова, Н.Ф. Развитие личности //Вестник Донецкого педагогического института. - 2017. - №2. - С.247-254.
2. Козинец, Н.Н. Профподготовка педагога для системы дополнительного образования детей //Сибирский педагогический журнал. - 2017. - №2. - С.50-56.
3. Магомедова, З.Ш., Алибекова, К.М. Социальная адаптация школьников в условиях дополнительного образования //Мир науки, культуры, образования. - 2018. - №5. - С.297-299.
4. Павлова, Н.И. Дополнительное образование детей в современных условиях и инновационные механизмы совершенствования //Мир науки, культуры, образования. - 2020. - №4. - С.273-275.
5. Рудко, Е.А. Социология личности: курс лекций. – Витебск: УО «ВГТУ», 2017. – 70 с.
6. Ширяева, Т.М. Социология личности //Образование и право. - 2013. - №9. - С.55-66.

ADDITIONAL EDUCATION AS A TOOL FOR FORMING THE CHILD'S PERSONALITY

*Yuri Kolevaiko, postgraduate student,
Adyghe State University,*

Annotation. The article raises the question of the importance of additional education for the formation and development of a child's personality. Personality is understood in the context of the sociology of education. At the same time, such important aspects of the child's socialization as education, upbringing and development are considered as components of a single system.

Keywords: additional education, personality development, formation of the child's personality.

References:

1. Aslanova, N.F. Personal development //Bulletin of the Donetsk Pedagogical Institute. - 2017. - No. 2. - Pp.247-254.
2. Kozinets, N.N. Vocational training of a teacher for the system of additional education for children //Siberian Pedagogical Journal. - 2017. - No. 2. - Pp.50-56.
3. Magomedova, Z.Sh., Alibekova, K.M. Social adaptation of schoolchildren in conditions of additional education // World of science, culture, education. - 2018. - No. 5. - Pp.297-299.
4. Pavlova, N.I. Additional education of children in modern conditions and innovative mechanisms for improvement // World of science, culture, education. - 2020. - № 4. - Pp.273-275.
5. Rudko, E.A. Sociology of personality: a course of lectures. - Vitebsk: EE "VGTU", 2017. - 70 p.
6. Shiryayeva, T.M. Sociology of personality // Education and law. - 2013. – Pp.55-66.

УДК: 37.017.4

**РОЛЬ ПОЛИТИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ПРОЦЕССАХ
КОНСОЛИДАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА**

*Даниил Колозов, магистрант
Кубанский государственный университет
Краснодар*
*Нелли Кузьменко, магистрант
Кубанский государственный университет
Краснодар*

Аннотация: в статье представлены современные аспекты научного социально-гуманитарного дискурса, посвященного тематике консолидации и

политического образования. Рассмотрен дискурс Президента РФ в качестве отправной точки для обсуждения тематики консолидации в системе публичной политики. В данном дискурсе выделено ядро ценностей и ключевые аспекты консолидации российского общества, а также роль образовательной среды в конструировании государственной политики по отношению к таким социальным группам как дети и молодёжь. Раскрыта современная проблематика институциональных процессов формирования политического образования молодых граждан, определены технологии его конструирования в системе среднего и высшего образования.

Ключевые слова: консолидация, политическое образование, новая геополитическая реальность, дискурс.

В условиях современных геополитических трансформаций и политической турбулентности все большую значимость обретает осмысление ценностных ориентиров, влияющих на установки и поведение граждан. Обострившийся на фоне начала СВО геополитический кризис подсветил существующие проблемы многих государств, одной из которых является коренная трансформация ценностей. Исследователи фиксируют противоречивые процессы ценностной консолидации и, в то же время, ценностного раскола общества, затронувшие все российское общество, в котором молодёжь выделяется в качестве особой социальной группы – носителя политической социализации. Именно молодое поколение демонстрирует широкий спектр противоречивых практик: от службы по контракту и участия в числе мобилизованных в СВО до «релокации» в страны ближнего и дальнего зарубежья.

Формирование единых ценностей, сохранение общегражданской идентичности во многом определяют степень целостности общества и напрямую связаны с процессом его консолидации. Данный процесс непрерывен, однако актуализируется в кризисные для общества периоды, вследствие чего в настоящий момент существует взаимный запрос государства

и общества на проведение политики, которая обеспечивает необходимые условия успешной консолидации. Возникает необходимость в адекватном отражении действительности и ее верной интерпретации, а отсутствие единой системы институционального конструирования политического образования, его фрагментарность и нарастающие в условиях социально-политических трансформаций вызовы предполагают риск формирования некорректной политической позиции среди молодежи, что служит дезинтеграционным фактором для российского общества.

В 2022 году Президент РФ стал инициатором открытой дискуссии по проблематике консолидации, которая начала активно развиваться в публичном поле российского общества. Сегодня особенно актуальным является изучение данного дискурса как отправной точки, задающей траектории обсуждения и выработки публичных решений относительно ценностных оснований российского общества в новых реалиях. Также в контексте данного дискурса подчеркивается особая роль образовательной среды в процессе сохранения и поддержания традиционных ценностей российского общества.

В этом контексте возникает необходимость рассмотрения политического и исторического образования как ценностно-смысловых элементов, имеющих особую значимость в процессе консолидации российского общества. На начальном этапе следует раскрыть само понятие «консолидация», а также её цели, методы и технологии. Социальная консолидация для российского общества является особенно актуальной практической задачей и важным направлением научных исследований.

В рамках написания статьи были представлены следующие результаты проведенных исследований:

Результаты анализа (проведенного в декабре 2022 – январе 2023 года) современного научного дискурса в сфере социально-гуманитарного знания, посвящённого тематике социальной консолидации и политического образования молодежи;

Результаты анализа (проведенного в декабре- 2022 – январе 2023 года) современного общественно-политического дискурса консолидации на примере ряда ключевых выступлений Президента Российской Федерации за период с февраля по декабрь 2022 года (всего 22 выступления затрагивающих тематику ценностей политической и социальной консолидации);

Результаты экспертного опроса (проведённого в январе – февраля 2023 года), посвящённого выявлению технологий конструирования политического образования в России; были опрошены преподаватели общеобразовательной среды, представители академического сообщества и специалисты по организации воспитательной работы с молодежью (всего 20 экспертов).

Понятие «консолидация» в научном дискурсе обладает широкой сферой применения, однако в большинстве случаев оно не операционализировано, используется в качестве термина с «контекстуальным» значением, ввиду чего само определение и употребление данного термина внутри работы может переходить от одного смыслового блока к другому.

В политическом контексте понятие «консолидация» зачастую применяется для описания процесса выстраивания взаимоотношений и коммуникаций между государством и обществом с целью повышения эффективности деятельности политических и гражданских институтов, а также их стабилизации. При этом в большинстве работ данные институты являются как субъектами, так и объектами консолидации. Ряд работ рассматривает консолидацию как элемент противодействия деструктивным процессам, связанным с радикальными политическими и религиозными течениями, распространению не свойственных государству или обществу интересов и ценностей. Также в анализируемых работах было отмечено конструктивное влияние процесса консолидации молодёжных организаций и органов власти на эффективность деятельности государственной молодёжной политики.

В историческом аспекте понятие «консолидация» рассматривается в рамках хронологии развития конкретного общества и государства. В данных

работах анализируется то, как действия политического, социально-экономического, культурного, военного, религиозного характера повлияли на становления нации, формирования государственности. При этом в данной сфере процесс консолидации может быть рассмотрен на рамках большого временного отрезка, а его конкретный этап может быть проанализирован как в контексте предыдущих причинно-следственных связей, так последующих событий.

Переходя от дискурса консолидации к дискурсу политического образования, стоит отметить, что под политическим образованием молодого поколения следует понимать получение им научного объективного знания о политической системе общества, создание целостной и достоверной картины политических событий, формирование политического поведения. В научном дискурсе авторами преимущественно рассматриваются следующие аспекты политического образования: концептуальный, социализирующий, когнитивный, культурный, образовательный. Историческое же образование предстает в качестве фундаментального компонента политического знания, механизма конструирования политической социализации личности, в ходе которой молодые граждане сквозь грамотную интерпретацию отечественной истории способны формировать ценностно-поведенческие установки и политические взгляды, ориентированные на овладение способами политического участия, а также развитие гражданственности, патриотизма и укрепления общегражданской идентичности, что служит важнейшим фактором консолидации общества.

Проанализировав научный дискурс на тему консолидации, а также основы и взаимосвязи политического и исторического образования как ее важнейших механизмов, следует перейти к практическому аспекту реализации данного дискурса, а именно к системе публичной политики России, одним из главных элементов которой является Президент, чей дискурс служит отправной

точкой для дальнейшей траектории обсуждения и выработки публичных решений государственной политики.

Тематика консолидации присутствует в большинстве ключевых выступлений и обращениях Президента. Социальная консолидация стала одним из ключевых сюжетов выступлений Президента в связи с началом СВО и подписанием договоров о принятии ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей в состав России. К ценностным основаниям консолидации были отнесены: воля народа, историческая правота, защита национальных интересов, суверенитета и патриотический государственный подход с заботой о благе страны и народа.

Президентом на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» сформулирован запрос экспертной оценки, поддержки и трансляции в экспертном и научном сообществах тематики консолидации вне зависимости от политических взглядов участников публичных дискуссий.

В дискурсе транслируется целый ряд символических образов консолидации, связанных с историей России как историей подвигов солдат и народа, побед русского оружия. Ценностный нарратив опирается на образы полководцев и защитников отечества, на ключевые в истории страны сражения, демонстрирующие силу единства народа. Отмечаются такие ценности как защита Родины, её суверенитета, любовь к ней, подлинный патриотизм, традиционные ценности, вера, обычаи предков, уважение ко всем народам и культурам, важность подвига предков. В дискурсе подчеркивается важность ценностей «антифашизма», направленных на противодействие фальсификации истории, неонацизму, русофобии и расизму.

Ценностное ядро консолидации обозначено в выступлениях Президента, адресованных гражданам России: единство Русской истории и подвигов её оружия, сплоченность общества, уважение и вооруженных сил. В основе консолидации лежат ценности суверенитета, свободы, созидания, справедливости, человеколюбия, милосердия и сострадания. Ключевыми

ценностями консолидации для российского общества, выделенными в дискурсе, являются: традиционные и семейные ценности, культура, язык, преемственность поколений, единство истории государства-цивилизации, патриотизм, гражданственность, многонациональный и многоконфессиональный характер России, а также стремление жить по собственной воле, и «освободительная миссия» российского народа.

Также в дискурсе Президента подчеркивается особая важность реализации государственной политики, направленной на детей и молодёжь. Так, например, в контексте формирования российского движения детей и молодёжи подчеркивается важность учёта интересов данных социальных групп, реализации формирования равных возможностей для их развития, а также их успешной социализации, включая формирование мировоззрения на основе традиционных ценностей, отечественной и мировой культуры, любви и уважения к Отечеству. Особую роль в реализации данного процесса играет образовательная среда. Следует отметить, что одним из самых наглядных примеров реализации данной тематики, является внедрение в образовательную среду цикла внеурочных занятий «Разговоры о важном», который может выступать в роли консолидирующей технологии в рамках формирования системы политического и исторического образования.

Для выявления технологий и способов конструирования политического образования российского общества в условиях современной геополитической повестки нами был проведён экспертный опрос, в котором приняли участие преподаватели общеобразовательной среды и вуза, специалисты по организации воспитательной работы с молодёжью.

Так, по мнению экспертов, в молодежной среде ярко прослеживаются факторы, снижающие уровень политического образования: отсутствие единой идеологии, снижение уровня общегражданской идентичности, тенденция индивидуализации, индифферентные взгляды и искаженные представления о зоне ответственности властных структур.

Среди институциональных недостатков формирования политического образования участники опроса выделяют: фрагментарность политического знания; множество разрозненных молодежных структур, деятельность которых не упорядочена; сложный уровень образовательных программ и, как следствие, трудность в восприятии понятийного аппарата; унифицированные стандарты образования, недостаточная доля базовых политических дисциплин в учебном процессе; нехватка компетентных специалистов, которые транслировали бы молодежи объективное политическое знание.

Большинство экспертов высказали мнение о том, что выстраивание единой качественной системы политического образования должно базироваться на основе доминант, объединяющих молодое поколение. Так, необходимо изучать молодежь как особую социальную группу, выявлять ее потребности и установки, а также заниматься поиском консолидирующих ценностей.

К способам устранения отмеченных недостатков эксперты отнесли: утверждение отечественной политической литературы, ориентированной конкретно на политический дискурс России; проведение социологических исследований, нацеленных на выявление потребностей и особенностей современной молодежи; дифференциация молодежи на подгруппы с целью выбора методов и технологий точечного воздействия на них в рамках политического просвещения; переподготовка кадров и пересмотр учебной литературы; создание единой структуры молодежных политических объединений; постановка вопроса о патриотическом толковании идеологических ценностей российского общества, а также организация эффективного диалога молодежи с акторами публичной политики.

Также опрошенные эксперты-члены РОП и РАПН, субъекты реализации проекта «ДНК России» подчеркнули необходимость развития этого направления и его окончательной институционализации, которая

поспособствует началу нового пути политического образования в современной России.

В заключение отметим ключевые выводы по итогам работы:

– В большинстве научных работ сферы социально-гуманитарного знания основной целью процесса консолидации является нахождение доминант объединения интересов общества и государства с позиции обеспечения целостности и эффективности функционирования и воспроизводства системы публичной политики и гражданского общества. В контексте новых геополитических вызовов прослеживается актуальность политико-социального и исторического дискуса по консолидационной тематике;

– Под выстраиванием системы политического и исторического образования в России следует понимать создание единой институциональной модели конструирования знаний, формирование политической картины мира сквозь грамотную интерпретацию отечественной истории, что позволит молодым гражданам адаптироваться в постоянно изменяющихся социально-политических условиях, а также сформировать политическую позицию и выработать институциональные способы политического участия. Так, формирование политического и исторического образования служит механизмом консолидации российского общества, а также ключевым фактором развития гражданственности и патриотизма;

– Ценностное ядро консолидации обозначено в выступлениях Президента, адресованных гражданам России: единство Русской истории и «подвигов её оружия», сплоченность общества, уважение вооруженных сил. В основе консолидации лежат ценности суверенитета, свободы, созидания, справедливости, человеколюбия, милосердия и сострадания. Также в дискурсе подчеркивается особая роль образовательной среды в реализации государственной политики, направленной на такие социальные группы как дети и молодёжь;

– В настоящий момент необходимо выстраивание единой качественной системы политического образования на основе доминант, объединяющих молодое поколение, утверждение отечественной политической литературы, ориентированной конкретно на политический дискурс России. Возникает потребность в проведении социологических исследований, нацеленных на выявление характеристик и запросов современной молодежи с учётом её дифференцированности, а также в выборе способов и технологий точечного воздействия на каждую отдельную категорию молодёжи в рамках политического просвещения. Важна постановка вопроса о патриотическом толковании идеологических ценностей российского общества, а также организация эффективного диалога молодежи с акторами публичной политики.

THE ROLE OF POLITICAL EDUCATION IN THE PROCESSES OF CONSOLIDATION OF RUSSIAN SOCIETY

D.P. Kolozov 1st year master's student of KubSU
KubSU, Krasnodar, Russia

N.P. Kuzmenko 1st year master's student of KubSU
KubSU, Krasnodar, Russia

Annotation: the article presents modern aspects of the scientific socio-humanitarian discourse devoted to the topic of consolidation and political education. The discourse of the President of the Russian Federation is considered as a starting point for discussing the topic of consolidation in the system of public policy. This discourse highlights the core values and key aspects of the consolidation of Russian society, as well as the role of the educational environment in the construction of state policy in relation to such social groups as children and youth. The modern problems of institutional processes of formation of political education of young citizens are revealed, the technologies of its construction in the system of secondary and higher education are determined.

Keywords: consolidation, political education, new geopolitical reality, discourse.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ФАКТОРЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СЛУЖБ СПАСЕНИЯ

*Элла Куева,
соискатель ученой степени
Майкопского государственного
технологического университета,
г. Майкоп*

Аннотация. Статья раскрывает социокультурные аспекты и факторы функционирования служб спасения России; дается их характеристика как социального института, имеющего свои цели и задачи. Особое место уделяется анализу таких отличительных признаков служб спасения, как культурные образцы, нормы, ценности и символы. Делается вывод о том, что культура социальных взаимодействий всегда была и остается актуальной в деятельности спасателей.

Ключевые слова: службы спасения, МЧС, личность спасателя, имидж спасателя.

Службы спасения представляются социальным институтом, призванным обеспечить защиту общества от различного рода внешних катастроф, будь то природно-климатические, либо техногенные. Первый признак социального института заключается в том, что он как исторически сложившаяся социальная общность удовлетворяет жизненно важную потребность людей в безопасности.

МЧС как институционно определяющая организация имеет законодательную базу, определяющую его основные цели и задачи. Основная цель организации сформулирована в ее названии и состоит в организации гражданской обороны, противодействии чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий.

Такие широкие цели обуславливают значительное число задач, на решение которых направлена деятельность всех подразделений МЧС.

К немаловажным признакам социального института относятся система культурных образцов, норм, ценностей, символов. Данные признаки могут реализоваться неформальным и формальным образом. Их неформальные

выражения, т.е. не оформленные в виде нормативов и законодательных актов, в большей степени характерны для традиционных социальных институтов, таких как семья, религия, искусство и пр.

Для эффективного функционирования социального института спасения не менее важным является наличие неформально закрепленных культурных принципов, норм и ценностей, а также система поведения в соответствии с этими нормами и образцами, выраженная, прежде всего в этическом содержании деятельности спасателей. Рассматривая проблему имиджа офицера МЧС, исследователь К.Н. Киткин выявляет базовые различия между этическими принципами служителей спасательных служб и кадрового состава Вооруженных сил (ВС), замечая при этом наличие общих мотиваций, таких как служение Отечеству, любовь к Родине, мужественность, слияние личной жизни с профессиональной, профессиональное призвание. Отличия заключаются в следующем: целеполагание деятельности офицеров МЧС в значительной мере зависит от внутренних факторов, в то время как для офицеров ВС – от внешних. Боевая готовность служб МЧС реализуется в мирное время и направлена на защиту жизни и имущества населения. Главной задачей кадрового состава ВС является уничтожение противника в ситуации военных действий. Отличительными чертами этики и профессионализма сотрудников МЧС также являются: постоянная готовность к активным действиям; стрессоустойчивость; ценность физической подготовки; знание способов взаимодействия с населением и умение их использовать в чрезвычайных ситуациях[3, с. 13].

Важность формирования и наличия ценностного ядра в процессе формирования высокопрофессиональных кадров в сфере спасения отмечает С.Л. Диденко. На основе социолого-акмеологического подхода он определяет необходимость сублимации ценностно-смысловых форм духовности личности в профессиональную деятельность. В этом случае происходит преобразование ценностей, бытующих в форме общественных идеалов, а также формируются общественные представления о идеальном типе (по М. Веберу) спасателя,

включающие видение его моральных и профессиональных качеств, которые усваиваются личностью, становятся духовным базисом его деятельности[2, с.12]. Исследователь практически доказывает, что в МЧС большая часть кадрового состава обладает основными личностными характеристиками для работы в службах спасения. На основании проведенного им социологического опроса среди служащих белгородского МЧС он выявил, что большая часть специалистов в выборе профессии спасателя мотивировались альтруизмом, желанием самореализации и общественного признания. По полученным данным 51 % опрошенных спасателей пришли работать в МЧС для реализации потребности служить людям, 25% - для более полной реализации своих способностей, 23% - интересной работой. Только 13% респондентов выбрали местом работы МЧС из-за отсутствия другой работы[2, с.15]. Таким образом, исследование С.Л. Диденко подтверждает наличие такого признака социального института спасения, как общественно признанная миссия, цель и идеология.

Службы спасения в России являются практической реализацией социального института, имеющего в наличии все признаки такового. Во-первых, службы спасения представляют собой устойчивую социальную систему, имеющую длительную историю становления, начиная с эпохи возникновения городов. Во-вторых, они удовлетворяют насущную и постоянную потребность общества в защите и спасении человеческих жизней в условиях катастроф, какими представляются пожары, наводнения, землетрясения, а также техногенные катастрофы, регулярно случающиеся, начиная с середины XX века. В-третьих, службы спасения вырабатывают и транслируют социальные нормы и законы социального взаимодействия в ситуации катастрофических происшествий. В-четвертых, в рамках института спасения сложилась специфическая культура, система ценностей, выражающаяся в особом отношении к жизни спасаемых и собственной жизни, способности к риску и работе в экстремальных ситуациях, сраживания

профессиональной и семейной жизни. В-пятых, за службами спасения устойчиво закрепились символика и атрибутика, отражающие основные виды деятельности спасателей и идеологическую основу данной деятельности.

Основным субъектом реализации функций данного института сегодня является мощная организация МЧС России, имеющая сложную многоступенчатую структуру и способная выполнять многообразные задачи по предотвращению чрезвычайных ситуаций катастрофического характера, а также ликвидировать последствия природно-экологических и техногенных катастроф, аварий и локальных инцидентов. В научной литературе отмечается, что в зависимости от уровня опасности чрезвычайной ситуации, ее прогнозируемого или реального масштаба, спасательные службы Единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций (РСЧС) могут функционировать в трех режимах: в режиме повседневной деятельности, при стабильном состоянии производственно-промышленной, радиационной, химической и бактериологической обстановке, при отсутствии эпидемий и долгосрочных работ по ликвидации последствий катастроф природного и техногенного характера; в режиме повышенной готовности при ухудшении производственно-промышленной, радиационной, химической и бактериологической обстановки, а также при прогнозировании сейсмических и иных природных катастроф; в чрезвычайном режиме, в ситуации непосредственного наступления событий катастрофического характера[1, с. 236-237]. Практика показывает, что сегодня МЧС России, являющаяся главной структурой РСЧС, реагирует на все относительно масштабные чрезвычайные ситуации, эффективно устраняя их и их последствия. Наиболее часто приходится действовать структурам МЧС субъектов Российской Федерации, ликвидирующим чрезвычайные ситуации на местном уровне. При крупномасштабных бедствиях мобилизуются федеральные силы МЧС, направляя в места катастроф оперативные группы, относящиеся непосредственно к силам центрального подчинения.

Четко организованная деятельность российских спасательных служб, тем не менее, является элементом социальной культуры общества, и входит в круг многообразных социальных взаимодействий группового и личностного характера. В этой связи авторы книги «Катастрофы и государство» отмечают насущную необходимость Российской службы спасения в общественной поддержке[4, с.5], сетуя на то, что не все люди в должной мере понимают значение их деятельности. В исследовании приводятся слова о том, что последствия катастроф на Чернобыльской АЭС и землетрясения в Армении были бы намного меньше, если бы их ликвидацией занимались специалисты-профессионалы, а не государственные комиссии, состоящие из партийных функционеров и государственных деятелей, принимающих волевые решения[4]. Таким образом, вопросы культуры социальных взаимодействий в сфере деятельности служб спасения не утрачивают своей актуальности.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Владимиров В.А. Роль государства в защите человека. Российская служба спасения и ее место в системе национальной безопасности // Стратегия гражданской защиты: проблемы и исследования. 2012. Т. 2. № 1. С. 236-237.

2. Диденко С.Л. Управление развитием профессиональной компетентности кадров МЧС в регионе автореферат дисс. ... кандидата социологических наук. 2007. Белгород, 2007. С 12.

3. Киткин К.Н. Имидж офицера МЧС в общественном мнении. Автореферат дисс. ... кандидата социологических наук. Екатеринбург, 2008. С. 13.

4. Шойгу С.К., Воробьев Ю.Л., Владимиров В.А. Катастрофы и государство. М.: Энергоатомиздат, 1997. С. 5.

SOCIO-CULTURAL FACTORS IN THE FUNCTIONING OF RESCUE SERVICES

Ella Kueva,
Applicant for a scientific degree
Maikop State
University of Technology, Maykop

Annotation. The article reveals the socio-cultural aspects and factors of the functioning of rescue services in Russia; their characteristics as a social institution with its own goals and objectives are given. A special place is given to the analysis of such distinctive features of rescue services as cultural patterns, norms, values and symbols. It is concluded that the culture of social interactions has always been and remains relevant in the activities of rescuers.

Key words: rescue services, Ministry of Emergency Situations, personality of the rescuer, image of the rescuer.

References:

1. Vladimirov, V.A. The role of the state in the protection of man. Russian Rescue Service and Its Place in the National Security System // Strategy of Civil Protection: Problems and Research. 2012. T. 2. № 1. S. 236-237.

2. Didenko, S.L. Management of the development of professional competence of personnel of the Ministry of Emergency Situations in the region. ... Candidate of Sociological Sciences. 2007. Belgorod, 2007. S 12.

3. Kitkin K.N. Image of an officer of the Ministry of Emergency Situations in public opinion. Abstract of the dissertation. ... Candidate of Sociological Sciences. Ekaterinburg, 2008. P. 13.

4. Shoigu S.K., Vorobyov Yu.L., Vladimirov V.A. Catastrophes and the state. Moscow: Energoatomizdat, 1997. P. 5.

УДК: 304.2

СОВРЕМЕННЫЙ ДИСКУРС О ВЛИЯНИИ ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА ФОРМИРОВАНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ

*Нелли Кузьменко, магистрант
Кубанский государственный университет
Краснодар*
*Александр Посисеев, магистрант
Кубанский государственный университет
Краснодар*

Аннотация: в статье рассматриваются теоретические аспекты составных частей глобализации, дискурс исследователей по основам глобализационных

процессов. Раскрывается оказываемое влияние глобализации на формирование идентичности.

Ключевые слова: глобализация, идентичность, глобальная идентичность, дискурс, информатизация.

В эпоху глобализации возрастает интерес к философскому осмыслению стремительно протекающих мировых процессов, а также их влиянию на формирование собственного «я» или идентичности, отражающей чувство принадлежности к конкретным социальным группам, общностям, устоям и нормам. Все более актуализируются вопросы о том, пойдет ли человечество по пути развития многообразия культур, сохраняя самобытность и идентичность, или растворится в нескончаемом потоке глобализационных процессов, охватывающих как весь мир, так и каждого отдельного человека.

Термин «глобализация» начал употребляться еще в первой половине XX века, вытесняя привычный «мондиализм», означавший процесс установления мирового правления. После публикации статьи американским экономистом Т. Левиттом в 1983 году понятие глобализации стало использоваться в экономическом контексте и обозначало феномен слияния рынков отдельных продуктов, капитала и труда, производимых корпорациями.

По мнению ряда авторов, глобализация была введена как ответ элит на протест против неолиберализма (С. Амин, Б. Кагарлицкий, В. Форрестер и др). Так, концепция глобализации рассматривается в качестве нового идеологического обоснования власти ТНК.

Исследуя влияние глобализационных процессов на формирование идентичности, не стоит ограничиваться экономическим содержанием. Возникает необходимость рассмотрения феномена глобализации в контексте социокультурных изменений, оказывающих воздействие на гражданскую, этническую, религиозную и иные формы идентичности.

По мнению ученых Н. Н. Моисеева, И. Валлерстайна, Г. С. Батыгина, Р. Робертсона глобализация — процесс становления мира как единого,

взаимосвязанного экономического, политического, культурного пространства. Так, процессы глобализации затрагивают все основные сферы общественной жизни, являясь объективной закономерностью, трансформирующей общество и его фундаментальные устои.

По У. Беку глобализация «до основания потрясает самоидентификацию замыкающегося на себя национально-государственного пространства», нередко воспринимается в качестве угрозы слияния культур, этносов, сознания и размывания границ идентичности.

Анализируя научный дискурс, посвященный проблематике глобализации, необходимо выделить известных ученых, затрагивающих в своих работах теоретические основы глобализации: этнокультурную парадигму С. Хантингтона и К. Санторо, неомондиализм Ф. Фукуямы, теорию конвергенции З. Бжезинского, принципы геοэкономики Ж. Атали, теорию культурно-исторических типов Н. Я. Данилевского и многих других.

Так, согласно этнокультурной парадигме С. Хантингтона отличительной чертой данного направления является представление о том, что наиболее существенным фактором современного и будущего устройства мира выступает не столько экономика, а этно-культурное разнообразие и соответственно идентичность.

Неомондиализм Ф. Фукуямы является программной идеей по вопросу об организации процесса моделирования либеральной демократии. Задачей неомондиалистской программы выступает глобальная опора на идеи равенства и свободы в массовой интеграции стран и народностей.

Конвергенция поднимает следующие темы: можем ли мы наблюдать сегодня в глобальном масштабе сближение ценностей и норм? Можно ли констатировать сближение различных стран по уровню жизни или наоборот — отдаление через растущее неравенство? Восток и Запад, развивающиеся и развитые страны — сможем ли мы наблюдать постепенное исчезновение границ между ними в свете сближения?

Жак Аттали считает, что доминанция на всей планете единой либерально-демократической идеологии и рыночной системы вместе с развитием информационных технологий приводит к тому, что мир становится единым и однородным. Касательно «геоэкономики» это особая версия мондиалистской геополитики, которая рассматривает приоритетно не географические, культурные, идеологические, этнические, религиозные и прочие факторы, составляющие суть собственно геополитического подхода, но чисто экономическую реальность в ее отношении к пространству. Для «геоэкономики» совершенно не важно, какой народ и где он проживает, какова его история, культурные традиции и т.д.

Н. Я. Данилевский, анализируя историю пришел к выводу о том, что периодизацию исторического процесса следует совершать на базе культурно-исторических типов, представляющих собой самобытные цивилизации. Были выделены следующие цивилизации: 1) египетский; 2) китайский; 3) ассирийско-вавилоно-финикийский, халдейский, или древнесемитический; 4) индийский; 5) иранский; 6) еврейский; 7) греческий; 8) римский; 9) ново-семитический, или арабийский, и 10) германо-романский, или европейский. Из анализа культурно-исторических типов или цивилизаций Данилевский выводит некоторые общие принципы или законы. Во-первых, любой народ или группа народов может составлять один культурно-исторический тип, если говорят на одном языке или на близких языках. Во-вторых, для возникновения цивилизации необходима политическая независимость. Это очень глубокая мысль русского философа. В самом деле, народ должен иметь собственное государственное образование, ибо без такого государственного образования, без политической автономии невозможно развивать свою культуру, сохранить свои обычаи и традиции, создавать свои материальные и духовные ценности.

Э. Фромм отмечал стремление современного человека к индивидуализации и атомизации. Ослабление традиционных ценностей и укрепление экономической самостоятельности позволили человеку отделиться,

несмотря на глобальный мир. Так, вопреки социальным сетям, единым стандартам и нормам, человек ощущает себя одиноким и не принадлежащим к конкретной позиции. Индивид может быть физически одинок, но при этом связан с какими-то идеями, моральными ценностями или хотя бы социальными устоями, что дает ему чувство общности и принадлежности. Этническое самоопределение – один из способов найти эту принадлежность и избежать ощущения одиночества, который служит и механизмом консолидации общества.

На основе дискурс-анализа научных работ, проделанного в ходе написания статьи, можно выделить основные характеристики глобализации:

- регионализация мировой экономики;
- распространение телекоммуникационных систем;
- размывание границ между внутренней и внешней политикой;
- концепция «плавильного котла» и создание единой планетарной культуры;
- вестернизация, унификация, насаждение единых культурных стандартов;
- космополитическое сознание, неономадизм;
- утрата самобытности и снижение уровня общегражданской, этнической, культурной идентичности.

По мнению политолога С. В. Кортунова, на обострение проблем национальной идентичности влияют следующие факторы глобализации: демократизация, экономизация, информатизация, миграция, культурная унификация.

Демократизация оказывает неоднозначное значение на национальную идентичность. Этот процесс требует соблюдения государством единых правил во внутренней и внешней политике, он призван защищать интересы личности и ее права, которые являются более приоритетными, чем интересы конкретного общества или государства. Таким образом, стираются границы между внешней

и внутренней политикой, а государственная политика становится зависимой от демократических механизмов, навязанных либеральных ценностей.

Одновременно национальная идентичность находится в тесных рамках экономизации, формирующей единое мировое экономическое пространство. Национальное развитие и национальная безопасность не могут существовать в условиях изоляции. Единственный метод защиты национальных интересов – это интеграция в мировую систему, которая приводит к размыванию границ идентичности.

Информатизация создает глобальное сетевое общество, открывает доступ ко всем ценностям человечества, приумножает интеллектуальный фонд, тем самым формирует устойчивое общественное развитие, благополучие, открывает каналы межличностного взаимодействия. Однако информационные технологии формируют новые технологии манипуляции общественным сознанием со стороны более развитых стран в рамках мирового противоборства, создавая угрозу национальной идентичности. Более того информатизация способствует распространению массовой культуры во всем мире, которая пренебрегает традиционными культурными ценностями и языками отдельных народов. Результат информационной открытости – культурная стандартизация, унификация, шаблонность.

Глобализация стирает границы между различными культурами, ориентирует население мира на западные нормы и ценности, приводит к мировой конкуренции. В таких обстоятельствах сохраниться могут только те культуры, которые быстро приспособятся к стремительно меняющимся условиям, не теряя при этом своего многообразия. Однако многие культуры не выдержали натиска культурной унификации, порожденной глобализацией. Они существуют, но сохраняют лишь незначительные черты национального своеобразия.

Глобальный мир не представляется без владения одним или более иностранными языками. Англицизмы, к примеру, уже давно проникают в

самобытные языки. Распространяется феномен пуризма — борьбы за чистоту языка от заимствований. Он существовал и ранее, однако в эпоху глобализации приобретает более заметные масштабы. На государственном уровне это проявлено во Франции, где существуют законы, относящиеся к государственным служащим, призванные оградить французский язык от англоязычных заимствований. Недавний пример: закон, предписывающий избегать слова хештег (ключевое слово сообщения, отмеченное значком # для облегчения поиска в интернет) и заменять его словом *mot-diese*, «слово-решетка».

Утрата национальной идентичности государством означает потерю не только исконных ценностей, но и большей части его национального суверенитета. Это ведет к отказу от собственных интересов, неспособности к самостоятельной внутренней и внешней политике. Твердая же опора на свои национальные идентификационные коды, историческую, культурную, этническую специфику, позволяет проводить свою политику, основанную на четко осознанных и сформулированных национальных интересах.

Виртуальное пространство интернета существует параллельно реальному, позволяет человеку испытать опыт бытия «другим», что делает идентичность человека в целом более гибкой и адаптивной. В эпоху глобализации идентичность становится изменчивой, а индивид не осознает принадлежность к конкретной группе или сообществу.

Глобализация оказывает влияние на идентичность стран и народов мира, растворяет ее в глобальных процессах демократизации, экономизации, демократизации, миграции, информатизации. Возникает глобальная культура, кухня, стиль жизни и пр. С этим усиливается и такое явление как - космополитизм. Космополит человек, признающий своей родиной всю планету, а не только отдельно взятую страну. Глобализация, так или иначе, продолжит охватывать все страны, а с ним и мир. Изучение и научный дискурс

о динамике глобализации, ее качествах и дальнейшем ее развитии и влиянии ее на формирование идентичности будет продолжаться.

MODERN DISCOURSE ON THE IMPACT OF GLOBALIZATION PROCESSES ON THE FORMATION OF IDENTITY

N. P. Kuzmenko 1st year master's student of KubSU
KubSU, Krasnodar, Russia

A. N. Posiseev 1st year master's student of KubSU
KubSU, Krasnodar, Russia

Annotation: in the article considers the features of the composition of the parts of globalization, the discourse of events on the basis of global processes. The impact of globalization is revealed, to the formation of identity.

Keywords: globalization, identity, global identity, discourse, informatization.

УДК 338.24(476)

РИСКИ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ УГРОЗЫ ЭПОХИ ЦИФРОВИЗАЦИИ

*Екатерина Полякова, студент
Институт Социологии и регионоведения ЮФУ
Ростов-на-Дону*

Аннотация: Современный социум уже не может представить существование без многочисленного разнообразия технических средств, которые ежедневно используются нами. Технологии, с одной стороны, стали нашими незаменимыми помощниками, они облегчают нашу жизнь, вносят разнообразие в повседневность. При этом достижения науки и техники прочно внедрились в разные сферы общественной жизни, позволив сделать новый виток в развитии экономики, разработав средства цифровой экономики,

электронных валют и рынков, в политике, делая работу государственных структур и методов управления более передовыми и быстродействующими, в сфере культуры и социальной жизни общества, преподнося всё новые формы взаимодействия людей их интерпретации. Мы понимаем, что на сегодняшний день цифровизация стала глобальным трендом, распространившимся по всей планете. Но нельзя забывать, что, как и любое глобальное явление, цифровизация носит двойственный характер, сопряженный с рисками и угрозами, развивающимися именно благодаря широкому распространению достижений научно-технического прогресса. Изучение феномена цифровизации и её последствий всегда было достаточно актуально, но мы отметим, что особый интерес изучение этого явления и отношения людей к нему в последнее время вызван особой ситуацией в поле российского социума. В связи с геополитической ситуацией, введёнными в сторону России санкциями и прекращением сотрудничества с многими крупными зарубежными корпорациями мы можем говорить о преодолении возникших вызовов, связанных с дальнейшим распространением процесса цифровизации в нашей стране.

Ключевые слова: цифровизация, риски, цифровое общество.

Как сильно изменился наш мир в процессе развития и быстрого взлёта научно-технического прогресса. Переход к постиндустриальному обществу смог произойти в короткие сроки, и с этого момента процесс распространения инноваций уже не останавливался, а лишь наращивал свои темпы, с каждым годом всё больше и больше. Изменилась инфраструктура, схемы управления обществом, каналы распространения информации, даже повседневность человека перевернулась и кардинально поменялась, о чём было написано огромное количество работ. Неотъемлемым процессом в череде этих перемен стала глобальная цифровизация, распространившаяся на все сферы жизни общества. Однозначного мнения, связанного с этим явлением, нет. Но мы

постараемся отметить основные характеристики феномена цифровизации, отношение к ней и её последствиям.

Можно отметить, что эта тема привлекала многих исследователей как зарубежных, так и отечественных. Среди значимых авторов, работающих над пониманием и описанием феномена цифровизации можно выделить: Й.А. Шумпетера, Д. Тапскотта, Н. Негропonte, К. Переса, Урасову А.А., Д.С. Львова, С.Ю. Глазьева. По большей степени они рассматривали данное явление в рамках влияния на экономическую сферу и развития общества потребления, где одним из главных ресурсов становится информация и навыки работы с ней. Влияние цифровизации на современный социальный мир описывали: К. Гир, П. Левинсон, Дж. Маккарти, А. Н. Козырев, М. В. Кузнецова, Е.Е. Елькина, Г. У. Солдатова и др. Также цифровизацию изучали в аспекте её рисков и социокультурных угроз. Существуют знаменитые работы зарубежных авторов У. Бека, Э. Гидденса, Н. Лумана, посвященные данной теме, а также исследования отечественных: Аетдиновой Р. Р., Н. Г. Воскресенской, М.И. Рыхтик, Т. В. Барановой и пр.

На сегодняшний день за распространением и влиянием цифровизации внимательно следят. Очевиден тот факт, что в разных странах уровень погруженности и доступности различных технологий находится на разных уровнях. Для наблюдения за этими показателями мировым сообществом был выверен определённый индекс распространения цифровизации в стране, учитывающий доступность технологий, долю активных пользователей, а значит и степень влияния инноваций на всё общество. Мы можем обратиться к индексу цифровизации государства (DEI - Digital Evolution Index), расчёты которого были проведены в 2017 году компанией Mastercard совместно со Школой права и дипломатии имени Флетчера при университете Тафтса (США). Исследователи сделали вывод, что в цифровом рейтинге лидируют Норвегия,

Швеция и Швейцария. Далее в топ-10 входят США, Великобритания, Дания, Финляндия, Сингапур, Южная Корея и Гонконг. [1]

Изначально под термином «цифровизация» понимали лишь оцифровку данных, т.е. перевод информации в цифровой вид для последующего хранения, обработки или передачи данных, но по ходу нарастания цифровизации в глобальном масштабе стало понятно, что феномен включает больше, чем просто оцифровку. Мы можем выделить следующее понятие: «Цифровизация – это современный этап развития информатизации, отличающийся преобладающим использованием цифровых технологий генерации, обработки, передачи, хранения и визуализации информации, что обусловлено появлением и распространением новых технических средств и программных решений». [3] Данный термин закрепляет рассматриваемое явление в категории глобального, связанного со стремительным и даже пугающе быстрым, развивающимся по средствам создания технических средств. Среду главных технологий, благодаря которым цифровизация столь быстро стала расползаться по всему земному шару, можно отметить персональный компьютер (ПК) и глобальная сеть Интернет. Именно после создания и начала массового использования данных средств колоссально возросла скорость передачи информации и данных, очень снизилась стоимость хранения данных т.к. появились электронные библиотеки, с каждым годом увеличивалась вычислительная мощность компьютеров, совершенствующихся всё больше и больше.

Конечно, в этой связи мы можем выделить большое количество позитивных аспектов: появление новых форм взаимодействия и распространения информации; хранение больших баз данных; неограниченный доступ к широком спектру возможностей в Сети; появление новых инструментов в поле экономики, цифровые рынки с большим предложением товаров и услуг; возможности работы онлайн; усовершенствованные технологии в работе государственных учреждений, которые перешли в

цифровое поле и могут оказывать услуги онлайн; новые системы безопасности в сети Интернет и реальной жизни, которые пресекают возможные преступления; уникальные формы в культуре и творчестве, использующие достижения науки и техники для создания искусства или специальных работ, а также многое другое. Как мы понимаем, это лишь малая часть возможных плюсов цифровизации в нашей жизни, данный список можно продолжать, обратив внимание буквально на любую сферу. И, кроме того, мы не упомянули использование гаджетов, которые буквально могут совмещать в себе всё, что нужно человеку для существования: от общения и взаимодействия с другими, до заказа продуктов питания, бытовых приборов и др.

Но нам бы хотелось обратить внимание на риски и реальные угрозы цифровизации. Некоторые эксперты утверждают, что часто проблемы, связанные с цифровизацией преуменьшают или же стараются скрыть и снизить к ним внимание. Во многом это связано с тем, что люди и сами знают о этих проблемах, но крупные компании не делают на этом акцент, т. к. это невыгодно для развития инноваций и последующего продвижения их на рынке. Но эти риски есть и к ним нужно относиться внимательно.

Из реальных угроз, которые уже чётко видны в рамках нашего социума, по мнению Н. Касперской, является «кампанейщина» в цифровизации, т. е. чрезмерно быстрое и абсолютно не систематизированное её распространение, которое никак не регламентируется и мало контролируется и со стороны государства, и со стороны обычных пользователей. Мы видим полное отсутствие системности или плановости, только рыночный неконтролируемый спрос и огромный уровень предложения, которое поступает пользователю со всех сторон. «То, что сейчас происходит с цифровизацией – напоминает перестройку и ускорение 80-х, когда говорили, что сейчас побегут и все ускорят. Сейчас говорят, что побегут и все цифровизуют. Цифровизация зачастую идет ради самой цифровизации». [2]

Чем объясняется такая ситуация? На первый взгляд кажется, что неконтролируемым процесс стал из-за слишком большого потока информации, который даже физически нельзя обуздать или правильно распределив, не ограничив права и свободы граждан. Но это лишь малая часть проблемы. Ведь многие решения по внедрению и работе цифровых технологий, программ и схем, даже применительно к России, берутся уже в готовом виде. И часто такие готовые схемы заимствуются с иностранного рынка, а не конструируются в отечественных реалиях. Конечно, это достаточно удобно, действует быстро и эффективно. Но никто не задумывается о возможных последствиях. И именно после введения санкций наша страна остро ощутила нехватку в аналогах и вспомогательных средствах.

И именно из этого возрастает большой пласт угроз, которые мы можем выделить, опираясь на ту самую проблему «кампанейщины»:

- проблемы мошенничества и хищения данных;
- постоянно растущее количество данных и их утечки;
- различные сбои, отказы и ошибки в работе телекоммуникационных систем и баз данных;
- постоянная зависимость от поставщиков и «софтов» зарубежных производителей [2].

В то же время мы можем говорить и о социокультурных угрозах быстрой цифровизации, всё чаще становящимися предметом обсуждения. Во многом эти угрозы обуславливаются качеством взаимоотношений между людьми, разделением социума условно на два мира (реальный и виртуальный) и следующие за этим изменения. Среди них отмечается проблема разрыва связи и понимания между представителями разных поколений, угрозы цифровизации сферы образования, изменение ценностных парадигм с дальнейшим распространением аморального поведения и насилия. И это только часть проблем, которые сейчас наиболее распространены, но мы также можем

говорить в всей социальной сфере, о колоссальном цифровом разрыве в плане качества использования технологических благ, например.

Таким образом, становится понятно, что цифровая трансформация создает как возможности, так и серьезные риски для благополучия людей. Отмеченные нами проблемы требуют тщательной проработки и привлечения к ним внимания, не только со стороны цифровой безопасности, но и в плане построения надёжной и актуальной для современной России цифровой культуры. Да, цифровое пространство и новые технологии будут нести с собой изменения и опасности, но при внимательном использовании в наших силах направить поток новой информации и технологические возможности на решение проблем современного российского социума.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Mastercard и Школа права и дипломатии им. Флетчера представили рейтинг Digital Evolution Index 2017 [Электронный ресурс] URL: <https://clck.ru/EmR2k> (Дата обращения: 22.02.2023)

2. О рисках, угрозах и отсутствии системности в цифровизации. [Электронный ресурс] URL: <https://inlnk.ru/xvYzvX> (Дата обращения: 25.02.2023)

3. Хомякова, С.С. Трансформация и закрепление термина «цифровизация» на законодательном уровне /// Молодой ученый. № 41 (279). С. 9-12. 2019.

RISKS AND SOCIOCULTURAL THREATS OF THE DIGITALIZATION ERA

Ekaterina Polyakova, student
Institute of Sociology and Regional Studies of SFU
Rostov-on-Don

Abstract: Modern society can no longer imagine existence without a large variety of technical means that we use every day. Technologies, on the one hand, have become our irreplaceable assistants, they make our lives easier, bring variety to everyday life. At the same time, the achievements of science and technology have been firmly embedded in various spheres of public life, making it possible to make a

new round in the development of the economy, developing means of the digital economy, electronic currencies and markets, in politics, making the work of state structures and management methods more advanced and fast-acting, in the field of culture and social life of society, presenting all new forms of interaction people of their interpretation. We understand that today digitalization has become a global trend that has spread all over the planet. But we must not forget that, like any global phenomenon, digitalization is of a dual nature, fraught with risks and threats, developing precisely due to the widespread dissemination of scientific and technological progress. The study of the phenomenon of digitalization and its consequences has always been quite relevant, but we note that the special interest in studying this phenomenon and people's attitudes towards it has recently been caused by a special situation in the field of Russian society. Due to the geopolitical situation, the sanctions imposed on Russia and the termination of cooperation with many large foreign corporations, we can talk about overcoming the challenges associated with the further spread of the digitalization process in our country.

Keywords: digitalization, risks, digital society.

References

1. Mastercard and School of Law and Diplomacy. Fletcher presented the Digital Evolution Index 2017 [Electronic resource] URL: <https://clck.ru/EmR2k> (Date of access: 02/22/2023)
2. About risks, threats and lack of consistency in digitalization. [Electronic resource] URL: <https://inlnk.ru/xvYzvX> (Date of access: 25.02.2023)
3. Khomyakova S.S. Transformation and consolidation of the term "digitalization" at the legislative level /// Young scientist. No. 41 (279). pp. 9-12. 2019.

УДК 323.22/.28

ВОЗМОЖНОСТИ КОНСОЛИДАЦИИ ГОРОДСКИХ СООБЩЕСТВ В РАМКАХ ОБЩЕСТВЕННЫХ СТРУКТУР ПРИ ОРГАНАХ ВЛАСТИ

*Эльвира Орфаниди, соискатель
Кубанский государственный университет
Краснодар*

Аннотация. В статье представлены результаты концептуального анализа возможностей городских сообществ по отстаиванию своих интересов в процессах принятия решений относительно городских конфликтов. Рассматриваются основные факторы, оказывающие влияние на расширение либо сужение этих возможностей. Определяются ключевые направления и задачи исследования данной проблематики.

Ключевые слова: городское конфликт, городские сообщества, группы интересов, принятие политических решений, консолидация.

Городские сообщества, рассматриваемые нами как группы интересов локального уровня, имеют возможность «входа» в формирование актуальной повестки дня в местной политике. При этом их удельный вес может ограничиваться рядом факторов, связанных с численностью, структурой и деятельностью самих сообществ. Так, агрегирование интересов и артикулирование требований в публичной сфере требуют достаточного уровня организованности и наличия лидеров, имеющих полномочия представлять сообщество. Для продвижения интересов сообщества необходимы социальные и экономические ресурсы. Важным фактором является численность сообщества и наличие активного «ядра» участников, что обеспечивает репрезентативность представительства интересов.

Большое значение имеют и внешние факторы, связанные политико-режимными характеристиками пространства публичной политики. В частности, на муниципальном уровне они проявляются в функционировании городских политических режимов, представляющих собой различного типа коалиции с участием городских властей, бизнеса, действующего на территории города, и, возможно, городских сообществ, которые в этом случае получают возможность выражать и отстаивать свои интересы. Наличие в составе коалиции сообществ, степень их участия в формировании повестки дня, принятии и реализации решений в данном случае являются маркерами влияния.

Как отмечают российские исследователи, в крупных российских городах в 2010-х гг. происходит унификация локальных политических порядков, связанная с централизацией власти и сокращением автономии городов. В большинстве из них устанавливаются политически неконкурентные городские режимы, в которых бизнес преимущественно связан с партией власти [3]. Как правило, бизнес широко представлен в городских структурах представительной власти, чему способствует внедрение смешанной системы их избрания, а также часто находится в особом отношении с городскими администрациями.

Способность городских сообществ мобилизоваться и оказывать существенное влияние на принятие решений в этих условиях связана с достаточной плотностью организационных структур [2] (НКО, отделения политических партий, низовые движения, соседские сообщества), которой не наблюдается в большинстве крупных российских городов. Данное обстоятельство также препятствует кооптации более или менее значительной части активистов в структуры публичной политики.

Важным фактором, препятствующим консолидации городских сообществ, в большинстве крупных российских городов является модель формирования исполнительной власти. Как отмечает В. Б. Слатинов, распространение модели «сильного мэра», избираемого не горожанами, а конкурсной комиссией, состав которой формируется при участии главы региона, приводит к отчуждению граждан от системы политико-административного управления и решения значимых вопросов городской политики. Её основными акторами становятся региональная исполнительная власть и наиболее влиятельные группы интересов, представленные в органе представительной власти [8]. В этой ситуации затруднено и представительство их интересов через депутатский корпус.

Таким образом, сообщества имеют ограниченные возможности для представительства своих интересов на муниципальном уровне, участия в

формировании политической повестки дня и принятии решений по поводу конфликтов, происходящих в городском пространстве. Одним из немногих каналов представительства могут выступать общественные структуры при органах власти (общественные палаты, консультативные, экспертные, общественные советы при городских администрациях и др.). В современных исследованиях политического управления городскими конфликтами [5] и возможности сообществ участвовать в сформировавшихся управленческих практиках структурам такого типа внимание уделяется относительно редко.

Одной из проблем городской политики в РФ на данном этапе является недостаточное участие данных структур в обеспечении конструктивного характера принятия решений в процессах политического управления городскими конфликтами. Необходимо определить основные возможности их деятельности по обеспечению консолидации городских сообществ и исследовательские задачи, в рамках которых может быть проведён анализ их роли, функций и значения в этих процессах.

Первой из таких задач, по нашему мнению, должно являться определение понятия общественных структур в конфликте, и, исходя из него, круга социальных объектов исследования.

Второй задачей является определение характеристик общественных структур, исходя из сложившейся в рамках неоинституционального подхода дилеммы «институт или актор?» [10]. В этом контексте мы можем рассматривать общественные структуры как в роли коллективных акторов политического процесса, так и в роли институтов, обеспечивающих взаимодействие индивидуальных акторов. На наш взгляд, общественные советы и прочие структуры такого типа могут быть рассмотрены во втором значении, т.к. являются каналами обеспечения взаимодействия городских сообществ с органами власти.

Третья задача связана с формированием концептуальных рамок исследования. Помимо традиционного конфликтологического подхода, здесь

могут быть интересны такие концепты, как «структуры-посредники» [9], а также «публичное оспаривание» [7] на уровне городской политики. Эти исследовательские подходы позволяют нам рассмотреть как институциональный, так и процессуальный компоненты деятельности общественных структур в городских конфликтах.

Проведенный нами в рамках поставленных задач анализ свидетельствует об относительно небольшой роли этих структур в процессах принятия политических решений. Их деятельность во многом имеет имитационный характер, что, на наш взгляд, во многом связано с существенными расхождениями в диспозициях основных «игроков» городского пространства, контролирующих ресурсы и оказывающих решающее воздействие на определение стратегии развития, неадекватностью их целевых установок стратегии консолидации [1]. Имитационные практики отражаются в конкретных решениях, принимаемых при участии структур такого типа – скорее символическом, нежели реальном. Так, в г. Краснодаре весной 2019 общественная палата города внесла предложение о переименовании Театральной площади в Главную городскую. Однако большинство горожан, как выяснилось в ходе опросов общественного мнения, не поддержали данную инициативу [4]. Тем не менее, она всё равно была принята депутатами городской думы [6].

В этом случае действия общественной структуры, связанные с принятием политического решения, скорее могли вызвать конфликт, нежели помочь его урегулировать. В данном контексте важным представляется вопрос, связанный с реальным представительством городских сообществ в общественной структуре. Формирование общественных палат, советов происходит без прямого участия горожан, поэтому без подробного анализа персонального состава таких структур сложно оценить их по данному критерию. Однако логика их деятельности во многом свидетельствует, что интересы городских сообществ представлены недостаточно.

Таким образом, подводя предварительные итоги исследования, можно сделать вывод, что в концептуальном плане общественные структуры могут рассматриваться, как один из возможных институтов консолидации городских сообществ и выражения их интересов, однако на практике эта функция достаточно ограничена.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Бабинцев, В.П., Гайдукова, Г.Н., Шаповал, Ж.А. Консолидация городских сообществ: предпосылки и ограничители // *NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право. Право*. 2021. № 46 (3). С. 592–597.

2. Бедерсон, В.Д. Московских окон негасимый свет: коммуникационные и организационные факторы гражданской и политической активности в районах Москвы // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2022. № 25 (2). С. 158–175.

3. Бедерсон, В., Шевцова, И. Застройщики, партия власти и немного конкуренции в российских миллионниках: типология городских режимов в 2010-е гг. // *Журнал исследований социальной политики*. 2021. № 19 (2). С. 285–300.

4. Главная и Казачья. Кто и зачем переименовал площади в Краснодаре? // *Yuga.ru*. URL: <https://www.yuga.ru/articles/society/8765>

5. Кольба, А.И. Исследование региональных и городских политических конфликтов: основные концепты и перспективы развития субдисциплин // *Политическая наука*. 2020. № 3. С. 52–73.

6. Почему в Краснодаре переименовали Театральную и Екатерининскую площади // *РБК*. URL: <https://kuban.rbc.ru/krasnodar/15/04/2019/5cb48d149a79472cfd8449dd>

7. Савенков, Р.В. «Публичное оспаривание» в современных условиях: понятие, виды и формы // *Ценности и смыслы*. 2020. №2. С. 36–51.

8. Слатинов, В.Б. Выбор модели управления городом как фактор консолидации городских сообществ (на примере административных центров регионов Черноземья) // *NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право*. 2021. № 46 (4). С. 794–798.

9. Сунгуров, А.Ю., Захарова, О.С., Петрова, Л.А., Распопов, Н.П. Институты-медиаторы и их развитие в современной России. 1. Общественные палаты и консультативные советы: федеральный и региональный опыт // *Полис: Политические исследования*. 2012. №1. С. 165–178.

10. Scharpf F. *Games Real Actors Play: Actor-centered institutionalism in policy research (theoretical lenses on public policy)*. Boulder, Colorado: Westview, 1997.

OPPORTUNITIES FOR CONSOLIDATION OF URBAN COMMUNITIES WITHIN PUBLIC STRUCTURES AT THE AUTHORITIES

Jel'vira V. Orfanidi,
applicant of the department public policy
and public administration Kuban State University

The article presents the results of a conceptual analysis of the possibilities of urban communities to defend their interests in decision-making processes regarding urban conflicts. The main factors influencing the expansion or narrowing of these opportunities are considered. The key directions and objectives of the study of this issue are determined.

Keywords: urban conflict, urban communities, interest groups, political decision making, consolidation.

References:

1. Babincev V.P., Gajdukova G.N., Shapoval Zh.A. Konsolidacija gorodskih soobshhestv: predposylki i ogranichiteli [Consolidation of urban communities: prerequisites and constraints] // NOMOTHETIKA: Filosofija. Sociologija. Pravo. Pravo. 2021. № 46 (3). P. 592–597.
2. Bederson V.D. Moskovskih okon negasimyj svet: kommunikacionnye i organizacionnye faktory grazhdanskoj i politicheskoy aktivnosti v rajonah Moskvyy [An Influential Light of Moscow Windows: Communication and Organizational Factors of Civil and Political Activity in Moscow Districts] // Zhurnal sociologii i social'noj antropologii. 2022. № 25 (2). P. 158–175.
3. Bederson V., Shevcova I. Zastrojshhiki, partija vlasti i nemnogo konkurencii v rossijskikh millionnikah: tipologija gorodskih rezhimov v 2010-e gg. [Developers, the Party of Power and a Bit of Competition in Russia's Million-Plus Cities: A Typology of Urban Regimes in the 2010s] // Zhurnal issledovanij social'noj politiki. 2021. № 19 (2). P. 285–300.
4. Glavnaja i Kazach'ja. Kto i zachem pereimenoval ploshhadi v Krasnodare? [Main and Cossack. Who renamed the squares in Krasnodar and why?] // Juga.ru. URL: <https://www.yuga.ru/articles/society/8765>
5. Kol'ba A.I. Issledovanie regional'nyh i gorodskih politicheskikh konfliktov: osnovnye koncepty i perspektivy razvitiya subdisciplin [The study of regional and urban political conflicts: the main concepts and prospects for the development of subdisciplines] // Politicheskaja nauka. 2020. № 3. P. 52–73.
6. Pochemu v Krasnodare pereimenovali Teatral'nuju i Ekaterininskiju ploshhadi [Why Krasnodar renamed Theater and Ekaterininskaya squares] // RBK. URL: <https://kuban.rbc.ru/krasnodar/15/04/2019/5cb48d149a79472cfd8449dd>

7. Savenkov R.V. «Publichnoe osparivanie» v sovremennyh uslovijah: ponjatie, vidy i formy ["Public challenging" in modern conditions: concept, types and forms] // Cennosti i smysly. 2020. №2. P. 36–51.

8. Slatinov V.B. Vybor modeli upravlenija gorodom kak faktor konsolidacii gorodskih soobshhestv (na primere administrativnyh centrov regionov Chernozem'ja) [The Choice of a City Management Model as a Factor in the Consolidation of Urban Communities (on the Example of the Administrative Centers of the Chernozem Region)] // NOMOTHETIKA: Filosofija. Sociologija. Pravo. 2021. № 46 (4). P. 794–798.

9. Sungurov A.Ju., Zaharova O.S., Petrova L.A., Raspopov N.P. Instituty-mediatory i ih razvitie v sovremennoj Rossii. 1. Obshhestvennye palaty i konsul'tativnye sovety: federal'nyj i regional'nyj opyt [Institutions-mediators and their development in modern Russia. 1. Public Chambers and Advisory Councils: Federal and Regional Experience] // Polis: Politicheskie issledovanija. 2012. №1. P. 165–178.

10. Scharpf F. Games Real Actors Play: Actor-centered institutionalism in policy research (theoretical lenses on public policy). Boulder, Colorado: Westview, 1997.

159.923.2

ВЗАИМОСВЯЗЬ МОТИВАЦИИ ДОСТИЖЕНИЯ С КОМПОНЕНТАМИ САМООТНОШЕНИЯ У СТУДЕНТОВ

Алексей Пачин, студент
Северо-Кавказский федеральный университет
Ставрополь

Научный руководитель
Гапич Александр Эрикович
кандидат социологических наук,
доцент кафедры социологии СКФУ
Ставрополь

Аннотация. В статье представлены результаты комплексного междисциплинарного исследования проблемы взаимосвязи компонентов самоотношения студентов с их мотивацией достижения.

Ключевые слова. Мотивация, самоотношение, студенты, компоненты самоотношения, мотивация достижения.

Проблема формирования и гармоничного развития личности затрагивает как психологию, так и социологию. Отмечается, что для этого у индивида должно быть устойчивое позитивное самоотношение, которое позволяет ему достигать поставленных целей и в целом добиваться успеха. Помимо самоотношения, на развитие личности оказывает влияние мотивация достижения. Она пронизывает все сферы деятельности человека, выступая в качестве движущей силы развития психики.

Вместе с тем, вопрос о взаимосвязи мотивации достижения с самоотношением личности остается не до конца разрешенным. В частности, можно отметить, что мотивация является движущей силой поведения, а самоотношение – элементом, оказывающим регулирующее влияние на аспект этого действия, но, тем не менее, данный вопрос все еще требует глубокого рассмотрения. Еще один вопрос заключается в том, что самоотношение и мотивация достижения долгое время рассматривались в психологии и социологии изолированно друг от друга. Вместе с тем, совершенно очевидно, что такая сложная по своей сути проблема не может быть решена силами каждой из наук по отдельности. Возникает необходимость глубокого междисциплинарного изучения темы взаимосвязи мотивации достижения с компонентами самоотношения у студентов.

Самоотношение является важным понятием в социологической науке, психологии и психиатрии, отражающим отношение человека к самому себе и своей жизни. Позитивное самоотношение может быть связано с улучшением физического и психического здоровья, а также с характером и интенсивностью взаимодействий с другими людьми. В рамках теории самоотношения личности особый интерес представляют труды Н. И. Сарджвеладзе, В. В. Столина и С. Р. Пантилеева.

Н. И. Сарджвеладзе одним из первых ввел понятие «самоотношение». Согласно его взглядам, это отношение к себе в ситуации удовлетворения потребности [7, с. 175]. Сарджвеладзе выделил следующие три общих компонента самоотношения [7, с. 176]: когнитивный компонент, который характеризуется умением анализировать и рефлексировать собственную деятельность и поступки, сравнивая их с общепринятыми эталонами и нормами; эмоциональный компонент основывается на параметрах отношений личности (симпатия или антипатия, близость или отдаленность, уважение или неуважение); коннотативный компонент, которых можно охарактеризовать, как направленные в отношении себя действия, качественно обусловленные отношением личности к самому себе.

Достаточно полно и содержательно тема самоотношения разобрана в трудах В. В. Столина и С. Р. Пантилеева. Психологи дают следующее определение данного понятия [3, с. 265]: «Самоотношение – это сложная уровневая эмоционально-оценочная система, которая включает в себя девять модальностей: открытость, самоуверенность, саморуководство, отраженное самоотношение, самооценочность, самопринятие, самопривязанность, внутренняя конфликтность, самообвинение». Авторы придерживались позиции о том, что самоотношение представляет собой иерархическую систему, связанную с мерой удовлетворения ведущих мотивов и потребностей. В данной системе можно выделить три уровня: самоуважение, аутосимпатия и самоуничижение [8]. Отдельно С. Р. Пантилеев включил в структуру самоотношения две подсистемы: подсистему самооценок и подсистему эмоционально-ценностных отношений – переживания отношения к окружающей действительности через систему морально-нравственных критериев, принятых в обществе [10].

В социологии существует несколько подходов к исследованию самоотношения. Так, теория самоидентификации утверждает, что мы формируем представление о себе на основе того, как нас видят другие; в рамках теории саморегуляции утверждается, что мы стремимся к достижению

определенных целей, и наше поведение определяется ожиданиями и оценками собственного поведения; теория символического интеракционизма утверждает, что представление о себе формируется на основе взаимодействий с другими индивидами и социальной средой, то есть, поведение человека и самоотношение не являются фиксированными и неизменными, а зависят от контекста взаимодействий с другими людьми.

Изучение вопроса мотивации невозможно без обозначения тех элементов, которые в нее входят. Такими элементами являются потребность, интерес, мотив и стимул. Потребность понимается нами, как обусловленная уровнем развития производства и общественных отношений нужда личности в определенных средствах, условиях, видах деятельности, объективно необходимых для ее существования и развития [6, с. 254], интерес – как направленность субъекта на значимые для него объекты, связанная с удовлетворением потребностей индивида [6, с. 110], мотив – как осознанное побуждение к деятельности субъекта, личности, социальной группы, общности [6, с. 189], а стимул – как побуждение к действию, побудительная причина поведения. [6, с. 345]. Саму мотивацию в социологии можно обозначить, как выбор определенной модели поведения, которая формируется на основе постоянных мотивов, основывающейся на анализе индивидом предполагаемых последствий этого выбора [1, с. 1052].

Мотивация как объект исследования в социологии активно изучалась такими учеными как Э. Мейо, А. Маслоу, Ф. Герцберг, Д. Макклелланд, Д. МакГрегор, В. Оучи и другие, при этом в приоритете у одних оказывались структура мотивации и составляющие ее потребности (Мэйо, Маслоу, Герцберг), а у других – мотивация как механизм воздействия на деятельность человека (Макклелланд, МакГрегор, Оучи). В рамках данной статьи особое внимание уделяется рассмотрению мотивации как механизма воздействия на личность. В частности, особый интерес вызывают работы Дэвида Макклелланда, поскольку автор развивает в том числе и идею о том, что

некоторые мотивационные черты обеспечивают личную успешность человека. В своей работе «Мотивация человека» Макклелланд подробно описывает и анализирует три базовых приобретаемых потребности [5, с. 258-446]: потребность в достижении, потребность в аффилиации (принадлежности) и потребность во власти. Помимо этого, автор также подробно описал и проанализировал две мотивационные черты личности: мотив достижения успеха и мотив избегания неудачи. На основе исследований Макклелландом мотивационных черт можно сделать следующий вывод: от сформированной с детства схемы поведения, от сформированных под влиянием внешних обстоятельств побудительных сил, стремлений индивида зависит его система репрезентации естественных стимулов, направленная либо на влияние на среду, – и тогда активируется мотив достижения успеха, – либо на уклонение от этого влияния – и тогда активируется мотив избегания неудачи. Макклелланд демонстрирует связь между мотивационными чертами личности и успешностью ее деятельности: индивид выше оценивает свои шансы справиться с конкретным заданием, если ожидает, что желательный результат достижим при усердной работе индивида [5, с. 201], и наоборот, индивид ниже оценивает (и фактически обесценивает) свои шансы на успех, если ожидает, что его усилия никак не повлияют на внешнюю ситуацию [5, с. 590].

Для выявления взаимосвязи между компонентами самоотношения и мотивацией достижения у студентов было проведено комплексное междисциплинарное исследование. В исследовании приняли участие респонденты обоих полов, обучающиеся в различных городах РФ (Ставрополь, Санкт-Петербург, Казань, Саратов) на разных курсах обучения. Общая численность опрошенных составила 300 человек [2, с. 44-70].

Исследование проходило в три этапа. На первом этапе среди студентов было проведено психологическое тестирование по методике исследования самоотношения С. Р. Пантеева и В. В. Столина, и тесту-опроснику А. Мехрабиана для измерения мотивации достижения, также был произведен

корреляционный анализ результатов по обеим методикам. Было установлено, что существуют сильные прямые взаимосвязи между: самоуверенностью как компонентом самооотношения, и мотивацией достижения; саморуководством как компонентом самооотношения, и мотивацией достижения; отраженным самооотношением как компонентом самооотношения, и мотивацией достижения; самопринятием как компонентом самооотношения, и мотивацией достижения. Также существуют сильные обратные взаимосвязи между самообвинением как компонентом самооотношения, и мотивацией достижения личности, и статистически достоверные обратные взаимосвязи между внутренней конфликтностью как компонентом самооотношения, и мотивацией достижения. Не было выявлено статистически достоверных взаимосвязей между мотивацией достижения и такими компонентами самооотношения, как самооценność и самопривязанность. Статистическое исследование различий групп студентов из разных городов не выявило различий ни по одному из параметров.

На втором этапе среди опрошенных проходил социологический опрос по авторской анкете, представляющей собой преобразованный тест-опросник мотивации достижения А. Мехрабиана. В данном опроснике была изменена шкала обработки результатов, с семибалльной на трехбалльную, сам опросник был унифицирован для мужчин и для женщин, а в систему оценки были включены, помимо мотива достижения и мотива избегания неудач, еще два, в соответствии с теорией Д. Макклелланда: мотив аффилиации и мотив власти. Было установлено, что в целом для опрошенных характерны выраженность мотива достижения и мотива аффилиации и невыраженность мотива власти и мотива избегания неудачи, также среди мужчин чаще, чем среди женщин наблюдается выраженность мотивов деятельности, в то время как для женщин более характерна невыраженность указанных мотивов, либо эти мотивы не оказывают существенного влияния на их поведение.

На третьем этапе был произведен корреляционный анализ между компонентами самооотношения и доминирующими мотивами, выделенными нами в модификации методики теста мотивации достижения А. Мехрабиана. Результаты анализа ответов респондентов в общем позволили подтвердить связь мотивации достижения и самооотношения. Тем не менее, в оригинальной методике не были выявлены взаимосвязи между мотивацией достижения и такими компонентами, как внутренняя честность и самопривязанность: внутренняя честность имеет обратную взаимосвязь с мотивом власти, а самопривязанность имеет положительные корреляции с мотивом достижения и мотивом власти. Далее, выборочная совокупность была разделена на 2 группы по фактору пола, и в каждой группе был отдельно произведен корреляционный анализ.

Результаты анализа в группе «Мужчины» показали следующее: с мотивом достижения прямо коррелировали такие компоненты самооотношения, как самоуверенность и отраженное самооотношение, обратные взаимосвязи были получены с внутренней конфликтностью и самообвинением. С мотивом избегания неудач обратно коррелировали такие компоненты самооотношения, как самоуверенность и отраженное самооотношение. Мотив аффилиации оказался статистически достоверно обратно взаимосвязан с самопривязанностью. С мотивом власти прямо коррелировали такие компоненты самооотношения, как самоуверенность, отраженное самооотношение, самооценность и самопринятие. Обратные взаимосвязи были получены с внутренней конфликтностью и самообвинением.

Результаты анализа в группе «Женщины» показали следующее: с мотивом достижения прямо коррелировали такие компоненты самооотношения, как самоуверенность, саморуководство и самопринятие. Обратные взаимосвязи были получены между мотивом достижения и такими компонентами самооотношения, как внутренняя конфликтность и самообвинение. С мотивом избегания обратно коррелировали такие компоненты самооотношения, как

саморуководство, самопринятие и самопривязанность. С мотивом аффилиации прямо коррелировали внутренняя честность и отраженное самоотношение, обратные взаимосвязи были выявлены между мотивом аффилиации и внутренней конфликтностью. Мотив власти оказался статистически достоверно взаимосвязан с саморуководством, как компонентом самоотношения.

По итогам проведенного исследования нам удалось достичь ряда результатов. Во-первых, в ходе теоретического анализа проблемы нами были рассмотрены различные подходы к определению таких понятий, как «самоотношение» и «мотивация» и их структурах, рассмотренные различными авторами, социологами и психологами. Во-вторых, нами были проведены психологическое и социологическое исследования взаимосвязи компонентов самоотношения и мотивации достижения у студентов. Психологическое исследование позволило подтвердить валидность методик: методика исследования самоотношения С. Р. Пантилеева и В. В. Столина, и тест мотивации достижения А. Мехрабиана. Социологическое исследование позволило, путем преобразования теста-опросника А. Мехрабиана в соответствии с положениями теории Д. Макклелланда, получить качественно новые результаты опроса. В-третьих, корреляционный анализ результатов психологического тестирования и социологического опроса позволил получить качественно новые взаимосвязи как в основной группе, так и в отдельных группах, разделенных по полу.

Таким образом, проведенное исследование позволило по-новому взглянуть на проблему взаимосвязи компонентов самоотношения и мотивации достижения и еще раз подчеркнуть необходимость междисциплинарного изучения данной проблемы.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Абдрахманова А. В. Социологические теории мотивации / А. В. Абдрахманова. – Текст: непосредственный // Материалы XXI Международной научно-практической конференции памяти проф. Л. Н. Когана ««Культура,

личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования». – 2018 г. – С. 1051-1057.

2. Изучение взаимосвязи компонентов самоотношения и мотивации достижения у студентов: выпускная комплексная квалификационная работа: направление 39.03.01 Социология, «Социальная структура, социальные институты и изменения», очной формы обучения / Пачин Алексей Владиславович; науч. рук., С. С. Асатрян. – Ставрополь, 2022. – 94 с. – Текст: непосредственный.

3. Ильин Е. П. Мотивация и мотивы / Е. П. Ильин. – СПб: Питер, 2011. – 512 с. – Текст: непосредственный.

4. Макклелланд Д. Мотивация человека / Д. Макклелланд. – Мастера психологии, 1985. – 994 с. – Текст: непосредственный.

5. Сарджвеладзе Н. И. Личность и ее взаимодействие с социальной средой / Н. И. Сарджвеладзе. – Самара: Бахрах-М, 2020. – 672 с. – Текст: непосредственный.

6. Социологический энциклопедический словарь. На русском, английском, немецком, французском и чешском языках / под общей редакцией Г. В. Осипова. – М.: изд. группа ИНФРА-М НОРМА, 1998. – 488 с. – Текст: непосредственный.

7. Степанова Н. В., Наквасина С. Н. Самоотношение и жизненная удовлетворённость у студентов медицинского вуза / Н. В. Степанова, С. Н. Наквасина. – Текст: электронный // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2017. – № 5. – С. 37-42. – URL: <https://e-koncept.ru/2017/170101.htm> (Дата обращения: 21.02.2023).

8. Шакирова Р. А. Самооценка и самоотношение подростков с нарушениями опорно-двигательного аппарата / Р. А. Шакирова. – Текст: электронный // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2017. – Т. 39. – С. 716-720. – URL: <https://e-koncept.ru/2017/970470.htm> (Дата обращения: 21.02.2023).

THE RELATIONSHIP OF ACHIEVEMENT MOTIVATION WITH THE COMPONENTS OF STUDENTS' SELF-ATTITUDE

Pachin Alexey Vladislavovich

Student, North-Caucasus Federal University

Stavropol, Russia

Scientific supervisor:

Gapich Alexandr Erikovich

candidate of sociological sciences,

associate professor of the department of sociology in NCFU

Stavropol, Russia

Abstract. The article presents the results of a comprehensive interdisciplinary study of the problem of the relationship between the components of students' self-attitude and their motivation to achieve.

Keywords. Motivation, self-attitude, students, components of self-attitude, motivation of achievement.

References:

1. Abdrakhmanova A.V. Sociological theories of motivation / A. V. Abdrakhmanova. – Text: direct // Materials of the XXI International Scientific and Practical Conference in memory of Professor L. N. Kogan “Culture, personality, society in the modern world: methodology, empirical research experience”. – 2018. – P. 1051-1057.
2. The study of the relationship between the components of self-attitude and motivation of achievement in students: final comprehensive qualification work: direction 39.03.01 Sociology, “Social structure, social institutions and changes”, full-time education / Pachin Alexey Vladislavovich: scientific supervisor S. S. Asatryan. – Stavropol, 2022. – 94 p. – Text: direct.
3. Ilyin E. P. Motivation and motives / E. P. Ilyin. – St. Petersburg: Peter, 2011. – 512 p. – Text: direct.
4. McClelland D. Human motivation / D. McClelland. – Masters of Psychology, 1985. – 994 p. – Text: direct.
5. Sarjeladze N. I. Personality and its interaction with the social environment / N. I. Sarjeladze. – Samara: Bahrah-M, 2020. – 672 p. – Text: direct.
6. Sociological encyclopedic dictionary. In Russian, English, German, French and Czech / under the general editorship of G. V. Osipov. – Moscow: publishing group INFRA-M NORMA, 1998. – 488 p. – Text: direct.
7. Stepanova N. V., Nakvasina S. N. Self-attitude and life satisfaction among medical university students / N. V. Stepanova, S. N. Nakvasina – Text: electronic // Scientific and methodological electronic journal “Concept”. – 2017. – № 5. – P. 37-42. – URL: <https://e-koncept.ru/2017/170101.htm> (Date of application: 21.02.2023).
8. Shakirova R. A. Self-esteem and self-attitude of adolescents with disorders of the musculoskeletal system / R. A. Shakirova. – Text: electronic // Scientific and methodological electronic journal “Concept”. – 2017. – T. 39. – P. 716-720. – URL: <https://e-koncept.ru/2017/970470.htm> (Date of application: 21.02.2023).

УДК 1(075)

**ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ СУБЪЕКТНОСТЬ В ПОЛЕ
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ПРАКТИК**

*Анна Залевская, аспирант
Южно-Российский государственный политехнический
университет (НПИ) имени М.И. Платова
Новочеркасск*

Аннотация. В статье раскрываются особенности исследования профессиональной субъектности в контексте междисциплинарного подхода. В результате проведенного анализа делается вывод о необходимости учитывать современные тренды в развитии профессионально-трудовых отношений, а также трансформацию самого понятия профессионализации. Наиболее перспективной признается стратегия трансдисциплинарной методологии в изучении профессиональной субъектности как адекватной тенденциям профессионального развития и нового мобильного мира.

Ключевые слова: профессиональная субъектность, профессиональная культура, профессионализация, профессиональное развитие, профессия, мобильность.

В современном мире расширяется модификация трудовых и профессиональных отношений, их форм, содержания и перспектив развития. Меняются представления о критериях и параметрах профессиональной эффективности и мобильности, формах и стратегиях профессионализации. Все это актуализирует проблему профессиональной субъектности, в которой отображается возможность личности в самопознании, самоопределении и саморазвитии в пространстве профессионального становления и профессиональной самореализации.

Труд и профессия как важнейшие ценности, отвечающие за становление личности, со временем меняются на уровне их восприятия в обществе, и в современный период, по мнению исследователей, эти ценности переходят в разряд инструментальных, утрачивая свою экзистенциальную сущность [14]. Характерно это и для российского общества, несмотря на то, что традиционно

с трудом в российской системе базовых ценностей всегда ассоциировались высшие смыслы человеческой личности и жизни.

Значительные изменения коснулись и профессиональной сферы жизнедеятельности человека. Само понятие профессии, а также профессионального развития трансформировалось по мере изменения мира, в котором мобильность стала ключевой характеристикой успешного человека, готового к быстрой и адекватной адаптации, реакции на вызовы современной эпохи. «Профессия на всю жизнь», некогда олицетворявшая самую успешную и нужную стратегию профессионализации личности, уже не воспринимается столь же однозначно в контексте оценки данной стратегии в ряду других стратегий профессионального становления и развития. Все больше становится тех, кого можно назвать «профессиональными путешественниками», т.е. тех людей, которые «путешествуют» по профессиям, меняя одну профессию на другую, зачастую кардинальным образом. И такой формат профессионализации уже не расценивается однозначно критично, а воспринимается как профессиональный поиск, наращивание профессиональных компетенций в различных видах профессиональной деятельности.

Однако многие исследователи, оценивая такой путь профессиональной мобильности, выводят иную оценочную формулу, в которой имеет место быть такое явление, как депрофессионализация [2; 5; 7; 9]. Не всегда с ним связываются строго негативные коннотации, и ученые пишут о возможностях выхода на новый виток профессионализации в результате депрофессионализации как этапа, связанного с конкретной сферой профессиональной деятельности, и стратегии профессионального поиска в ином профессиональном поле [13].

Каким же образом происходит формирование профессиональной субъектности в условиях современного мира? В чем выражается сущность профессиональной субъектности и возможна ли единая модель ее

формирования и эффективного воспроизводства в условиях современного мобильного мира?

Ответы на эти вопросы еще ждут своих исследователей, а мы в рамках данной статьи хотели бы провести анализ различных исследовательских позиций, сложившихся в теоретическом пространстве относительно профессиональной субъектности. Такой анализ крайне важен для выработки новых подходов и концептуальных положений относительно изучаемого нами явления.

В научном пространстве проблема субъектности наиболее активно представлена в предметном поле философских, педагогических, психологических, акмеологических исследований [4]. Зачастую на пересечении указанных полей происходило осмысление сущности и механизмов становления профессиональной субъектности. Приведем несколько интерпретаций понятия профессиональной субъектности исследователей из различных направлений научной деятельности.

В социально-философском ключе провел глубокий анализ профессиональной субъектности И.Н. Алексеенко. Им отмечается, что, если понимать под профессиональной субъектностью «специфическую форму самоопределения в мире профессий как имманентной составляющей мира культуры, стремящуюся при этом к высшей форме своего проявления», то тогда профессиональная субъектность вполне определенно может рассматриваться как состояние профессиональной культуры [1, с. 128]. Суждения данного философа относительно сущности профессиональной субъектности, в целом, сводятся к тому, что ее ядром выступает профессиональная культура, которая в структуре субъектности личности обеспечивает интеграцию ее профессиональной составляющей

А.Г. Тюриков и А.Я. Большунов определяют профессиональную субъектность через 1) способность человека профессионально распорядиться различными обстоятельствами, т.е. сообразно с тем специфическим смыслом и

значением, которые они имеют с профессиональной точки зрения, в контекстах профессиональной деятельности; 2) способность человека распорядиться собой как профессионалом, (своей профессиональной жизнью) в смысле, например, карьеры, достижений, своих профессиональных и деловых качеств и т. д. [12].

А.А. Деркач, развивая положение о том, что профессиональная субъектность предстает, прежде всего, как психолого-акмеологический феномен, предлагает анализ траекторий развития указанной категории через формы субъектного самоосуществления [6], а Т.Е. Мальцева и А.Л. Бойко утверждают, что профессиональная субъектность, прежде всего, – это реакция на требования и ожидания общества и различных социальных групп, которая соответствует собственному уровню ответственности и личным целям [8, с. 48].

И.В. Сыромятников дополняет спектр ракурсов изучения данной темы рассмотрением профессиональной субъектности как интегральной профессионально-личностной компетенции [10], а С.П. Будникова раскрывает сущность профессиональной субъектности с помощью пространственного подхода (через учебно-профессиональную общность как пространство ее формирования) [3].

Как общую характеристику профессионала выделяет субъектность Л.В. Темнова, полагающая, что на ее основе (субъектности) только и может самореализоваться личность в профессиональной деятельности, добиться успеха в профессиональной деятельности, стать мастером своего дела [11].

Таким образом, можно заключить, что профессиональная субъектность вызывает значительный интерес у исследователей различных научных отраслей знания, о чем говорит разброс мнений и интерпретаций данного феномена. Их гораздо больше, нежели мы привели в данной работе, но и этого перечня достаточно, чтобы понять, насколько сложно в рамках какой-либо научной дисциплины выразить в полной мере сущность профессиональной субъектности, что и делает междисциплинарный подход наиболее

перспективным в изучении данного явления. Междисциплинарные разработки, имеющиеся в научном пространстве, в основном сложились на стыке философских и психологических, психолого-педагогических исследований.

Мы полагаем, что, если речь идет о получении теоретической модели исследования профессиональной субъектности в современном обществе, методологический инструментарий не может не включать в себя потенциал и наработки смежных научных дисциплин с целью всестороннего изучения реалий современных профессионально-трудовых отношений, тенденций развития новой экономики, рынка труда, изменения отношения к профессионализации и самого алгоритма профессионального развития личности и становления ее профессиональной культуры.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Алексеенко И.Н. Определение сущности профессиональной субъектности в социо-философском дискурсе. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 3. Часть 1. С. 127-131.

2. Афанасов Н.Б. Утрата человеческой ценности: базовый доход и депрофессионализация // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2020. № 1(51). С. 59-69.

3. Будникова С.П. Учебно-профессиональная общность как пространство развития профессиональной субъектности // Педагогика и психология образования. 2020. № 4. С. 137–152.

4. Васильева А.М. Профессиональная субъектность в культурно-историческом аспекте // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. Т. 17. С. 239–243. URL: <http://e-koncept.ru/2016/46226.htm>

5. Верещагина А.В., Мухина К.С. Методологические параметры исследования профессионализации и депрофессионализации российской молодежи на рынке труда // Гуманитарий Юга России. 2020. Т. 9, № 6. С. 80-93. DOI 10.18522/2227-8656.2020.6.5.

6. Деркач А. А. Акмеологические основы развития профессионала. М.: Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2004. 752 с.

7. Дружилов С.А. Профессионально-деструктивная деятельность как проявление профессиональной маргинализации и депрофессионализации //

Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2017. № 2. С. 45-63.

8. Мальцева Т. Е., Бойко А. Л. Специфические особенности понятия социально-профессиональной субъектности // Вестник Омского университета. Серия «Психология». 2017. № 1. С. 46–51.

9. Мухина К.С. Депрофессионализация российской молодежи в условиях кризиса рынка труда. Москва : "Русайнс", 2023. 112 с.

10. Сыромятников И.В. Психология профессиональной субъектности управленческих кадров. Монография. М.: СГА, 2006. 248 с.

11. Темнова Л.В. Личностно-профессиональное развитие психолога в системе высшего образования: спец. 19.00.13 «Психология развития, акмеология»: дис. ... д-ра. психол. наук. Москва, 2001. 322 с.

12. Тюриков А.Г., Большунов А.Я. Профессиональная субъектность как продукт высшего образования и подходы к оценке профессиональной субъектности выпускника вуза // Инновации в образовании. 2018. № 11. С. 105-114.

13. Фадеева И.М. Профессионализация и депрофессионализация в современном российском обществе: взгляд социолога // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2014. № 1(33). С. 108-113.

14. Vereshchagina A., Volkov Yu., Krotov D. & Ukolov R. (2015). Laboursocialization of young people in today's Russia: The specificity of sociological discourse. Asian Social Science, Vol. 11, No. 8, P. 88-95.

PROFESSIONAL SUBJECTIVITY IN THE FIELD OF INTERDISCIPLINARY RESEARCH PRACTICES

Zalevskaya Anna Aleksandrovna, postgraduate student of the South Russian State Polytechnic University (NPI) named after M.I. Platov, Novocherkassk, Rostov region, Russian Federation

Annotation. The article reveals the features of the study of professional subjectivity in the context of an interdisciplinary approach. As a result of the analysis, it is concluded that it is necessary to take into account modern trends in the development of professional and labor relations, as well as the transformation of the very concept of professionalization. The strategy of transdisciplinary methodology in the study of professional subjectivity as adequate to the trends of professional development and the new mobile world is recognized as the most promising.

Keywords: professional subjectivity, professional culture, professionalization, professional development, profession, mobility.

References:

1. Alekseenko I.N. Definition of the essence of professional subjectivity in socio-philosophical discourse. Historical and socio-educational thought. 2017. Vol. 9. No. 3. Part 1. pp. 127-131.
2. Afanasov N. B. Loss of human value: basic income and deprofessionalization // Bulletin of Tver State University. Series: Philosophy. 2020. No. 1(51). pp. 59-69.
3. Budnikova S.P. Educational and professional community as a space for the development of professional subjectivity // Pedagogy and psychology of education. 2020. No. 4. pp. 137-152.
4. Vasilyeva A.M. Professional subjectivity in the cultural and historical aspect // Scientific and methodological electronic journal "Concept". 2016. Vol. 17. pp. 239-243. URL: <http://e-koncept.ru/2016/46226.htm>
5. Vereshchagina A.V., Mukhina K.S. Methodological parameters of the study of professionalization and deprofessionalization of Russian youth in the labor market // Humanities of the South of Russia. 2020. Vol. 9, No. 6. pp. 80-93. DOI 10.18522/2227-8656.2020.6.5.
6. Derkach A. A. Acmeological foundations of professional development. Moscow: Publishing House of the Moscow Psychological and Social Institute; Voronezh: NGO "MODEK", 2004. 752 p.
7. Druzhilov S.A. Professionally destructive activity as a manifestation of professional marginalization and deprofessionalization // Bulletin of the Moscow University. Episode 14: Psychology. 2017. No. 2. pp. 45-63.
8. Maltseva T. E., Boyko A. L. Specific features of the concept of socio-professional subjectivity // Bulletin of Omsk University. Series "Psychology". 2017. No. 1. pp. 46-51.
9. Mukhina K.S. Deprofessionalization of Russian youth in the conditions of the labor market crisis. Moscow : Rusains, 2023. 112 p.
10. Syromyatnikov I.V. Psychology of professional subjectivity of managerial personnel. Monograph. M.: SGA, 2006. 248 p.
11. Temnova L.V. Personal and professional development of a psychologist in the system of higher education: spec. 19.00.13 "Developmental psychology, acmeology": dis. ... Dr. psychological sciences. Moscow, 2001. 322 p.
12. Tyurikov A.G., Bolshunov A.Ya. Professional subjectivity as a product of higher education and approaches to assessing the professional subjectivity of a university graduate // Innovations in education. 2018. No. 11. pp. 105-114.
13. Fadeeva I.M. Professionalization and deprofessionalization in modern Russian society: a sociologist's view // Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. Series: Social Sciences. 2014. No. 1(33). pp. 108-113.
14. Vereshchagina A., Volkov Yu., Krotov D. & Ukolov R. (2015). Laboursocialization of young people in today's Russia: The specificity of sociological discourse. Asian Social Science, Vol. 11, No. 8, P. 88-95.

ОСОБЕННОСТИ СПОРТИВНО-ОЗДОРОВИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

*Евгений Планидин, аспирант
Институт социологии и регионоведения ЮФУ
Донской государственный технический университет
Институт физической культуры и спорта
Ростов-на-Дону*

Аннотация. В статье рассматриваются особенности спортивно-оздоровительной деятельности современной российской молодежи, проведенный теоретический анализ спортивно-оздоровительной деятельности в системе рекреации позволяет выявить направления спортивно-оздоровительной деятельности, которые выбирает современная российская молодежь. Автор исходит из того, что спортивно-оздоровительная деятельность является одной из форм досуговой деятельности молодежи, ее рекреационный ресурс способен не только удовлетворять потребности молодых людей двигательного характера, которые обусловлены не только биологической потребностью человека, но и социальной необходимостью. Спортивно-оздоровительной деятельности не только является рекреационным ресурсом, но и социокультурной составляющей человека и общества.

Ключевые слова: спортивно-оздоровительная деятельность, физическая рекреация рекреация, спортивно-оздоровительная деятельность, физическая культура, спорт, здоровье.

Социальные проблемы здоровья человека всегда занимали важное место в научной литературе. За редким исключением, со времен жреческой медицины и до неогиппократических концепций современности здоровье человека рассматривается как смысложизненная ценность. Понятие здоровья все чаще лишено того глубокого экзистенциального смысла, который ищет человек в

реальной жизни. Здоровье – это естественная, абсолютная и непереходящая жизненная ценность, которая занимает верхнюю ступень на иерархической лестнице ценностей, а так же в системе таких категорий человеческого бытия, как интересы и идеалы, гармония, красота, смысл и счастье жизни, творческий труд [1, 2].

Характер заботы человека о здоровье связан с его личностными свойствами. Отсюда следует, что воспитание адекватного отношения к здоровью неразрывно связано с формированием личности в целом и предполагает различия в содержании, средствах и методах целенаправленных воздействий. При этом надо учитывать, что участниками социальной сферы – физическая культура и спорт, стремятся в первую очередь стать молодые люди, в возрасте от 18 до 30 лет. Создание условий для занятий физическими упражнениями данным контингентом становится для современного общества важной социальной задачей.

Так же стоит отметить, что физкультурно-спортивная деятельность может должным образом оказывать положительное влияние на укрепление и сохранение здоровья молодого человека только, если данная деятельность будет осуществляться систематически, в должном объеме и стане действительно компонентом практической жизнедеятельности. Говоря о систематической спортивно-оздоровительной деятельности, мы подразумеваем, что молодые люди должны уделять различным видам активности определенную часть своего свободного времени и имели бы устойчивый интерес к занятиям физической культурой и спортом.

В рамках проведенного нами социологическом исследовании был проведен анкетный опрос представителей различных групп молодежи, представляющих разные регионы Южного федерального округа. Группа вопросов позволила нам выявить среди респондентов реальную численность молодежи, вовлеченной в занятия спортом. Как показали полученные данные,

респондентов, занимающихся спортом, оказалось чуть больше (52,4%), чем тех, кто спортом не занимается.

Даже при том, что многие молодые люди считают здоровье самой важной, значимой ценностью для человека и признают, что здоровье действительно в настоящее время необходимо для успешной карьеры в профессиональной деятельности, образ их жизни, включает совсем иные, способы проведения свободного времени, которые лишены двигательной активности.

Результаты эмпирического исследования, проведенного при непосредственном участии, показывают, что занятия спортом не являются для современной российской молодежи наиболее распространенной формой досуговой деятельности. Популярными для молодежи направлениями досуговой активности в большей своей степени являются «прогулки, общение с друзьями», «общение в социальных сетях», «посещение баров», «слушание музыки» и т.д. На диаграмме, представлены результаты ответов респондентов. Среди них мы видим, что только 25, 8% респондентов среди способов отдыха и восстановления сил в свободное время выбирают занятия спортом и как антипод – 34,9 % выбирают общение в социальных сетях.

Как уже неоднократно отмечалось выше, так называемый пассивный отдых в меньшей степени содействует укреплению здоровья. Мы поддерживаем мнение О.В. Ионовой, которая отмечает, что достаточно большое количество молодых людей, которые характеризуются убежденностью в том, что они ведут здоровый образ жизни, однако на самом деле они не придерживаются основных принципов данного образа жизни, не занимаются физической культурой и спортом на регулярной основе, не имеют достаточного уровня двигательной активности [3].

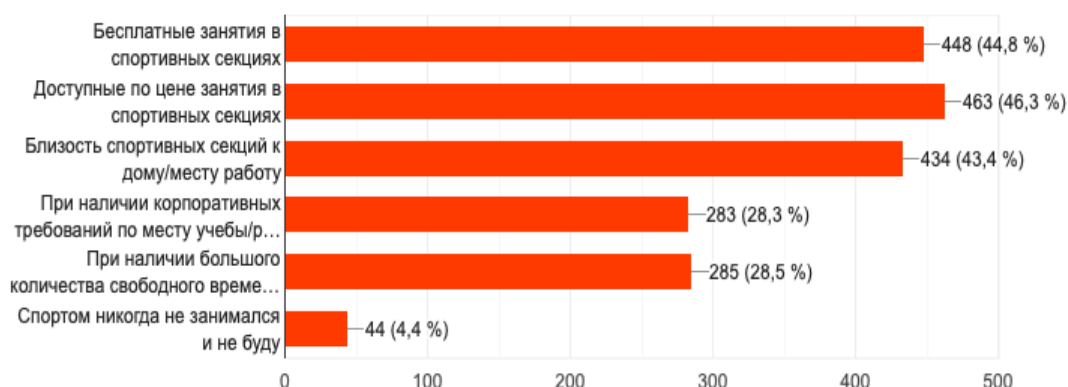
В этой ситуации отметить, что проблема здесь заключается в том, что значительная часть молодежи не ориентирована на систематические занятия

физической культурой и спортом. Если обратить внимание на данные социологического опроса, результаты полученные автором данной статьи в ходе исследования, в целом совпадают с материалами исследований всероссийского уровня проведенных Центром социального прогнозирования, Институтом социологических исследований. Результаты, полученные учеными, исследовательских организации, указывают на довольно низкий процент молодых людей, вовлеченных в систематические занятия спортом. Только 15,7% относятся к этой группе. Представители молодежи, которые не занимаются спортом, указывают в первую очередь на отсутствия желания (24,2%), нехватка времени для спорта (20,5%), плохое состояние здоровья (3,6%), отсутствия мест для занятий физической культурой (3,5%), нехватка необходимых денежных средств (0,8%). Приведенные данные указывают на преобладание причин субъективного характера, обуславливающих отсутствие такого компонента как спортивно-оздоровительная деятельность в структуре рекреации представителей современной российской молодежи [4].

Как было отмечено опрошенными нами молодыми людьми, основными положительными предпосылками регулярных занятий молодежи спортивно-оздоровительной деятельностью являются бесплатные или доступные по цене занятия в спортивных секциях и клубах, а также территориальная доступность к дому или месту работы. На диаграмме представлены варианты условий, при которых молодые люди активнее бы включились в спортивно-оздоровительную деятельность.

23. При каких условиях Вы готовы заниматься спортом на регулярной основе? (Дайте не более трех вариантов ответа или впишите свой вариант)

1 000 ответов

При этом бесплатные занятия являются привлекательным условием к занятиям у 44,8 % молодежи. Территориальную доступность выделяют 43,4 %. Ни при каких условиях не будут заниматься спортом всего 4,4 %. Стоит отметить влияние корпоративных требований к занятиям спортивно-оздоровительными видами, такие требования привлекут к занятиям 28,3 % молодежи.

В заключении представляется возможным отметить, что спортивно-оздоровительная деятельность играет большую роль в жизни человека, способствуя гармоничному развитию личности, являясь важным стимулом для его физического и духовного развития, формирования устойчивости к восприятию ситуаций стрессового характера, вызванных факторами внешней среды. Будущее страны в целом находится в зависимости от показателей здоровья ее населения и, в первую очередь, молодежи, что обуславливает необходимость в более широком вовлечении молодых людей в систематические занятия спортом.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Мавропуло, О.С. Здоровье в системе ценностей физической культуры личности //Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2012. – № 4 (65). С. 55-57.
2. Мавропуло, О.С. Образ жизни и здоровье человека //Экономические и гуманитарные исследования регионов. – 2010. – № 5. С. 97-103.
3. Ионова, О.В. Физкультурно-оздоровительная деятельность в структуре досуга студенческой молодежи: автореферат диссертации кандидата социологических наук, Пенза, 2018. С 15.
4. Горшков, М.К., Шереги, Ф.Э. Молодежь России в зеркале социологии. К итогам многолетних исследований: [монография] /М.К. Горшков, Ф.Э. Шереги – М.: ФНИСЦРАН, 2020. С. 277.

FEATURES OF SPORTS AND HEALTH-IMPROVING ACTIVITIES OF MODERN RUSSIAN YOUTH

Evgeniy Sergeevich Planidin, PhD student*, Lecturer**

*Southern Federal University, Institute of Sociology and Regional Studies,
Russia, Rostov-on-Don

** Don State Technical University Institute of Physical Culture and Sports,
Russia, Rostov-on-Don

Annotation. The article discusses the features of the sports and health-improving activities of modern Russian youth, the theoretical analysis of sports and recreational activities in the recreation system makes it possible to identify the areas of sports and recreational activities that modern Russian youth choose. The author proceeds from the fact that sports and health-improving activity is one of the forms of leisure activities of young people, its recreational resource is able not only to satisfy the needs of young people of a motor nature, which are caused not only by the biological need of a person, but also by social necessity. Sports and health-improving activities are not only a recreational resource, but also a socio-cultural component of a person and society.

Keywords: sports and health-improving activity, physical recreation recreation, sports and health-improving activity, physical culture, sports, health.

References:

1. Mavropulo O.S. Health in the system of values of physical culture of the individual // Humanitarian and socio-economic sciences. - 2012. - No. 4 (65). pp. 55-57.
2. Mavropulo O.S. Way of life and human health // Economic and humanitarian studies of regions. - 2010. - No. 5. P. 97-103.
3. Ionova O.V. Physical culture and health-improving activities in the

structure of student youth leisure: abstract of the thesis of a candidate of sociological sciences, Penza, 2018. P 15.

4. Gorshkov M.K., Sheregi F.E. The youth of Russia in the mirror of sociology. To the results of many years of research: [monograph] /M.K. Gorshkov, F.E. Sheregi - M.: FNITSRAN, 2020. S. 277.

УДК 304.9

ОСОБЕННОСТИ ВИРТУАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ КАК ПЛАТФОРМЫ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ

*Давид Петросян, аспирант
Северо-Кавказский Федеральный Университет
Институт Экономики и Управления
Ставрополь*

Аннотация: статья посвящена анализу состояния социальных медиа как интерактивного поля, способного выступать основой для формирования идентичности в условиях рисков, возникающих на основе природы цифровой реальности.

Ключевые слова: киберпространство, виртуальные социальные сети, идентичность, виртуальная реальность, симулякры.

Эпоха глобализации, наступившая под влиянием радикальных сдвигов в научно-технической сфере, привнесла множество изменений в общественную повседневность с вытекающими из них последствиями. Так, общественная структура, а точнее её социальные связи приобретают неустойчивую форму, напоминающую хлипкую паутину, где индивиды объединены преимущественно не тесными и глубокими узами, а более поверхностными и кратковременными связями. Высокая прочность и глубина социальных связей, обусловленные вовлечением в социальные отношения небольшого количества

людей, сменились упором на охват социальных масс, которым необходимо, во всяком случае согласно якобы социальной миссии средств массовой коммуникации и новых медиа, обладать актуальной, релевантной информацией о состоянии всех сфер жизни общества в современном мире, а не на одной конкретной территории. Такое стало возможным под влиянием Интернета и цифровизации в целом, благодаря которым общественная повседневность разделилась на две находящиеся в тесной связи и формирующие общее информационное пространство [5. с. 119] реальности – физическую, где коммуникация между людьми носит очный характер, и виртуальную, где она является опосредованной и протекает в киберпространстве. Для того, чтобы поддерживать прочность и работоспособность структуры общества, недостаточно создания определённых социальных институтов, которые могли бы выстраивать мосты между разрозненными её субъектами, ведь без динамично-развивающихся социальных отношений с отлаженной системой коммуникации структура будет носить статический и искусственный характер, который выглядит как бесконечный обмен симулякрами. Иными словами, коммуникативный обмен протекает даже не ради себя самого, а ради стремления к какой-то несуществующей абстрактной идее, которая лишь претендует на статус реальной.

Цифровой век, сопровождаемый различными формами глобализации всех сфер жизни общества, бросает вызов возможностям определения границ социальной идентичности в условиях неустойчивых социальных связей, которые существуют не только в киберпространстве, но и в качестве разнообразных последствий отражаются в физической реальности. К ним можно отнести: социальную дистанцированность, в том числе и между поколениями; искусственность социальной солидарности; формирование ложной идентичности; симуляцию любого некогда содержащего смысл акта социального обмена; коммуникативные и культурные разрывы; сложность возникновения глубоких и устойчивых социальных связей; ослабление роли

традиционных институтов и разрушение их структуры. Ещё следует обратить внимание, что такие последствия вытекают не просто из-за тотальной интернетизации общества, а из-за того, как доминирующее положение в коммуникативном пространстве общества занимают цифровые системы взаимодействия [5. с. 119], а именно виртуальные социальные сети. Они способствуют радикальным изменениям потенциала человеческого сознания, а цифровая культура в свою очередь изменяет принципы существования национальных культур в обществе. Особенностью виртуальных социальных сетей является создание платформы, на котором пользователи сети, выступающие представителями различных культур, могут совершать акты коммуникативного обмена в кратчайшие промежутки времени, при этом сохраняя свою анонимность [1, с. 3]. Платформа предполагает создание для всех равных условий, где ни одна культура не должна превалировать над другой, однако на деле всё немного сложнее. Социальная сеть в целом формирует такую основу для социальных отношений, где нет чётко доминирующих акторов коммуникативных процессов, однако в виртуальной реальности иерархия может прослеживаться даже на примере относительно примитивных ситуаций. Специфика коммуникации киберпространства заключается в сильном упоре на символический обмен скрытыми контекстами, абстракциями, коммуникативными конструктами, способными выступать критериями для дифференциации пользователей.

На примере глобального культурного феномена «мем», введённого биологом Ричардом Докинзом в научный оборот [7. с. 1777], обратимся к таким конструкциям сети как «база» и «кринж» [8. с. 3]. Это абстракции, которые служат для выражения социального одобрения либо порицания (чаще в форме коллективного высмеивания, что в сети можно называть ещё и таким термином как «кибербуллинг»), причём не только по отношению к деятельности пользователей сети, но и по отношению к любым процессам и изменениям в обществе. Оценку «базы» присваивают как раз в случае выражения одобрения,

а «кринж», соответственно, в виде порицания. Подкрепляется это ещё и наличием системы лайков в социальных сетях и подобных им медиа платформах (например, форум Reddit и социальная сеть Вконтакте хоть и имеют разную «природу», но функционал пользователей в них практически идентичный), которые являются формой социальной поддержки в киберпространстве. Иерархичность в таком случае определяется степенью эрудированности пользователей, то есть в различиях образованности, поскольку для того, чтобы корректно оперировать абстракциями и осуществлять успешные коммуникативные обмены, необходимы достаточно глубокие познания в какой-либо сфере человеческой деятельности, а с учётом сложившейся ситуации взаимодействия множества культур, необходимо иметь глубокие познания сразу в нескольких сферах. Отсюда вытекает проблема подлинности всего, что существует и совершается в виртуальной реальности, а затем вытекает в физический мир [6. с. 182]. Дело в том, что в информационной эпохе доминирующим ресурсом становится информация и умение её фильтровать, контролировать, а также обращать в соответствующие мировоззрению индивида социальные блага, что особенно эффективно работает в условиях, создаваемых виртуальными социальными сетями. Анонимность пользователей, несмотря на возможности внесения своих личных данных, доминирует над подлинностью личности, которая отправляет сообщение. Таким образом, приводит это к тому, что в коммуникативном обмене участвуют не номинальные представители конкретной культуры, а скорее сменяющие культурную форму от ситуации к ситуации как маски [3. с. 80]. Можно провести аналогию с тем, как индивиды привязываются к определённым социальным ролям до степени автоматизированности, забывая при этом переключаться между ними (например, один из членов семьи, являющийся начальником на предприятии, приходя домой, не переключается на роль родителя, а всё так же продолжает быть начальником). Различие между социальной ролью и сетевой маской заключается в подлинности содержания, а

точнее источника информации, на основе которого она наполняется. Социальная роль начальника на предприятии формируется на основе непосредственного места работы, а сложности самоидентификации в другой, отличной от рабочей, среде уже вызваны другими причинами. А вот маска пользователя сети как якобы представителя культуры наполняется содержанием не на основе его подлинной принадлежности к этой культуре, а на основе создания иллюзии о том, что присвоение сделает его подлинным представителем. Почему это происходит? Возникновение масок вызвано процессом смены культурных моделей с вытекающими трудностями в культурной самоидентификации, а учитывая стремление современности к глобализации и виртуализации, существует угроза утраты национальной культуры и идентичности не на уровне индивида, а на уровне общества в целом. Ведь взаимодействий культур на виртуальном пространстве, где все представители находятся в гипотетических равноправных условиях, предполагает, что ни одна культура не должна доминировать своей идентичностью над другой. Таким образом, судя хотя бы по сетевому языку (например, заимствование англицизмов различными языками), возникает культурная ассимиляция. Процессы саморепрезентации и самоидентификации не столько подразумевают стратегию манипуляции, сколько основываются на поддержании работы механизма формирования социальных связей. Идентичность в данном случае сакральна, при этом мифологична и выражается в ритуальной форме, поскольку заключена в механизме превращения «связей между пустыми оболочками» в социальные взаимодействия, которые должны иметь смысл [4. с. 25]. Если учитывать ещё и то, что социальные, в том числе и виртуальные сети являются двигателем процессов социального взаимодействия, получается, что они базируются на репрезентации мифологических идентичностей. Интересно отметить, что Интернет как источник информации занимает доминирующее положение по отношению к любым более традиционным и устарелым каналам трансляции информации,

выступая как более «объективный». Поскольку информация в нём неотфильтрована, эта задача лежит на плечах самих пользователей, следовательно «истину» они узнают сами. Однако внутреннее противоречие как раз здесь и заключается, неотфильтрованность информации не означает её подлинность и достоверность, а лишь формирует иллюзию на то, что пользователи определяют их сами. Если ещё и добавить к этому принцип поддержания анонимности и защиты пользовательских данных, то подлинность актов в киберпространстве выглядит ещё менее правдоподобной. Следовательно, если в основу формирования идентичности ложится неподлинная и недостоверная информация, то формируется риск приобретения ей такой же формы. Иными словами, процесс формирования социальной идентичности в киберпространстве больше напоминает создание её симулякра, нежели её самой. Однако поскольку общество ещё не успело прийти до полного отказа от физической реальности и переходу к тотальной симуляции, о чём хотя бы свидетельствует отсутствие многих технологий из научной фантастики (кибертела, технологии полного погружения в виртуальный мир и т.д.), то и социальная идентичность всё ещё не дошла до состояния полного уничтожения и превращения в симулякр. Напротив, поскольку такая форма идентичности не проявляется у одного индивида, а является сетевым феноменом в целом, то возникает необходимость определения состояния тех конструктов, в которые объединяются люди, как можно их идентифицировать. Это нельзя назвать социальными группами, поскольку они более устойчивы и наглядны, да и формирование социальной идентичности как раз в группах и отслеживается, ведь в процессе интеракции с подобным и противоположным формируется символический универсум личности [2. с. 727]. Модель социальной группы создаётся таким образом, чтобы минимизировать последствия от стрессовых факторов, оказывающих воздействие на индивидов в ходе взаимодействия их идентичностей. В группе существует контроль и порядок, которые как раз и ложатся в основу формирования идентичности [2. с. 727].

В случае рассмотрения форм объединения людей через социальные сети в условиях культурной ассимиляции более корректно обратиться к социально-групповым общностям, которые как раз и существуют на основе неорганизованных и неустойчивых актов социального взаимодействия. Социальные медиа предполагают функционал, который позволяет людям проявить свою идентичность через присоединение к различным тематическим сообществам, аккаунтам, чатам или каналам, в которой в той или иной форме осуществляются неорганизованные акты социального взаимодействия в виде тех же случайных споров в комментариях. Однако, если в таких объединениях отсутствует чёткий социальный контроль и порядок, то возникает вопрос, каким же образом может формироваться идентичность в социально-групповых общностях, если они потенциально не в состоянии сформировать чёткое представление индивида о том, с чем он действительно может себя ассоциировать. Дело в том, что преимуществом виртуального пространства, которое является наиболее привлекательной его чертой, выступает непровозглашённый принцип свободы самовыражения, который тоже может входить в формирование идентичности. Она существует, но в более простой и неустойчивой форме, скорее в стадии до присоединения к полноценной социальной группе. При этом, исходя из того, как взаимодействуют культуры в виртуальных социальных сетях, формируемая в итоге социальная идентичность может строиться из множества более мелких и неустойчивых, которые как раз и формируются в социально-групповых общностях. Получается, что виртуальные социальные сети в данном случае выступают в качестве интерактивного поля, которое создаёт условия для формирования идентичности. Сложностью здесь является как раз отслеживание той самой точки невозврата, когда из этих специфических социально-групповых общностей уже не могут сформироваться потенциальные социальные группы, что приводит просто к дальнейшей циркуляции постоянных кратковременных возникновений и распадов этих общностей. Для этого важно углубиться в то,

какой же является коммуникативная система киберпространства, и на основе каких критериев формируются эти социально-групповые общества, чтобы в дальнейшем их можно было вытащить и развить до создания основ для формирования социальных групп.

Таким образом, современное состояние виртуальных социальных сетей указывает на то, что их особенность заключается как в создании множества рисков, связанных с деструктивными социальными феноменами, обусловленными общими тенденциями глобализации, цифровизации и виртуализации, так и в создании условий для предотвращения утраты смыслового содержания идентичности и её дальнейшего тотального перехода к симулякру с полной утратой своего смысла.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Куйбарь, В.И. К вопросу о виртуальных социальных сетях. / В.И. Куйбарь. – Текст : электронный // Церковь, государство и общество: исторические, политико-правовые и идеологические аспекты взаимодействия : материалы Международной научно-практической конференции / Межрегиональная общественная организация «Межрегиональная ассоциация теоретиков государства и права» (Иркутск, 27 марта 2020 года); под редакцией И.А. Арзуманова, С.А. Комарова, А.Е. Смирнова. – Москва С. 254-258. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44325079> (дата обращения 22.02.2023). – Режим доступа: Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU

2. Куйбарь, В.И. Problem of social identity in the globalized world. / И.А. Карданова, В.И. Куйбарь. – Текст : электронный // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: гуманитарные науки. 2018. - №5. С. 726-731. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35143041> (дата обращения: 23.02.2023) – Режим доступа: Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU

3. Тихомирова, Е.Г. Маска как культурная форма в истории отечественной культуры. Е.Г. Тихомирова. – Текст : электронный // Вестник МГУКИ. 2018. №1. С. 73-81. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/maska-kak-kulturnaya-forma-v-istorii-otechestvennoy-kultury> (дата обращения: 22.02.2023). – Режим доступа: российская научная электронная библиотека КиберЛенинка

4. Herbert, D. Social Media and Social Order. / D. Herbert and S. Fisher-Nøyrerem – Текст : электронный // Издательство «De Gruyter Open Poland», 2022. [сайт] – 152 С. – URL: <https://www.degruyter.com/document/doi/10.2478/9788366675612/html#MLA> (дата обращения: 20.02.2023).

5. Ming, X. Understanding Cyberculture from Perspective of Intercultural Communication. / X. Ming. – Текст : электронный // «Advances in Social Science, Education and Humanities Research» : материалы международной конференции социального развития и медиа коммуникации / Издательство «Atlantis Press SARL» (Шеффилд, 17 января 2021 года). – Шеффилд. С. 118–122. – URL: <https://www.atlantis-press.com/proceedings/sdmc-21/125968666> (дата обращения: 21.02.2023 года).

6. Patra, S. Intersubjectivity World of Virtual Reality: Facebook Users Behaviour in the Context of Privacy, Self and Identity. / S. Patra – Текст : электронный // Журнал «Media Watch». 2018. – № 9. С. 182-193. – URL: https://www.researchgate.net/publication/325086109_Intersubjectivity_World_of_Virtual_Reality_Facebook_Users_Behaviour_in_the_Context_of_Privacy_Self_and_Identity (дата обращения: 24.02.2023). – Режим доступа: научно-информационная социальная сеть ResearchGate

7. Dhir, A. Meme marketing: How marketers can drive better engagement using viral memes? / A. Dhir, A. Bilgihan, P. Sinha, S. Malodia, T. Tikoo. – Текст : электронный // Журнал «Psychology & Marketing». №39. С. 1775– 1801. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1002/mar.21702> (дата обращения: 22.02.2023).

8. Sloan, N. Beyond Based and Cringe: An Examination of Contemporary Modes of Irony and Sincerity in Cultural Production. / N. Sloan – Текст : электронный // Журнал «InVisible Culture». №34. С. [1-17]. URL: <https://www.invisibleculturejournal.com/pub/beyond-based-and-kringe/release/1> (дата обращения: 20.02.2023).

PECULARITIES OF SOCIAL MEDIA AS A PLATFORM FOR IDENTITY FORMATION

Petrosyan David Sergeevich

Abstract: the main serve of this article is to analyze the state of social media as an interactive field which has a potential to become a basis for the process of identity formation under the risks of its own digital nature.

Keywords: cyberspace, social media, identity, virtual reality, simulacra.

References:

1. Kuibar V.I. The question of social media. V.I. Kuibar. – Text : digital // Church, government and society: historical, political and legal aspects of interaction : proceedings of International science-practical conference / Interregional social organization «Interregional association of theoreticians, government and law» (Irkutsk, March 27, 2020 year); editors: I.A. Arzumanov, S.A. Komarov, A.E. Smirnov. – Moscow. P. 254-258.– URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44325079> (appeal date: 22.02.2023). – Access: Scientific digital library eLIBRARY.RU

2. Kuibar. V.I. Problem of social identity in the globalized world. / I.A. Kardanova, V.I. Kuibar. – Text : digital // Journal of Siberian federal university. humanities and social sciences. 2018. - №5. P. 726-731. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35143041> (appeal date: 23.02.2023) – Access: Scientific digital library eLIBRARY.RU

3. Tichomirova E.G. Mask as a cultural form in national culture. E.G. Tichomirova – Text : digital // Journal of Moscow State Art and Cultural University. 2018. №1. P. 73-81. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/maska-kak-kulturnaya-forma-v-istorii-otechestvennoy-kultury> (appeal date: 22.02.2023). – Access: Russian scientific digital library CyberLeninka

4. Herbert D. Social Media and Social Order. / D. Herbert and S. Fisher-Høyrem – Text : digital // // Published by «De Gruyter Open Poland», 2022. [webpage] – 152 P. – URL: <https://www.degruyter.com/document/doi/10.2478/9788366675612/html#MLA> (appeal date: 20.02.2023).

5. Ming X. Understanding Cyberculture from Perspective of Intercultural Communication. / X. Ming. – Text : digital // «Advances in Social Science, Education and Humanities Research» : Proceedings of the 2021 International Conference on Social Development and Media Communication (SDMC 2021) / Published by «Atlantis Press SARL» (Sheffield, January 17, 2021 year). – Sheffield. P. 118–122. – URL: <https://www.atlantispress.com/proceedings/sdmc-21/125968666> (appeal date: 21.02.2023 года).

6. Patra S. Intersubjectivity World of Virtual Reality: Facebook Users Behaviour in the Context of Privacy, Self and Identity. /S. Patra. – Text : digital // Journal «Media Watch». 2018. – № 9. P. 182-193. – URL: https://www.researchgate.net/publication/325086109_Intersubjectivity_World_of_Virtual_Reality_Facebook_Users_Behaviour_in_the_Context_of_Privacy_Self_and_I dentity (appeal date: 24.02.2023). – Access: scientific-informational social media ResearchGate

7. Dhir, A. Meme marketing: How marketers can drive better engagement using viral memes? / A. Dhir, A. Bilgihan, P. Sinha, S. Malodia, T. Tikoo. – Text : digital // Journal «Psychology & Marketing». №39. P. 1775– 1801. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1002/mar.21702> (appeal date: 22.02.2023).

8. Sloan N. Beyond Based and Cringe: An Examination of Contemporary Modes of Irony and Sincerity in Cultural Production. / N. Sloan – Text : digital // Journal «InVisible Culture». №34. P. [1-17]. URL: <https://www.invisibleculturejournal.com/pub/beyond-based-and-kringe/release/1> (appeal date: 20.02.2023).

СИСТЕМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ АКАДЕМИЗМА ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ¹

*Евгений Попов, ассистент
Южно-Российский государственный
политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова
Новочеркасск*

Аннотация. Статья посвящена теме академического лидерства высшей школы и миссия университета, которые становятся факторами в системе обеспечения национальной безопасности. В статье рассматривается третья миссия университета, а также делается вывод о том, что обеспечение национальной безопасности в контексте развития академизма высшей школы, возможно, реализовать посредством государственного заказа.

Ключевые слова: национальная безопасность, академическое лидерство, академизм высшей школы, третья миссия университета.

Система обеспечения национальной безопасности современного российского государства, ее реализация и исполнения является одним из ключевых моментов во внутренней и внешней политике. Утвердившись в настоящее время как целостная Стратегия, ее собственным моментом стало научно-технологическое развитие страны в целом [3]. Однако в контексте становления академизма высшей школы в рамках академического лидерства и развития третьей миссии университета утверждаются новые позитивные моменты в обеспечении национальной безопасности.

В современных российских условиях третья миссия университета утвердилась как концепция в 2017 г. после создания Московского

¹ Статья выполнена в рамках реализации гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки ведущих научных школ Российской Федерации (НШ-239.2022.2) «Академическое лидерство в пространстве развития транспрофессиональной идентичности и формирования рынка новой экономики в условиях дигитализации и регионализации высшего образования».

международного рейтинга «Три миссии университета», в которой под миссиями понимаются: «первая миссия» – образование, «вторая миссия» – научная деятельность, «третья миссия» – взаимодействие университетов и местных сообществ, для комплексного развития региона страны [5]. В научной и образовательной дискуссии в целом сложилось понимание «третьей миссии» как «... особенный фокус деятельности университетов, связанный с ориентацией вуза на потребности общества в целом и отдельных граждан в частности, а также активная социальная позиция университета в отношении своей территории, обусловленная многосторонним взаимодействием с различными заинтересованными участниками» [2, с. 22].

В таком понимании институты высшего образования становятся факторами в обеспечения национальной безопасности. В то же время в документах высшего образования утвердились следующие направления в реализации «третьей миссии»:

- Непрерывное образование в течение всей жизни. Очевидно, что количественный рост научных знаний об объективной реальности, которыми необходимо познать человеку неизбежно ведет к социокультурной практике непрерывного образования.

- Передача знаний и технологий. В современной российской экономике, которая является государственно-монополистической, одним из главных факторов развивающее экономику становится использование инновационных разработок и технологий. Университеты, являясь большой и организованной институциональной средой способны проводить прикладные исследования, искать в образовательной среде перспективных студентов, создавать, продвигать и внедрять результаты непроизводительного труда в региональную экономику.

- Взаимодействие высших учебных заведений со сферой материального производства в регионах. Социокультурная практика советского периода требовала тесного сотрудничества высших учебных заведений с

предприятиями с целью обеспечения прогрессивных технологических преобразований и подготовки высококвалифицированных кадров как позитивных моментов в повышении роста производительности труда. Сегодня данная социокультурная практика возвращается как необходимый момент в обеспечении национальной безопасности.

– Интеллектуальный потенциал высших учебных заведений позволяет им реализовывать экспертную деятельность в регионах и выступать субъектами в разработке документов стратегического планирования страны. Современная система государственного управления строится на постановки целей как предвосхищения желаемых результатов экономических интересов субъекта. Выступая в качестве научного сообщества как совокупности специалистов в различных областях научного знания, университеты могут разрабатывать стратегии социально-экономического развития, научно-технического развития. Кроме того, научное сообщество университетов могут осуществлять экспертную деятельность. Проведение любой экспертизы предполагает систему специальных знаний, специфических навыков в конкретном научном направлении, профессиональный опыт и материально-техническая база.

– Человеческий потенциал в университетах делает их субъективным фактором в регионе. Университеты, являясь бюджетной организацией с сотрудниками и обучающимися, реализуют множество социально значимых проектов в регионах страны. В последнее десятилетие участилось добровольное формирование волонтерских движений как добровольной деятельности, направленная на оказание различной помощи людям. В то же время высшие учебные учреждения создают условия для того, чтобы студенты становились сами участниками и организаторами социокультурных мероприятий, спортивных соревнований, радио-подкастов, видеоблогов способных оказывать воздействие на общественное сознание.

– Высшие учебные учреждения удовлетворяют социокультурные потребности социальных групп населения. Университеты обладают

значительными материальными и интеллектуальными ресурсами, которыми пользуются местные социальные группы и слои для удовлетворения своих потребностей. К ним можно отнести следующее:

- техногенные инфраструктуры как выставочные залы, музеи, спортивные комплексы, научные библиотеки и т.д.;
- институциональная среда как научно популярные лекции, продолжение культурных традиций социальных групп, концерты, площадка для обсуждения социально значимых вопросов региона и т.д.

В то же время в рамках высшей школы утверждается академическое лидерство как «... совокупности свойств, характеристик, условий высшего образования, способных выполнять задачу повышения авторитета высшего образования и в региональном, и в общероссийском пространствах. Развитие академического лидерства тесно связано с использованием потенциала дигитализации и регионализации» [1, с. 302].

С одной стороны, дигитализация в образовании представляет собой переход к цифровым формам образовательного процесса с применением информационных технологий. Данная тенденция формирует опосредствованный комплекс отношений в образовательной деятельности между участниками самого образовательного процесса в целом. Важно то, что данный процесс способствует развитию непрерывного образования в течение всей жизни для широких масс населения через относительно свободный доступ к образовательным программам, а также экономия времени на получение доступа к материалам изучаемого предмета.

С другой стороны, как отмечают специалисты, регионализация высшего образования направлено «... на включение регионального компонента в обучение и выпуск специалистов высшей школы» [4, с. 302]. Это означает, что в образовательных программах высших учебных заведений региона должны присутствовать моменты отвечающих социокультурным, производственным особенностям региона. В то же время высшим учебным заведениям для

преодоления внутренней направленности на собственные регионы необходимо развивать внешнее взаимодействие со всеми вузами страны в формах проведения совместных научно-исследовательских работ, обмениваться образовательным опытом между профессорско-преподавательским составом.

Важно то, что для долговременного существования системы обеспечения национальной безопасности необходимо утверждать государственный заказ. Как отмечают специалисты, его сущностью является «... как официально разработанного задания органов государственной власти (представляющих интересы государственного управления и развития) на производство образовательным учреждением конкретной образовательной услуги (продукции)» [4, с. 64-65].

Очевидно, что существенной проблемой в настоящее время является то, что «... опираясь на особенности развития образовательного пространства конкретных территорий, каждый регион формирует свое видение исполнения госзаказа на образовательные услуги. При отсутствии поддержки государством практики создания единого образовательного пространства (что проявляется в неоднородности учебных программ и дифференциации образовательных учреждений) именно на уровне регионов наиболее очевиден разрыв» [6, с. 23]. Речь идет о том, что, хотя государство и формирует заказ на различных специалистов через создание бюджетных мест, образовательные программы высшего образования формируются самостоятельно на региональном уровне, исходя из совокупности обязательных требований к образованию определенного уровня.

Таким образом, система обеспечения национальной безопасности в контексте развития академизма высшей школы проявляется во включении в себя моментов академического лидерства и третьей миссии университета. Развитие академизма в настоящее время возможно только в рамках государственного заказа на: специалистов, научные разработки. Ответы со

стороны университетов должны осуществляться на вызовы регионального характера.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Воденко, К.В. Академическое лидерство в контексте развития транспрофессиональной идентичности в условиях цифровизации и регионализации // Социальные и гуманитарные знания. 2022. Т. 8. № 3. С. 300-309.

2. Медушевский, Н.А., Перфильева, О.В. Интерпретация третьей роли университетов на современном этапе // Вестник РГГУ: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2016. № 3 (5). С. 19-31.

3. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (утвержденная указом Президента РФ от 31.12.2015 г. № 683). [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/cb0c5bc1eaf4bd94d8e78f233af494e8e9dcde2b/ (Дата обращения: 26.01.2023 г.)

4. Рогач, О.В. Формирование государственного заказа на образование: проблемы и перспективы развития // Политика и общество. 2017. № 5. С. 63-71.

5. Три миссии университета [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://mosiur.org/about/memorandum/> (Дата обращения 26.01.2023 г.).

6. Фролова, Е.В., Рябова, Т.М., Рогач, О.В., Медведева, Н.В. Государственный образовательный заказ как фактор социально-экономического развития региона // Образование и наука. 2020. Т. 22. № 1. С. 9-30.

THE SYSTEM OF ENSURING NATIONAL SECURITY IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPMENT OF HIGHER SCHOOL ACADEMICISM

Evgeny Sergeyevich Popov,

Assistant of the Department of Social Sciences and Humanities,
South Russian State Polytechnic University (NPI) named after M.I. Platov,
Novocherkassk, Russia

Annotation. The article is devoted to the topic of academic leadership of higher education and the mission of the university, which become factors in the system of ensuring national security. The article discusses the third mission of the university, and also concludes that ensuring national security in the context of the development of higher school academicism may be implemented through a state order.

Keywords: national security, academic leadership, academism of the higher school, the third mission of the university.

References:

1. Vodenko K.V. Academic leadership in the context of the development of transprofessional identity in the conditions of digitalization and regionalization // Social and humanitarian knowledge. 2022. Vol. 8. №. 3. pp. 300-309.
2. Medushevsky N.A., Perfilieva O.V. Interpretation of the third role of universities at the present stage // Bulletin of the Russian State University: Political science. History. International relations. Foreign regional studies. Oriental studies. 2016. №. 3 (5). pp. 19-31.
3. On the National Security Strategy of the Russian Federation (approved by Presidential Decree No. 683 of 31.12.2015). [electronic resource]. Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/cb0c5bc1eaf4bd94d8e78f233af494e8e9dcde2b/ (Accessed: 01/26/2023)
4. Rogach O.V. Formation of the state order for education: problems and prospects of development // Politics and society. 2017. №. 5. pp. 63-71.
5. Three missions of the University [Electronic resource]. Access mode: URL: <https://mosiur.org/about/memorandum/> (Accessed 26.01.2023).
6. Frolova E.V., Ryabova T.M., Rogach O.V., Medvedeva N.V. State educational order as a factor of socio-economic development of the region // Education and Science. 2020. Vol. 22. №. 1. pp. 9-30.

УДК 316.334.3

**СТРУКТУРЫ МОТИВАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ
СОВРЕМЕННОЙ МОСКОВСКОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ**

*Денис Репин, магистрант
Государственный академический университет гуманитарных наук
Москва*

Аннотация. Проводя анализ политического участия современной студенческой молодежи, автор предлагает свою систему типологизации мотивов политического участия. Предложенная типология мотивов политического участия способна помочь в будущих исследованиях

политического участия количественными методиками, что делает ее актуальной в рамках работы для современных социологов и политологов.

Ключевые слова: политическое участие, мотивы политического участия, электоральное политическое участие, протестное политическое участие, студенческая молодежь.

В современном мире глобальной турбулентности, в котором все больше набирают обороты противостояния идей западных демократий и сохранения локальностей, Российская политическая система остается главным актором в данном противостоянии и непосредственным инициатором сохранения многополярного миропорядка. Но в таком случае возникает совершенно новый вопрос, а именно: Каким образом, в ситуации глобальной неопределенности и ориентации на самобытность будет формироваться российская политическая система? Ответ же на данный вопрос надо искать в корне любых политических преобразований, а именно в молодежи. Еще в 60-е годы прошлого века молодежь выступала главным звеном преобразований в устоявшейся политической системе, что сделало ее основным вестником преобразований для многих государств. И это, не говоря уже о том, насколько больше прав и возможностей она получила на данный момент времени. Поэтому следует исследовать то, что представляет из себя мотивация политического поведения современной молодежи. Для этого же, нами было рассмотрено несколько теоретических концепций политического участия и мотивации политического участия, а также проведено эмпирическое исследование с представителями молодежи.

Исследованием политического участия занималось в свое время множество различных теоретиков социальных наук, к примеру, Г.Алмонд и С.Верба в своей работе «Гражданская культура. Политические установки и демократия в пяти странах» определяли политическое участие, как «действий частных граждан с целью прямого или косвенного влияния на отбор

государственных управленцев и их деятельность»¹. Также, данные исследователи, анализируя несколько политических систем Европы и Америки (в их числе такие страны, как: Англия, ФРГ, США и т.д.) выдвинули типологию политических культур, которую на сегодняшний день можно использовать, проводя анализ и других стран. Первый тип политической культуры исследователи назвали пароклиальной (приходской), для него характерно отсутствие у граждан, как интереса к политической жизни, так и знаний о своей политической системе. Второй тип – подданическая, в которой граждане уже более ориентированы на взаимодействие с политическими институтами, но субъектная активность внутри политической системы все также находится на достаточно низком уровне, индивид внутри такой политической культуры сильно подвержен влиянию государства, а при оказании государственной властью некоего негативного влияния, от индивида ответной реакции не последует. И третьей тип – партиципаторный (участнический), для которого характерно заинтересованность граждан политической сферой жизни общества, их всяческие попытки в этой жизни участвовать, такой тип должен, с точки зрения авторов, быть характерен всем современным демократиям.

Д. Найджел также давал свое определение политическому участию, говоря о нем, как о «действиях, посредством которых рядовые члены любой политической системы влияют или пытаются влиять на результаты ее деятельности»². Политолог здесь предлагает трактовать переменными для исследования данного объекта: объем влияния и объект влияния. Таким образом субъект политической деятельности, который в концепции данного ученого в первую очередь является рациональным, будет пытаться максимизировать полезность своих действий в этой области, а структуры гражданского общества тогда становятся непосредственными элементами,

¹ Алмонд, Г., Верба, С. Гражданская культура. Политические установки и демократия в пяти странах. с. 123.

² Nagel J.N. Participation. 1976. с. 3.

влияющими на конечное принятие политических решений, путем совместного взаимодействия участвующих в них индивидов.

На этом остановимся в контексте разговора о формах политического участия и способах их классификации и перейдем к еще одному немаловажному аспекту исследования данного объекта, а именно мотивов политического участия.

В политологии существует различные способы выделения мотивов политического участия, к примеру Г. Пэрри смог выделить три основных модели объяснения формирования политического участия. Первая – инструментальная модель, где политическое участие рассматривается, как инструмент, влияющий на принятие политических решения, а также реализацию индивидами, своих конкретных целей. Здесь основным мотивом участия индивидов в политике является осуществление в реальности их индивидуальных и групповых интересов, то есть принимая участие в политическом процессе люди своей целью ставят достижение выгодных им интересам, и добиваются их от существующей государственной власти. Вторая модель – коммунитарная, рассматривает главным мотивом политического участия стремление со стороны индивидов улучшать и развивать общество и существующие внутри него институты, а главным аспектом в данной модели является ориентация не на частный интерес, а существующие внутри общества стремление к сосуществованию и общности с другими его членами. Третья модель – образовательная ориентируется в отличии от двух предыдущих не на источники политического участия, а на его результаты. Здесь участие граждан в политике рассматривается, как важный элемент социализации, который в процессе жизнедеятельности становится неотделимым ее аспектом. Мотивом участия тогда здесь будет являться использование данного процесса, как некой формы самовыражения, в рамках которой индивид

может реализовывать свои способности и опыт полученный ранее, все также в процессе социализации. Все три указанные модели являются весьма жизнеспособными в рамках объяснения источника происхождения мотивационных оснований политического участия, хоть и в эмпирических исследованиях зачастую происходит ориентация на рационально основанную инструментальную модель.

Политическое участие также весьма зависимо от конкретных условий, диктуемых историческим и социальным контекстом, или же существующей политической системой. Важнейшим из подобных условий является политический режим, существующий в государстве. Так, в государствах либеральной демократии участие представляет собой свободный выбор каждого индивида, когда как в тоталитарном режиме такое действие подлежит контролю со стороны органов государственной власти и добровольным за частую не являться, что в полном смысле слова, как уже ранее указывалось, такое действие политическим участием назвать не позволяет. Далее немаловажным фактором можно обозначить уровень экономической развитости страны. К примеру, в странах развивающегося экономического типа политическое участие за частую является немногочисленным, а внутри политических решений огромную роль играет манипуляция. Происходит это во многом из-за низкого уровня образования среди населения этих стран, а также их тяжелым материальным положением, не позволяющим им, не думая о борьбе за свою жизнь, в полной мере заниматься политикой. На этом остановимся с теоретическим аспектом данного исследования и перейдем к его эмпирической части.

Для исследования мотивов, влияющих на политическое участие молодежи Москвы, было проведено эмпирическое исследование методом полуструктурированного, полуструктурированного интервью. Использование качественной методологии в данном контексте обуславливается, во-первых, сензитивностью политической тематики, а во-вторых, отсутствием точной

системы типологизации мотивов политического участия, которую можно было бы применить в количественном исследовании. Всего было проведено 12 интервью, с молодыми людьми, которые принимали участие в выборах. В рамках интервью респондентам задавались вопросы, касающиеся их заинтересованности политикой, и того, какими способами и в каком количестве они усваивают соответствующую информацию и ведут дискуссии по данной тематике. Также поднимались вопросы, касающиеся осуществляемых респондентами форм политического участия, их мотивов участия в них, а также рассматривалось влияние на них внешних факторов, таких как влияние близких, друзей, блогеров, политиков, работодателей и т.п. По итогам большинства интервью, среди молодежи Москвы, получилось также выявить позиции и мнения, касательно текущего политического процесса в нашей стране, а также целей, которые молодежь ставит перед собой, участвуя в нем.

Для начала посмотрим, какие группы респондентов нам удалось проинтервьюировать. Как уже было указано ранее общее количество респондентов составило 12 человек, из них все представители студенческой молодежи в возрасте от 21 до 25 лет. Половое распределение составило 5 представителей женского пола и 7 мужского пола. В основном это не бедные люди, оценивающие свой доход как средний, многие из них проживают до сих пор с родителями, которые и оказывают им финансовую поддержку. В данный момент большинство респондентов не работает, а занимается учебой в высших учебных заведениях, но периодически все-таки некоторые из них занимаются подработками.

По вопросу заинтересованности молодежи политикой, было выявлено 3 группы респондентов:

1) полностью не интересующиеся политикой («в основном мне это просто не интересно... бывает могу пару раз в месяц в ВК что-то увидеть, но это в основном касается чего-то очень масштабного» [интервью 3; м; 21г]; «Если честно нет, не интересуюсь совсем. Максимум от знакомых узнаю какие-то новости касательно политики, а так нет» [интервью 8; ж; 21г]);

2) интересующиеся редко («изредка интересуюсь... Думаю где-то раз в неделю» [интервью 4; м; 21г]);

3) Часто интересующиеся политикой. («Ну... Скорее да, чем нет. ...пару раз в день новости смотрю. Но когда какие-то, знаете, прям громкие события случаются, я слежу почти каждый час» [интервью 1; ж; 21г]; «Я не думаю, что между выходом какой-то важной новостью и моментом, когда я о ней узнаю может пройти больше часа, я всегда в инфополе» [интервью 12; м; 25г]).

Наиболее распространены в молодежной среде новые каналы коммуникации, такие как интернет СМИ, телеграмм каналы и блогеры («в основном через новостные интернет сайты» [интервью 6; ж; 22г]; «В основном просматриваю новостные телеграмм каналы» [интервью 2; ж; 21г]; «Блогеры. Ежи Сармат... Маргиналы» [интервью 12; м; 25г]), но также есть и те, кто просматривает традиционные СМИ («используя для этого каналы федерального телевидения» [интервью 10; м; 25г]). Практически каждый такой респондент заявил, что, хотя и просматривает каналы коммуникации с определенной позицией, но все равно пытается не просто их поглощать, а составлять свою позицию («Стараюсь просто анализировать поступающую информацию и самостоятельно ее как-то оценивать» [интервью 2; ж; 21г]; «К разным известным людям прислушиваюсь, но стараюсь сам формировать мнение» [интервью 7; м; 21г]). Это говорит нам о том, что практически каждый из опрошенных представителей молодежи в рамках огромного инфополя современности, является самостоятельным конструктором своего политического сознания, пытающимся не попасть под полноценное влияние какой-то из существующих точек зрения, и способного основываясь на

полученных фактах формировать отношение к окружающей политической действительности.

Дискуссии касающиеся политики респондентам также оказались не чужды («иногда бывает могу поспорить с кем-то из друзей» [интервью 2; ж; 21г]; «Ну иногда бывает такое, да.» [интервью 4; м; 21г]), но некоторые из них отказываются от их ведения, из-за возможности возникновения конфликтных ситуаций с близкими людьми, имеющими отличное мнение («С родителями как-то поначалу пыталась, сейчас уже понимаю, что бесполезно. Хотя иногда еще ругаемся на эту тему, бывает...» [интервью 1; ж; 21г]; «С семьей стараюсь не общаться по этому поводу... у нас достаточно разные на эту тему позиции, не хотелось бы на этом поводе вступать в конфликт» [интервью 5; ж; 22г]). На основе этого можно говорить об открытости темы политики в молодежной среде жителей Москвы, что с одной стороны может привести, к консолидации в обществе, если в данной возрастной группе будет наблюдаться совпадение мнений по разным вопросам данной тематики, с другой же это может привести к разногласию, как с представителями старших поколений, так и внутри рассматриваемой группы, при их несоответствии, и в последствии вылиться в открытый протест.

Из рассмотренных нами групп, как уже было сказано все респонденты участвовали в политическом процессе посредством электоральной активности, поэтому весьма важно было выявить мотивы, стоящие за участием каждой из рассмотренных нами ранее групп.

Для группы респондентов, не интересующихся политикой, таким мотивом стали деньги и подарки, выдаваемые за участие в голосовании: «Нуу... Вообще деньги, которые выдавали за участие...» [интервью 3; м; 21г]; «в основном подарки, которые разыгрывали, за участие. Так мне

это не особо интересно было» [интервью 8; ж; 21г], это было связано с одной стороны с их разочарованием от существующей политической системы («Я вообще в основном склонна считать, что в политике уже все решено за нас, так что он нашего участия или неучастия уже ничего не изменится... в будущем, если ситуация изменится, будет смысл этим интересоваться и заниматься, но пока точно нет» [интервью 8; ж; 21г]), а с другой полным целенаправленным игнорированием этой части политической сферы жизни («Да, для меня главное это личная выгода, которую я могу получить от такого действия, так как других положительных результатов от участия в данном процессе сейчас я не вижу» [интервью 3; м; 21г]).

Для респондентов, редко интересующихся политикой было выявлено отсутствие, как такового мотива участия («это было некое спонтанное желание, то есть вообще ничего так сказать, не сподвигло, просто захотел» [интервью 4; м; 21г]).

Для респондентов, интересующихся политикой часто, были выявлены мотивы:

принимать участие в делах государства («хотелось активнее принять участие в делах нашей страны» [интервью 1; ж; 21г]; «хочу хоть как-то влиять на политическую ситуацию в своей стране» [интервью 11; м; 21г]),

оказать влияние на политику, проводимую государством («повлиять на проводимую политику в государстве» [интервью 2; ж; 21г]; «Думаю это желание повлиять на политику в государстве, но сейчас это весьма проблематично» [интервью 9; м; 21г]),

приведение во власть людей с альтернативной точкой зрения («была надежда, что некоторые ребята смогут прорваться с альтернативной точкой зрения» [интервью 1; ж; 21г]; «Голосую за кого угодно, лишь бы не едро и не комуняка» [интервью 12; м; 25г]),

выражение таким образом своей позиции («хотя бы выразить свою позицию» [интервью 2; ж; 21г]; «высказала своё мнение проголосовав»

[интервью 6; ж; 22г]; «так что скорее пытаюсь так выразить свою позицию.» [интервью 9; м; 21г]; «хочу быть активным гражданином, и активно выражать свою политическую позицию» [интервью 11; м; 21г]),

достижения положительных изменений в стране («хотелось бы добиться хоть каких-то положительных изменений в нашей стране, а то пока совсем какой-то мрак.» [интервью 2; ж; 21г]; «конечно хотелось бы изменений в положительную сторону, вот ради чего участвую» [интервью 11; м; 21г],

уменьшения возможности воровства политического голоса («Ну, и шансов, что мой голос украдут так чуточку меньше» [интервью 2; ж; 21г],

внесения вклада в будущее страны («желание внести вклад во влияние на будущее страны» [интервью 5; ж; 22г]; «стало интересно, да и опять же внести свой вклад» [интервью 6; ж; 22г]),

развития в себе культуры участия («стараюсь ходить на все выборы, которые могу» [интервью 2; ж; 21г]; «Постоянно в голове звучит вопрос: - Если я не буду голосовать, то кто будет?» [интервью 5; ж; 22г]; «стараюсь ходить на все что есть» [интервью 9; м; 21г]; «не голосовал против, значит не имеешь права жаловаться, выборы — это культура, которой нет в этой стране, а я в себе ее воспитываю» [интервью 12; м; 25г]),

лицезрения того, как происходят выборы («Я привык слышать о нечестных выборах и всегда хотел увидеть своими глазами, удостовериться» [интервью 7; м; 21г]),

воплощения в жизнь программы кандидатов («в основном программы кандидатов, которые мне хотелось бы воплотить в жизнь» [интервью 5; ж; 22г]).

также в этой группе были выявлены позиции, которые рассматривались нами ранее говоря о людях менее заинтересованными

политикой, такие, как отсутствие мотива участия в выборах («скорее спонтанное желание и физическая возможность нежели что-то конкретное.» [интервью 10; м; 25г]) и мотивация путем наличия материального вознаграждения («а также весьма приятными оказались материальные вознаграждения за это дело» [интервью 11; м; 21г]), отличием, здесь является то, что в первом случае такое отношение респондента к электоральному участию вызвалось его полным недоверием к текущему политическому процессу («Не особо я вижу смысл в этих выборах при текущем политическом и экономическом строе.» [интервью 10; м; 25г]) и определении им выборов, как не нужных. Во втором же случае, материальное вознаграждение, полученное респондентом, не выступало его конечной целью, а скорее было приятным дополнением к выражению своей позиции («хочу быть активным гражданином, и активно выражать свою политическую позицию» [интервью 11; м; 21г]).

Также стоит отметить, что многие респонденты, участвуя в электоральной активности, осознают возможность фальсификаций («Муниципальным доверяю, московским – чуть меньше, Госдуме не доверяю. Президентским доверяю, а что им доверять? Если вокруг него в выборном бланке только гоблинов да ноунеймов допустили, конечно победил» [интервью 12; м; 25г]), и даже предполагают их наличие («Осознаю, что мой голос не повлияет не на что, из-за того, что всё равно фальсификаций слишком много» [интервью 5; ж; 22г]), что не мешает им продолжать участвовать в данном процессе («доверия у меня нет, но есть надежда, что мой голос всё таки хоть на что-то влияет» [интервью 6; ж; 22г]), хотя и иногда деморализует их («Отношусь достаточно скептически к результатам так как случаи вбросов голосов достаточно часто происходят, это немного конечно снижает желание на выборы ходить» [интервью 11; м; 21г]; «Я не была уверена, что в этом есть смысл, все равно фальсификация все исправит» [интервью 1; ж; 21г]).

Респонденты в основном стараются сам определять участвовать им в электоральной активности или нет («не, это только мое желание» [интервью 5; ж; 22г]; особо никто не как не влияет [интервью 2; ж; 21г]), как это происходит и с уже рассмотренным нами составлением мнения о политической ситуации в стране, что в очередной раз говорит о развитости политического сознания молодежи Москвы. Хотя иногда влияние со стороны может быть стимулирующим фактором, при наличии апатичных настроений («сподвигли мои друзья, которые тоже участвовали. Они как-то вселили уверенность в том, что еще можно что-то изменить...» [интервью 1; ж; 21г]).

У респондентов также спрашивалось, участвовали ли они в протестных формах политического участия, для выяснения возможных мотивов такого участия. Из высказанных респондентами можно отметить мотивы:

сделать хоть что-то («Но хотелось сделать хоть что-то, невозможно было сидеть и молчать» [интервью 1; ж; 21г], «нужно выйти на улицы, чтобы показать, что нам не все равно» [интервью 7; м; 21г]),

изменить в лучшую сторону («Ну принимаю участие, потому что желаю что-то изменить в лучшую сторону» [интервью 5; ж; 22г]; Желание что-то изменить, на что-то повлиять» [интервью 7; м; 21г]),

высказать поддержку политическому деятелю («в поддержку Навального. Хотелось поддержать его и показать, что мне не безразлично» [интервью 6; ж; 22г]),

поддержать свои идеалы («почему бы не выйти и не поддержать то, что ты считаешь благим для себя или страны в которой ты живёшь.» [интервью 6; ж; 22г]; «5 лет назад во что-то и верил» [интервью 12; м; 25г]),

выступить против результатов выборов («кажется после выборов 2018 парочку» [интервью 12; м; 25г]),

поддержать политическую партию («На митинги либертарианцев в 2019» [интервью 12; м; 25г]),

дать выход внутренним чувствам («Уровень злобы и внутренних ощущений» [интервью 12; м; 25г]),

почувствовать единство («как бы это странно не прозвучало, но единение. Когда на протесте видишь людей разных возрастов, которые хотят того же, чего и ты, кажется, что ты не один» [интервью 7; м; 21г]).

Данные респонденты также отметили, что понимают возможную опасность, существующую в нашей стране, от участия в такой форме политической активности («были примеры в моей жизни, когда последствия участия в митингах затрагивали жизни моих друзей, поэтому немного страшно становится. Опасаюсь того, как это может в будущем повлиять на мою жизнь, и не то, что в будущем, а уже даже в настоящем» [интервью 5; ж; 22г]), но это не всегда останавливает их от возможного участия («думаю буду ходить. Надо только штраф за прошлое мероприятие оплатить» [интервью 7; м; 21г]). Это говорит нам о понимании данной группой респондентов силы и важности своего участия в такой неконвенциональной форме политического участия, как политический протест. Также сопровождается их политической образованностью, и представляет собой некую возможность проявить и отстоять свою гражданскую позицию.

Также у респондентов узнавалась их осведомленность деятельностью партий в нашей стране, а также их включенность в нее. Здесь респондентов оказались безучастными в этой форме политического участия, и более того не заинтересованными политическими партиями вовсе («этим вопросом вообще не интересуюсь. Не особо доверяю им» [интервью 2; ж; 21г]), так как они показались им ненужными и неспособными что-то действительно менять («Не знаю, не думаю, что какая-то партия из существующих может в этой стране что-то изменить, а о каких-то новых интересных, за которыми хотелось бы следовать я пока не слышал» [интервью 11; м; 21г])

Теперь, основываясь на выделенных мотивах политического участия, мы можем попытаться построить типологию мотивов политического участия для современной московской молодежи. Основываясь данная типология будет на таких факторах, как: рациональность/иррациональность, конкретность/абстрактность. Следуя данной типологизации, можно отнести к рациональным, мотивы, которые предполагают осознанность и осмысленность их респондентами. Такими являются мотивы:

- поддержать политическую партию
- выступить против результатов выборов
- поддержать свои идеалы
- высказать поддержку политическому деятелю
- изменить в лучшую сторону
- воплощения в жизнь программы кандидатов
- приведение во власть людей с альтернативной точкой зрения
- деньги и подарки
- принимать участие в делах государства
- оказать влияние на политику, проводимую государством
- выражение таким образом своей позиции
- достижения положительных изменений в стране
- уменьшения возможности воровства политического голоса
- внесения вклада в будущее страны
- развития в себе культуры участия
- лицемерия того, как происходят выборы

И иррациональными тогда будут мотивы, как таковые не осмысливаемые респондентами. Такими можно назвать мотивы:

- сделать хоть что-то
- дать выход внутренним чувствам
- почувствовать единство

Среди рациональных мотивов, также можно провести деление, на конкретные и абстрактные. Конкретными мы будем считать мотивы, направленные на осуществление какой-то конкретной цели, а абстрактными мотивы, относящиеся к каким-то общим постулатам, не имеющих конкретной цели. Таким образом конкретными мы назовем мотивы: поддержки политической партии, выступления против результатов выборов, поддержки политического деятеля, воплощение в жизнь программы кандидата, приведение во власть людей с альтернативной точкой зрения, деньги и подарки, выражение своей позиции, уменьшение возможности воровства политического голоса, развитие в себе культуры участия, лицемерие того, как происходят выборы. Абстрактными тогда будут являться мотивы: изменить в лучшую сторону, принимать участие в делах государства, оказать влияние на политику, проводимую государством, достижение положительных изменений в стране, внесение вклада в будущее страны. Таким образом, именно на основе анализа конкретных, рациональных мотивов участия предлагается проводить дальнейший количественный анализ политического участия молодежи Москвы. Так как они наиболее четко могут быть изучены опросными методами, ввиду их конкретности, и возможности построения на полученных данных четких выводов. Кроме того, именно эти мотивы являются наиболее доступными и полезными для анализа в рамках социологии, так как иррациональные мотивы в основном попадают в область исследования психологии, а анализ абстрактных мотивов, как уже говорилось ранее, затруднителен в рамках количественных исследований, а в рамках качественных лишь может дать нам полезную информацию, при полном разъяснении своих позиций респондентами, что может быть уже для них затруднительно.

В результате проведенного анализа нам удалось определить, какие группы по заинтересованности политикой существуют среди молодежи Москвы, а также какими способами получения информации на данную

тематику они пользуются. Было выявлено, что молодые москвичи интересуются политикой, участвуют в дискуссиях на данную тематику и способны составлять свое мнение по данной тематике, что говорит о достаточном развитии их политического сознания. Также были выявлены мотивы политического участия молодежи, как в электоральной активности, так и в протестной, и на их общей основе нами была построена типология, которая в будущем может быть использована для проведения количественного исследования по данной тематике, также использоваться в государственной политике, для сообщения политической культуре более «партиципаторных» характеристик и расширения возможностей легального политического участия.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Алмонд, Г., Верба, С. Гражданская культура. Политические установки и демократия в пяти странах/ Г. Алмонд, С. Верба. — Москва: Мысль, 2014. — 500 с.
2. Гончаров, Д.В. Теория политического участия / Д.В. Гончаров. - М.: Юрист, 1997. - 316 с
3. Далтон, Р. Дж. Сравнительная политология: микроповеденческий аспект / Р. Дж. Далтон // Политическая наука: новые направления. – М.: Вече, 1999. – С. 330–344.
4. Седов, Л.А. Традиционные черты российской политической культуры в их современном преломлении / Л.А. Седов / Общественные науки и современность. - 2006. - № 3. - С. 67-74
5. Milbrath, L.W, Goel M.L. Political Participation: How and Why Do People Get Involved in Politics. – 1977. – 273 p.
6. Nagel, J.N. Participation. / J.N. Nagel. – 1976. – 248 p.

STRUCTURES OF MOTIVATION OF POLITICAL BEHAVIOR OF MODERN MOSCOW STUDENTS

Denis Repin, Master's student
State Academic University of Humanities
Moscow

Annotation. Analyzing the political participation of modern students, the author offers his own system of typologization of motives for political participation. The proposed typology of motives of political participation can help in future studies of political participation by quantitative methods, which makes it relevant in the framework of work for modern sociologists and political scientists.

Keywords: political participation, motives of political participation, electoral political participation, protest political participation, student youth.

References

1. Almond, G., Verba, S. Civil culture. Political attitudes and democracy in five countries / G. Almond, S. Verba. - Moscow: Thought, 2014. - 500 p.
2. Goncharov, D.V. Theory of political participation / D.V. Goncharov. - M.: Lawyer, 1997. - 316 p.
3. Dalton, R. J. Comparative Politics: Microbehavioral Aspect / R. J. Dalton // Political Science: New Directions. – M.: Veche, 1999. – S. 330–344.
4. Sedov, L.A. Traditional features of Russian political culture in their modern interpretation / L.A. Sedov / Social Sciences and Modernity. - 2006. - No. 3. - S. 67-74
5. Milbrath, L.W., Goel M.L. Political Participation: How and Why Do People Get Involved in Politics. - 1977. - 273 p.
6. Nagel, J.N. participation. / J.N. Nagel. - 1976. - 248 p.

УДК 159.922

ГРАЖДАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ СТУДЕНТОВ И ФАКТОРЫ ЕЕ ФОРМИРОВАНИЯ

*Дарья Розова, магистрант
Кубанский государственный университет
Краснодар*
*Кристина Хромых, студентка
Кубанский государственный университет
Краснодар*

Аннотация: В данной статье представлены результаты исследования факторов, влияющих на формирование и понимание гражданской идентичности студентами г. Краснодар. Рассматриваются разные подходы к пониманию термина.

Ключевые слова: гражданская идентичность, студенты, факторы формирования.

В настоящее время процессы общественно-политических и социально-экономических преобразований, которые происходят в Российской Федерации, требуют решения ряда важных, качественно новых задач по созданию суверенного, экономически развитого, обеспечивающего на деле конституционные свободы, права и обязанности граждан с полной гарантией их правовой и социальной защищенности. В свою очередь, для решения таких задач необходимо глубокое осмысление гражданами государства всего происходящего, выработка активной жизненной позиции и вовлечённость в повседневную деятельность в интересах общества и государства. Это предполагает необходимость формирования у граждан таких качеств, как патриотизм, преданность Родине и желание ее защищать, а также формирование гражданской ответственности и идентичности.

Гражданская идентичность является одним из фундаментов формирования личности современной российской молодежи и именно поэтому необходимо правильно понимать, что же такое гражданская идентичность и как она формируется.

Обратимся к сущности понятия «Гражданская идентичность». Некоторые исследователи, такие как В.В. Петухов, М.К. Горшков и др., под гражданской идентичностью понимают как отождествление человека с гражданами страны, так и их представление о себе. С позиции других авторов, например, В.А. Тишкова, гражданская идентичность – это патриотизм и знания о своей стране [3, с. 59]

По мнению Л.М. Дробижевой, гражданская идентичность – это отождествление человека с обществом, государством и страной. Автор считает, что она является цементирующей основой социальной интеграции и сплачивает население. В понятии гражданской идентичности Л.М. Дробижева выделяет национально - гражданскую и государственно - гражданскую идентичность. Последняя включает лояльность государству, а национально - гражданская идентичность отождествляется с гражданами страны, солидарностью общества, ответственностью за судьбу страны [2, с. 100].

Также важно понимать какие факторы влияют на становление и поддержание гражданской идентичности населения. К ним относятся: 1) общее историческое прошлое (общая судьба), укореняющее и легитимизирующее существование данной общности, воспроизводящееся в мифах, легендах и символах; 2) самоназвание гражданской общности; 3) общий язык, являющийся средством коммуникации и условием выработки разделяемых смыслов и ценностей; 4) общая культура (политическая, правовая, экономическая), построенная на определенном опыте совместной жизни, фиксирующая основные принципы взаимоотношений внутри общности и ее институционального устройства; 5) переживание данным сообществом совместных эмоциональных состояний, особенно связанных с реальными политическими действиями [1, с. 141].

В настоящее время молодое поколение не имеет единого понимания «Гражданской идентичности» и факторы ее формирования, так как на каждого из них влияют различные источники.

Изучая данную проблему, мы начали исследование с проведения анкетирования, в котором приняли участие студенты города Краснодара. Всего в исследовании приняло участие 100 респондентов, из них 60 женщин и 40 мужчин. 30% опрошенных студенты 1 курса, 27% – студенты 2 курса; 18% – студенты 3 курса, 8% – студенты 4 курса, 9% – студенты 1 курса магистратуры и 8% – студенты 2 курса магистратуры.

На наш взгляд, анализ ответов на заданные вопросы позволяет составить общее представление о гражданской идентичности студентов и того, как она формируется.

Первая задача исследования – выявить что именно понимается под гражданской идентичностью у студенческой молодежи.

Для решений данной задачи респондентам был задан общий, вводный вопрос, касающийся того, что они понимают под термином «Гражданская идентичность», с предоставленными вариантами ответов. Данные представлены на Рисунке 1.

Рисунок 1. Понимание термина «Гражданская идентичность», %

Как видно из представленной выше линейчатой диаграммы, 57% считают, что наиболее подходящее определение «Гражданской идентичности» – это свободное отождествление человека с народом (русской нацией), включённость человека в культурную, общественную жизнь страны, ощущение причастности к будущему, настоящему и прошлому русской нации, осознание себя россиянином. Еще 37% респондентов признали, что «Гражданская идентичность» – осознание личностью своей принадлежности к сообществу граждан определённого государства на общекультурной основе.

6% согласились с определением «Гражданская идентичность» – реализация базисных потребностей личности в принадлежности к группе.

Второй задачей исследования являлось рассмотрение факторов формирования гражданской идентичности. Данные представлены на Рисунке 2.

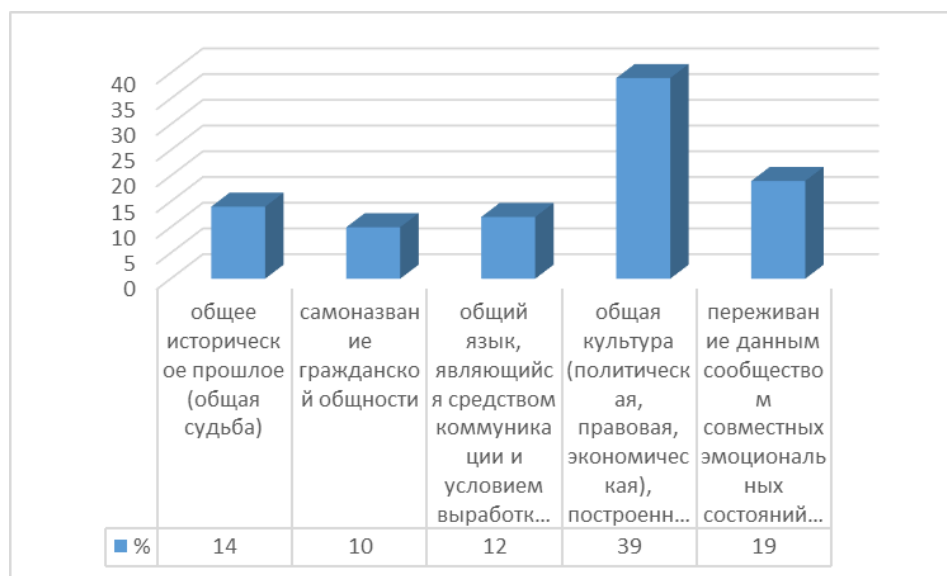

Рисунок 2. Факторы формирования гражданской идентичности, %.

Респонденты должны были обозначить для себя основной фактор формирования гражданской идентичности и, большинство (39%) выделили такой фактор как «общая культура (политическая, правовая, экономическая), построенная на определенном опыте совместной жизни», на втором же месте (19%) – «переживание данным сообществом совместных эмоциональных состояний, особенно связанных с реальными политическими действиями», третьим по значимости стал фактор «общее историческое прошлое (общая судьба)» его назвали 14% опрошенных, далее такой фактор как «общий язык, являющийся средством коммуникации и условием выработки разделяемых смыслов и ценностей» – (12%), «самоназвание гражданской общности» – 10%. Один респондент отметил, что все перечисленные факторы влияют на формирование гражданской идентичности. Так же была предложена и собственная интерпретация факторов: 1. Выработка определенных целей и

задач для построения совместного будущего; 2. Территория; 3. Государствообразующий, а следовательно титульный этнос; 4. Экономика.

Третьей задачей работы стало определение основополагающего социального института в формировании гражданской идентичности. Данные представлены на Рисунке 3.

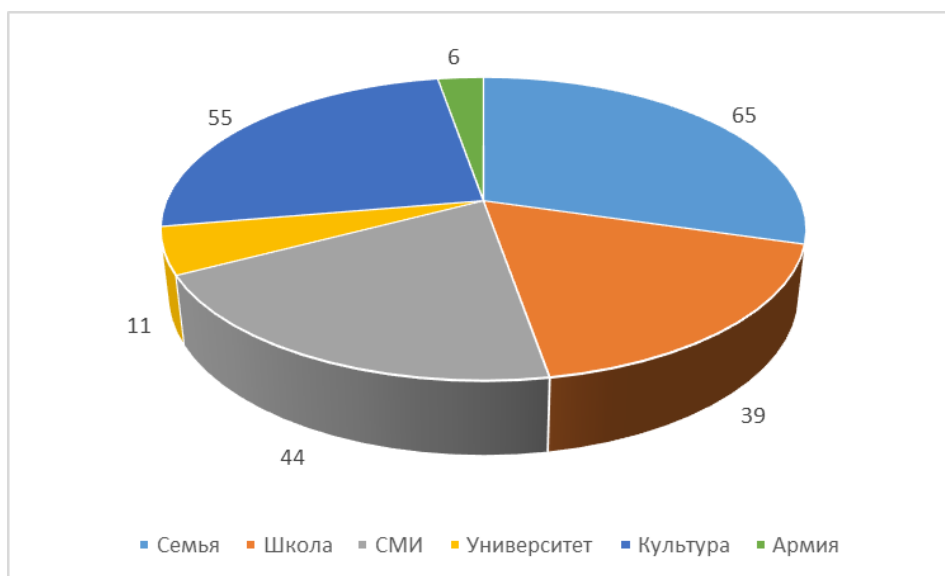

Рисунок 3. Социальные институты в формировании гражданской идентичности, %.

По итогам основополагающим социальным институтом респонденты в большинстве (65%) своем отметили – семью, затем культуру (55%) и ее воздействие на человека. СМИ (44%), Учебные учреждения (39% – школа и 11%) и Армия (6%) тоже оказывают немалую роль на этапах формирования.

Следующая задача работы заключалась в определении наиболее распространенного уровня сформированности гражданской идентичности.

Для достижения этой задачи следующим этапом работы стало определение у каждого респондента уровня сформированности гражданской идентичности. На основе общей суммы набранных баллов можно определить уровень модернизированности гражданской идентичности студенческой молодежи. В соответствии с ключом для обработки результатов тестирования модернизированности гражданской идентичности как интегральной величины,

было предусмотрено выделение трех основных уровней – низкого, среднего и высокого.

Высокий уровень – от 54 до 80 баллов;

Средний уровень – от 28 до 53 баллов;

Низкий уровень – от 0 до 27 баллов. Данные представлены на Рисунке 4.

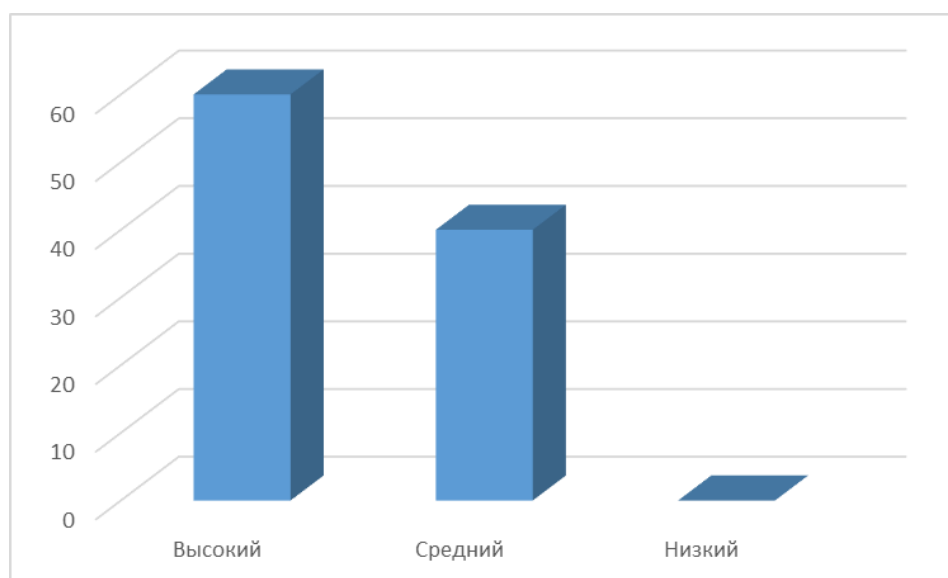

Рисунок 4. Распределение респондентов в соответствии с их уровнем сформированности гражданской идентичности, %.

Большая часть респондентов (60%) с расчетами баллов за их ответы соответствует высокому уровню сформированности гражданской идентичности – он предполагает необходимые изменения установок к элементам образа жизни современного общества и формирование личностью устойчивого мышления, стремление к знаниям, убеждениям и гражданской позиции; гражданский патриотизм; уважение к истории своей Родины и ответственность за ее судьбу в современном мире; толерантность и великодушие к народу, принятие ведущих ценностей своей национальной культуры, культуры своего этноса; готовность к действиям в защиту своей Родины, своего народа, участие в патриотической деятельности, готовность к диалогу и сотрудничеству с людьми разных убеждений, национальных культур

и религий, готовность к изучению социокультурного наследия своего региона, этноса [4, с. 5]. 40 % опрошенных соответствуют среднему уровню сформированности гражданской идентичности – он предполагает незначительные изменения установок к элементам образа жизни современного общества; не выраженное стремление к знаниям, убеждениям и гражданской позиции; нормальный гражданский патриотизм; уважение к истории своей Родины и ответственность за ее судьбу в современном мире; неразвитыми чувствами толерантности и великодушия к народу; средним восприятием ведущих ценностей своей национальной культуры, культуры своего этноса; действиями в защиту своей Родины, своего народа; неактивным желанием участвовать в патриотической деятельности; нормальной готовностью к диалогу и сотрудничеству с людьми разных убеждений, национальных культур и религий, незначительной готовностью к изучению социокультурного наследия своего региона, этноса [4, с. 5]. Низкого уровня выявлено не было.

На основе данного исследования можно определить ряд характерных черт, выявленных при анализе восприятия термина «гражданская идентичность». Большинство респондентов отождествляют себя с народом (русской нацией), включаются в культурную, общественную жизнь страны, ощущают причастность к будущему, настоящему и прошлому русской нации, осознают себя россиянином. Мнение о факторах формирования гражданской идентичности, которые известны всем, подтвердилось, также были выделены основные из них. Было выявлено, что большая часть респондентов ощущает себя на высоком уровне сформированности гражданской идентичности, определить это мы смогли с помощью специального теста.

Анализ теоретических подходов к понятию гражданской идентичности позволяет нам заключить, что большинство исследователей в данной области сходятся во мнении, что гражданская идентичность тесно связана с восприятием самого человека по отношению к его стране, нации.

В результате исследования было определено, по мнению респондентов, что семья находится, на первом месте среди социальных институтов и в достаточной мере формирует гражданскую идентичность студенческой молодежи.

Для поддержания данного уровня или повышения сформированности гражданской идентичности студентов мы предлагаем реализовывать различные проекты в сфере СМИ. Например, с помощью интернета и телевидения. Необходимо демонстрировать населению различные программы, а также фильмы, в которых бы поднималась проблема патриотизма, как одна из черт формирования гражданской идентичности. Также детские телеканалы могут показывать, например, тематические мультфильмы, как инструмент заложения патриотизма с ранних лет.

Таким образом, проведенный анализ гражданской идентичности, а также результаты проведенного социологического исследования позволяют сделать выводы о том, что данная тема является актуальной и требует дальнейшего изучения.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Водолажская, Т. Идентичность гражданская [Текст] / Водолажская Татьяна // Образовательная политика. – 2010. – № 5-6. – С. 140-142. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/identichnost-grazhdanskaya> (Дата обращения: 20.02.2023).

2. Дробижева, Л. М. Гражданская идентичность в Москве и регионах [Текст] / Л. М. Дробижева // Вестник РУДН. – 2008. – № 3. – С. 100-106. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdanskaya-identichnost-v-moskve-i-regionah> (Дата обращения: 20.02.2023).

3. Еремина, Е. В., Ретинская, В. Н. Гражданская идентичность молодежи как приоритетное направление государственной политики [Текст] / Еремина Е. В., Ретинская В. Н. // Власть. – 2014. – № 4. – С. 59-62. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdanskaya-identichnost-molodezhi-kak-prioritetnoe-napravlenie-gosudarstvennoy-politiki> (Дата обращения: 20.02.2023).

4. Тест "Выявление уровней гражданской идентичности учащейся молодежи" // Комплексная безопасность образовательных учреждений в условиях поликультурного общества. – Казань: Издательство «Данис», 2015. –

STUDENTS' CIVIC IDENTITY AND FACTORS OF ITS FORMATION

Rozova D.A.

1st year master's student

Faculty of History, Sociology and International Relations
Kuban State University, Krasnodar, Russia

Khromykh K. S.

2nd year bachelor student

Faculty of History, Sociology and International Relations
Kuban State University, Krasnodar, Russia

Abstract: This article represents the results of a study of factors influencing the formation and understanding of civic identity by students of Krasnodar. Different approaches to understanding the term are considered.

Keywords: civic identity, students, factors of formation.

References:

1. Vodolazhskaya T. Civil identity [Text] / Vodolazhskaya Tatiana // Educational policy. - 2010. – № 5-6. – PP. 140-142. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/identichnost-grazhdanskaya> (Date of address: 02/20/2023).
2. Drobizheva, L. M. Civil identity in Moscow and the regions [Text] / L. M. Drobizheva // Bulletin of the RUDN. – 2008. – No. 3. – pp. 100-106. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdanskaya-identichnost-v-moskve-i-regionah> (Date of address: 02/20/2023).
3. Eremina E. V., Retinskaya V. N. Civic identity of youth as a priority direction of state policy [Text] / Eremina E. V., Retinskaya V. N. // Power. – 2014. – No. 4. – PP. 59-62. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdanskaya-identichnost-molodezhi-kak-prioritetnoe-napravlenie-gosudarstvennoy-politiki> (Date of address: 02/20/2023).
4. Test "Identification of levels of civic identity of students" // Complex security of educational institutions in a multicultural society. – Kazan: Danis Publishing House, 2015. – pp. 6-12. – EDN WGIXRN/ URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_26428874_76546609.pdf (Date of address: 02/20/2023)

УДК: 323.2

ГРАЖДАНСКАЯ АКТИВНОСТЬ ГОРОДСКИХ ЖИТЕЛЕЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Юрий Сидоров

*Институт социологии и регионоведения ЮФУ
Ростов-на-Дону*

Аннотация: В статье описывается, как город и городская жизнь влияют на гражданскую активность жителей, стимулируя ее развитие. Уделяется особое внимание тому, что гражданская активность и теоретические подходы к её изучению рассматриваются в социологии уже довольно долгое время. В статье представлены различные подходы к определению гражданской активности. В статье раскрывается классификация уровней гражданской активности, предложенная М. С. Кругловым, обсуждаются различные формы гражданской активности на городском уровне, а также важные факторы, стимулирующие гражданскую активность горожан. Кроме того, автор анализирует психологические и социальные ограничения для проявления гражданской активности в России и запрос общества на гражданскую активность.

Ключевые слова: гражданская активность, городской уровень гражданской активности, формы гражданской активности, уровни гражданской активности.

Город и городская жизнь являются важным аспектом исследований в рамках отдельной отрасли социологии – социологии города. Россия – страна городов, большинство граждан России (109.5 млн. человек) проживают в городах [1]. Городское население характеризуется высоким уровнем мобильности, поскольку город и его пространство, специфическая городская среда стимулирует жителей к совместным действиям.

С одной стороны - жители городов представляют собой автономные единицы, со своими личными интересами и представлениями об устройстве и развитии города, благоприятной городской среде, с другой – максимальная близость горожан дает возможность находить тех, кто разделяет их взгляды и интересы и реализовывать их через практики гражданской активности, преобразовывая среду вокруг себя.

Таким образом, специфика города, городской стиль жизни оказывают влияние на гражданскую активность жителей, стимулируя её. Поэтому гражданский активизм, практики активизма, социальные факторы, стимулирующие гражданскую активность, являются предметом научного интереса социологов.

Гражданская активность с точки зрения социологии изучается уже достаточно долгое время, поэтому возникло множество теоретических подходов к изучению данной проблематики. Каждый подход уникален, в них выводятся нетождественные понятия гражданской активности, её функции.

Впервые гражданская активность рассматривалась такими философами, как Г. Гегель, И. Кант, Дж.Ст. Милль, А. де Токвиль, Ж.-Ж. Руссо. Мыслители рассматривали гражданскую активность с точки зрения «светского» подхода [2]. М. Вебер определял гражданскую активность, как рациональную договоренность акторов, основанную на согласии. В дальнейшем тема гражданской активности пришла и в социологию. К. Маферсон, Н. Боббио считали, что гражданский активизм – это основа демократического государства. В работах российских социологов гражданская активность является частью социальной активности и участие граждан в социально-политических практиках. Отечественные социологи рассматривают гражданскую активность с точки зрения совокупности полей: образования, права и политического участия.

На основе рассмотренных теоретических подходов можно сформулировать определение гражданской активности, как договоренности

акторов, позволяющей им действовать сообща с другими, преследуя свои интересы, но достигая при этом общественных целей. Гражданская активность может проявляться при условии реализации прав и свобод граждан и предполагает ответственность.

Гражданская активность, как социальная деятельность имеет множество общественно значимых функций: интеграционная, мобилизационная, функция поддержки и консолидации демократии, участие граждан в процессе правотворчества, контроль за властными органами, формирование в обществе культуры «участия». Функции гражданской активности очень важны для сохранения демократического общества и выражения воли граждан. Реализуя данные функции, граждане участвуют в развитии своего района, города, региона и государства.

Гражданская активность может проявляться на разных уровнях. Круглов М. С. предложил следующую классификацию уровней гражданской активности и назвал ее «Пирамидой гражданской активности» [3]. Самый нижний уровень – локальный – группы местных жителей организуются спонтанно, их интересы направлены на совершенствование личного пространства и общественного пространства в географической близости к месту проживания. Городской уровень – группы людей обладают горизонтальными связями, у групп преобладает общественный интерес над решением проблемных вопросов городской среды. Региональный уровень – на данном уровне граждане связаны опосредовано, зачастую в группах граждан люди незнакомы друг с другом и их объединяют общие ценности и интересы по отношению к региональным проблемам. Федеральный уровень – группы людей с разными интересами, но все они преследуют цель развития и усовершенствования своего государства. Тут заметен максимальный интерес к политике и участие в ней. Уровень непосредственного политического участия – на данном уровне находятся самые активные граждане – лидеры, которые стремятся к непосредственному участию в принятии политических решений.

Одним из важнейших уровней проявления гражданской активности является городской уровень. Наиболее распространенными формами гражданской активности на этом уровне являются: общественные слушания, интернет-пабрики с новостной повесткой города, обращения горожан к власти (петиции), проектная деятельность, просветительские семинары [4].

Важными факторами, стимулирующими гражданскую активность горожан, считаются: инфраструктура города, мобильность, публичная сфера. Они мотивируют горожан участвовать в жизни города. Разнообразие групп позволяет горожанам воспринимать город и городскую среду с разных точек зрения, и этот субъективный взгляд влияет на их заинтересованность в улучшении различных аспектов города.

Анализ исследований проведенных за последние 7 лет показывает, что, с одной стороны - у россиян есть психологические и социальные ограничения для проявления гражданской активности: неверие в возможности оказывать влияние на принятия решений; индивидуализм, когда «каждый сам за себя»; недостаток времени, чрезмерная занятость, безразличие к общим делам; низкое доверие властям всех уровней [6]. Кроме того, государство в лучшем случае не поощряет, а в худшем препятствует активизму граждан. С другой стороны - в российском обществе есть запрос на гражданскую активность. На протяжении ряда лет социологи фиксировали рост общественных организаций самых разных направлений деятельности. Эту деятельность осуществляют, преимущественно, образованные городские жители молодых и средних возрастных когорт [6].

Таким образом, городское пространство является местом для встречи и взаимодействия различных групп населения, улицы и площади города становятся местом для проявления гражданской активности граждан.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Статистический источник: сайт Всероссийского центра исследования общественного мнения [Электронный ресурс]. 2021. Дата обновления: 27.03.2022. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnaja-i-politicheskaja-aktivnost-rossijan-monitoring> (дата обращения: 27.03.2022).
2. Герасимова Г. И. Шевцова О. В. Теоретические подходы к исследованию гражданской активности молодежи // Теория и практика общественного развития. 2021. №10 (164). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-podhody-k-issledovaniyu-grazhdanskoy-aktivnosti-molodezhi> (дата обращения: 19.03.2022).
3. Круглов М. С. Современные формы гражданской активности в политическом процессе российской Федерации // Теория и практика общественного развития. 2014. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-formy-grazhdanskoy-aktivnosti-v-politicheskom-protsesse-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 19.03.2022).
4. Трифонова К.Ю. Участие граждан в городском планировании и развитии: возможные формы и проблемы // Научные исследования и разработки молодых ученых. 2015. №7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uchastie-grazhdan-v-gorodskom-planirovanii-i-razvitii-vozmozhnye-formy-i-problemy> (дата обращения: 07.04.2022).
5. Костина Алина Олеговна Сравнительный анализ концепций городского пространства А. Лефера и М. Кастельса // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelnyy-analiz-kontseptsiy-gorodskogo-prostranstva-a-lefera-i-m-kastelsa> (дата обращения: 1.04.2022).
6. Статистический источник: Высшая школа экономики // Мониторинг состояния гражданского общества [Электронный ресурс]. 2020. URL: <https://www.hse.ru/monitoring/mcs/informmcs>

CIVIC ENGAGEMENT OF URBAN RESIDENTS IN MODERN RUSSIA

Yury Ivanovich Sidorov

Southern Federal University, Institute of Sociology and Regional Studies,
Rostov-on-Don

The article describes how the city and urban life influence the civic activity of residents, stimulating its development. Special attention is paid to the fact that civic engagement and theoretical approaches to its study have been considered in sociology for quite a long time. The article presents various approaches to the definition of civic engagement. The article reveals the classification of levels of civic engagement, proposed by M. C. Kruglov, discusses various forms of civic activity on the city level, as well as important factors stimulating civic activity of city dwellers. Besides, the

author analyzes psychological and social restrictions for manifestation of civic activity in Russia and society's demand for civic activity.

Keywords: civic engagement, urban level of civic engagement, forms of civic engagement, levels of civic engagement.

References:

1. Statistical source: website of the All-Russian Center for Public Opinion Research [Electronic resource]. 2021. Date of update: 27.03.2022. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnaja-i-politicheskaja-aktivnost-rossijan-monitoring> (date of access: 27.03.2022).
2. Gerasimova G. I. Shevtsova O. V. Theoretical approaches to the study of youth civic engagement // Theory and practice of social development. 2021. №10 (164). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-podhody-k-issledovaniyu-grazhdanskoy-aktivnosti-molodezhi> (date of reference: 19.03.2022).
3. Kruglov M. S. Modern forms of civic engagement in the political process of the Russian Federation // Theory and Practice of Social Development. 2014. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-formy-grazhdanskoy-aktivnosti-v-politicheskom-protssesse-rossiyskoy-federatsii> (date of reference: 19.03.2022).
4. Trifonova K.Y. Participation of citizens in urban planning and development: possible forms and problems // Research and Development of Young Scientists. 2015. №7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uchastie-grazhdan-v-gorodskom-planirovanii-i-razvitii-vozmozhnye-formy-i-problemy> (date of reference: 07.04.2022).
5. Kostina Alina Olegovna Comparative Analysis of A. Lefer and M. Castells' Concepts of Urban Space // Humanities, Socio-Economic and Social Sciences. 2015. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelnyy-analiz-kontseptsiy-gorodskogo-prostranstva-a-lefera-i-m-kastelsa> (date of reference: 1.04.2022).
6. Statistical source: Higher School of Economics // Monitoring the state of civil society [Electronic resource]. 2020. URL: <https://www.hse.ru/monitoring/mcs/informmcs>

УДК 378.17

АКЦИЯ «БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК» КАК ФОРМА ПРОЯВЛЕНИЯ ПАТРИОТИЗМА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Яна Тер-Вартанян, студент

Аннотация: В настоящее время наряду с другими стратегическими целями государства, особое значение приобретает гражданско-патриотическое воспитание подрастающего поколения. В данной статье представлены результаты исследования феномена «Бессмертного полка» как формы проявления патриотизма в современном обществе. Показано, что данная акция является мощным механизмом формирования патриотического сознания россиян.

Ключевые слова: патриотизм, бессмертный полк, Великая Отечественная война, патриот.

Патриотизм – это не просто придуманное, навязанное извне понятие. Это своеобразная народная идеология, корнями уходящая в глубину истории. Внимание к этому феномену значительно выросло в последние десятилетия как со стороны политиков, общественности, так и со стороны исследователей различных направлений. Это обусловлено разнонаправленными процессами в современном обществе, связанными с утратой ценностных ориентиров, в связи с чем обозначается острая потребность в формировании у подрастающего поколения чувства национального долга, глубоких и всесторонних знаний об исторических и культурных основаниях нашего общества.

История акции «Бессмертный полк». История возникновения акции «Бессмертный полк» отсылает нас к советскому времени, когда люди приносили фотографии своих родственников к мемориалам павших. Самая первая из известных акций относится к 1965 году, когда учащиеся новосибирской школы №121 прошли по улицам города с фотографиями ветеранов. В 1985 году в Пермском крае женщины – жены и дочери солдат, пронесли по улицам Соликамска портреты своих родных [5]. 9 мая 1999 г. портреты советских солдат вынесли на улицы Иерусалима его жители. В 2004-2006 гг. подобные акции под другими названиями проходили в городах

Новокузнецке и Прокопьевске. В 2006 г. в Ухте подростки принесли к Вечному огню портреты погибших в войне солдат. Марш под названием «Заменим вас в строю!» прошел в 2007 г. в Тюмени и в 2009 г. в Севастополе. В 2010 г. шествие под лозунгом «Герои Победы, наши прадеды и деды» с фотографиями ветеранов впервые прошло на Поклонной горе в Москве. Это начинание подхватили и другие регионы России, и «Парады победителей» прошли в Казани, Кемерово, Новосибирске – почти в 20 регионах России [5].

9 мая 2012 г. в г. Томске прошла колонна жителей города, которые несли плакаты с фотопортретами своих родственников, воевавших в Великой Отечественной Войне. Эта акция получила название «Бессмертный полк».

В декабре 2012 г. желание организовать подобную акцию у себя выразили 15 городов России. К февралю 2013 года количество желающих увеличилось до 30, включая города Украины, Казахстана и Израиля. В 2013 г. в честь 68-летия Победы акция прошла в 120 городах и селах. В 2014 г. их количество значительно выросло: «Бессмертный полк» прошел в 500 городах семи стран мира. В 2015 г. – в 1150 населенных пунктах 17 стран мира, в 2016 г. – в 42 странах.

В 2012 году была создана Народная летопись «Бессмертного полка». На официальном сайте акции потомки ветеранов могут записать свои семейные истории. В летопись вносят истории тех, кто воевал на фронтах Великой Отечественной Войны и в тылу врага, а также тружеников тыла, узников концлагерей, детей войны.

В 2014 году был принят официальный символ акции «Бессмертный полк» – это логотип, с изображением летящего журавля на фоне пятиконечной звезды [3, 4].

Причины популярности «Бессмертного полка» у разных поколений заключаются в отношении к памяти о героях, которые сражались за Родину, жизненных ценностях, отношении к будущему. Для людей в разных странах эта акция стала поводом для изучения семейной истории, возрождения памяти

поколений и передачи ее потомкам. Вспомнить о своих корнях, воспроизвести эту память на транспаранте – особый опыт приобщения к истории, а участие в акции – повод для гордости, в первую очередь, за свою семью и свою страну.

Для людей старшего и пожилого возраста акция – это возможность вернуться памятью в те времена, когда война только закончилась, и снова пережить чувства свободы, гордости и восхищения за свою Родину, своих родных, тех, кто смог выжить и победить фашизм.

Для молодежи – это возможность показать ветеранам, что их помнят, уважают, ценят. Способ сказать: «Спасибо!» за храбрость, преданность, мужество, отвагу и стойкость. Поблагодарить за настоящее, в котором мы сейчас живем, не испытав на себе всех тягот военных лет.

Для родителей это способ приобщить детей к семейной истории, научить их быть благодарными и достойными памяти своих предков, продолжать их дела, которые служат благополучию и процветанию всего общества, всей страны.

Акция «Бессмертный полк» – это не аналог парада Победы, это пробуждение народной памяти, способ осознать и пережить единство народа, испытать чувство сопричастности. Именно в этом заключается особая значимость и ценность движения, оно способно выступить мощным механизмом всенародной консолидации, объединить людей в одно целое, несмотря на все различия, пробудить и укрепить в них чувство гордости, уважения, благодарности к прошлому, все то, что образует содержание патриотизма.

«Патриотизм» не имеет возрастных ограничений, не определяется полом, расовыми, этно-культурными, религиозными, территориальными и какими бы то ни было другими признаками. Патриот – это, прежде всего, человек, который не только любит и прославляет свое Отечество, творит на его благо, но и тот, кто предан ему, готов в любой момент защитить свой народ и свою Родину.

Патриотизм формируется не сразу, это длительный процесс, который требует постоянных целенаправленных действий со стороны различных институтов и агентов, которые своим авторитетом, примером и другими способами создают и укрепляют в индивиде чувство гордости за свою страну, долга перед обществом, ответственности за поступки, чувство любви и бережного отношения к истории, природе, достижениям своего народа.

Особая роль в этом процессе принадлежит семье, родителям, а также изучение системе образования (школам, техникумам, вузам и т.д.), общественным организациям различной направленности и пр. [1]

Все вышесказанное позволяет говорить о том, что подобных феноменов имеет сегодня не только сугубо научный, но и практически направленный смысл, позволит осмыслить механизмы формирования подобных явлений и на основе подученных знаний разрабатывать программы, направленные на поддержку и развитие подобных инициатив, способствующих формированию патриотизма в обществе.

Методические принципы исследования. С целью изучения феномена «Бессмертного полка» как формы народной самоорганизации и проявления патриотизма в современном обществе, нами было проведено социологическое исследование среди жителей г. Краснодара (апрель, 2020 года). Исследования проведено методом анкетирования, выборка случайная с квотированием по полу и возрасту. В исследовании приняло участие 80 респондентов в возрасте от 14 лет.

Результаты исследования. Респондентам был задан вопрос: «Считаете ли Вы, что события Великой Отечественной являются важным для нашей страны?». Большинство опрошенных отмечают, что события Великой Отечественной войны являются важными для нашей страны (рис. 1).

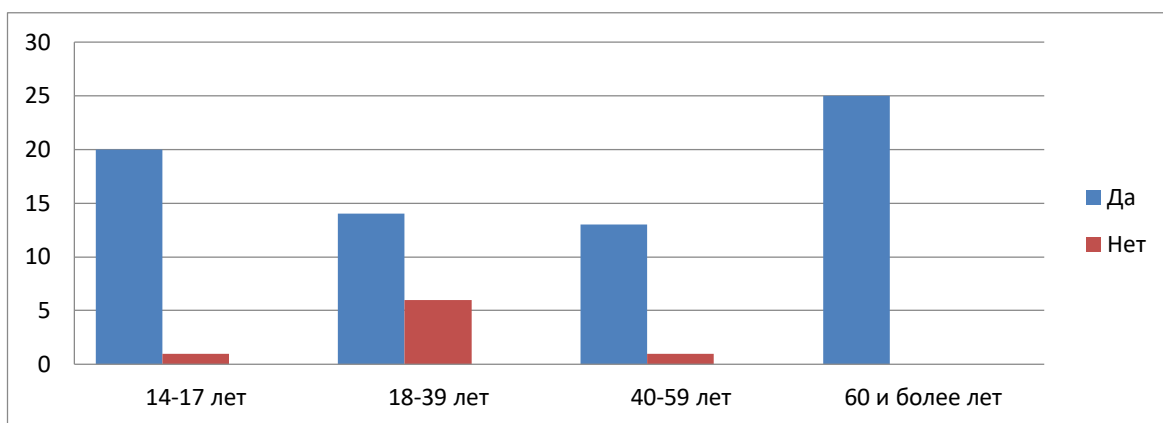

Рисунок 1. Важность событий Великой Отечественной войны по мнению респондентов

Можно заметить на рис. 1, что чаще важность этого события отмечают люди старших возрастов, а также школьники. Молодежь более скептична в своих оценках.

Далее респондентам был задан вопрос: «Говорите или вспоминаете Вы дома о событиях Великой Отечественной войны?» Большинство опрошенных указали, что в их семье говорят и вспоминают о событиях Великой Отечественной войны (61% иногда и 34% часто) (рис. 2).

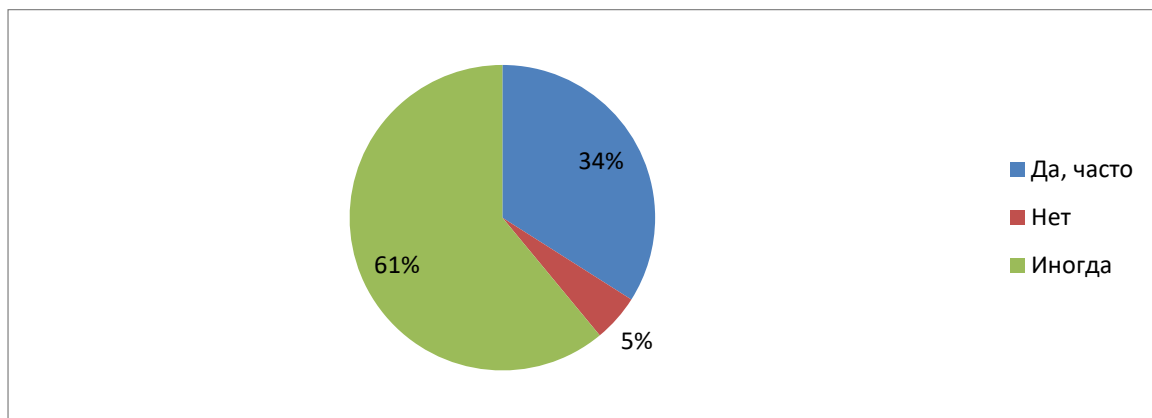

Рисунок 2. Разговоры и воспоминания о Великой Отечественной войне в семье респондентов

Практически в каждой семье есть те, кто сражался с фашизмом во время войны. На вопрос: «Кто из Вашей семьи воевал в годы Великой Отечественной

войны?» большинство опрошенных ответили, что на фронте воевали их прадеды и дедушки (42 и 22%), а также прабабушки и бабушки (16 и 9%) и другие родственники (11%) (рис. 3).

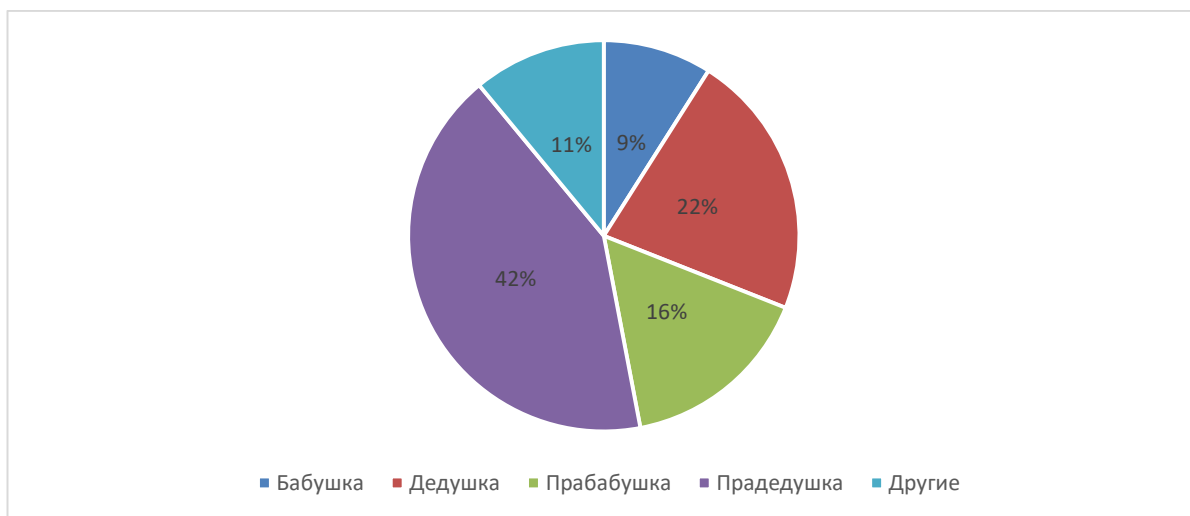

Рисунок 3. Кто в семье респондентов участвовал в войне

Ответы респондентов на вопрос: «Участвуете ли Вы в акции «Бессмертный полк» в своем городе?» показали, что в это движение в той или иной степени вовлечены почти две трети опрошенных (59%). В то же время часть респондентов пока в это движение не включено (рис. 4)

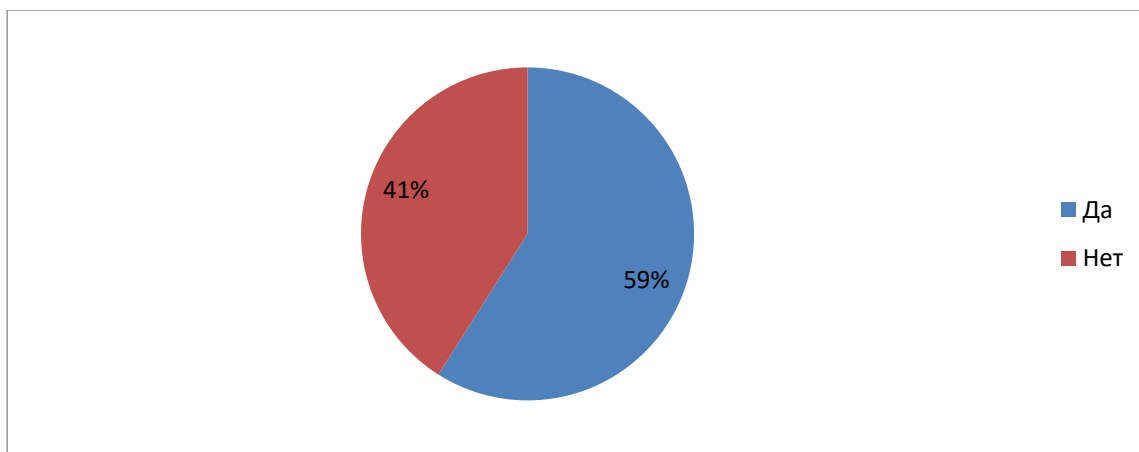

Рисунок 4. Участие респондентов в акции «Бессмертный полк»

Кроме того, респондентам необходимо было выразить свое отношение в данной акции, обозначить ее значение и смысл. Большинство опрошенных

расценивают и воспринимают акцию «Бессмертный полк» как памятную, как форму коллективных воспоминаний о великом подвиге советского народа, который предопределил будущее нашей страны и мира в целом (рис. 5).

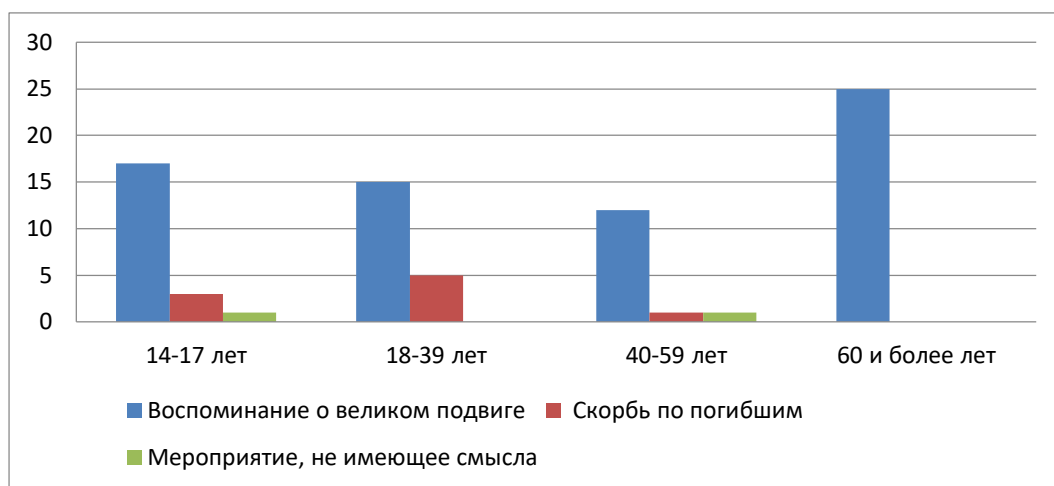

Рисунок 5. Оценка значимости акции «Бессмертный полк»

В то же время для части респондентов война и память о ней являются не только героическими, но и трагическими событиями, поэтому акцию они воспринимают как память о погибших, о тех, кто пожертвовал собой ради мира и свободы. Лишь малая часть респондентов полагает, что в этой акции нет смысла. Как видно на рис. 5, как память о героическом чаще воспринимают акцию люди старшего поколения, молодежь чаще расценивает ее как скорбное мероприятие.

Также респондентам было подложено выразить свое отношение к политике памяти и попыткам пересмотреть историю Великой Отечественной войны, роль в ней СССР в ряде зарубежных стран, в том числе на постсоветском пространстве (странах Прибалтики, Украине и др.). Большинство опрошенных во всех возрастных группах оценивают ситуацию с памятью о Великой Отечественной войне за рубежом как несправедливую (рис. 6).

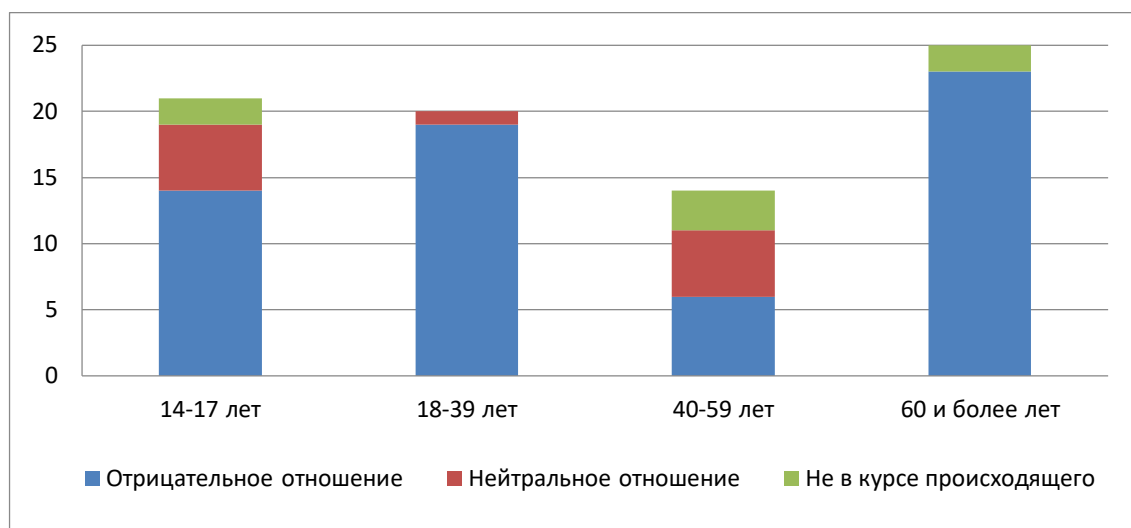

Рисунок 6. Отношение респондентов к политике памяти за рубежом

В завершении респондентам был задан вопрос о том, нужно ли сохранять память о войне, чтить ее героев? Подавляющее большинство опрошенных во всех возрастных группах согласилось с тем, что память об участниках Великой Отечественной войны нужно сохранять и передавать ее потомкам (рис. 7).

Таким образом, проведенное исследование показало значимость и актуальность акции «Бессмертный полк» для россиян, и в целом значимость коллективной памяти, потребность в ее сохранении и трансляции будущим поколениям.

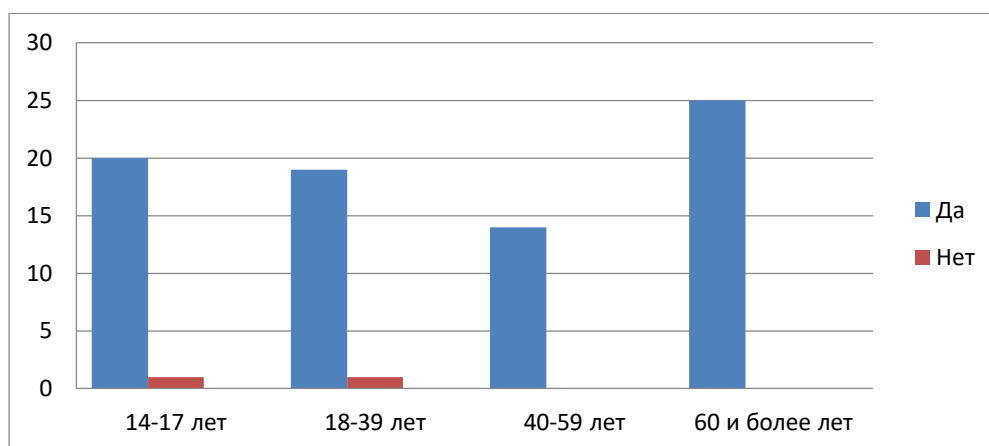

Рисунок 7. Нужно ли сохранять память об участниках Великой Отечественной войны

Подводя итог, стоит сказать, что движение «Бессмертный полк» с одной стороны является формой проявления патриотизма, с другой стороны сама оказывает большое влияние на формирование патриотизма в современной России. С каждым годом все больше россиян становятся участниками акции, выходят на улицы 9 мая с портретами своих родных, прошедших Великую Отечественную войну, чтобы почтить их память и пережить чувства гордости, благодарности и народного единства.

«Бессмертный полк» – дань памяти, тем, кто не вернулся с войны, свидетельство сплоченности и единства нашего народа, нить, связывающая поколения. Каждый год на официальном сайте акции появляются десятки тысяч новых семейных историй. Фронтовые письма, фотографии, воспоминания, выдержки из боевых донесений, наградные документы, похоронные извещения – все это свидетельства героизма народа. Но главное, это человеческие истории, настоящая правда о войне. Правда, ставшая предметом гордости детей, внуков и правнуков победителей. Благодаря таким историям складывается картина о прошлом, настоящем и будущем России.

Движение «Бессмертный полк» позволяет хранить память о великом прошлом, воспитывает человечность, дает повод задуматься о ценностях, переосмыслить их.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Потапова, О. М. Проект «Бессмертный полк» / О. М. Потапова. – Текст : электронный // Elibrary : [сайт]. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41273963> (дата обращения: 26.02.2023).

2. Севастеева, Д. А. Влияние Патриотической Акции «Бессмертный полк», посвящённой погибшим в Великой Отечественной войне, на современную молодёжь / Д. А. Севастеева. 2015. №2. – Текст : электронный // Elibrary : [сайт]. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25055360> (дата обращения: 26.02.2023).

3. Токарев, А. С. «Бессмертный полк» – символический анализ / А. С. Токарев. 2016. №5. – Текст : электронный // Elibrary : [сайт]. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29028712> (дата обращения: 26.02.2023).

4. Бессмертный полк : истории и рассказы / авт.-сост. В. Шервуд. – Москва : АСТ, 2017. – 589 с.

5. Кабирова, А. История создания акции «Бессмертный полк» / Кабирова А. – Текст : электронный // Белебеевские известия : [сайт]. – URL: (дата обращения: 26.02.2023).

ACTION “IMMORTAL REGIMENT” AS A FORM OF PATRIOTISM IN MODERN SOCIETY

Ter-Vartanyan Y.G.

2nd year bachelor student

Faculty of History, Sociology and International Relations
Kuban State University, Krasnodar, Russia

Abstract: At present, along with other strategic objective of the state, civil and patriotic education of the younger generation plays an important role. This article presents the results of a study of the phenomenon of the "Immortal Regiment" as a form of manifestation of patriotism in modern society. It is shown that this action is a powerful mechanism for the formation of the patriotic consciousness of Russians.

Keywords: patriotism, immortal regiment, Great Patriotic War, patriot.

References:

1. Potapova, O. M. Project «Immortal Regiment» / O. M. Potapova. – Text : electronic // Elibrary : [website]. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41273963> (date of address: 02/26/2023).
2. Sevasteeva, D. A. The Influence Of The Patriotic Action «Immortal Regiment» Dedicated To Those Who Died In The Great Patriotic War On Modern Youth / D. A. Sevasteeva. 2015. No.2. – Text : electronic // Elibrary : [website]. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25055360> (date of address: 02/26/2023).
3. Tokarev, A. S. «Immortal Regiment» - symbolic analysis / A. S. Tokarev. 2016. No. 5. – Text : electronic // Elibrary : [website]. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29028712> (date of address: 02/26/2023).
4. The Immortal Regiment: stories and stories / author-comp. V. Sherwood. – Moscow : AST, 2017. – 589 p.
5. Kabirova A. The history of the creation of the Immortal Regiment campaign / A. Kabirova – Text : electronic // Belebeevskie izvestia : [website]. – URL: (date of address: 26/02/2023).

УДК 334.7

КРЕАТИВНЫЕ ИНДУСТРИИ КАК ОДИН ИЗ ВЕКТОРОВ КОНСОЛИДАЦИИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

*Татьяна Терешкина, аспирант
Северо-Кавказский федеральный университет
Ставрополь*

Аннотация: Данная статья посвящена исследованию возможностей креативных индустрий в рамках консолидации современного российского общества. Автор анализирует преимущества внедрения креативных индустрий в российскую экономику, а также обсуждает потенциальные проблемы и их возможные решения. Статья предлагает ряд практических рекомендаций по использованию креативных индустрий в качестве инструмента консолидации современного российского общества.

Ключевые слова: креативные индустрии, консолидация общества, экономика.

В современном обществе России креативные индустрии играют важную роль в консолидации общества. Они стали важным фактором в экономическом, политическом и культурном развитии страны. Креативные индустрии включают в себя такие отрасли, как дизайн, искусство, музыка, кино, игры, технологии и другие области, которые вносят вклад в развитие общества. Они дают возможность для развития экономики страны, а также позволяют создать более гибкий и динамичный общественный порядок. Креативные индустрии предоставляют новые возможности для процветания экономики и создания более открытого и динамичного общества [1].

Креативные индустрии играют важную роль в развитии российской экономики. Они позволяют предпринимателям и инвесторам находить новые возможности для получения прибыли и развивать инновационные бизнес-модели [2]. Например, в России креативные индустрии помогают привлекать иностранных инвесторов и туристов, что приводит к развитию инновационных технологий и предпринимательства. Также они помогают стране расширять профессиональные горизонты и предоставлять рабочие места для молодежи,

что позволяет им получить новые знания и навыки. Креативные индустрии предоставляют возможность для создания новых продуктов и услуг, которые могут быть использованы для решения проблем и улучшения жизни людей. Например, индустрия музыки предоставляет людям возможность создавать и продавать свою музыку, а индустрия игр позволяет людям создавать и продавать игры. Эти индустрии также помогают создавать новые источники дохода для людей, которые работают в этих отраслях. Например, художники могут продавать свои работы и получать доход, а программисты могут создавать приложения и получать доход от продаж. Эти источники дохода помогают людям прожить более достойную жизнь и дают им возможность принимать участие в общественной жизни. Таким образом, креативные индустрии представляют собой важный фактор экономического роста, улучшения социального и экономического положения населения развития России в целом.

Важно отметить, что креативные индустрии могут играть важную роль в длительном и масштабном развитии страны. Они предоставляют людям возможность использовать свои таланты и идеи для решения сложных проблем, что помогает создать более сильную и устойчивую экономику и общество. Например, креативные индустрии привлекают талантливых специалистов, внедряют инновационные технологии и предлагают новые продукты и услуги, что поможет стране развиваться и стабильно расти. Также креативные индустрии могут привлекать инвестиции и создавать новые места работы, что поможет повысить жизненный уровень населения [3].

Помимо формирования новых рабочих мест и повышения уровня жизни населения, креативные индустрии оказывают содействию консолидации российского общества путем формирования профессиональных сообществ в данной сфере. Примером такого сообщества может служить Общероссийская общественная организация уличной культуры и спорта «Улицы России».

Идея создания сообщества появилась лидерами из 27 субъектов Российской Федерации 12 апреля 2019 года на Общероссийском образовательном форуме уличных культур «КАРДО», а сама организация была учреждена 2 октября 2020 года на первом учредительном съезде представителей организации из 57 субъектов Российской Федерации в рамках финальных мероприятий Всероссийской конкурс-премии уличных культур «КАРДО» [4].

Миссия организации заключается в комплексном развитии человеческого потенциала представителей уличных культур. То есть, путём креативной деятельности каждого отдельного человека в данной сфере формируется сообщество единомышленников, которые действуют с единой целью, принципами, ценностями и правилами взаимодействия. Уличная культура является огромным сектором в блоке креативных индустрий и включает в себя такие направления спортивной и творческой деятельности молодёжи как: паркур, фриран, воркаут, стрит-арт, граффити, хип-хоп, брейкинг, трикинг, слеклайн, скейтбординг, ролики, стритбол, BMX, скут и другие. Одни ближе к культуре, другие ближе к спорту, но каждая пропитана темой развития человеческого потенциала.

Подобных направлений и сообществ большое количество и именно это позволяет формировать мини-социум в «большом» российском социуме, взаимодействовать между собой сообществами и созидать.

Важно отметить, что сейчас креативные индустрии представляют собой ценность для общества, поскольку они поддерживают идеи творчества, инноваций и предпринимательства. Они также помогают странам развиваться, привлекая иностранных инвесторов и туристов, что приводит к созданию более динамичной и процветающей экономики. Например, в России креативные индустрии привлекают иностранных инвесторов и туристов, что помогает развитию инновационных технологий и предпринимательства. Также они

помогают создавать более открытое и динамичное общество, продвигая идеи творчества, инноваций и предпринимательства.

В современных условиях креативный сектор развития экономики становится важнейшим фактором роста и источником для притяжения интеллектуальных, творческих кадров, а также пространством наполнения новых смыслов и идей, конкурентоспособных в глобальном мире.

С каждым днём творческий подход становится движущей силой экономического роста и инноваций в постиндустриальной экономике, приобретая важное значение, особенно для российских стратегических целей несырьевой экономической переориентации. Так, С. Новикова заключает, что креативная экономика – современная прогрессивная форма социально-экономического развития, основанная на интеллектуально-творческой доминанте труда и капитала [5].

Экономика и социум переживают сейчас процесс активной цифровой трансформации, который сильно меняет экономическую реальность, дополняя ее потенциалом технологий искусственного интеллекта, робототехники, виртуальной реальности, высокоразвитых компетенций, креативного мышления [6, 7]. В современных условиях особую актуальность приобретают исследования, ставящие целью создание и реализацию на практике стимулирующих условий и факторов производства для развития креативных индустрий, дающих мощный импульс для экономического прогресса.

В целом, креативные индустрии играют важную роль в консолидации современного российского общества. Они предоставляют множество возможностей для развития экономики, а также создания более открытого и динамичного общества. Примером того, как креативные индустрии помогают расширять границы возможностей для людей и организаций, предоставляя им больше инструментов для творчества и инноваций.

Подводя итоги, полученным положениям и выводам, сформулируем вывод о необходимости развития и поддержки такого актуального и

стратегически важного инструмента, обеспечивающего конкурентоспособность страны, как креативные индустрии, расширяющие спектр товаров и услуг, производимых в стране и транслирующие локальную идентичность территорий глобальному миру и консолидацию российского социума.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Florida R. Who's Your City? How the Creative Economy Is Making Where to Live the Most Important Decision of Your Life — Basic Books, 2008.

2. Kate Oakley & Jonathan Ward (2018) Creative Economy, Critical Perspectives, Cultural Trends, 27:5, 311-312.

3. Simon Moreton (2018) Contributing to the creative economy imaginary: universities and the creative sector, Cultural Trends, 27:5, pp. 327-338.

4. Новикова С.К. Креативная экономика как драйвер роста: мировой и российский опыт // Новые технологии, 2019. – №2. – С. 175-184.

5. Брижак О.В., Романец И.И. Новая парадигма развития экономических систем в условиях цифровизации // Электронный сетевой политематический журнал «Научные труды КубГТУ», Краснодар. – 2020. – № 1. – С. 55-63.

6. Брижак О.В., Романец И.И. Современные тенденции новой экономической реальности: креативность, цифровизация, таргетирование // Бухгалтерский учет и налогообложение в бюджетных организациях, 2020. – № 10. – С. 5-13.

7. Mokyr Joel. “Knowledge, Enlightenment, and the Industrial Revolution: Reflections on The Gifts of Athena.” History of Science, vol. 45, no. 2, June 2007, pp. 185–196.

8. Mokyr, J. (2014). Culture, Institutions, and Modern Growth. In S. Galiani & I. Sened (Eds.), Institutions, Property Rights, and Economic Growth: The Legacy of Douglass North Cambridge: Cambridge University Press, pp. 151-191.

9. Норт Д. Понимание процесса экономических изменений / пер. с англ. К. Мартынова, Н. Эдельмана; Гос. ун-т – Высшая школа экономики. – М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. – 256 с.

10. Адорно Т., Хоркхаймер М. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты. – М.-Спб., 1997.

11. Ivanna Dronyuk, Iryna Moiseienko, Jan Greguš ml. Analysis of Creative Industries Activities in European Union Countries // Procedia Computer Science Volume 160, 2019, pp. 479-484.

12. Creative Industries Mapping Document 2001 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gov.uk/government/publications/creative-industries-mapping-documents-2001>

13. Креативные индустрии. Современные тренды развития регионов// Материалы заседания Совета по развитию социальных инноваций субъектов Российской Федерации при Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. Аналитический вестник № 13 (756), Москва, 2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://council.gov.ru/media/files/cArZsej5uEzf7rYuwtSduLBfl0bgYRUj.pdf>

14. Петербургский Международный экономический форум 2017 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/pmef-2017/>

15. Агентство стратегических инициатив [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://asi.ru/>

CREATIVE INDUSTRIES AS ONE OF THE VECTORS OF CONSOLIDATION OF MODERN RUSSIAN SOCIETY

Tatiana Tereshkina, PhD student
North Caucasus Federal University
Stavropol

Abstract: This article is devoted to the study of the possibilities of creative industries within the framework of the consolidation of modern Russian society. The author analyzes the advantages of introducing creative industries into the Russian economy, and also discusses potential problems and their possible solutions. The article offers a number of practical recommendations on the use of creative industries as a tool for consolidating modern Russian society.

Keywords: creative industries, consolidation of society, economy.

References:

1. Florida, R. (2008). Who's Your City? How the Creative Economy Is Making Where to Live the Most Important Decision of Your Life. Basic Books.
2. Oakley, K., & Ward, J. (2018). Creative Economy, Critical Perspectives, Cultural Trends, 27(5), 311-312.
3. Moreton, S. (2018). Contributing to the creative economy imaginary: universities and the creative sector. Cultural Trends, 27(5), 327-338.
4. Novikova, S.K. (2019). Creative economy as a driver of growth: world and Russian experience. Novye Tekhnologii, 2, 175-184.
5. Brizhak, O.V., & Romanets, I.I. (2020). New paradigm of economic system development in the digital age. Elektronnyi Setevoi Politematicheskii Zhurnal "Nauchnye Trudy KubGTU", Krasnodar, 1, 55-63.
6. Brizhak, O.V., & Romanets, I.I. (2020). Current trends of new economic reality: creativity, digitalization, targeting. Bukhgalterskii Uchet i Nalogooblozhenie v Byudzhethnykh Organizatsiyakh, 10, 5-13.
7. Mokyr, J. (2007). Knowledge, enlightenment, and the industrial revolution: Reflections on The Gifts of Athena. History of Science, 45(2), 185-196.

8. Mokyр, J. (2014). Culture, institutions, and modern growth. In S. Galiani & I. Sened (Eds.), Institutions, property rights, and economic growth: The legacy of Douglass North (pp. 151-191). Cambridge: Cambridge University Press.
9. North, D. (2010). Understanding the process of economic change (K. Martynov, N. Edelman, Trans.). Moscow: Izd-vo doma Gos. un-ta - Vysshei shkoly ekonomiki.
10. Adorno, T., & Horkheimer, M. (1997). Dialectic of enlightenment. Philosophical fragments. Moscow-St. Petersburg.
11. Dronyuk, I., Moiseienko, I., & Greguš ml., J. (2019). Analysis of creative industries activities in European Union countries. Procedia Computer Science, 160, 479-484.
12. Creative Industries Mapping Document 2001. Retrieved from <https://www.gov.uk/government/publications/creative-industries-mapping-documents-2001>
13. Creative industries. Modern development trends of regions. (2020). Materials of the meeting of the Council for Development of Social Innovations of the Subjects of the Russian Federation under the Council of the Federation of the Federal Assembly of the Russian Federation. Analytical Bulletin, 13 (756). Retrieved from <http://council.gov.ru/media/files/cArZsej5uEzf7rYuwtSduLBfl0bgYRUj.pdf>
14. St. Petersburg International Economic Forum 2017. Retrieved from <https://tass.ru/pmef-2017/>
15. Agency for Strategic Initiatives. Retrieved from <https://asi.ru/>

УДК 141

НЕДООЦЕНЕННАЯ РОЛЬ ИДЕОЛОГИИ И «МЯГКОЙ СИЛЫ»

***Владимир Тимченко**, магистрант
Кубанский государственный университет
Краснодар*

Аннотация: в статье рассматривается роль идеологии и «мягкой силы» как одних из важных инструментов консолидации российского общества в

современных условиях формирования новой системы международных отношений. Предлагаются идеи для реализации политики «мягкой силы».

Ключевые слова: идеология, «мягкая сила», внешняя политика, внутренняя политика, глобализация, деглобализация.

В начале ноября 2022 года, а именно ко Дню народного единства спикер Совфеда РФ Валентина Матвиенко в своем блоге написала, что в результате преобразований, происходивших в России со времен развала СССР, у россиян появился спрос на идеологию. [1] Действительно, в Российской Федерации отсутствие единой идеологии закреплено Конституцией, о чем прямо говорится в 13-ой статье: «1. В Российской Федерации признается идеологическое многообразие. 2. Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной.». [2] При этом спикер Совфеда заявила, что речь не идет о создании обязательной для всех государственной идеологии, и что опыт СССР показал губительность данного подхода.

В действительности отсутствие идеологии говорит о нецельности государства. Несмотря на отсутствие единого и общепринятого определения понятия «государство» можно с уверенностью заявить, что любое государство представляет собой власть, которая управляет подчиняющимся ей народом и обладает аппаратом принуждения. Иными словами, «государство – аппарат насилия в рамках господствующего класса», как гласит классовая теория. Следовательно, именно идеология должна объяснять почему государство обладает монополией на насилие, почему она легитимна, т.е. общественно признана. При этом надо понимать, что любая власть неоднородна, она состоит из множества группировок, находящихся в перманентной конкуренции; кроме того, любая группировка, находящаяся во власти, обладает собственным капиталом, а значит в состоянии транслировать свою идеологию. То есть в данной ситуации одна группировка транслирует в массы свою идеологию, другая – вторую, третья – еще одну. «Разделяй и властвуй».

Может ли такой подход объединить народ в период неопределенности? Крайне сомнительно. Ведь отсутствие единой и общепринятой идеологии трансформирует общество и государство в формирования, оторванные друг от друга, где каждый преследует свои личные цели. Следовательно, единственный возможный способ движения к какой-либо цели является наличие некой общей идеи, которой придерживается большинство населения.

С другой стороны, демократическое общество подразумевает под собой наличие одновременно нескольких идеологий, в результате «столкновения» которых достигается консенсус. Однако почти всегда подобные «столкновения» влекут за собой социальные конфликты, а иногда и крайние формы – гражданскую войну. В современных условиях политической напряженности между странами, формировании новой системы международных отношений, передела сфер влияния, существующих и потенциальных конфликтов, а также наличия у ряда стран и блоков ядерного оружия ставят под сомнение формирование единой идеологии не только в России, но и в других странах тоже.

Как же быть в данной ситуации? Думается, что необходимо формирование на данный момент некой общей идеологии, удовлетворяющей большую часть граждан. Здесь важно отметить, что идеология не является чем-то постоянным и неизменным. Наоборот, идеология трансформируется, видоизменяется в зависимости от конкретных задач, стоящих перед обществом на данном этапе. [3, с. 5] Стратегия распространения новой идеологии должна быть постепенной и включать в себя множество этапов. Например, по Грамши цель идеологии – установить контроль над ключевыми институтами гражданского общества – системой образования (на всех уровнях), средствами массовой информации, издательствами и т. д. [4, с. 4] Того же принципа следует и придерживаться и в применении политики «мягкой силы» (soft power). В современных международных отношениях сила и «успех» страны зависят не только от экономической и военной мощи, но и от «мягкой силы» и публичной

дипломатии, которые в Российской Федерации развиты слабо, поскольку после распада СССР Россия лишилась не только идеологии и общей системы ценностей, но и, как следствие, «мягкой силы». Что же это такое?

Концепция «мягкой силы» была предложена Джозефом Наем, и базируется она на идеи привлекательности, которая самим Наем противопоставлялась силовому давлению, шантажу и прочим «жестким методам». Кроме того, большое значение имеет деятельность, выходящая за пределы одного государства, например, помощь в разрешении конфликтов.

Одним из наиболее распространённых инструментов реализации «мягкой силы» является публичная дипломатия – комплекс долгосрочных мероприятий, призванных создать благоприятный фон для развития международных отношений в целом. Это ежедневные и стратегические беседы, разъяснения действий страны по внутренней и внешней политике, индивидуальные контакты с ведущими лицами по грантам, конференциям, программам обмена и так далее, базирующиеся на доверии, репутации, лидерстве, страхах и ожиданиях, символах, идентичности и даже на самой истории.

Чтобы подтвердить острую необходимость развития стоит рассмотреть реальную ситуацию и привести примеры.

«Мягкая сила» стран блока НАТО существенно способствует усилению таких информационных потоков, которые подогревают сепаратистские настроения в различных регионах не только Российской Федерации, но и других стран, ослабляют единство наций, их национальные культуры. [5, с. 291] Политика «мягкой силы», развивающаяся совместно с научным и техническим прогрессом, позволяет эффективно работать с сознанием людей, изменять историческую память, формировать новую систему ценностей, выгодную для политических и финансовых элит стран, проводящих такую политику. Однако стоит отметить, что наибольшую силу это имеет только при отсутствии сколько-нибудь серьезного противодействия.

Следовательно, в данной ситуации есть только одно решение – разрабатывать собственную концепцию «мягкой силы». Она пригодна для использования как во внутренней, так и во внешней политике, попутно формируя и укрепляя их логическую взаимосвязь.

Таким образом, выстраивается следующая схема.

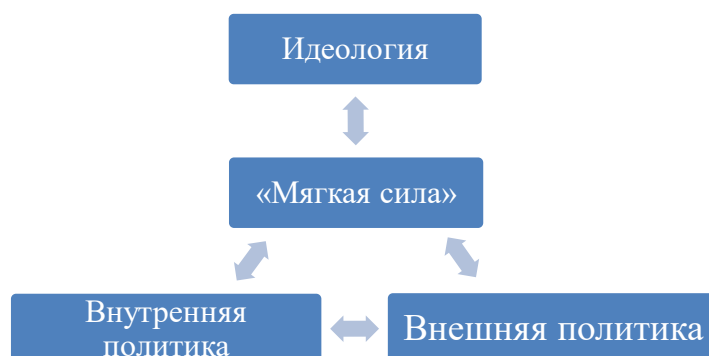

Рисунок 1. Взаимосвязь идеологии, «мягкой силы», внутренней и внешней политики.

Данная схема демонстрирует примат идеологии над внутренней и внешней политикой, реализуемых через концепцию «мягкой силы», и в то же время показывает их взаимосвязь, формирующую устойчивость внутренних элементов.

Однако жизненно необходимо отметить уязвимое место данной концепции. Феномен «мягкой силы» напрямую связан с процессом глобализации. Несмотря на современную тенденцию всё большего числа стран деглобализироваться путем введения политики протекционизма и изоляционизма, глобализация, будучи глобальным явлением, объективно не может быть остановлена. Соответственно, пока другие страны пытаются изолироваться, у России есть немного драгоценного времени, чтобы мобилизовать силы и ресурсы. Ведь важно в данной ситуации действовать на опережение. Поэтому любые попытки других стран вновь возвести вокруг РФ «железный занавес» не просто не должны поддерживаться правительством, но

и пресекаться еще в зародыше, поскольку изоляционизм – прямой путь к деградации.

Очевидно, что «мягкая сила» России не может опираться на ту же систему ценностей, на которую опирается «мягкая сила» западных стран, поскольку в этом случае Россия фактически попадет под идеологическую зависимость от США и Европы. Следовательно, надо разработать свою идеологию и систему ценностей под стать ей. [5, с. 291] Какие бы идеи могли помочь в реализации российской «мягкой силы»?

Необходимо сформировать имидж России как многонациональной, многокультурной страны; страны, где не ущемляются права и свободы любых национальностей; страны, которая рада своим гостям, и где последние могут остаться и развиваться в творческом, научном и других направлениях. Россия должна позиционироваться как быстроразвивающаяся и комфортная для жизни страна, выстраивающая диалог со своими гражданами и гражданами других стран, показывая и доказывая свою открытость. Наконец, имидж страны и народа, готового всегда прийти на помощь другим.

Соответственно, создание идеологии, определяющей внутреннюю и внешнюю политику и устанавливающей логическую связь между ними, позволит перейти к осуществлению политики «мягкой силы», которая будет воздействовать как на собственных граждан, так и на граждан других стран эффективнее, чем «жесткая сила» и пропаганда, а также будет являться защитой от «мягкой силы» других стран. Кроме того, подкрепляемые друг другом идеология и «мягкая сила» в текущей ситуации будут одним из первых, но закладывающих основу шагов для дальнейших мер по консолидации общества.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Матвиенко заявила о наличии у граждан России запроса на идеологию: официальный сайт / Ведомости. – URL: <https://www.vedomosti.ru/society/news/2022/11/04/948889-matvienko-zayavila-o-nalichii-u-grazhdan-rossii-zaprosa-na-ideologiyu> (дата обращения: 25.02.2022).

2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года) официальный сайт. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/constitution/item#chapter_start (дата обращения: 25.02.2022).

3. Мартюшов Л.Н. Государственная идеология Российской Федерации: какой ей быть? // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2017. №4 (41). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennaya-ideologiya-rossiyskoy-federatsii-kakoy-ey-byt> (дата обращения: 26.02.2023).

4. Тищенко Наталья Викторовна Идеология в контексте культурных практик: Л. Альтюссер, А. Грамши, Г. Дебор // Общество: философия, история, культура. 2018. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ideologiya-v-kontekste-kulturnyh-praktik-l-altjusser-a-gramshi-g-debor> (дата обращения: 25.02.2023).

5. Смородина, Ю. В. "Мягкая сила" России и пути повышения ее эффективности / Ю. В. Смородина // Россия и современный мир. – 2017. – № 3(96). – С. 290-292.

THE UNDERESTIMATED ROLE OF IDEOLOGY AND «SOFT POWER»

Timchenko V.A., 1-st year master's student
Faculty of History, Sociology and International Relations
Kuban State University, Krasnodar, Russia

Abstract: the article examines the role of ideology and «soft power» as one of the important instruments of consolidation of Russian society in the modern conditions of the formation of a new system of international relations. Ideas for the implementation of the policy of «soft power» are proposed.

Keywords: ideology, «soft power», foreign policy, domestic policy, globalization, deglobalization.

References:

1. Matvienko stated that Russian citizens have a request for ideology : official website / Vedomosti. – URL: <https://www.vedomosti.ru/society/news/2022/11/04/948889-matvienko-zayavila-o-nalichii-u-grazhdan-rossii-zaprosa-na-ideologiyu> (date of appeal: 02/25/2022).

2. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993 with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020) official website. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/constitution/item#chapter_start (accessed: 02/25/2022).

3. Martyushov L.N. The state ideology of the Russian Federation: what should it be? // Bulletin of the Ural Institute of Economics, Management and Law. 2017.

No.4 (41). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennaya-ideologiya-rossiyskoy-federatsii-kakoy-ey-byt> (accessed: 02/26/2023).

4. Tishchenko Natalia Viktorovna Ideology in the context of cultural practices: L. Althusser, A. Gramsci, G. Debor // Society: Philosophy, history, culture. 2018. No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ideologiya-v-kontekste-kulturnyh-praktik-l-altyusser-a-gramshi-g-debor> (accessed: 02/25/2023).

5. Smorodina, Yu. V. "Soft power" of Russia and ways to increase its effectiveness / Yu. V. Smorodina // Russia and the modern world. – 2017. – № 3(96). – Pp. 290-292.

УДК 004.056

РАЗВИТИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ СРЕДИ СТУДЕНТОВ В КОНТЕКСТЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

*Сергей Тутин, магистрант
Южный федеральный университет
Ростов-на-Дону*

Аннотация: в статье рассматривается роль информационной безопасности среди студентов в контексте информационной безопасности. Предлагаются идеи для реализации политики информационной безопасности.

Ключевые слова: информационная безопасность, образовательная среда.

В настоящее время информационная безопасность в сфере образования занимает особо важную роль в Российской Федерации, так как перманентное развитие информационного пространства и, в частности, информационных технологий охватывает каждого человека, имеющего доступ в сеть Интернет. В сфере образования это касается как администрацию учебных заведений, технического персонала, преподавателей, так и самих студентов. В связи с этим, комплексное решение вопроса о развитии информационной грамотности среди студентов поможет избежать негативного воздействия от неблагоприятной информации, защитить свои персональные данные и интеллектуальную

собственность, предотвратить вовлечение в криминальные, радикальные и террористические образования.

В XXI веке процесс информатизации набирает высокие обороты с каждым годом, что отражается в особенном развитии и становлении человека как личности в социуме. У современной молодежи стремительно меняются жизненные ценности и ориентиры, базовые установки. По данным Всероссийской переписи населения 2021 года, количество молодежи от 14 до 35 лет насчитывается около 39,1 млн. человек в 2020 г. [1]. Информационное воздействие, оказываемое на данный слой населения напрямую влияет на качество образовательного процесса. Студенты, в особенности, обучающиеся на гуманитарных направлениях, зачастую сталкиваются с искаженной, ложной, негативной информацией. Все это влияет на эмоциональную, волевую, интеллектуальную сферу развития личности. С одной стороны, правильное и логическое использование информационного пространства положительно влияет на студентов для удовлетворения собственных интересов, самореализации, обучения, социального взаимодействия и т.д. Однако, с другой стороны, искажение информации, вбрасывание «фейков», статьи и записи некомпетентных «экспертов» ставят под угрозу весь образовательный процесс. Переход к онлайн обучению в связи с распространением коронавируса в 2020 году – прямое подтверждение, что очное (оффлайн) обучение гораздо эффективнее и полезнее.

Кроме того, студенты, как уязвимый слой населения, подвержены влиянию со стороны экстремистских и террористических организаций. Вербовка и использование молодежи в своих бесчеловечных идеях и целях является угрозой как для самих людей, так и для общества в целом. Использование всевозможных инструментов, методик и тактик по привлечению студентов в экстремистские и террористические организации до сих пор требуют тщательного контроля со стороны вузов и государственных структур, развития среди молодежной среды понимания о том, что они понесут

огромную ответственность перед законом, что ни к чему хорошему это не приведет. Например, в рамках проекта «Мир Кавказу», который состоялся с 1 по 2 декабря в Южном федеральном университете, студенты прослушали ряд выступлений по противодействию экстремизму и терроризму в сети Интернет [2].

В.В. Гафнер в своем пособии дает следующее определение информационной безопасности: «Информационная безопасность – это защищённость информации и поддерживающей инфраструктуры от случайных или преднамеренных воздействий естественного или искусственного характера, способных нанести ущерб владельцам или пользователям информации и поддерживающей инфраструктуры» [3]. В Доктрине информационной безопасности РФ указаны основные направления обеспечения ИБ в сфере образования, науки и технологий [4]:

1. достижение конкурентоспособности российских информационных технологий и развитие научно-технического потенциала в области обеспечения информационной безопасности;
2. создание и внедрение информационных технологий, изначально устойчивых к различным видам воздействия;
3. проведение научных исследований и осуществление опытных разработок в целях создания перспективных информационных технологий и средств обеспечения информационной безопасности;
4. развитие кадрового потенциала в области обеспечения информационной безопасности и применения информационных технологий;
5. обеспечение защищенности граждан от информационных угроз, в том числе за счет формирования культуры личной информационной безопасности.

Развитие информационной безопасности в сфере образования среди студентов требует систематизации комплекса мер, способствует более эффективно и грамотно выстроить учебный процесс. На уровне государства

законодательные инициативы, направленные на усовершенствование развития информационной безопасности в сфере образования поможет студентам в защите от ложной и иной информации, быть осведомленными в данном вопросе. Развитие теории, методологии информационной безопасности; формирование у студентов активной гражданской позиции; просвещение в правильности использования информационного пространства; разработка дополнительного профессионального образования на тему информационной безопасности; проведение различных лекций, семинаров, собраний, конференций; подбор, создание и распространение литературы среди студентов по вопросам информационной безопасности; создание доступной среды среди студентов для использования истинной информации в учебном процессе и ее популяризация; контроль за студентами со стороны администрации вузов, родителей; знание и соблюдение законов в сфере информационной безопасности. Реализовав данные меры, уязвимый слой населения (студенты) начнут более правильное, грамотнее, этичнее относиться к той информации, которую они потребляют каждый день. Это же способствует развитию всего образовательного процесса.

В заключении стоит отметить, что популяризация информационной безопасности среди студентов поможет более эффективно выстраивать образовательный процесс. Молодежь, полностью окутанная информационным пространством, зачастую потребляет много лишней информации. На этой почве развиваются ложные, а порой и негативные представления о мире. Кроме того, студенты используются в качестве «уязвимых целей» для террористических и экстремистских организаций. В связи с этим, в первую очередь, студенты должны сами понимать собственную ответственность перед тем, какую «пищу для ума» они используют, какие сайты они посещают, с кем общаются и т. д., а также комплекс мер, направленный на развитие информационной безопасности поможет ускорить процесс развития безопасной образовательной среды.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Всероссийская перепись населения // Как меняется молодежь и что покажет перепись? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.strana2020.ru/mediaoffice/kak-menyaetsya-molodezh-i-chto-pokazhet-perepis/> (дата обращения 14.12.2022).
2. Институт социологии и регионоведения // Молодежный форум «Мир Кавказу» проходит в ЮФУ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://isir.sfedu.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=1851:molodezhnyj-forum-mir-kavkazu-prokhodit-v-yufu&catid=8:novosti&Itemid=107 (дата обращения: 14.12.2022).
3. Гафнер, В.В. Информационная безопасность: учеб. пособие / В.В. Гафнер. – Ростов на Дону: Феникс, 2010. - 324 с.
4. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (утв. Президентом РФ 5 дек. 2016 года № Пр-646). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71456224/> (дата обращения 14.12.2022).

DEVELOPMENT OF THE EDUCATIONAL ENVIRONMENT AMONG STUDENTS IN THE CONTEXT OF INFORMATION SECURITY

Sergey Tutin, Master's student
Southern Federal University
Rostov-on-Don

Abstract: the article examines the role of information security among students in the context of information security. Ideas for the implementation of information security policy are proposed.

Keywords: information security, educational environment.

References

1. All-Russian population census // How is youth changing and what will the census show? [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.strana2020.ru/mediaoffice/kak-menyaetsya-molodezh-i-chto-pokazhet-perepis/> (accessed 14.12.2022).
2. Institute of Sociology and Regional Studies // Youth Forum "Peace to the Caucasus" takes place in SFU. [Electronic resource]. – Access mode: https://isir.sfedu.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=1851:molodezhnyj-forum-mir-kavkazu-prokhodit-v-yufu&catid=8:novosti&Itemid=107 (date of access: 14.12.2022).
3. Gafner, V.V. Information security: textbook. allowance / V.V. Gafner. - Rostov-on-Don: Phoenix, 2010. - 324 p.
4. Doctrine of information security of the Russian Federation (approved by the President of the Russian Federation on December 5, 2016 No. Pr-646). [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71456224/> (accessed 12/14/2022).

УДК 371.2.022

**ЧТЕНИЕ КАК БАЗОВЫЙ КОМПОНЕНТ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ
ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА
(ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ МАТЕРИАЛОВ PIRLS)**

*Дана Уджуху, аспирант
Адыгейского государственного университета,
Майкоп*

Аннотация: проведен краткий ретроспективный анализ зарубежных исследований по проблеме обучения чтению детей младшего школьного возраста в направлениях: общие понятия, теоретическая и методологическая обоснованность применяемого инструментария; взаимозависимый или независимый характер отношений между мотивационными сферами (внутренняя и внешняя мотивация); интересы и психологические условия, посредством которых формируются основные элементы самоидентификации (гендер, этнические, национальные различия, социально-экономический статус семьи и др.).

Ключевые слова: обучение чтению, дети младшего школьного возраста, Progress in International Reading Literacy Study – (PIRLS); основные элементы самоидентификации детей.

Трансформация образовательных программ, в том числе на основе сетевого обучения, многообразие подходов, методов и методик обучения, включая приоритеты самостоятельной работы связаны с транзитарностью современного общества. Неопределенность и во многом быстрая изменяемость целей и способов их достижений актуализирует процесс самообучения через различные формы получения информации. Первоначальной и во многом базовой формой получения информации, формирующей интеллектуальный

потенциал как отдельного человека, так и общества/нации в целом является чтение. Именно обучение чтению в младшем школьном возрасте и особенно его функциональный компонент, по которому ребенок учится самостоятельно не просто «добывать» информацию, но и анализировать ее с точки зрения возникающих приоритетов, является самым мощным инструментом для формирования дальнейшего жизненного пути индивидуума. Но ошибочно думать, что эти приоритеты в обучении чтению детей младшего возраста еще только будут формироваться и у современных государств еще есть достаточно времени для подобного процесса. В истории многочислены примеры, когда именно любовь к чтению давала не просто скорость мысли, феноменальную память, возвращала одаренную личность, но и определяла высокий темп всей жизни человека. А именно скорость адаптивности к изменениям становится характерной особенностью современности. Кроме того, международные исследования качества обучения были концептуально определены одновременно с пониманием процессов глобализации, т.е. с середины 20 века. Россия к изучению качества чтения и понимания текста детьми младшего школьного возраста присоединилась в 2001 г. Таким образом, мы можем наблюдать накопление эмпирического материала, а также становление методологии и обработки социологической информации по качеству обучения в различных национальных государствах.

Для многих зарубежных стран и нашей страны, актуализация вопроса обучения чтению учащихся младшего школьного возраста связана с опубликованными результатами международной исследовательской программы PIRLS (Progress in International Reading Literacy Study) по изучению качества чтения и понимания текста. Результаты проводимых общемировых мониторинговых исследований, разработанные Международной ассоциацией по оценке учебных достижений IEA (International Association for the Evaluation of Educational Achievement), стали полной неожиданностью для многих стран. И перед национальными исследовательскими центрами изучения качества

национального образования – Статистическое управление Канады, Национальный фонд исследований в области образования (NFER) в Англии и Уэльсе, австралийский Совет по исследованиям в области образования (ACER), Служба тестирования в области образования (ETS) в Соединенных Штатах и др., встали вопросы: каково состояние национального образования с точки зрения международных требований; какова методика измерений результатов обучения; какие факторы определяют лучшие результаты; в каком направлении следует совершенствовать начальное образование, как семья способствует развитие грамотности, и, наконец, каким образом формируется учебно-познавательная и мотивационная сфера детей младшего школьного возраста.

Методологические проблемы, вопросы, связанные с анализом данных о чтении детей, нашли отражение в работах отдельных авторов и целых коллективов, изучающих программы Международной ассоциации по оценке достижений в области образования (МЭА). С 2013 г. МЭА издает рецензируемый журнал «Springer» с открытым доступом. Статьи в этом журнале вносят вклад в формирование данных о крупномасштабных оценках, помогают распространять самую современную информацию об эмпирических исследованиях, используя базы данных по международным исследованиям, делают результаты доступными для политиков и исследователей во всем мире. До создания журнала оценки в области образования за 2008 – 2012 гг. были опубликованы в виде серии монографий, эти материалы размещены в открытом доступе на сайте МЭА в разделе публикаций и отдельных докладов. Надо отметить, что МЭА использует систему материального поощрения ученых, чьи исследования используют инструментарий и данные PIRLS. Это, в свою очередь, стимулирует интерес к разработкам и анализу информации на основе полученных исследовательских данных, углубляет и расширяет спектр дополнительных вопросов для рассмотрения.

Используемые в программах PIRLS методы анализа стали отдельным предметом изучения для сравнительных методологических концепций. Особое

внимание уделялось рассмотрению шкал исследования PIRLS. Например, по мнению таких ученых как: Майкл О. Мартин и Ина В.С. Маллис (2012), такие шкалы, как «уверенность ученика в чтении», «чтение ученика» и «домашние ресурсы для обучения» показали низкую надежность в ряде стран, включая арабские государства. Две важные шкалы, – «внутренняя мотивация к чтению» и «самоэффективность в чтении» имеют весомые поправки, что, как отмечают исследователи, «может повлиять на качество анализа данных, относящихся к взаимосвязи между «внутренней мотивацией, домашней обстановкой и успеваемостью учащихся» [1]. Группой ученых, состоящей из Конради К., Джанг Б.Г. и Маккенна М.С. (2014), был дан концептуальный обзор терминологии мотивации в исследовании чтения. Авторами проанализированы 92 работы по качеству чтения за 2003 – 2013 годы, опубликованные в Северной Америке и Европе. Ими сделаны неутешительные выводы: «только 17% исследований предложили четкие определения целевых конструкций, которые они исследовали. Еще 64% полагались на различные формы неявных определений, а 19% не предоставили никаких определений. Часто возникали проблемы с использованием «смутных» ассоциаций между терминами. 22% исследований признаны по существу «атеоретическими», т.е. недостоверными [2]. Таким образом, мы можем констатировать происходящий процесс как не только накопление социологических данных, но и формирование базового методологического инструментария (термины, методы сбора и обработки информации и др).

На начальном этапе обучения младших школьников чтение рассматривают в самом широком исследовательском поле: с точки зрения степени эффективности национальных систем образования и их сравнения, развития навыков чтения у малообеспеченных слоев населения, понимания прочитанного (функциональное, смысловое чтение) и расширения спектра прочитанного; влияния мотивации на успехи в обучении чтению, внешней и внутренней мотивации; гендерных, этнических (национальных) исследований;

рассмотрения возможных внутрисемейных факторов, оказывающих влияние на уровень последующей грамотности. Все это может изучаться как отдельный исследовательский компонент при изучении самоидентификации личности.

Российская Федерация в обучении чтению детей младшего школьного возраста, по результатам Международного исследования качества чтения и понимания текста в 2016 года заняла 1 место среди 60 стран-участниц. «В рамках сравнительного анализа эффективности национальных систем образования, по результатам PIRLS за 2016 г., «у учащихся четвертого класса США относительно более низкая мотивация к чтению, чем у учащихся других стран. Только в 6 из 45 участвующих стран процент учащихся с положительным отношением к чтению был ниже, чем в Соединенных Штатах» [3]. Зарубежными учеными были сделаны выводы о том, что «хотя исследования указывают на то, что мотивация вносит существенный вклад в понимание прочитанного у учащихся старших классов начальной школы – чтение по словам и без слов было связано с воспринимаемой компетентностью в чтении, тогда как понимание прочитанного в значительной степени было связано с субъективной ценностью чтения» [4], что важно для теории понимания прочитанного.

Внутренняя мотивация основана на психологических потребностях учащегося, желании чувствовать себя интересным, компетентным, независимым. Она является результатом интереса и удовольствия от процесса познания, который получает ребенок, и остается наиболее важной в обучении. Сегодня достаточно часто подчеркивается, что внутренняя мотивация гораздо важнее, чем внешний контроль в обучении чтению [5].

Внешняя мотивация – получение признания от учителя, сверстников, родителей чаще всего зависит от уровня самостоятельности самого ребенка. Излишняя внешняя мотивация ухудшает результаты, так как имеет целью достижение вознаграждений и признания, а не научение чтению и главное – не способствует стимулированию понимания прочитанного. Немецкие ученые

сделали интересный вывод по анализу внутренней и внешней мотивации учеников начальных классов. Аннет Лобек в 2019 году [6] доказала, что внутренняя мотивация учеников младших классов положительно коррелирует по ряду признаков с дальнейшей успеваемостью (в 6 классе средней школы), тогда как у учащихся с приоритетом внешней мотивации в школе среднего звена наблюдаются «более скромные результаты» [7]. Подобные выводы были сделаны и другими учеными (в частности, М. Сэйнсбери и Я. Шаген в 2004 г.) [8]. Вместе с тем, зарубежные исследователи отмечают, что внешняя мотивация необходима и полезна, прежде всего, в период обучения «на начальном этапе обучения чтению» [9], тогда как внутренняя мотивация большинством современных ученых рассматривается с точки зрения социально-когнитивной теории в целом. Удовлетворенность, которую получает учащийся, ставя и выполняя трудные задачи, становится весомым фактором, определяющим внутреннюю мотивацию и, следовательно, самоидентификацию в целом. Зарубежные коллеги доказали, что «самоэффективность» – концепция, которая объясняет, что люди думают о себе, а также то, как они мотивируют себя. По мнению зарубежных ученых, между внутренней мотивацией, удовлетворенностью (самоэффективностью) и достижением грамотности существует прямая взаимосвязь. Внутренняя мотивация ведет к более увлекательному чтению и расширению литературного кругозора. Это, в свою очередь, помогает ученику стать успешным читателем и, с большей вероятностью, ведет к большей самоидентификации в выборе тех или иных ресурсов для чтения, в грамотности выражения своих мыслей и, следовательно, в позиционировании себя в том или ином обществе.

Базовым аспектом самоидентификации являются различия по гендерному признаку. Здесь нет единого мнения. Часть ученых отмечают, что девочки «показывают» [10] более весомые результаты и интерес к чтению по сравнению с мальчиками. Другие ученые отмечают «отсутствие гендерных различий» [11; 12] в интересе детей к чтению. Австралийские ученые

исследовали пятилетних детей и их родителей в своей стране и полностью подтвердили отсутствие гендерных различий в отношении к чтению среди детей младшего школьного возраста. Более того, отметили, что «пол ребенка не влияет на отношение родителей к обучению детей грамотности» [12]. У некоторых исследователей можно встретить прямо доказанную взаимосвязь мотивации к чтению с достигнутыми результатами у девочек. Другие отмечают, что такое отношение сохраняется у девочек, но не у мальчиков, что «мальчики и девочки третьего класса, которые являются средними читателями, одинаково уверены в своих способностях к чтению; однако мальчики ценят чтение меньше, чем девочки» [13].

Качество образования и чтение рассматривается и от такого аспекта самоидентификации как национальная принадлежность. Наиболее подробное исследование провела Линда Бейкер и Алан Вигфилд (1999 г.). Ими был использован вопросник по одиннадцати возможным аспектам, относящимся к чтению, в том числе с учетом внутренних и внешних факторов и социальных аспектов. Выводы, которые сделали исследователи: «подтверждающий факторный анализ показал, что показатели мотивации детей к чтению могут быть точно определены и измерены» [14]. Для большинства измерений средние оценки по шкалам различаются в зависимости от пола и этнической принадлежности, причем девочки и афроамериканцы демонстрируют большую мотивацию: «сила корреляции между мотивацией к чтению и полученными результатами сильнее у девочек и белых» [14]. Этими учеными были выделены семь кластерных групп обучающихся на основе их мотивационного профиля и сделан вывод, что «мотивация к чтению многомерна и должна рассматриваться как таковая в исследованиях и на практике» [14].

Зарубежные исследования вопроса «мотивация и национальная принадлежность» показали: что внутренняя мотивация имела более сильные показатели в чтении для азиатских студентов, чем для испаноговорящих учащихся, с точки зрения успеваемости [15]; что как для американских, так и

для китайских учащихся начальных классов внутренняя мотивация имела положительную связь с пониманием чтения, а внешняя мотивация имела отрицательный эффект [16]. Если расширить целевую аудиторию изучения чтения младших школьников, то можно встретить выводы, что на успеваемость влияет конфуцианские традиции (Гонконг) – «цели мастерства, как было установлено, являются самым сильным предиктором использования стратегии» [17].

Уникальным, на наш взгляд, аспектом является рассмотрение сложностей и особенностей чтения в отдельных языках. Арабскими учеными были сделаны выводы о том, в «английском и иврите оба полушария участвуют в LD (лексическом решении), тогда как в арабском языке правое полушарие не участвует в распознавании слов» [18]. «Фонология, морфология и контекст предложения считаются ключевыми переменными при объяснении процесса чтения в арабской орфографии» [19].

Отдельным исследовательским вопросом является изучение взаимодействия «учитель-ученик». Китайские исследователи, рассматривая влияние поддержки учителей на вовлеченность учеников в чтение и опосредованные переменные между этими двумя факторами, измеряли данные по шкалам: восприятие учителя, заинтересованность в чтении, интерес к чтению и китайской академической шкале самооценки. Были сделаны выводы о том, что поддержка учителей положительно влияла на читательскую активность, в то время как получаемая оценка (внешняя мотивация) «не создавала серьезной мотивации» [20]. Практики и исследователи сходятся во мнении, что для успешности ученика учитель должен обеспечивать «обратную связь», плотный контакт с учеником; менять технологии в зависимости от результатов обучения ребенка, корректно оценивать достижения, нередко оценки снижают мотивацию к обучению и самооценку. И самое важное, перед современным учителем стоит задача научить способам улучшения собственных результатов.

Достаточно большое количество исследований указывает, что на процесс самоидентификации и отношение к чтению детей в семье влияет «качество грамотности» самой семьи. Учеными формируется инструментарий оценки родительской поддержки, в частности, Мелисса Оркин (2017) констатирует варианты родительской поддержки младших школьников. По её мнению, родительская поддержка может быть: «стратегической, компенсационной или навязчивой» [21]. Ее результаты исследования показывают: как пассивная домашняя грамотность, в том числе отношение родителей к чтению, предоставление ресурсов для чтения, так и активная домашняя грамотность, включая взаимодействие между родителями и детьми в области грамотности, оказывают независимое и значительное влияние на детей: отношение родителей к чтению в целом и родительские ожидания способствуют развитию у детей позитивного отношения к грамотности; уровень грамотности родителей напрямую влияет на выработку навыков чтения у их детей; предоставление материалов для чтения на дому является основным элементом домашней грамотности и напрямую формирует навыки чтения детей младшего школьного возраста; активная среда домашней грамотности, вовлеченностью родителей в чтение и обучение детей, определяют ранние навыки чтения и грамотности [22, 23, 24]. Используя данные PIRLS за 2011 год, сделаны выводы о том, что домашнее чтение до поступления в школу, улучшает успеваемость учащихся во многих европейских странах [25].

Широкое исследовательское обсуждение получили вопросы профилактических вмешательств по приобщению к чтению в социально неблагополучных районах, семьях с низким социально-экономическим статусом (SES) [26, 27].

Проведя краткий обзор зарубежной литературы по вопросам обучения чтению детей младшего школьного возраста, можно сделать следующие выводы:

Результаты обучения чтению детей младшего школьного возраста по данным PIRLS в таких его компонентах как: особенности внутренней и внешней мотивации; формируемые интересы и приоритеты; психологические условия, грамотность внешней среды; особенности родительского контроля, социально-экономический статус семьи; гендерные, этнические, национальные различия и др., могут являться дополнительными источниками информации в изучении вопроса формирования самоидентификации.

Общей тенденцией в анализе полученных увеличивающихся объемов социологических данных по результатам PIRLS 2001-2023 гг., является расширяющийся инструментарий и направления исследований в рассмотрении качества обучения чтению детей младшего школьного возраста. В рамках данного краткого обзора они могут быть определены как: понятия используемого методологического инструментария; оценка теоретической достоверности полученных выводов; доступность и осознание мотивационных убеждений, взаимозависимый или независимый характер отношений между мотивационными сферами внешней и внутренней среды; интересы и процессы потребностей учащегося, психологические усилия; национальные и этнические особенности обучения чтению, позволяющие добиваться успешных результатов; корреляция обучения чтению к общей успеваемости и в школе среднего (старшего) звена и др.

Таким образом, проблема обучения чтению дает уникальный материал – от формирования оценочного инструментария, новых психолого-педагогических приемов, субъектно-объектных отношений в учебной деятельности, существующих подходов и методик образовательного процесса, до понимания особенностей реформирования национальных образовательных систем в целом. Все это может рассматриваться как базовый компонент формирования самоидентификации личности, что в свою очередь, ставит вопрос изучения полученных зарубежными учеными данных и рационального

их применения в практике обучения чтению детей младшего школьного возраста.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Майкл О. Мартин, Ина В.С. Маллис (ред.). Методы и процедуры в TIMSS и PIRLS 2011 // Каштановый холм: Международный учебный центр TIMSS & PIRLS, Бостонский колледж, 2012. // [Электронный ресурс] – URL: <http://timssandpirls.bc.edu/methods/index.html>

2. Конради К., Джанг Б.Г. и Маккенна М.С. Терминология мотивации в исследованиях чтения: концептуальный обзор. *Education Psychol Rev* 26, 127-164 (2014). // [Электронный ресурс] – URL: https://scholar.google.com/scholar?cluster=13949484792831376315&hl=ru&as_sdt=0,5

3. Юнхан Парк. Как мотивационные конструкции взаимодействуют для прогнозирования успеваемости учащихся начальной школы: примеры из установок и самооценки в чтении // Elsevier. Обучение и индивидуальные различия, 2011 // [Электронный ресурс] – URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S104160801100032X>

4. Картрайт К.Б., Маршалл Т.Р. и Рэй Э. (2016 г.). Лонгитюдное исследование роли мотивации чтения в понимании чтения у учащихся начальной школы: последствия для менее простого взгляда на чтение. *Психология чтения*, 37 (1), 55-91. (<https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/02702711.2014.991481>)

5. Гатри, Дж. Т. и Уигфилд, А. (2000). Вовлеченность и мотивация в чтении. В М. Л. Камил, П. Б. Мозенталь, П. Д. Пирсон и Р. Барр (Ред.), *Руководство по исследованию чтения* (3-е изд.). Нью-Йорк, Нью-Йорк: Longman.

6. Аннет Лобек. Влияние социальных и размерных сравнений на академическую самооценку и самовосприятие усилий у детей начальной школы. *Международный журнал экспериментальной педагогической психологии*. Том 39, 2019 год – выпуск 1. // [Электронный ресурс] – URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/01443410.2018.1527018?src=recsy>

7. Беккер М., Макэлвани Н. и Кортенбрюк М. (2010) Внутренняя и внешняя мотивация к чтению как предикторы грамотности чтения: продольное исследование. *Журнал психологии образования*, 102(4), 773-785 // [Электронный ресурс] – URL: <https://psycnet.apa.org/doiLanding?doi=10.1037%2Fa0020084>

8. Мэриан Сэйнсбери и Ян Шаген (2004). Отношение к чтению в возрасте девяти и одиннадцати лет. *Журнал исследований в чтении*, 27 (4), 373-386. // [Электронный ресурс] – URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1111/j.1467-9817.2004.00240.x>

9. Гатри, Дж. Т., Макрей, А. и Лутц Клауд (2007). Вклад концептуально ориентированного обучения чтению в знания о вмешательствах

для мотивации в чтении. Педагог-психолог, 42 (4), 237-250; У. Дэвид Пирс, Джуди Кэмерон, Кэтрин М. Банко & Сильвия Со (2003). Положительное влияние вознаграждений и стандартов эффективности на внутреннюю мотивацию. Психологическая запись, 53, 561-578.

10. Логан С. & Джонстон Р. (2009). Гендерные различия в способности к чтению и в отношениях: изучение того, где находятся эти различия. Журнал исследований в чтении, 32 (2), 199-214; Сейнсбери М. & Шаген И. (2004). Отношение к чтению в возрасте девяти и одиннадцати лет. Журнал исследований в чтении, 27 (4), 373-386.

11. Бейкер Л. и Шер Д. Начиная читательская мотивация к чтению в связи с родительскими убеждениями и опытом домашнего чтения // Психология чтения, № 23 (4), 2002. С. 239-269.

12. Озтурк, Г., Хилл, С., Йейтс, Г. Семейный контекст и отношение пятилетних детей к грамотности, когда они учатся читать // Психология чтения. № 37 (3), 2016. С. 487-509.

13. Маринак, Б.А., Гамбрелл, Л.Б. Мотивация к чтению: изучение элементарного гендерного разрыва // Исследование и обучение грамотности (Taylor & Francis), 2010 // [Электронный ресурс] – URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/19388070902803795>.

14. Бейкер, Л., Вигфилд, А. Размеры мотивации детей к чтению и их отношения к чтению и достижению чтения // Reading Research Quarterly. № 34, 1999. СС. 452-477. // [Электронный ресурс] – URL: <https://ila.onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1598/RRQ.34.4.4>

15. Чартерный колледж образования Калифорнийского государственного университета, Лос-Анджелес & Джона Шлакман (2006). Мотивация и ее связь с успеваемостью в городской средней школе // Журнал образовательных исследований, № 100 (2), 81–101. // [Электронный ресурс] – URL: https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.3200/JOER.100.2.81-101_

16. Ван, Д-Х & Гатри Д-Т (2004). Моделирование влияния внутренней мотивации, внешней мотивации, объема чтения и прошлых достижений чтения на понимание текста между студентами из США и Китая. Research Research Quarterly, 39 (2), 162–186. // [Электронный ресурс] – URL: <https://ila.onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1598/RRQ.39.2.2>

17. Лай, КЛ, & Ли, Дж. Изучение целей достижения гонконгских студентов и их отношений с воспринимаемой школьной средой и стратегией использования // Психология образования. No. 28, 2008. РР. 357-372 // [Электронный ресурс] – URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/01443410701612008>.

18. Абдельхади, С., Ибрагим, Р., Эвиатар, З. Нагрузка восприятия при чтении на арабском языке: влияние орфографической визуальной сложности на обнаружение // Письменные исследования систем. № 3 (2), 2011. С. 117-127 // [Электронный ресурс] – URL:

<https://behavioralandbrainfunctions.biomedcentral.com/articles/10.1186/1744-9081-8-3>

19. Абу-Рабия, С. Чтение на языке, основанном на корне-морфологии: пример арабского языка // Журнал исследований в чтении. № 25 (3), 2002. С. 299-309 // [Электронный ресурс] – URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1111/1467-9817.00177>

20. Чжао, Вейгуа. Влияние поддержки учителей на читательскую активность учащихся начальных классов: посредническая роль интереса к чтению и китайская академическая самооценка // Образовательная психология. Международный журнал экспериментальной педагогической психологии. Т. 39, № 2, 2019 // [Электронный ресурс] – URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/01443410.2018.1497146?journalCode=cedp20>

21. Оркин М., Мэй С. и Вольф М. Как поддержка родителей во время домашней работы способствует беспомощному поведению среди борющихся читателей // Психология чтения, № 38 (5), 2017. СС. 506-541 // [Электронный ресурс] – URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/02702711.2017.1299822?journalCode=urpy20>

22. Лониган К. Дж., Берджес С. Р. и Энтони Дж. Л. (2000). Развитие возникающей грамотности и навыков раннего чтения у детей дошкольного возраста: данные латентно-переменного продольного исследования. Психология развития, 36, 596–613. // [Электронный ресурс] – URL: <https://psycnet.apa.org/doiLanding?doi=10.1037%2F0012-1649.36.5.596>

23. Сеньешаль М. & Лефевр, Джо-Энн (2002). Участие родителей в развитии навыков чтения у детей: пятилетнее продольное исследование. Развитие ребенка, 73, 445–460. // [Электронный ресурс] – URL: <https://srcd.onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1111/1467-8624.00417>

24. Лин Д., МакБрайд-Чанг С., Арам Д. и Левин И. (2011). Совместное письмо матери с ребенком на китайских детсадовцах: металингвистическая осведомленность, материнское посредничество и приобретение грамотности. Журнал исследований в чтении, 34, 426–442. // [Электронный ресурс] – URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1111/j.1467-9817.2010.01446.x>

25. Араужо, Л. & Коста, П. (2015). Чтение домашних книг и успехи в чтении в странах ЕС: прогресс в международном исследовании грамотности чтения 2011 (PIRLS). Образовательные исследования и оценка, 2 (5–6), 422–438. // [Электронный ресурс] – URL: https://scholar.google.com/scholar_lookup?title

26. Фройланд, Д.М., Пауэлл Д.Р., Даймонд. К.Э. (2014). Отношения между социальными сетями по соседству, домашней грамотностью и выразительным словарным запасом детей в пригородных семьях из групп риска. Международная школа психологии, 35 (4), 429–444. // [Электронный ресурс] – URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/0143034313500415>

27. Хеммерехтс, К., Агирдак, О. & Кавадиас Д. (2017). Связь между вовлечением грамотности родителей, социально-экономическим статусом и грамотностью чтения. Образовательный обзор, 69 (1), 85–101 // [Электронный ресурс] – URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/00131911.2016.1164667?journalCode=cedr20>.

**READING AS A BASIC COMPONENT OF THE SELF-
IDENTIFICATION OF PRIMARY SCHOOL CHILDREN
(BASED ON THE RESULTS OF PIRLS RESEARCH MATERIALS)**

Dana Ujuhu, Graduate student
Adygea State University,
Maykop

Annotation: a brief retrospective analysis of foreign studies on the problem of teaching reading to primary school children in the following directions: general concepts, theoretical and methodological validity of the tools used; the interdependent or independent nature of the relationship between motivational spheres (internal and external motivation); interests and psychological conditions through which the main elements of self-identification (gender, ethnic, national differences, socio-economic status of the family, etc.).

Keywords: learning to read, primary school children, Progress in International Reading Literature Study – (PIRLS); basic elements of children's self-identification.

References:

1. Martin, MO & Mullis, IVS (Eds.). Methods and Procedures in TIMSS and PIRLS 2011 // Chestnut Hill: TIMSS & PIRLS International Training Center, Boston College, 2012 // [Электронный ресурс] – URL: <http://timssandpirls.bc.edu/methods/index.html>.

2. Conradi, K, Jang, BG, McKenna, MC. Terminology motivation in reading research: a conceptual review. Springer, 2014 // [Электронный ресурс] – URL: https://scholar.google.com/scholar?cluster=13949484792831376315&hl=ru&as_sdt=0,5

3. Park, Y. How motivational constructs interact to predict elementary students' reading performance: examples from attitudes and self-concept in reading // Elsevier. Training and Individual Differences, 2011 // [Электронный ресурс] – URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S104160801100032X>

4. Cartwright K.B., Marshall T.R. and Ray E. (2016). A Longitudinal Study of the Role of Reading Motivation in Primary Students' Reading Comprehension: Implications for a Less Simple View of Reading. Psychology of Reading, 37 (1), 55-91 // [Электронный ресурс] – URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/02702711.2014.991481>.

5. Guthrie, JT & Wigfield, A. (2000). Motivation in reading. In ML Kamil, PB Mosenthal, PD Pearson, and R. Barr (Eds.), *Handbook of Reading Research* (pp. 403-422). Mahwa: Erlbaum.
6. Annette Lobeck. Social and dimensional comparison effects on academic self-concepts and self-perceptions of effort in elementary school children. Volume 39, 2019 – Issue 1. // [Электронный ресурс] – URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/01443410.2018.1527018?src=recsy>
7. Becker, M., McElvany, N., & Kortenbruck, M. (2010). Intrinsic and extrinsic reading motivation as predictors of reading literacy: A longitudinal study. *Journal of Educational Psychology*, 102(4), 2010. PP.773-785. <https://doi.org/10.1037/a0020084> // [Электронный ресурс] – URL: <https://psycnet.apa.org/doiLanding?doi=10.1037%2Fa0020084>
8. Marian Sainsbury and Jan Shagen (2004). Attitudes to reading at ages nine and eleven. *Journal of Research in Reading*, 27(4), 373-386 // [Электронный ресурс] – URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1111/j.1467-9817.2004.00240.x>
9. Guthrie, JT, McRae, A. & Klauda, SL (2007). The contribution of conceptually oriented reading learning to the knowledge of interventions for motivation in reading. *Educational Psychologist*, 42 (4), 237-250; Pierce, WD, Cameron, J., Banko, KM & So, S. (2003). The positive impact of rewards and performance tandards on internal motivation. *Psychological Record*, 53, 561-578.
10. Logan S. & Johnston R. (2009). Gender differences in reading ability and in relationships: Exploring where these differences lie. *Journal of Research in Reading*, 32(2), 199-214; Sainsbury, M. & Schagen, I. (2004). Attitude to reading at the age of nine and eleven. *Journal of Research in Reading*, 27 (4), 373-386.
11. Baker L. and Sher D. Beginner reader's motivation to read in connection with parental beliefs and home reading experience // *Psychology of Reading*, No. 23 (4), 2002. pp. 239-269.
12. Ozturk, G., Hill, S., Yates, G. Family context and the attitude of five-year-olds to literacy when they learn to read // *Psychology of Reading*. No. 37 (3), 2016. pp. 487-509.
13. Marinak, B.A., Gambrell, L.B. Motivation to read: the study of the elementary gender gap // *Literacy Research and Training* (Taylor & Francis), 2010. Access mode // [Электронный ресурс] – URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/19388070902803795>.
14. Baker, L., Wigfield, A. Dimensions of Children's Motivation for Reading and Their Relations to Reading Activity and Reading Achievement // *Reading Research Quarterly*. No. 34, 1999. SS. 452-477. Access mode // [Электронный ресурс] – URL: <https://ila.onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1598/RRQ.34.4.4>
15. Unrau, N. & Schlackman, J. (2006). Motivation and its relation to academic performance in an urban secondary school // *Journal of Educational Research*, № 100 (2), 81-101 // [Электронный ресурс] – URL: https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.3200/JOER.100.2.81-101_

16. Wang, JH & Guthrie, JT (2004). Modeling the effects of intrinsic motivation, extrinsic motivation, amount of reading, and past reading achievement on text comprehension between U.S. and Chinese students. *Research Quarterly*, 39 (2), 162–186 // [Электронный ресурс] – URL: <https://ila.onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1598/RRQ.39.2.2>

17. Lau, KL & Lee, JCK. Examining Hong Kong students' achievement goals and their relations with students' perceived classroom environment and strategy use. // *Psychology of Education*. No. 28, 2008. PP. 357-372 // [Электронный ресурс] – URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/01443410701612008>.

18. Abdelhadi, S., Ibrahim, R., Eviatar, Z. The load of perception when reading in Arabic: the influence of orthographic visual complexity on detection // *Written research systems*. No. 3 (2), 2011. pp. 117-127 // [Электронный ресурс] – URL: <https://behavioralandbrainfunctions.biomedcentral.com/articles/10.1186/1744-9081-8-3>

19. Abu-Rabia, S. Reading in a language based on root morphology: an example of the Arabic language // *Journal of Research in Reading*. No. 25 (3), 2002. pp. 299-309 // [Электронный ресурс] – URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1111/1467-9817.00177>.

20. Zhao, Weigua. The influence of teacher support on the reading activity of primary school students: the intermediary role of interest in reading and Chinese academic self-esteem // *Educational Psychology. International Journal of Experimental Pedagogical Psychology*, vol. 39, No. 2, 2019. // [Электронный ресурс].–URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/01443410.2018.1497146?journalCode=cedp20>

21. Orkin M., May S. and Wolf M. How Parental Support during Homework Contributes to Helpless behavior among Struggling Readers // *Psychology of Reading*, No. 38 (5), 2017. SS. 506-541. // [Электронный ресурс] – URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/02702711.2017.1299822?journalCode=urpy20>

22. Lonigan, C. J., Burgess, S. R., & Anthony, J. L. (2000). Development of emergent literacy and early reading skills in preschool children: Evidence from a latent-variable longitudinal study. *Developmental Psychology*, 36(5), 596-613. <https://doi.org/10.1037/0012-1649.36.5.596>. // [Электронный ресурс] – URL: <https://psycnet.apa.org/doiLanding?doi=10.1037%2F0012-1649.36.5.596>.

23. Sénéchal, M. & LeFevre, J.-A. (2002). Parental Involvement in the Development of Children's Reading Skill: A Five-Year Longitudinal Study. *Child Development*, 73, 445-460. // [Электронный ресурс] – URL: <https://srcd.onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1111/1467-8624.00417>.

24. Lin D., McBride-Chang S., Aram D. and Levin I. (2011). Mother-child joint writing in Chinese kindergarteners: metalinguistic awareness, maternal mediation and literacy acquisition. *Journal of Research in Reading*, 34, 426-442. //

[Электронный ресурс] – URL:
<https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1111/j.1467-9817.2010.01446.x>

25. Araújo, L. & Costa, P. (2015). Reading home books and reading success in the EU countries: progress in the International Study of Reading Literacy 2011 (PIRLS). Educational Research and Evaluation, 2 (5-6), 422-438. // [Электронный ресурс] – URL: https://scholar.google.com/scholar_lookup?title.

26. Froiland, JM, Powell, DR, & Diamond, KE (2014). Relations among neighborhood social networks, home literacy environments, and children's expressive vocabulary in suburban at-risk families. International School of Psychology, 35 (4), 429-444. // [Электронный ресурс] – URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/0143034313500415>.

27. Hemmerechts K., Agirdag O. & Kavadias D. (2017). The relationship between parental literacy involvement, socio-economic status and reading literacy. Educational Review, 69 (1), 85-101 // [Электронный ресурс] – URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/00131911.2016.1164667?journalCode=cedr20>.

УДК 342.9

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ПО УКРЕПЛЕНИЮ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ РОССИЯН

*Сультета Хасанова, аспирант
Адыгейского государственного университета
Майкоп*

Аннотация. В статье рассмотрены основные направления государственной политики по укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, отраженные в документах стратегического планирования. Определено, что государственная политика РФ по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей – это меры, которые требуются для противодействия социокультурным угрозам национальной безопасности страны и для защиты ее традиционных ценностей.

Ключевые слова: культура, ценностные ориентиры, традиционные российские духовно-нравственные ценности, государственная политика, социокультурные угрозы национальной безопасности.

В российском обществе в последние годы сформировался запрос на сохранение и защиту традиционных ценностей, отражением которого стало их закрепление в Конституции РФ и государственных документах стратегического планирования, определяющих основные направления государственной политики, таких как Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, Основы государственной культурной политики, Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года, Стратегия развития информационного общества и ряде других [2].

Государственная политика РФ по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей – это меры, которые требуются для противодействия социокультурным угрозам национальной безопасности страны и для защиты ее традиционных ценностей. Эти меры должны быть реализованы в сферах образования и воспитания, работы с молодежью, культуры, науки, межнациональных и межрелигиозных отношений, СМИ, международного сотрудничества.

Важнейшие изменения в законодательстве произошли в 2020-2021 годах, когда по итогам референдума в Основном законе страны были закреплены поправки, устанавливающие традиционные ценности в качестве базовых ценностей (ценностных ориентиров) российского общества. Указом Президента РФ установлена необходимость защиты определенных Конституцией Российской Федерации традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти в новой редакции Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [5].

На заседании Совета по реализации государственной политики в сфере защиты семьи и детей в июне 2022 г. Президент России еще раз обратил внимание на важность унификации понятия «духовно-нравственные

ценности». Владимир Путин поручил Правительству РФ провести гармонизацию и унификацию определений понятий «духовно-нравственные ценности» и «духовно-нравственное воспитание» в правовых актах, регулирующих вопросы патриотического воспитания.

Кроме того, Глава государства поручил Правительству России закрепить в законодательстве государственное финансирование художественных фильмов для детей и юношества и организовать посещение кинотеатров школьниками на бюджетной основе в целях просмотра художественных, документальных, научно-популярных, учебных и анимационных фильмов, направленных на всестороннее развитие детей и подростков на основе традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

В сентябре 2022 года Президент Российской Федерации выступил с обращением к нации, в котором в том числе было акцентировано внимание на такой характерной для современного состояния стран Запада тенденции, как переход к радикальному отрицанию нравственных норм, религии, семьи как институтов, в которых формируется мировоззрение детей, а, следовательно, в дальнейшем и всего гражданского общества.

Дальнейшим продолжением работы по определению системы целей, задачи инструментов реализации стратегического национального приоритета – «Защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти» – стал Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [6].

В документе дается определение традиционных ценностей (нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство).

Согласно Указу, традиционные ценности – это жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу. Также к ним отнесены высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, историческая память и преемственность поколений, а также единство народов России.

Обеспечение духовно-нравственной безопасности предлагается осуществлять на основе следующих принципов [3, с. 40]: 1) принцип приоритета мер общественного порицания над государственным принуждением в случае возникновения угроз духовно-нравственной безопасности; 2) принцип сочетания интересов и ответственности личности, общества и государства в области обеспечения духовно-нравственной безопасности; 3) принцип недопустимости нарушения общественной нравственности со стороны отдельных граждан, государственных органов, должностных лиц и общественных объединений, в том числе деятелей культуры; 4) принцип государственной поддержки деятелей культуры и искусства, создающих произведения, направленные на сохранение духовно-нравственного наследия; 5) обеспечение доступности информации и повышение осведомленности населения в вопросах обеспечения духовно-нравственной безопасности; 6) презумпция невиновности авторов произведений культуры, вызывающих возражения со стороны организаций общественного контроля в сфере духовно-нравственной безопасности; 7) своевременное реагирование на возникающие угрозы (опасности) духовно-нравственной безопасности с учетом интересов национальной безопасности, общепринятых норм международного права, международных договоров Российской Федерации в целях решения глобальных, национальных и региональных проблем, связанных с угрозами духовно-нравственной безопасности.

Среди угроз традиционным ценностям в документе названы деятельность: экстремистских и террористических организаций; отдельных средств массовой информации и массовых коммуникаций; США и других «недружественных иностранных государств»; ряда транснациональных корпораций и иностранных некоммерческих организаций; некоторых организаций и лиц на территории России. К деструктивному идеологическому воздействию на россиян, которое ведет к «насаждению чуждой и разрушительной системы идей и ценностей», отнесены культивирование эгоизма, вседозволенности, безнравственности; отрицание идеалов патриотизма, служения Отечеству, естественного продолжения жизни, ценности крепкой семьи, брака, многодетности, созидательного труда, позитивного вклада России в мировую историю и культуру; разрушение традиционной семьи с помощью пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений [6].

В Стратегии национальной безопасности определено, что «угрозами национальной безопасности в области культуры являются размывание традиционных российских духовно-нравственных ценностей и ослабление единства многонационального народа Российской Федерации путем внешней культурной и информационной экспансии (включая распространение низкокачественной продукции массовой культуры), пропаганды вседозволенности и насилия, расовой, национальной и религиозной нетерпимости, а также снижение роли русского языка в мире, качества его преподавания в России и за рубежом, попытки фальсификации российской и мировой истории, противоправные посягательства на объекты культуры» [5].

У государственной политики по сохранению и укреплению традиционных духовно-нравственных ценностей три цели. Она должна сохранить и укрепить традиционные ценности, обеспечить их передачу от поколения к поколению; противостоять распространению деструктивной идеологии; формировать на международной арене образ РФ как хранителя и

защитника традиционных общечеловеческих духовно-нравственных ценностей.

Для достижения этих целей государственная политика должна решить спектр задач. В их числе следующие: воспитание поколений в духе уважения к традиционным ценностям; поддержка общественных проектов и институтов в области патриотического воспитания; охрана объектов культурного наследия, предоставление доступа к ним для их популяризации; поддержка религиозных организаций традиционных религий, противодействие деструктивным религиозным течениям; защита и поддержка русского языка, недопущение использования нецензурных слов, противодействие излишнему использованию иностранной лексики.

Категория «традиционные ценности» занимает важное место в понятийном аппарате государственной культурной политики современной России. Согласно Основам государственной культурной политики, «передача от поколения к поколению традиционных для российской цивилизации ценностей и норм, традиций, обычаев и образцов поведения» относится к числу целей государственной культурной политики [4].

Вслед за В.В. Аристарховым сформулируем выводы, важные для правильной оценки угроз национальной безопасности в отношении традиционных ценностей в целом [1, с. 51-52]. Во-первых, разрушение традиционных духовно-нравственных ценностей ведет к потере Россией своей цивилизационной идентичности и, в конечном счете, к утрате суверенитета. Во-вторых, необходимость сохранения и укрепления традиционных ценностей возникает вне зависимости от внешнеполитических факторов. Негативное внешнее информационно-психологическое воздействие, безусловно, существует и имеет значение, однако его эффективность зависит от внутривнутриполитической ситуации. В-третьих, комплекс факторов, порождающих угрозу разрушения традиционных ценностей, равно как и комплекс мер по противодействию этой угрозе, охватывает сферы культуры, образования и

воспитания, работы с молодежью, межнациональных и межконфессиональных отношений, науки (в особенности исторической науки), средств массовой информации и информационного пространства.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Аристархов В.В. Характеристика угроз национальной безопасности России в нормативных актах по государственной культурной политике // Прогнозируемые вызовы и угрозы национальной безопасности Российской Федерации и направления их нейтрализации. М.: Издательский дом «ИМЦ», 2021.

2. Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2022 год. М: Общественная палата Российской Федерации, 2022.

3. Овчинников А.И. Национальная безопасность и традиционные духовно-нравственные ценности: вопросы законодательного обеспечения // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. 2022. Т. 9. № 1.

4. Основы государственной культурной политики, утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 24.12.2014 № 808 [Текст: электронный] // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172706/ (дата обращения 10.03.2023).

5. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 [Текст: электронный] // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения 10.03.2023).

6. Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». [Текст: электронный] URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019> (дата обращения 10.03.2023).

THE MAIN DIRECTIONS OF STATE POLICY TO STRENGTHEN THE TRADITIONAL VALUES OF RUSSIANS

Suljeta G. Khasanova, Graduate student,
Maikop, Russia

The article discusses the main directions of state policy to strengthen traditional Russian spiritual and moral values, reflected in strategic planning documents. It is determined that the state policy of the Russian Federation to preserve and strengthen

traditional Russian spiritual and moral values are measures that are required to counter sociocultural threats to the national security of the country and to protect its traditional values.

Keywords: culture, value orientations, traditional Russian spiritual and moral values, state policy, socio-cultural threats to national security.

References:

1. Aristarkhov V.V. Harakteristika ugroz nacionalnoi bezopasnosti Rossii v normativnih aktah po gosudarstvennoi kulturnoi politike [Characteristics of threats to the national security of Russia in normative acts on state cultural policy] // Predicted challenges and threats to the national security of the Russian Federation and the directions of their neutralization. Moscow: Publishing House "IMC", 2021.

2. Doklad o sostoyanii grajdanskogo obschestva v Rossiiskoi Federacii za 2022 god [Report on the state of civil society in the Russian Federation for 2022]. Moscow: Public Chamber of the Russian Federation, 2022.

3. Ovchinnikov A.I. Nacionalnaya bezopasnost i tradicionnie duhovno_nravstvennie cennosti_voprosi zakonodatelnogo obespecheniya [National security and traditional spiritual and moral values: issues of legislative support] // Bulletin of the Faculty of Law of the Southern Federal University. 2022. Vol. 9. No. 1.

4. Osnovi gosudarstvennoi kulturnoi politiki_ utverjdenie Ukazom Prezidenta Rossiiskoi Federacii ot 24.12.2014 № 808 [Fundamentals of the state cultural policy approved by the Decree of the President of the Russian Federation No. 808 dated December 24, 2014 [Text: electronic] // Legal reference system "Consultant Plus". URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172706 / (Accessed 10.03.2023).

5. Strategiya nacionalnoi bezopasnosti Rossiiskoi Federacii_ utverjdenaya Ukazom Prezidenta Rossiiskoi Federacii ot 02.07.2021 № 400 [The National Security Strategy of the Russian Federation, approved by Decree of the President of the Russian Federation No. 400 dated 02.07.2021] [Text: electronic] // Legal reference system "Consultant Plus". URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271 / (Accessed 10.03.2023).

6. Ukaz Prezidenta RF ot 9 noyabrya 2022 g. № 809 «Ob utverjdenii Osnov gosudarstvennoi politiki po sohraneniyu i ukrepleniyu tradicionnih rossiiskih duhovno_nravstvennih cennostei» [Decree of the President of the Russian Federation No. 809 dated November 9, 2022 "On approval of the Foundations of State Policy for the preservation and strengthening of Traditional Russian spiritual and moral values"]. [Text: electronic] URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019> (Accessed 10.03.2023).

УДК 316.346.32

ВОЛОНТЕРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

*Хачатурова О.С., студентка
Кубанский государственный университет
Краснодар*

Аннотация. Статья посвящена изучению волонтерской (добровольческой) деятельности в современном российском обществе. Волонтерство представать перед глазами в качестве формы проявления социальной активности и социальной позиции граждан во всем мире. Приводятся результаты пилотажного социологического исследования, направленного на изучение волонтерской активности студентов г. Краснодара.

Ключевые слова: волонтерство, добровольчество, волонтерская деятельность, молодежь, студенты.

Волонтерство (добровольчество) является показателем развития гражданского общества. Российская молодежь за последнее десятилетие все более активно вовлекается в жизнь общества и государства, помогая в организации социально-экономических проектов и мероприятий. Зачастую, такая деятельность не связана с заработком и не окупает потраченных средств и времени, несмотря на это, люди продолжают заниматься добровольческой активностью.

Хотя в последнее время, волонтерская деятельность стала более популяризирована среди студенческой молодежи, в нашем обществе все еще велик процент учащихся, не имеющих конкретного понимания о волонтерстве, волонтерской деятельности, добровольчестве. Это в большинстве своем связано с недостаточной информированностью студентов о волонтерских организациях как в самих учебных заведениях, так и вне их

Обратимся к сущности понятия волонтерская деятельность. Слово «волонтер» имеет французское происхождение и означает «воля» или «желание человека». Из интерпретации понятия следует, что это осуществляющаяся по личному желанию человека деятельность. Например, отечественный теоретик социальной работы Е.И. Холостова формулирует такое определение этой категории: «Волонтеры – это люди, делающие что-либо по своей воле, по согласию, а не по принуждению» [1, с. 131-132].

Есть и иные мнения на счет характеристики волонтерской деятельности. Так, зарубежный автор М.С. Шераден трактует волонтерство как «услуги, которые оказываются в организованной форме существенного участия и вклада в местном, национальном или мировом сообществе, которые признаются и ценятся обществом, с минимальной денежной компенсацией для участников» [2].

А его американские коллеги из университета имени Д. Хопкинса указывают, что «волонтерство – это комплекс мероприятий, реализованный в свободное время, вид работы без всякой денежной компенсации...» [3]. В этом случае, волонтерская деятельность также воспринимается как труд, но не имеющий денежного вознаграждения.

В свою очередь, Н.В. Тарасова трактует волонтерство как форму гражданского участия в общественно полезных делах, способ коллективного взаимодействия, представляющий собой эффективный механизм решения актуальных проблем. Из этого следует, что другой значимой характеристикой данной деятельности является польза, принесенная социуму в целом, либо экологии и решение актуальных проблем.

Но, проанализировав приведенные выше определения, можно сделать вывод, что они дополняют друг друга и пересекаются.

Существует несколько видов волонтерской деятельности.

Социальное, которое включает в себя помощь социально незащищенным слоям населения. Является наиболее известным.

Событийное волонтерство, подвидами которого можно выделить спортивное и культурное.

Другие – это экологическое волонтерство, в которое, помимо защиты окружающей среды, так же входит помощь бездомным животным, донорство. А также ответвление, которое в последнее время все больше набирает популярность – медиаволонтерство, как способ организации и распространения волонтерской деятельности в медиа.

Как правило, вся добровольческая деятельность осуществляется на базе определенных волонтерских организаций, сообществ.

В ходе изучения данной темы было проведено пилотажное социологическое исследование студенческой молодежи г. Краснодара. Исследование проводилось с помощью Google Forms. Всего в исследовании принято участие 50 респондентов. 60% опрошенных студенты 1 курса, 12% – студенты 2 курса, 16% – студенты 3 курса бакалавриата и 12% – это студенты 1 курса магистратуры.

Все опрошенные знают о термине «волонтер» и «доброволец». И 66% процентов из них смогли назвать конкретные волонтерские организации. Самые популярные из них: «Волонтеры Кубани», «Добро.ru», “LizaAlert”, «Молодая гвардия Единой России», а также Волонтерский центр КубГУ, волонтерский центр КубГАУ и волонтерский центр КубГТУ.

На вопрос «Как часто Вы принимаете участие в каком-либо проекте в качестве волонтера или занимаетесь какой-либо общественно-полезной деятельностью на бесплатной основе?» 32% респондента утверждают, что они принимают участие в такого рода мероприятиях несколько раз в месяц и только 14% опрошенных никогда не приходилось участвовать (рисунок 1).

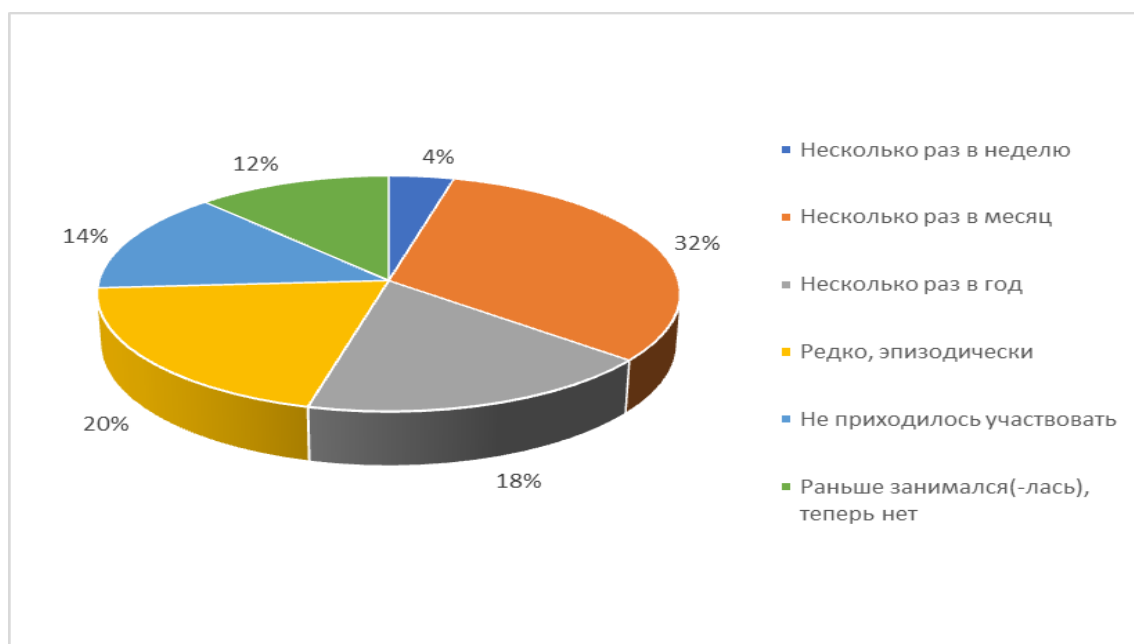

Рисунок 1 – Частота занятий волонтерской деятельностью

Из основных направлений волонтерской деятельности респонденты чаще указывали культурные мероприятия и акции, событийное волонтерство, а также экологические акции и посткатастрофические (рисунок 2).

Рисунок 2 – Направления добровольческой деятельности

А из причин участия в волонтерской деятельности респонденты чаще всего указывали знакомство с новыми людьми, получение новых знаний и

навыков, потребность в помощи людям и ощущение своей необходимости и полезности (рисунок 3).

Рисунок 3 – Причины участия в добровольческой деятельности

Также респонденты указали основные причины неучастия в добровольческой деятельности. Большинство отметило нехватку времени как главное основание, препятствующее их волонтерской активности, и отсутствие информации об имеющихся возможностях участия (рисунок 4).

Рисунок 4 – Препятствия к занятию волонтерской деятельностью

В завершающем вопросе «Что по-вашему мнению будет способствовать развитию волонтерства среди студенческой молодежи?» респонденты отмечали информирование волонтеров о волонтерских акциях, обучение волонтеров и формирование образа волонтера в СМИ, социальная реклама (рисунок 5).

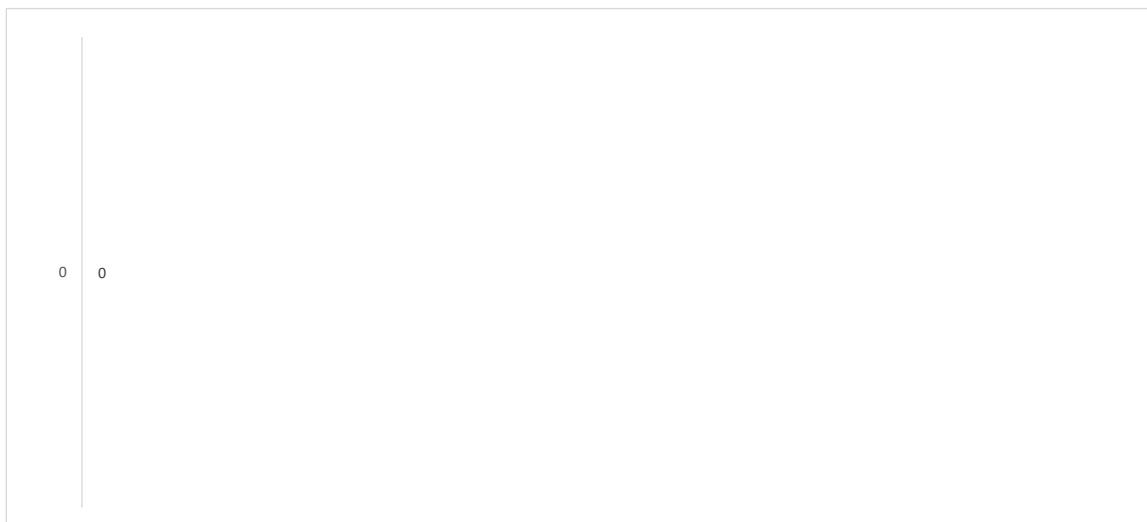

Рисунок 5 – Развитие волонтерской деятельности

Таким образом, мы можем отметить, что проведенное социологическое исследование продемонстрировало, что большая часть молодежи имеет информацию о понятиях «волонтер» и «доброволец». Респонденты, принявшие участие в исследовании, активно занимаются добровольческой деятельностью и выбирают в большей степени культурные и событийные мероприятия. В волонтерскую деятельность студенческую молодежь привлекает возможность получения новых знаний и навыков, знакомства с новыми людьми. Большинство респондентов предположило, что причинами неучастия в волонтерстве может быть нехватка времени, а также отсутствие информации об актуальных возможностях участия в добровольческой деятельности. Молодежь считает, что информирование о волонтерских акциях и непосредственное обучение могут способствовать развитию волонтерства среди студенческой молодежи.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Холостова, Е. И. Словарь-справочник по социальной работе / Е. И. Холостова. – Москва : Юрист, 1997. – 417 с. – ISBN5-7975-0029-9.
2. Певная, М.В. Волонтерство как социологическая проблема / М. В. Певная // Социологические исследования. – 2013. – № 6. – URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/2014/05/05/1251339415/12Pevnaya.pdf> (дата обращения: 20.02.2023).
3. Певная, М. В. Волонтерство как социологическая категория: определение понятия / М. В. Певная // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2012. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/volontyorstvo-kak-sotsiologicheskaya-kategoriya-opredelenie-ponyatiya> (дата обращения: 20.02.2023).

VOLUNTEER ACTIVITY IN THE REPRESENTATIONS OF STUDENTS

Khachaturova O.S.

2nd year student of the direction "Sociology"

Kuban State University,

Krasnodar

Abstract: The article is devoted to the study of volunteer activity in modern Russian society. Volunteering appears before the eyes as a form of manifestation of social activity and social position of citizens all over the world. The results of a pilot sociological study aimed at studying the volunteer activity of students in Krasnodar are presented.

Keywords: volunteering, volunteer activity, young people, students.

References:

1. Kholostova, E. I. Dictionary-reference book on social work / E. I. Kholostova. – Moscow : Lawyer, 1997. – 417 p. – ISBN5-7975-0029-9.
2. Pevnaya, M. V. Volunteering as a sociological problem / M. V. Pevnaya // Sociological research. 2013. № 6. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/2014/05/05/1251339415/12Pevnaya.pdf> (accessed: 20.02.2023).
3. Pevnaya, M. V. Volunteering as a sociological category: definition of the concept / M. V. Pevnaya // Bulletin of Surgut State Pedagogical University. 2012. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/volontyorstvo-kak-sotsiologicheskaya-kategoriya-opredelenie-ponyatiya> (accessed: 20.02.2023).

**ПРАКТИКИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ
КОНФЛИКТОВ И ОБЩЕСТВЕННОЙ КОНСОЛИДАЦИИ
В РЕСПУБЛИКАХ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА**

*Залина Чадаева, соискатель
Кубанский государственный университет
Краснодар*

Аннотация. В статье представлены результаты исследования моделей политической институционализации конфликтов в республиках Северного Кавказа. Рассматриваются ключевые характеристики процессов институционализации, отражающие гибридный характер региональных политических режимов, которые определяются как «порядки ограниченного доступа». Выявляются факторы и виды конфликтов в северо-кавказском регионе.

Ключевые слова: политическая институционализация, Северный Кавказ, гибридная модель институционализации, «порядок ограниченного доступа», региональные политические режимы.

Механизмы и результаты политической институционализации региональных конфликтов в значительной степени определяются моделью, в рамках которой происходит данный процесс. Её сущность, в свою очередь, зависит от характеристик политических режимов, сложившихся на общегосударственном и субнациональном уровнях. В связи с этим нам необходимо рассмотреть политико-режимные аспекты формирования и функционирования политических институтов управления конфликтами в республиках СКФО и определить их содержательные характеристики, общие и особенные черты.

По мнению авторов экспертного доклада «Современная эволюция политической системы на Северном Кавказе и перспективы модернизационных

процессов», увидевшего свет в 2011 г., в большинстве случаев для республик региона была характерна определенная политическая конкуренция и гражданская активность, что периодически проявлялось на выборах, во время массовых акций, в информационном пространстве [9]. Как отмечал в тот же период К. С. Гаджиев, рассматривая политические режимы в указанных субъектах РФ, по шкале «автократия–демократия» большинство республик находились, несомненно, ближе к первому полюсу. При этом они имели гибридный характер, и, помимо сходства, также и существенные различия [2]. Спустя десятилетие можно говорить о сохраняющейся актуальности этих формулировок, и в то же время об эволюции региональных политических режимов, во многом обусловленной развитием политических процессов в общенациональном масштабе.

Уже к началу исследуемого периода в России складываются основные черты гибридного политического режима, который характеризовался реформированием партийной системы, сокращением конкурентного потенциала оппозиции, ужесточением правил участия в легальной политической деятельности и т. д. [12]. В 2011-2014 гг. последовал период неопределённости тенденций развития политического режима, после которого он трансформируется в направлении всё большей замкнутости, усиления авторитарных тенденций. В 2015 г. А. Н. Медушевский отмечал: «Политический режим остается сверхцентрализованным, характеризуется отсутствием полноценных институтов социального контроля» [8, с. 11]. Эти изменения проявляются в том числе в увеличении роли авторитарных механизмов политического управления конфликтами, что не могло не найти своего отражения и на региональном уровне.

В частности, насилие в политических практиках, подавление гражданских свобод и оппозиционности на уровне регионов (за отдельными исключениями) становятся переменными, вариативность которых определяется прежде всего общесистемными факторами. В то же время для данного периода

нехарактерно и развитие обратной связи с гражданами, публичных форм политического участия, сменяемость власти на выборах. Важными характеристиками эффективности режима становятся способность к консолидации элит, урегулированию внутриэлитных конфликтов [10]. Неконтролируемый приход оппозиционных политических лидеров к власти на всех уровнях рассматривается как крайне нежелательное явление [3, с. 25]. Общие тенденции развития региональных политических режимов накладываются на региональную специфику Северного Кавказа.

Для национальных республик региона характерна высокая концентрация власти в руках первых лиц. В то же время в их политико-управленческой деятельности присутствуют серьезные ограничения, связанные с полиэтническим составом населения и, соответственно, элиты, с делением правящего класса на субэтнические группы, кланы, землячества и т.п. В условиях постсоветских сообществ Северного Кавказа этничность используется монархическими региональными элитами для легитимации своей власти, для «торга» с органами федеральной власти об увеличении ресурсов влияния и полномочий [4, с. 10]. Поэтому расстановка сил в этих регионах обычно сочетает стремление регионального руководителя к формированию наиболее мощной группы влияния на «своей» территории с наличием большого числа относительно автономных групп [5]. Сформировавшиеся в республиках политические режимы по своим системообразующим характеристикам в основном имеют гибридный характер [11, с. 9], при этом степень их устойчивости различна. В республиках можно выделить автократические моноцентричные режимы, а также упорядоченные и неупорядоченные полиархические режимы [1, с. 99-100]. Соответственно, несмотря на наличие общих черт, региональные модели политической институционализации конфликтов имеют выраженную специфику.

Необходимо отметить, что их гибридность отражена в двух аспектах: она включает в себя сочетание авторитарных и демократических методов

регулирования, а также универсальных формальных и традиционных неформальных институтов. Второе из них предполагает функционирование «двойной» системы политических институтов, в которой неформальная составляющая возрастает за счёт архаизации институциональной системы и развития «теневых» институтов [7] (коррупции, клиентелизма, клановости и др.). Это приводит к усложнению моделей политического управления, возможности возникновения институциональных противоречий. Постоянная институциональная гибридность способствует некоторой стабильности и выживанию локальных и консервативных социальных систем. Создание гибридных институциональных структур тесно связано с необходимостью разрешать конфликты в рамках ненасильственного регулирования. В частности, гибридные институты создают возможности для постепенных, а не внезапных (менее контролируемых) изменений в практиках управления правящих элит.

А. О. Ласария считает, что представляется возможным выделить отечественной модели регулирования этнополитических конфликтов, включающей специальные меры по поддержанию стабильности и безопасности на российском Кавказе. Эта модель предусматривает исключительную компетенцию федеральных органов власти воздействовать на социально-политические процессы в различных частях государства [6, с. 164]. Однако данное утверждение, на наш взгляд, является не совсем правомерным. Не исключая принципа федерального вмешательства, в первую очередь в случае возникновения масштабных конфликтов сепаратистского или межреспубликанского характера, правовые и политические основания государственного управления в РФ предполагают отнесение полномочий по управлению конфликтами такого типа на уровень субъектов РФ и муниципалитетов. Прямое вмешательство федерального центра или его представителей в процесс политического управления конкретным конфликтом

свидетельствует скорее о неэффективности институциональных практик, реализуемых региональными властями.

Таким образом, следует обратить внимание на региональную специфику институциональных практик. Исходя из описанных характеристик, они могут рассматриваться как «порядки ограниченного доступа» (в терминологии Д. Норта), основанные на внутри- и межэлитных договоренностях. В отличие от 1990-х годов, когда в научных исследованиях и в практиках политического управления конфликтами преобладал оптимизм относительно возможностей внедрения и использования демократических институтов, в последние десятилетия де-факто складываются авторитарные и гибридные модели регулирования региональных конфликтов. Их преимущества для прекращения эскалации конфликтов, купирования их насильственных проявлений часто оцениваются органами власти как более значимые, чем позитивные и долговременные последствия воздействия в рамках либерального подхода, требующие приложения длительных усилий для выстраивания новых институциональных систем. Для российских регионов данная тенденция задаётся общими рамками политического процесса на федеральном уровне.

Долгое время не только в массовом сознании, но и в научных исследованиях доминировало осмысление Северного Кавказа как региона, в котором конфликты, преимущественно этнополитического характера, составляют основное содержание политического процесса. Для этого, безусловно, были определённые основания, поскольку существование сложных, взаимосвязанных противоречий во многих случаях находило выход в открытых столкновениях различного масштаба (наиболее крупный из конфликтов был связан с сепаратистским движением на территории Чеченской Республики), что накладывало свой отпечаток на все стороны жизни общества, в том числе и на повседневность. К концу 2000-х ситуация существенно изменилась: совместными действиями федеральных и региональных органов власти, а также общественных структур удалось снизить политическую

напряжённость, в первую очередь за счёт купирования открытых этнополитических столкновений, имеющих в основном деструктивную направленность, и прекращения эскалации конфликтов. За счёт этого конфликты перестали быть безусловной доминантой политического процесса в регионе, что позволило органам власти северо-кавказских субъектов РФ сосредоточить внимание на вопросах развития, а исследователям - обратиться к более широкой палитре явлений, характеризующих институциональные и процессуальные составляющие региональной политики. В целом это можно рассматривать как позитивное изменение и с точки зрения практической политики, и с точки зрения развития научных исследований. Однако многие из противоречий, существующих на территории Северного Кавказа, не разрешены в полной мере и находят своё отражение в современном политическом процессе, хотя формы и методы конфликтования в значительной степени изменились, в первую очередь под влиянием трансформации режимных характеристик политической системы РФ.

Для определения степени влияния конфликта на политический процесс важно представлять его масштабность. По сравнению с предшествующими десятилетиями, в 2010-х гг. в рамках региона реже стали возникать конфликты национального масштаба (например, сепаратистского характера), попадающие в федеральную повестку. Можно выделить межрегиональные конфликты (взаимодействие на уровне двух субъектов РФ) относительно проблем территориального характера, трактовки тех или иных исторических событий и т.д. В основном представлены внутрирегиональные и локальные конфликты.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Бирюков, С. В., Барсуков, А. М. Институционализация региональных политических режимов в России // Социогуманитарный вестник РГТУ. 2012. № 1(8). С. 99–102.

2. Гаджиев, К. С. О природе политических режимов национальных республик Северного Кавказа // Мир и политика. 2011. № 9. С. 7–17.

3. Гришин, Н. В. Региональная оппозиция в России: чужеродный элемент в системе гибридного политического режима // Политэкс: Политическая Экспертиза. 2014. Т. 10 № 4. С. 5–26.
4. Дадуев, М. А. Управление политическими процессами в условиях полиэтничности: на материалах республик Северного Кавказа: дис. ... канд. пол. н. М., 2010.
5. Кремль и Северный Кавказ: новые политические решения и новые вызовы федеральной власти // Центр политических технологий. URL: <http://www.politcom.ru/tables/docl.doc>
6. Ласария, А. О. Модели регулирования этнополитических конфликтов на Северном и Южном Кавказе: сравнительный анализ: дис. ... канд. пол. н. М., 2018.
7. Магомедрасулова, Р. Б. Неформальные институты на Северном Кавказе: субъекты и ресурсы влияния на политическое пространство // Теория и практика общественного развития. 2013. № 8. С. 283–286.
8. Медушевский, А. Н. Политический режим постсоветской России: эволюция, структура, тенденции развития // Социально-политические науки. 2015. № 4. С. 7–13.
9. Современная эволюция политической системы на Северном Кавказе и перспективы модернизационных процессов // Центр политических технологий. URL: http://politcom.ru/tables/otchet_tur.pdf
10. Туровский, Р. Ф. Эффективность и демократичность региональных политических режимов в современной России: противоречия теории и практики измерения // PolitBook. 2013. № 1. С. 8–39.
11. Ханалиев, Н. У. Политические режимы национальных республик Северо-Кавказского федерального округа: факторы формирования и системные характеристики: дис. ... канд. пол. н. М., 2016.
12. Шкель, С. Н., Шакирова, Э. В. Политическая оппозиция в гибридном режиме: опыт постсоветской России // Вестник Пермского университета. Политология. 2014. № 1(25). С. 4–21.

**PRACTICES OF POLITICAL INSTITUTIONALIZATION OF
CONFLICTS AND SOCIAL CONSOLIDATION
IN THE REPUBLICS OF THE NORTH CAUCASUS**

Zalina T. Chadaeva,
applicant of the department public policy
and public administration Kuban State University

The article presents the results of a study of models of political institutionalization of conflicts in the republics of the North Caucasus. The key characteristics of institutionalization processes are considered, reflecting the hybrid nature of regional political regimes, which are defined as "orders of limited access". The factors and types of conflicts in the North Caucasian region are revealed.

Keywords: political institutionalization, North Caucasus, hybrid model of institutionalization, “limited access order”, regional political regimes.

References:

1. Birjukov S. V., Barsukov A. M. Institucijalizacija regional'nyh politicheskikh rezhimov v Rossii [Institutionalization of regional political regimes in Russia] // Sociogumanitarnyj vestnik RGTU. 2012. № 1(8). P. 99–102.
2. Gadzhiev K. S. O prirode politicheskikh rezhimov nacional'nyh respublik Severnogo Kavkaza [On the nature of the political regimes of the national republics of the North Caucasus] // Mir i politika. 2011. № 9. P. 7–17.
3. Grishin N. V. Regional'naja opozicija v Rossii: chuzherodnyj jelement v sisteme gibridnogo politicheskogo rezhima [Regional opposition in Russia: an alien element in the system of a hybrid political regime] // Politjeks: Politicheskaja Jekspertiza. 2014. T. 10 № 4. P. 5–26.
4. Daduev M. A. Upravlenie politicheskimi processami v uslovijah polijetnichnosti: na materialah respublik Severnogo Kavkaza: dis. ... kand. pol. n. [Management of political processes in conditions of polyethnicity: on the materials of the republics of the North Caucasus: dis. ... cand. polit.s.]. M., 2010.
5. Kreml' i Severnyj Kavkaz: novye politicheskie reshenija i novye vyzovy federal'noj vlasti [The Kremlin and the North Caucasus: new political decisions and new challenges for the federal government] // Centr politicheskikh tehnologij. URL:<http://www.politcom.ru/tables/docl.doc>
6. Lasarija A. O. Modeli regulirovanija jetnopoliticheskikh konfliktov na Severnom i Juzhnom Kavkaze: sravnitel'nyj analiz: dis. ... kand. pol. n. [Models for regulating ethnopolitical conflicts in the North and South Caucasus: a comparative analysis: dis. ... cand. polit.s.]. M., 2018.
7. Magomedrasulova R. B. Neformal'nye instituty na Severnom Kavkaze: sub#ekty i resursy vlijanija na politicheskoe prostranstvo [Informal Institutions in the North Caucasus: Subjects and Resources of Influence on the Political Space] // Teorija i praktika obshhestvennogo razvitija. 2013. № 8. P. 283–286.
8. Medushevskij A. N. Politicheskij rezhim postsovetskoj Rossii: jevoljucija, struktura, tendencii razvitija [The Political Regime of Post-Soviet Russia: Evolution, Structure, Development Trends] // Social'no-politicheskie nauki. 2015. № 4. P. 7–13.
9. Sovremennaja jevoljucija politicheskij sistemy na Severnom Kavkaze i perspektivy modernizacionnyh processov [Modern evolution of the political system in the North Caucasus and prospects for modernization processes] // Centr politicheskikh tehnologij. URL: http://politcom.ru/tables/otchet_tur.pdf
10. Turovskij R. F. Jeffektivnost' i demokratichnost' regional'nyh politicheskikh rezhimov v sovremennoj Rossii: protivorechija teorii i praktiki izmerenija [Efficiency and Democracy of Regional Political Regimes in Modern

Russia: Contradictions in the Theory and Practice of Measurement] // PolitBook. 2013. № 1. P. 8–39.

11. Hanaliev N. U. Politicheskie rezhimy nacional'nyh respublik Severo-Kavkazskogo federal'nogo okruga: faktory formirovaniya i sistemnye harakteristiki: dis. ... kand. pol. n. [Political regimes of the national republics of the North Caucasian Federal District: factors of formation and systemic characteristics: dis. ... cand. polit.s.]. M., 2016.

Shkel' S. N., Shakirova Je. V. Politicheskaja oppozitsija v gibridnom rezhime: opyt postsovetskoj Rossii [Political opposition in a hybrid regime: the experience of post-Soviet Russia] // Vestnik Permskogo universiteta. Politologija. 2014. № 1(25). P. 4–21.

УДК 343.3

ЭКСТРЕМИЗМ И ТЕРРОРИЗМ КАК УГРОЗА СОВРЕМЕННОМУ ОБЩЕСТВУ

*Евгений Чучуев, магистрант
Институт социологии и регионоведения ЮФУ
Ростов-на-Дону*

В статье рассмотрены вопросы экстремизма и терроризма, самого опасного и трудно прогнозируемого явления современности, приобретающего всё более опасные формы и угрожающие масштабы.

Ключевые слова: экстремизм; терроризм; рыночная экономика; противодействие; COVID-19, профилактика.

В последнее десятилетие XX века экстремизм и терроризм приобрели новую интенсивность, став одной из самых серьезных проблем, с которой сталкивается мир. В связи с этим, многие страны сотрудничают для преодоления этого зла. Однополярный мир, возникший с исчезновением советского блока и утверждением США в качестве сверхдержавы, после трагических событий 11 сентября все чаще подвергается сомнению. Явление глобализации способствовало появлению концепции «многополярности»,

определяющей баланс сил между различными полюсами, представленными государствами.

Глобализация размыла тенденции и ожидания относительно будущего международной политики и нового мирового порядка. Хотя упадок американской однополярности, подъем Китая и Индии как великих держав, постоянные конфликты на Ближнем Востоке и в Африке являются очевидными фактами, по-прежнему трудно принять единую точку зрения на эволюцию международных отношений [2, с. 64].

В этом контексте возникает множество интерпретаций и потенциальных выводов. Как утверждает Раймонд Арон, «концепции и процессы исследования международных отношений не дают уверенности в предвидении будущего». В лучшем случае, они представляют собой интерпретации, которые смягчают неопределенные явления и динамику, способные повлиять на отношения власти. Под "великими державами" часто подразумевается группа государств, обладающих ресурсами и возможностями для проецирования своего влияния на глобальном уровне. Эти государства в целом характеризуются постоянными членами Организации Объединенных Наций (Китай, Франция, Россия, Великобритания и Соединенные Штаты Америки), Европейским союзом и новыми региональными державами, такими как Бразилия, Южная Африка и Индия, причем последняя играет все более важную роль в глобальной сфере [1, 10].

Эта взаимосвязанная структура способствовала утверждению многополярного мира, в котором главные действующие лица участвуют в международной экономической системе. Мощь России вновь возрастает, в основном благодаря ее энергетическим ресурсам; Япония является третьей экономикой мира и ведет активную дипломатию на мировом уровне; Индия становится растущей экономикой и ядерной державой; Бразилия и Южная Африка появляются как региональные державы, которые начинают развивать свое влияние на мировом уровне; Китай становится коммерческой и

финансовой сверхдержавой; Европейский Союз - важный участник мировой торговли и крупнейший в мире поставщик помощи; наконец, Соединенные Штаты остаются значительной силой и влиянием, с оборонным бюджетом, равным всему остальному миру [1, 3]

В этом глобализированном сценарии появление новых технологий усилило взаимодействие между субъектами. Взаимозависимости и взаимосвязи между государствами представляют собой необходимые условия для современности, экономического роста и развития. Однако представляется важным отметить, что эти условия также открывают новые вызовы и ограничения для государств. Действительно, природа основных угроз международной безопасности приняла кардинальный оборот. На смену «классическим» межгосударственным войнам идеологического или территориального характера пришли внутригосударственные конфликты, гражданские или этнические войны, а также общие транснациональные угрозы, такие как терроризм. Открытость и большая неустойчивость, вызванные глобализацией, позволили развиваться этим новым формам насилия. Растущие потоки товаров, информации и людей существенно повлияли на понятие границы, став гибкими и подвижными зонами постоянных контактов и обменов.

Следовательно, начало нашего века характеризуется теми угрозами - терроризм, экстремизм, организованная преступность, распространение ядерного оружия, глобальное потепление, экономическая нестабильность и болезни - которые выходят за пределы физических границ. В этом контексте безопасность государств приобрела новое значение, а их интеграция в международное сообщество стала необходимой для защиты их интересов. Эти многочисленные угрозы оказались неподвластны отдельным государствам, а их транснациональный характер создал неразрывную взаимозависимость между национальной и международной безопасностью. Классические методы сдерживания и отвлечения, систематически применявшиеся в прошлом,

остаются недостаточными для защиты от новых современных транснациональных угроз [2, 5, 6].

Действительно, состоящие в основном из негосударственных субъектов, транснациональные угрозы мобильны, не закреплены на определенной территории и часто непредсказуемы. Использование международных сетей для распространения своих идей и охвата большого количества людей повышает уязвимость государств, и, следовательно, «величайшим испытанием для глобального лидерства станет создание партнерств и институтов сотрудничества, которые смогут ответить на вызов» отсутствия международной безопасности и транснациональных угроз. Поэтому данное эссе посвящено транснациональному терроризму в контексте радикального исламизма, его последствиям в глобальном масштабе и методам, используемым государствами для защиты своего суверенитета в контексте глобальной небезопасности. Хотя понятие «радикальный исламизм» остается неоднозначным и не дает четкого представления об этом явлении, в данном эссе оно понимается как специфическая, более политическая форма исламизма, которая выступает против идеи модернизации, критически относится к Западу и часто связана с насилием [5, 9].

Можно сказать, что конфликты между исламистскими группировками и Западом и его союзниками, скорее всего, будут продолжать оказывать влияние на наше столетие. Война в Ираке и Сирии, продолжающаяся вербовка джихадистов и распространение радикального и жестокого ислама - все это элементы, которые подпитывают транснациональный терроризм.

В то же время отношения между великими державами представляют собой сложную проблему в рамках международных отношений. Хотя эти страны часто имеют общие интересы в борьбе с терроризмом, они также имеют сильные расхождения или противоположные интересы, что может повлиять на эффективное сотрудничество. Крупные державы играют важную роль в обеспечении стабильности и реализации глобального сообщества безопасности

для борьбы с транснациональными угрозами. Впервые представленная Карлом Дойчем в 1957 году и позже переосмысленная Адлером и Барнеттом, идея «сообществ безопасности» подчеркивает необходимость создания транснациональной идентичности и сообщества на международном уровне для обеспечения мирных изменений, стабильности и общей безопасности. В этой связи некоторые ученые утверждают, что либеральные демократии не должны испытывать особых трудностей в укреплении партнерских отношений, защищая при этом свою национальную свободу и автономию [7, 9].

Важно учитывать, что транснациональные угрозы - терроризм, организованная преступность, распространение ядерного оружия, изменение климата, экономическая нестабильность и инфекционные заболевания - часто взаимосвязаны, и их совокупный эффект представляет реальную опасность для государственного суверенитета. Для решения этих проблем безопасности и сохранения государственного суверенитета представляется необходимым создание соглашений о сотрудничестве и альянсов между крупными странами, США, Европейским союзом, Китаем, Японией, Россией, другими региональными державами, такими как Индия, Бразилия и Южная Африка, а также с международными институтами.

Совместное партнерство между исследовательскими службами и агентствами безопасности также является ключом к борьбе с транснациональными угрозами. Важным вопросом, который мы могли бы рассмотреть далее, является связь между транснациональным терроризмом, организованной преступностью и оружием массового уничтожения (ОМУ). В настоящее время международная система ядерного нераспространения выглядит все более фрагментированной. Помимо пяти членов Совета Безопасности, ядерным оружием обзавелись Индия, Пакистан, Северная Корея и Израиль. Хотя до сих пор обладание ОМУ ограничивалось государствами, оно может быстро распространиться на транснациональные террористические группы и привести к ужасным последствиям. Этот вопрос представляет собой

серьезную угрозу для всех крупных держав, которую следует изучить подробнее [8, с. 52].

Другой актуальной проблемой является распространение инфекционных заболеваний в глобальном масштабе и неспособность государств адекватно реагировать на них. Глобальная пандемия, возникшая в 2019 году в результате распространения вируса COVID-19, стала свидетельством уязвимости международного мира и безопасности перед такими непредсказуемыми угрозами.

Как заявил заместитель Генерального секретаря ООН по вопросам борьбы с терроризмом Владимир Воронков на Виртуальной неделе борьбы с терроризмом: «Пандемия COVID-19 бросила международному сообществу один из самых серьезных вызовов с момента создания Организации Объединенных Наций - испытание национальной стойкости, международной солидарности и многостороннего сотрудничества».

В то время как глобальные усилия направлены на борьбу с пандемией, террористические организации пользуются ситуацией, и государства должны удвоить свои усилия по «укреплению многосторонности и международного сотрудничества на всех уровнях, чтобы «перестроиться лучше»» (Организация Объединенных Наций, 2020). Действительно, в условиях отсутствия глобальной безопасности международный порядок зависит от координации общих интересов, проекции ответственного суверенитета, существования сильных институтов и степени сотрудничества между крупными и развивающимися державами. Способность государств мобилизовать необходимые ресурсы и взаимодействовать друг с другом будет определять международный ландшафт 21 века. [4, 6].

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Алиев, Н. Т. О., Борбат, А. В. Транснациональная организованная преступная деятельность в эпоху глобализации //Всероссийский криминологический журнал. – 2020. – Т. 14. – №. 3. – С. 431-440.

2. Андреев, А. А., Бондарь К. М., Минаев В. А. Терроризм и экстремизм: моделирование информационного противодействия. – 2020.
3. Богданов, А. В., Ильинский И. И., Хазов Е. Н. Терроризм и экстремизм-угроза современной цивилизации //Вестник экономической безопасности. – 2021. – №. 1. – С. 181-187.
4. Залысин, И. Ю. Терроризм в условиях пандемии COVID-19 //Вестник РМАТ. – 2022. – №. 2. – С. 5-11.
5. Ильичёв И. Е. Экстремизм и терроризм: соотношение понятий, истоки и современность //Вестник Белгородского юридического института МВД России. – 2020. – №. 4. – С. 4-12.
6. Исаев, Л. М. и др. Исламский терроризм на Ближнем Востоке и его влияние на мировую безопасность //Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2020. – Т. 22. – №. 4. – С. 713-730.
7. Монахов, Г. Д., Чернышов, Н. В., Гордеев, К. В. Применение доктрины «Rules-based international order» в правовом регулировании международных отношений России //Юридическая наука. – 2022. – №. 1. – С. 132-136.
8. Ознобищев, С. К. Терроризм и оружие массового уничтожения – опасный симбиоз //Мировая экономика и международные отношения. – 2022. – Т. 66. – №. 12. – С. 48-57.
9. Чернядьева, Н. А. Соотношение понятий «терроризм» и «международный терроризм» в международном праве //Правосудие. – 2020. – Т. 2. – №. 4. – С. 62-76.
10. Frost B. P. Book Review: Raymond Aron and Liberal Thought in the Twentieth Century by Iain Stewart. – 2022.
11. Karrenstein D. Remarks by Mr. Vladimir Voronkov Under-Secretary-General United Nations Office of Counter-Terrorism. – 2021.

EXTREMISM AND TERRORISM AS A THREAT TO MODERN SOCIETY

Evgeny Alexandrovich Chuchuev, MA student
Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia

The article deals with extremism and terrorism, the most dangerous and difficult to predict phenomenon of our time, which are becoming more and more dangerous and threatening in scope.

Keywords: extremism; terrorism; market economy; counteraction; COVID-19, prevention.

References:

1. Aliev N. T. O., Borbat A. V. Transnacional'naya organizovannaya prestupnaya deyatel'nost' v epohu globalizacii //Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal. – 2020. – Т. 14. – №. 3. – С. 431-440.

2. Andreev A. A., Bondar' K. M., Minaev V. A. *Terrorizm i ekstremizm: modelirovanie informacionnogo protivodejstviya*. – 2020.
3. Bogdanov A. V., Il'inskiy I. I., Hazov E. N. *Terrorizm i ekstremizm-ugroza sovremennoj civilizacii* //Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti. – 2021. – №. 1. – S. 181-187.
4. Zalyasin I. YU. *Terrorizm v usloviyah pandemii COVID-19* //Vestnik RMAT. – 2022. – №. 2. – S. 5-11.
5. Il'ichyov I. E. *Ekstremizm i terrorizm: sootnoshenie ponyatij, istoki i sovremennost'* //Vestnik Belgorodskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2020. – №. 4. – S. 4-12.
6. Isaev L. M. i dr. *Islamskij terrorizm na Blizhnem Vostoke i ego vliyanie na mirovuyu bezopasnost'* //Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Politologiya. – 2020. – T. 22. – №. 4. – S. 713-730.
7. Monahov G. D., CHernyshov N. V., Gordeev K. V. *Primenenie doktriny «Rules-based international order» v pravovom regulirovanii mezhdunarodnyh otnoshenij Rossii* //YUridicheskaya nauka. – 2022. – №. 1. – S. 132-136.
8. Oznobishchev S. K. *Terrorizm I oruzhie massovogo unichtoheniya – opasnyj simbioz* //Mirovaya ekonomika I meahdunarodnye otnosheniya. – 2022. – T. 66. – №. 12. – S. 48-57.
9. CHernyad'eva N. A. *Sootnoshenie ponyatij «terrorizm» i «mezhdunarodnyj terrorizm» v mezhdunarodnom prave* //Pravosudie. – 2020. – T. 2. – №. 4. – S. 62-76.
10. Frost B. P. *Book Review: Raymond Aron and Liberal Thought in the Twentieth Century* by Iain Stewart. – 2022.
11. Karrenstein D. *Remarks by Mr. Vladimir Voronkov Under-Secretary-General United Nations Office of Counter-Terrorism*. – 2021.

УДК 316:364-32

ВОЛОНТЕРСТВО КАК ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ СОЦИОГУМАНИТАРНОЙ НАУКЕ

*Лейла Шадже, аспирант
Адыгейский государственный университет
Майкоп*

Аннотация. В статье рассматривается волонтерство как предмет научно-исследовательских практик. Определено, что для изучения сущности

волонтерства применяются философский, психологический, социологический, системный, институциональный и функциональный научные подходы. Автор обращает внимание на то, что в центре внимания исследователей находится систематизация волонтерства. Подчеркивается, что в современной российской социогуманитарной науке проблема волонтерства анализируется в контексте междисциплинарного подхода.

Ключевые слова: волонтерство, добровольчество, волонтерская деятельность, добровольческие практики, социогуманитарная наука.

К началу третьего десятилетия XXI века в России из числа социально активных граждан сформировалось многотысячное волонтерское сообщество, которое вносит весомый вклад в процессы модернизации общества. Волонтерская деятельность отличается наибольшей социальной значимостью, массовостью и относительным постоянством. В этой связи значительно возрос исследовательский интерес к феномену волонтерства – предмету изучения различных отраслей социогуманитарной науки.

Значимую роль в формировании научной проблематики волонтерской деятельности играют потребности современной российской политической практики. В 2018 году утверждена Концепция развития добровольчества (волонтерства) в Российской Федерации до 2025 года, в которой добровольчество (волонтерство) определяется как «деятельность в форме безвозмездного выполнения работ и (или) оказания услуг в целях решения социальных задач в таких сферах, как образование, здравоохранение, культура, социальная поддержка и социальное обслуживание населения, физическая культура и спорт, охрана окружающей среды, предупреждение и ликвидация последствий чрезвычайных ситуаций» [8].

Исходя из этого, усиливается задача научного анализа волонтерства как социокультурного феномена. В этой связи рассмотрим

основные подходы к анализу волонтерства в российской социогуманитарной науке. Данная проблема анализируется в основном в работах Г.Г. Алексеевой, Н.И. Горловой, Г.Е. Зборовского, Е.А. Луговой, М.В. Певной, О.Н. Яницкого и др.

Проблема волонтерства в последние годы занимает значительное место в теоретических и эмпирических, фундаментальных и прикладных исследованиях российских ученых. Для изучения сущности волонтерства применяются философский, психологический, социологический, системный, институциональный и функциональный научные подходы. Более того, сформировалась самостоятельная отраслевая дисциплина – социология волонтерства, «предмет которой составляет изучение реальных волонтерских практик конкретных социальных общностей, особенностей их потребностей, интересов, ценностных ориентаций, мотивов поведения в связи с добровольческой деятельностью, взаимодействием волонтеров в рамках ее различных способов и видов, в том числе с различными институтами и организациями государства и гражданского общества» [3, с. 11].

Социологический подход рассматривает волонтерство как один из социальных феноменов, как неотъемлемый компонент общественной системы. Система социологических знаний позволяет рассматривать «волонтерство с различных позиций, т.е. анализировать как социальную систему, социальный институт, социальную общность и деятельность» [7, с. 175].

Социокультурный подход к изучению волонтерства обоснован Е.А. Луговой в результате анализа места и роли феномена в социокультурном пространстве России. Посредством социокультурного подхода можно рассматривать волонтерство сквозь призму единства в нем культуры и социальности, исследовать феномен волонтерства как важнейший элемент культуры общества, необходимый для укрепления доверия, саморегуляции и самовоспроизводства культурной системы в целом [4].

В социологии, как правило, выделяют три основных подхода к исследованию данного феномена: системный (добровольчество как общественная система), институциональный (добровольчество как социальный институт), деятельностный (добровольчество как специфический вид деятельности). Помимо этого, исследователи обращают внимание на разнообразие научных подходов и называют социетальный, социально-экономический, социокультурный, институциональный и общностный подходы [1, с. 31].

Проанализировав различные подходы к систематизации волонтерства, Н.И. Горлова приходит к выводу: «большинство исследователей классифицируют добровольчество по направлениям видов деятельности: экологическое, культурное, сельскохозяйственное, спортивное волонтерство, реставрационная добровольческая деятельность, инклюзивное, медицинское, строительное волонтерство, добровольчество в области образования, религиозное волонтерство и др.» [2, с. 234].

По мнению других ученых, спектр добровольческих практик представлен по десяти ключевым направлениям: событийное, волонтеры Победы, медицинское, социальное, инклюзивное, культурно-просветительское, корпоративное, экологическое, волонтерство в чрезвычайных ситуациях, «серебряное» волонтерство [6, с. 4-6].

Исходя из этого, подчеркнем, что волонтерство – это широкий круг видов и форм деятельности, включающий как традиционные виды и формы (социальное, культурное, патриотическое, экологическое, медицинское, событийное) взаимопомощи и самопомощи, гражданского участия, которые осуществляются добровольно на благо широкой общественности без расчета на денежное вознаграждение, так и новые виды и формы социального взаимодействия, возникшие под влияние вышеперечисленных глобальных проблем (цифровое (виртуальное),

международное, политическое, военное и др.).

Предметом отдельных исследований являются особенности институционализации молодежного волонтерства. Так, В.В. Овсий, исследуя данную проблему, выделяет факторы, препятствующие становлению молодежного волонтерства, и определяет перспективные направления развития добровольческого движения в современном российском социуме. В рамках данного подхода волонтерство исследуется как институт гражданского общества, функционирующий на основе таких принципов, как целостность и солидарность. По мнению автора, развитие добровольческой деятельности в России зависит от того, каким образом работают институциональные механизмы, транслирующие волонтерскую деятельность как одну из социальных норм [5].

Феномен волонтерства настолько широко распространен в современном обществе, что возникает необходимость его углубленного изучения средствами различных наук, среди которых особое место принадлежит социологии. Социологию волонтерства исследователи определяют как отрасль социологического знания и как специальную социологическую теорию, главной задачей которой является содействие формированию гражданского общества и активизации включенности населения в волонтерские практики.

Социологическая наука, благодаря собственному накопленному аналитическому инструментарию, дает возможность глубоко изучить различные аспекты добровольчества, выявить закономерности, тенденции и противоречия его функционирования как социального института, социальной общности, обеспечить осмысление степени включенности волонтерства в социальную жизнь людей и проектирование его развития в разных социокультурных контекстах.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Алексеева Г.В. Методологические подходы к исследованию волонтерства // Общество: социология, психология, педагогика. 2018. № 8.
2. Горлова Н.И. Становление и развитие института волонтерства в России: история и современность. М.: Ин-т Наследия, 2019.
3. Зборовский Г.Е. Проблема волонтерства в структуре социологического знания // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2017. №. 3.
4. Луговая Е.А. Феномен добровольчества в социокультурном пространстве России. Саратов: СГТУ, 2012.
5. Овсий В.В. Молодежное волонтерство в современной России: особенности становления и перспективные направления развития // Гуманитарий Юга России. 2021. Том 10. № 2.
6. Основы организации и управления добровольческой деятельностью / под общ. ред. О.А. Аникеевой, А.П. Рудницкой, О.В. Решетникова. М.: Издательство РГСУ, 2019.
7. Певная М.В. Дисциплинарные и методологические подходы к исследованию волонтерства // Известия Уральского федерального университета. Серия 1 «Проблемы образования, науки и культуры». 2013. № 2.
8. Распоряжение Правительства РФ от 27.12.2018 № 2950-р «Об утверждении Концепции развития добровольчества (волонтерства) в Российской Федерации до 2025 года». [Текст: электронный] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_314804/ (дата обращения: 15.02.2023).

VOLUNTEERING AS A SUBJECT OF RESEARCH IN RUSSIAN SOCIO-HUMANITARIAN SCIENCE

Leila A. Shadzhe
Graduate student,
Maikop, Russia

The article considers volunteering as a subject of research practices. Philosophical, psychological, sociological, systemic, institutional and functional scientific approaches are used to study the essence of volunteering. The author draws attention to the fact that the systematization of volunteering is in the focus of researchers' attention. It is emphasized that in modern Russian socio-humanitarian science, the problem of volunteering is analyzed in the context of an interdisciplinary approach.

Keywords: volunteering, volunteerism, volunteer activity, volunteer practices, socio-humanitarian science.

References:

1. Alekseeva G.V. Metodologicheskie podhodi k issledovaniyu volonterstva [Methodological approaches to the study of volunteering] // Society: sociology, psychology, pedagogy. 2018. No. 8.
2. Gorlova N.I. Stanovlenie i razvitie instituta volonterstva v Rossii_ istoriya i sovremennost [Formation and development of the Institute of Volunteerism in Russia: history and modernity]. Moscow: Heritage Institute, 2019.
3. Zborovsky G.E. Problema volonterstva v strukture sociologicheskogo znaniya [The problem of volunteerism in the structure of sociological knowledge] // Bulletin of Perm National Research Polytechnic University. Socio-economic sciences. 2017. No. 3.
4. Lugovaya E.A. Fenomen dobrovolchestva v sociokulturnom prostranstve Rossii [The phenomenon of volunteerism in the socio-cultural space of Russia]. Saratov: SSTU, 2012.
5. Ovsii V.V. Molodejnoe volonterstvo v sovremennoi Rossii_ osobennosti stanovleniya i perspektivnie napravleniya razvitiya [Youth volunteering in modern Russia: features of formation and promising directions of development] // Humanities of the South of Russia. 2021. Volume 10. No. 2.
6. Osnovi organizatsii i upravleniya dobrovolcheskoi deyatel'nosti [Fundamentals of the organization and management of volunteer activity] / under the general editorship of O.A. Anikeeva, A.P. Rudnitskaya, O.V. Reshetnikova. M.: Publishing House of RSSU, 2019.
7. Pevnaya M.V. Disciplinarnie i metodologicheskie podhodi k issledovaniyu volonterstva [Disciplinary and methodological approaches to the study of volunteerism] // Proceedings of the Ural Federal University. Series 1 "Problems of education, science and culture". 2013. № 2.
8. Rasporyajenie Pravitel'stva RF ot 27.12.2018 № 2950_r «Ob utverjdenii Konceptcii razvitiya dobrovolchestva _volonterstva, v Rossiiskoi Federacii do 2025 goda» [Decree of the Government of the Russian Federation dated 27.12.2018 No. 2950-r "On approval of the Concept of development of volunteerism (volunteerism) in the Russian Federation until 2025"]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_314804/ (Accessed: 15.02.2023).

ВОСПРОИЗВОДСТВО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО НЕРАВЕНСТВА В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

*Анна Яковлева, соискатель
Южно-Российский государственный
политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова
Новочеркасск*

Аннотация. Статья посвящена анализу воспроизводства социально-экономического неравенства в условиях постсоветских трансформаций российского общества. Автор отмечает, что процессы, начавшиеся в 90-х гг. XX в. привели к формированию определенной социальной группы обладающей широкими полномочиями по распределению ресурсов в свою пользу на основе реализации модели рентного государства. В результате нарушился принцип социальной справедливости в механизмах распределения доходов между социально-профессиональными группами.

Ключевые слова: социально-экономическое неравенство, постсоветские трансформации, распределение благ, доходы, социальные группы, несправедливость.

Произошедшие в конце XX в. социальные изменения, связанные с переходом от административно-командной системы управления экономикой к рыночной, от авторитарных методов управления к демократическим, привели к серьезным институциональным изменениям в стране. Разрушение прежней советской системы повлекло за собой становление новой институциональной среды, которая оказала существенное влияние на уровень и специфику социально-экономического неравенства в России.

В тоже время представляется, что современная социально-экономическое неравенство, сложившееся в стране, имеет некоторые черты,

которые роднят его с социально-экономическим неравенством, имевшим место в советский период времени, но, безусловно, не по уровню и глубине, а сугубо по механизму распределения доходов в обществе. Поэтому для понимания специфики институциональных трансформаций, связанных с переходом от советской модели общества к постсоветской, необходимо рассмотреть их основные черты, в связи с чем необходимо проанализировать общее и особенное в стратификационной системе советского и постсоветского общества, определяющей природу социально-экономического неравенства.

Уровень социально-экономического неравенства в советском обществе был обусловлен спецификой политических и экономических институтов, которые устанавливали нормы и правила функционирования социума. По мнению ряда исследователей, институциональная система советского общества представляла собой достаточно слаженный организм, основой которого была централизованная система государственного управления и плановая экономика, опирающаяся на общественную собственность на средства производства и на отношения товарищества в рамках которого производство было нацелено на удовлетворение растущих материальных и духовных потребностей каждого советского человека [7].

В советском государстве единственным источником благосостояния граждан объявлялся труд, а распределение благ опиралось на правило «от каждого – по способностям, каждому по труду». Контроль над реализацией этого принципа осуществлялся государством, которое традиционно выступало основным субъектом, определяющим меру соответствия труда и потребления. Идеологической основой такой системы организации жизнедеятельности государства было равенство, сотрудничество и недопустимость социального расслоения общества.

Очевидно, что советское государство проводило достаточно успешную социальную политику и добилось многого в сфере социальной помощи населению, решения жилищной проблемы, оказания образовательных и

медицинских услуг и т.п. Такая система социальной поддержки граждан опиралась на распределительный механизм материальных благ в обществе, причем, как подчеркивают ученые, характер распределения зависел от места социальной группы в социально-профессиональной структуре общества в границе которого доходы и социальное положение граждан определялись партийно-государственным аппаратом [1].

В социальной политике советского государства реализовывался принцип патернализма, который предполагал, что именно власть берет на себя ответственность за экономическое положение населения. С одной стороны, власть проявляла заботу и стремилась удовлетворять материальные и духовные потребности граждан, а с другой стороны, она использовала для этого «жесткое директивное регулирование производства, распределения и обмена социальными благами и услугами» [4, с. 56]. Такая система распределения благ способствовала установлению в обществе принципа эгалитаризма как равенства в потреблении материальных благ и услуг, что содействовало унификации потребительской культуры социума в плане недопущения социального расслоения.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в советский период сложилась определенная система социальных институтов (политических, экономических, идеологических), которая определяла допустимый уровень экономического неравенства, осуществляла контроль за распределением материальных благ в соответствии с положением, занимаемым индивидом в социальной структуре общества, а также легитимировала данный общественный строй, утверждая в массовом сознании ценности коллективизма, равенства, социальной справедливости и пр.

Трансформация советской институциональной среды, начавшаяся в 90-е гг. прошлого столетия, привела к радикальным преобразованиям социально-экономического неравенства. Социальным последствием экономического кризиса 90-х гг. стало обострение проблем занятости и усложнение структуры

безработицы. В состав безработных попали люди, которые не смогли найти ее по объективным причинам: а) в силу профессиональной невостребованности; б) из-за сложностей адаптации к рыночным отношениям; в) по состоянию здоровья и пр., причем в группу безработных попадали люди с достаточно высоким социальным статусом, достигнутым в прошлом, высоким уровнем образования, которые в новых экономических реалиях оказались лишними. В такой ситуации началось усиленное расслоение общества, характеризующееся искаженными формами социального неравенства.

Очевидно, что уровень безработицы выступает одним из важнейших показателей состояния экономики страны. В странах с рыночной экономикой причиной безработицы преимущественно является конкуренция на рынке труда, а также перепроизводство товаров и услуг, свойственное для развитых стран. Процесс перераспределения доходов и ресурсов привел к тому, что подавляющая часть общественного богатства страны сконцентрировалась в руках незначительной группы лиц, оказавшихся в этот период у власти, что привело к появлению крупных монополий в различных отраслях экономики, прежде всего, в рентообразующих. В итоге, как отмечают исследователи, произошло «разделение всех работающих в государственных организациях на две неравные группы: «государственные служащие» и «бюджетники» с разными системами оплаты труда и пенсионного обеспечения, разным объемом льгот, разными условиями компенсации инфляционных потерь и, разумеется, фактически с разными правами и возможностями» [6, с. 134].

Таким образом, формируется «служилое» сословие, доходы которого превышают доходы этой категории работников в СССР, когда страна была более крупной и развитой. Кроме того, в постсоветский период доходы этой социально-профессиональной группы регулярно индексируются, причем в объеме, значительно превышающем показатели инфляции в стране.

В итоге за годы реформ сложилась огромная дифференциация в социальном положении различных групп российского общества, которая

утвердилась посредством закрепления таких институтов, как амнистия капиталов (право на незаконно полученное имущество); плоская шкала налогообложения; отказ от освобождения от налогов низкооплачиваемых категорий населения; ликвидация налога на наследство.

Очевидно, что социально-экономическое неравенство существует в любом современном обществе, где профессиональный статус человека определяет уровень его материального благосостояния и престижа в соответствии с его значимостью для общества, а высокие доходы выступают в качестве инструмента мотивации людей к значимой работе. В обществе равенства возможностей, свободной конкуренции и лифтов для социальной мобильности такой порядок распределения доходов рассматривается как вполне справедливый.

В настоящее время социально-экономическое неравенство, сложившееся в российском обществе, оценивается большинством населения как несправедливое. Социологи отмечают: несмотря на то, что российские граждане «независимо от уровня их материальной обеспеченности обостренно воспринимают различные типы неравенств, они допускают все же их существование в обществе, но только на легитимных основаниях» [3, с. 26].

Таким образом, россияне ориентированы на справедливую модель общественного устройства, но система социальной организации современной России не отвечает их представлениям о справедливости «в силу нелегитимного распределения в ней частной собственности и доходов» [5, с. 113]. Очевидно, что за годы реформ произошли существенные изменения в восприятии и оценке социально-экономического неравенства в стране. Если в советский период социальное неравенство в обществе позиционировалось как справедливое, то сегодняшнее социально-экономическое неравенство, возникшее в процессе постсоветских институциональных трансформаций, расценивается населением как несправедливое.

В результате постсоветских институциональных трансформаций, связанных с развитием рыночных отношений, осуществлением реформы собственности, формируется социальное расслоение, опирающееся на гипертрофированные формы социального неравенства, в основе появления которых лежат не личные достижения человека и результаты его труда, а перераспределение общественной собственности в пользу небольшой группы лиц, сосредоточивших в своих руках как политическую, так и экономическую власть в государстве.

Таким образом, представители данной социальной группы, оказавшись в привилегированном положении, обладают широкими полномочиями по распределению ресурсов в свою пользу на основе реализации модели рентного государства, поэтому социально-экономическое неравенство в современной России является не результатом недостатка ресурсов в обществе, а исключительно результатом институциональных дефектов в их распределении. Это дает основание утверждать, что именно деформация распределительных отношений порождает избыточный уровень социально-экономического неравенства в стране.

По мнению специалистов, важнейшей причиной «формирования чрезмерного экономического неравенства в российском обществе является нарушение пропорций в оплате труда между видами занятости, по уровню квалификации на предприятиях разных форм собственности. Необоснованно высокая дифференциация оплаты труда не соответствует степени продуктивности и профессионально-квалификационным характеристикам трудовой деятельности (сложность, качество, условия, интенсивность труда)» [2, с. 97].

Следовательно, можно говорить о том, что социально-экономическое неравенство в стране является следствием воспроизводства таких процессов, как централизация и авторитаризм политической власти, формирование сословной социальной структуры, нарушение принципа социальной справедливости в

механизмах распределения доходов между социально-профессиональными группами, отсутствие институтов гражданского общества, способных осуществлять контроль за деятельностью политических институтов в стране.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Вашук А.С. Социальная политика в СССР и ее реализация на Дальнем Востоке (середина 40–80-х гг. XX в.). Владивосток: Дальнаука, 1998. 211 с.
2. Воейков М., Анисимова Г. Социальный контекст экономического неравенства в России // Общество и экономика. 2017. №10. С. 95-117.
3. Горшков М.К. Общественные неравенства как объект социологического анализа // Социологические исследования. 2014. №7. С. 20-31.
4. Егоров Г.В. Социальная политика в СССР в период с 1980–1991 гг. // Новое слово в науке и практике: гипотезы и апробация результатов исследований. Новосибирск. 2015. №17. С. 55-60.
5. Мареева С.В. Справедливость и неравенство в общественном сознании россиян // Журнал институциональных исследований. 2015. Т. 7. № 2. С. 109-119.
6. Овсиенко Ю.В. Россия и СССР: институциональная динамика и поляризация доходов населения // Экономика и математические методы. 2007. Т. 43. №3. С. 133-140.
7. Янчук В.А. Экономическая система и социальная политика в СССР: характеристика, проблемы, полезный опыт для Белоруссии // Право. Экономика. Психология. 2018. №2 (10). С. 41-48.

REPRODUCTION OF SOCIO-ECONOMIC INEQUALITY IN THE CONDITIONS OF MODERN RUSSIAN SOCIETY

Yakovleva Anna Sergeevna,

Applicant of the Department of Social Sciences and Humanities,
South Russian State Polytechnic University (NPI) named after M.I. Platov,
Novocherkassk, Russia

Annotation. The article is devoted to the analysis of the reproduction of socio-economic inequality in the conditions of post-Soviet transformations of Russian society. The author notes that the processes that began in the 90s of the XX century led to the formation of a certain social group with broad powers to allocate resources in its favor based on the implementation of the rental state model. As a result, the principle of social justice in the mechanisms of income distribution between socio-professional groups was violated.

Keywords: socio-economic inequality, post-Soviet transformations, distribution of benefits, income, social groups, injustice.

References:

1. Vashchuk A. S. Social policy in the USSR and its implementation in the Far East (mid-40-80's of the twentieth century). Vladivostok: Dalnauka, 1998. 211 p.
2. Voeykov M., Anisimova G. The social context of economic inequality in Russia // *Society and Economics*. 2017. №. 10. pp. 95-117.
3. Gorshkov M. K. Social inequalities as an object of sociological analysis // *Sociological research*. 2014. №. 7. pp. 20-31.
4. Egorov G. V. Social policy in the USSR in the period from 1980-1991. // *New word in science and practice: hypotheses and approbation of research results*. Novosibirsk. 2015. №. 17. pp. 55-60.
5. Mareeva S. V. Justice and inequality in the public consciousness of Russians // *Journal of Institutional Research*. 2015. Vol. 7. №. 2. pp. 109-119.
6. Ovsienko Yu. V. Russia and the USSR: institutional dynamics and polarization of income of the population // *Economics and mathematical methods*. 2007. Vol. 43. No. 3. pp. 133-140.
7. Yanchuk V. A. Economic system and social policy in the USSR: characteristics, problems, useful experience for Belarus // *Pravo. Economy. Psychology*. 2018. №.2 (10). pp. 41-48.

СПИСОК АВТОРОВ

Аксенова Ольга Владимировна – доктор социологических наук, доцент, руководитель Центра изучения регионов России Института социологии ФНИСЦ РАН (Москва)

Алагоз Алиса Владимировна – старший преподаватель Кузбасской государственной сельскохозяйственной академии (Кемерово)

Алкесов Руслан Темботович – аспирант кафедры философии и социологии АГУ (Майкоп)

Аутлев Аскер Асланович – аспирант кафедры философии и социологии АГУ (Майкоп)

Афамготов Эдуард Магометович – старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права, конституционного строительства и политологии АГУ (Майкоп)

Барсукова Татьяна Ивановна – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии СКФУ (Ставрополь)

Басаев Аслан Георгиевич – аспирант кафедры философии и социологии АГУ (Майкоп)

Батмитова Русета Рустемовна – аспирант кафедры философии и социологии АГУ (Майкоп)

Беликов Александр Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, конституционного строительства и политологии АГУ (Майкоп)

Березнев Алексей Владимирович – старший преподаватель кафедры физической подготовки Воронежского института МВД России (Воронеж)

Беспалова Анна Александровна – кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры теоретической социологии и методологии региональных исследований ИСиР ЮФУ (Ростов-на-Дону)

Васильева Дарья Александровна – студент ЯГУ им. П.Г. Демидова (Ярославль)

Верещагина Анна Владимировна – доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры теоретической социологии и методологии региональных исследований ИСиР ЮФУ (Ростов-на-Дону)

Воденко Константин Викторович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социальных и гуманитарных наук ЮРГПУ (НПИ) им. М.И. Платова (Новочеркасск)

Гаврилов Павел Сергеевич – аспирант ИСиР ЮФУ (Ростов-на-Дону)

Мадина Гандабоева – аспирант Кубанского государственного университета (Краснодар).

Гайдарева Инна Николаевна – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права, конституционного строительства и политологии АГУ (Майкоп)

Гвашева Бэлла Заурбиевна – аспирант кафедры философии и социологии АГУ (Майкоп)

Герасимов Алексей Вячеславович – старший преподаватель кафедры социологии и организации работы с молодежью Института истории, международных отношений и социально-политических наук ЛГПУ (Луганск)

Городецкая Елена Сергеевна – кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник Крымского филиала ФНИСЦ РАН (Симферополь)

Гринченко Елизавета Александровна – магистрант ИСиР ЮФУ (Ростов-на-Дону)

Гриценко Мария Владимировна – студентка ГАУГН (Москва)

Гуцалов Александр Анатольевич – кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник – руководитель Отдела комплексных проблем изучения культуры Южного филиала Российского института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева (Краснодар)

Гучетль Зухра Хачмафовна – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник отдела философии и социологии АРИГИ (Майкоп)

Дагаев Ислам Азизович – аспирант кафедры философии и социологии АГУ (Майкоп)

Даурова Аида Махмудовна – аспирант кафедры философии и социологии АГУ (Майкоп)

Демиденко Анна Сергеевна – преподаватель кафедры регионалистики и евразийских исследований ИСиР ЮФУ (Ростов-на-Дону)

Демонova Ярославна Олеговна – кандидат социологических наук, ассистент кафедры философии и социологии АГУ (Майкоп)

Денисова Галина Сергеевна – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории XX-XXI вв. ЮФУ (Ростов-на-Дону)

Денищенко Мария Евгеньевна – ведущий специалист отдела расчетов и экономического анализа ЮФУ (Ростов-на-Дону)

Дзыбова Саида Гиссовна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права, конституционного строительства и политологии АГУ (Майкоп)

Донцова Мария Владимировна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии КубГУ (Краснодар)

Дуйшоев Эмилбек Каримович – соискатель кафедры «Социальные и гуманитарные науки», Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова (Новочеркасск)

Дятлов Александр Викторович – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической социологии и регионального управления ЮФУ (Ростов-на-Дону)

Епифанова Елена Николаевна – студентка ГАУГН (Москва)

Ешев Марат Альбекович – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права, конституционного строительства и политологии АГУ (Майкоп)

Жаде Джемре Хасан-Эрджановна – доктор философии, научный сотрудник Центра социально-экономических исследований Абхазии (Сухум)

Жаде Зуриет Анзауровна – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, конституционного строительства и политологии АГУ (Майкоп)

Зайцева Анастасия Андреевна – кандидат социологических наук, научный сотрудник ИСПИ ФНИСЦ РАН, старший преподаватель кафедры прикладной социологии РГГУ (Москва)

Залевская Анна Александровна – аспирант Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) имени М.И. Платова (Новочеркасск)

Захарова Вера Александровна – кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Крымского филиала РГУП (Симферополь)

Звонок Александр Анатольевич – кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры социальной работы и социальной педагогики ЛГПУ (Луганск)

Зинченко Яна Игоревна – студент Ростовского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России) (Ростов-на-Дону)

Зорин Александр Львович – доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела изучения культурного наследия и экспертной деятельности Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева

Зубок Юлия Альбертовна – доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Института социологии ФНИСЦ РАН, руководитель Центра социологии молодежи ИСПИ ФНИСЦ РАН (Москва)

Иванченко Ольга Сергеевна – кандидат социологических наук, доцент ЮРГПУ (НПИ) им. М.И. Платова (Новочеркасск)

Ильинова Надежда Александровна – доктор философских наук, доцент, директор департамента образовательной политики АГУ, заведующая кафедрой философии и социологии (Майкоп)

Имгрунт Светлана Ивановна – доктор философских наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, конституционного строительства и политологии АГУ (Майкоп)

Исматуллаев Амир Хондамирович – аспирант, Северо-Кавказский федеральный университет (Ставрополь)

Капанян Нина Николаевна – старший преподаватель ЮРГПУ (НПИ) им. М.И. Платова (Новочеркасск)

Каспаров Аскер Робертович – кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры специальных дисциплин Краснодарского университета МВД России (Краснодар)

Киреева Ирина Владимировна – кандидат социологических наук, доцент кафедры философии и социологии АГУ (Майкоп)

Кири́н Данил Александрович – социолог лаборатории социологической диагностики АГУ (Майкоп)

Коблева Зурет Халидовна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры философии, социологии и педагогики МГТУ (Майкоп)

Коженко Яна Васильевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Ростовского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России) (Ростов-на-Дону)

Колевайко Юрий Андреевич – аспирант кафедры философии и социологии АГУ (Майкоп)

Колесникова Елена Юрьевна – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры теоретической социологии и методологии региональных исследований ИСиР ЮФУ (Ростов-на-Дону)

Колозов Даниил Павлович – магистрант КубГУ (Краснодар)

Кольба Алексей Иванович – доктор политических наук, доцент, профессор кафедры государственной политики и государственного управления КУБГУ (Краснодар)

Комиссаров Сергей Николаевич – доктор философских наук, профессор, завсектором социокультурных и медиакоммуникаций Института социологии ФНИС РАН

Копылов Илья Сергеевич – магистрант ГАУГН (Москва)

Кочкин Антон Андреевич – преподаватель кафедры конституционного и административного права Краснодарского университета МВД России (Краснодар)

Кубякин Евгений Олегович – доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры теории и методологии государственного управления Академии управления МВД России (Москва)

Куваева Саида Аскеровна – кандидат социологических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, конституционного строительства и политологии АГУ (Майкоп)

Кueva Элла Мухамедовна – старший преподаватель кафедры морфологии МГТУ (Майкоп)

Кузьменко Нелли Павловна – магистрант КубГУ (Краснодар)

Куква Елена Сергеевна – кандидат социологических наук, доцент, директор департамента исследовательских инициатив АГУ, доцент кафедры философии и социологии (Майкоп)

Кумпилов Тагир Маратович – кандидат социологических наук, начальник отдела мониторинга социальных медиа пресс-службы Главы Республики Адыгея (Майкоп)

Кускарова Ольга Александровна – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник отдела философии и социологии АРИГИ (Майкоп)

Лацвеева Александра Владимировна – ассистент кафедры «Социальные и гуманитарные науки» ЮРГПУ (НПИ) им. М.И. Платова (Новочеркасск)

Лихолетова Надежда Владимировна – кандидат экономических наук, доцент, доцент Донского государственного аграрного университета (Ростов-на-Дону)

Лобовикова Елена Александровна – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии и организации работы с молодежью ЛГПУ (Луганск)

Лозовая Ольга Романовна – магистрант ИСиР ЮФУ (Ростов-на-Дону)

Лопатин Артем Александрович – аспирант кафедры философии и социологии АГУ, заместитель руководителя учебно-методического центра Образовательного Фонда «Талант и успех» (Образовательный центр «Сириус») (Сочи)

Ляушева Светлана Аслановна – доктор философских наук, профессор, руководитель лаборатории социологической диагностики, профессор кафедры философии и социологии АГУ (Майкоп)

Магомедов Магомед Гасанханович – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры «Маркетинг и инженерная экономика», проректор по социальным вопросам ДГТУ (Ростов-на-Дону)

Малышева Елена Михайловна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры Отечественной истории, историографии, теории и методологии истории АГУ (Майкоп)

Мамаладзе Лана Георгиевна – аспирант ИСиР ЮФУ (Ростов-на-Дону)

Мамишева Зара Аскарбиевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права, конституционного строительства и политологии АГУ (Майкоп)

Марков Петр Николаевич – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права, конституционного строительства и политологии АГУ (Майкоп)

Масеев Станислав Викторович – кандидат социологических наук, докторант кафедры философии и социологии АГУ (Майкоп)

Матвеева Елена Викторовна – доктор политических наук, доцент, профессор Кузбасской государственной сельскохозяйственной академии (Кемерово)

Мельгош Марианна Аслановна – лаборант лаборатории социологической диагностики АГУ (Майкоп)

Мирошниченко Инна Валерьевна – доктор политических наук, доцент, заведующий кафедрой государственной политики и государственного управления КубГУ (Краснодар)

Митин Александр Александрович – кандидат политических наук, доцент, доцент Кемеровского государственного университета (Кемерово)

Мурасов Серафим Христианович – студент ГАУГН (Москва)

Мусхаджиев Саид-Хасан Хамзатович – кандидат исторических наук, доцент, руководитель Центра народной дипломатии и межкультурных коммуникаций МГТУ (Майкоп)

Нагорокова Залина Ауэсовна – соискатель кафедры философии и социологии АГУ (Майкоп)

Нехай Вячеслав Нурбиевич – доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры философии и социологии АГУ (Майкоп)

Олейниченко Нина Яковлевна – соискатель кафедры философии и социологии АГУ (Майкоп)

Орфаниди Эльвира Викторовна – соискатель кафедры государственной политики и государственного управления КубГУ (Краснодар)

Пантелеев Вадим Геннадьевич – младший научный сотрудник Южно-Российского филиала ФНИСЦ РАН (Ростов-на-Дону)

Пачин Алексей Владиславович – студент, Северо-Кавказский федеральный университет (Ставрополь)

Петрова Людмила Олеговна – аспирант кафедры философии и социологии АГУ (Майкоп)

Петросян Давид Сергеевич – аспирант СКФУ (Ставрополь)

Пилипенко Анастасия Эдуардовна – кандидат социологических наук, преподаватель кафедры прикладной конфликтологии и медиации ИСиР ЮФУ (Ростов-на-Дону)

Планидин Евгений Сергеевич – аспирант ИСиР ЮФУ (Ростов-на-Дону)

Полякова Екатерина Андреевна – студентка ЮФУ (Ростов-на-Дону)

Попов Евгений Сергеевич – ассистент кафедры «Социальные и гуманитарные науки» ЮРГПУ (НПИ) им. М.И. Платова (Новочеркасск)

Посисеев Александр Николаевич – магистрант КубГУ (Краснодар)

Репин Денис Вячеславович – студент ЮФУ (Ростов-на-Дону)

Рожков Александр Юрьевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии КубГУ (Краснодар)

Розова Дарья Александровна – студентка КубГУ (Краснодар)

Рунаев Тимофей Александрович – кандидат социологических наук, преподаватель кафедры социологии КубГУ (Краснодар)

Савина Светлана Викторовна – кандидат социологических наук, доцент кафедры правовых, психолого-педагогических и экономических дисциплин филиала АГУ (Белореченск)

Сакович Денис Юрьевич – аспирант ИСиР ЮФУ (Ростов-на-Дону)

Семененко Даниил Сергеевич – магистрант ИСиР ЮФУ (Ростов-на-Дону)

Сердюк Елена Григорьевна – кандидат социологических наук, начальник кафедры «Гуманитарные дисциплины» Государственного морского университета им. адмирала Ф.Ф. Ушакова (Новороссийск)

Сидоров Юрий Иванович – студент ИСиР ЮФУ (Ростов-на-Дону)

Снежко Галина Евгеньевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры «Общей и клинической психологии» РостГМУ (Ростов-на-Дону)

Соболев Иван Александрович – студент ГАУГН (Москва)

Соколова Алла Николаевна – доктор искусствоведения, профессор, профессор кафедры теории, истории музыки и методики музыкального воспитания АГУ (Майкоп)

Соколова Нина Оганесовна – аспирант ИСиР ЮФУ (Ростов-на-Дону)

Сотников Евгений Константинович – аспирант кафедры философии и социологии АГУ (Майкоп)

Студеникина Елена Станиславовна – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии КубГУ (Краснодар)

Сыч Виталий Вадимович – ассистент кафедры «Социальные и гуманитарные науки» ЮРГПУ (НПИ) им. М.И. Платова (Новочеркасск)

Тазова Бэлла Азаматовна – аспирант кафедры философии и социологии АГУ (Майкоп)

Тер-Вартанян Яна Георгиевна – студент КубГУ (Краснодар)

Терешкина Татьяна Александровна – аспирант СКФУ (Ставрополь)

Тимченко Владимир Андреевич – студент КубГУ (Краснодар)

Тихоновская Мария Петровна – ассистент кафедры «Социальные и гуманитарные науки» ЮРГПУ (НПИ) им. М.И. Платова (Новочеркасск)

Тлий Азамат Асланович – преподаватель кафедры уголовного и административного права МГТУ (Майкоп)

Третьякова Елена Юрьевна – доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Южного филиала Института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва

Турова Анна Сергеевна – магистрант ИСиР ЮФУ (Ростов-на-Дону)

Тутин Сергей Михайлович – магистрант ИСиР ЮФУ (Ростов-на-Дону)

Тхаркахо Марина Меджидовна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права, конституционного строительства и политологии АГУ (Майкоп)

Тюнь Андрей Петрович – кандидат социологических наук, доцент Ейского филиала РГГУ (РИНХ) (Ейск)

Уджуху Дана Муратовна – аспирант кафедры русского языка и методики преподавания АГУ (Майкоп)

Удычак Фатима Нурбиевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права, конституционного строительства и политологии АГУ (Майкоп)

Узунов Владимир Владимирович – доктор политических наук, доцент, директор Крымского филиала ФНИСЦ РАН (Симферополь)

Усова Л.В. – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии КубГУ (Краснодар)

Утямышев Ильдар Рустамович – доктор технических наук, профессор, вице-президент РАЕН (Москва)

Федоренко Константин Альбертович – аспирант кафедры государственной политики и государственного управления КубГУ (Краснодар)

Федорович Софья Вадимовна – магистрант ИСиР ЮФУ (Ростов-на-Дону)

Хагуров Темыр Айтчевич – доктор социологических наук, профессор, первый проректор КубГУ (Краснодар)

Хаджебиекова Бэлла Муратовна – аспирант кафедры философии и социологии АГУ (Майкоп)

Ханаху Руслан Асхадович – доктор философских наук, профессор, заведующий отделом философии и социологии АРИГИ (Майкоп)

Хасанова Сульета Гидовна – аспирант кафедры философии и социологии АГУ (Майкоп)

Хачатурова Оксана Сергеевна – студент КубГУ (Краснодар)

Хачецуков Заур Махмудович – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социологии АГУ (Майкоп)

Хромых Кристина Сергеевна – студентка КубГУ (Краснодар)

Чагин Владимир Сергеевич – преподаватель Краснодарского университета МВД России (Краснодар)

Чадаева Залина Темирлановна – соискатель кафедры государственной политики и государственного управления КубГУ (Краснодар)

Чантурия Кристина Паатаевна – старший преподаватель кафедры «Бухгалтерский учет, анализ и аудит» ДГТУ (Ростов-на-Дону)

Чеботарева Ирина Юрьевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры правовых, психолого-педагогических и экономических дисциплин филиала АГУ (Белореченск)

Черевкова Алена Игоревна – аспирант ИСиР ЮФУ (Ростов-на-Дону)

Черникова Галина Владимировна – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры социологии и политологии ВГУ (Воронеж)

Чернобровкина Наталья Игоревна – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры экономической социологии и регионального управления Институт социологии и регионоведения, Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону)

Чигрина Елена Викторовна – кандидат социологических наук, доцент, научный сотрудник Крымского филиала ФНИСЦ РАН (Симферополь)

Чирков Филипп Викторович – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, конституционного строительства и политологии АГУ (Майкоп)

Чучуев Евгений Александрович – магистрант ЮФУ (Ростов-на-Дону)

Шадже Азамат Мухамчериевич – доктор юридических наук, профессор, директор Института права АГУ (Майкоп)

Шадже Амир Азаматович – магистрант АГУ (Майкоп)

Шадже Асиет Юсуфовна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и социологии АГУ (Майкоп)

Шадже Лейла Азаматовна – аспирант АГУ (Майкоп)

Шаов Асфар Аскерович – доктор философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела философии и социологии АРИГИ (Майкоп)

Шаов Ибрагим Капланович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права, конституционного строительства и политологии АГУ (Майкоп)

Шаповаленко Александр Николаевич – кандидат социологических наук, специалист лаборатории социологической диагностики АГУ (Майкоп)

Шевченко Ольга Павловна – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры «Менеджмент и маркетинг» КубГАУ им. И.Т. Трубилина (Краснодар)

Шефель Сергей Викторович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин Крымского филиала РГУП (Симферополь)

Яковлева Анна Сергеевна – соискатель кафедры «Социальные и гуманитарные науки», Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова (Новочеркасск).